

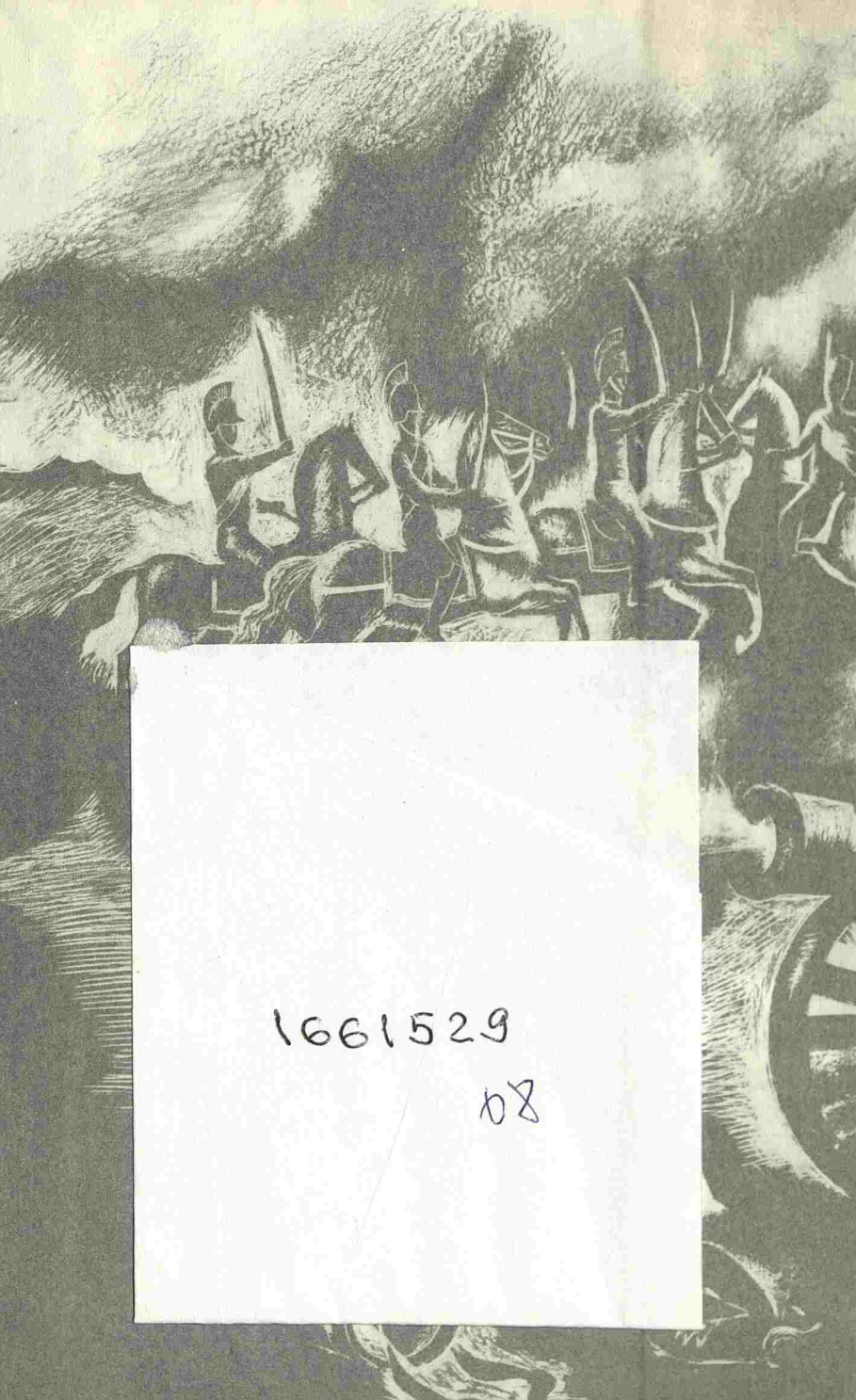
1661529

63.3(2)472-411
584

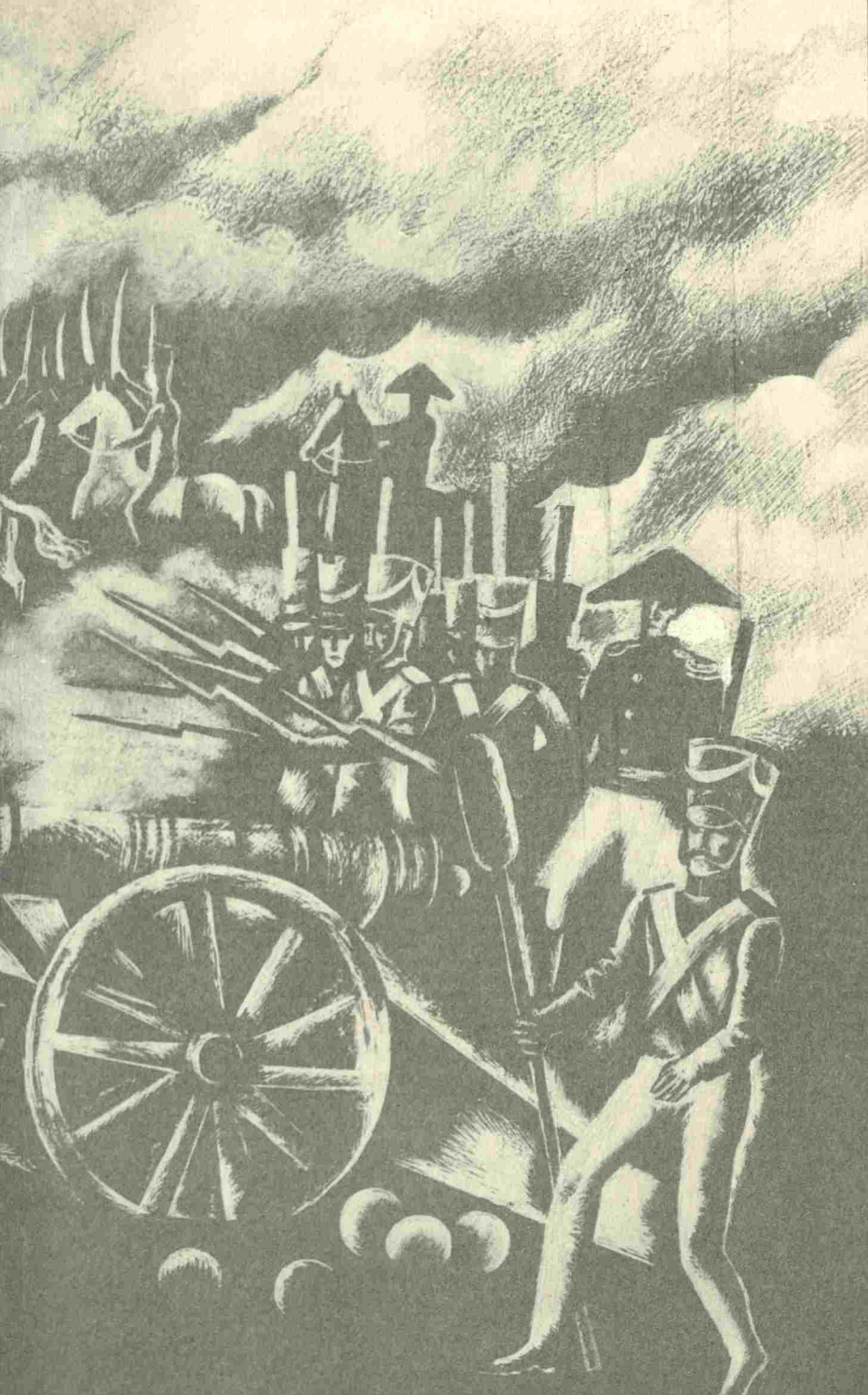

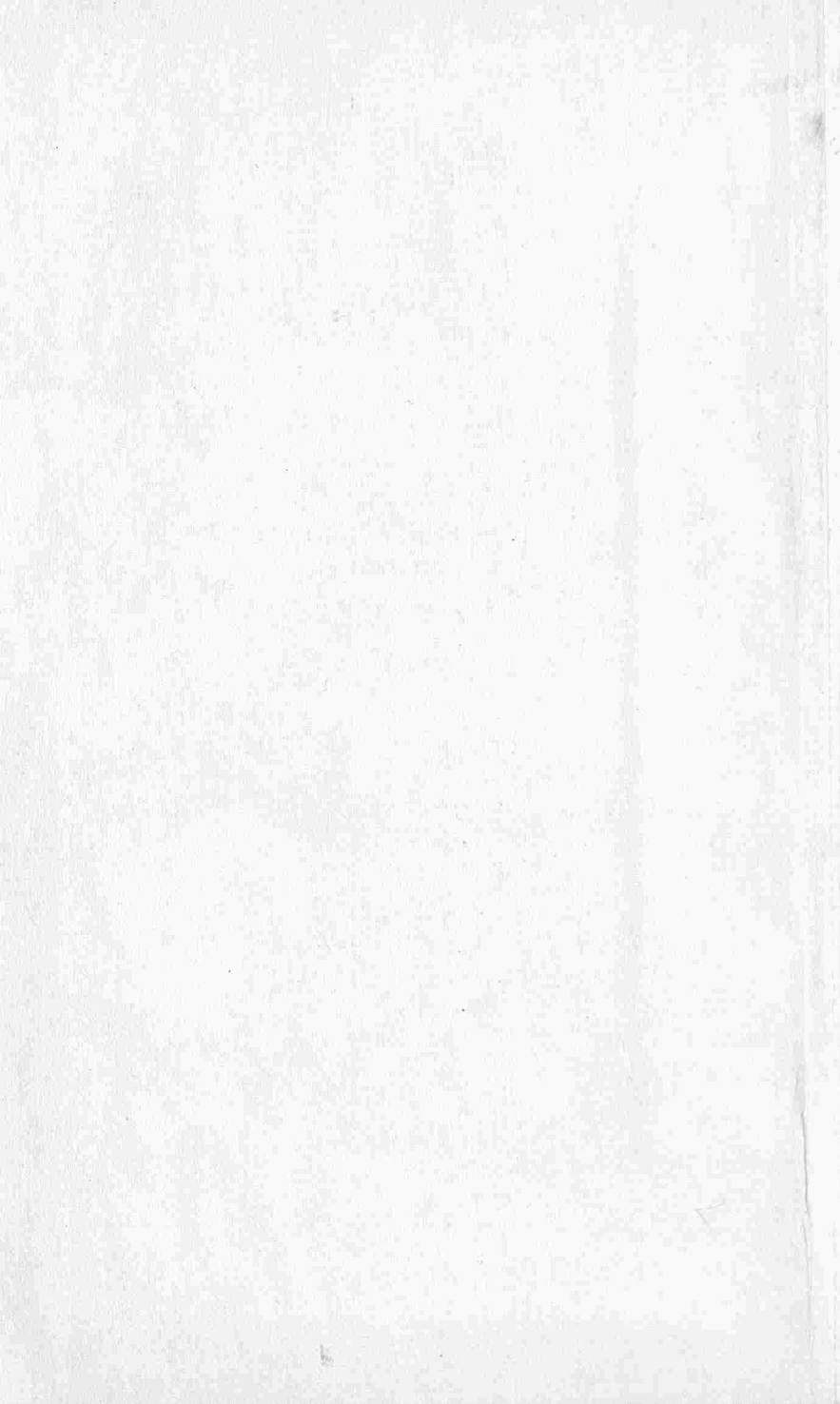
A. L. D.

1661529

08

СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»

Документы
и материалы

DM

ALLEN
THORNTON.
1843

W. H. H. H.
MAY 1843

А. Ф. БРИГЕН

ПИСЬМА ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

-1661529-

Государственное учреждение культуры
Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека
им. П.И. Мельникова-Сибирского

Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство
1986

Издание подготовлено

О. С. ТАЛЬСКОЙ

Ответственный редактор
С. Ф. КОВАЛЬ

Рецензент А. П. УМАНСКИЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Главный редактор
чл.-кор. АН СССР И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Ю. И. Бурькин, С. В. Житомирская (зам. главного редактора), Б. И. Каптелов, С. Ф. Коваль (зам. главного редактора), М. Д. Сергеев (отв. секретарь), Р. В. Филиппов, В. П. Шахеров, Н. Я. Эйдельман

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ БРИГЕН

Декабрь 1825 г. разделил жизнь Александра Федоровича Бригена на две равные части, изученность которых неравномерна. Как и у большинства декабристов, не оставивших воспоминаний, досибирский период жизни А. Ф. Бригена почти не обеспечен прямыми источниками.

Первые биографические сведения об А. Ф. Бригене, появившиеся в печати, содержались в некрологе (Санкт-Петербургские ведомости, 1859, № 172), в котором по цензурным условиям его декабристское прошлое было опущено. Но еще за 12 лет до этого имя А. Ф. Бригена прозвучало в книге Н. И. Тургенева «Россия и русские»¹. Написав книгу с целью самооправдания, Н. И. Тургенев пытается заодно «оправдать» и своего друга, сознательно искажая правду и необоснованно утверждая, что Бриген еще меньше его самого «верит <...> в тайные общества, чувствуя к ним даже какое-то отвращение и говоря о них не иначе как в пренебрежительном тоне»². В 1861 г. имя А. Ф. Бригена появляется в Вольной русской печати А. И. Герцена и Н. П. Огарева в публикации Н. И. Греча «Из записок одного декабриста»³, в которой Бриген представлен «невинной жерт-

¹ Книга вышла в 1847 г. на французском языке в трех изданиях: в Париже, Брюсселе и Гааге. В этом же году опубликован и немецкий перевод книги. Первый русский перевод вышел в Москве в 1907—1908 гг.

² Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1915, с. 248.

³ «Полярная звезда» на 1862 год, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Кн. седьмая, вып. второй. Лондон. Вольная русская

вой дружеских связей». С 1867 г. начинается публикация эпистолярных материалов, адресованных А. Ф. Бригену⁴, а также писем самого декабриста к Е. П. Оболенскому⁵, В. А. Жуковскому⁶, К. Ф. Рылееву⁷, отрывков писем к Н. И. Лореру и А. Е. Розену⁸. С 1870 г. А. Ф. Бриген фигурирует в мемуарах декабристов А. Е. Розена, И. Д. Якушкина, Н. И. Лорера, Н. В. Басаргина, А. П. Беляева, С. П. Трубецкого⁹, «Дневнике» В. К. Кюхельбекера¹⁰, в письмах Н. Р. Цебрикова к Е. П. Оболенскому¹¹. Исключительный интерес представляют воспоминания военного историка А. И. Михайловского-Данилевского¹², единственного мемуариста, ос-

типография, 1861, с. 116—117. С 1868 г. воспоминания Н. И. Греча публиковались и в России: в «Рус. вестнике», 1868, № 6, с. 371—421, отдельным изданием — «Записки о моей жизни». СПб., 1886, с. 356, 432, 433; в советское время они были опубликованы в издании «Akademia», М.; Л., 1930, с. 516—517.

⁴ Письма В. А. Жуковского к А. Ф. Бригену опубликованы в «Рус. архиве», 1867, № 5, с. 843—862; в «Лит. вестнике» напечатаны письма А. Е. Розена (1901, № 4, с. 422—426), М. М. Нарышкина (1901, № 6, с. 136—146), Н. И. Лорера (1901, № 7, с. 232—239), М. А. Назимова (1902, № 2, с. 175—180), С. П. Трубецкого, М. А. Фонвизина, В. И. Штейнгейля (1903, № 6, с. 125—132), А. Г. Кушелева-Безбородко (1903, № 7—8, с. 222—224), Н. И. Тургенева (1904, № 1, с. 36—37), В. И. Туманского (Брайловский С. Новые материалы для биографии В. И. Туманского. — Журнал Министерства просвещения, 1905, № 5, с. 103, а также Туманский В. И. Стихотворения и письма. СПб., 1912, с. 321).

⁵ Рус. старина, 1901, № 2, с. 437—444.

⁶ Там же, 1903, № 10, с. 190—203.

⁷ Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеeva. Киев, 1912. Приложение, с. 97—98.

⁸ Рус. архив, 1874, № 9, с. 705; Рус. старина, 1900, № 1, с. 225—228.

⁹ Розен А. Е. Записки декабриста. Лейпциг, 1870; Третья часть Записок И. Д. Якушкина, в которой упоминается А. Ф. Бриген, опубликована в «Рус. архиве», 1870, № 8—9, с. 1600; Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом. — Рус. архив, 1874, № 2, 9; Записки Н. В. Басаргина. М., 1872; Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и пережитом. — Рус. старина, 1881, т. 30, с. 810; 1882, т. 35, с. 224; отдельным изданием — СПб., 1882; Записки князя С. П. Трубецкого. СПб., 1907, с. 67, 68.

¹⁰ Дневник В. К. Кюхельбекера. — Рус. старина, 1891, № 10, с. 107—110.

¹¹ Рус. старина, 1903, т. 115, с. 67—70.

¹² Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского. — Рус. вестник, 1890, т. 210, № 9, с. 147—148.

тавившего свидетельства о занятиях и интересах А. Ф. Бригена после возвращения из заграничных походов 1814 г.

С 1871 г. появляются публикации официальных материалов, касающихся и А. Ф. Бригена. Так, в много-томной монографии М. И. Богдановича¹³ приводятся выдержки из показаний А. Ф. Бригена; в 1906 г. увидели свет материалы Верховного уголовного суда в издании М. В. Саблина¹⁴; М. М. Зензинов публикует объяснительную записку А. Ф. Бригена генерал-губернатору Западной Сибири П. Д. Горчакову¹⁵.

В конце XIX — начале XX в. публикуются биографические сведения о Бригене в энциклопедических и справочных изданиях¹⁶, очерк о нем в книге А. И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири» (М., 1895; СПб., 1905), о его связях с В. А. Жуковским писал известный историк Н. Ф. Дубровин¹⁷, уделил внимание А. Ф. Бригену в своей обширной монографии В. И. Семеvский¹⁸. Сведения о жизни А. Ф. Бригена в ссылке мы находим в воспоминаниях сибирских авторов¹⁹.

Большая часть публикаций об А. Ф. Бригене касается в основном его жизни в Сибири. Этой же поре посвящены и две специальные статьи литературоведа С. Н. Брай-

¹³ Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1871, т. 6, с. 65, 438.

¹⁴ Декабристы и тайные общества в России. М., 1906, с. 18, 66, 92, 114.

¹⁵ Декабристы. Материалы для характеристики. М., 1907, с. 52—58.

¹⁶ Русский биографический словарь, 1897, т. 2, с. 350—351; Новый энциклопедический словарь издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 8, с. 88, 89.

¹⁷ Дубровин Н. Ф. Василий Андреевич Жуковский и его отношения с декабристами. — Рус. старина, 1902, № 4, с. 45—119.

¹⁸ Семеvский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

¹⁹ Тимирязев В. А. Пионеры просвещения в Западной Сибири. — Ист. вестник, 1896, № 6, с. 970, 973; Голодников К. М. Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане. — Ист. вестник, 1888, № 12, с. 760; Он же. Декабристы в Тобольской губернии. Тюмень, 1899; Он же. Декабристы в Тобольской губернии. — Всемирный вестник, 1908, № 9, с. 19.

ловского²⁰. Основой для этих работ послужили письма из Сибири А. Ф. Бригена к дочери Марии. Помимо этих писем С. Н. Брайловский располагал и другими материалами из архива декабриста, поэтому уместно здесь отметить его заслуги в публикации в «Литературном вестнике» писем А. Е. Розена, М. М. Нарышкина, Н. И. Лорера, М. А. Назимова, С. П. Трубецкого, М. А. Фонвизина, В. И. Штейнгейля, Н. И. Тургенева, А. Г. Кушелева-Безбородко к А. Ф. Бригену, о которых речь шла выше. В дальнейшем этот архив был передан в Пушкинский дом.

Таким образом, еще до Октябрьской революции о А. Ф. Бригене накопился документальный, эпистолярный, мемориальный и даже исследовательский материал. Однако особенностью публикаций дореволюционного времени является то, что из них выхолощено революционное содержание: все напечатанное, вышло ли оно из-под пера Бригена или его корреспондентов, или написанное о нем подобрано так тенденциозно, что невольно возникает вопрос, почему же Бриген при таком образе жизни и образе мыслей 30 лет провел в сибирской ссылке.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции публикации, посвященные А. Ф. Бригену, значительно пополнились. В год столетней годовщины восстания декабристов Б. Л. Модзалевский опубликовал Записку А. Ф. Бригена о происхождении Павла I²¹, которая вызвала большой отклик в советской прессе²². Государственный литературный музей публикует его письма к П. Н. Свистуну и И. И. Пушкину²³, издан ряд писем, адресованных ему²⁴,

²⁰ Декабрист А. Ф. Бриген в роли воспитателя. — Рус. школа, 1902, № 3, с. 67—81; Из жизни одного декабриста. — Рус. старина, 1903, № 3, с. 541—565.

²¹ Происхождение Павла I. Записка одного из декабристов фон Бригена о Павле I. Составлена в Сибири. Сообщение Б. Л. Модзалевского. — Былое, 1925, № 6, с. 3—12. Эта же Записка была издана А. И. Герценом анонимно. — Ист. сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Лондон, 1861, с. 249—264.

²² Правда, 1925, 1 нояб.; Луганская правда, 1925, 4 нояб.; Трудовая правда, 1925, 27 нояб.; Каторга и ссылка, 1925, № 8 (21), с. 294—295.

²³ Декабристы. Летописи Гос. лит. музея. Кн. 3. М., 1938, с. 84—86.

²⁴ Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931, с. 369—371,

опубликовано, наконец, следственное дело А. Ф. Бригена²⁵.

Однако главным достижением советского декабристоведения в отличие от дореволюционных публикаций является то, что деятельность и мировоззрение А. Ф. Бригена стали исследовательской темой. Советские историки заинтересовались его мировоззрением в связи с Запиской о происхождении Павла I²⁶, историческими взглядами²⁷, отношением к самодержавию, его борьбой с произволом местной сибирской администрации, культурно-просветительной деятельностью в Сибири²⁸. Интерес представляет работа Н. А. Лапина «Декабристы в Кургане. К вопросу об общественно-политической деятельности в сибирской ссылке», в которой делается попытка рассмотреть философские воззрения А. Ф. Бригена²⁹. Некоторые страницы жизни А. Ф. Бригена освещены

377—378; Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 261—262; Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 218—219, 321. Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979, т. 1, с. 172—173, 337—338, 339—340, 346—347, 349—350; Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 343—347, 351—354.

²⁵ Восстание декабристов. Документы. М., 1976, т. 14, с. 423—447 (далее: ВД).

²⁶ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973.

²⁷ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958.

²⁸ Лапин Н. А. Декабристы и их связи с крестьянством Тобольской губернии. — В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965, с. 260—277; Тальская О. С. Декабрист А. Ф. Бриген. — В кн.: Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней и высшей школе. Барнаул, 1972, с. 54—71; Она же. Ссылные декабристы против крепостничества и самодержавия. — В кн.: Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974, с. 39—68; Она же. Борьба администрации с влиянием декабристов в Западной Сибири. — В кн.: Ссылка и каторга в Сибири (XVIII—нач. XX в.). Новосибирск, 1975, с. 72—93; Она же. Ссылные декабристы на государственной службе в Сибири. — В кн.: Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII—нач. XX в.). Новосибирск, 1978, с. 231—251; Она же. О переводческой деятельности декабристов в Сибири. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977, с. 80—89; Она же. К истории перевода А. Ф. Бригеном «Записок» Гая Юлия Цезаря. — В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983, вып. 3, с. 58—77; Ретунский В. Ф. Декабристы на государственной службе в Западной Сибири. — В кн.: Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1977, с. 75—92.

²⁹ Ученые записки, посвященные 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662—1962). Курган, 1962, вып. 4, с. 62—66.

в книгах Л. Н. Большакова, П. И. Рощевского и в ряде популярных работ³⁰.

Большим пробелом, однако, остается отсутствие специальных исследований о жизни и деятельности А. Ф. Бригена до 1825 г. Некоторые моменты его революционной деятельности в Союзе благоденствия и Северном обществе содержатся в капитальном труде М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (М., 1955, т. 1—2). Из-за недостатка источников и настоящая вступительная статья не претендует на полное освещение до-сибирского периода жизни А. Ф. Бригена.

Александр Федорович Бриген родился 16 августа 1792 г. в Петербурге. Отец декабриста Фридрих Эрнст фон дер Бриген (1752—1797) происходил из древнего лифляндского дворянского рода, служил камер-юнкером при польском королевском дворе, а в 1784 г. поступил ротмистром в русскую армию, в 1786 г. получил чин секунд-майора, в 1790 г. — премьер-майора. Ф. фон дер Бриген участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 гг. в составе галерного флота, отличился во многих сражениях, в частности, в Выборгском морском бою 22 июня (3 июля) 1790 г. В 1793 г. Ф. фон дер Бриген вышел в отставку, умер в 1797 г., когда сыну еще не было и пяти лет. Мать А. Ф. Бригена — Мария Алексеевна, урожденная Микешина, дочь генерал-майора. Воспитывался Александр Федорович в небогатой семье, его родители не принадлежали к поместному дворянству, не имели крестьян, как впоследствии и сам декабрист, о чем и указывается в формулярном списке: «Из дворян Петербургской губернии, крестьян не имеет»³¹. После смерти Ф. фон дер Бригена семья осталась без средств к существованию, и Павел I в награду за былые заслуги умершего распорядился выделить молодой вдове в аренду имение под Митавой — Петертааль, где, видимо, Алек-

³⁰ Большаков Л. Н. Отечеству драгие имена. Триптих о декабристах на Урале. Челябинск, 1975, кн. 3, с. 72—82; Рошеский П. И. Декабристы в Тобольском изгнании. Свердловск, 1975; Жуков А. И. Декабристы в Кургане. Курган, 1973.

³¹ ВД, т. 14, с. 424. После ареста А. Ф. Бригена малороссийский генерал-губернатор сообщил в военное министерство, что жена арестованного Софья Михайловна Бриген находится у отца своего М. П. Миклашевского «на всем его содержании» (ЦГВИА, ф. 35, оп. 9, д. 106, л. 148).

сандр Федорович и провел детство до помещения его в учебное заведение. Через несколько лет после смерти Ф. фон дер Бригена Мария Алексеевна вышла замуж также за премьер-майора, военного казначея Ивана Вальмана и овдовела вторично, имея на руках четверых малолетних детей от второго брака. Права на аренду Петерталя она, по-видимому, лишилась, и в 1826 г. ее состояние заключалось во владении двумя домами в Петербурге — каменным и деревянным ветхим, и имущественное ее состояние, по справке петербургского генерал-губернатора, посланной в военное министерство, было недостаточным³².

О своем отчине Александр Федорович в известных нам письмах никогда не упоминал, а о матери всегда писал с чувством глубокой любви, превознося ее доброту и «ангельскую душу». По-видимому, именно она оказала большое влияние на его нравственное развитие. Со своими сестрами Вальман и братом Родионом Ивановичем он очень дружил до конца своей жизни, а в их малолетстве до 1826 г. он был, по словам матери, их единственным покровителем³³.

О среде, в которой вращался юный А. Ф. Бриген, сохранилось мало сведений. Известно, что его крестным отцом был Г. Р. Державин, который до самой своей смерти любил и жаловал крестника и всегда говорил, что из него выйдет прок. Бриген был коротко знаком с лицами, посещавшими дом Г. Р. Державина. Среди них — Яков Александрович Дружинин, служивший вместе с Державиным секретарем Екатерины II, в дальнейшем — директор канцелярии министра финансов. С Г. Р. Державиным его роднила и литература, он активно занимался переводами, за что был избран действительным членом Российской академии. Близко знакомы юному Бригену были Густав Андреевич Розенкамф — известный юрист, историк, писатель, Осип Петрович Козодавлев — прогрессивный экономист, министр внутренних дел, проводник протекционистской политики в экономике России, министр финансов Д. А. Гурьев. Среди его знакомых из министерства финансов был и будущий министр Ф. П. Вронченко. Вращаясь в обществе этих лю-

³² ЦГВИА, ф. 35, оп. 9, л. 106, л. 148.

³³ Там же, ф. 36, оп. 4/847, св. 17, л. 135, л. 1.

дей, А. Ф. Бриген проникся интересами не только к литературе, но и к государственным делам.

Круг предполагаемых знакомых юного Бригена можно немало расширить, но, опираясь на достоверные источники, следует назвать еще двух лиц, с которыми общался до войны 1812 г. Александр Федорович. Это будущий военный историк Александр Иванович Михайловский-Данилевский, соученик А. Ф. Бригена по Петровскому училищу³⁴, служивший с 1811 г. секретарем при Я. А. Дружинине в канцелярии министра финансов, и будущий декабрист, художник граф Федор Петрович Толстой, с которым Александр Федорович был дружен и в последующие годы. Ф. П. Толстой примыкал к окружению Д. А. Гурьева, устроившего его медальером подведомственного Министерству финансов Монетного двора. Довоенное знакомство Бригена и Ф. Толстого подтверждается тем, что в 1810 г. Толстой создал восковой портрет своего друга³⁵.

Образование А. Ф. Бриген получил в Петербургском училище при церкви св. Петра (или иначе Петровском училище) и пансионе Мейера³⁶. Петровское училище было основано в 1764 г. по грамоте Екатерины II, данной прихожанам Санкт-Петербургской церкви св. апостола Петра, и первоначальное его название было «Школа языков, художеств и наук». Само название училища дает представление о его учебном направлении. Кроме А. Ф. Бригена здесь учились будущие декабристы М. А. Фонвизин, А. А. Крюков. Директором этого училища с 1788 по 1818 г. был И. Ф. Вейс, в то время известный русский педагог. Видимо, в педагогические методы И. Ф. Вейса входило и строгое воспитание учащихся. Через много лет, находясь в пелымской ссылке и занимаясь изысканиями о пребывании там же Миниха,

³⁴ Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского, с. 147.

³⁵ Восковой портрет хранится в Русском музее как портрет неизвестного; опубликован в кн.: Кузнецова Э. В. Федор Петрович Толстой. 1783—1873. М., 1977, с. 41, № 15. Атрибутировал портрет Н. А. Брыгин. Идентичность воскового портрета с портретом А. Ф. Бригена работы Н. А. Бестужева доказана специальной экспертизой, проведенной руководителем Одесской областной криминалистической лаборатории П. А. Миколоком при участии эксперта Ю. Н. Кученченко.

³⁶ ВД, т. 14, с. 444.

А. Ф. Бриген вспоминал, что в училище висел портрет Миниха, которого маленькие воспитанники боялись не меньше, чем директора Вейса³⁷.

Пансион Мейера, куда А. Ф. Бриген перешел из Петровского училища, также был довольно популярным учебным заведением. Там в разное время воспитывались и другие декабристы: А. В. Ентальцев, А. А. Крюков, Н. Н. Оржицкий. В своих показаниях Следственному комитету А. Ф. Бриген подчеркивал, что в этом пансионе его наставником был в особенности профессор Раупах³⁸. Профессор Эрнст Вениамин Соломон Раупах, немецкий писатель-драматург, преподавал всеобщую историю (на немецком языке) не только в пансионе Мейера, но и в Главном педагогическом институте и Петербургском университете. Его лекции слушали и другие декабристы — Н. И. Тургенев и А. М. Муравьев. В 1821 г. Раупаха и других прогрессивных университетских педагогов обвинили в том, что их лекции представляют «обдуманную систему неверия и правил зловерных и разрушительных»³⁹. Раупах был уволен из университета и вынужден был вернуться в Германию. Особый интерес в пансионе Мейера А. Ф. Бриген проявил к изучению истории и языков, в том числе классического латинского языка.

На военную службу А. Ф. Бриген поступил 16-летним юношей, начав ее в Измайловском полку 14 декабря 1808 г. в чине подпрапорщика. В это время здесь служил поручиком М. А. Фонвизин. Не однажды в письмах из Сибири А. Ф. Бриген писал, что с Фонвизиным он служил не только в одном полку, но и в одной роте. Можно предположить, что Бриген был одним из членов офицерского общества, которое организовал Фонвизин с целью изучения военных наук⁴⁰. Офицерское общество М. А. Фонвизина существовало еще и в 1811 г.⁴¹ Участие в нем А. А. Вельяминова и П. А. Рахманова, издателей «Военного журнала», выходившего в 1809—1811 гг.,

³⁷ Письмо 32.

³⁸ ВД, т. 14, с. 444.

³⁹ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. 1, с. 312.

⁴⁰ Муромцев М. М. Воспоминания. — Рус. архив, 1890, № 1, с. 70.

⁴¹ Там же, с. 80.

М. А. ФОНВИЗИН
Художник А. Г. Венецианов. 1812 г.

дает основание считать, что члены офицерского общества сотрудничали в этом журнале. Это было прогрессивное издание, в котором публиковались документальные материалы и описания сражений, освещались военные взгляды выдающихся русских полководцев XVIII в., пропагандировалось передовое русское искусство, что было смелым шагом для того времени, так как Александр I был как раз сторонником прусской военной системы⁴².

⁴² Подробней о журнале см.: Прокофьев Е. А. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953, с. 50—51. Военная энциклопедия. СПб., 1912, т. 6, с. 584—585.

К сожалению, нет свидетельств об участии в этом журнале Бригена в качестве автора, но можно с уверенностью сказать, что он был его внимательным читателем. Многие проповедовавшиеся там идеи, в том числе взгляды на отношение к солдатам, были ему близки.

Вся военная карьера А. Ф. Бригена связана с Измайловским полком: в 1809 г. он — портупей-прапорщик, в 1811 г. — прапорщик, а в апреле 1812 г., накануне Отечественной войны, уже в походе на Вильно произведен в подпоручики⁴³.

Измайловский полк выступил на Вильно 7 марта 1812 г., и вместе с ним А. Ф. Бриген прошел почти все дороги Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг.

Чрезвычайный интерес представляет письмо Бригена из Невеля от 5 июля 1812 г., в котором он со знанием дела описывает положение в русской армии. Письмо проникнуто глубоким патриотическим чувством, большой уверенностью в силе русского солдата. Это единственный известный нам документ времени Отечественной войны, написанный самим декабристом. Поэтому, чтобы воссоздать страничку жизни А. Ф. Бригена этого периода, обстановку, в которой он находился, следует обратиться прежде всего к боевому пути Измайловского полка.

Измайловский полк, в котором служил А. Ф. Бриген, входил в состав пехотной гвардейской дивизии 5-го (Гвардейского) корпуса I Западной армии. Гвардейской дивизией командовал до 1 июля 1812 г. А. П. Ермолов, затем генерал-лейтенант Н. И. Лавров. Вместе с I Западной армией Измайловский полк совершил отступательный маневр от Дриссы через Витебск, Смоленск, Вязьму и Гжатск до Бородина, где и принял участие в сражении 26 августа 1812 г.⁴⁴

Однако путь от Дриссы до Бородина А. Ф. Бриген проделал отдельно от полка: 5 июля 1812 г., когда полк остановился в местечке Соколищах⁴⁵, Александр Федо-

⁴³ ВД, т. 14, с. 424.

⁴⁴ Висковатов А. В. Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка. 1730—1850. СПб., 1850, с. 168. Авторство определяется по справочнику: Григорович А. Перечень историй и памятков войсковых частей. СПб., 1913, ч. 1, с. 3.

⁴⁵ Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измайловского полка. 1780—1881. СПб., 1882, с. 54.

рович находился в Невеле, где пребывала свита Александра I, т. е. находился при императорской главной квартире в качестве офицера связи. Отсюда такая осведомленность о положении в армии и делах, носивших, несомненно, секретный характер (оставление армии Александром I, пребывание при нем неофициальных иностранных дипломатов). Уже здесь, в Невеле, А. Ф. Бриген понимал последствия отступления армии, которое вело к затяжной войне, и его заботило финансирование армии. После расформирования главной квартиры царя при армии А. Ф. Бриген догнал свой полк и в его рядах участвовал в Бородинском сражении. Подвиг Измайловского полка в этом сражении высоко оценили выдающиеся военачальники. П. П. Коновницын в рапорте М. И. Кутузову сообщал, что пребывавший на левом фланге Измайловский полк непоколебимо выдерживал наисильнейший огонь неприятельской артиллерии, осыпaeмый картечью, он, несмотря на потери, «пребывал в наилучшем устройстве, и все чины, от первого до последнего, один перед другим являли рвение свое умереть прежде, нежели уступить неприятелю. Три большие артиллерийские атаки неприятельских кирасиров и конных гренадеров <...> отражены были с невероятным успехом. Несмотря на то что карен были совсем окружены, неприятель с крайним уроном прогнан огнем и штыками»⁴⁶.

Командующий 6-м корпусом генерал от инфантерии Д. С. Дохтуров докладывал М. И. Кутузову, что Измайловский полк «во все время сражения оказал достойную русских храбрость» и был одним из первых, который «необыкновенным своим мужеством, удерживая стремление неприятеля», поражал «оного повсюду штыками» и, как все войска, дрался «с отчаянной храбростью»⁴⁷.

Особенно отличившиеся солдаты и офицеры Измайловского полка были удостоены наград, и среди них подпоручик А. Ф. Бриген. В Бородинском сражении он был контужен в грудь, а «за отличную храбрость» награж-

⁴⁶ Висковатов А. В. Указ. соч., с. 182.

⁴⁷ Богданович М. История Отечественной войны 1812 года. СПб., 1859, т. 2, с. 578, 581.

ден золотою шпагою с надписью «За храбрость»⁴⁸. Оправившись от контузии, А. Ф. Бриген участвовал 6 октября 1812 г. в экспедиции против французских войск при деревне Инкове, а 13 октября находился на поле сражения при Малоярославце, где русская армия одержала важную стратегическую победу, заставив Наполеона отступить по старой Можайской дороге на Смоленск. Затем участие 5 ноября 1812 г. в бою при Красном, откуда Наполеон, потеряв свои лучшие войска, поспешно начал отступление к Березине. 5 декабря А. Ф. Бриген вместе со своим полком вступил в Вильно, а в первый день нового 1813 г. у Меречи перешел Неман.

Позади остались 10 месяцев военных дорог и боев в России, предстоял такой же нелегкий путь поражений и побед продолжительностью в полтора года в Западной Европе. На этом пути были Польша, Чехия, Германия, Швейцария, Франция. Формулярный список указывает, что А. Ф. Бриген участвовал в боях 20 апреля 1813 г. при Люцене и 9 мая при Бауцене, которые выиграл Наполеон. И здесь, при неблагоприятных условиях, отличился Измайловский полк. 20 апреля поздно вечером, когда союзные войска стали отступать от Люцена, Измайловский полк находился в аррьергарде. Из донесения главнокомандующего генерала Витгенштейна видно, что французы, пользуясь темнотой, обошли с левого фланга Измайловский полк и, подойдя на близкое расстояние, открыли по нему огонь. Но, несмотря на внезапность нападения, полк бросился в штыковую контратаку и принудил врага отступить, тем самым обезопасив отход шедших впереди частей⁴⁹. При отступлении союзной армии из-под Бауцена Измайловский полк был снова направлен в аррьергард для прикрытия артиллерии⁵⁰. Формулярный список не упоминает об участии Бригена в Дрезденском сражении 14—15 (26—27) августа 1813 г., но отмечает, что он находился «в действительном сражении» на следующий день — 16 августа при селении Пирна. Здесь произошло кровопролитное сражение между русской гвардией, прикрывавшей отход союзной армии

⁴⁸ ВД, т. 14, с. 424. Грамота на право ношения этой шпаги была вручена А. Ф. Бригену 29 апреля 1819 г. (ЦГВИА, ф. 2577, оп. 2, д. 218, л. 136).

⁴⁹ Зноско-Боровский Н. Указ. соч., с. 68.

⁵⁰ Там же, с. 69.

от Дрездена в Богемию, и преследовавшими ее наполеоновскими частями под командованием генерала Вандама. Семь часов не выходили измайловцы из боя, «находясь в стрелковой цепи, удерживая важнейший пункт и прикрывая отступление всего отряда, безопасно проходившего под их прикрытием. Измайловский полк «служил щитом пехоте, кавалерии и артиллерии»⁵¹.

Продолжая прикрывать отступающую армию, русская гвардия двигалась по дороге к городу Теплицу у Ноллендорфских высот. Измайловский и Егерский полки, несмотря на сильный артиллерийский огонь врага, удерживали Ноллендорф, дав возможность основным силам спуститься с крутой и извилистой горы к селению Кульм, и сами двинулись туда же. Здесь и произошел знаменитый Кульмский бой, в котором Измайловский полк снова показал чудеса храбрости. Очевидец этого боя адъютант принца Евгения Виртембергского Гольддорф передает момент вступления в бой полка следующими энергичными словами: «Наступление, удар и победа последовали мгновенно. Все поле покрылось неприятельскими трупами, ближайшие французские колонны обратились в бегство, вся линия русских войск подалась вперед»⁵². Подвиг Измайловского полка отметил в своем донесении и Ермолов: «Лейб-гвардии Измайловский полк ударил в штыки. Ни силы неприятеля несоразмерные, ни жестокий огонь не остановили их»⁵³. В этих кровопролитных боях один за другим выбывали старшие командиры, но в рядах измайловцев не произошло замешательства, младшие офицеры во главе небольших подразделений продолжали выполнять свой воинский долг, «все чины от старшего до младшего соревновали друг другу в храбрости»⁵⁴. А. Ф. Бриген особо отличился в составе 1-го батальона полка в сражении под Кульмом, в деревне Пирстен 17 августа 1813 г. Участник этого боя измайловец И. М. Спиридов, написавший впоследствии его историю, заключая рассказ об участии своего полка в сражении 17 августа, пишет: «Вообще

⁵¹ Сп-в (Спиридов И. М.) Лейб-гвардии Измайловский полк в сражениях при Пирне и Кульме 16 и 17 августа 1813 г. — В кн.: Сев. архив, 1825, ч. 17, № 18, с. 147—150.

⁵² Зноско-Боровский Н. Указ. соч., с. 75.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Висковатов А. В. Указ. соч., с. 219—220.

Измайловский полк на всей своей линии остался в сей день победителем и таким образом весьма содействовал воспрепятствованию неприятелю вторгнуться в Богемию. По окончании сего последнего нападения неприятель ни на что более не покушался»⁵⁵.

В Гирнском и Кульмском сражениях Измайловский полк понес большие потери: было убито 53 человека, ранено 442, пропали без вести 56 человек⁵⁶. М. М. Муромцев, адъютант Ермолова, вспоминал, что к концу боя 17 августа в Измайловском полку невредимыми остались всего три офицера⁵⁷.

А. Ф. Бриген получил пулевое ранение в голову. За «отличную храбрость» в этой битве он был награжден двумя орденами: Владимира 4-й степени с бантом и знаком прусского Железного креста. Поправившись после ранения, Бриген вернулся в строй до Лейпцигского сражения, состоявшегося 4—7 (16—19) октября 1813 г., в котором наполеоновская армия была разгромлена. Александр Федорович принимал участие в бою на южных подступах к Лейпцигу, который произошел 4 октября при селении Вахау⁵⁸.

После Лейпцигского сражения союзная армия вошла в Саксонию. Главная квартира союзных монархов обособилась во Франкфурте-на-Майне. Здесь же была расквартирована и гвардия. Пребывание во Франкфурте А. Ф. Бриген помнил всю жизнь. В письме к В. А. Жуковскому 16 августа 1846 г. он писал: «Франкфурт и мне очень знаком. В [1]813 году провел я в нем приятным образом три месяца, живши в доме виртембергского тайного советника Плита, в Бухгассе, рядом с Бетманом, напротив книгопродавца Варрентрапа, который меня снабжал книгами. Во Франкфурте познакомился и подружился я с Н. И. Тургеневым <...>»⁵⁹. Однако о самом Франкфурте у него осталось впечатление как о весьма прозаическом городе, в котором жить бы ему не хотелось. Из приведенных строчек письма устанавливается примерное время знакомства А. Ф. Бри-

⁵⁵ Спиридов И. М. Указ. соч., с. 167.

⁵⁶ Там же, с. 170.

⁵⁷ Муромцев М. М. Воспоминания. — Рус. архив, 1890, № 3, с. 374.

⁵⁸ ВД, т. 14, с. 425.

⁵⁹ Письмо 97.

гена с Н. И. Тургеневым. Это произошло между 25 и 30 ноября 1813 г., когда Н. И. Тургенев, будучи русским комиссаром административного совета союзников Германии, находился во Франкфурте. Познакомил А. Ф. Бригена с Н. И. Тургеневым несомненно его соученик по Петровскому училищу, будущий военный историк А. И. Михайловский-Данилевский, тогда офицер, состоявший в 1813—1814 гг. при начальнике Главного штаба П. М. Волконском. Михайловский-Данилевский был ближайшим другом Н. И. Тургенева, с которым учился вместе в Геттингенском университете, и в zahraniчных походах (с ноября 1813 по июнь 1814 г.) был с ним неразлучен⁶⁰.

Во Франкфурте произошло еще одно памятное для Бригена событие. В конце ноября 1813 г. участникам изгнания наполеоновских войск из России были вручены медали в память войны 1812 г.⁶¹ Такой медалью был награжден и А. Ф. Бриген⁶². Этой наградой он особенно дорожил и по возвращении из ссылки обратился с просьбой к правительству вернуть ему эту медаль⁶³.

После Франкфурта, по свидетельству Н. И. Лорера, тогда офицера лейб-гвардии Литовского полка, гвардия двигалась медленно к Базелю, где она должна была перейти Рейн и выйти к границе Франции⁶⁴. Во время этого продвижения — 7 декабря 1813 г. А. Ф. Бриген был произведен в чин поручика⁶⁵. 20 декабря 1813 г. (1 января 1814 г.) гвардия переходила у Базеля Рейн по мосту. Эта дата отмечена и в формуляре А. Ф. Бригена. Пройдя Базельский мост, союзные войска вступили во Францию.

Измайловский полк, как и вся гвардейская пехота на территории Франции, состоял в резерве. Поэтому, находясь вблизи мест сражений при Шомоне, Бриенне, Фер-Шампенуазе и Париже, непосредственного участия в боях он не принимал.

⁶⁰ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936, с. 126.

⁶¹ Михайловский-Данилевский А. И. Записки о походе 1813 года. СПб., 1836, с. 514.

⁶² ВД, т. 14, с. 424.

⁶³ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 289.

⁶⁴ Лорер Н. И. Из воспоминаний русского офицера. — В кн.: Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 298.

⁶⁵ ВД, т. 14, с. 424.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

Литография Зенфельдера по рисунку М. Антонена.

Не позднее 1821 г. ГИМ

19(31) марта 1814 г. русская гвардия вступила в Париж. Здесь А. Ф. Бриген находился свыше двух месяцев, по истечении которых он вместе с Измайловским полком двинулся через Нормандию в Шербур, где 13 июня полк был посажен на суда, доставившие воинов на родину⁶⁶.

Только в двух известных нам письмах А. Ф. Бриген вскользь упоминает о своем пребывании в Париже, подчеркивая, что жил он там на Отенском шоссе отшельни-

⁶⁶ Висковатов А. В. Указ. соч., с. 241.

ком⁶⁷. Несомненно, что уединение это было вызвано любимым занятием — чтением книг, которые он приобрел в Париже в большом количестве. Но кроме чтения была и служба: парады, караулы, а также общение с интересными людьми. Среди них — Н. И. Тургенев, А. И. Михайловский-Данилевский. В бумагах последнего есть запись, что Н. И. Тургенев «в Париже подружился с молодым офицером фон дер Бриггенем, которому подарил на память гравюру, изображающую казнь Людовика XVI»⁶⁸. Можно предположить, что этот символический подарок был сделан после состоявшегося 29 марта (10 апреля) 1814 г. парада гвардии на площади Людовика XV, на том самом месте, где свершилась казнь Людовика XVI. Бриген был, естественно, участником этого парада, а Н. И. Тургенев — очевидцем его⁶⁹. Таким образом, можно установить, что франкфуртское знакомство А. Ф. Бригена с будущим идеологом декабристов Н. И. Тургеневым перешло в Париже в дружбу, и несомненно, что в Париже они часто общались.

Одним из сильнейших впечатлений, вынесенных А. Ф. Бригеном из длительной войны с наполеоновскими войсками, был высокий патриотизм, ежедневный ратный труд и подвиг русского солдата. Еще в первые дни войны он сообщал своим друзьям в Петербург, что «у нас слава богу <...> есть храбрые солдаты»⁷⁰.

Долгие годы не забывал А. Ф. Бриген героизм и любовь к родине русских солдат в Отечественной войне. В 1817 г. он с восхищением писал о подвиге grenадера своей роты Черкасова, вызвавшегося добровольцем в стрелки против наступавшего неприятеля, который стремился перерезать дорогу русской гвардии, отступавшей от Пирны к Кульму. Получив смертельную рану, солдат не разрешил товарищам вынести себя с поля боя, чтобы не подвергнуть их опасности попасть в плен, и, умирая, отдал свою военную награду для передачи командиру роты, чтобы и она не попала в руки врага⁷¹.

Война сблизила А. Ф. Бригена не только с солдата-

⁶⁷ Письма 184, 217.

⁶⁸ Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 гг. СПб., 1913, т. 2, с. 456.

⁶⁹ Там же, с. 251.

⁷⁰ Письмо 1.

⁷¹ Военный журнал, 1817, № 8, с. 55—56.

ми, но и с передовым офицерством — с людьми, которых судьба родины так же волновала, как и его самого.

В заграничных походах Бриген, как и сотни других офицеров, не мог не сравнивать положение простого народа европейских стран, уже не знавших крепостничества, с «рабским состоянием» русских крестьян. А само пребывание в Париже напоминало, что именно здесь народ впервые сверг революционным путем монархическую власть. Все эти наблюдения накапливались в сознании А. Ф. Бригена, а знакомство и завязавшаяся в Париже дружба с Н. И. Тургеневым, страстным противником крепостного права, сыграли немалую роль в формировании свободомыслия Бригена. В то самое время, когда Н. И. Тургенев подарил на память своему новому другу гравюру с изображением казни Людовика XVI, он записал в своем дневнике: «Русская армия отличалась перед всеми прочими не только храбростью, но и лучшим поведением. Теперь французы в восхищении от наших офицеров. Теперь возвратятся в Россию много таких русских, которые видели, что без рабства может существовать гражданский порядок и могут процветать царства»⁷².

И Бриген был одним из этих русских. А. И. Михайловский-Данилевский впоследствии писал, что в душе Бригена «были уже тогда (речь идет о 1816 г.—О.Т.) вкорены либеральные мысли, занимавшие в то время многих молодых офицеров, возвратившихся из заграничных походов»⁷³.

Из формулярного списка явствует, что Бриген прибыл в Петербург 10 июля 1814 г. Не имея ни писем, ни воспоминаний самого А. Ф. Бригена об этом времени, мы снова вынуждены воссоздавать конкретную обстановку, в которой он находился, по другим источникам. И. Д. Якушкин, также прибывший из Парижа морским путем вместе с первой гвардейской дивизией, вспоминал, что эта дивизия была высажена у Ораниенбаума и служила благодарственный молебен. И первое впечатление, которое гвардейцы получили при вступлении на родную землю, было нещадное избиение полицией собравшихся

⁷² Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 гг., т. 2, с. 253.

⁷³ Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского, с. 147.

здесь простолюдинов, которые хотели приблизиться к вернувшимся из длительного похода воинам⁷⁴.

Вернувшись в Петербург, А. Ф. Бриген продолжал служить в Измайловском полку, стремительно продвигаясь по служебной лестнице: в 1816 г. произведен в чин штабс-капитана и назначен командиром роты в 3-м батальоне⁷⁵, в 1819 г. произведен в капитаны⁷⁶, в мае 1820 г. становится полковником⁷⁷. Но военная служба с ее муштрой была не по душе Александру Федоровичу. «Наша служба,— писал он Михайловскому-Данилевскому,— изо дня в день все тяжелее, и я думаю, что она достигнет своей цели, став невыносимой. <...> нас заставляют бегать, доводя до иступления»⁷⁸. Свою цель в жизни А. Ф. Бриген видит не в военной карьере, а в приобретении знаний. Еще находясь в европейском походе, молодой офицер мечтал по возвращении на родину в первую очередь заняться пополнением своего образования. Вспоминая то время, А. И. Михайловский-Данилевский писал: «<...> фон дер Бриген, который с искренними душевными свойствами соединял истинную страсть к наукам, каковую подобную я мало видал. Он просил меня в сем отношении быть его руководителем, ибо, поступая по нашему обыкновению в военную службу, он в молодости не мог почти ничему поучиться, но, подружась со мной в походах, он часто говорил мне, что по возвращении в Петербург он будет просить моих советов насчет дальнейшего своего образования»⁷⁹. Уже в первое время успехи Бригена поразили Михайловского-Данилевского: всего за два-три месяца «он основательно познакомился с историей и политикой и пониманием Монтескье и Адама Смита», усвоил «связь, пространство и постепенный ход человеческих познаний»⁸⁰. Несмотря на свою занятость на службе, Бриген по многу часов проводил за чтением. Сообщая Михайловскому-Данилевскому о том, что он назначен командовать ро-

⁷⁴ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 8.

⁷⁵ ЦГВИА, ф. 2577, оп. 2, д. 13, л. 12; Лорер Н. И. Записки декабриста, с. 177.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 2577, оп. 2, д. 218, л. 104.

⁷⁷ ВД, т. 14, с. 424.

⁷⁸ Письмо 24.

⁷⁹ Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского, с. 147.

⁸⁰ Там же.

той, которая отнимает у него много времени, он уверяет адресата, что «несмотря на все эти препятствия, я оторву несколько часов, чтобы посвятить их занятиям, которые всегда будут главными в моей жизни»⁸¹. В 1815—1816 гг. А. Ф. Бриген лелеял напрасную мечту послушать лекции в Геттингенском университете⁸². Однако только благодаря самостоятельной учебе он стал широко образованным человеком в области истории, философии и политической экономии. Друзья и знакомые в шутку называли его Миллером, т. е. именем русского историка XVIII в. Герарда Филиппа Миллера, другие именовали его просто философом. Так, в 1818 г. А. Г. Кушелев-Безбородко писал А. Ф. Бригену из Германии, что ему во время путешествия видится Бриген в своей квартире в Измайловском полку, сидящий на своем «философическом» диване и держащий в руках «Мабли, Смита или даже какую-нибудь сверхъестественную философию»⁸³. Другое его письмо дает основание думать, что А. Ф. Бриген не только изучал историю, но и сам писал на исторические темы.

На вопрос следователей, не слушал ли он сверх официального учебного курса «особых лекций, где, когда и кого», Бриген отвечал: «Любя науки и будучи гвардий капитаном, я слушал со многими товарищами особенные лекции у профессора Германа в политической истории трех последних веков по курсу Герена и Ансильона и в политической экономии по системе Адама Шмидта с пояснениями профессора Германа»⁸⁴. Занятия у профессора Германа относятся уже к тому времени, когда А. Ф. Бриген состоял в Союзе благоденствия, где приобретение «познаний в науках, имеющих целью усовершенствование гражданского быта государств», «поставлялось в неперемнную обязанность всем членам Союза»⁸⁵. Именно об этом времени вспоминал С. П. Трубецкой в письме к А. Ф. Бригену 31 октября 1842 г.: «Слово камрад, которое ты употребил (в письме от 1 сентября 1842 г. — О. Т.), заставило меня вспомнить круглый

⁸¹ Письмо 13.

⁸² Письма 2, 13.

⁸³ Лит. вестник, 1903, т. 6, кн. 7—8, с. 223.

⁸⁴ ВД. т. 14, с. 445.

⁸⁵ Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981, с. 32.

стол, за которым мы сидели вместе с тобой у старичка Германа»⁸⁶.

Еще во время заграничных походов А. Ф. Бриген начал собирать библиотеку, и к 1825 г. это было богатейшее собрание книг по истории, философии, военному искусству, литературе на русском, французском, немецком, английском, итальянском, латинском и греческом языках. Как современники, так и исследователи неизменно отмечали, что А. Ф. Бриген был одним из образованнейших декабристов.

В тайное общество А. Ф. Бригена привела осознанная причастность к судьбам России. Еще в ранние годы Александр Федорович, вращаясь в кругу лиц, связанных с законодательной деятельностью, не раз слышал о составляемых и представляемых Александру I проектах законов, долженствующих в какой-то мере изменить существующий порядок вещей в политической, экономической и социальной жизни России. Однако ни один из проектов не принимался и не претворялся в жизнь. Не случайно в письме от 5 июля 1812 г. у Бригена вырвалась незаконченная фраза, понятная адресату: «Что у вас творится? Я думаю, Густав Андреевич менее теперь предприимчив. <...> Весьма мудро сказано: не надеясь на силы человеческие». Это надо понимать так: «теперь», т. е. после удаления 17 марта 1812 г. М. М. Сперанского, последовавшего через 10 дней после выхода гвардии из Петербурга, Бригена беспокоит то, что Г. А. Розенкамф уж, конечно, ничего не сумеет предпринять, чтобы издать, а тем более добиться осуществления каких-либо законов, способствующих прогрессивным преобразованиям России, это «не в силах человеческих», ибо самодержавная власть этого не допустит.

Отечественная война и заграничные походы высветили прекрасные качества героического народа, одетого в солдатскую форму, и Бриген, как и многие другие, делал вывод, что такой народ достоин лучшей участи, чем та, которая ему предоставлена в России. Ответы на мучительные вопросы, что и как нужно сделать, чтобы ликвидировать в России рабство, улучшить законодательство, провести изменения в других сферах русской жизни, он искал в трудах историков, философов, политэкономов.

⁸⁶ Лит. вестник 1903, т. 6, кн. 6, с. 125.

Сам А. Ф. Бриген на вопрос следствия, «кто способствовал укоренению» в нем свободолюбивых мыслей, отвечал: «Свободный образ мыслей заимствовал я от чтения книг, в особенности летописей Тацита, которого я, изучившись латинскому языку, с большою жадностью несколько раз читал в оригинале, также и от чтения английских писателей, в особенности философа Жана Локка»⁸⁷.

Почему же именно эти авторы сыграли особую роль в формировании вольнолюбивых взглядов Бригена? Тацит для Бригена в первую очередь — тираноборец. Бриген писал, что Тацита «нельзя упрекнуть в потворствовании властителям», что это он «имена неистовых тиранов, преемников Кесаря, навеки прибил к позорному столбу»⁸⁸. В учении английского философа Джона Локка Бригена также привлекала критика абсолютной монархии, обоснование им идеи разделения властей как основы принципа построения конституционного государства, где законодательная власть принадлежит народу, имеющему право на восстание, чтобы ею завладеть. Только такой политический строй может защитить личную свободу и естественное право человека на частную собственность. Теоретическое обоснование преимущества буржуазного политического строя над феодальным Бриген находил и в сочинениях других авторов, которые он читал в 1810-х гг.: Монтескье, Адама Смита, Мабли, Мирабо, Руссо, Ф. Шиллера, Сисмонди.

На вопрос следствия, с какого времени зародились в нем свободолюбивые мысли, Бриген прямого ответа не дал. Естественно предположить, что это произошло в 1812—1814 гг. Однако мы склонны думать, что вольнолюбивые мысли бродили в нем и раньше. Вспомним его ответ: «Свободный образ мыслей заимствовал я от чтения книг, в особенности летописей Тацита, которого я, изучившись латинскому языку, с большою жадностью несколько раз читал», — и сопоставим с другим показанием, где он говорит, что в пансионе Мейера был в особенности его наставником профессор Раупах, преподававший древнюю историю, и что больше всего его привлекали история и языки, особенно латинский. Следова-

⁸⁷ ВД, т. 14, с. 445.

⁸⁸ Наст. изд., с. 445.

тельно, Тацита Бриген читал еще в ученические годы под руководством прогрессивного профессора Раупаха до поступления на военную службу в конце 1808 г. Можно сделать вывод, что свободолюбивый образ мыслей зародился в уме 15—16-летнего юноши.

Очень ценно свидетельство А. И. Михайловского-Данилевского, утверждавшего, что либеральные мысли переполняли Бригена еще тогда, когда заговора, т. е. тайного общества, еще не существовало⁸⁹. Этот вывод он делал из писем Бригена к нему, писанных в 1816 г. И действительно, мы видим в этих письмах и критику образа жизни царского двора, и констатацию низости царедворцев и торжества порока в стране, в то время как «добродетель попорана»⁹⁰, и несправедливость российского правосудия. «Если в ином мире нам предстоит быть судимыми таким же образом, как и в этом, то католики правы, веря в чистилище, и какое чистилище может быть более страшным и более отвратительным, чем губернское правление или казенная палата»⁹¹. Красной нитью в этих письмах проходит мысль, что человек от природы свободен, даже если он, по словам Шиллера, родился в хижине раба, что ему, Бригену, приходится дышать воздухом деспотизма, в то время как он страстно любит свободу⁹².

На вопрос следователей, не причастны ли в заимствовании им свободного образа мыслей какое-нибудь общество или чьи-нибудь внушения, Бриген ответил, что этому способствовали и сообщество и внушение разных знакомых и приятелей, но ни в малейшей степени не конкретизировал ответ. Что же это было за сообщество, кто они были, его знакомые приятели? Из глухих свидетельств, скудных упоминаний в эпистолярных и мемуарных источниках, собранных по крупицам, можно назвать и круг лиц, с которыми А. Ф. Бриген общался. К ним относятся уже упомянутые М. Ф. Митьков, Н. И. Тургенев, Ф. П. Толстой. А. И. Михайловский-Данилевский сообщает, что в 1816 г. он вечера проводил в кругу собиравшихся у него «малого числа избранных» его дру-

⁸⁹ Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского, с. 147.

⁹⁰ Письмо 22.

⁹¹ Письмо 20.

⁹² Письмо 10.

К. Ф. РЫЛОВ

Художник О. Кипренский (?) Начало 20-х гг. XIX в.

зей Ильина, Федора Глинки и Бригена. Следовательно, Ф. Н. Глинка, о котором Бриген писал в показаниях, а также в письмах из Сибири и после ссылки, что он его ближайший друг и приятель, таковым уже был в 1816 г., т. е. тогда, когда Глинка был уже членом Союза спасения. Да и Михайловский-Данилевский сыграл определенную роль в свободомыслии Бригена, так как в этот период он сам был либерально настроен, был в какой-то мере в оппозиции к политике Александра I и к нему лично⁹³. Однако вскоре его легкий либерализм рассе-

⁹³ См. об этом подробнее: Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967, с. 87—92.

ялся, и мы замечаем, как изменилось к нему отношение Бригена. Если письма Бригена 1816 г. полны восхищения Михайловским-Данилевским, то письма к нему же 1824 г. отличаются сухостью и деловитостью.

Кроме перечисленных выше лиц к числу своих близких знакомых и приятелей конца 1810-х — начала 1820-х гг. Александр Федорович относил М. Ф. Орлова, П. Я. Чаадаева, А. Н. Муравьева, С. П. Трубецкого, В. А. Перовского. Мимоходом проскальзывают в письмах имена и других знакомых: П. Х. Граббе, П. П. Титова. Эти случайно упомянутые в сибирских письмах фамилии по поводам, не имеющим непосредственного отношения к тем далеким временам, говорят нам о том, что в 1810-х — начале 1820-х гг. ближайшими его друзьями были члены тайных обществ: Союза спасения, Ордена русских рыцарей и Союза благоденствия.

Одним из сообществ, в котором находился А. Ф. Бриген, была масонская ложа «*Peter zur Wahrheit*» («Петра к правде»). Что могло привлечь Бригена именно к этой ложе?

Декабрист Ф. П. Толстой, также член этой ложи, но затем перешедший в отделившуюся от нее ложу «Избранного Михаила», работавшую на русском языке, писал, что ложа «Петра к правде», как никакая другая ложа в России, придерживалась цели «распространения всеобщего истинного образования души и ума» и что именно эта ложа «изобиловала более всех других серьезными, образованными, дельными людьми», и «все русские, получившие хорошее образование, предпочтительно вступали в эту ложу»⁹⁴. Но была, видимо, еще одна причина, из-за которой Бриген предпочел эту ложу. Здесь было принято новое учение по системе Шредера, которое отвергало старую масонскую иерархию и приносило в масонскую систему демократический порядок, отвергавший прежний принцип слепого повиновения⁹⁵.

Как и ложа «Избранного Михаила», куда входили

⁹⁴ Рус. старина, 1878, т. 21, с. 210.

⁹⁵ Эти сведения содержатся в статье анонимного автора «Уничтожение масонских лож в России». — Рус. старина, 1877, т. 18, с. 463.

С. П. ТРУБЕЦКОЙ

Миниатюра на картоне.

Акварель худ. Ж. Б. Изабе (?). Конец 1810-х гг.
Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

ближайшие друзья А. Ф. Бригена Ф. П. Толстой, Ф. Н. Глинка и другие члены тайных обществ, ложа «Петра к правде» также могла служить ареной для пропаганды идеологии ранних тайных обществ.

А. Ф. Бриген был членом масонской ложи еще до 1814 г. Так, в письме Н. И. Тургенева к А. Ф. Бригену из Вены от 17(29) сентября 1814 г. содержатся два намека на то, что адресат был масоном. В этом письме Тургенев обращается к Бригену: «Любезный мой друг и Оратор», а в конце просит передать поклон Воейкову и

Шилингу⁹⁶ «всеми известными тебе знаками»⁹⁷. Думается, что просьба передать поклон «знаками» означает, что приветствие передается масонам той же ложи, в которой состоял Бриген, а обращение «Оратор» означает, что Бриген занимал должность оратора (ритора) в ложе, т. е. одну из руководящих. И в 1816 г. Бриген продолжал быть ритором, о чем он с иронией заметил, что его красноречие достаточно надоело его «добрым братьям», у которых все же хватает терпения слушать его речи⁹⁸. Следовательно, в ложу Бриген вступил еще до 1814 г., возможно еще при основании ее в 1810 г. Однако, как признавался он Михайловскому в 1816 г., он до сих пор не знает цели масонства, «но какова бы ни была эта цель, я всегда останусь верным масонству, чтобы не потерять вашу дружбу»⁹⁹. Это признание свидетельствует о том, что масонская ложа для Бригена выполняла роль клуба, где собирались интересные люди. Такого рода общественная организация удовлетворяла А. Ф. Бригена до тех пор, пока он не вступил в тайную революционную организацию. Тогда же из ложи он вышел. Так же поступил и Н. И. Тургенев, который 11 февраля 1818 г. записал в своем дневнике: «Я от всего отказался, видя, что масонство у нас процветать не может. <...> В здешних ложах я также не бываю, да они в теперешнем их церемониальном ничтожестве и не стоят»¹⁰⁰.

Еще одним сообществом был «Военный журнал», издававшийся в 1816—1819 гг., — орган «Общества военных людей», организованного при штабе Гвардейского корпуса. Во главе «Общества военных людей» стоял генерал-адъютант Н. М. Сипягин, также член масонской ложи «Петра к правде». Вокруг «Военного журнала», основной задачей которого были обобщение и популяризация опыта Отечественной войны и зарубежных походов, группировались лучшие силы военной интеллигенции, и среди них — Н. М. Муравьев, И. Г. Бурцов, В. Д. Вольховский. Редактором его был Ф. Н. Глин-

⁹⁶ Возможно, речь идет о подполковнике Елизаветградского гусарского полка Шилинге 1-м. — Рус. старина, 1907, № 7, с. 213.

⁹⁷ ИРЛИ, 21228/CXLYI, б. 3.

⁹⁸ Письмо 13.

⁹⁹ Письмо 24.

¹⁰⁰ Цит. по: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов, с. 295.

ка¹⁰¹. А. Ф. Бриген также сотрудничал в этом журнале, опубликовав здесь свой упоминавшийся нами рассказ (анекдот) о гренадере Черкасове, и, по-видимому, был членом «Общества военных людей».

А. Г. Тартаковский, не опровергая мнения Ю. Г. Оксмана о том, что «Общество военных людей», до сих пор почти не изученное, было отраслью Союза благоденствия, высказывает предположение, что оно скорее было отраслью Союза спасения и создано было для прикрытия организации как легальная его основа¹⁰².

Мы не располагаем никакими прямыми сведениями о том, что А. Ф. Бриген был членом какого-нибудь раннего тайного общества — Союза спасения или Ордена русских рыцарей, хотя личные его связи с членами обоих обществ были тесными и дружественными как раз в период наиболее активной деятельности этих организаций. Несомненным же является его участие в Союзе благоденствия. На следствии он сам признался, что вступил в Союз благоденствия в Петербурге в 1818 г., т. е. после возвращения гвардии из Москвы, при этом подчеркнул, что о начале создания Союза благоденствия он ничего не знает, так как в то время в Москве не был¹⁰³. И это соответствует действительности, так как, служа в это время в 3-м батальоне, он не участвовал в походе гвардии в Москву в 1817—1818 гг.

Приняли его в Союз благоденствия в Измайловскую управу офицеры Измайловского полка Н. П. Годейн и А. А. Кавелин, которые вступили в Союз благоденствия, по показанию С. П. Трубецкого, в Москве¹⁰⁴. На вопрос следствия, что побудило его вступить в тайное общество, А. Ф. Бриген ответил: «Чистосердечное желание добра моему Отечеству, коему я с честью 14 лет и на поле брани служил». Состоял А. Ф. Бриген в отрасли человеколюбия, чтобы «по возможности помогать страждущему и нищенствующему человечеству»¹⁰⁵.

Заседания Измайловской управы проходили, по словам Бригена, совместно с другими управами. На них

¹⁰¹ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980, с. 165—166.

¹⁰² Там же, с. 167—168.

¹⁰³ ВД, т. 14, с. 437.

¹⁰⁴ Там же, т. 1, с. 9.

¹⁰⁵ Там же, т. 14, с. 427—428.

присутствовали генерал-майор П. И. Кошкуль и полковник А. Я. Миркович (конногвардейская управа), В. С. Норов (Егерский полк), В. Д. Вольховский и другие офицеры свиты по квартирмейстерской части, а также полковник Измайловского полка Н. М. Приклонский и чиновник военного министерства А. Д. Башуцкий. А. Ф. Бриген показывал, что заседания общества проходили ежемесячно, сам он присутствовал шесть раз. Заседания, по утверждению Бригена, проходили в пустых разговорах, и через полгода по его принятии «общество совсем прекратилось»¹⁰⁶. Это утверждение не лишено оснований, так как почти все вышеназванные лица, привлеченные в 1826 г. к следствию, были признаны отставшими от общества и «по докладу комиссии высочайше повелено оставить без внимания»¹⁰⁷.

Однако можно не доверять показанию А. Ф. Бригена, что Измайловская управа всегда занималась пустыми разговорами. Как пример деятельности Союза благоденствия по отрасли человеколюбия, имевшей цель создать антиправительственное общественное мнение, М. В. Нечкина приводит рассказы Ф. Н. Глинки о том, что члены его вызволили крепостного человека Михаила Васильева из сумасшедшего дома, заточенного туда своим помещиком, собирали деньги для чиновника Баранова, находившегося шесть лет под арестом и признанного затем невиновным. Глинка сообщает, что самое активное участие в этих делах приняли Кавелин, Миркович, Годейн, Кошкуль, Башуцкий¹⁰⁸, т. е. именно те самые лица, которых называет Бриген как своих сочленов по управе.

Характерно, что М. К. Грибовский, подавший записку-донос о Союзе благоденствия в мае 1821 г., говоря о деятельности Союза благоденствия в 1818 г., даже не упоминает вышеназванных офицеров из Измайловского, Егерского, Конногвардейского полков, а Бригена причисляет к «примечательнейшим по ревности» членам тайного общества наряду с Н. И. Тургеневым, Ф. Н. Глинкой, И. Т. Бурцовым, М. М. Нарышкиным, С. М. Семеновым»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Там же, с. 426, 437.

¹⁰⁷ Там же, т. 8, с. 31, 51, 65, 90, 101, 126, 155.

¹⁰⁸ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 225, 226.

¹⁰⁹ Декабристы. Сборник отрывков из источников. М.; Л., 1926, с. 113.

Таким образом, А. Ф. Бригена не удовлетворила деятельность управы, в которой он состоял, и вскоре мы видим его уже как члена Коренного союза общества.

Известно, что Коренной союз, как и Коренная управа, был руководящим органом Союза благоденствия, состоящим из членов — учредителей тайного общества. Однако Бриген себя таковым не считал и всячески подчеркивал, что принят он был в общество в Петербурге и «положительно о начале оного» ничего сказать не может¹¹⁰. Следовательно, в Коренной союз Бриген был кооптирован уже позднее (по показанию Н. М. Муравьева — в 1819 г.¹¹¹) и согласно § 12 третьей книги «Законоположения» Союза благоденствия был включен в руководящий орган как исключение. Это обстоятельство позволяет предположить, что причиной тому была его активная деятельность в Союзе благоденствия. Это подтверждается запиской М. К. Грибовского, который сообщает, что когда оформились управы Союза благоденствия (Московская, Тульчинская, Петербургская), то руководство Петербургской коренной управой приняли на себя Н. И. Тургенев, А. Ф. Бриген и Ф. Н. Глинка¹¹². Известные нам источники дают мало материалов о конкретной деятельности А. Ф. Бригена как члена Коренного союза. Это связано с общей малой изученностью практической деятельности Союза благоденствия, скудостью источников, так как после «самороспуска» общества декабристы сами уничтожили всю его документацию, а Следственная комиссия мало интересовалась его деятельностью, когда она не касалась царевубийства или свержения монархии. До чего мало Следственная комиссия занималась Союзом благоденствия, свидетельствует хотя бы то, что к следствию не привлекались и не попали в «Алфавит» многие его члены, а большинство привлеченных не понесли никакого наказания.

Перечисляя самых активных деятелей Союза благоденствия, на которых правительство «наиболее должно» обратить внимание, Грибовский ставит Бригена на третье место после Н. И. Тургенева и Ф. Н. Глинки, добавляя при этом, что даже приобретенные им после женить-

¹¹⁰ ВД, т. 14, с. 437.

¹¹¹ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 5, л. 2.

¹¹² Декабристы, Сборник отрывков из источников, с. 113.

бы связи не образумили его¹¹³. Из того же доноса Грибовского можно сделать вывод, что А. Ф. Бриген заботился о финансовых поступлениях в Союз благоденствия. С этой целью он собирался вовлечь в общество богатого графа А. Г. Кушелева-Безбородко¹¹⁴, кстати, своего родственника по жене С. М. Миклашевской, что говорит о том, что он после женитьбы не только «не образумился», но и намеревался использовать свои связи на пользу тайному обществу.

Важным свидетельством активной роли А. Ф. Бригена в работе руководящего органа Союза благоденствия является его участие в совещании Коренной управы в январе 1820 г. на квартире Ф. Н. Глинки, где П. И. Пестель сделал свой знаменитый доклад о выгодах и невыгодах монархического и республиканского правлений, после чего каждый из присутствовавших должен был высказать свое мнение, какое правление он предпочитает. На совещании присутствовало, как установила М. В. Нечкина, не менее 14 человек, и все признали наиболее желательным республиканское правление, и даже Ф. Н. Глинка, который во время прений предлагал конституционную монархию с императрицей Елизаветой Алексеевной на престоле, тоже, как и все, «единогласно принял республиканское правление»¹¹⁵. Правда, на следствии А. Ф. Бриген не только отрицал, что голосовал за республику, но и вообще не признавал это совещание за официальное заседание Коренной управы и только на очной ставке с П. И. Пестелем вынужден был сознаться, что «означенное совещание было точно формальное заседание думы»¹¹⁶, т. е. признал, что это решение было обязательным для всего тайного общества и что с этого времени долгосрочной программой его стала борьба за республику, но упорно не соглашался с Пестелем, что голосовал за нее.

На второй день после совещания на квартире Глинки члены Коренного союза собрались у И. П. Шипова, где речь шла о способах достижения республики, в связи с чем был поставлен вопрос о цареубийстве. По показанию С. И. Муравьева-Апостола, на этом совещании присут-

¹¹³ Там же, с. 115.

¹¹⁴ Там же, с. 113.

¹¹⁵ ВД, т. 14, с. 438.

¹¹⁶ Там же

ствовали те же члены, кроме Ф. Н. Глинки, Ф. П. Толстого и, возможно, Н. И. Тургенева. М. В. Нечкина к списку отсутствовавших добавляет Павла Колошина и С. М. Семенова¹¹⁷. Среди отсутствовавших А. Ф. Бриген не назван, но и присутствие его также не доказано. Во всяком случае, на следствии Бриген упорно твердил, что он никогда даже не слышал о том, что замышлялось царевубийство, что, конечно, совершенно неправдоподобно.

Сам факт единогласного принятия республиканской программы на петербургском совещании Коренной управы не оставляет сомнений в том, что А. Ф. Бриген был республиканцем, и более решительным, чем Ф. Н. Глинка или Н. И. Тургенев. Он разделял точку зрения большинства дворянских революционеров, которые не видели существенной разницы между президентом и царем, лишенным законодательной власти, являвшимся исполнителем власти народных представителей¹¹⁸. Не случайно, защищая на следствии Н. И. Тургенева, который, по словам П. И. Пестеля, высказался на совещании 1820 г. о «президенте без всяких толков», Бриген утверждал, что «Тургенев объявил, что правление с президентом отменно хорошо, но, что главное, на чем все основано, есть хорошее народное представительство»¹¹⁹. Примерно так же он формулировал свою точку зрения уже в Сибири в историческом труде «Жизнь Кайя Юлия Кесаря и взгляды на его характер»: «Весьма вероятно, что Кесарь, сделавшись законным государем, умел бы уважать своих сограждан, сделавшихся его подданными, и оградил бы *мудрым уставом права* (т. е. конституцией. — О. Т.), а с ним вместе благоденствие грядущих поколений. Не должно думать, чтобы с введением императорского достоинства формы Республики перестали бы существовать в Риме»¹²⁰.

После петербургского совещания 1820 г. в Петербурге начали возникать новые побочные управы, в частности общество Оболенского — Якова Толстого — Токарева, общество Глинки — Перетца, общество в Измайловском

¹¹⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 289.

¹¹⁸ Ланда С. С. Дух революционных преобразований... М., 1975, с. 137, 139, 336.

¹¹⁹ ВД, т. 14, с. 435, 436.

¹²⁰ ГПБ, ф. 286, оп. 2, д. 265, л. XLIX (курсив наш. — О. Т.).

полку. Появление новых управ С. Н. Чернов объясняет тем, что после принятия республиканской программы Коренная дума опасалась, что из-за несогласия с нею многих членов Союза благоденствия он может распасться, и поэтому руководители его, чтобы спасти организацию, начали образовывать новые группы, члены которых не знали о существовании Союза благоденствия, но были связаны с ним через активных деятелей общества, входящих в эти же группы, в частности Е. П. Оболенского, Ф. Н. Глинки и секретаря Коренного союза С. М. Семёнова, который был одновременно и секретарем всех этих новых групп-управ¹²¹.

В Измайловском полку существовало не одно общество. На первом этапе в 1818 г. была Измайловская управа Союза благоденствия, которую организовали А. А. Кавелин и Н. П. Годейн, куда и принят был А. Ф. Бриген и которая, по свидетельству Бригена, в том же году прекратила свое существование. В 1820 г. в Измайловском полку возникли две новые группы. Одну из них возглавляли Е. П. Оболенский и братья А. В. и С. В. Капнисты, другую, известную под названием Измайловского общества, — тот же Е. П. Оболенский, Н. И. Тургенев, А. М. Миклашевский и в качестве секретаря С. М. Семёнов¹²².

Входил ли в какую-либо из этих групп член Коренного союза, полковник Измайловского полка А. Ф. Бриген, определенно сказать трудно. Однако один мало использованный документ представляет некоторый интерес. Речь идет об оправдательной записке Я. Н. Толстого. Я. Н. Толстой (1791—1868), штабс-капитан Измайловского полка, старший адъютант Главного штаба и литератор, был членом побочной управы Союза благоденствия «Зеленая лампа», затем принят во вновь организованные управы. В 1823 г. он выехал за границу в отпуск для лечения и во время восстания находился в Париже. Он был привлечен к следствию, но в Россию не явился¹²³. Когда же в конце 1826 г. материалы о следствии над членами тайных обществ были опубликованы в европейской печати, Я. Н. Толстой прислал на имя царя

¹²¹ Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960, с. 18, 20.

¹²² Там же, с. 8.

¹²³ ВД, т. 8, с. 403.

Ф. Н. ГЛИНКА
Гравюра К. Афанасьева. 1825 г.

оправдательную записку. Эта записка не только удостоверяет участие А. Ф. Бригена в Измайловском обществе, но и дает некоторые сведения о еще недостаточно исследованной истории возникновения новых конспиративных групп после петербургского совещания 1820 г. Для выяснения этих обстоятельств мы приводим фрагмент этой записки¹²⁴: «Однажды полковник Жадовский предупредил общество («Зеленая лампа». — О. Т.), что полиция знает о его существовании и что мы подвергаемся преследованию, не имея формального разрешения на основание названного общества. Тот час же было постановле-

¹²⁴ Памяти декабристов. Л., 1926, с. 178—180.

но не собираться больше, и общество «Зеленой лампы» было распушено. Между тем некоторые из членов были движимы политическими целями. В 1819 г.¹²⁵ коллежский асессор Токарев, полковник Глинка и кн. Оболенский сошлись у первого: они пригласили туда и меня, так же как и советника Семенова, и решили основать политическое общество под названием Добра и Правды. Устав общества был уже предварительно составлен Токаревым; он предписывал каждому члену следить за злоупотреблениями администрации, работать в пользу издания новых законов, представлять проекты, наиболее благоприятные для освобождения крестьян, и о правах, присваиваемых разным классам общества, и, наконец, полной конституции, приспособленной к нравам и характеру народа.

Несколько дней спустя после этого тайного собрания г. Токарев был назначен прокурором в Орел¹²⁶, покинул Петербург и вскоре после этого умер; с этого времени общество Добра и Правды тоже прекратилось. 10 месяцами позже асессор Капнист, с которым меня познакомил кн. Оболенский, предложил мне вступить в общество, которое образовалось в Измайловском полку почти на тех же основаниях, как и общество, о котором я только что упоминал; я явился к нему в назначенный день, но, заметив, что общество состоит из молодых людей, которые не были даже способны судить о столь серьезных предметах, одним словом, найдя их проекты мало соответствующими моим взглядам, я не присоединился к их предложению и не присутствовал ни на одном из собраний, хотя в рапорте Следственной комиссии, по показанию Семенова, я назван как один из учредителей этого общества. <...>

В то же время составилось другое, подобное этому, общество в доме г. Миклашевского, офицера Измайловского полка. Прибыв по его приглашению к нему, я там нашел ст[атского] сов[етника] Николая Тургенева, полковника Бригена, тит[улярного] сов[етника] Семенова и

¹²⁵ В несколько ином переводе, хранящемся в ЦГВИА (ф. 36, оп. 4/847, д. 562), после «1819 г.» добавлено в скобках «кажется» (л. 1).

¹²⁶ Прокурором в Орел А. А. Токарев был назначен в 1821 г.— ВД, т. 8, с. 402.

полковника Глинку; вследствие предложений, которые они мне сделали, я вступил в общество, названия которого я даже не знаю, но целью которого было установление конституции; прежде чем я дал согласие, я вел горячий спор <...>».

Этот документ интересен тем, что убеждает в новом качестве вновь созданных после петербургского совещания 1820 г. управ — здесь уже нет разговоров о легальной деятельности по отраслям Союза благоденствия, вопрос ставился прямо — об установлении конституции. Описанная Я. Н. Толстым картина дает основание думать, что он приглашен был на официальное заседание руководства Измайловского общества, которое и приняло его в число членов. Но очень важно выяснить время, когда это заседание происходило. «Зеленая лампа» прекратила свое существование после мая 1820 г.¹²⁷ Из этого следует, что Ф. Н. Глинка и А. А. Токарев пригласили Толстого в свое общество Добра и Правды в том же 1820 г., а в Измайловское общество его приняли почти через год, т. е. в 1821 г. Но, как известно, уже в январе 1821 г. Союз благоденствия был на Московском съезде формально распущен. В какое же общество приняли Я. Н. Толстого? Формально в Измайловское, но сохранявшее, по-видимому, статус управы Союза благоденствия.

Одним из главных обвинительных пунктов против Н. И. Тургенева, который заочно был осужден по I разряду государственных преступников, было: «Участие в обществе после 1821 года и действия его по оному», которые состояли в том, что он по возвращении из Москвы в Петербург в 1821 г., «располагая вновь учредить общество, выбрал из прежних членов князя Оболенского, Нарышкина и Семенова, а вновь приняты: Митьков, Яков Толстой и Миклашевский»¹²⁸. Далее оговаривается, что «как сие было перед выступлением гвардии в поход, то с отбытием оной из С.-Петербурга и все действия общества прекратились»¹²⁹. Как видим, здесь перечисляются именно те лица, о которых в своей записке го-

¹²⁷ См. об этом подробнее: Модзалевский Б. Л. К истории «Зеленой лампы». — В кн.: Декабристы и их время. Изд-во политкаторжан, 6/г., т. 1, с. 58, 59.

¹²⁸ ВД, т. 15, с. 293.

¹²⁹ Там же.

ворит и Я. Толстой. Однако последний называет также и Бригена, которого в перечне принятых Тургеневым в Северное общество нет. Вполне логично, что Бриген в числе принятых не назван, потому что он ведь сам принимал в это общество вместе с Тургеневым новых членов. При нем же вступил в члены Измайловского общества Толстой. Ведь и Тургенева никто не принимал, а по приезде с Московского съезда он начал формировать новый состав общества вместе со своим другом и соратником по Петербургской управе А. Ф. Бригеном, которого он мог принять и без свидетелей. В таком случае правомерно предположение, что Измайловское общество могло быть зародышевой организацией Северного общества на самом раннем его этапе — весной 1821 г., а Бриген — одним из его основателей. И то, что никто на следствии не признался, что принял Бригена в Северное общество (что мог сделать один Тургенев, который в оправдательных записках из-за границы отрицал и свою принадлежность), а Бриген не признавался, что вступал (наоборот, утверждал, что ни в каком обществе после Союза благоденствия участия не принимал¹³⁰), дало исследователям основание считать, что А. Ф. Бриген не был членом Северного общества. Так, в «Указателе к Алфавиту декабристов» прямо сказано, что он был только членом Союза благоденствия. М. В. Нечкина в предисловии к 14-му тому «Восстания декабристов» отмечает, что Бриген, «строго говоря, не вступал в Северное общество»¹³¹.

Такое утверждение связано еще и с тем, что деятельность А. Ф. Бригена по организации Северного общества продолжалась недолго — по апрель 1821 г.: 30 апреля 1821 г. Измайловский полк, как и вся гвардия, выступил на маневры в Виленскую губернию¹³². Сначала полк расположился на квартиры в г. Сенно Могилевской губернии, а в сентябре начались маневры гвардейского корпуса под Бешенковичами. Но Бешенковичи Бриген вынужден был покинуть во время маневров. 13 сентября 1821 г. командующий корпусом распорядился отправить Бригена в Петербург на 28 дней¹³³, и там случилось не-

¹³⁰ Там же, т. 14, с. 441.

¹³¹ Там же, т. 8, с. 287, т. 14, с. 23.

¹³² Висковатов А. В. Указ. соч, с. 246.

¹³³ ЦГВИА, ф. 2577, оп. 2, д. 219, л. 170.

предвиденное: 27 октября 1821 г. он высочайшим указом был уволен из армии¹³⁴. Официально — по болезни (это в 29 лет!). В действительности же увольнение было репрессивной мерой. В записке-доносе, поданной в мае 1821 г., Грибовский называет Бригена в числе главных деятелей Петербургской управы Союза благоденствия. При этом в записке сказано: «При судебном исследовании трудно будет открыть теперь что-либо о сем обществе: бумаги оного истреблены, и каждый для спасения своего станет запираяться». И далее автор доноса советует правительству поручить наблюдение за этими людьми (т. е. Тургеневым, Глинкой, Бригеном, Муравьевым, Фонвизинным, Граббе, Орловым, Бурцовым) и их связями, после чего принять к ним меры¹³⁵. Правительство так и поступило: к Союзу благоденствия, который якобы прекратил свое существование путем самороспуска, Александр I общих мер не принял, а за отдельными лицами, указанными в списке, стали следить и принимать соответствующие меры. Первыми под репрессии попали военные, так как правительство опасалось их влияния на армию, и первым среди первых пострадал А. Ф. Бриген¹³⁶. Он-то знал, за что его уволили, и в этом свете становится понятной его фраза в письме к Н. И. Тургеневу через 36 лет, в котором он сообщает, что, служа в Сибири, он «имел честь быть и тут гонимым за правду, но сделать мне ничего не могли»¹³⁷. (Новую ссылку из Кургана в Туринск Бриген, видимо, не считал существенным наказанием по сравнению с тем, что произошло в 1821 г., когда его уволили.)

Свидетельство того, что Бриген был под пристальным наблюдением властей, которое препятствовало его активной деятельности, содержится в письме Александра Федоровича к К. Ф. Рылееву от 21 октября 1825 г. В этом письме Бриген подчеркивает, что он занялся бы публикацией «Истории Кониского», если бы «не был арестован Север» для него¹³⁸.

¹³⁴ ВД, т. 14, с. 424, 425.

¹³⁵ Декабристы. Сборник отрывков из источников, с. 115.

¹³⁶ О преследовании других лиц, поименованных в списке Грибовского, см.: Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 350—354.

¹³⁷ Письмо 200.

¹³⁸ Письмо 28.

Таким образом, создавшимися обстоятельствами в связи с отставкой и пристальным наблюдением за ним властей можно объяснить снижение активности А. Ф. Бригена в Северном обществе. Однако сами декабристы не отрицали, что А. Ф. Бриген — член этого общества. Обратимся прежде всего к показаниям тех, кто знал, что А. Ф. Бриген был членом Северного общества в 1821 г., т. е. тех, которых перечислил в своей оправдательной записке Я. Н. Толстой (Тургенев, Семенов, Миклашевский, Оболенский, Митьков). Из них первые трое отрицали принадлежность Бригена к Северному обществу, как и свою собственную. Но Е. П. Оболенский и М. Ф. Митьков на следствии совершенно определенно показали, что Бриген входил в число членов Северного общества, причем Оболенский подчеркнул: «нынешнего общества»¹³⁹.

Исключительный интерес представляют показания Никиты Муравьева. На вопрос Следственной комиссии от 5 января 1826 г., «кто кроме Вас с начала существования Северного общества и до какого времени составлял Северную думу», Н. М. Муравьев отвечал: «С самого начала Дума состояла из меня, князя Оболенского и Пущина. По отъезде Пущина прибыл князь Трубецкой и поступил в оную. Его заменил уже Рылеев. Общество тогда лишилось Н. Тургенева и полковника Митькова, которые уехали в чужие края, полковника Нарышкина, который перешел в армию, и Павла Колошина, который, поселясь в Москве, перестал брать участие в делах общества. Полковник фон дер Бриген также мало занимался обществом». Следовательно, среди главных лиц Северного общества назван и Бриген, который «мало занимался обществом» (возможно, по вышеприведенной причине). 12 апреля 1826 г. Н. М. Муравьев дал следующее показание: «Я доносил уже <...>, что положены были в Северном обществе две степени: Убеденных, которые имели право принимать членов и из коих избирались члены Думы. Они служили оной советниками, и Согласных, не пользующихся сими преимуществами. Положение сие было установлено в собрании, в котором находились Тургенев, князь Трубецкой, к[нязь] Оболен-

¹³⁹ ВД, т. 14, с. 445.

ский, я, Пушкин, Рылеев, Митьков и фон дер Бриген»¹⁴⁰. Таким образом, из показаний Н. М. Муравьева следует, что А. Ф. Бриген был в числе «убежденных», которые устанавливали правила для Северного общества и имели право принимать новых членов. Не сомневались в принадлежности А. Ф. Бригена к Северному обществу П. И. Пестель, С. П. Трубецкой¹⁴¹. М. И. Муравьев-Апостол, который на вопрос следствия, кто из членов Союза благоденствия не прекратил своих действий и составил новые общества, недвусмысленно заявил: «В Петербурге Н. Тургенев, Никита Муравьев, к[нязь] С. Трубецкой, Митьков, к[нязь] Оболенский, Пушкин, Бриген, Мих. Нарышкин»¹⁴².

Что же мы знаем конкретно о деятельности А. Ф. Бригена в Северном обществе в 1821—1825 гг.? К сожалению, очень немного, и только то, что открыло следствие из показаний декабристов, в основном тех, которые, перечисляя присутствовавших на каких-нибудь совещаниях, называли и Бригена, но подробности его участия остались невыясненными, потому что Александр Федорович на следствии всегда все отрицал и соглашался с предъявленными обвинениями только тогда, когда отрицать уже было невозможно, и ограничивался подтверждением факта, не вдаваясь в подробности.

Один из моментов, в которых был уличен Бриген, — его присутствие на совещании Северной думы в октябре 1823 г. на квартире И. И. Пушина. На заседании кроме Пушина и Бригена присутствовали Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, А. В. Поджио, М. М. Нарышкин, Е. П. Оболенский, М. Ф. Митьков, В. Д. Вольховский, М. А. Назимов, М. И. Муравьев-Апостол. На этом совещании Н. Муравьев докладывал о плане и общих установках разрабатываемой им конституции, Митьков — о работе среди крестьян «для подготовки их к свободе», Оболенскому поручено было написать документ «об обязанностях гражданина». На этом же совещании была, по примеру Южного общества, избрана новая директория из трех человек в составе Н. Муравьева, Трубецкого и Оболенского и разработаны условия приема в члены.

¹⁴⁰ Там же, т. 1, с. 299, 300, 319.

¹⁴¹ Там же, т. 14, с. 445.

¹⁴² Там же, т. 9, с. 225.

Таким образом, это было очень важное, «почти учредительное», по оценке М. В. Нечкиной, совещание, давшее новое направление в развитии деятельности Северного общества¹⁴³. Участие Бригена в работе этого заседания Северной думы, как «убежденного» члена Северного общества, не могло быть случайным, а тем более единственным. А. Ф. Бригену ставилось также в вину то, что он знал о приезде в 1824 г. в Петербург П. И. Пестеля с целью соединения Северного и Южного обществ¹⁴⁴.

Наибольшими сведениями мы располагаем о деятельности А. Ф. Бригена в 1825 г. О том, что в этом году Бриген был в курсе всех дел общества, встречался с руководством и принимал участие в его решениях, говорит одно из показаний К. Ф. Рылеева. Как известно, в июне 1825 г. А. И. Якубович предложил Северной думе, в частности К. Ф. Рылееву и А. А. Бестужеву, убить во время летних петергофских праздников Александра I. Но царевубийство в этот момент не входило в намерения тайного общества, так как северяне в это время разрабатывали свой вариант плана подготовки выступления — «Плана действий» — параллельно с Южным обществом, и убийство царя как начало действия было преждевременным. Поэтому предложение Якубовича серьезно обсуждалось Северной думой. И вот что об этом говорит на следствии Рылеев: «В тот же день я уведомил о намерении Якубовича Оболенского, Н. Муравьева и Бригина. Все были того мнения, что надо всячески стараться отклонить Якубовича от его намерения, что и возложено было на меня»¹⁴⁵. Из этого следует, что Бриген знал не только о цели приезда в Петербург Пестеля, но и о «Плане действий» и вместе со всем руководством стремился предотвратить срыв революционного выступления из-за преждевременной акции Якубовича. О том, что Бриген был в курсе «Плана действий», говорит и одно из показаний П. И. Пестеля, в котором указывается на знание им состава Временного правительства, которое предполагало создать Северное общество после победы революции. Вот показание Пестеля: «Бестужев-Рюмин, видевшись в Киеве с к[нязем] Трубецким и полковником

¹⁴³ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 31.

¹⁴⁴ ВД, т. 14, с. 435.

¹⁴⁵ Там же, т. 1, с. 181.

Брыгиным, приезжал потом ко мне в Линцы и сказывал мне, что он от Трубецкого и Брыгина известился о намерении Северного общества назначить адмиралов Мордвинова и Синявина членами Временного Правления и что прежде хотели назначить и Раевского, но потом его отругали, а производителем дел при них долженствовал быть Николай Тургенев»¹⁴⁶. И, наконец, доказательством того, что Бриген был посвящен в «План действий», служит его информированность о намерении Северного общества вывезти царскую фамилию за пределы России. В случае, «если императором будет отвергнута конституция великого Собора,—показывал Рылеев,—отправить его со всею фамилиею за границу»¹⁴⁷.

Из показаний же Рылеева Следственной комиссии стало известно, что в том же 1825 г. А. Ф. Бриген был связным между Северным и Южным обществами. Еще 24 декабря 1825 г. К. Ф. Рылеев на вопрос о связях Северного общества с Южным показал, что Северная дума сносилась с Югом через Пестеля, когда он приезжал в Петербург, потом через Трубецкого, переехавшего в Киев, и через Бригена, который в июле получил поручение встретиться в Киеве с Трубецким и руководителями Южного общества для того, чтобы выяснить, «в самом ли деле Южное общество так сильно, как говорил Пестель». Помимо этого основного поручения А. Ф. Бриген должен был «переговорить с Трубецким о сумме здешнего общества, которую он имел на руках»¹⁴⁸. В процессе расследования этого вопроса выяснилось, что Бриген должен был также передать Трубецкому устав Общества восстановления, составленный Д. И. Завалишиным; сообщить южанам о том, что Северное общество пополнилось морскими офицерами, которые должны будут после победы революции арестовать царствующую фамилию и отправить ее за границу, и сообщить о намерении Якововича убить царя¹⁴⁹. Таким образом, Бриген должен был разведать, как идет подготовка к выступлению на Юге, и в свою очередь информировать о положении дел на Севере. Для такой разведки А. Ф. Бриген был наи-

¹⁴⁶ Там же, т. 4, с. 167, 168.

¹⁴⁷ Там же, т. 1, с. 182.

¹⁴⁸ Там же, с. 157.

¹⁴⁹ Там же, с. 163, 171, 182.

более подходящей кандидатурой летом 1825 г. Во-первых, будучи в отставке, он имел возможность по своему усмотрению совершить поездку; во-вторых, он собирался поехать осенью с семьей за границу, а по пути погостить в Черниговской губернии в имении своего тестя М. П. Миклашевского. Задания для Бригена готовились тщательно, перед поездкой он не однажды встречался с Рылеевым и Н. Муравьевым. Сам Бриген признался, что одна встреча с Рылеевым и Муравьевым произошла у него дома в конце июня (дней за десять до отъезда, т. е. числа 25—26 июня), другая — 4 июля¹⁵⁰.

В Киев Бриген попал в конце сентября, где встретился с Трубецким, С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым. Бестужев-Рюмин проинформировал Бригена о том, что происходило в Лещинском лагере, т. е. о присоединении Общества соединенных славян к Южному, а также о том, что Южное общество решило не откладывать революционное выступление далее 1826 г.¹⁵¹ Сообщение это Бриген, по словам Бестужева-Рюмина, слушал с большим удовольствием, радовался скорому выступлению и будто бы сказал при этом, что в 1826 г. собирался за границу, но в связи с ожидаемыми событиями он отменит свое путешествие. Показания Бестужева Бриген, согласно принятой им тактике, отвергал и упорно настаивал, что он не отменил свою заграничную поездку, а отложил ее в связи с болезнью жены. Бестужев-Рюмин в конце концов отказался от этого утверждения, отговариваясь тем, что по «упадку нравственных сил» не может теперь (11 мая 1826 г.) вспомнить, говорил ли ему это Бриген. Но следователям о намерении Бригена отказаться от поездки рассказал даже не Бестужев-Рюмин, а М. И. Муравьев-Апостол, который узнал это от Бестужева-Рюмина сразу же после его встречи с Бригеном. Но, понимая, что сказал лишнее, Муравьев-Апостол отказался от очной ставки с Бригеном, заявив, что так как он это слышал от Бестужева-Рюмина, то уличить Бригена не может¹⁵². О том, что А. Ф. Бриген был полностью в курсе положения дел в Южном обществе, свидетельствует одно как

¹⁵⁰ Там же, т. 14, с. 430, 441.

¹⁵¹ Там же, с. 441.

¹⁵² Там же, т. 14, с. 441, 443.

будто незначительное показание Бестужева-Рюмина. Бестужев-Рюмин всячески старался выгородить С. Муравьева-Апостола и не раз повторял, что это он из-за своего пылкого характера увлекал Муравьева и «во все преступное» ввергнул. И называет свидетелей, которые это могут подтвердить: Пестель, Юшневский, Давыдов, оба Поджио, Трубецкой, Бриген, Повало-Швейковский, Тизенгаузен¹⁵³.

Из всего вышележащего ясно, что А. Ф. Бриген свою миссию выполнил: выяснил положение в Южном обществе, узнал об активности его деятелей (С. И. Муравьева-Апостола, Волконского, Пестеля, Повало-Швейковского, Тизенгаузена¹⁵⁴), о присоединении славян и о предположительных сроках выступления. Мы склонны думать, что обо всем этом Бриген написал Рылееву в недошедшем до нас письме. Это видно из другого письма Александра Федоровича к руководителю Северного общества от 21 октября 1825 г., в котором упоминается, что на другой день после приезда из Киева в Пануровку он ему писал. Замечательна одна фраза в этом письме. По-видимому, в ответ на несохранившееся сентябрьское письмо Рылеев писал Бригену и просил его сделать выписку из рукописной «Истории Кониского», которая нужна ему для работы над поэмами «Наливайко» и «Богдан Хмельницкий». Сообщая Рылееву 21 октября 1825 г., что выписка выслана и что, оказывая «сию маловажнейшую услугу», ему приятно напомнить, что он предан ему, любит душевно и готов всегда доказать «сие делом, а не чуждым мне суесловием»¹⁵⁵, Бриген подтверждает, что готов выполнить любое поручение, а не такое незначительное дело, как выписку из книги.

Арестован был А. Ф. Бриген в имении тестя в с. Пануровке Стародубского уезда Черниговской губернии по предписанию военного министра Татищева черниговскому гражданскому губернатору от 3 января 1826 г.¹⁵⁶ В Петербург его привезли 17 января на главную гауптвахту, 18 января перевели в Петропавловскую крепость и посадили в Трубецкой бастион в камеру № 66¹⁵⁷.

¹⁵³ Там же, т. 9, с. 145.

¹⁵⁴ Там же, т. 14, с. 439.

¹⁵⁵ Письмо 28.

¹⁵⁶ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 31, ч. 2, л. 51.

¹⁵⁷ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 11499, л. 14.

Тактика поведения А. Ф. Бригена на следствии была однообразна: сначала отговаривался незнанием, умышленно извращал даты своего вступления в общество, уверял, что уже в 1818 г. от него отстал, но в конце концов под напором улик кое в чем стал признаваться. Однако он упорно утверждал, что не знал о цели общества установить республику, свергнуть или убить царя. Эти свои показания он не изменял и на очных ставках, особенно с Пестелем, который уличал его в том, что на петербургском совещании 1820 г. он голосовал за республику¹⁵⁸. «Остался при своем мнении» и на очной ставке с Трубецким, который показал, что Бриген знал о приезде Пестеля в 1824 г. в Петербург¹⁵⁹. Однако согласился на очной ставке с Рылеевым во всем, «кроме намерения вывести императорскую фамилию»¹⁶⁰. А на очной ставке с Бестужевым-Рюминым все же признался, что знал о намерениях Южного общества, но «неопредельительно»¹⁶¹.

Чутко улавливая, что следователям о нем известно, А. Ф. Бриген не подавал нового материала против себя. Так, зная, что его участие в совещании 1823 г. у И. И. Пущина раскрыто, он упорно настаивал, что это было последнее совещание Северного общества, на котором он присутствовал, то есть единственное, так как до этого показывал, что был два или три раза на совещаниях общества в квартире Глинки, т. е. Союза благоденствия¹⁶². Бриген также старался выгораживать других членов Северного общества: А. М. Миклашевского, К. Ф. Рылеева, Н. М. Муравьева, Ф. Н. Глинку, Ф. П. Толстого, С. П. Трубецкого, Н. И. Тургенева¹⁶³. Вот что по этому поводу писал Н. И. Тургенев: «Фон дер Бриген, видя, что ко мне, несмотря на мое отсутствие, предъявлено чудовищное обвинение, мужественно взял на себя мою защиту <...>, накануне своего осуждения делается защитником отсутствующего друга»¹⁶⁴.

Чем была вызвана такая тактика непризнания на следствии? Одна из причин, естественно,— не дать про-

¹⁵⁸ ВД, т. 14, с. 438.

¹⁵⁹ Там же, с. 443.

¹⁶⁰ Там же, с. 442.

¹⁶¹ Там же, с. 444.

¹⁶² Там же, с. 431, 434.

¹⁶³ Там же, с. 430, 436.

¹⁶⁴ Тургенев Н. И. Россия и русские, с. 254.

тив себя материала, и особенно, что сразу уловил Бриген, о знании конечной цели тайного общества, в то же время отрицание и умышленное искажение фактов были своего рода продолжением борьбы с самодержавием. Об этом Бриген сам признался через 31 год в письме к Н. И. Тургеневу от 22 декабря 1857 г.: «Я никогда не чувствовал полноты существования и такого душевного счастья, как сидя в секретном каземате и потом в кандалах и в каторжной работе»¹⁶⁵.

При вынесении приговора члены Верховного уголовного суда большинством голосов отнесли Бригена к VII разряду. Ему вменили в вину знание об умысле на царевубийство и принадлежность к обществу со знанием цели его¹⁶⁶. VII разряд предусматривал четыре года каторжных работ и последующее вечное поселение в Сибири, а по указу Николая I Верховному уголовному суду от 10 июля 1826 г. срок каторги этому разряду был сокращен до двух лет¹⁶⁷.

Во время пребывания А. Ф. Бригена в Петропавловской крепости его мать Мария Алексеевна Вальман и жена Софья Михайловна до и после вынесения приговора не однажды обращалась к царю с прошениями об освобождении его от наказания и о разрешении свиданий. Так, 1 июня 1826 г. С. М. Бриген получила разрешение посетить мужа в крепости¹⁶⁸. 3 февраля 1827 г. было получено разрешение посещать Бригена два раза в неделю¹⁶⁹. Однако этим разрешением не осталось времени пользоваться. 15 февраля 1827 г. комендант Петропавловской крепости Сукин докладывал в рапорте царю, что в этот день в 12 часов дня Аврамов, Черкасов, Выгодский и Бриген, закованные в ножные кандалы, сдали фельдъегерю Непорожневу с жандармами для отправки в Сибирь¹⁷⁰. 6 марта партия прибыла в Тобольск¹⁷¹, в начале апреля — в Иркутск¹⁷², 15 апреля 1827 г. прибыла в Читу¹⁷³.

¹⁶⁵ Письмо 206.

¹⁶⁶ ВД, т. 17, с. 233.

¹⁶⁷ Там же, с. 245.

¹⁶⁸ ЦГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 6, л. 329.

¹⁶⁹ Там же, д. 8, л. 54.

¹⁷⁰ ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, св. 27 а, д. 544, л. 55.

¹⁷¹ Там же, оп. 8/851, св. 58, д. 50, л. 100.

¹⁷² Письмо 29.

¹⁷³ ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, св. 27 а, д. 544, л. 73.

Письмо А. Ф. Бригена от 3—4 апреля с дороги из-под Иркутска дает представление об условиях следования на каторгу: езда без остановки днем и ночью по самой ужасной дороге, в кандалах, в открытых саниах, впроголодь¹⁷⁴. Ко времени прибытия в Читу А. Ф. Бригена там находилось уже 40 декабристов. Тюрьма в Чите представляла собою два приспособленных маленьких дома, в которых была неимоверная теснота, с общими нарами, где на каждого заключенного приходилось не более полуметра. Для большого каземата, который был построен осенью 1827 г., декабристы сами копали мерзлый грунт под фундамент. Но и в новом каземате размещались по прибытии новых партий по 14—20 человек в камере. Однако атмосфера товарищества, дружбы отодвигала неудобства жизни на второй план.

В апреле 1828 г. срок каторги для 11 человек VII разряда был окончен, и 17 апреля комендант Нерчинских рудников С. Р. Лепарский доносил начальнику Главного штаба И. И. Дибичу, что все они «отправлены <...> в железках с приличным конвоем <...> для поселения их, где назначено»¹⁷⁵. Среди них был и А. Ф. Бриген. Из Иркутска его доставили в середине июня 1828 г. в Тобольск, а 20 июня отправили в сопровождении урядника Баедного и одного жандарма в Пелым¹⁷⁶.

По донесению правительству жандармского подполковника Маслова, Пелым представлял собой глухой заштатный город Тобольской губернии с суровым и сырым климатом, окруженный «тундрами и болотами, препятствующими почти во всякое время года сообщениям, даже промышленники редко проникают в сии пустыни»¹⁷⁷. В Пелыме уже был поселен один декабрист — В. И. Враницкий, но одиночная ссылка и тяжелое материальное положение отрицательно повлияли на его моральное состояние, и он находился в положении тяжелой депрессии. А. Ф. Бриген, как мог, облегчал его положение, но болезнь прогрессировала, и Враницкого перевели в марте 1830 г. в Ялуторовск.

А. Ф. Бриген первые год-полтора своего поселения

¹⁷⁴ Письмо 29.

¹⁷⁵ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 5, л. 32.

¹⁷⁶ Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905, с. 104.

¹⁷⁷ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1828, д. 29, л. 236, 237.

не терял надежду на то, что к нему придет семья. С. М. Бриген еще в 1827 г. начала хлопотать о разрешении приехать с детьми на место поселения мужа. Сначала Бенкендорф отговорился тем, что еще неизвестно место поселения. Когда же это стало известно, С. М. Бриген стала просить о том, чтобы мужа переселили в Пермь или Тобольск, «где мы больше способствовать будем воспитывать детей наших»¹⁷⁸. Однако ей было отказано не только в перемене места поселения, но и в переезде в Сибирь вместе с детьми¹⁷⁹. С. М. Бриген вынуждена была оставить мысль о переезде к мужу, так как оставить четверых детей у родных у нее не было возможности. Пока же просьба С. М. Бриген рассматривалась в инстанциях, Александр Федорович в ожидании семьи на присланные женой деньги построил трехкомнатный деревянный дом с хозяйственными постройками¹⁸⁰.

В собственном доме А. Ф. Бриген прожил до 1836 г., когда после многолетних ходатайств ввиду резко ухудшившегося состояния здоровья был переведен в Курган. Находясь восемь лет в пелымской ссылке (с 1830 г. в одиночестве), он много и серьезно занимался философией, историей, общался с жителями Пелыма, расспрашивал их об истории городка, собирал сведения о сосланных сюда Минихе и Бироне, вел оживленную переписку с родными — матерью, женой, сестрой Л. И. Стражевой.

В Пелыме же он начал переписку со своей старшей дочерью Марией (родилась в 1821 г.). Письма к Марии, а затем и к младшим дочерям — интереснейший источник, раскрывающий педагогические взгляды декабриста. А. Ф. Бриген считал, что учащиеся должны познавать изучаемые предметы путем размышлений, усваивать их благодаря философскому осмыслению. Из далекой сибирской ссылки, основываясь на своих глубоких знаниях, он руководил литературным и историческим образованием своих дочерей, нравственным и эстетическим их воспитанием. Характерно, что, советуя дочерям книги для чтения, Александр Федорович, наряду с лучшими художественными произведениями классиков и современ-

¹⁷⁸ Там же, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 4.

¹⁷⁹ Там же, л. 6, 8.

¹⁸⁰ Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч., с. 105.

ных писателей, историческими трудами рекомендовал и книги «социального звучания» — сочинение о рабстве Густава Бомона, о французской революции Лакрателя, о нищете трудящегося класса французского социалиста Этьена Бюре и др. Он рекомендует обязательно прочитать «Мертвые души» Гоголя, «чтобы ближе познакомиться с нашей дорогой родиной, он писал с натуры, верно, как большой мастер»¹⁸¹.

Из переписки с А. Е. Розеном и Н. И. Лорером видно, что глухой Пелым не оборвал тесных связей с декабристами: Александр Федорович был полностью осведомлен о своих товарищах, которых оставил в Чите, о их переходе в Петровский завод, о жизни в новой каторжной тюрьме, о вышедших на поселение, об умерших соузниках¹⁸².

О переводе из Пелыма Бриген начал хлопотать в 1831 г. 28 мая этого года генерал-губернатор Западной Сибири И. А. Вельяминов сообщает А. Х. Бенкендорфу, что А. Ф. Бриген тяжело болеет и просит перевести его в другое место поужнее¹⁸³. Но царь это ходатайство отклонил, наложив резолюцию: «Начали все проситься, надобно быть осторожным в согласии»¹⁸⁴. В 1833 г. И. А. Вельяминов по представлению исполняющего должность тобольского гражданского губернатора декабриста А. Н. Муравьева возобновил ходатайство, в котором также было отказано, а Муравьев получил от Бенкендорфа выговор «за неуместное представление» генерал-губернатору «о перемещении государственного преступника Бригена из Пелыма в южную часть Тобольской губернии»¹⁸⁵. И лишь рапорт начальника 7-го округа корпуса жандармов полковника Маслова от 9 марта 1835 г. Бенкендорфу о том, что Бриген «совершенно расстроил свое здоровье в Пелыме, удаленном от всех средств к излечению его и своим суровым северным климатом удваивающем его болезнь»¹⁸⁶, возымел действие, и перевод был разрешен. 14 марта 1836 г. А. Ф. Бриген был доставлен в Курган¹⁸⁷.

¹⁸¹ Письма 56, 63, 64, 77.

¹⁸² Письма 31, 32.

¹⁸³ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 24.

¹⁸⁴ Там же, л. 28.

¹⁸⁵ Там же, л. 41.

¹⁸⁶ Там же, л. 45.

¹⁸⁷ Там же, л. 63.

Курганский период жизни А. Ф. Бригена прослеживается достаточно полно по письмам его к родным и товарищам — декабристам. Попад из глухой одиночной пельмской ссылки в Курган, где была поселена большая группа декабристов и польских революционеров, А. Ф. Бриген обрел новое существование: он тесно общался с товарищами, продолжал заниматься философией, историей и литературой. Радостным событием в курганской жизни Бригена была встреча с В. А. Жуковским. Однако недолго продолжалась его жизнь в кругу дружной декабристской семьи — в августе 1837 г. М. М. Нарышкин, Н. И. Лорер, А. Е. Розен, М. А. Назимов, В. Н. Лихарев были отправлены на Кавказ солдатами. «Милость» царя коснулась не только тех, кого перевели в Кавказский корпус, но и А. Ф. Бригена: в 1838 г. ему разрешили вступить на государственную службу канцелярским служителем 4-го разряда в курганский окружной суд. В этой должности он служил восемь лет, когда после многих ходатайств родных его перевели в 3-й разряд канцелярских служащих, а в 1848 г. произвели в коллежские регистраторы и назначили на должность заседателя курганского окружного суда.

В 1840-х гг. в Кургане сложилась декабристская колония нового состава: здесь были поселены П. Н. Сви-стунов, Н. В. Басаргин, Ф. М. Башмаков, И. С. Повало-Швейковский, Д. А. Щепин-Ростовский, из первого со-става до своей смерти в 1842 г. жил здесь И. Ф. Фохт. С марта 1845 г. в Смоленской слободе Кургана был по-селен В. К. Кюхельбекер, проживший здесь ровно год. В июле 1845 г. В. К. Кюхельбекер получил письмо от своего брата Михаила Карловича из Баргузина, в кото-ром есть следующие слова: «Очень рад <...>, что ты нашел там добрых товарищей. <...> Басаргин, верно, тебе понравится. Бриген — тоже»¹⁸⁸. Этот год пребыва-ния Кюхельбекера в Кургане был насыщен острыми спо-рами между ним и Бригеном на философские темы. По-клонник Канта, Бриген не принимал мистический уклон в мировоззрении В. К. Кюхельбекера. Но вместе с тем знаток и ценитель литературы, А. Ф. Бриген имел по-стоянного собеседника на литературные темы. Памятен

¹⁸⁸ Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975, с. 168.

был для всех курганских декабристов день 26 мая 1845 г., когда они собрались у В. К. Кюхельбекера, чтобы отметить день рождения А. Пушкина.

В 1840-х гг. А. Ф. Бриген продолжал углубленно заниматься философией, историей и литературой¹⁸⁹. Особенно напряженными для него были 1844—1846 гг., когда он переводил «Записки» Юлия Цезаря, которые при содействии В. А. Жуковского должны были быть напечатаны¹⁹⁰. С 1845 г. Александр Федорович имел оживленную переписку с В. А. Жуковским, и письма Бригена свидетельствуют о его широкой и глубокой эрудиции в области истории, литературы и философии. После завершения работы над переводом сочинений Юлия Цезаря А. Ф. Бриген продолжал переводческую работу, но рукописи этих переводов он, видимо, уничтожил, так как не надеялся, что когда-нибудь удастся их напечатать.

Как и все декабристы, А. Ф. Бриген вложил свой вклад в народное просвещение Сибири. В книге по учету лиц, оказывавших материальную помощь Курганскому мужскому училищу, фамилия Александра Федоровича Бригена встречается часто с указанием о внесенных денежных суммах и пожертвованиях книг в школьную библиотеку. Так, например, в 1840 г. он подарил библиотеке училища книг на сумму 125 р. 42 к., в 1842 г. — на 113 р. сер.¹⁹¹ Помогал он народному просвещению и тем, что под его руководством местный учитель А. Г. Худяков перевел книгу Ж. Дежерандо «Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному воспитанию в первоначальных школах», изданную в Петербурге в 1838 г.¹⁹²

¹⁸⁹ Н. И. Тургенев в письме к В. А. Жуковскому (3 августа 1847 г.) удивлялся: «Какую силу духа должно иметь, чтобы искать в Кургане усаждения в Канте» (Вопросы литературы, 1975, № 11, с. 224).

¹⁹⁰ Подробнее об этом см.: Тальская О. С. К истории перевода А. Ф. Бригеном «Записок» Гая Юлия Цезаря. — В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983, вып. 3.

¹⁹¹ Лапин Н. А. Декабристы в Кургане: К вопросу об общественно-политической деятельности декабристов в сибирской ссылке. — В кн.: Ученые записки, посвященные 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662—1962). Курган, 1962, вып. 4, с. 67, 68.

¹⁹² Письмо 48.

Быше было сказано, что в 1848 г. А. Ф. Бриген был назначен заседателем Курганского окружного суда. Эта должность принесла ему большие неприятности. Исполняя в 1849 г. обязанность судьи (вместо заболевшего), декабрист не принял к судебному рассмотрению дела об убийстве крестьянина Михаила Власова, потому что следствие обвинило в преступлении невинного человека — двоюродного брата убитого — Павла Власова. Бриген начал длительную и изнурительную борьбу за то, чтобы доказать истину, и конфликт его по этому поводу с местными властями, включая самого генерал-губернатора Западной Сибири П. Д. Горчакова, закончился тем, что Бриген был выслан из Кургана в Туринск. Однако А. Ф. Бриген сумел добиться, чтобы дело Власова дошло до Сената, решившего в конце концов (в 1851 г.) его в пользу Бригена¹⁹³, который в это время находился уже в Туринске. В этом городе Бриген также служил заседателем окружного суда. В мае 1855 г. с разрешения царя он вернулся в Курган. Известив о таком разрешении генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта, начальник III Отделения А. Ф. Орлов сделал оговорку: «Если опять будет дерзок, то, не спрашивая, опять перевести из Кургана»¹⁹⁴.

При переезде из Кургана в Туринск А. Ф. Бриген заехал в Ялуторовск, где повидался с декабристами, жившими там. Это было отрадное событие в ссылке жизни Александра Федоровича. Товарищи снабдили его большим количеством книг. Но главным следствием этого свидания была начавшаяся интенсивная переписка Бригена с Е. П. Оболенским. Анализ писем А. Ф. Бригена дает возможность выявить его социально-политические взгляды в годы сибирской ссылки.

Переписка А. Ф. Бригена с Е. П. Оболенским длилась ровно 6 лет (22 сентября 1850 — 22 сентября 1856 г.). Нам известно 19 писем А. Ф. Бригена — яркое свидетельство его непримиримого отношения к существующим порядкам в России, доказательство того, что Бриген так и остался несмирившимся противником само-

¹⁹³ Об этом деле подробнее см.: Тальская О. С. Ссылные декабристы на государственной службе в Сибири. — В кн.: Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII — нач. XX в. Новосибирск. 1978, с. 245—248.

¹⁹⁴ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 257.

державия и крепостничества. Из писем видно его глубокое убеждение, что самодержавие — причина всех бед, которые происходят в стране. Только при самодержавии страной могут руководить бездарные люди, угодные императору, поэтому в стране господствуют коррупция, взяточничество, вымогательство, судебный произвол. Причина бесчинства властей на местах тоже кроется в самодержавной системе, при которой центральная власть, ведя антинародную политику, не может оградить народ от произвола местных властителей, которые чувствуют себя такими же царьками на управляемой ими территории, как император в масштабе России. По мнению Бригена, в управлении страной ничего не изменится со сменой генерал-губернаторов и губернаторов на местах или императора на престоле, так как самодержавная система останется. В чем же Бриген видит выход? В «лечении» гнилой системы, которая особенно зримо проявила себя в годы Крымской войны. Бриген верит в русский народ, в его одаренность и смывленность и считает, что неудачи в Крымской войне, в которых повинно исключительно самодержавие, должны пробудить в народе «достоинство», открыть ему глаза, а возглавить это пробуждение должны те, которые «в состоянии мыслить и думать у нас»¹⁹⁵.

После возвращения в Курган А. Ф. Бриген служит в той же должности заседателя окружного суда. В 1856 г. его произвели в чин титулярного советника¹⁹⁶. Но служба, которая его уже много лет тяготила, к этому времени стала невыносимой, и он мечтает от нее избавиться. Однако сделать этого Бриген не мог по соображениям материального порядка, так как был в Сибири обременен большой семьей, которую создал в 1838 г. с молодой девушкой Александрой Тихоновной Томниковой. В этой семье Бригена было пятеро детей. Из них первый сын Иван умер в младенчестве, другой сын, также Иван, умер в ноябре 1856 г. 14 лет вскоре после амнистии декабристам. Чтобы с уходом в отставку как-то обеспечить семью, А. Ф. Бриген решил просить А. Ф. Орлова хлопотать ему пенсию в размере получаемого жало-

¹⁹⁵ Письмо 169.

¹⁹⁶ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 261 и письма 171, 200.

банья¹⁹⁷. На эту просьбу от 29 июля 1856 г. последовал удовлетворительный ответ в сентябре 1856 г., т. е. уже после амнистии.

Объявленная амнистия поставила перед Бригеном серьезную дилемму — воспользоваться ею или остаться в Кургане, чтобы сохранить вторую семью и не оставить на произвол судьбы детей. Положение усугубилось еще и тем, что Александра Тихоновна, предвидя разлуку с мужем, тяжело заболела, и ее частые приступы безумия ввергали Бригена в отчаяние. Благодаря назначенной пенсии материальная сторона проблемы в общем была разрешена, но болезнь Александры Тихоновны не позволила Бригену оставить с ней детей.

Между тем, не зная ничего об этой семье Бригена, его родня, находившаяся в Европейской России, торопила его с отъездом. Он решает, наконец, поехать, но мучительно ищет различные варианты устройства детей. Младшего, 8-летнего сына Николая, он при всех случаях решает увезти с собой, дочерей же, 17-летнюю Екатерину и 12-летнюю Марию, он сначала думал отдать на воспитание настоятельнице Туринского монастыря, но вскоре эту мысль бросает и, признавшись своим родным — С. М. Бриген, мужу сестры Н. А. Терентьеву и дочери Л. А. Гербель — о существовании второй семьи, просит совета, как ему поступить. В этих обстоятельствах ему очень помог его родственник, свояк, служивший в Омске полковник Г. А. Яковлев, предложивший взять к себе старшую дочь Екатерину и сосватавший ей жениха. Родные из Европы наперебой приглашали его к себе вместе с детьми Марией и Николаем. Наконец, в июне 1857 г. он пускается в путь с сыном, оставив Марию на попечение ее старшей сестры и ее мужа А. Л. Кузнецова под присмотром Г. А. Яковлева.

Почти девять месяцев Бриген решал вопрос об устройстве своей сибирской семьи, и все эти месяцы он решал и другую проблему — куда поехать: в Черниговскую губернию, где жили С. М. Бриген и сын Михаил Александрович, или к младшей дочери Любови Александровне Гербель в Петергоф. Выбор в конце концов пал на Украину, где он собирался прожить до конца 1857 г., а затем переселиться в столицу, чтобы дать образование

¹⁹⁷ Письмо 176.

своему маленькому сыну Николаю. К концу года благодаря длительным ходатайствам петербургских родственников А. Ф. Бриген получил разрешение поселиться у дочери Л. А. Гербель в Петергофе, где прожил до середины сентября 1858 г., а затем вместе с ее семьей (тоже с разрешения царя) переехал в Петербург.

Последние полтора года жизни в Петергофе и Петербурге были насыщены активным общением с прежними друзьями, встречами с декабристами (Ф. Н. Глинкой, Ф. П. Толстым, М. А. Назимовым, М. М. Нарышкиным, В. И. Штейнгейлем, И. А. Анненковым, Н. Р. Цебриковым, Н. И. Тургеневым) и передовыми деятелями того времени. «<...> Хотя мы почти уже отжили свой век,— писал А. Ф. Бриген летом 1858 г.,— но по внутренней нашей жизни мы не отстали от времени, а идем с ним вперед»¹⁹⁸. Анонимный автор некролога о Бригене, человек, очень близко знавший Александра Федоровича в петербургский послесибирский период его жизни¹⁹⁹, писал: «С неостывающим жаром интересовался он всем современным, его занимали как юношу и события политические»²⁰⁰. Несмотря на свои уверения в письмах, что живет он покойно и уединенно, А. Ф. Бриген остро наблюдал за всем ходом политического развития в стране. Главный вопрос конца 1850-х гг., который занимал все русское общество,—отмена крепостного права—живо интересовал и старого декабриста. «Одно меня радует, что дожили до эмансипации»²⁰¹,— писал он. Он внимательно наблюдает за процессом подготовки крестьянской реформы и видит ее классовую сущность: государство озабочено тем, чтобы крестьянская реформа была проведена в пользу помещиков, а не крестьян.

В период подготовки реформы предполагалось, что казна выкупит у помещиков крестьянские земли, но крестьяне получат только половину их, вторая же половина останется в распоряжении правительства. «Эта мера,— пишет декабрист,— для того, чтобы, дав крестьянину

¹⁹⁸ Письмо 213.

¹⁹⁹ Наиболее вероятный автор некролога — литератор, издатель потаенной литературы, тайный корреспондент А. И. Герцена, активно сотрудничавший в «Санкт-Петербургских ведомостях», Н. В. Гербель, родной брат зятя А. Ф. Бригена В. В. Гербеля.

²⁰⁰ Санкт-Петербургские ведомости, 1859, № 172, 11 авг.

²⁰¹ Письмо 218.

зсмаю в обрѣз, принудить его к работѣ для помещи-
ка»²⁰². А. Ф. Бриген считал также, что о других рефор-
мах правительство и не помышляет. Так, например, зная,
что Н. И. Тургенев составил проект о введеніи в Россіи
суда присяжных, он считал, что правительство его не
примет. «Это прямо касается Панина,— пишет он,— у
которою, как я слышал, от одного слова «нововведеніе»
является пена у рта»²⁰³. Бриген с тревогой наблюдает
за тем, как все более ужесточается цензура, вплоть до
того, что в Россіи запрещен даже Новый завет. Улуч-
шений же в бюрократическом строе Россіи и в концѣ
1850-х гг. он не замечает.

Мы не имеем прямых свидѣтельств, с кем из деятелей
молодого поколенія А. Ф. Бриген встречался, но мы мо-
жем представить это окруженіе. Зять его Василий Ва-
сильевич Гербель — родной брат известнаго прогрес-
сивнаго общественнаго деятеля Николая Васильевича
Гербеля. Из намеков в письмѣ к дочери Маріи Алек-
сандровнѣ видно, что изданія Вольной русской типогра-
фії были Бригену хорошо знакомы. «Я имел случай
прочестъ здѣсь,— писал он,— много любопытнаго, наве-
зеннаго с Запада. Жалею, что не могу с вами поделить-
ся»²⁰⁴. Можно предположить, что А. Ф. Бриген был зна-
ком не только с Н. В. Гербелем и В. П. Гаевским (о чем
Бриген сам писал²⁰⁵), но, несомненно, и с другими лите-
раторами, которые были связаны с Герценом. Не слу-
чайно список «Записки» А. Ф. Бригена о происхожде-
ннн Павла I, которая была опубликована в лондонском
изданнн Герцена в 1861 г.²⁰⁶, был найден в архивѣ близ-
каго друга Герцена и Огарева П. В. Анненкова, который
в 1858—1859 гг. был, в свою очередь, тесно связан с ли-
тературным кругом, состоящим из тайных корреспондент-
тов Вольной русской типографіи в Лондонѣ, в том числѣ
с Н. В. Гербелем и В. П. Гаевским²⁰⁷.

«Записка» А. Ф. Бригена о происхожденнн Павла I

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Письмо 217.

²⁰⁵ Письмо 211.

²⁰⁶ Исторический сборник Вольной русской типографіи в Лон-
донѣ, 1861, т. 2, с. 249—264.

²⁰⁷ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной
звезды». М., 1966, с. 151.

уже была объектом исследования двух крупных историков — Б. Л. Модзалевского²⁰⁸ и Н. Я. Эйдельмана²⁰⁹. Б. Л. Модзалевский, опубликовав список «Записки» из архива П. В. Анненкова, сделанный рукой его брата Ф. В. Анненкова, провел большую поисковую работу и доказал, что все упомянутые в «Записке» лица реально существовали, и квалифицирует сочинение Бригена как исторический документ. Однако Б. Л. Модзалевский не выявил до конца, когда же именно Бриген написал ее. Отталкиваясь от упоминаемой в тексте «Записки» даты — 1846 год — и основываясь на подзаголовке в копии Анненкова «Записка одного из декабристов фон Бригена о Павле I. Составлена в Сибири», Б. Л. Модзалевский пришел к выводу, что написана она в Сибири незадолго до амнистии. Обстоятельное и доказательное исследование Н. Я. Эйдельмана, на наш взгляд, правильно датирует время написания Бригеном «Записки» после амнистии.

И нам представляется, что писал он ее в последние месяцы жизни. Несомненно, что толчком послужили изданные Герценом в 1859 г. «Записки Екатерины II» и «Записки» Е. Р. Дашковой, которые напомнили ему все слышанное в Сибири о старце Афанасии Петровиче. А сталкивался он с этой историей в Сибири не однажды. По всей вероятности, Афанасий Петрович был темой разговоров соузников в Чите. Этот вывод можно сделать из того, что с упоминаемыми в «Записке» сведущими в этой истории декабристами Тизенгаузеном, Сви-стуновым, Мухановым, Одоевским Бриген был вместе только в Чите. А поводом для такого разговора могли быть путевые впечатления А. Е. Розена и его товарищей, с которыми он следовал в одной партии в Сибирь, М. Н. Глебова, М. К. Кюхельбекера и Н. П. Репина. Начиная с Тюмени, ямщики и встречавшиеся крестьяне расспрашивали декабристов, не знают ли они что-либо об Афанасии Петровиче²¹⁰, и сообщали им слухи о нем.

²⁰⁸ Публикация «Записки» и послесловие Б. Л. Модзалевского. — *Былое*, 1925, № 6, с. 3—12.

²⁰⁹ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973, с. 161—192; Он же: Комментарий к публикации, «О происхождении императора Павла I». — В кн.: Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжка III. М., 1971, с. 164—169.

²¹⁰ Розен А. Е. В ссылке. М., 1900, с. 109.

Сведения, полученные А. Ф. Бригеном в Чите, пополнились в последующие годы жизни в Сибири рассказами упоминаемого в «Записке» Алексеева (Алексеевского) и фельдшера Сигизмунда, с которыми А. Ф. Бриген встретился в Тобольске. Но когда эта встреча могла произойти? Бриген был в Тобольске четыре раза: в 1827 г., когда его везли в Сибирь, в 1828 г., когда везли из Читы в Пелым, в 1836 г. при проезде из Пельма в Курган, затем в марте или апреле 1838 г.²¹¹, когда он ездил в Тобольск для утверждения в должности канцеляриста. Но в 1827 или 1828 г. Сигизмунд не мог сопровождать сосланного поляка, а в 1836, а тем более в 1838 г. Алексеев, по утверждению Б. Л. Модзалевского, уже не был полицмейстером Тобольска. Но ведь Бриген в «Записке» и не говорит, что когда он встретился с Алексеевым, тот все еще был полицмейстером. Полицмейстером он его называет, когда рассказывает о времени, когда Алексеев разыскивал и сопровождал в Петербург Афанасия Петровича. В 1836 или 1838 г. Алексеев мог занимать и другую должность в Тобольском губернском правлении, где Бриген мог встретиться с ним и куда Сигизмунд привез поляка.

О том, что Бриген писал «Записку» в Петербурге, а не в Сибири, свидетельствует и тот факт, что искажены фамилии Алексеева и Почижерцова, так как он писал эту историю через 20 лет. Можно еще предположить, что фамилию Почижерцова искажил не сам Бриген, а тот, кто читал и переписывал подлинник, не разобравшись как следует в почерке Бригена. Несомненно, что рукопись Бригена была найдена после его смерти в его бумагах, с нее были сделаны копии, одна из которых была переправлена Герцену, другая сохранилась в архиве П. А. Анненкова. Подзаголовок же «Записка одного из декабристов фон Бригена о Павле I. Составлена в Сибири» был сделан Ф. В. Анненковым. Для Герцена этот подзаголовок не был написан, чтобы скрыть фамилию автора (не случайно же Бриген писал о себе в третьем лице). Не исключено, что Бриген писал эту «Записку» прицельно для Герцена по совету своих друзей и, возможно, даже собирался сам отвезти ее за границу. О том, что он именно в 1859 г. планировал поездку за границу,

²¹¹ Письмо 39.

говорит автор некролога о Бригене: «Смерть застала его еще в мечтах о светлой радостной жизни, о путешествии за границу <...>». Смерть помешала Бригену довести рукопись до должного стилистического уровня, завершить ее редакционно, этим и можно объяснить, что написана она несравненно ниже стиля его писем. Н. Я. Эйдельман обращает внимание на то, что напечатанный в «Историческом сборнике» текст не совсем совпадает со списком Анненкова, опубликованным Б. Л. Модзалевским²¹². Причину незначительных расхождений и некоторых пропусков в «Историческом сборнике» мы видим в том, что «Записка» здесь подвергалась редакционной правке.

Что побудило А. Ф. Бригена буквально в последний момент своей жизни писать для Вольной русской типографии «Записку о происхождении Павла I»? Казалось бы, от амнистии Бриген получил все: материальное обеспечение в виде пенсии, разрешение жить в Петербурге, с него был снят тайный надзор, ему вернули наградные регалии 1812 года²¹³. Но с самодержавием он не смирился. И свое отношение к нему он выразил в «Записке о происхождении Павла I», чтобы показать, что занимающие престол императоры и императрицы — не законные Романовы, а незаконнорожденные, по сути узурпаторы власти, вынужденные скрывать свое нецарское происхождение и, следовательно, не имеющие права на престол.

Одним из близких друзей А. Ф. Бригена в последние месяцы его жизни был декабрист Н. Р. Цебриков, который писал Е. П. Оболенскому в Калугу, что видится очень часто с Александром Федоровичем²¹⁴. Что сблизило этих двух декабристов в 1858—1859 гг.? Несомненно, Герцен. Н. Р. Цебриков очень тесно сотрудничал с Вольной русской типографией. И не случайно совпадение, что статья Цебрикова «Алексей Петрович Ермолов» опубликована Герценом в том же выпуске 2 «Исторического сборника», вышедшем из печати в январе 1861 г., что и «Происхождение Павла I» Бригена. Вслед за этим в VI книге «Полярной звезды», увидевшей свет в марте

²¹² Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжка III, с. 167—179.

²¹³ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 271, 286, 288, 293.

²¹⁴ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931, т. 1, с. 271.

ВОСКОВОЙ БАРЕЛЬЕФ А. Ф. БРИГЕНА
РАБОТЫ Ф. П. ТОЛСТОГО. 1810 г.

Государственный Русский музей, Ленинград

1861 г., опубликована другая статья Н. Р. Цебрикова «Анна Федоровна Рылеева» и воспоминания под названием «Кронверкская куртина».

Тесно общаясь с Бригеном и хорошо зная образ его мыслей, Цебриков с полным правом через месяц после смерти Александра Федоровича мог написать о нем такие строчки: «Он сохранил до гроба свои убеждения, свои принципы, свои стремления. Чистая, кроткая душа его не знала другой скорби, как только по отечестве, в котором всякая черта любви к нему блестит теперь, как огонек среди глубокой ночи»²¹⁵.

Похоронен А. Ф. Бриген на Волковом кладбище в Петербурге на Литературных подмостках.

Идейная жизнь А. Ф. Бригена — одного из активных деятелей тайных обществ — не замерла в 1825 г.

²¹⁵ Там же.

30 лет ссылки не погасили в нем свободолюбия и ненависти к существующим порядкам, с которыми он пытается бороться доступными ему методами. Он, дворянский революционер, к середине XIX в. начинает понимать, что народ должен искать «достоинство» в самом себе для того, чтобы избавить Россию от самодержавия. Вернувшись из Сибири, А. Ф. Бриген присоединяется к новому поколению борцов, видя в них ту силу, которая пришла на смену «первенцам свободы».

В томе публикуются все выявленные к настоящему времени письма и исторические сочинения А. Ф. Бригена.

Из 219 писем 28 относится к периоду до декабря 1825 г., 22 письма написаны после возвращения из ссылки, 169 — из Сибири.

Публикуемые письма — небольшая часть в действительности написанных декабристом. По его же свидетельству, в Сибири он писал письма каждую почту, т. е. один раз в неделю обязательно, и не одно письмо, не считая писем, отосланных с оказией. Следовательно, по самым скромным подсчетам, А. Ф. Бриген написал в Сибири от 3 до 4 тысяч писем. Из официальных документов, писем А. Ф. Бригена и его корреспондентов удалось установить еще 138 не дошедших до нас писем.

Наиболее обеспечены письмами: 1816 г. (23 п.), 1857 (22 п.), 1850 (17 п.), 1856 (16 п.), 1845 (14 п.), 1851 (11 п.), 1858 (10 п.), 1841, 1849, 1855 (по 9 п.), 1842, 1844, 1846 (по 8 п.), другие годы от 1 до 6 писем. Известны письма 1813—1814, 1817—1823, 1828, 1831, 1832, 1835 гг., а также письма 1826 г. из крепости.

Основная масса корреспонденции адресована родным: жене, детям, сестрам, брату и другим родственникам. Наибольшее число писем сохранили дочери М. А. Туманская и Л. А. Гербель, обнаружено очень мало писем к жене и совершенно неизвестны письма к матери, сыну М. А. Бригену, дочери А. А. Умовой и брату Р. И. Вальману. Часть писем к родным сохранилась благодаря тому, что они были задержаны в III Отделении.

А. Ф. Бриген переписывался со многими декабристами. Среди них И. А. Анненков, Ф. М. Башмаков,

П. С. Бобрищев-Пушкин, Ф. Н. Глинка, Н. И. Лорер, А. М. Муравьев, М. А. Назимов, М. М. Нарышкин, Е. П. Оболенский, И. И. Пущин, А. Е. Розен, П. Н. Свистунов, С. М. Семенов, С. П. Трубецкой, Н. И. Тургенев, М. А. Фонвизин, В. И. Штейнгейль, И. Д. Якушкин. Однако только Е. П. Оболенский сохранил, видимо, весь комплект писем А. Ф. Бригена, письма к другим декабристам дошли до нас единицами или совсем не обнаружены. Исключительный интерес представляет письмо к К. Ф. Рылееву.

Часть представленных писем адресована официальным лицам. Из общего числа писем 202 публикуются впервые, 17 издавались ранее, но, за небольшим исключением, также даются по автографам. Сведения о местонахождении писем, наличии копий и списков, публикаций даются в комментарии. Письма расположены в хронологическом порядке, даты помещены перед текстом независимо от их места в оригинале. Как правило, все письма публикуются полностью, только в нескольких опущена часть текста, не представляющая интереса, что помечено отточиями в угловых скобках. Под строкой помещаются пометы адресата, перевод иностранных слов и т. д. Подчеркнутый авторский текст передан курсивом.

Сочинения А. Ф. Бригена «Анекдот» и «Происхождение Павла I» публикуются по изданиям, оговоренным в комментарии. «Предисловия» к I и II части перевода «Записок» Гая Юлия Цезаря и исторический очерк «Жизнь Кайя Юлия Кесаря и взгляд на его характер», также предшествующий тексту перевода, публикуются по рукописи (перебеленной рукой переписчика), хранящейся в ГПБ. Страницы «Предисловий» и очерка в отличие от текста «Записок» Цезаря, нумерованных арабскими цифрами, в подлиннике пронумерованы римскими цифрами и имеют подстрочные буквенные примечания. Эта особенность в настоящей публикации не сохранена: нумерация римскими цифрами снята, а в подстрочных примечаниях буквенные обозначения заменены звездочками.

Перевод писем, хранящихся в ИРЛИ, с французского языка осуществлен А. А. Рубченко, а писем 2—25 Н. Ф. и Н. А. Полторацкими.

Тексты писем и сочинений печатаются по правилам публикации исторических документов, но с сохранением особенностей стиля автора. Фамилию декабриста мы пи-

шем с одним «г»: Бриген. Так писал сам Александр Федорович, его современники, а также декабристы в своих показаниях Следственному комитету, воспоминаниях и письмах. В такой же транскрипции проходит фамилия во всей без исключения официальной документации. После смерти декабриста вариант фамилии с удвоенным «г» постепенно проник на страницы многих публикаций, перемежаясь с правильным написанием, проник настолько, что В. И. Семевский в своей монографии «Политические и общественные идеи декабристов» (СПб., 1909) счел необходимым сделать специальную оговорку, что фамилию Бриген следует писать через одно «г». Считаем, что в будущих изданиях необходимо придерживаться этого написания.

Выражаю благодарность Г. И. Курныкиной за любезное предоставление для публикации копий ряда писем (без атрибуции и археографической обработки), рукописи «Предисловий» и очерка «Жизнь Кайя Юлия Кесаря и взгляд на его характер».

Приношу также глубокую благодарность потомкам А. Ф. Бригена — праправнучке Татьяне Борисовне Николаи и правнучатому племяннику Никите Алексеевичу Брыгину, оказавшим существенную помощь в розыске справочных материалов, использованных при составлении комментариев. Н. А. Брыгин предоставил для публикации в настоящем томе письма 2—25 и выявленное им письмо 198.

Пользуюсь случаем выразить благодарность сотрудникам ГПБ и ГБЛ за содействие в изготовлении фото- и ксерокопий с автографов А. Ф. Бригена.

О. С. Тальская

ПИСЬМА

1. Я. А. ДРУЖИНИНУ

Невель, 5 июля 1812 г.

Милостивый государь Яков Александрович¹.

Обстоятельства нас далеко завели вообще. Большая часть императорской свиты со вчерашнего дня в Невеле. Мы здесь покамест остаемся. Государевы же экипажи сегодня отправляются по приказанию графа Н. А. Толстого², сейчас полученному, в Великие Луки. Вот вам бюллетень о нашем движении; куда же движется теперь армия, с точностию сказать вам не могу; мне только известно по 3-е июля, т. е. по отъезде нами из лагеря³, что Багратион⁴ с армией был у Несвижа, что Платов в пяти местах разбил корпус легкой кавалерии⁵, что гос[ударь] имп[ератор] с гвардейским корпусом из лагеря перешел по сю сторону Дриссы, реки и города, что Витгенштейн⁶ стоял между Дриссою и Друею по сю сторону Двины, что французы делали большую разведку* на Динабург и особенно тет де пон** Двинский у Динабурга, но храбро отбиты, что в 1-й армии место генерала Главного штаба занял после Лаврова⁷ Паулучи⁸, после Паулучи чрез несколько дней ген[ерал] Ермолов⁹, который, кажется, всеми почитается за сведущего человека; вместо дежурного [генерала] Кикина¹⁰ правит должность дежур[ного] генерала Ставраков¹¹. Вообще надобно помнить, что главное движение 1-й армии будет по Двине. Но где главные силы французов и куда направляется их главное действие, сколько у них войска, этого у нас не

* Слово «разведка» в подлиннике на франц. яз.

** Французское выражение, написанное русскими буквами. В переводе «предмостное укрепление».

говорят и, вероятно (будь между нами сказано), не знают.

Вот вашему превосходительству великие откровения! Прошу покорнейше сжечь письмо это; оно писано не чрез почту и не с курьером, а чрез верную оказию.

У нас в армии есть швед генерал-адъютант граф Лёвенгельм; есть английский лорд адмирал Боунинг и также один гишпанец¹², у нас, слава богу, есть и хлеб, и соль, и храбрые солдаты. Жаль, что не пожаловал к нам на позицию при Дриссе Наполеон со всеми силами своими: не воротиться бы ему назад. Позиция удивительная¹³, но, видно, Мюрат¹⁴ проклятый и не сунулся.

Что у вас творится? Я думаю, Густав Андреевич¹⁵ менее теперь предприимчив... Впрочем, вот пример. Весьма мудро сказано: не надейся на силы человеческие. Я думаю, на следующий год понадобится много денег; вероятно, и Дмитрия Александровича¹⁶ и вас это обстоятельство сильно озабочивает; и подлинно, есть о чем подумать: война самая решительная, обстоятельства самые практические. Господи, помоги нам. Как поговаривают у вас в Петербурге, надеются ли на успех, вить глас народа — глас божий. Вы не поверите, Яков Александрович, как бы я желал хоть бы курьером съездить в Петербург, чтоб побеседовать кое о чем с вашим превосходительством и повидаться с некоторыми другими, вить всего не напишешь, а материи, право, достаточно. Еще покорнейше прошу вас на всякий случай предать сожжению писание сие, хоть, в сущности, ничего особенно секретного не заключающее, однако ж и не публичное. Не забывайте меня своею милостию и расположенностию.

Покорнейше прошу засвидетельствовать мое почтение всем помнящим меня.

Ваш верноподданный фон Бриген.

2. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург], 27 марта [1815]²

Дорогой друг и брат³, ваше письмо от 7/19 марта было передано мне 25[-го] того же месяца. Оно меня столь же обрадовало, как и огорчило. Узнать, что вы находитесь в добром здравии, для меня большая радость,

* Подлинник на франц. яз.

но узнать в то же время, что ваше возвращение в Петербург откладывается на другой срок,—это для меня новость, которая заставляет терять терпение. По-видимому, г[осподин] Бонапарт, не удовлетворившись тем, что погубил свою славу, пожелал также погубить и нашу, перевернув все наши планы, которые должны были осуществиться весной. И вот она эта столь желанная весна, а Геттинген не увидит нас в своих священных стенах! Нужно прозябать еще в Петербурге, проводить лучшее время в казармах, а остальное — в скуке. Если случится какая-нибудь кампания, то я не премину ею воспользоваться при первом же представившемся случае, чтобы стать адъютантом какого-нибудь генерала. По крайней мере, моя служба не пройдет впустую, и я смогу сделать хорошую карьеру, а здесь приходится влачить абсолютно жалкое существование.

В Петербурге при первом известии о прибытии Наполеона во Францию⁴ демон войны завладел всеми умами; только и говорили о сражениях, русские, как обычно, хотели только драться, немцы, особенно братья св. Петра⁵, стояли за нейтралитет, говоря, что самое лучшее предоставить французам делать, что им угодно, потому что они сами перережут друг друга. «Чем меньше французов, тем лучше»^{*}—этим обычно заканчивались патетические дебаты, проходившие в клубах табачного дыма; молоточку достопочтимого Эллизена⁶ приходилось много потрудиться, чтобы навести порядок среди этих поборников политических принципов. Бонапарт в настоящее время является, по выражению Штерна⁷, объектом суждений всех резонеров, и каждый спешит по-своему предсказать конец событий. Я же отнюдь не знаток политики и ожидаю, что время развяжет эту игру, арена которой, по слухам, ходящим по Петербургу, уже находится в Париже⁸.

Ваши променады во фраке в партере⁹ не вызовут моей зависти, потому что у нас в Петербурге установилась прекрасная погода, на улицах совершенно нет грязи и можно гулять в летнем костюме, не чувствуя холода. На третьей неделе Великого поста уже нельзя было ездить на санях из-за отсутствия снега, которого вообще

^{*} Фраза «чем меньше французов, тем лучше» в подлиннике на нем. яз.

А. Ф. БРИГЕН

Литография А. Мюнстера с акварельного портрета
2-й половины 1850-х гг.

было немного в эту зиму. Поля начинают покрываться зеленью, по-видимому, мы привезли с собой весну из доброй Германии. Как трудна эта весна, особенно, когда намереваешься провести ее в другом месте! Простите, мой добрый друг, не забывайте вашего брата.

А. фон дер Бриген.

Не отослав вам своего письма сразу же, как предполагал, испытываю страстное желание надоесть вам еще несколько минут.

3. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ *

[Петербург, 1816, I половина года]

Мой добрый друг!

У меня к вам просьба разрешить мне посмотреть вашу библиотеку с г[осподино]м Симанским², который просил меня найти возможность насладиться ею. Если это не будет нескромным, то приду с ним в полдень при условии, что это не будет для вас обременительно. Что касается Эрмитажа, то мы можем пойти посмотреть его в другой раз. Я ограничусь главным, а удовольствие осмотреть остальные достопримечательности отложу до следующего раза.

А. ф[он] д[ер] Бриген.

4. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ **

[Петербург, 1816, I половина года]

Мой добрый друг! Я был вчера у вас с Солонкой¹, и, прождав вас целый час, мы ушли. Я оставил записку, но сомневаюсь, что вы сможете ее прочесть из-за плохого почерка. Не знаю, когда буду иметь удовольствие вас видеть, поэтому прошу сообщить мне подробности об Артарии² письмом и послать его мне с подателем сего, а также и книгу, которую просил вас прислать («Путешествие в Троаду»). Если это не будет нескромным с моей стороны, то буду просить вас дать мне на несколько часов «Декорацию» Кюлена. Ваша любезность позволила мне быть нескромным.

А. ф[он] д[ер] Бриген.

5. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ ***

[Петербург, 1816, I половина года]

Мой добрый друг!

Возвращаю вам ваши книги. Тысяча благодарностей за удовольствие, которое они мне доставили. Вы будете весьма любезны, если пришлете мне «Историю моего времени» Фридриха¹ и «Аминту» Тассо². Возможно,

* Подлинник на франц. яз.

** Подлинник на франц. яз.

*** Подлинник на франц. яз.

итальянская поэзия поможет мне понять немецкую историю.

Определение музыки Глинкой³ исключительно поэтично и очень красиво. Видимость согласия и единства, которые якобы царят в полку, равно как и любезность генерала⁴, привели его в заблуждение, но мы ему будем признательны за увековечение наших концертов не только для нашего поколения, но и для потомства!!!⁵

Простите, не забывайте того, который готовится к самому трудному покаянию. Если я умру, то завещаю вам весь мой портфель и все планшеты, хранящие отзвуки моего голоса и поиск путей к познанию.

А. ф[он] д[ер] Бриген.

Пошлите сказать Глинке, чтобы он пришел сегодня на концерт.

6. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург, 1816, I половина года]

Дорогой брат, сообщите мне о состоянии вашего здоровья, что же касается меня, то я весь в делах, занят тем, чтобы достать все необходимое для маскарада. Я не хотел вчера вас тревожить своей просьбой одолжить мне «Письма» Гонди**. Ильин¹ обещал вытащить их из своего темного чулана. Если он это сделал, то прошу вас, окажите любезность послать их мне. Теперь я не думаю читать ничего серьезного, но чрез две недели у меня будет полная возможность подумать о новой отдельной квартире, которую генерал обещал мне дать. Простите, мой дорогой якобинец, до вечера.

7. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ***

[Петербург, 1816, I половина года]

Дорогой друг, извините, что не был у вас вчера, как обещал. Меня потащили, помимо моей воли, на придворный спектакль. Пишу вам этот планшет, сидя в казарме. Одно это слово может вам дать точное представление, хорошо ли мне сейчас здесь. Дайте мне знать, лучше ли

* Подлинник на франц. яз.

** Слова «Письма Гонди» в подлиннике на нем. яз.

*** Подлинник на франц. яз.

вам и начали ли вы уже срывать розы, которые были перед вами позавчера, но главным образом опасайтесь шипов.

Преданный вам А. ф[он] д[ер] Бриген.

8 А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург, 1816, 23 февраля], среда¹

Мой добрый друг!

Что вы подделываете, не позабыли ли меня? Целую вечность вас не видал. Это лишение, которое я вменяю себе в покаяние и которое для меня тяжелее, чем пост. Это лишение, как и плохая погода, делают меня полным меланхоликом. Благодарю вас тысячу раз за вашего «Аминту», который доставил мне несравненное удовольствие. Я понял почти все, за исключением нескольких мест, смысл которых от меня ускользает. О, что за диво итальянский язык, в нем все поэзия. Любовь создала этот язык. Как мне хотелось иметь возможность разговаривать на нем с ...**, но я хорошо понимаю, что вновь становлюсь земным именно тогда, как приближаюсь к самому, как мне хотелось бы, возвышенному. Но разве грех говорить о любви? — Никогда! Это чувство приближает нас больше всего к божеству. Тот, кто не способен любить, — не человек. Пусть же он никогда не познает этих чувств, если он их не достоин, и пусть умрет, не прожив! Если вы сегодня вечером будете дома, я приду вас навестить, но при условии, что не остановлю пера, которое пишет для потомства².

Будьте добры написать на прилагаемом здесь письме адрес г[осподина] Есипова³. Завтра я устраиваюсь на моей новой квартире. Пусть дружба и л[юбовь]*** поселятся в ней со мною. Простите, посвятите несколько минут воспоминанию о вашем

А. ф[он] д[ер] Бригене.

* Подлинник на франц. яз.

** Отточие в подлиннике.

*** В подлиннике после первой буквы отточие.

Мой дорогой друг! Целую вечность вас не видел. О, как я устал и разбит! И представьте, сегодня опять бал. Вчерашний маскарад был восхитителен. Глинка вам, несомненно, его описал, потому что он мне вчера сказал, что сегодня утром будет у вас. Для полного удовольствия нам не хватало только вас. Фейерверк был очень красив, и я видел вчера в миниатюре Везувий. Дай бог, чтобы я его увидел в действительности. Представьте себе для полноты картины, что сбылось мое желание, и я сидел в течение получаса рядом с кем...**, рядом с самим Карамзиным¹, который разговаривал с Тургеневым². Я не хотел мешать их разговору и обратился к Александру Ивановичу только тогда, когда он поднялся, чтобы уйти; он узнал меня. Я спросил у него о его брате³, и он сказал, что он сейчас во Франкфурте и скоро придет сюда. Во время всего разговора Карамзина с Тургеневым я весь обратился в слух. Сам Карамзин не сказал ничего примечательного, но Тургенев исчерпал весь словарь научных слов. Они говорили по-французски, но эти фразы сопровождались словами с окончаниями на *ум* и *ус*. Можете судить, что такой профан, как я, ничего не понял из их разговора, но я нахожу, что все это должно быть очень учено.

Если сегодня у меня будет время, то приду вас навестить к десяти часам вечера, если вы еще не будете спать. Вы не поверите, как карнавал меня утомляет. Дайте мне обязательно знать, как вы поживаете и что поделываете; считаю вас достаточно справедливым, чтобы вы думали, что это меня интересует.

Простите, мой друг, извините за эту мазню, я с трудом держу перо, большой бокал шампанского бродит в моей голове. Любите меня всегда.

А. ф[он] д[ер] Бриген.

* Подлинник на франц. яз.

** Отточие в подлиннике.

Дорогой брат, мой наилучший друг!

Сегодня утром, когда я писал вам список книг, я даже не прочел до конца ваше письмо, так спешил отослать вам вашего посыльного. Мысль об отъезде г[осподин]а Гасса¹ в Италию настолько живо предстала в моем воображении, что я его уже видел одной ногой в коляске, чтобы уехать. Я поспешил нацарапать свою записку, которую, конечно, вы прочли с большим трудом из-за прекрасного почерка. О, как он счастлив, этот Гасс! Он уезжает...**, а я еще остаюсь здесь, не вижу берегов Тибра, не вижу могилы Вергилия! Я дышу воздухом деспотизма, когда я так свободолюбив. «Человек свободен, если он даже родился в хижине раба». Шиллер***². Эта мысль пронзает меня до глубины души. Да вознесет она меня на вершину блаженства, к бессмертию, в которое убежден...****. Каждый здравомыслящий человек, когда он иногда в своей жизни переживает такие мгновения, которые, несмотря на все невзгоды, приносят ему спокойствие, когда он чувствует, что в один прекрасный день он освободится от этой земной, подверженной стольким болезням оболочки, которая ставит его на один уровень со всем, что ни есть презренным, самым слабым на земле, когда он будет существовать в тех сферах, где нет ни парадов, ни суеты, когда у него бывают такие мгновения, что все стрелы, посланные судьбой, потеряв свою силу, падают у его ног, не затронув его, то именно тогда чувствует он бессмертную душу. Но я вижу, вы начали смеяться и уже зеваете; тем лучше, мои планы всегда служили снотворным средством. Я так устал от бала, так разбит, что не могу уже ни о чем думать. По крайней мере, я сохраняю и всегда буду сохранять даже в этих воздушных сферах способность вас любить. Если боль, заставляющая меня вызывать к моему другу, может быть разделена, то я приду вечером поделиться ею. Я убежден в правоте слов Дели-

* Подлинник на франц. яз.

** Отточие в подлиннике.

*** Цитата Шиллера и фамилия автора на нем. яз.

**** Отточие в подлиннике.

ля³, что «страдания становятся удовольствием, когда их разделяют другие». Я много говорил о вас вчера, вы знаете с кем, и вы можете представить, много ли я злословил на ваш счет. Было много прекрасных Терпсихор <...>, и я провел большую часть вечера, созерцая их <...>.

Вчера я купил все сочинения Макиавелли⁴, и я, мой друг, так доволен, что если бы вы меня увидели, то разделили со мной радость и удовольствие, и ваша скорбь убралась бы в ящик Пандоры.

Простите, всегда любите того, кто вас всегда любит.
А. ф[он] д[ер] Бриген.

11. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург, 1816, I половина года]

Дорогой брат!

Не мог удержаться, чтобы не написать вам эти строки, получив ваше письмо, которое мне говорило бы против другого, если бы этим другим не были вы. Как можно было предположить, что я предназначен дышать воздухом двора?.. Как можно было не верить в искренность не только моего проекта путешествия, но и во все то, что я говорю; и для полноты комплимента (я был свидетелем того, что вы умеете их делать) прямо мне сказать, что все это исходит из глубины вашего сердца и основывается на вашем знании моего характера. Это ужасно. Знайте, что можно презирать мир среди пустыни двора, и никогда Руссо¹ не был таким мизантропом, как живя в Париже; знайте, наконец, что если бы не недостаток в бумаге, то я написал бы вам планшет, который по своей длине отомстил бы за все эти оскорбления. Оставляя удовольствие мщения на завтра, и тогда берегитесь. Мои комплименты Ильину и Глинке. Простите.

[Приписка:] Я в карауле, и у меня под арестом находится один офицер инженерных войск, которому я проповедую свободололюбивые идеи.

* Подлинник на франц. яз.

12. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург, 1816, I половина года]

Только что получил от П. И.¹ два письма, одно для меня, в котором он просит передать вам прилагаемую пачку книг с письмом для вас. Он также поручил мне поблагодарить вас за все заботы, которые вы проявили о нем. Я очень хотел бы знать, что содержится в вашем письме, есть ли в нем что-нибудь определенное...** Напишите мне несколько слов обо всем этом. Простите.

А. ф[он] д[ер] Бриген.

13. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ***

[Петербург, 1816, I половина года]

Не могу себе представить, чтобы человек, который чувствует красоту Тассо, разделяет великие принципы Адама Смита¹, говорит только о возвышенных чувствах, может быть и теплым и прохладным в вопросах дружбы. Три дня и еще несколько дней после четверга прошли, а вы не сообразовали поинтересоваться, что со мною, хотя могли быть уверены, что не по небрежности я не был у вас. Я не упрекаю вас за это, такого рода упреки не должны иметь места. И все же, несмотря на всевозможные мотивы, проявление столь малого интереса будет всегда еще одним лишним поводом для мизантропии. Что касается меня, то скажу вам, что, хотя это вас очень мало интересует, все эти дни я был очень занят и в качестве развлечения у меня были такие головные боли, которые доводили меня до бешенства. Разные обстоятельства, как и мои собственные дела и служба, заполнили эти дни, которые можно было бы лучше провести в Гетт[ингене]. Надеюсь, что у меня еще будет несколько дней, не напрасных в моей жизни. Я назначен командовать ротой, которая доставит мне довольно много хлопот. Но, несмотря на все эти препятствия, я оторву несколько часов, чтобы посвятить их занятиям, которые всегда будут главными в моей жизни. Для этой цели я прошу вас прислать мне сочинение, которое я боюсь и

* Подлинник на франц. яз.

** Отточие в подлиннике.

*** Подлинник на франц. яз.

которое столь желаю, этого Адама Смита, узнать его мне так любопытно. А также прошу вас прислать мне «Путешествие в Австрию», 4 тома, которые есть в вашей библиотеке. Мой метод заключается в том, чтобы наряду с серьезным чтением всегда иметь чтение для развлечения. Рейналь² мне до смерти надоел, его красноречие производит на меня такое же действие, как мое на добрых братьев, у которых есть терпение слушать мои планшеты.

Попрошу вас также прислать мне адрес г[осподин]а Есипова. Уже давно не имею от него известий, а его письма представляют для меня большой интерес.

Простите.

А. ф. д. Бриген.

14. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург, 1816, I половина года]

Тысяча благодарностей, дорогой друг, за А. Смита и «Друга людей»¹, первую часть которого вам посылаю. Никогда не читал ничего с таким большим удовольствием, как сочинение доброго Мирабо,— что за человек. Его таланты вызывают во мне полное восхищение, а сердце — все мое уважение, его стиль носит отпечаток мастерства, которое характеризует французов доброго старого времени Генриха² и Сюлли³ и которое столь выродилось в наш век. А. Смит несравним в отношении принципов и проникновения своего обширного ума, но «друг людей» говорит сердцу. А. Смит раскрывает истины, которые тот, другой, дает чувствовать. Восхищаешься, читая А. Смита, растроган, читая Мирабо.

Но довольно моей болтовни. Это из-за того, что, не видя вас несколько дней, я становлюсь столь многоречивым. Но как только ваше присутствие даст волю моему красноречию (а это произойдет сегодня вечером) — берегитесь. А пока что пришлите мне 3-й том «Истории» Мюллера⁴, а также Рейнбека Путешествие из Петербурга в ...**, хорошо ли я объяснил название сочинения, которое несколько лет назад вы мне рекомендовали про-

* Подлинник на франц. яз.

** Слова «Рейнбека Путешествие из Петербурга в...» на нем. яз. Отточие в подлиннике.

честь. Вы видите, насколько ваш ученик помнит все, что вы ему говорите. Напишите мне два слова. Простите.

Б[риге]н

15. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург, 1816, июль]¹

Дорогой друг!

Посылаю вам Гонди при условии, что вы пришлете мне «Историю Австрии» Галлетти². Я хочу еще раз освежить в памяти все события, которые читал у Кокса³, и, кроме того, пришлите мне еще «Историю анархии в Польше» Рюльера⁴. Проводя все ночи в кресле из-за болей, которые не дают мне спать, я использую время, когда боль утихает, чтобы читать. Дай бог, чтобы это кончилось скоро, потому что я уже начинаю скучать, обреченный на строгую диету, да и не испытываю особого удовольствия сидеть в четырех стенах. А теперь вам надлежит сообщить мне бюллетень о вашем здоровье; я желал бы, чтобы оно позволило вам скоро навестить вашего больного друга.

А. ф. д. Бриген.

Привет Ильину и патриоту русского языка Глинке⁵.

16. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ**

[Петербург, 1816, июль]

Дорогой друг!

Приношу вам тысячу благодарностей за вашу память. Боль немного утихает, но я все еще вынужден лежать в постели или, вернее, не выходить из комнаты. У меня нет и минуты, чтобы скучать, потому что каждую секунду меня приходят навестить, и, кроме того, я снова обрел способность читать. Рюльер мне очень нравится, за исключением нескольких лживых мест. Завтра вечером надеюсь прийти вас повидать, мой эскулап мне обещал это, и вы можете поверить, что это разрешение не останется неиспользованным.

Ваш план меня бесконечно интересует, потому что его продиктовала мудрость¹, и я уже заранее его одобряю.

* Подлинник на франц. яз.

** Подлинник на франц. яз.

В чем состоит счастье честных людей, я вам скажу вместе с Виландом², что мудрецы всегда счастливы, потому что обладают разумом. О, как я хорошо чувствую, что он прав. Судьба, которая управляет нашими обстоятельствами, не может ни в чем повлиять на душу и сознание философа.

Простите. Завтра буду у вас. Я хотел бы еще вам сказать много, но невежды приходят мешать языку дружбы.

А. ф. д. Бриген.

17. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург, 1816, начало августа]¹

Книга моего бывшего учителя Рейнбека, как и «друга людей», каждая в своем роде, доставили мне огромное удовольствие. Я их возвращаю вам обе, и еще тысяча благодарностей за вашу любезность. Будьте еще добры послать мне очередную книгу согласно вашему общему руководящему плану моих занятий — как можно быть невеждой, находясь под руководством такого человека. И если книга, которую вы мне пошлете, немного абстрактна, то пришлите и что-нибудь легкое для чтения, чтобы заполнить часы отдыха и досуга. Вчера я был у вас, но, не застав вас дома, пошел к Глинке, у которого пробыл весь вечер. Мы обсуждали план небольшой поездки в Шлиссельбург, которая состоится после вашего отъезда. Много говорили о вас и расстались довольно поздно. Простите.

А. ф. д. Б[риге]н.

18. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ**

[Петербург, 1816, начало августа]¹

Дорогой друг, мне надо многое вам сказать, но я не в состоянии этого сделать. О, как мир суетен. Посылаю вам список, но все в нем очень плохо написано, я писал его на балу. Одно только беспокоит меня, что не знаю, будут ли у вас деньги на покупку книг. Но рассчитываю, что вы будете искренни и скажете мне, если это бу-

* Подлинник на франц. яз.

** Подлинник на франц. яз.

дет для вас затруднительно. К тому же я считаю вас слишком своим другом, чтобы вы могли умолчать об этом. Я вчера много говорил о вас, можете узнать, хорошо или плохо.

Простите, всегда любите меня.

Ф. д. Бриген.

19. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

Петербург, 10 августа [1816]

Ваше письмо, которое я получил, мне доставило огромную радость. Оно является доказательством того, что заразительный воздух двора, этот тлетворный воздух, которым заражены лучшие дворы мира, не нарушает дружбы, узы которой должны скреплять удовольствие нашей жизни. Как приятно, будучи одиноким среди шумного двора или в монотонной казарме, знать, что есть кто-то, кто любит тебя, знать, что он разделяет твои взгляды, твой образ мышления, даже твои предрассудки,— о, а кто же их не имеет?— знать, что есть человек, которого ты уважаешь, который помогает тебе советом, разделяет тяжкое бремя жизни и облегчает его, разделяет скорби, столь утомительные в этом мире. Вот, мой добрый друг, скучное начало еще более скучного письма. Мое настроение, которое видит сегодня все предметы в темном свете, напрасно хотело бы весело шутить, играя и смеясь. Грации отказываются его улучшить <...>. Я получил ваше любезное письмо, возвратясь с прогулки и выходя снова, чтобы идти на похороны Масдона¹, о котором я говорил вам, и вот где кроется загадка моих стонов. Несмотря на все мое нетерпение прочитать ваше послание, а у кого его нет, когда речь идет о том, чтобы прочесть что-нибудь, исходящее от вас?— у меня даже не было времени распечатать его; вынужден был положить его на письменный стол и оставить это удовольствие до возвращения домой чрез два часа. Судите, с каким удовольствием я пробежал эти строки, которые меня так интересовали, и с жадностью продолжал их читать. И меня не остановил даже и конец письма, потому что я читал в воображении то, что рождалось в моей голове и что мое сердце хотело бы найти на бумаге. Несколько

* Подлинник на франц. яз.

смутных мыслей, вызванных зрелищем погребения, которое меня взволновало, а также и вашим любезным письмом, переплелись в моей голове и образовали хаос, который отразился в моем письме. Но я пишу снисходительному другу, который обращает внимание не на форму, а на содержание, и разве не согласны ли мы в основном? Мне кажется, что вы так хорошо знаете желания моего сердца, что если бы вместо писем я послал вам словарь, то ваша рука сумела бы выбрать слова для фраз, которые мое сердце признало бы своими: я не смог бы сказать вам ничего нового. Да и что может интересовать вас из чуждого Петербурга? Я вам также ничего не пишу ни об Ильине, ни о Глинке, ни о вашей библиотеке, потому что не видел их с тех пор, как расстались. Мое следующее более обстоятельное письмо расскажет вам о них. Вы также найдете в нем точный отчет о моих занятиях и прозябании в Петербурге при условии, что эти ничтожные темы вам не наскучат. Прошу вас сдержать ваше обещание и писать мне как можно чаще, а также больше требовать от меня пунктуальности. Сегодня утром я получил ваше письмо, и сегодня же вечером мой ответ готов. Простите, любите меня всегда и вспоминайте иногда вашего

А. ф. д. Бригена.

Приветствуйте от меня Солонку.

20. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург], 18 авг[уста 1816]

Демосфен¹ защищал своих друзей, Цицерон² держал речь, которую нам цитируют до сего времени, в защиту поэта Архия³, несправедливо обвиненного за неизвестно что содеянное, почему же вы не примените вашего красноречия, того красноречия, которое когда-то увлекало столь много слушателей, чтобы мало-мальски защитить дело вашего друга⁴. Я уверен, что около 20 слов, которые вы произнесли бы в мою пользу одному из этих атомов, которые управляют пыльными канцеляриями суда и справедливости, произвели бы должное действие и вынудили правосудие вынести свой приговор, тогда как до сего времени оно движется черепашным шагом. Вы действительно оказали бы самую большую услугу, если

* Подлинник на франц. яз.

бы сказали несколько слов в пользу моего дела тому, кто управляет делами у г[осподи]на Тормасова⁵. Вы прекрасно понимаете, что 4000 р[ублей] составляют для меня более или менее значительную сумму, и я хотел бы растратить их скорее на том берегу Одера, чем подарить какому-то Нарышкину. Да сохранит бог каждого доброго христианина от когтей русского правосудия. Если в ином мире нам предстоит быть судимыми таким же образом, как и в этом, то католики правы, веря в чистилище, и какое чистилище может быть более страшным и более отвратительным, чем Губернское правление или Казенная палата!!!*

На этих днях у нас в Петербурге было похищение. Сцена главного эпизода произошла в двух шагах от вашего дома. Лишь простая стена отделяла меня от современного <...>**. И можете судить, сколь мало я был равнодушен ко всему, что меня окружало, если я целых два дня ничего об этом не знал. Известный вам Клейнмихель, этот человек, на ком великий дух его отца почил***, похитил м[адемуазель] Какошкину и поместил ее у своей м[ада]м Гартунг, где она оставалась до дня свадьбы, которая состоялась позавчера под покровительством Воронцова, игравшего немаловажную роль в этом романтическом приключении. Не знаю, будет оно вам интересно, но меня оно не очень взволновало.

Если вы хотите узнать что-нибудь обо мне, то скажу вам, что чувствую я себя хорошо, и благодаря учению мой ум постепенно выходит из того состояния невежества, в которое был погружен. Я учусь каждый день. История является главным предметом, который меня больше всего интересует. Я читаю Сисмонди⁶, и его «История» все больше восхищает меня. По-моему, он классик. Я из него сделал много выписок, и чистый продукт всего этого труда является капиталом знаний, проценты с которого суть спокойствие души, которая делает меня все больше безразличным ко всему и вызывает полное отвращение к любому обществу. Раньше я не мог разго-

* Слова «Губернское правление» и «Казенная палата» в подлиннике на рус. яз.

** Слово не прочитывается, так как попало в прошитое место тома, составляющее дело 125.

*** Слова «на ком великий дух его отца почил» в подлиннике на нем. яз.

варивать с хорошенькой женщиной без волнения, а теперь они мне кажутся столь пустыми, столь невыносимыми, что не заслуживают моего внимания.

А вы, мой добрый друг, что вы поделываете? Мне кажется, что вы меня позабыли, потому что больше ничего мне не пишете. Получили ли вы мое письмо, которое я вам написал в тот же день, как получил ваше? О, сколько я хотел бы вам еще сказать, но опасаясь надоесть вам среди удовольствий, которые вас окружают. Соболаговолите прочитать скучные послания петербургского отшельника, который пишет вам только о своих делах, своих мыслях, которые, может быть, не стоят того, чтобы их излагать на бумаге. После вашего отъезда я остался совершенно один. Не видел ни Глинку, ни Ильина, никого за исключением г[оспо]жи Буазель, у которой провел два восхитительных вечера. Она обещала прийти ко мне на чашку чая со своей сестрой г[оспо]жой Синявиной⁷, со всеми своими дочерьми и племянницами. Простите. Приветствуйте от меня Солонку и Есипова. Любите меня и не забывайте того, кто всегда думает о вас.

А. ф. д. Бриген.

21. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург], 5 сентября [1816]

Никогда письмо не доставляло такой радости тому, кто его давно ожидал и уже считал себя позабытым, как ваше. И еще скажу вам, что никогда письмо не приходило столь кстати, чтобы отвлечь друга, у которого столько поводов быть недовольным своей судьбой, и принести утешение сердцу, жестоко буруемаемому сильными страстями. Уверенность, что вы довольны и счастливы, утешает мою печаль и возвращает спокойствие моей душе, которая с некоторого времени была потрясена чувствами, до сего времени ей неизвестными. Я был на вершине блаженства, но падение не было ли еще большим. О, как я был прав, когда сомневался в искренности и постоянстве женщин. Почему отошел я от своих убеждений и поверил одной, почему отказался от средства сопротивляться, видя ее? Это был подводный камень, о который

* Подлинник на франц. яз.

разбилась моя философия, и я уверен, что вы сами непременно бы потерпели крушение, окажись вы на моем месте. Друг мой, я был самым счастливым из людей, были мгновения, когда моя мысль пребывала в райском блаженстве, когда я забывал самого себя; увы, это счастье длилось всего лишь мгновения, оно прошло, его больше нет!

Бывают иногда моменты, которыми распоряжается фатальность и которые никакая осторожность не может предотвратить. Именно в один из них женщина завладела моим сердцем. Обезумев от любви, я был счастлив, и как уже было не раз в природе вещей, мне изменили! Подумайте только, мой друг, что целую неделю я находился в состоянии, которое вам не совсем неизвестно; ужасная ревность терзала мое сердце. Я ходил, как вы, искать утешения у мертвых, но напрасно читал я «Федона» Мендельсона¹ на могиле моего отца². Только время может успокоить пожирающее пламя страсти. Я совершенно изменился. Испуганная изменница была щедра на авансы, идя на примирение, но я, как герой Тассо, внешне холодный, но внутренне горя от страсти, сопротивлялся, как стоик, этой современной сирене. Но другим меня больше не поймать!!!

Вы видите, мой друг, как я искренен. Я даже не прошу у вас прощения за то, что надоел вам. Ваш рассказ о доблести К.³ меня очень позабавил. Ответ на вопрос, когда вы его увидите,—никогда!!!—великолепен, это так лаконично и выразительно, что в свое время Лонгин⁴ процитировал бы его в своем трактате «О прекрасном». Удивляюсь его бесстыдству прийти вас обнять после слов, которые он произнес в ваш адрес. Но чего только не увидишь в этом мире, можно ожидать самого плохого, хорошее становится таким же редким, как деньги. Былаешь очень доволен иметь ассигнацию, три четверти стоимости которой существует только в воображении. Я купил много книг, среди которых А. Смит и Гикарден⁵. Эти два сочинения мне обошлись в 50 р[ублей]. Можете судить, как эти книги дороги здесь. До сего времени не получил никаких известий от Артария, что меня крайне удивляет. Я очень огорчен, потому что с большим нетерпением ожидал его посылки, но думаю, что мы либо получим от него известия вскоре, либо никогда. Если вы можете сделать для меня маленькую покупку в

Варшаве⁶, то бесконечно меня обяжете, купив «Исторический словарь» в 8 или 10 томах⁷ и еще «Историю Польши» Рюльера⁸. Эти два сочинения здесь не найти. Я был бы счастлив их иметь. Ваша библиотека находится в том же порядке, как вы ее оставили уезжая. Завтра я отдам в переплет книги, которые еще не переплетены. Читаю «Историю» Сисмонди, которая мне бесконечно нравится как по своему стилю, так и содержанию. Затем буду читать Гикардена, а потом все сочинения об Италии, которые имеются в вашей библиотеке. Могу похвалиться, что знаю историю Италии несколько более, чем поверхностно. Я очень хорошо изучил Тассо и надеюсь также, что Макиавелли отнюдь не будет мне труден.

Шлю вам тысячу благодарностей за тот труд, который вы взяли на себя пойти в Губернское правление* по поводу моего дела. Я запасся хорошей дозой терпения и ожидаю, возложив упование на волю божью, неизменных указов Губернского правления. Приветствуйте от меня Василия Николаевича**⁹ и дорогого брата Солонку. Наши чувствуют себя хорошо, и заверяю вас, что они вас любят. Что касается меня, излишне давать вам заверения в моей дружбе. Вы и так в ней уверены.

Простите, не забывайте обязанного вам А. ф. д. Бригена.

[Приписка на полях:] Я написал вам два письма и очень удивлен, что вы упоминаете только об одном. Очень бы огорчился, если бы узнал, что второе утеряно.

22. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ***

[Петербург], 17 сентября [1816]

Что же вас ввело в заблуждение, мой добрый друг, если вы думаете, что причиной моего молчания является недостаток дружбы. Причина же не в прекрасном климате, не в удовольствиях, еще меньше в работе над «Добавлением» к сочинению А. Смита, но что тогда?.. Вижу, вы хотите это знать, но избавьте меня от затруднения. Не видите ли вы, как я краснею, видя перед собою объе-

* Слова «Губернское правление» в подлиннике на рус. яз.

** Слова «Василий Николаевич» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

*** Подлинник на франц. яз.

мистое приложение с человеческими безумствами и страстями, автором которых являюсь я. Сколько безумств породил мой мозг за время вашего отсутствия и сколько потеряно времени, хотя Тассо говорит, что «время, проведенное в любви, никогда не потеряно» <...>.

Ваше письмо, отосланное из Киева, доставило мне огромное удовольствие тем, что оно сообщило, что вы чувствуете себя хорошо, что вы довольны и что, будучи окруженным почестями, вы с каждым днем все более и более убеждаетесь в их ничтожности и в низости тех, кто перед ними преклоняется. О, как род человеческий подл. Эта мысль вызывает иногда у меня отвращение к занятию [историей], когда за одним Титом¹ видишь сто Неронов², повсюду торжествует порок, а добродетель поправа. Особенно отвратителен тот лукавый род, который Мюллер называет «лживым человечеством». Вы видите, что я не отступаю от принципов мизантропии, и, несмотря на прекрасные глаза моей дорогой А..., я не перестаю считать всех женщин Фредегондами³.

С каким нетерпением жду вашего возвращения, как я радуюсь уже заранее этим восхитительным вечерам, которые мы проведем вместе. Сидя в креслах, мы с добрым Глинкой будем слушать рассказ о вашем путешествии, ваших приключениях, мы будем говорить о масонстве, патриотизме и т. д. Предупредительный кавалер Ильин будет защищать красавиц, против которых мы будем восставать за их непостоянство и коварство, и кто имеет больше тому доказательств, как не мы двое? Наконец, я вам обещаю, что этой зимой мы будем ездить на колесах по снегу, и как бы ни старался Борей, ему не удастся нарушить нашу дружбу.

Я вам очень благодарен за участие в моем деле с Нарышкиным. Я не получил еще никаких известий от Василия Николаевича*⁴ и каждый день их ожидаю с нетерпением. В этом мире деньги являются средством провидения**. Если у вас есть намерение обосноваться в Черниговской губернии⁵, то соблаговолите, чтобы я тоже поселился рядом с вами. Мы купим два приличных

* В подлиннике «Василий Николаевич» на рус. яз. в именит. падеже.

** Слово «провидение» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

участка земли и осуществим систему физиократов. Это еще один мой проект, несмотря на твердое решение их больше не делать — я не буду вам больше об этом говорить, будущее покажет.

С момента вашего отсутствия я больше не видел Ильина, хотя не раз пытался его навестить. Ваши книги еще не переплетены, рассчитываю на вашу indulgenцию. Мое чтение не очень продвинулось вперед, я остановился на 4-м томе Сисмонди. Моя голова была так пуста, что я с трудом смог прочитать «Reise auf Schilde». По всему этому можете себе представить, какая анархия царила во всем моем существе.

Я провожу очень часто свои дни с Синявиным⁶. Какой человек! Диоген⁷ при виде его потушил бы свой фонарь. Мы часто разговариваем с ним, то есть я его расспрашиваю, а он мне рассказывает о своей экспедиции. Рядом с ним я пребываю в своем воображении в Греции и Италии, участвую в боях, в которых он сражался, мы вместе разбиваем Лористона⁸ и Мармона⁹, занимаем Рагузу¹⁰, изгоняем турков из Тавриды, Корфу наш, а вот наша эскадра перед Неаполем!!! В нашу честь устраиваются праздники, пьют за наше здоровье. Пример в деле выпивки очень заразителен, поэтому мы пьем тоже. И можете поверить, что ваш друг не забудет наполнить свой бокал до верха, поднять и выпить его за здоровье самое масонское, каким является ваше.

Простите. Извините меня за мазию и не забывайте вашего преданного друга

А. ф. д. Бригена.

[Приписка на полях:] О, возвращайтесь побыстрее спасти вашего друга, который становится безумным.

23. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ*

[Петербург], 21 сентября [1816]

Каждый день мне лишний раз подтверждает, что жизнь здесь на земле самая злосчастная вещь и заслуживает самого большого презрения. У меня сейчас полное отвращение ко всему. Лень или отупение мешают мне заняться самым незначительным делом. И для чего приобретать знания, если они все больше и больше приближают нас к той ужасающей уверенности, которая, по-

* Подлинник на франц. яз.

добно смерти, господствует во всем. Блаженно время, когда я смотрел на все вещи сквозь завесу невежества, когда я их видел в благоприятном свете, и фатальная реальность никогда не отравляла невинные детские удовольствия заблуждения. Теперь я нахожу во всем более чем ужасающую пустоту. Нет ни одного нового удовольствия, воображение о котором не раскрыло бы мне заранее его содержания, и горе тому, кто, как я, в 22 года¹, обладая горячим характером и пылким сердцем, оказывается уже 80-летним в смысле уверенности в ничтожности всего. Я иногда огорчен видеть вещи в их истинном свете. Все это небольшое повторение разговоров, которые мы иногда вели с вами, когда приступ плохого настроения или мизантропии настраивал нас против человеческого рода. И каждый день учит меня тому, что чистая истина диктовала нам эти рассуждения. Уже несколько дней у меня столь плохое настроение, я столь зол, что желал бы всему человечеству иметь одну голову, чтобы одним ударом ее отрубить <...>.

<...> Моя красавица трепещет перед богом, а в сущности боится страшного суда. Вы прекрасно понимаете, что я стараюсь дать ей более ясные и более либеральные представления. Я ее часто уверяю, что бог справедливости, милосердия, доброты, короче говоря, бог Сократа², Марка Аврелия³, бог, которого воспел Державин⁴ — это не тот бог, который, как она думает, потребляет только ладан и кутью*. Я ее уверяю, что невозможно, чтобы этот бог мог наказывать чувства; для чего же дал он нам сердце? <...>

А. ф. д. Бриген.

24. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ**

[Петербург], 26 сентября [1816]

Боже добрый, еще одно письмо, какой зуд на писание! Не правда ли, мой друг, мое перо не перестает вам докучать, а также и напоминать, что ваш друг еще прозябает в самом плохом и отвратительном уголке земного шара. Уверен, что вы удивлены потоком моих писем. Но вы должны за это винить мою привязанность

* Слова «ладан» и «кутья» на рус. яз. в именит. падеже.

** Подлинник на франц. яз.

1816. 12. 2

quelque chose de bon car, car la sans doute, car c'est un bon
contre le grand homme, et c'est toujours en apprenant que
votre qui nous a dicté ces choses-là. Et puis depuis
vous, si mauvaise machine, si méchant, que je crois
toute l'humanité une tête pour l'abattre d'un coup, il est
que si ce n'est de tuer, si nous j'aurais quelques
fort je ne puis pas, et comme je suis pauvre, c'est en des
un de ces moments, carant que devant mon tribunal
payeront bien cher toutes les méchancetés et les perf
Lava vous tirez mon ami, que depuis que je me suis la
par ma folle passion je suis tout chargé, je suis devenu
et méchant en supérieu digne, tantôt je suis dans un
ce train lors je j'ai me trouve devant l'objet cher, je suis
fois si vite que je ne suis profier une parole, tantôt je
si honte et c'est pourquoi qu'il n'y a aucun obstacle que
m'effrayer, je parle avec moi le homme qui s'ouvre, et
les quelques fois des vérités qui ont l'air des juges, et

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА А. Ф. БРИГЕНА
А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ

от 21 сентября 1816 г.

Автограф

к вам, а также и смертную скуку, которая меня изводит и заставляет так глубоко чувствовать всю тяжесть вашего отсутствия. Разве только что перо восполняет мое желание беседовать с вами. Пусть же оно скажет вам все, что я сказал бы вам лично. К тому же мне кажется, что вы знаете мои мысли до того, как они ложатся на бумагу. О чем же я буду с вами говорить? Все так мало интересно, что не стоит даже об этом рассказывать. Мой образ жизни все такой же, каким был в ваше время, за исключением только того, что вместе с собой вы унесли все мои удовольствия, а также и весь здравый смысл, если он у меня вообще был. Время, которое мы не виделись, совсем потеряно для меня. Никогда я не был столь праздным, столь ничтожным, как в этот период. Вместо того чтобы прочитать еще 50 томов, я с трудом смог просмотреть едва дюжину, от которых у меня остается весьма смутное представление. Смит лежит на столе неоткрытым, и всякий раз, как я смотрю на него, моя совесть горько меня упрекает за бездействие. Но не огорчайтесь, я мало-помалу обращаюсь на путь добродетели и рассчитываю, что чрез некоторое время начну снова идти черпающим шагом по пути к величественному храму наук, терпеливо ожидая своего брата, которому докучаю своей болтовней.

Наша служба изо дня в день все тяжелее, и я думаю, что она достигнет своей цели, став невыносимой. Каждый день какое-нибудь новое учение, которое забивает мои бедные мозги. Особенно сейчас, в ожидании вашего прибытия, нас заставляют бегать, доводя до иступления. Вы прекрасно можете себе представить, что эта гимнастика совсем не по моему вкусу. Но что поделаешь, с волками нужно выть, чтобы они тебя не растерзали. Я проведу сегодняшний вечер у Свиньина¹. Мы встретились на балу у Синявина, и он специально пригласил меня навестить его. Он страшно ухаживал за некоей графиней Разумовской, супругой брата Разумовского, который посланник в Вене². Вообразите, что она его седьмая жена, а шесть его предыдущих жен еще живы. В каждой из стран, где он путешествовал, он всякий раз женился и уезжал, оставляя свою дорогую половину. Эта же, о которой я вам говорю, немецкая графиня из Вены, довольно красивая, молодая, но чопорная немка. Я танцевал с нею, но, посылая всех женщин к чертям, я ей не

сказал даже и слова. Она должна была быть обо мне хорошего мнения. А впрочем, знайте, что мне наплевать на всех женщин. Разумовский то и делал, что их третировал. Самое худшее для него — это быть заточенным в монастырь на 4 года.

Глинка позавчера произнес речь в ложе, где все, вплоть до неотесанного камня, было в экстазе. Ильин обязательно хочет узнать от меня, какова цель масонства. Если вы что-нибудь о ней знаете, скажите ему. Что же касается меня, то я ее не знаю. Но какова бы ни была эта цель, я всегда останусь верным масонству, чтобы не потерять вашу дружбу.

Простите, да благословит вас небо. Обнимаю вас от всего моего сердца.

А. ф. д. Бриген.

25. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ *

[Петербург], 28 сентября [1816]

Только что получил ваше письмо из Варшавы. Оно доставило мне большую радость тем, что сообщает, что чрез 20 дней я буду иметь удовольствие вас обнять. Но в то же время вы мне в нем делаете упреки, которые я совершенно не заслужил. Три письма, которые я вам последовательно написал, являются доказательством тому, что я не такой небрежный, как вы думаете. Пусть же это письмо, четвертое, сотрет неблагоприятное мнение, которое у вас сложилось обо мне. Я очень расстроился, узнав, что мои три предыдущих письма затерялись, но да здравствуют чернила и бумага. Я очень покладист, и если только императору угодно будет остаться немного дольше в Варшаве, что не в его намерениях, то я напишу вам шесть более длинных, чем разговоры знаменитого Миниха. Я очень хотел бы, чтобы из чувства мести вы сделали то же самое, но это вам никогда не удастся выполнить.

Ваш разговор с обоими Тургеневыми¹ доставил мне огромное удовольствие, я очень рад был узнать, что они не забыли меня, ибо я люблю их обоих всем своим сердцем. Следовательно, мы будем иметь этой зимой удовольствие услышать слабый голос Н[иколая], когда он

* Подлинник на франц. яз.

будет рассказывать о своих путешествиях. Надеюсь, что его голос также окреп, и если когда-нибудь В. Н.* Есипов приедет в Петербург, мы попросим Тургенева передать ему, как обычно, поклон, и Есипов не будет жаловаться, что плохо слышит его.

Поздравляю вас с тем, что вы находитесь на верном пути истины, снабдив себя Библией, которая прислана из Киева да еще из рук митрополита. Врата рая открыты для вас. Я стал почти совсем деистом и стал думать, что есть бытие, создатель вселенной, есть бессмертные души—этого достаточно, чтобы быть человеком.

Мой друг, мир столь беден людьми, что только своим избранным бог дает счастье обладать дружбой Данилевского.

Простите.

А. ф. д. Бриген.

26. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ

[Петербург], 28-го октября 1824**

Милостивый государь Александр Иванович!

На письмо ваше, которое я третьего дня получил, поспешаю вас уведомить, что я готов вам уплатить мой долг за книги, из коих некоторую часть я вам возвращу назад по почте, потому что во многих из них увражено не токмо целых томов, но в некоторых томах даже листов недостает, иные же тома и листы вдвое, не говорю уже о том, что самые издания столь дурны, что в сем отношении могли бы служить образцами. При получении книг я имел честь уведомить вас о сих недостатках, по причине коих я не токмо не мог пользоваться оными, но, имея в них надобность, принужден был купить другие экземпляры. Крайне сожалею, что вы чрез меня понесли убыток каких-нибудь ста бумажных гульденов, но я полагаю, что вы за сие не будете на меня в неудовольствии, когда припомните, что я в угождение вашим желаниям доставил г-ну Кутузову¹, которого я совершенно не знал, на два месяца 6000 рублей, кои, кажется, и по днесь не заплачены, чрез что я не только должен был слушать справедливые укоризны кредиторши, но даже

* «В. Н.» в подлиннике на рус. яз.

** Помета А. И. Михайловского-Данилевского: «Отв[ечено] ноября 17».

будучи сам ей должен, принужден был выплатить в короткое время деньги с убытком для меня, десять крат большим ста бумажных гульденов. С истинным почтением честь имею быть. Ваш покорный слуга

А. ф. Бриген.

Прошу покорно переслать мне счет г[осподи]на Артария, дабы я по оному мог учинить уплату.

27. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ

С.-Петербург, 18-го декабря [1824]¹

Милостивый государь Александр Иванович!

С согласия вашего я вам часть книг перешлю в будущем месяце, за остальные же книги перешлю вам деньги по ценам здешних книгопродавцев и вместе список всем книгам, полученным от Артария; извините, что я, переменяв квартиру, замедлил вам отвечать. Я теперь живу не в доме г[рафа] Безбородко², но в доме знакомого вам генерала Толя³, куда и прошу адресовать ваши письма в случае, когда заблагорассудите ко мне писать. Честь имею быть

ваш покорный слуга А. ф. Бриген.

Адрес: Его превосходительству милостивому государю Александру Ивановичу М[ихайловскому-] Данилевскому в Кременчуг⁴.

28. К. Ф. РЫЛЕЕВУ

С. Пануровка, 21 октября [1825]

Исполняя желание ваше, почтеннейший Кондратий Федорович¹, препровождаю вам при сем выписку из «Истории» Конисского², для верности же в доставке выставил я оную на адресе документом. Требование ваше, доставив мне случай оказать вам сию маловажнейшую услугу, мне тем более приятно, что дает мне повод напомнить вам и почтенному сотруднику вашему Бестужеву³ о себе, как о человеке, душевно вас любящем и вам преданном, готовом всегда доказать сие делом, а не чуждым мне суесловием. Из письма, мною вам писанного на другой день моего приезда из Киева в Пануровку, вам должно быть известно, что путешествие мое в Дрезден, запоздавши посещением государя и императрицы⁴, ко-

которые у нас здесь были в половине сентября, по причине последовавшей болезни жены моей⁵ отложено до будущей весны. Сей непредвиденный случай, заставивший нас перезимовать в Мал[ой] России, вознаградит меня, может быть, удовольствием увидеть вас нынешнею зимою в Петербурге, где я по делам своим должен буду побывать; в будущем же месяце я надеюсь увидеть кн[язя] Трубецкого⁶, который обещал из Киева ко мне на несколько дней приехать, во ожидание сего времени я буду прилагать старание доставить вам, колико возможно, материалы из Мал[ой] Рос[сийс]кой истории. Я имею в виду получить таковую историю, писанную современником Конисского Худорбою, она неизвестна, ибо один токмо экземпляр оной существует в доме, в коем жил Худорба. Сия «История» ценится здесь наравне с «Историею» Конисского, ставят ей только порок, что она очень вольно и против нашего правительства писана. Получив оную, я велю сделать с нее два списка: один для вас, а другой для себя.

Несчастливая кончина Новосильцова⁷ погрузила семейство тестя моего⁸ в большую печаль, ибо он был в дружбе с братом жены моей⁹, который служит адъютантом у Сакена¹⁰. По долгу человечества скорбя душевно о сем происшествии, которое хотя по обстоятельствам своим мне чуждо, но по связям родственным очень близко, и зная притом, что весь ход дела сего вам известен, прошу вас, почтеннейший друг, сообщить мне ваше мнение об оном. Будучи извещен о сем происшествии чрез Пражевского¹¹, который, участвуя в оном со стороны Новосильцова, не может быть не пристрастен, да притом зная из других случаев, что Пражевский не однослов, а даже часто и пустослов, я ему не доверяю, а буду ждать вашего заключения. Новосильцов был человек весьма ограниченный, но добрый, он умер с большой твердостью духа, мать¹² его в отчаянии, аристократический же род его, кажется, равнодушно перенес сей удар, ибо оным его доходы не умалятся, о времена, о люди!

Прошу вас при случае сказать Федору Николаевичу Глинке, что я его письмо здесь получил, на которое и буду ему отвечать, и что я никогда в дружбе и приязни его ко мне не сомневался. Кн[язю] Евгению¹³ и Никите М[ихайловичу]¹⁴ свидетельствую мой усердный поклон.

Весь ваш А. ф. д. Бриген.

Не забудьте выслать мне один экземпляр сочинений Баратынского¹⁵, если это правда, что они вами издаются, я теперь в моем уединении наиболее занимаюсь латинскими классиками и Мал[ой] Рос[сийской] историей, и если бы не был вреден Север, то я бы непременно приступил к критическому изданию Конисского, в коем много неизвестно хорошего даже и самому Карамзину.

29. Л. И. СТРАЖЕВОЙ

[Из-под Иркутска], 3—4 апреля [1827]*

Пишу тебе сии строки, Любинька², из слободы, в коей мы остановились, чтобы принять светлый праздник, и сегодня же пустимся в дальнейший путь к Иркутску, а оттуда в слободу Читу в 320 верстах от Иркутска за Байкалом, недалеко от китайской границы, место назначения для всех, кроме осьми прежних Якубовича, Трубецкого и пр.³, которые находятся в разных заводах и не будут в Чите. Я, благодаря бога, здоров, удивляюсь, как выдержал сие каторжное путешествие; от Петербурга до Тобольска ехали мы с фельдъегерем⁴, не останавливаясь день и ночь, по самой ужасной дороге, в железах, по большей части в открытых саниах, ибо особенное было приказание не давать нам верхов на сани, не останавливаться в городах, следовательно, нигде не обедать, ибо, кроме города, постом ничего не достанешь, и не давать нам вина и так далее; трудное путешествие, но мы оное благополучно совершили, хотя и на каждой станции раз по десять опрокидывались. В Тобольске мы были очень хорошо приняты губернатором Бантыш-Каменским⁵, очень добрым человеком. Из Тобольска на другой день отправились мы с чиновником и двумя жандармами в Иркутск, чиновник с нами черниговский уроженец Данила Егорович Любченко⁶, молодой, отлично хороший, скромный и благородный человек, коему очень обязаны за его обращение с нами. Я не буду описывать, как мы едем теперь, расспроси о сем подателя сего письма⁷, едем мы сегодня 26-е сутки от Тобольска, сначала дорога верст тысячу была хороша, но потом ехали в саниах по грязи, а теперь от Красноярска едем на телегах, и это не на почтовых, а обывательских и с тощим желудком, ибо нечего есть, даже чаю не в чем напиться, ибо в целой Сибири, кроме Иркутска, нет белого хлеба,

а только дурной пшеничный. В Иркутске нам приготовлена комната в остроге, там мы отдохнем два дня и потом пустимся в Читу с казаками. В Чите строят казармы деревянные, но они не готовы, а до тех пор мы будем помещены по несколько вместе в разных домах, работы не будет, а будет арест, но и здесь никто положительного ничего не знает, про Лепарского⁸ говорят, что он очень добрый человек. Плац-майор будет туда инфантерной майор Шмит⁹, который также очень хороший человек, но думаю, что их власть на добро будет очень ограничена.

В случае открытия сего письма скажи, что я переслал тебе оное чрез какого-то купца, которого ты не знаешь, подателю же сего письма дай 50 рублей, я ему обещал оные, он мне хорошо служит¹⁰.

Жены Муравьева, Трубецкого и Волконского¹¹ живут при заводе и видятся со своими мужьями, как в крепости, по два раза в неделю. Они от всего отказались, Трубецкая ест деревянной ложкой из деревянной чашки, вот героини, достойные почтения. Все наши государственные преступники живы, здоровы и некоторые даже веселы, а посему и не верьте ложным слухам, которые к вам доходят.

4 апреля. Я здоров, сегодня приеду в Иркутск, места здесь прекрасные, по последней почте прислали Чернышеву¹² 5000 рублей, которые у иркутского губернатора лежат, следовательно, позволено присылать деньги.

30. С. М. БРИГЕН*

Пелым, 1-го сент[ября], [1]830

Утверждают, что начинать письмо с «я» неучтиво, поэтому, начиная свои письма, я зачастую нахожусь в затруднительном положении, ибо вынужден говорить лишь о своем бедном «я». Покусывая перо, я сижу в задумчивости, не зная, с чего начать, и завидую тем людям, которые в любой момент готовы говорить о себе, не боясь наскучить тем, кто их слушает или делает вид, что слушает. Говоря о своей дружбе и привязанности к тебе, мой дорогой друг, и к моим милым детям¹, я не сообщу тебе ничего нового, ибо чувства мои тебе извест-

* Подлинник на франц. яз.

ны. Посылать сообщения о моем здоровье было бы также излишне, так как письмо-автограф — лучшее доказательство моего благополучного здоровья. Описывать тебе Пелым и образ жизни, который я веду здесь, было бы также повторением уже известного тебе. Остается лишь одно — писать о себе с риском частого повторения одного и того же, существующего для уха, для ума, но не для сердца.

Благодаря и тысячу раз благодаря книгам, посланным тобою, большая часть дня проходит очень хорошо в чтении, небольшая часть дня посвящена прогулкам, чтобы дать немного движения телу. Я очень люблю бывать на воздухе, погода стоит хорошая, я иду на свою лестницу, построенную в виде балкона, и оттуда, устав от чтения, гляжу на берега Пелымки, очень живописные. Так как в Пелыме я живу совсем один, без общества, то мне пришлось привыкнуть разговаривать с самим собой, со своим воображением и чувствами. Эта скука, которой было бы достаточно, чтобы раздавить кого-либо другого, легко переносится мною, и я могу благодарить бога за высокую организацию, которой он меня наделил. В эту зиму я планирую заняться литературной работой, но пока не решился, в каком жанре. Я попытался переводить одного римского автора, но так как работа была слишком утомительна, я ее бросил. Не знаю, может быть, я снова возьмусь за нее. А пока готовлюсь принять со всеми почестями господина Бейля², обещанного тобою и приглашенного мною полтора года назад разделить мое одиночество. Это очаровательный спутник, который поможет мне время от времени забывать, что я живу в столице медведей и волков. С 14 июля я не получал писем от моей маменьки³. Сестра⁴, обещавшая выслать мне несколько пустячков, тоже не пишет уже около 2 месяцев. Дай бог, чтобы они были живы и здоровы. Письма от маменьки всегда такие нежные, что невозможно читать их спокойно, так приятно знать, что на этом свете есть еще сердца, по-настоящему любящие вас, а что может быть более истинным и трогательным, чем любовь матери! Я не могу думать без сострадания о бедной, почти разоренной старушке Киреевой⁵, над которой самым возмутительным и наглым образом насмеялся Трусов⁶ за ее намерение совершить путешествие более чем за тысячу верст, чтобы поплакать под окном тюрьмы, в кото-

рой заточен был ее сын⁷. Неужто человек может иметь подобные чувства! Не будем больше говорить об этом.

Я просил сестру, чтобы среди прочих вещей она выслала мне 3 фунта чаю. Я их еще не получил. В этом году я получил от нее 8 фунтов чаю, из них 1½ я отдал Враницкому⁸ и один фунт еще остался у меня. Чтобы избежать недоразумений и промедлений, я буду передавать свои заказы сестре чрез тебя, т. е. ты будешь так любезна и будешь писать ей, что необходимо купить для меня, так как в Петербурге можно достать все, что необходимо. Ты меня очень обяжешь, написав ей, что мне нужно будет в январе или феврале: 6 фунтов чая, из них 2 по 12 руб. за фунт, 3 по 8 руб. и 1 фунт чая за 10 руб. Вот приблизительный мой запас. Пошли мне, пожалуйста, сапоги, обещанные тобою и еще не полученные мною. Часы идут хорошо.

Прости, мой дорогой друг. Целуй много раз мою маму и пиши мне чаще.

Твой Александр.

[Приписка на полях:] Я пишу с сегодняшней почтой моей сестре, чай, высланный ею из магазина Белкова, превосходен.

31. Н. И. ЛОРЕРУ

Пелым, 15 но[ября] 1833 г.¹

Третьего дня получил я, любезный друг², твое письмо от 26-го октября, с почтою же, которая отходит сегодня, тебе отвечаю, дабы опять скорее иметь удовольствие выманить у тебя несколько строк, которые и во всякое время были для меня чрезвычайно приятны, в настоящем моем уединении неоценны. Благодарю тебя за хорошее известие о Вл[адимире] Н[иколаевиче] Л[ихареве]³. Прошу вас сказать ему, что я принимаю сердечное участие в сугубом его счастье, в скором свидании с супругою⁴ и в замужестве его сестрицы Петра Львовича Давыдова⁵. Я [его] лично не знаю, но столь много слышался о нем, что я, не будучи с ним знаком, люблю его, как будто знаю, в особенности же за постоян-

* В этом месте приписка в скобках Н. И. Лорера: «Убит горцами на Кавказе».

** Так в подлиннике.

ную дружбу к брату *Васил[ию] Льво[вичу]*⁶. В наши времена, в кои источник любви к ближнему если и не вовсе иссяк, то очень омерен. Пример любви и бескорыстной дружбы весьма утешител[ен], многие из наших сродных и друзей сделались столь крепки на ухо, что иным не только трехкратный, но даже и стократный возглас *петита* не напомнит об их отвержении. *Петр Львович*⁷ не из сего миллиона, он в полном смысле галантный человек*. Слово сие на нашем русском языке и выразить нельзя!

Но если, с одной стороны, письмо твое, милый *Н[иколай] И[ванович]*, содержанием своим было мне приятно, то, признаюсь, с другой стороны, оно представило воображению моему картины самые мрачные; женщина невинная и добродетельная, отторгнутая от детей и от семейства, умирает**⁸ в каторжных заклепах; все это так ужасно, что может поколебать душу самого наизащерствелого эгоиста, есть минуты, в кои при воззрении на таковую злобу судьбы и человеку самому покорному премудрому промыслу всевы[ш]него невольно представится давнишний вопрос, если бог благ, то откуда толикое зло?

Ты желаешь, любезный друг, чтобы я сообщил тебе сведения, кои я здесь на месте мог собрать о знаменитом *Минихе*⁹, готов исполнить твое желание, но признаюсь тебе, что запас мой по сей части довольно скуден, впрочем, все, что мог выведать от моего старика, здесь тебе передаю.

Миних жил в *Пелыме* не в ссылке, но в заточении вместе [с] супругою своею, которая без выхода при нем находилась и с ним возвратилась в Россию. Он был росту среднего, полголовы ниже меня, дородной наружности, хотя и суровой, но приятной, имел волосы темные с проседью, мало говорил, когда же говорил, картавил; казался всегда равнодушным, когда и веселым, по-русски изъяснялся хорошо, но выговор имел иностранный, [с] супругою же, которая по-русски говорила крайне худо, говорил он *всегда на своем языке*, вероятно, по-немецки, читал и писал много, работал в маленьком саду,

* «галантный человек» в подлиннике на франц. яз.

** В этом месте приписка в скобках Н. И. Лорера: «Александра Г., урожд. графиня Чернышева».

который в остроге развел, где любил сеять разные травы и цветы, также собственными руками насадил много деревьев, кои впоследствии переросли и самые башни острога, но, к сожалению, ни одного из сих деревьев более не существует. Прислуги при нем находилось весьма много, от 15 до 20 человек обоего пола. Она состояла часто из собственных к нему приехавших людей, из коих многие здесь похоронены, частью же из наемных пелымцев, в числе был и мой старик *Казанцев*; сия многочисленная дворня объясняется тем, что Миних держал много рогатого скота, для коего откупал луга и своими работниками ставил сено, часто для сего предмета делал и так называемые помочи*, т. е. приглашал несколько десятков мужиков и баб на свою работу и потом вместо платы их угощал. Сие заведение и поныне здесь существует. В сим случае накрывали столы на дворе острога, и Миних с супругою своею, которая никогда ни на шаг от него не отходила, с высоты стены острожной приветствовал своих гостей, приказывал их потчевать, смотрел на их пляски и про[чие] забавы и громко и от всего сердца смеялся, глядя на их проказы. В остроге, кроме низменного дому и маленькой караулки, не было никакого другого строения; в сим доме жил Миних с частью своей прислуги, другая же часть оной жила по квартирам в Пелыме. Скот и птицы помещались в срубках, из коих состояла стена. Днем все имели свободный пропуск в острог, но по пробитии зари ворота оного запирались, самого же Миниха из оного не выпускали, для его караула находилась здесь особенная команда с двумя или тремя офицерами, из коих одного Миних иногда приглашал к себе играть в карты. Команда же сия делала здесь великие беспорядки, грабежи в домах и разные насилия, так что многие пелымские жители, бросив свои дома, разбежались кто куда знал, баб и девиц часто на несколько дней зарывали по уши в землю. Графиня Миних была женщиною чрезвычайно добрая, росту высокого и сухоощавая. Она очень любила, снабдив хорошим приданым, выдавать крестьянских девушек замуж и обыкновенно сама наряжала их под венец, таким образом благодетельствовала она здесь многие семейства. Нынешнего году

* В этом месте приписка в скобках Н. И. Лорера: «Сибирское название».

умерла здесь старуха Пономарева, которая жила у ней в прислугах. В день отъезда своего из *Пельма* Миних в дорожном экипаже (это было зимою) три раза объехал *Пелым*, спускаясь же на реку, простился с жителями, которые в большом числе при спуске собрались: «Простите, мои пельмцы, вот и старик *Миних* со своею старохою от вас уезжает». «Прости, отец ты наш родной!» — закричал ему народ вслед, многие стали на колени. Двух пельмцев увез он с собою, из коих один возвратился и года два тому назад здесь умер в глубокой старости. Любил он также здешнего казака *Панова*, который стоял всегда за его стулом во время обеда и чистил ему сапоги. Еще забыл тебе сказать, что здесь он по большей части ходил в теплом халате и много прохаживался по стенам своего острога. Вот все, что я [у]знал о пельмском житие славного Миниха, одного из знаменитейших людей, который бывал в России и о ком *Манштейн*¹⁰ сказал: «Я, быв адъютантом строгого Миниха, чувствовал себя важнее и более, нежели теперь, когда сам генералом».

Он был человек необыкновенно деятельный, сведущий по многим частям и исполненный жизни даже в самых преклонных летах. Прямо из *Пельмского* острога судьбе угодно было бросить его в самые бурные тревожения политические, но и тут он себе не изменил, и тут он показал себя великим; он жил еще пять лет. В *Пельме* писал он план войны против турок и о способе покорить сию державу.

Прежде Миниха находился здесь регент герцог *Бирон*¹¹, также в заточении, но не долго, он здесь пробыл только 4 месяца и был увезен не знаю куда. Тюрьма, в коей он жил заключенным, существует еще и доныне, только на другом месте и в виде избы, она имеет по 8 аршин в ширину и длину и была несоразмерной вышины едва ли не в 9 аршин, так что видом походила более на низкую башню, нежели на дом, кругом сия тюрьма была обнесена тыном одной с нею вышины, пространство же между стенами тюрьмы и тыном было едва ли более сажени, так что сие жилище *Бирона* по всей справедливости может назваться темницей, и по сему и не мудрено, что оно после петербургского дворца показалось тесным бывшему регенту империи и что он с досады на такую квартиру два раза оную поджигал. Вот тебе, лю-

безнейший Н[иколай] И[ванович], исторические предания о Пелыме, кажется, я теперь здесь единственный хранитель оных, ибо со смерти Казанцева не стало более современных свидетелей эпохи Миниха. Нынешние же жители мало заботятся о том, что было прежде. Но пора и мне озаботиться о том, чтобы положить конец моей болтовне. Ты сам виноват, что меня подстрекнул, желал бы очень, чтобы, рассердясь на меня за бесконечность моего письма, ты бы, мой друг, в скором времени мне бы отплатил таковым же. Ожидаю. Прошу сказать нашим товарищам, что если б я имел крылья, то вместо письма сам бы прилетел в Курган и их всех обнял. Прощай. Еще слово. Так как Курган есть одно место, из коего я получаю сведения о наших, то прошу тебя, почтеннейший, меня снабжать оными, прошу также описать мне ваш род жизни, чем вы занимаетесь и что читаете. Я полагаю, что с Курганском всем тоже вы мало водитесь. Прости!

32. А. Е. РОЗЕНУ

Пелым, 15 ноября 1833

Третьего дня получил я, почтеннейший А[ндрей] Е[вгеньевич]¹, ваше письмо от 26 октября, с почтою же, которая отходит сегодня, вам отвечаю, дабы опять скорее иметь удовольствие выманить у вас несколько строк, которые и во всякое время были для меня чрезвычайно приятны, в настоящем моем уединении неоценны. Я много хожу, большую часть дня провожу в полях, вечер же с двумя свечами сижу за многими книгами, признаюсь, что сии вечера составляют приятнейшее время моего пребывания в Пелыме.

Прочитав в «Север[ной] пчеле», что портрет славного Миниха отыскиали в церкви св. Петра в Петербурге, прочитав сие, я не мог удержаться, чтобы не схватить шапку и отправиться поклониться тому месту, на коем стоял дом, в коем знаменитейший изгнанник, покоритель Данцига и Очакова, здесь 20 лет прожил; на священном сем пепелище теперь мирно растет и завивается капуста, место бывшего острога, в коем он безвыходно заключался, занято огородами, видно только основание одной печи, на остатки коей я всегда с почтением взираю, ибо душевно уважаю мужа, который оказал столь великие и

бессмертные услуги отечеству. Быв сим воспитан в Петербургском училище, я помню, как, бывало, суровые черты упомянутого портрета на нас, мальчиков, не менее страху нагоняли, как и самый наш суровый и строгий директор Вейс². Я застал здесь 110-летнего старика, который у Миниха жила в услужении. От него я много узнал как о самом Минихе, так и об его супруге. Низменный дом, в коем он жил, был обнесен высокою стеною из срубов, по углам стояли четыре высокие башни с бойницами, а над воротами в остроге возвышалась 5-я башня. Пелымские жители его только тогда видали, когда он с супругою прогуливался по стенам, коих каждый фас простирался на 30 сажень. Кажись, невелик лоскут земли, но довольно велик, если вспомнишь, что каждому из нас отмеряют только три шага для постоянного жилища, когда, по словам Фамусова, «придется лезть в тот ящик, где ни встать, ни сесть».

Вы желаете, чтобы я вам сообщил те сведения, кои я здесь на месте мог собрать, подробности о знаменитом Минихе, готов исполнить ваше желание, но признаюсь вам, что запас мой по сей части довольно скуден, впрочем, все, что мог выведать от моего старикашки, здесь вам передаю.

Миних жил в Пелыме не в ссылке, но в заточении вместе с супругою своею, которая без выхода при нем находилась и с ним возвратилась в Россию. Он был росту среднего, полголовы ниже меня, дородной наружности, хотя и суровой, но приятной, имел волосы темные с проседью, мало говорил, когда же говорил, то картавил, казался всегда равнодушным, иногда и веселым, порусски изъяснялся хорошо, но выговор имел иностранный, с супругою же своею, которая порусски говорила крайне худо, говорил он всегда на своем языке, вероятно по-немецки, читал и писал много, работал в маленьком саду, который в остроге развел, где любил сеять разные травы и цветы, также собственными руками насадил много дерев, кои впоследствии переросли и самые башни острога, но, к сожалению, ни одного из сих дерев не существует. Прислуги при нем находилось весьма много, от 15 до 20 человек обоего пола, она состояла частью из собственных к нему приехавших людей, из коих многие здесь похоронены, частью же из наемных пелымцев, в числе коих был и мой старик Казанцев. Сия мно-

гочисленная дворня объясняется тем, что Миних держал много рогатого скота, для коего откупались луга, и своими работниками ставил сено, часто для сего же предмета делал и так называемые *помочи*, т. е. приглашал несколько десятков мужиков и баб на свою работу и потом вместо платы их угощал. Сие заведение и поныне здесь существует. В сем случае накрывали столы на дворе острога, и Миних с супругою своею, которая никогда ни на шаг от него не отходила, с высоты стены острожной приветствовал своих гостей, приказывал их потчевать, смотрел на их пляски и прозабавы и громко и от всего сердца смеялся, глядя на их проказы. В остроге, кроме низменного дому и маленькой караулки, не было никакого другого строения. В сем доме жил Миних с частью своей прислуги, другая же часть оной жила по квартирам в Пелыме; скот и птицы помещались в срубках, из коих состояли стены, днем все имели свободный пропуск в острог, но по пробитии веч[ерней] зари ворота оного запирались. Самого же Миниха из оного не выпускали, для его караула находилась здесь особенная гарнизонная команда с двумя или тремя офицерами, из коих одного Миних иногда приглашал к себе играть в карты. Команда же сия делала здесь великие беспорядки, грабежи в домах и разные насилия, так что многие пелымские жители, бросив свои дома, разбежались кто куда знал, баб и девок часто на несколько дней зарывали по уши в землю. Графиня Миних была женщина чрезвычайно добрая, росту высокого и сухоощавая, она очень любила, снабдив хорошим приданым, выдавать крестьянских девушек замуж и обыкновенно сама наряжала их под венец; таким образом благодетельствовала она здесь многие семейства; нынешнего году умерла здесь старушка Пономарева, которая жила у ней в прислугах. В день отъезда своего из Пелыма Миних в дорожном экипаже (это было зимою) три раза объехал Пелым, спускался же на реку проститься с жителями, которые в большом числе при спуске собрались, сими словами: «Простите, мои пелымцы, вот и старик Миних со своею старухою от вас уезжает». «Прости, отец ты наш родной», — закричал ему народ вслед, многие стали на колени. Двух пелымцев увез он с собою, из коих один возвратился и года два тому назад здесь умер в глубокой

старости. Любил он также здешнего казака Панова, который стоял всегда за его стулом во время обеда и чистил ему сапоги. Еще забыл я вам сказать, что здесь он по большей части ходил в теплом халате и много прохаживал по стенам своего острога, вот все, что я знаю о пелымском житье сильного Миниха, одного из знаменитейших людей, которые бывали в России и о ком Манштейн сказал: «Я, быв адъютантом строгого Миниха, чувствовал себя важнее и более, нежели теперь, когда сам генералом». Он был человек необыкновенно деятельным по многим частям и исполненный жизни даже в самых преклонных летах. Прямо из Пелымского острога судьбе угодно было бросить его в самые бурные тревожения политические, но и тут он себе не изменил, и тут он показал себя великим. Он жил еще пять лет. В Пелыме писал он план войны против турок и о способе покорить сию державу.

Прежде Миниха находился здесь регент герцог Бирон также в заточении, но не долго он здесь пробыл, только 4 месяца, и был увезен не знаю куда; тюрьма, в коей он заключался, существует еще и доньше, только на другом месте и в виде избы, она имеет 8 аршин в ширину и длину и была несоразмерной вышины едва ли не в 9 аршин: так что видом походила более на низкую башню, нежели на дом; кругом сия тюрьма была обнесена тыном одной с нею вышины, пространство же между стенами тюрьмы и тыном было едва ли более сажени, так что сие жилище Бирона по всей справедливости может называться темницею, и по сему и не мудрено, что оно после петербургского дворца показалось тесным бывшему регенту империи и что он с досады на таковую квартиру два раза оную поджигал.

Вот, любезнейший А[ндрей] Е[вгеньевич], исторические предания о Пелыме, кажется, что теперь здесь я единственный хранитель оных, ибо со смерти Казанцева не стало более современных свидетелей эпохи Миниха, нынешние же жители мало заботятся о том, что было прежде, но пора и мне позаботиться о том, чтобы положить конец моей болтовне, вы сами виноваты в том, что меня подстрекнули, желал бы очень, что, рассердясь на меня за бесконечность моего письма, вы бы в скором времени мне отплатили таковым же, во ожидании сей вашей мести прошу вас засвидетельствовать

А. Н. Н. Л.³ и сказать нашим товарищам, что если б я имел крылья, то вместо письма сам бы прилетел в Курган их всех обнять. Простите и не забывайте душевно вам преданного гиперборейца А. Бригена.

33. М. А. БРИГЕН*

Пелым, 15 декабря 1834

Уже давно, моя дорогая Мария¹, я должен был ответить на письмо, которое вы мне написали 23 апреля, но откладывал свой ответ от одной почты до другой то по причине нездоровья, то по причине других писем, которые мне надо отправить, а особенно потому, что, беря перо, чтобы написать вам, я хотел более свободно располагать временем и не спеша отдаться удовольствию переписки с вами. Таким образом незаметно протекали 3 месяца со дня, когда я получил ваше письмо, и с моим самым большим в мире желанием написать вам случилось то, что обыкновенно случается с теми, кто откладывает то, что он должен сделать сегодня; время проходит, и вы удивлены, что не сделали того, что намеревались сделать ранее.

Я прошу вас, мой дорогой друг, не считать, что мое молчание вызвано другой причиной, кроме той, которую я только что изложил, и будьте уверены, мое дорогое дитя, что не проходит и дня, чтобы я не думал с нежностью о вас и вашей сестре Анастасии и не посылал самые искренние пожелания счастья.

Ваше письмо доставило мне большое удовольствие, оно хорошо написано, я читал и перечитывал с большим интересом подробности, которые вы мне сообщаете о ваших занятиях. Теперь и у вас есть все средства для того, чтобы образовываться и совершенствовать способности и таланты, которыми бог удостоил вас наградить, и воспользоваться ими только в вашей воле. Я бесконечно уверен, что у вас эта воля есть. Будьте же прилежны, мой милый друг, и не забывайте, что в вашем возрасте время — это неоценимый дар, и его потеря не может быть возмещена никакой ценой. Не думайте, что я хочу этим сказать, что вы должны быть заняты исключительно учебой, отнюдь, необходимо, чтобы ум имел так-

* Подлинник на франц. яз.

же свои передышки, я лишь хочу, чтобы вы знали, что, когда вы занимаетесь, то должны это делать с усердием и умом; то, что делают с удовольствием, то всегда делают хорошо; безразличие и небрежность ничего не стоят даже в играх и отдыхе. Чтобы с большим успехом использовать уроки, которые вам преподают, я особенно рекомендую вам, моя дорогая, привыкнуть к порядку и методу, которые заключаются в том, чтобы следовать определенным правилам, легко находимым по размышлении. Только размышляя и тщательно обдумывая, можно уберечься от заблуждений, избежать многих ошибок, а следовательно, избежать многих затруднений. Размышляйте же прежде всего обо всем, что говорите и делаете, и вы всегда будете делать хорошо, и все, что вы скажете, никогда не будет неподходящим или неуместным.

Когда вы занимаетесь уроками, я вам советую избегать ошибок, которые допускают обычно люди вашего возраста: не заставляйте работать только память, пренебрегая другими способностями ума, рассудка, интеллекта. Наука, которая состоит только из знаний фактов и дат, ничтожна. История, не осмысленная философски, не дает достаточных знаний. Нет их и в том случае, если не уметь логически рассуждать о том, что узнали. Именно в этом смысле можно применить касательно учебного слова из «Писания»: «Буква убивает, но ум оживляет». Наука только словесная есть тело без души, факты являются материалом для размышлений, и только мысль дает им форму и придает ценность, которую грубая материя никогда не может иметь до того, как она обработана. Тренированный взгляд, рассматривая какой-нибудь факт или объект, откроет тысячи связей и тысячи нюансов, которые ускользают от взгляда человека с поверхностным умом, который не умеет или не хочет ничего углублять. Здесь речь идет только о воле к знанию, потому что мы все призваны быть мыслящими. Знание должно стать нашим удовольствием, а значит, только упражняя ум, вы приобретете проницательность и прозорливость и дадите вашим умственным способностям то развитие, которое им доступно.

Тесные рамки этого письма и боязнь сделать его слишком длинным вынуждают меня отложить до следующего раза удовольствие беседовать с вами о многих вещах, которые я могу вам сказать, а в ожидании я обя-

зую вас использовать время от времени ваш досуг между занятиями, чтобы написать хотя бы несколько строчек, которые я всегда буду читать с удовольствием.

Советую вам, моя дорогая, когда вы будете писать мне, следовать совету, который я вам дал: писать мне самостоятельно, без посторонних поправок, кроме тех, которые вы найдете нужным сделать сами. В последнем случае я с удовольствием увижу те поправки, которые вы сделаете в письме, потому что, вы сами хорошо понимаете, чтобы судить о ваших силах, я непременно должен знать ваши слабости. Особенно не забудьте, что в моих глазах грамматическая ошибка не имеет значения, но ошибка в суждении имеет гораздо большее.

Простите, моя дорогая, милая Мария. От всего сердца обнимаю и целую вас и вашу сестру Анастасию и прошу бога благословить вас.

Ваш искренний друг Александр Бриген.

34. М. А. БРИГЕН*

Курган, 3 июля 1836

Моя дорогая, любимая Мария!

Сколько изменений и событий произошло со дня, когда я получил ваше последнее письмо, и сегодня, взяв перо, чтобы написать вам, я затрудняюсь, с чего начать. Вам посчастливилось увидеть вашу маменьку, которая провела 3 месяца возле вас в Петербурге и которая привезла к вам вашу младшую сестру¹. Я уверен, что эта встреча с сестрой, еще ребенком, для которой вы, как более старшая, должны служить наставником и примером, доставила вам много удовольствия, и в то же время она послужила также тому, чтобы частично смягчить горе от расставания с вашей матерью, которая любит вас так нежно и относится к вам столь заботливо. Но так как в этой жизни нет добра без худа, вы также имели несчастье лишиться вашей достойной и уважаемой благодетельницы мадемуазель Ильиной. Сообщение о ее смерти меня очень огорчило. Я не имел чести быть знаком с ней лично, я видел ее только дважды, но материнская забота, которую она проявляла к вам, и все то доброе, что я о ней слышал, сделало мне ее близкой, и для

* Подлинник на франц. яз.

вас лучший способ почтить ее память — следовать ее советам и наставлениям. Только таким образом вы сможете воздать должное ее добродетели, ее заботе о вас и вашей сестре. Смерть лишила вас счастья засвидетельствовать покойной любовь и признательность по отношению к ней. Я часто получаю сообщения о вас то от вашей маменьки, то от вашей тетушки госпожи Стражевой, и мне доставляет большое удовольствие слышать о вас и вашей сестре только хорошее: хвалят ваше прилежание и старания к занятиям. Говорят также, что у вас очень мягкий характер и доброе сердце. Я очень рад этому и воздаю хвалу господу, что вы такое славное дитя. Продолжайте в том же духе и горячо молитесь богу укрепить вас на этом пути, и тогда вы будете довольны и счастливы, потому что почувствуете, что достойны этого. Маменька обещала мне прислать ваш портрет, и я не знаю, что удерживает ее от выполнения обещания. Она отложила присылку его до будущей зимы, до той поры, когда приедет в Петербург со своим отцом². Но как бы там ни было, я не обижаюсь на нее. Я надеюсь, что с настоящего момента наша переписка будет регулярной, и найдите способ, если это возможно, отправлять мне в месяц хотя бы маленькое письмецо, если ваши занятия не позволяют написать более длинное. Для меня самое большое удовольствие читать строки, написанные вами. Простите, моя дорогая и горячо любимая Мария. Написав много писем сегодня, я принялся писать это письмо несколько поздно, спешу закончить его, чтобы не пропустить почту. У меня будет время лишь для того, чтобы перечитать мою писанину. Простите еще раз, обнимаю вас от всего сердца, а также прошу обнять за меня ваших сестер и сказать им и быть уверенной самой, что я всегда ваш искренний и нежный друг

Александр Бриген.

Здесь я часто разговариваю о вас с госпожой Нарышкиной³, родственницей вашей приятельницы и подруги мадемуазель Столыпной.

Курган, 9 октября 1836

Мне было очень приятно получить известия о вашей жизни, мои дорогие дети, из письма вашей тети от 3-го августа, в котором сообщалось, что мое письмо от 3 июля вам было доставлено вашим братом Мишелем. Моя дорогая и любимая Мария!¹ Желая доставить себе удовольствие побеседовать с вами, я не смог дожждаться вашего ответа. Мне было приятно узнать, что вы здоровы, а также отличаетесь прилежанием в учебе и мягкостью характера. Продолжайте в том же духе. Только так вы сможете достичь цели вашего образования и сознания исполненного долга. Самое необходимое условие счастья — это сознание того, что ты этого счастья достоин, но обычно счастье наше зависит не от нас, а в достаточной мере от обстоятельств и людей, среди которых по воле случая мы должны жить. Мы должны делать все возможное для развития наших умственных и нравственных качеств и, совершенствуясь таким образом, стать менее зависимыми от воли судьбы. Жизнь редко дает нам то, что обещает в юности, и не нужно строить различных иллюзий, которые могут развеяться очень скоро, но нужно особенно тщательно готовить почву для «внутреннего» счастья, которое зависит только от нас самих. Чтобы достичь этого, я вам посоветую, милая Мария, самой научиться следить не только за своими словами и поступками, но также постараться понять то, чего вам не хватает, тренируйте свою волю, чтобы она всегда была направлена на добрые дела, а также на то, чтобы научиться владеть собой. Без сформированного характера мы ничто. Так как рамки одного письма не позволяют сказать вам все, что хотел бы, я укажу вам несколько книг, которые просветят вас лучше, чем я. К тому, что вам надлежит изучить и обдумать хорошенько, принадлежит отличная книга Дежерандо «О нравственном совершенствовании», прочитайте также его «Посетитель бедных»² и книгу Жюльена об использовании времени. Я уверен, что такое чтение принесет вам много пользы. Я напишу вашей тетушке³ и попрошу ее достать вам эти книги. Я взял их из списка, который составил

* Подлинник на франц. яз.

специально для вас, чтобы потом, когда вы увлечетесь чтением, вы бы знали, какие книги вам больше всего нужны. Надеюсь вскоре получить от вас письмо, для меня это истинная радость. Подробности о вашей учебе, ежедневных занятиях и вообще все о вашем житье-бытье никогда не покажутся мне несущественными, меня в равной мере интересуют и важные вещи, и мелочи. Сообщайте мне побольше о сестренках. Как старшая, вы должны со временем своей заботой и рачением заменить им мать. Что касается меня лично, то я вполне здоров, мое единственное занятие — чтение да время от времени прогулки, иногда навещаю своих товарищей или они заходят ко мне. Самые же праздничные мои дни — дни получения писем, так что будьте так добры, не забывайте мне их присылать. А также, милая Мария, прошу вас поцеловать от моего имени сестер, а также вспоминать вашего искреннего друга.

А. Б[риге]н.

36. М. А. БРИГЕН*

Курган, 5 марта 1837

Моя дорогая и любимая Мария!

С большим удовольствием прочитал я ваше письмо от 26 ноября, полученное 7 января. Подробности, которые вы мне сообщаете о своей учебе и о том, как проводите свое свободное время, а также о ваших сестрах мне очень интересны. От всего сердца я желаю, чтобы вы извлекли всю возможную пользу из средств, которые вам будут предложены, чтобы совершенствовать ваше умственное и духовное образование. Я уверен, что у вас достаточно доброй воли, чтобы достичь этой цели. Но, работая в этом направлении, недостаточно пассивной учебы, которая занимает лишь внимание. Нужно самостоятельно размышлять и активно тренировать способность мыслить и желание действовать. Вы говорите о вкусе, который лишь благодаря труду удастся достигнуть. Это так: вкус — это дар божий, талант, врожденный такт, определенная деликатность, его невозможно приобрести, если он у нас отсутствует, но его можно развить, изучая и сравнивая образцы искусства и лите-

* Подлинник на франц. яз.

ратуры. И лишь в этом последнем смысле ваше предположение верно: одного вкуса недостаточно, чтобы творить. Он скорее отрицателен, и как хороший тон в обществе, он поκειται на приличиях. Поэтому и случается довольно часто, что у великих гениев-созидателей, которые удивляли своими творениями, отсутствовал вкус. Лучший совет, который я могу дать, чтобы способствовать формированию вашего вкуса,—избегать посредственности в любом виде. Изучайте лишь образцы великих художников — классиков всех наций; характерная черта прекрасного — это простота и естественность, но эта простота и естественность не должны быть ложными. Буало¹ это прекрасно выразил в словах: «Только истинное прекрасно». Поэтому нужно избегать всего того, что пошло и манерно.

Это в порядке вещей, что ваша учеба стала более серьезной, более углубленной. Сама жизнь и поведение, которого мы должны придерживаться в обществе,—это самые серьезные вещи, и, следовательно, разумно все то, что готовит нас к этому предназначению. Будьте любезны, моя дорогая Мария, написать в следующем письме о точном времени выхода из монастыря. Я хорошо представляю, что вы с нетерпением ждете момента, когда сможете встретиться с вашей маменькой, которая так любит и заботится о вас. Я, признаюсь вам, считаю, что можно было бы подождать с этим моментом еще год для того, чтобы вы совершенствовались в музыке и в знании иностранных языков, чтобы изучили английский и имели бы около 40 уроков итальянского, положив в основу изучение Тассо². Этот язык легко изучить, зная французский. В то же время вы могли бы помогать вашим сестрам, этим бедняжкам, которые без вас останутся одинокими. Но поскольку этот момент еще довольно отдален, у нас еще будет время, чтобы подумать об этом. Это была бы жертва, которая слишком дорого стоила бы вашей маменьке.

Если вы хотите знать некоторые подробности, касающиеся моего образа жизни здесь, вот они. Мое обычно хорошее здоровье в прошлом месяце несколько пострадало: климат здесь неблагоприятен из-за ветров, которые постоянно дуют в течение 7—8 месяцев в году, особенно осенью и весной. Я простыл, неважно чувствовал себя, но сейчас поправился. В субботу на масленице гос-

пожа Нарышкина устроила нам прелестный музыкальный вечер. Она очень хорошо поет под аккомпанемент своего мужа³, который играл на фортепьяно. Она превосходно исполнила мессу Бетховена⁴, несколько арий из Россини⁵ и различные итальянские музыкальные пьесы. Курган снискал славу сибирской Италии, но только в этот вечер он был достоин этого названия, ибо в остальном эти места довольно скучные, если бы не общество моих друзей и книги, я бы все время скучал. Самые приятные дни для меня, когда я получаю письма. Значит, от вас зависит увеличить их число. Много раз целую вас и ваших сестер Анастасию и Любушу*, и скажите, что я люблю их от всего сердца. Когда вы мне будете писать, не забудьте попросить их написать мне несколько строк.

Простите, моя дорогая, горячо любимая Мария. Целую вас многократно. Искренне желаю вам благополучия и навсегда остаюсь вашим лучшим другом.

А. Бриген.

Я просил вашу тетюшку дать вам сочинения Дежерандо «О нравственном совершенствовании» или «Посетитель бедных». Получили вы их? Хорошенько подумайте над ними. Вы мне будете признательны за них.

37. С. М. БРИГЕН

Курган, 10-го сентября 1837

Милая и дорогая моя Сонюшка!

Письмо твое от 3-го августа из Пануровки, мною сегодня полученное, признаюсь, меня очень испугало. Прошедшие у нас здесь в Кургане неожиданные перемены объяснят тебе достаточно и вместе оправдают причину моего страха. В последних числах июля достигло сюда известие, что Мих[аил] Мих[айлович] Нарышкин переименован рядовым на Кавказ. Эта новость нас всех встревожила не только за самих себя, но и за доброго и милого нашего Нарышкина. Елизавета Петровна слегла даже в постель. 1-го августа известие это вполне подтвердилось неожиданным приездом в Курган гр[афа] Коновницына¹, брата Елизаветы Петровны, который получил отпуск и позволение приехать сюда, дабы проводить

* Слово «Любушу» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

сестру к матери своей в деревню близ Гдова, но приезд Коновницына оставил как бы в недоумении насчет нас самих. Наконец, наступил роковой день 9-го августа, в котором получили здесь официальное известие о назначении всех здешних моих товарищей рядовыми в Кавказский корпус, исключая меня. Дамам позволено возвратиться в Россию с запрещением въезда в столицы, детей же их, буде таковые окажутся, вписать в число военных кантонистов. Вследствие этого повеления три сына Розена², которые родились, когда он был на поселении, сделались кантонистами. Я не буду тебе описывать, но ты сама можешь себе вообразить, с каким прискорбием принята была сия перемена. Молодежь и здоровых людей она радовала бы, но людей уже в летах, ибо всем уже под 40 или за 40 лет, людей, проводших 12 лет в Сибири, испытавших столько несчастий и со здоровьем совершенно расстроенным, это известие никак не могло обрадовать.

Я благодарил бога, что судьба меня пощадила, лета, здоровье мое и перенесенные мною трудности сделали меня совершенно неспособным не только к военной службе, но даже ко всяким трудам, которые несколько требуют физических сил. Может быть, вспомнили, что я офицером служил войну [1]812 года, я был подпоручиком Измайловского полка в сражении под Бородином, а этому уже минуло четверть столетия, не знаю, поэтому ли или к чему другому, но по какой бы причине ни было, я в душе своей скажу спасибо за то, что меня оставили в покое. 22-го августа выехали Нарышкины и Коновницын в Тобольск. С ними поехал и Фохт³, чтобы лечиться в Тобольске. Он отправил письмо к гр[афу] Бенкендорфу⁴, в коем он его умоляет исходатайствовать ему милость остаться в Кургане. 24-го августа выехали туда же добрый и почтенный Мих[аил] Александр[ович] Назимов⁵, Лихарев и Лорер. В Тобольске эти господа разделились на две партии. Нарышкин, Назимов и Одоевский⁶ из Ишима выехали 1-го сентября в Тифлис. С ними поехали до Казани Елизавета Петровна и Коновницын. 3-го сентября уехали Лорер, Лихарев и Черкасов⁷ из Ялуторовска. Андрей Евгеньевич Розен отправился прямо отсюда, не заезжая в Тобольск, в Тифлис, он на костылях, его поднимают и вынимают из повозки. Анна Васильевна⁸ совершенно расстроенного здоровья

с четырьмя малолетними детьми, и в том числе один грудной, а, сверх того, Розен еще глазами слаб, каков этот караван отправляется за 3 тыс. верст на службу. Расставание с добрыми приятелями, ужасная неизвестность о собственной будущности — все это было так для меня прискорбно, что я почти слег в постель, я и теперь еще не могу совершенно оправиться. Об убытках, которые эти господа было понесли этой перемене новой, нечего и говорить, дома стоят пустые, а что можно было продать, то продали за бесценок. Я много перенес, но давно не испытал такого тяжелого времени, как настоящее, начиная с 1-го августа. При проезде его выс[очества] наследника⁹ Елизавета Петр[овна] подавала письмо, в коем она только просила о позволении съездить в Россию повидаться с престарелой своей матерью и посоветоваться с доктором о мучительной своей болезни с тем, чтобы по истечении нескольких месяцев возвратиться опять в Сибирь к своему мужу, но вышло иначе. Молю бога от всего сердца, чтобы поездка твоя в Киев достигла бы цели. Как бы я счастлив был, если бы сбылось то, что пожелаешь и о чем просить хочешь. Душевно благодарю тебя, милый и душевный мой друг, за деньги твои, попечение обо мне. Верх моих желаний было бы изъяснить тебе всю мою признательность. Тяжело и очень тяжело будет для меня, если вместо того, чтобы воротиться в семейство мое, о чем ты хочешь просить¹⁰, меня из сибирской ссылки отправили бы в кавказскую, которая предвещает мало хорошего; первая мысль, которая представляется, это брат Александр¹¹; что делать — увидим, что бог даст — покоримся его промыслу.

Сейчас получил известие о дорогих моих товарищах из Тюмени от 3-го сентября. Нарышкин, Назимов и Одоевский посылают мне много поклонов, какие добрые и почтенные люди. Назимову 38 лет, а голова у него седая, как у 70-летнего старика. Все дома, лошади и дворня Нарышкина остались на моем попечении. Я часто со сжатым сердцем хожу по пустым их жилищам. Елиз[авета] Петр[овна] с большим удовольствием читала письма нашей Машеньки, кот[орые] ты ко мне присылала. Вас[илий] Андр[еевич] Жуковский¹² непременно увидит наших детей, когда возвратится в Петербург. В последний вечер нашей беседы с Назимовым он в излиянии чувств обнял меня и сказал: «Я вас и все, что вам принадле-

жит, так люблю, что за величайшее почел бы для себя счастье, если бы брат мой Илья удостоился руки вашей дочери». Брат его Илья славный человек по всему, что я о нем слышал...

Прости, милая Сонюшка, целую еще много раз твои ручки, не знаю, обрадует ли меня судьба или ошарашит.

[Приписки на полях:] В Казань хотела выехать к Мих[аилу] Мих[айловичу] для свидания его сестра Голицына¹³, а Елиз[авета] Петр[овна] обещала будущей весной, когда она поедет к мужу на Кавказ, захватить или в Пануровку, или в Слоут.

Посылку твою я получил и об этом писал тебе, но худо то, что на всякий случай у меня мало денег, случись поехать, то не с чем.

21-го авг[уста] отправил я к тебе письмо. Я был тогда нездоров и с трудом написал те немногие строки. Пора бы, кажется, судьбе перестать нас преследовать. Прости, мой друг, целую много раз твои ручки.

38. С. М. БРИГЕН

[Курган, январь 1838]¹

Письмо твое, мой друг, которое ты ко мне месяца три тому назад писала и за которое у меня просишь прощения, я не получил; если оно неприятного содержания, то я этому очень рад. От милых наших деточек я уже давно не получал писем.

Еще тебе один мой совет, милая моя Сонюшка, во всех обстоятельствах жизни иметь твердое упование на бога и уверься, что без его промысла и волос с главы нашей не спадет, а таковою верою ты всегда будешь иметь твердость и душевное спокойствие; 2-е: Что религия состоит не в постах и поклонах или других любых фарисейских обрядах, но в чистой любви к ближнему; 3-е: Что если ты один раз убедишься в какой-нибудь истине, то за нее держись и не слушай людских речей, в некоторых делах человек должен иметь самостоятельность, а не быть тростником, колеблющимся ветром. Прости, мой ангел.

Вот тебе еще стихи Одоевского, которые я с нынешнею почтою получил. Одоевский ехал вместе с Назимовым, за несколько верст до Ставрополя увидели они

стаю птиц, направлявших полет к Кавказу. Приветствуй их, сказал ему Назимов, и вот его экспромт.

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,
Где грают радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы — на юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет.
И нас, и нас далекий путь влечет,
Но солнце там души не обогреет,
И свежий мирт чела не обовьет.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что не на севере угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?

39. М. М. НАРЫШКИНУ

Курган, 11-го апреля 1838

Христос воскрес!

Поздравляю и приветствую вас душевно, почтенный и милый мой Михайло Михайлович, с светлым Христовым воскресеньем. Желаю вам провести его приятно вместе с почтеннейшею Елизаветой Петровною, ибо, судя по письму к отцу Якову¹, в коем она писала о своем намерении выехать к вам в конце февраля месяца, она уже должна быть с вами, чего от души желаю и для вас и для нее. Письмо ваше из Казани я получил, но на письмо мое от 3-го января, которое я к вам отправил на Кавказ, по сию пору не имею ответа, — позвольте вам попенять за ваше молчание. Кроме доброго Николая Ивановича Лорера никто из ваших к нам сюда не пишет. Я получил от него два письма и очень благодарен ему за дружеское его воспоминание. Назимов также, к большому для меня удивлению, ни строчки мне не написал. Я же от почты до почты ожидаю окончательного ответа от брата Петра Николаевича Свистунова² о покупке назимовского дома и тогда уже напишу Михайлу Александровичу. От Елизаветы Петровны получил я три письма, последнее было от 6-го февраля, но напрасно пеняет мне она за мое молчание. Я писал к ней два письма: одно 13-го декабря, а другое 10-го января, последнее ее письмо получил я в бытность мою в Тобольске, полагая же, что мой ответ не застал Елизаветы Петровны в Княрове, я решился написать это письмо прямо к вам, будьте уве-

рены, что все ваши поручения насчет вашего дома будут в точности исполнены. Доверенность на продажу его мне еще не передана господином Дурановым³, но это не сделает остановки, если бы нашелся покупатель; покупателя же не ожидать, как только кто-нибудь из наших, или фон Визина⁴, который, вероятно, будет просить, чтобы его перевели из Тобольска, куда он назначен, но куда еще не прибыл, в Курган, или Трубецкого, а между тем я думаю его отдать внаймы, а именно здешнему исправнику г-ну Скорине, человеку весьма обстоятельному и аккуратному, может быть, я и сам перейду в одну половину, признаюсь, мне тяжело расстаться с моею квартирою, которая для меня тесна, хотя и много имеет других удобностей. Я раб своих привычек*.

Дом ваш требует 200 руб. в год поддержки, включая и дворника, а для этого деньги, получаемые за наем, были бы употреблены весьма кстати; дворник Павел, определенный вами, просил меня напомнить вам о следующем ему жаловании; Елизавета Петровна сказала мне, что он получил от вас при отъезде 50 руб., он же отозвался мне, будто ничего не получил, итак, прошу вас разрешить нам это затруднение, я, кажется, принужден буду его сменить, разумеется, только тогда, когда он изобличится в утайке воровских вещей, в принятии коих его довольно основательно подозревают.

Теперь позвольте мне, любезнейший Михайло Михайлович, поговорить с вами о себе. Я живу здесь точно так же, как и при вас жил, но в судьбе моей произошла перемена, по просьбе жены моей государь разрешил вступить мне в гражданскую службу только в Сибири⁵, и я теперь канцелярист Курганского окружного суда, куда я по желанию моему определен. Я бы мог иметь место позначительнее в Тобольске и даже с порядочным жалованием, но здоровье мое, которое начинает мне изменять, побудило меня предпочесть Курган Тобольску; испытав в продолжение 7 лет сырую атмосферу пелымских болот, я не хотел опять вторично подвергнуть себя такому же климату в Тобольске; нынешнее лето я также думаю попить кумыс, который, по мнению нашего общего лейб-медика Ивана Федоровича⁶, принесет мне

* «Я раб своих привычек» (дословно — своих животных привычек) в подлиннике на франц. яз.

пользу. И было думал для этого переехать на Жилинскую заимку, но так как эта переборка сопряжена со многими затруднениями, то и решаюсь остаться здесь, в городе и, может быть, в вашем доме, который мне каждый раз, что я в него вхожу, толь живо напоминает о приятных минутах и часах, мною с вами проведенных. Помните ли наши музыкальные вечера, наши споры о рационализме, Канте, Ботене⁷ и пр. — пожалуйста, не забывайте мою шведскую песенку: «И в песчаных пустынях находишь райские оазисы, и вечные девственные снега Севера имеют свою прелесть!»

Иван Федорович здесь со мною, мы с ним видаемся каждый день, но так как он хотел сам к вам приписать, то и не стану о нем распространяться. Мы было радовались прибытию сюда Муравьевых⁸, но, к большому сожалению, наши ожидания рушились, но по сию пору мы причину этому не знаем, отказали ли им в переводе или сами они этого не пожелали, они пообзавелись в Урике и имеют там товарищей, с которыми живут очень дружно⁹, может быть, это побудило их просить, чтобы их оставили там. Мы имеем здесь Свистунова, вам, я думаю, это уже известно, с последнею же почтою получили мы известие, что и старик Башмаков¹⁰ прибудет сюда из Тары, я очень рад за старика, ибо ему здесь, вероятно, будет лучше. Старик Воронежкой¹¹ возвращен на родину, все же прочие господа поляки¹² здесь, живут по-старому и свидетельствуют вам свое почтение, в особенности Ключковские, с коими я покумился, ибо был восприемником при крещении младшей их дочери, мадам Ключковская¹³ опять в приятных ожиданиях. Соболевские¹⁴ и Александр Гаврилович¹⁵ свидетельствуют вам почтение, Александр Гаврилович у нас жених, он женится на Татьяне Андрюковой, в непродолжительном времени должна быть их свадьба.

Если вы в переписке с Андреем Евген[евичем] Розеном, то потрудитесь уведомить его, чтобы он сделал какие-нибудь распоряжения насчет своего дома, который с отъездом Воронежского совершенно осиротел, в нем теперь живут Хельмицкие¹⁶. Исправник Скорина хочет его купить, но едва ли даст он более 3,5 тыс. — дом требует присмотра и поддержки, и для этого хорошо было бы отдать его внаймы. 21-го февр[аля] я писал к Розену, но бог весть когда получу ответ. 1-го апреля я мыс-

ленно поздравил вас и почтеннейшую Елизавету Петровну. Этот день и для меня праздник, потому что моя матушка именинница, даст ли нам бог его когда-нибудь опять провести вместе. Простите, любезный и дорогой Михайло Михайлович, обнимаю вас и молю бога, чтобы он сохранил вас здорово и невредимо, простите и не забывайте душевно вам преданного Александра фон дер Бригена.

Если Елизавета Петровна с вами, то прошу вас сказать ей мое почтение и поцеловать у нее за меня ручки. Назимову же прошу попенять за молчание, по получении же этого письма прошу вас не замедлить ответом, дабы я мог знать, получили ли вы его и куда к вам писать.

[Приписки на полях:] Забыл я написать вам, что Роман¹⁷, укладывая ваши книги, забыл вложить в ящик три тома Сея «Политическая экономия», 2-й, 5-й и 6-й¹⁸. Они у меня, уведоьте, куда их переслать.

При отправке ваших людей я Егора¹⁹ с Романом разделил, ибо они ужиться никак не могли, Егору я дал на дорогу 800 руб., а Роману 200.

40 М. А. БРИГЕН*

[Курган], 22 июля [1838]¹

Моя дорогая и любимая дочь Мария, примите мои самые искренние пожелания сегодня, в день ваших крестин. Поздравляю вас от всего сердца и хочу, чтобы эти строчки застали вас веселой, довольной собой и вашими занятиями, а также в полном здравии. Чем вы заняты, мой милый друг? Вот уже давно я не получаю известий от вас, но должен признать, что это моя вина, ибо и я вам не писал довольно давно. Довольно регулярно получаю я новости о вас чрез вашу тетюшку². Я откладываю удовольствие поддерживать с вами постоянную и непрерывную переписку до момента окончания монастыря. Тогда у вас будет больше свободного времени, а тем для бесед более разнообразных. Как обстоят дела с музыкой? О, как бы мне хотелось послушать, как вы играете на фортепиано! Напишите мне о своих любимых ком-

* Подлинник на франц. яз.

позиторах. Что касается меня, я очень люблю Бетховена, знаете ли вы его симфонии, а также сочинение для мессы. Это так прекрасно! Мне также нравится Гуммель и Мейербер³. Если вы довольно искренни, я советую изучить музыку принца Луи Прусского, это музыка затейливая и весьма трудная для исполнения, но она очень красивая, осваивайте, моя дорогая дочь, это искусство.

Имея вкус к чтению и музыке, вы никогда не узнаете, что такое скука. Ваше время будет заполнено. Столь достойные занятия оказывают непосредственное влияние на характер и духовную жизнь человека, облагораживая его существование. Мне очень жаль, что изучение английского языка не является частью вашего учения, английская литература столь прекрасна, что неумение читать ее в оригинале — это истинная потеря, но при желании это можно будет легко исправить уже по окончании монастыря.

Простите, мое дорогое дитя, целую много раз вас, а также ваших сестер, которым передаю наилучшие пожелания, и уверяю вас, что остаюсь навсегда вашим искренним и преданным другом.

А. де Бриген.

41. М. А. БРИГЕН*

Курган, 11 ноября [1838]¹

Наконец настал, моя дорогая, добрая Мария, столь долгожданный для вас и вашей маменьки срок вашего выпуска, который должен соединить и вновь вернуть к очагу ваших пенатов. Я уверен, что ожидание момента, когда вы будете счастливы обнять вашу маменьку, которая вас так любит и которой, несмотря на искреннюю дружбу, я немного завидую, что вполне дозволено в подобных обстоятельствах, вселяет радость в ваше сердце. Но, с другой стороны, я думаю, что вы немного сожалеете о предстоящем расставании. Наша жизнь так устроена, что мы не вкушаем ничего в чистом виде, нет удовольствия без грусти и счастья без жертв. Сколько, должно быть, вам дороги ваши воспитатели, подруги и приятельницы по играм и учебе, с которыми вы скоро расстанетесь и, может быть, никогда их больше не уви-

* Подлинник на франц. яз.

дите. Это очень грустная мысль. Дай бог, чтобы ваше первое серьезное огорчение стало бы последним. Я стараюсь утешить себя в своих лишениях идеей регулярной переписки с вами. Теперь у вас будет больше времени, чтобы писать мне, и ваши письма будут упражнениями для вас и истинным наслаждением для меня. Сколько можно будет сказать друг другу. Я рассчитываю на регулярную переписку только, когда вы приедете домой к своей маменьке, т[ак] к[ак] то короткое время, что вы проведете в Петербурге после выпуска, так же, как и первые две недели по приезде в Малороссию, вы будете слишком заняты, чтобы думать о чем-то ином, кроме того, как сориентироваться в совершенно новом для вас обществе. Но, несмотря на это, не надейтесь, что я избавлю вас от подробного и очень обстоятельного письма, которое жду от вас из Петербурга. Не забудьте, моя дорогая Мария, перед вашим отъездом из Петербурга взять несколько уроков по настройке пианино у хорошего настройщика. Для того, кто любит музыку, необходимо в деревне немного владеть этим искусством, которое не так трудно, а какая мука иметь под рукой расстроенный инструмент. Я вас всегда представляю довольно хорошей музыкантшей, любящей музыку, в этом случае мой совет не будет излишним. Я буду следить за вашими уроками и занятиями в деревне, потому что, кроме писем, в которых вы будете отчитываться о чтении и занятиях музыкой, я попрошу вас, мой дорогой друг, записывать в тетрадь свои ежедневные занятия, и копию этого дневника вы мне регулярно высылайте раз в три месяца. Эта работа вначале покажется вам скучной. Но в дальнейшем вы войдете во вкус этого занятия — наблюдать за собой, и удовольствие перечитывать то, что вы написали, вознаградит труд. Эта работа даст вам, кроме тихого удовольствия размышлять, привычку наблюдать за порядком и методами по всем, что вы будете делать. Об этом более подробно я расскажу вам в следующий раз и изложу свою точку зрения на манеру письма. Но не забудьте также запастись необходимыми пособиями, например, французским словарем Буаста и т. д. Для начала вы найдете в моей деревенской библиотеке достаточно книг, чтобы заняться, но нужно будет заказать и новые. Из последних я вам рекомендую курс литературы Вильмена², который вы должны изучить. В моей

библиотеке его нет, и вы хорошо сделаете, если достанете его в Петербурге.

Простите, моя дорогая, бесценная Мария. Поцелуйте за меня много раз ваших сестер и брата Мишеля и не забудьте сообщать о себе. Со своей стороны я не премину написать вам, потому что мне есть что вам сказать. Простите, целую вас. Навсегда ваш искренний друг
А. Бриген.

[Приписка на полях:] Если это письмо вам покажется несколько нескладным, не удивляйтесь: я написал его, испытывая очень сильную головную боль.

42. М. П. МИКЛАШЕВСКОМУ

Курган, 19-го мая 1839

Письмо ваше, дражайший батюшка, от 14-го марта из Пануровки имел я удовольствие получить 11-го мая. Душевно радуюсь тому, что ваше здоровье при преклонных летах поддерживается, молю бога, чтобы он сохранил вам его и продлил бы вашу жизнь, столь драгоценную для нас всех; благодарю вас за приятное извещение о дорогой моей Машеньке; 9-го апреля получил я от нее премилое письмо с письмом и от Сонюшки из Петербурга, в котором она подробно и прекрасно описывает мне весь ряд испытаний в науках, из которых она вышла со славою, украшенная 3-м шифром. Дай бог, чтоб и она более и более усовершенствовалась бы во всем хорошем и преуспевала в добром. Опасаюсь я, чтобы, живши в деревне, она не оставила продолжать дальнейшее свое образование, для нее необходимо чтение и ежедневным упражнением совершенствоваться в том, чему она положила такое хорошее начало в монастыре; говорится, век живи, век учись, но когда же нам более учиться, как не в этих летах.

Я Машеньке отложил отвечать до прибытия ее в Малороссию, тогда же буду вести с нею постоянную переписку, которая для нее будет хорошим упражнением. Я полагаю, что Сонюшка теперь уже готовится оставить Петербург, после 9-го апреля я от нее писем не получал. После письма моего от 3-го февраля отправил я к вам еще другое — от 7-го апреля, я писал вам, что был крепко болен, теперь здоровье мое опять поправилось, но я все-таки еще чувствую слабость по временам, надеюсь,

однако, что это скоро исчезнет и что при теперешнем времени года силы мои опять восстановятся. Известия о неблагоприятном ходе вашей фабрики были для меня неожиданными, и я здесь всегда удивляюсь дешевизне вообще всех изделий в сравнении с тем, что они были несколько лет тому назад, и не понимаю, как фабрики могут устывать при таковом понижении цен, но это кризис фабрик всеобщий в Европе, невзирая на усовершенствование сообщений на пароходы и железные дороги, почти всегда произведение превышает требование. Как мне жаль вашу прекрасную скатертную фабрику, и та должна была рушиться — винокурение мне всегда казалось не прочным, овцеводство, я думаю, надежнее, изобилие лугов и пастбищ дает здесь большое преимущество. Сколько новых изобретений по всем отраслям промышленности и художеств. Дагерротипия, я думаю, вам известна, это открытие удивительное г[осподи]на Дагерра^{*1}: из света^{**} сделал рисовщика. В последний же раз читал я в *Journal des Débats* еще новое и столь же удивительное. В Англии некто изобрел кабриолет, который по всякой дороге движется без помощи паров (о лошадях уже не говорят), токмо тягостию седока, и пробегает от 20 до 30 верст в час, машина немногосложная, но что мне более всего нравится, то это что при таковом экипаже не нужно иметь кучера, ни кормить лошадей, а самому отъедаться, чтобы более весить и скорее ехать, что может быть выгоднее и вместе приятнее! В последнем моем письме сказал я вам мое мнение о необходимости введения смертной казни в Сибири, мое мнение подтвердилось, я нашел указ Петра Великого от 1690 года (см. Голикова, том 1, стран. 71)², в котором единственный этот монарх отменил смертную казнь, повелевает преступников ссылать в ссылку, казнить же смертно тех, которые, будучи в ссылке, учинят вторичное преступление. Надобно видеть и слышать, что здесь делается, чтобы чувствовать необходимость этой меры.

Простите, дражайший батюшка, молю бога о сохранении вашего здоровья, прошу сказать матушке Анаста-

* Слова «дагерротипия» и «г-на Дагерра» в подлиннике на франц. яз.

** После слова «из света» в скобках те же слова в подлиннике на франц. яз.

сии Яковлевне³, что я целую ее ручки и душевно благодарю за воспоминание обо мне; простите, остаюсь навсегда искренно вас любящий и уважающий сын

Александр Бриген.

С величайшим нетерпением ожидаю вашего письма о прибытии Сонюшки с дорогою Машенькою к вам в Пануровку, всю эту сцену я живо воображаю.

43. М. А. БРИГЕН*

Курган, 9 июня 1839

Я оказался несостоятельным по отношению к вам, моя дорогая и обожаемая Мария. Я получил два ваших письма, которые были счастьем для меня, и тем не менее я не смог тотчас же ответить, как мне хотелось бы, на первое, в котором вы сообщаете об окончании монастыря. Причина очень проста. Дело в том, что это письмо застало меня больным и прикованным к постели, я переболел болезнью, которая длилась приблизительно 20 дней, болезнь не столь серьезная, но заставившая меня страдать, что мешало мне заниматься перепиской. Болезнь прошла, в настоящее время мое здоровье поправилось, нет нужды говорить вам, что все это время с момента получения вашего письма мой ум и мое сердце заняты только вами, и я не прекращал молиться за ваше счастье. Впрочем, это счастье у вас будет, благодаря нежности и умеренности вашего характера. И вы будете обладать им еще больше, развивая хорошие качества вашего прекрасного сердца и приобретая добродетели, которые вам сделают честь. Старайтесь просветить свой ум хорошим чтением и укрепляйте характер религиозными принципами и правилами поведения в жизни. Будьте искренно набожны, и бог вас вразумит, ибо он никогда не отвергает душу, которая в простоте своей идет к нему. А еще придерживайтесь своих принципов и имейте характер, ибо человек без характера, по прекрасным словам писателя, «пустынник, который может согнуть всякий ветер». Один очень умный человек сказал, что басня направляет более против добродетели, чем против порока. И это очень верно, потому что добродетель есть борьба, заставляющая нас торжествовать над

* Подлинник на франц. яз.

порочными наклонностями. Без усилий добродетель не имела бы никакой цены. Бог дал нам жизнь не только для того, чтобы наслаждаться ею и быть счастливым. Не следует на этот счет питать иллюзий, есть нечто больше этого счастья, а именно сознание себя достойным его, даже не обладая им. Мы существуем, чтобы делать добро, насколько это в наших силах; и только так человек может иметь счастье на земле, прежде чем достигнет его в ином мире. Не думайте, моя дорогая и любимая Мария, что ваше образование окончено, что вам делать более нечего. Напротив, только теперь для вас начинается воспитание в свете, следующее за воспитанием в школе. Теперь вы должны работать сами над совершенствованием своего ума и духа, читайте хорошие книги, упражняйтесь в искусстве, ведите свой дневник, пишите сочинения и литературные упражнения, и ваше время будет употреблено с пользой. Впрочем, это тема, которую я сохраняю для более подробного разговора с вами в дальнейшем. Я надеюсь, что мы, столь хорошие друзья, не ослабим нашей переписки, будем обмениваться письмами так часто, насколько это позволят обстоятельства и время. В ожидании этого я вам замечу, что ничто так не способствует вырождению ума и приобретению дурных привычек, как банальные разговоры и пересуды, которыми так часто занимаются в провинции от нечего делать. Ваше счастье, что вы, находясь в кругу близких, столь хороших и милых, гарантированы некоторым образом от всех этих разговоров, приправленных болтовнею и злословием. Мне было приятно получить с последней почтой письмо с Кавказа от госпожи Нарышкиной, так как она говорит в нем о вас, и я решил послать вам это письмо, поставив скобки перед строками, в которых речь идет о вас. Посылая вам эти похвальные слова, я, со своей стороны, оказываю вам знак доверия и полагаюсь на вашу скромность. Можно восхищаться красотой статуи, потому что в ней ничего больше нет, но в человеке красота — это не достоинство и даже как качество одно из последних, и восхищение, ей расточаемое, довольно глупо. Что касается госпожи Нарышкиной — это человек, достойный уважения еще более за ее сердце, чем за ум, за ее прекрасные способности, приумноженные тщательным и даже блестящим воспитанием. К тому же она очень интересовалась вами,

будто близкая родственница, и благодаря этому расположению к вам она и для вас не чужая. Шифр, который вы получили как награду и знак отличия¹ за хорошую учебу, доставил мне большое удовольствие, и пожизненный пенсioen, связанный с ним, это всегда что-то значит.

Я хотел бы знать подробно о ваших дружеских связях, которые образовались в монастыре. Назовите мне некоторых из ваших подруг, возможно, среди них есть те, с чьими родителями я был знаком. Вы мне говорили о мадемуазель Столыпной, родственнице госпожи Нарышкиной через Мордвиновых, сохранилась ли эта связь? Вы меня спрашиваете, знаю ли я госпожу Дурново. Я знал госпожу Дурново — мать², что касается госпожи Дурново молодой, я ее знал как Алину Волконскую³, видел ее в свете, это племянница Волконского, высланного сюда, я мог бы о ней кое-что рассказать⁴ вам, но это будет уже другое письмо. Что касается г-на Плетнева, то его я не знаю. Был бы очень счастлив узнать, как вы закончили сочинение, которое он вам предложил: «Разница между что-нибудь сказать и что-нибудь сделать»*. Сообщите мне об этом, а также скажите, познакомились ли вы со славным и достойным поэтом Жуковским. Пора кончать, ибо кончается бумага, я обнимаю вас, целую много раз, моя дорогая и любимая Мария, мое хорошее и нежное дитя, и прошу вас передать заверения в моем уважении вашему дедушке и вашей бабушке⁵ и поцеловать им ручки. Поцелуйте также за меня вашу маменьку, брата Мишеля⁶, который, как я был рад узнать, находится в Пануровке 10 месяцев, а также вашего дядюшку Андрея⁷, который так заботился о вас во время вашего пребывания в Петербурге. Простите еще раз.

Ваш преданный и искренний друг Александр Бриген.

[Приписка на полях:] Передайте вашей маменьке, что если бы я любил ее меньше, я был бы в обиде на нее за то, что она не послала мне ваш портрет, написанный карандашом, который я у нее просил; затраты были бы незначительны, всего не более пятидесяти рублей. Обладая оригиналом, она вполне могла бы уступить копию.

* Название сочинения в подлиннике на рус. яз.

Курган, 11 августа 1839

Моя дорогая, несравненная Машенька.

4 августа, в пятницу, которая у нас является днем почты, я вернулся вечером с исповеди и, готовясь к завтрашнему причастию, решил не распечатывать полученных писем, но, увидя ваш почерк на конверте от 28 июня, я не устоял перед желанием узнать его содержание. Тотчас же принялся его читать, читал и перечитывал с истинным удовольствием, что случается всякий раз, когда читаю ваши письма. Я очень растроган заботой, которую вы проявляете о моем здоровье, начинающем мне изменять. Всего лишь две недели назад у меня был приступ лихорадки, но он прошел после того, как я несколько дней провел в своей комнате. Это лето и вообще весь год были плохими, в местности много больных и особенно в Тобольске, где обычно климат очень неблагоприятный. Я очень рад узнать, что вы хорошо используете свое время, продолжайте таким же образом и старайтесь заниматься своим образованием и формировать свой ум и сердце хорошим чтением. Вы спрашиваете моего мнения о сочинении Ламартина¹, я его прочитал с большим удовольствием два года назад и, читая, намеревался порекомендовать его вам. Не могу вспомнить, сделал ли я это. Место, касающееся происхождения молитвы, мне не запомнилось, но то, о чем я буду вспоминать всегда с удовольствием, это восхитительные описания Востока. Еще более увеличивает очарование этого чтения чувство меланхолии, навеваемое на вас. Вы видите природу во всем ее великолепии и в то же время находитесь среди гробниц и руин, говорящих с вашей душой. Что может быть величественнее этих пустынь, которые слышали голоса пророков, или кедров Ливанской горы — современников Соломона². Мне кажется, что в самом воздухе незримо разлита молитва. Ламартин очень талантлив. Как интересно описал он визит к леди Станхоп, этой удивительной женщине, в характере которой есть что-то таинственное, что покоряет вас. Признаюсь вам, что временами мое воображение находилось под сильным впечатлением этого чтения. «Поэтические размышления»

* Подлинник на франц. яз.

Ламартина³ также очень тонки, советую вам их прочитать.

Если вы хотите прочитать хорошее историческое сочинение, возьмите «Картину революций политической системы в Европе» Ансильона⁴. Вы найдете это произведение на 7[-й] полке в моей библиотеке. Это классическая книга, я советую вам ее изучить: она усовершенствует ваши школьные исторические познания. Жаль, что этот прекрасный труд не завершен. После «Путешествия» Ламартина вам будет приятно почитать также путевые заметки Шатобриана «Из Парижа в Иерусалим»⁵, а равно «Дух христианства» этого же автора. Чтобы хорошо знать французский язык и выработать речь чистую, правильную и изящную, следует читать хороших авторов, особенно если не всегда имеешь возможность поговорить с человеком, хорошо владеющим этим языком. Если не поостеречься, то можно очень быстро привыкнуть к неправильным выражениям и, вместо того чтобы хорошо говорить по-французски, выражаться на ломаном языке, о котором очень хорошо выразился поэт Грибоедов на «смешении французского с нижегородским»^{*6}. Но одного чтения недостаточно: время от времени пишите небольшие сочинения, чтобы поупражняться в стиле, ведите дневник, я уже говорил вам об этом в своих письмах, эти занятия приучат вас к порядку и точности, к качествам, очень для вас полезным, которые так приятно встретить в человеке, с которым имеешь дело. Рассеянность и забывчивость, которым подвержены некоторые лица, иногда бывают невыносимыми. Почему вы не захватили с собой вашего Буаста из Петербурга? Следует отдать предпочтение последнему, четвертому, изданию, исправленному Шарлем Нодье⁷. Вам будет также необходим русский словарь Рейфа⁸ «Словарь Этимологический» в 2-х частях^{**}. Нужно знать родной язык, и этот прекрасный словарь будет очень полезен и при изучении французского языка. Отправляя письмо, вы забыли указать место, где вы его писали. На марке написано «Глухов», что наводит меня на мысль, что вы находитесь в Слоуте, но т[ак] к[ак] вы ничего не

* Слова «смешении французского с нижегородским» в подлиннике на рус. яз.

** Название словаря Рейфа в подлиннике на рус. яз.

говорите мне о продолжительности вашего пребывания в этой деревне, то я решился пометить в адресе этого письма «в Пануровку», потому что предполагаю, что вы не замедлите присоединиться к вашим дедушке и бабушке. Ваша привязанность к подругам и к мадемуазель Адлерберг, с которой вы поддерживаете переписку, мне очень приятна, постарайтесь сохранить эти связи. Школьные знакомства — самые крепкие и образуют нечто вроде родственных уз.

Говоря о «Путешествии» Ламартина, я забыл вам сказать несколько слов о прекрасном описании похождения французского лазутчика, проживающего среди арабов пустыни, это очень живое и подробное описание малоизвестных нравов народа. Описание Иерусалима и колоссальных развалин Бальбека породило в моей душе чувство грусти, но грусти приятной. Но особенно понравилось мне бескрайное одиночество, бесчисленные пустыни с их молчанием, более красноречивым, чем любое слово, — все это поистине величественно. Вы говорите, что при чтении испытывали присутствие незримого божества. Я испытал нечто похожее, любясь темными бесконечными лесами в окрестностях Пелыма. Эта книга Ламартина совершенно очаровательна, и можно прочитать с удовольствием ее еще раз. Интересуетесь ли вы также немецкой литературой? Вы мне об этом ничего не говорите, что заставляет меня предположить, что вы несколько пренебрегаете ею. Если это так, то вы не правы. Знание иностранных языков и литератур расширяет горизонт наших представлений и исправляет их. Немецкая литература — одна из самых богатых и вполне заслуживает того, чтобы ее изучали. Если вы хотите знать ее получше, прочтите сочинение «О Германии» мадам де Сталь⁹: вы будете восхищены множеством вещей, которые там обнаружите. Но пора кончать. Пускаясь в удовольствие поговорить с вами, я становлюсь болтливым, что весьма обычно для старых папаш, когда они принимают за разговор со своими дорогими детьми. Простите, я вас целую много раз и молю бога, чтобы он хранил ваше здоровье и взял вас под свою защиту. Ваш искренний друг

Александр Бриген.

[Приписка на полях:] Прошу вас поцеловать за меня вашу маменьку и брата Мишеля и сказать им, что я жду

письмо, которое они мне обещали. Передайте также мое почтение и самое искреннее уважение вашим дедушке и бабушке. Простите, мой ангел. Если вы видели Слоут, прошу вас описать мне немного это место, хороши ли окрестности, есть ли горы и вода, как вам понравились соседи, взглянули ли вы на мою библиотеку?

45. С. М. БРИГЕН

Курган, 9-го февраля [1840]¹

Три письма отправил я к тебе, любезнейшая Сонюшка, но ни на одно не получил еще ответа. Мои письма были от 22-го сентября, 17-го ноября и 7-го декабря. Приписывая же ко мне в двух письмах Машеньки, ты не упоминаешь ни словом о моих письмах. Последнее письмо Машеньки от 28-го декабря я получил, сам же к ней отправил письмо 20-го декабря. От наших монастырок² получил я довольно запоздалые письма от октября месяца, письмо Настеньки было особенно мило и очень понравилось мне по детской его простоте. Я теперь во всем нуждаюсь, как в деньгах, так и в домашней провизии, которая немного не дотянула до Ирбитской ярмарки, долженствующей начаться в нынешнем месяце. Невзирая на мою, уже не скажу, бережливость, а просто скупость, не могу выйти из рокового 250-рублевого долга, я тебе об этом предмете пространно писал в письме моем от 22-го сентября и поэтому не буду теперь распространяться; прошу тебя только прочесть то письмо да прислать мне денег на этот год. Нового здесь ничего нет, исключая только, что в декабре получил я известие о смерти Одоевского, о чем тебе уже писал, в январе известие о смерти жены Ивашевой³ в Туринске, которая оставила неутешно скорбящего мужа⁴ с тремя сиротами⁵, а в феврале известие о Краснокутском⁶, лежащем на смертном одре и ожидающем с часу на час кончины, у него сделался антонов огонь в колене, к отсечению ноги приступить невозможно по слабости его сил, и так его оставили на произвол божий, вероятно, он теперь уже умер. Александр Вас[ильевич] Кочубей⁷ принимал в нем участие родного брата и в такое время, когда иные родные братья из трусости и корысти отказывались от родства, это делает много чести Кочубею. Вообще, что за жалкое творение человек!— главные пружины

наших действий суть эгоизм, глупое тщеславие да лицемерие, а с этим не много хорошего поделаешь, все ложь да чистая ложь, как и Св[ятное] писание говорит, любви же к ближнему нет или она так слаба, что почти незаметна. Прошу тебя обнять за меня Машеньку, я буду отвечать на ее письмо, в ожидании же которого скажи ей, что в последнем ее письме есть ошибки грамматические, которые я ей означу. Ты мне пишешь, что она еще ленится тебе писать. Это мне не очень нравится, при лениности ни в чем не сделаешь успехов, в молодых летах она непростительна. Ожидаю с нетерпением обещанного тобой в последней твоей приписке письма. Оно выведет меня из недоумения насчет моих финансов, ожидаю и белье, которое ты обещала мне выслать, я в нем имею нужду. В последнем письме я просил тебя выслать мне некоторые книги, прибавь к ним еще <...>* да две маленькие книжечки в синем бумажном переплете, 1-я <...>*, 2-я <...>*, обе с латинскими переводами, Машенька их отыщет. От сестры Любоньки⁸ получил я все посылки, исключая халата. Мишенька прислал мне прекрасную хрустальную мыльницу, она стоит на моем столе вместо украшения. Прости, любезный друг, и не забывай искренне тебя любящего А. Бригена.

[Приписки на полях:] От Розена получил я письмо, он извещает о получении 100 руб. и благодарит, а я в свою очередь благодарю тебя, мой друг.

Уведомь о твоём местопребывании, дабы я мог вернее адресовать письма, и они бы лишнего времени не были в дороге. Это письмо я надписываю в Слоут, ибо знаю, что вы теперь там.

Уведомь меня подробнее о здоровье твоего папеньки, каков он, да также где теперь находится Николенька Кочубей⁹.

46. М. А. БРИГЕН**

Курган, 26 апреля [1840]¹

Вот уже 8 дней, как я имел удовольствие получить ваше письмо, моя дорогая и любимая Мария, но т[ак] к[ак] почта отсюда выезжала как раз в тот момент, ког-

* Название книги неразборчиво.

** Подлинник на франц. яз.

да другая только что прибыла, у меня было только время, необходимое, чтобы написать несколько строк вашей маменьке и добавить к этому обещание написать вам с первой же почтой. Я намереваюсь с удовольствием восполнить это обязательство, так как уже давно я не разговаривал с вами в письме. Я очень доволен вашим письмом, оно хорошо написано, и почерк очень хорош. Я же со своим почерком пишу словно курица лапой и завидую всем, кто красиво пишет. Дело в том, что в природе человека заложено стремление восхищаться тем, чем сам не обладает, но нет нужды говорить вам о том, с вами это случай иной, напротив, если бы я мог поделиться с вами единственным, чем я обладаю, немногим из того, что я знаю, я был бы бесконечно счастлив сделать это. Но знание и опыт — вещи неотделимые, и больше всего их имеют тогда, когда не знают, что с ними делать. В вашем предпоследнем письме были незначительные орфографические ошибки, которые появляются тогда, когда пишут наспех, но на которые я должен вам указать. <...>

Старайтесь избегать подобных варваризмов, ибо незаметно вы можете усвоить привычку говорить неправильно, и впоследствии от этого трудно будет избавиться. Если вы хотите хорошо знать французский язык и говорить на нем, нужно читать хороших авторов, чаще справляться в вашем Буасте; современные французские писатели второго порядка, особенно пишущие апокрифические мемуары, грешат часто с этой точки зрения. Есть два произведения по этому вопросу, которые вам нужно прочитать: Легоран: «Общий словарь трудностей французского языка» и Лоран: «Критический словарь неправильной речи». Я не знаю ни мемуаров графа Лавалетта², ни мемуаров мадемуазель Кошле³, о которых вы мне говорите. Чтение мемуаров очень интересное занятие, но нужно уметь их выбирать, потому что есть множество таких, которые платят лишь фальшивой монетой. Воспоминания маркизы де Крики — сочинение чрезвычайно интересное в этом жанре. Но вы ничего мне не говорите о Вильмене. Как вы находите его? Лучшие книги те, что будят мысль, заставляют нас думать, потому что человек облагораживается моралью с помощью мысли. Не нужно, чтобы развлекательное чтение преобладало над поучительным. Хороши в этом плане

сочинения, отражающие опыт. Читая, никогда не следует забывать слова из писания: «Буква убивает и только лишь разум оживляет». Вы не правы, говоря, что моя библиотека содержит только сочинения слишком серьезные для вас. Есть книги, которые вы прочитаете с удовольствием. Я вам уже один раз называл Ансильона. Когда вы закончите его, ваше предубеждение против серьезных сочинений исчезнет. Вы правы, когда говорите, что господин Сенковский⁴ обладает большим умом, но он не нравится, так как не умеет владеть тонкой шуткой; изображая свободомыслие, он бывает порой неловок, а его шутки грубы. Несколько лет назад, критикуя произведение одной дамы, он кончил тем, что сказал, если, дескать, его критику находят несправедливой, он готов поплатиться и предлагает себя в супруги этой даме. Я спрашиваю себя, можно ли стерпеть подобное поведение? Какова разница с шуткой Вольтера⁵ или Бомарше!⁶

Я благодарю вас, моя дорогая Мария, за красивое домашнее платье, которое вы мне прислали, оно очень впору, и мне его хватит на десяток лет, если я столько проживу. Скажите, не представила ли трудность его покупка и сколько оно стоило. Мое здоровье то лучше, то хуже. На ярмарке, которая состоялась здесь в марте, я простудился и был вынужден лежать в постели две недели, теперь вот уже несколько дней я чувствую сердцебиения, которые вынудили меня отказаться от употребления кофе, к которому я так привык. Весна была холодной, было много больных. Но мы можем благодарить бога, что мы не страдаем здесь от голода, в Восточной Сибири платят 4 рубля за пуд муки, и будет много несчастных, которые испытают все муки голода.

Простите, моя дорогая и милая Мария. Я обнимаю вас и прижимаю к сердцу. Простите. Ваш искренний друг

А. Бриген.

Я думаю, что вы не будете против, мой милый друг, обнять от моего имени много раз вашу маменьку и сказать ей, что я безмерно обязан ей за одежду, которую она мне прислала. Я жду теперь ответ от вашего дедушки на письмо, которое я ему отправил в феврале. Сообщите как можно быстрее о себе: дни, когда я получаю письма от вас,— для меня праздники.

Курган, 7-го января 1841

Примите душевное мое поздравление, дражайший батюшка и дражайшая матушка Анастасия Яковлевна, к наступающему Новому году, молю всевышнего да подкрепит он драгоценное ваше здоровье и да осчастливит меня свиданием с вами и с семейством моим в нынешнем году, который по предчувствиям моим должен быть достопримечательным для нас всех¹, будем продолжать упование наше на бога, ибо претерпевый до конца вознаградится. Мой курганский товарищ Лорер произведен на Кавказе в офицеры, Нарышкин в юнкера, сестра же Нарышкина, бывшая генеральша Тучкова, а ныне игуменья Бородинского монастыря², была вызвана в Петербург, дабы быть восприемницею великой княжны Марии Александровны³, но я думаю, вам это прежде меня было известно. Здоровье мое идет теперь довольно порядочно, бывают, однако, иногда дни, в которые я так ослабеваю, что не в состоянии не только ни за что приняться, но не могу даже и читать. Новый год встретил я на вечере, где было шумно и весело, но не для меня, ибо душою я отсутствовал. Я отправил вам, дражайший батюшка, три письма 10-го октября, 8-го ноября и 7-го декабря, в последнем я сомневаюсь, не затерялось ли оно, а по этой причине я здесь повторяю мою просьбу о высылке мне денег, о чем я вам в том письме писал, они мне на всякий случай нужны, в особенности же теперь — так сделайте милость, не оставьте этой моей просьбы. Если Сонюшка и Машенька у вас в Пануровке, то прошу вас их за меня обнять, я и к ним пишу в Слоут.

Простите, дражайший батюшка, целую как ваши ручки, так и ручки дражайшей матушки Анастасии Яковлевны и остаюсь навсегда с истинным почтением сердечно вас любящий сын

Александр ф. д. Бриген.

Нового нашего губернатора зовут Михайло Васильевич Ладыженский⁴, мы его скоро сюда ожидаем.

Курган, 17 января 1841

Ваше письмо от 18 декабря доставило мне большое удовольствие, моя дорогая Мария. Примите мое поздравление по случаю Нового года и самые искренние пожелания здоровья и счастья. Да внимлет небо нашим молитвам и вернет нас друг другу в течение этого года, который, по всей видимости, начинается с многообещающих предзнаменований¹. Будем надеяться, что судьба наконец положит конец нашей долгой разлуке, которая, несмотря на все мое безразличие во всем, что касается меня лично, все же утомительна из-за ежедневной неуверенности в завтрашнем дне. Действительно, человек — раб привычки, но тем не менее есть вещи, к которым никогда невозможно привыкнуть, особенно в определенном возрасте и с вполне сформировавшимся характером. Я не думаю, что древние, обладавшие большим чувством здравого смысла, ошибались, ставя на первое место превыше всего необходимость. Я также признаю всемогущество этой грозной богини во всем, что касается судьбы и внешних условий, в которые поставлен человек и которые он не может подчинить себе. Нужно покорно подчиняться и делать хорошую мину при плохой игре. Взамен же сокровенные глубины души остаются свободными, если вы смогли освободить ее хотя бы немного от предрассудков, страстишек и мелкого тщеславия, преследующих нас, которые чем мельче, тем опаснее. Обычно именно мелкие страстишки, а не большие страсти возобладают над нами. Они не нападают на нас открыто, а подбираются исподтишка, и как только мы хотим побороть их, они спасаются бегством, с тем, чтобы снова напасть на нас. Поэтому гораздо проще быть героем или героиней, чем оставаться тем, кто ты есть в мрачной и безвестной жизни, именно об этом говорят слова из писания, согласно которым человек велик в малом.

Я рад был узнать, что вы с удовольствием читаете «О нравственном совершенствовании» славного Дежерандо. Судя по тому, что он написал, это истинно добрый человек. Он сформировался в школе немецких фи-

* Подлинник на франц. яз.

лософов, как и Кузен² и другие. «Нормальный курс для наставников первоначальной школы» этого автора был переведен под моим руководством на русский язык одним здешним молодым человеком и напечатан³. Я не знаю книги «Посетитель бедных» этого же автора⁴, о которой хорошо отзываются. Отвечаю вам, что вы с удовольствием прочтете м-ме Сталь «О Германии». Многие главы этой книги доставили мне наслаждение. Изящная французская литература идет вполне в ногу с английской и немецкой, но отличается от них чертами, свойственными только ей. Для меня является большим лишением невозможность достать сочинения, которые мне хотелось бы прочитать. У меня, правда, есть книги, но я вынужден читать не то, что хочу, а то, что нахожу, так как нет выбора. Русское издание <...>* с портретами петербургских красавиц, о котором вы мне говорите, должно быть весьма любопытно, только я нахожу, что подобная выставка напоказ не совсем прилична. В этом есть что-то, могущее задеть женскую деликатность.

Мое здоровье удовлетворительно, но в последнее время я страдал от головных болей, которые беспокоили меня дней десять, но теперь дело идет лучше. 8 ноября я отправил вам письмо, адресованное на Пануровку. Ваше последнее письмо, отправленное 18 декабря, дошло до меня довольно быстро, я получил его 17 января. Во время праздников я побывал на нескольких вечерах, где присутствовал из любезности и понемногу скучал. Здешнее светское общество внешне выглядит прилично, не пренебрегает культом моды, одевается по журналам, костюмы очень элегантны, танцуют французские кадрили, вот и все, но всякие иллюзии исчезают, как только вспомнишь, что большинство этих дам, столь представительных на вид, имели неприятности из-за того, что брали взятки**. Нужно их пожалеть, что поделаешь, взяточничество — это столь распространенное зло, неотъемлемая часть нравов и как таковое является обыденной вещью.

Простите, моя дорогая Мария, от всего сердца целую вас и повторяю еще раз пожелание, сказанное мною в

* Название неразб.

** Слово «взятки» в подлиннике на рус. яз.

начале письма, соединиться в течение этого года и найти в будущем утешение за прошлое.

Б[риге]н.

Я добавляю еще несколько строк для вашей маменьки.

49. С. М. БРИГЕН

[Курган, 17-го января 1841]

Письмецо твое, милая моя Сонюшка, получил я вместе с письмом Машеньки, на которое отвечаю. С последнею почтою, т. е. 13-го января, отправил я к тебе письмо, писал также 20-го декабря и 1-го ноября. Ты полагаешь, что люди, посланные тобою на почту, не всегда отдают твои письма, но этому легко пособить. Стоит только попросить почтмейстера, чтобы он каждый раз написал два слова, что получил одно или столько-то писем. По твоему совету я это подписываю в Слоут. Несколько месяцев тому назад возвратился отсюда на родину в Царство Польское Хельмицкой¹, который обещал мне выслать в Пануровку на имя твоего папеньки для меня энотовую шубу и, имея случай за очень сходную цену, за 20 или 22 червонца, тогда как таковая шуба стоит почти вдвое. Попроси твоего папеньку, чтобы, получив эту шубу, он бы деньги за нее выслал Хельминскому², шубу же покуда до времени удержал бы у себя, ибо я желал бы очень, чтобы не шуба ко мне, а я бы к шубе приехал. Деньги мне также скоро понадобятся, дай бог, чтобы все это скорее кончилось.

Прости, мой друг, обнимаю тебя, прошу, не забывай меня твоими письмами.

Твой Александр Бриген.

[Приписка на полях:] Читали ли вы с Машенькою поэму Козлова «Наталья Долгорукая»³, если нет, то советую прочесть, также «Историю Пор-Рояля» Сент-Бёва⁴.

* Слова «Историю Пор-Рояля» Сент-Бёва» в подлиннике на франц. яз.

Курган, 27-го февраля 1841*

Письмо твое, милая и дорогая моя Сонюшка, начатое 31-го декабря и конченное в нынешнем году, читал я с большим удовольствием, в ласковом твоём приеме я никогда не сомневался, дай бог только скорее дожить до той счастливой минуты, в которую общие наши желания совершатся. Свидание после 15-летней разлуки было бы и радостно и горестно, особенное же чувство увидеть детей, которых оставил почти в пеленках, уже взрослыми! Жизнь наша походит на сон, везде призраки да мечты, а в заключение всего — могила. Бедная кн[язиня] Клеопатра¹ также окончила свое странствие, дай бог ей обрести в той жизни покой, который она не находила в здешней жизни, и огромное богатство ни к чему не послужило. Сколько я мог заметить, в скромных хижинах и в простой жизни более счастья, нежели в знатности и в великолепных хоромаш. И у нас недавно умер в Туринске добрый наш товарищ Ивашев скоростижно в кругу товарищей с чашкой чая в руке и, как говорят, в тот самый день, в который в прошлом году умерла его жена². К счастью, с ним жила теща³, а иначе его дети остались бы без всякого призрения, он был очень добрый человек. В нашем Кургане готовится свадьба. Сви-стунов высватал приемную дочь бывшего здешнего исправника Дуранова, который теперь под судом за взятки. Невеста мне не глянется, но она будет довольно богата, ибо Дуранов делает ее своей наследницей. Сви-стуновы также богаты, известно, что деньги притягивают деньги, — дай бог им счастья! Недели две тому назад получил я письмо от Елизаветы Петровны Нарышкиной, она пишет мне, что в апреле месяце надеется с тобою увидаться и познакомиться, она поедет чрез Малороссию для свидания с матерью⁴ и заедет погостить в Слоут или в Пануровку. Я полагаю, что это около 20-го апреля, и тогда ты, вероятно, будешь в Пануровке. Прошу тебя и Машеньку полюбить эту добрую, умную и почтенную женщину, она всегда с большим участием говорит о Машеньке, как родственница, впрочем, общее наше несчастье нас породнило, а курганская

* Помета С. М. Бриген: «Получено 18-го апреля».

жизнь еще больше сблизила. Я уверен, что тебе приятно будет с нею познакомиться и услышать обо мне, как от очевидицы моего пребывания в Сибири, в Чите и Кургане. Лорер наконец произведен в прапорщики. Меня удивляет, чтобы письма твои могли пропадать, неужели в твоей услуге такие дурные люди, что ты сомневаешься поверить им письмо на почту, в таком случае надобно брать от почтмейстера расписочку в получении письма. Письмецо Настеньки меня порадовало. Если ты будешь в Петербурге, куда намереваешься ехать, то прошу тебя подробно написать мне о детях. От Машеньки я давно не получаю писем. Мое здоровье все по-прежнему, иногда хорошо, иногда посредственно, но не совсем худо. Ты, мой друг, пишешь мне, что скоро вышлешь курточки. Я их получу несколько поздно, ибо дело идет к лету, но все не мешает. Хорошо бы, если ты мне выслала с ними летний сюртук темного цвета и двубортный да летние брюки, ибо такого платья у меня нет, да пришли, пожалуйста, дюжину цветных полотняных носовых платков, я в них нуждаюсь, белые же марки, о деньгах я просил папеньку твоего, при теперешних обстоятельствах они очень нужны. Я четыре письма отправил в Пануровку, но еще ни на одно не получил ответа. На редкость моих писем, кажется, вы не можете жаловаться. Прости, милая моя Сонюшка, обнимаю тебя и остаюсь навсегда твой искренний и верный друг Александр Бриген.

Приписываю на обороте здесь несколько строк к Машеньке.

51. М. А. БРИГЕН*

[Курган, 27 февраля 1841]

Вероятно, моя дорогая Мария, вы будете иметь удовольствие познакомиться в апреле с госпожой Нарышкиной. Она намеревается быть у вас с визитом проездом чрез Малороссию к своей матери. От всего сердца желаю, чтобы ее намерение исполнилось. Это очень почтенная женщина, и вы будете иметь удовольствие от беседы с ней, от нее вы узнаете тысячу вещей и тысячу деталей, интересных для вас. Она разделила нашу ссылку и была непосредственным свидетелем нашей жизни в Си-

* Подлинник на франц. яз.

бири. Впрочем, она всегда интересуется всем, что касается вас. Я только что закончил читать «Путешествие в святую землю», сочинение моего старого знакомого господина Норова². Эта книга захватила меня. Есть нечто грустное во всех этих путешествиях по этой великой земле. Издание украшено гравюрами и среди прочего — образ нашего Спасителя (нерукотворенный образ)*, самое древнее из его изображений.

Вы спрашиваете, часто ли я получаю письма от Мишеля; пишет он редко, и вот уже давно, как я не получал писем. Я жду батюшку Державина, будете ли вы сопровождать маменьку, если она поедет в Петербург?

Простите, дорогая Мария, от всего сердца целую вас.

52. М. А. БРИГЕН**

[Курган, март 1814]¹

С большим удовольствием, моя дорогая Мария, я получил ваше любезное письмо от 19 января, а также батюшку Державина, который благодаря вашим заботам несколько не пострадал в пути. Не проходит и дня, чтобы я не прислушивался к звукам его лиры, он непросвещенный, но в его поэзии есть много величия, оригинальности, есть места, которые я перечитываю до пятидесяти раз. Я вас также благодарю за курточки. Само собой разумеется, я отдал предпочтение коричневой курточке. В последнее время я немного приболел, так как простыл и последствием был насморк, сопровождавшийся сильным кашлем, и головные боли. Я думаю, что в воздухе было что-то, что порождало эту болезнь, почти все здесь были заражены ею, но теперь дела обстоят хорошо. Солнце и установившаяся хорошая погода изгнали все, что было болезнетворного. У нас больше нет снега, но ночи еще стоят холодные.

Чем вы занимаетесь, моя дорогая Мария? Что касается меня, то мое существование столь однообразно, что мне нечего сказать о нем. К счастью, я не испытываю недостатка в книгах. В здешнем обществе нет этих ресурсов, а без чтения я не знал бы что делать. Часто ли вы пишете вашим сестрам и брату Мишелю? В пер-

* Слова «нерукотворенный образ» в подлиннике на рус. яз.

** Подлинник на франц. яз.

вом же письме к ним прошу вас поцеловать их от меня. Из-за невозможности видеть вас я люблюсь вашим портретом, который доставляет мне большое удовольствие. Когда мои глаза устремлены на ваше изображение, моя душа уносится мыслями к оригиналу. Дай бог, чтобы это случилось как можно быстрее в действительности!

Простите, мое дорогое дитя, прижимаю вас многократно к сердцу. Здесь с большим нетерпением ждут дня свадьбы наследника, посмотрим, каков будет результат.

53. М. М. НАРЫШКИНУ

Курган, 9-го мая 1841

Сей час получил я письмо Елизаветы Петровны вместе с вашим письмом от 5-го марта, почтеннейший Михайло Михайлович, и так как почта сей же час отходит, то дабы устранить несправедливый упрек, что я немного пренебрегаю вами*, спешаю кое-как набросать на бумагу эти строки; письмо мое от 7-го февраля, которое вы, верно, уже получили, меня также оправдает. Как это письмо, так и то я адресую не Елизавете Петровне, но вам, ибо полагаю ее отсутствующею в П[рочном] Окопе. Воображением я встречаю Елизавету Петровну на пороге моего дома в Малороссии, знакомлю ее с моею женою и дочерью, и мысленной моей беседе нет конца. Но поэзию в сторону, надобно приняться за прозу, и прозу довольно скучную. С домом вашим еще не кончено, в ноябре я писал к кн[язю] Горчакову¹, предлагая ему купить этот дом в казну, которая в нем нуждается и которой я его отдал в найм за 900 р. в год. Князь передал это дело губернатору нашему Ладыженскому. В декабре по требованию губернатора отправил я к нему подробный план дома на 7 листах, в феврале на сделанном мне запросе о цене дома отвечал я: 7500 р., и с того дня по сей день не имею еще решения, может быть потому, что в июне губернатора самого сюда ожидают, и тогда надеюсь, что дело это кончится, да и пора бы, ибо поминутно получаю сведения от моего надсмотрщика, что там печь развалилась, там заплот упал и пр. и пр. Пар-

* Слова «что я немного пренебрегаю вами» в подлиннике на франц. яз.

тикулярных покупателей нет, а с Осинцовым, я вам уже писал, что дела нельзя иметь. Будьте уверены, что я о доме вашем, конечно, более забочусь, нежели вы бы сами заботились.

500р., назначенных вами в раздачу, 200 р. на новую церковь да 300 р. двум нашим старикам, я уплачу из денег, которые должен получить из казны за наем дома, по окончании всего пришлю вам подробный отчет. Передайте, пожалуйста, Лореру, что я от его брата² получил 480 р. для уплаты Дуранову, которому я деньги эти уже отдал и расписку назад получил. Лореру я не пишу, потому что письма его еще не получил из Тобольска. Извините мне мои каракули, я спешу кончить. Простите, добрый и дорогой мой Михайло Михайлович. Жму вам руку да прошу вперед мне не писать, чтобы я вас не забывал и вас любил. За эти слова я готов с вами побораться.

Ваш Александр Бриген.

Елизавете Петровне прошу передать глубочайшее мое почтение, а Назимову самое дружеское мое приветствие. Письмо его я получил и буду ему отвечать.

54. М. А. БРИГЕН*

Курган, 19 июня 1841

С огромным удовольствием, моя дорогая Мария, я прочитал и перечитал много раз ваше письмо от 1 апреля. Нарыв на пальце помешал мне воспользоваться первой почтой, чтобы ответить вам. Выражение чувства нежности и привязанности ко мне меня глубоко тронуло и делает вам много чести. Подобные чувства — лучшее доказательство, что у вас чуткое сердце, и с моей стороны было бы мало сказать лишь только то, что я признателен. Дай бог, чтобы пожелания относительно моего возвращения осуществились. Что касается меня, я честно признаюсь, что сейчас я менее, чем когда-либо, предвижу конец всего этого. Не то чтобы я потерял всякую надежду, ибо кто может знать решение судьбы и предвидеть все то, что может случиться, но дело в том, что по ходу вещей невозможно сделать никакого предположения; ничего не поделаешь, но сила обстоятельств уп-

* Подлинник на франц. яз.

равляет всем, это стремительный поток, который уносит нас мимо нашей воли. Мое здешнее существование очень ненадежное, я живу со связанными руками, и так изо дня в день, и что самое худшее, без всякой уверенности в завтрашнем дне. Это очень тревожное положение, и нужно подумать, как его изменить, то есть нужно изыскать денежные средства для существования. Если бы у меня была возможность получить место, которое дало бы мне тысячу рублей жалованья, я бы воспользовался ею. Лишь бы дело не было грязным и вздорным. Ни то, ни другое не подошло бы ни моему характеру, ни моему здоровью. Полностью доверяться друзьям, близким или товарищам — значит строить здание на песке¹. Человек, как бы хорош он ни был, является по своей натуре существом переменчивым, подозрительным, временами не только в физическом смысле, но и нравственном, следовательно, было бы очень неосторожно ограничивать все свои возможности доброй волей людей.

Мое здоровье переменчиво и, если хотите, скорее хорошее, чем плохое, но, несмотря на это, есть и дни, когда мне нездоровится, а это случается со мною обычно, когда меняется погода, что, впрочем, естественно и в порядке вещей. Вы пишете мне о том, что прочитали. Я рад, что у нас в какой-то степени одинаковый вкус. Я тоже высоко ценю Дежерандо, его сочинения вселяют любовь к истине и добру, я тоже с удовольствием читаю все, что выходит из-под пера Эжена Сю². Я не знаю его новых романов «Фанатики из Севены» и «Артур», но уверен, что они очень интересны. Я по-прежнему занимаюсь серьезным чтением, но чтобы расслабиться, читаю время от времени какой-нибудь роман. Я очень люблю мемуары, и в этом жанре рекомендую вам мемуары Лавалетта³. Читая рассказ о его побеге из тюрьмы накануне казни и о героической преданности его жены, урожденной Богарнэ⁴, родственницы принца Лейхтенбергского⁵, находишься в таком напряжении, что боишься вздохнуть. Говоря о покойном короле Баварском⁶, который был превосходным государем, Лавалетт отмечает, что его не восхваляли в газетах, но благословляли в хижинах. Другое произведение — Воспоминания маркизы де Крики — вам надо непременно прочитать из-за изящества речи и чистоты стиля, равно для того, чтобы познакомиться со старинным парижским обществом

Людовигов XV и XVI. Еще рекомендую вам «Прогулки по Риму» Стендаля⁷. Я предполагаю, что госпожа Судиенко⁸, ваша тетушка, благодаря своему состоянию, получает все эти литературные новинки и что время от времени вы можете пользоваться ими. Читайте также газеты, я предпочитаю Journal des Débats⁹, редакция которого превосходна.

Чтобы вас позабавить, я приведу отрывок из статьи, описывающей прием Фанни Эльснер в Американских Соединенных Штатах. Вот выписка слово в слово из Journal des Débats от 10 февраля 1841 г. Газета New York Herald писала, что божественная Фанни Эльснер¹⁰, эта великолепная танцовщица, эта знаменитая артистка, эта грациозная исполнительница пируэтов остановилась в гостинице театра Marshalle a'Richmond. Въезд ее в город возведен звоном колоколов и пушечными выстрелами. «Ее приветствовал мэр, затем для сопровождения ее был составлен кортеж из мэра, окружного советника, советников общины, губернатора и государственных советников, судей и судебной палаты. Носилки, в которых сидела божественная Фанни, несли на плечах шесть членов Сената во главе с президентом¹¹, офицеры морские и сухопутные, журналисты. Военный оркестр шел впереди кортежа, который остановился у Капитолия. Божественную Фанни принесли в комнату депутатов и посадили по правую руку от президента. Тотчас началось заседание. В честь именитой иностранки были произнесены речи, после чего встреча с ней была отложена до семи часов вечера в театре. Кортеж сопровождал божественную Фанни в гостиницу, где ей были отведены великолепные апартаменты. До самого вечера у отеля толпились посетители разного возраста, пола, состояния и сословий, стремившиеся увидеть знаменитую иностранку. Одни добивались локоны ее волос на память, другие — шнурок от ее туфель, третьи, более скромные, небольшие кусочки подвязки. Фанни была настолько любезна и восхитительна, что приняла все эти просьбы с добротой и снисходительностью, положительно удивительными».

Что вы думаете о чувстве приличия и добропорядочности этих людей? Прошу вас еще об одной услуге, моя дорогая Мария. Укажите мне учебные пособия, которыми пользуются в начальных классах заведения для обу-

чения французскому языку. Здесь есть маленькая девочка девяти-десяти лет, которая начинает изучать французский язык, и так как ее отец очень славный человек, я хотел бы засвидетельствовать ему свое почтение, предоставив книги, необходимые его дочери, равно как и образцы французской каллиграфии, а также элементарный учебник по истории и географии. Если у вас есть что-нибудь подходящее, пошлите мне, пожалуйста. Заканчивая это бесконечное письмо, я вспомнил, что послезавтра ваш день рождения. Примите же мои самые искренние пожелания счастья и будьте твердо уверены, что ваш отец — ваш лучший друг.

Б[риге]н.

[Приписка на полях:] Я прошу вас прилагаемое письмо передать вашей маменьке и поцеловать ей ручки.

55. М. А. БРИГЕН*

Курган, 7 ноября 1841

Существование растительное, однообразное, надоевшее, ничтожное и скучное (пожалуй, достаточно прилагательных), к которому я приговорен в Кургане, располагает говорить о себе долго. Но после того, как я сообщаю, что чувствую себя хорошо или плохо, я попадаю в затруднительное положение и тщетно кусаю кончик пера, но из-под него ничего не появляется. Даже величайший риторик мира увидел бы, как иссякает источник его многословия, и здравая мысль подскажет ему, что сказать более нечего. Жаловаться на положение, в котором находишься, или на нехватку того или другого недостойно и ничему не служит. Лучше забыть свое ничтожное «я» и говорить лишь время от времени для приличия и как можно меньше. Если чему-либо завидовать, моя дорогая Мария, то не тому, что вы видели покой Зимнего дворца, Петергоф или другие примечательности столицы, о чем вы пишете в письме от 27 августа. Нет, я бы завидовал тому, что вы имели случай слушать прекрасную музыку, о которой знаю лишь из газет. Чудесный зрительный зал, полный оперной музыки Мейербера или итальянских композиторов, доставил бы и мне наслаждение. Вот лишение, помимо других более важных,

* Подлинник на франц. яз.

дающее себя особенно чувствовать в моем положении в Кургане. Курган, хотя и лучшее место в Сибири, не способен предложить возмещение потерь: нет общества, нет никого, с кем можно было бы обменяться мнением. И после отъезда Свистунова я лишусь единственного, что держало меня в курсе событий, происходящих в Европе,— газет. Поэтому я обратился к вашей маменьке с просьбой посылать мне «Прусскую газету». Я очень буду сожалеть о *Journal des Débats*, когда с ним распрощаюсь. Скажите мне, моя дорогая Мария, есть ли кто-нибудь в ваших краях, выписывающий иностранные газеты? Я задаю подобный вопрос, имея в виду, что воздух края, где вы живете, несколько плотен, и люди там туповаты. Заставляйте себя читать «Иностранное обозрение»¹, где публикуют хорошие статьи; читая их, вы смогли бы совершенствоваться во французском языке. Примите мой совет, который не будет лишним: никогда не принимайте точку зрения автора, которого вы читаете, каким бы превосходным он ни был человеком, помня, что у человека всегда есть и слабости; рассудочность же и здравый смысл — вот что лучше всего предохранит вас.

Свистунов уезжает в Тобольск тотчас после своей свадьбы, которая состоится в январе. Он покидает Курган, чтобы отдалиться от родственников своей будущей супруги — пьяниц и плутов, отчасти, чтобы его жена² приобрела в обществе госпожи Фонвизиной³ и госпожи Анненковой⁴ светский лоск и манеры. Если с одной стороны он выигрывает, то с другой — проигрывает в смысле климата, который в Кургане несравнимо лучше; климат Тобольска отвратителен. Так как город построен у подножия горы рядом с болотом, воздух там влажный и нездоровый; там постоянные туманы и смертность больше, чем в других местах. Больные приезжают из Тобольска в Курган, чтобы восстановить здоровье и подышать чистым воздухом. Если бы мне был предоставлен выбор, я бы его сделал не в пользу воздуха Кургана. Мне нужен край, где бы я нашел людей добрых и образованных, разбирающихся в литературе и искусстве, и где бы солнце было более ласковым. У меня европейские вкусы, и я не переносу все азиатское или то, что походит на него.

Ваша маменька написала в одном из писем, что ей

часто приходит в голову мысль о том, чтобы приехать навестить меня в Кургане. Не говоря о всех преградах, которые я считаю непреодолимыми, достаточно будет мысли о возвращении в Россию, чтобы отравить чувство счастья пребывания вместе; постоянная мысль о неизбежном прощании, о котором будет страшно подумать, отравит удовольствие и будет словно меч, нависший над головой. Лучше было бы предоставить совершить эту дорогу мне вместо вас, но посмотрим, что покажет время. Нашли убийц Собаньского⁵. Это люди, которые злоупотребили добром. Матвей Муравьев и его жена⁶ сами уложили изуродованный труп, голова которого держалась на ниточке, в гроб. Муравьев был прав, утверждая, что причиной убийства бедного человека было ограбление.

Не забудьте, моя дорогая Мария, прислать мне, как только представится случай, еще одну пару жакетов, подобных тем, которые вы уже выслали мне. Один из них, сделанный из вашего платья, я уже порядком износил, так как почти не снимаю его, тогда как другой еще совершенно новый. Самое печальное же то, что моя шуба, знаменитая шуба, столько путешествовавшая и видевшая столько превратностей, совсем обветшала, а провести зиму в Сибири в шубе, которая пропускает холод, весьма неприятно. Тем, кто говорит, глядя на мою шубу, что она слишком легкая, я отвечаю с самым серьезным видом, как лиса из басни «Лиса и зеленый виноград»⁷, что я не зябкий и не переносу меха слишком теплые. Затем я начинаю восхвалять холод и все его диетические и гигиенические качества, но, честно говоря, я был бы не против сменить этот поношенный мех на другой, более плотный. Простите, моя дорогая Мария, поцелуйте много раз за меня вашу сестру Анастасию, завтра день крестин Мишеля и бабушки, примите мои поздравления. Простите, моя дорогая и любимая Мария. Целую вас много раз, я так разговаривал с вами, что мне не хватает места, чтобы сказать, как я вас люблю, но его достаточно в моем сердце.

Б[риге]н.

Вчера я как нельзя лучше закончил год, написав письмо вашей маменьке, а сегодня я начинаю его как нельзя лучше с письма к вам, мои дорогие дети Мария и Анастасия. Примите же мои поздравления и самые искренние пожелания, да хранит вас бог и ниспошлет вам все счастье, на какое человек, это хрупкое создание, способен в этой жизни. Древние выражали эту мысль гораздо лучше, они говорили: «*Mundus victus non difficile crumena*»*** и «*Mens sana in corpore sano*»***. Здоровый дух в здоровом теле и существование, благо-родно украшенное всегда полным кошельком,— это как раз то, чего я вам желаю, французский язык столь мало поэтичен, что невозможно перевести «*Mundus victus*» — изящная жизнь.

На днях я имел удовольствие получить ваше письмо от 16 ноября. Представляю вашу радость от встречи с братом Мишелем, таким умным и любезным, как вы пишете. Да хранит его бог, этого бедного молодого человека, брошенного в неизведанный мир без поддержки, совсем одиноким.

Это большое счастье, что расстояние, отделяющее его от вас, невелико, и это позволит вам не терять его из виду и не только еженедельно получать от него известия, но даже видаться с ним время от времени и давать ему хорошие советы относительно его поведения в свете, учебы и занятий, которые, как я полагаю, были несколько запущены. 5 декабря я отправил ему письмо в Старый Оскол и особенно советовал ему не забывать старую истину о том, что лишь по окончании школы начинается обучение светской жизни и умение уживаться с людьми. Опыт от того, что его нельзя передать, теряет почти всю свою ценность, сколько ошибок и заблуждений, прежде чем он появится, а когда его приобретут, то не знают, как с ним поступать.

Как мы сошлись в выборе нашего чтения. Вы пишете, что собираетесь начать «Эдинбургскую темницу», а

* Подлинник на франц. яз.

** Изыщная жизнь, не лишенная кошелька (лат.).

*** В здоровом теле — здоровый дух (лат.).

я только что закончил, думаю, в десятый раз. Это чтение развлекательное, но доставляющее мне каждый раз самое большое удовольствие. Вальтер Скотт удивляет глубиной знания человеческого сердца, сюжет, который он хорошо изучил. Но именно вспоминая, что он является автором трех десятков романов, являющихся шедеврами, вы замираете в смущенном восхищении. Вы мне доставите большое удовольствие, описав свои наблюдения о характерах и событиях «Эдинбургской темницы». Мне было бы интересно узнать ваше мнение обо всем этом. Сейчас я читаю «Ламмермурскую невесту». В моей библиотеке вы найдете два десятка томов В. Скотта на английском языке¹. Будьте любезны, моя дорогая Мария, выслать их мне по почте, а также «Очерки» Лакретеля² в шести небольших томах в переплете из желтой бумаги и итальянское сочинение *Notti romane* в двух маленьких томиках. Это будет посылка средней величины, присоедините к ней серебряную мыльницу, которой я пользовался при бритье, если она не потерялась. Не забудьте обернуть книги в два-три слоя бумаги, чтобы они лучше сохранились в пути.

Я отправил вам два письма от 7 и 21 ноября. Ваша подушечка лежит теперь на моем вольтеровском кресле и вызывает восхищение всех, кто бывает у меня. Завтра она снова будет закрыта в шкафу, лишь только в праздничные дни я выставляю ее на парад. 14 и 15 января состоится свадьба Свистунова, серия балов и вечеров уже объявлены, из приличия мне нужно будет присутствовать на нескольких из этих собраний. Сегодня также состоится бал, на который я приглашен. Из-за визита вынужден прервать письмо, которое и так уже пора заканчивать.

Простите же, целую вас от всего сердца.

57. М. М. НАРЫШКИНУ

Курган, 23-го января 1842

Письмо это получили бы вы, почтеннейший Михайло Михайлович, целым месяцем раньше, если бы не простуда, которая меня положила на болезненный одр, с которого я теперь только начинаю бродить, по этой причине прошу вас, если вы найдете несвязность в моем пись-

ме, меня извинить, я так слаб, что рука дрожит. 1-го января я простудился, а на другой день еще более усилил простуду, которая обнаружилась сильным кашлем, насморком, ознобом и, наконец, родом воспаления в голове, которое при сильной боли продолжалось дня три, к счастью, обильное кровотечение из носу помогло мне, и я начинаю поправляться. В это время получил я письмо от Николая Ивановича¹, который меня извещает, что вы здоровы и что Елизавета Петровна уехала погостить к своей матушке. Не получая давно от вас никаких известий, я очень обрадовался письму Лорера, на которое ему с почтою сегодня и отвечаю. 18-го августа писал я к Елизавете Петровне, а 14 ноября к Назимову.

Скоро сказка говорится, но не скоро дело делается, так-то и с вашим домом, по сие время продажа его в казну не состоялась, год тому назад я писал об этом нашему князю², который передал это дело губернатору³. Губернатор сам осматривал дом, но еще ни на что не решился. Казна такое метафизическое лицо, а лучше такая пропасть безграничная <...>, чтобы ею <одно слово неразб.>, нужно жить, не говоря, и иметь талисман, а я, право, не колдун⁴. Сегодня да завтра — вот ее пароль и ее лозунг, но будьте уверены, что я сделаю все, что могу, для сохранения ваших выгод. Я заключил условие на второй год. За первый год получил 900 р.; из этих денег по желанию Елизаветы Петровны приложил я 200 руб. к церкви, в чем и прилагаю здесь расписку Дуранова, другую расписку в уплате 70 руб. квартирных денег подполковнику Пассеку⁵ также прилагаю, за постройку 4 новых печей (в прихожей, которая рушилась, в Анисьиной⁶ комнате, в комнате, где был камин, и в людской комнате, где жил Роман) и за починку труб заплачено 230 руб. (4 тыс. кирпича по 15 рублей, 155 за работу), за составление плана дома на 7 листах по требованию губернатора заплачено землемеру Томашевичу⁷ 35 р., за написание двух годовых условий (по 15-ти рублей) — 30 р. Вот вам покуда отчет в 565 р. — до 150 руб. издержано еще на разные мелкие расходы, отчет в которых я вам не замедлю прислать в первый раз, что к вам буду писать, — около 200 руб. остаюсь я вам должным. Но я вам их теперь еще не пришлю, во-первых, потому что у меня теперь денег нет, весьма хоро-

шая причина^{*}, а во-вторых, потому что могут случиться еще какие-нибудь непредвиденные расходы. Весною я хочу обнести места с реки и с задов простою загородною из жердей, как загораживают поля, ибо заплоты и укрепление берега рушились, но я ими жертвую как хороший комендант для сохранения крепости предместиями,— поддерживать их не для чего, надобно беречь и поддерживать капитальное строение, которое у нас, впрочем, в хорошем состоянии. В мае вышлю я вам полугодовой доход с дому, и то хорошо, что он не даром стоит, дома ныне здесь стоят впусе, некому покупать. Вы можете судить, как цена на них упала, когда Свистунов продал свой дом Швейковскому⁸ за 1800 руб., получая с нынешнего года регулярно по 900 р. в год; убытки ваши будут менее значительны, далее же увидим, что даст бог.

С этою почтою хотел я писать и к Трубецкому, от которого получил два письма, но не в силах. Мы с вами идем в противоположные направления: я старею, а вы молодеете, в Кургане седина начинала подпудривать вашу главу, а теперь вы юнкером, да так упорно юнкерствуете, что я все ожидаю услышать, что вы из юнкеров превратились в недоросля, каковым я себя лет тридцать с прибавкою тому назад помню, без галстука, танцующего французскую кадрили и беспрестанно влюбленным и влюбляющимся—нечему и удивляться. Вы живете в древней Колхиде, стране чудес, у вас там текут источники живой воды, нет ли и того ключа, из которого бы можно выпить забвение всего прошедшего? Только с условием, чтобы меня не забывать. Это было бы вам грешно, поверьте, что не проходит дня, чтобы я о вас и о Назимове не вспомнил бы с сердечным умилением, особливо в теперешней моей пустыне, но пора кончить, не суйте на меня за мои караули, жму вашу руку и остаюсь навсегда искренно вас любящий и вас уважающий

А. Бриген.

Елизавете Петровне свидетельствую нижайшее мое почтение.

[Приписка на полях:] Мне бы хотелось еще многое кое-что к вам написать, но не в силах, я желал бы, чтобы вы могли прочесть мое письмо, писанное к Лореру.

^{*} Слова «весьма хорошая причина» в подлиннике на франц. яз.

Курган, 13 марта 1842

С большим удовольствием, мои дорогие дочери Мария и Анастасия, я получил ваши письма от 18 января в ответ на длинное послание, которое я отправил 7 ноября, еще задолго до 1 января нового года. Это ужасно, что разрыв между отправлением письма и получением ответа всегда длится очень долго, целых четыре месяца.

Я рад был узнать, что вы чувствуете себя хорошо и что вы приятно провели праздники в Пануровке. А для меня все это было иначе. Я был болен почти весь январь. Я простудился, и следствием этого было воспаление мозга, которое было облегчено с помощью кровопускания из носа. Я не выходил из комнаты в течение 3 недель. В настоящее время я чувствую себя вполне хорошо. За это время у нас было много событий. Свадьба Свистунова была назначена на 14 января, но 12-го была большая ссора между женихом и невестой, 16-го было примирение, а 25-го состоялась свадьба. 1 февраля умер Фохт, наш товарищ, после болезни, которая длилась три месяца, 4-го его похоронили, 6-го был свадебный бал, 8-го умерла служанка новобрачной, которая в 11 утра чувствовала себя хорошо, а в 5 вечера этого же дня скончалась, 12-го состоялся отъезд Свистуновых в Тобольск. Это была мелодрама в довольно разнообразном стиле. Вы видите, что обилие эпитетов, которыми я воспользовался в одном из моих предыдущих писем, было бы сейчас не к месту.

В письме от 1 января я вас просил, моя дорогая Мария, прислать мне кое-какие книги, которые, как я надеюсь, теперь уже в пути. У меня еще просьба такого же характера — пришлите мне из классической латинской библиотеки в переводе де Лемера¹ *Тита Ливия*² в 7 томах, если мне не изменяет память, и *«Институции» Квинтилиана*³ в 4 томах. Заверните каждый том в отдельный лист бумаги и пошлите как можно быстрее мне этот пакет, хорошо защищенный на случай всяких происшествий во время длинного путешествия. Этим вы доставите мне огромную радость. Я не могу читать стереотипные издания из боязни испортить зрение и тем бо-

* Подлинник на франц. яз.

лее, что всегда читаю не при свете лампочки, а при свете свечи, иногда целые ночи, если у меня бывает бессонница.

Если мои денежные дела здесь войдут в норму, на что я надеюсь, то я не премину пополнить это прекрасное собрание латинских классиков. Я благодарю вас за «Прусскую газету», которую я регулярно получаю.

Простите, мои дорогие дети. Я напишу более подробно после того, как получу посылку с Вальтером Скоттом, которого я жду. Добавляю еще несколько строк моей дорогой Анастасии. «Vali» госпожи Крюденер⁴ — это не книга для вас. Вам нужно выбрать что-нибудь более поучительное и менее пошлое. Я знал лично госпожу Крюденер. Это была женщина с живым умом, но очень часто повторявшая вздор. Вообще даже более блестящий ум много теряет и не служит ничему, если ему недостает здравого смысла.

Еще раз простите, ваш верный друг

Б[риге]н.

[Приписка на полях:] Вот названия книг на латинском языке, о которых идет речь выше: Titi Livie Patavini historiarum quam supersunt*, 7 vol[um], Marci Fabii Quintiliani Institutiones Oratoriae**, 4 vol. <...>***

59. М. А. БРИГЕН****

[Курган, апрель 1842]¹

Я очень благодарю вас, дорогая Мария, за книги, которые вы мне послали, они доставляют мне наслаждение. Не медлите с посылкой мне также Квинтилиана и Тита Ливия, о которых я просил в своем письме от 13 марта. Не думайте также, что я пощажу вас по поводу Гая Мэннеринга и 4 томов «Повестей о крестоносцах»*****. Я их жду. Как только я восстановлю свои

* Тита Ливия из Патавиума Истории, сколько сохранились (лат.).

** Марка Фабия Квинтилиана. Об ораторском образовании (лат.).

*** Последние две строки в приписке из-за потертости не подаются прочтению.

**** Подлинник на франц. яз.

***** «Повести о крестоносцах» в подлиннике на англ. яз.

силы, я напишу вам более подробно. Простите, мое дорогое дитя, я обнимаю вас, а также вашу сестру Анастасию. Простите.

Б[риге]н.

В течение пяти недель я не съел и пяти фунтов пищи, но зато я пил, как бочка данайд². Не забудьте как следует упаковать вышеупомянутые книги.

«Прусская газета» мне докладывает об «Иностранном обозрении» и еще трех-четырех журналах, которые я мало читаю.

60. М. А. и А. А. БРИГЕН*

[Курган, май 1842]¹

Вы не потребуете, мои дорогие дети Мария и Анастасия, чтобы несчастный выздоравливающий, пишущий эти несколько строк нетвердой рукой, адресовал вам длинное письмо. Надеюсь, что однажды, когда ко мне вернутся силы, я смогу наверстать упущенное. Вы спрашиваете меня, дорогая Мария, доволен ли я точностью выполнения моих поручений. Я никогда не сомневался в вашей доброжелательности, а теперь, когда вы представили подтверждение тому, мне остается лишь засвидетельствовать вам свою признательность и просить впоследствии поступать таким же образом в случае, если у меня возникнет необходимость прибегнуть к вашим услугам в делах библиофильных. Мне недостает еще двух сочинений В. Скотта. Он доставляет мне наслаждение, и я засыпаю обычно, убаюканный нежными образами, которые рождают его рассказы в моей душе. Я перечитываю также латинских поэтов и особенно моего любимца Тибулла².

Только от вас самих зависит обогатить свои знания языков. Я бы посоветовал вам этим заняться. С вашими способностями и склонностями вы сможете скоро овладеть немецким или итальянским языком — он самый легкий; несколько иначе обстоит дело с английским из-за его непривычного произношения. Чтение «Иностранного обозрения» и подобной продукции эфемерной литературы³ слишком френологично, чтобы останавливаться на нем. Вам нужно что-то более солидное. Чтобы не скучать, сле-

* Подлинник на франц. яз.

дует выбрать себе род занятий, имеющий цель и вызывающий интерес. Искусство и благотворительность — вот подходящий для вас род деятельности. К большому числу сочинений, рекомендованных мною вам, добавляю еще «Историю герцогов Бургундии» Баранта⁴, которая доставит вам большое удовольствие.

Простите, мои дорогие дети Мария и Анастасия. Целую вас от всего сердца. Моя рука слишком устала, чтобы писать дальше.

Я по-прежнему жду Т. Ливия и Квинтилиана. Не знаете ли вы, дорогая Мария, что случилось с доброй Марией Витворт, вашей подругой по монастырю?

61. И. И. ПУЩИНУ

Курган, 7-го сентября* [1842]¹

Душевно радуюсь и поздравляю вас, почтенный Иван Иванович², с приездом вашего брата³ в наши Гиперборейские страны. Узнав от Н. В. Басаргина⁴ о прибытии вашем в Тобольск по этому случаю, я решился воспользоваться этим обстоятельством, дабы прибегнуть к вам с покорною просьбою оказать мне пособие в деле для меня весьма важном, о котором я просил тобольских моих товарищей, но которые ничего не сделали на вопрос и на то, что П. Н. Свистунов меня чрез Пейкера⁵ уведомил, что оно кончено, этому уже скоро месяц, и еще нет ничего.

Дело идет о мельнице, которая должна поступить в оброчную статью и которую я хотел взять в аре[нду] под чужим именем для малолетней дочери, которую я здесь имею⁶, что вам, вероятно, известно. Просьба подана 17 февраля в Казенную палату, но дело самое простое и чистое как стекло, которое можно бы кончить в одно заседание, по сию пору по какому-то особенному ко мне недоброжелательству К[азенной] палаты не кончено. Сделайте милость, Иван Иванович, потрудитесь исходатайствовать в К[азенной] палате указ, во всяком случае она должна сказать или да или нет, убедите ее, пожалуйста, что-нибудь промолвить, этого она отказать не может. И вот чего я прошу. Зная вас за человека доброго, ус-

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 15 сентября».

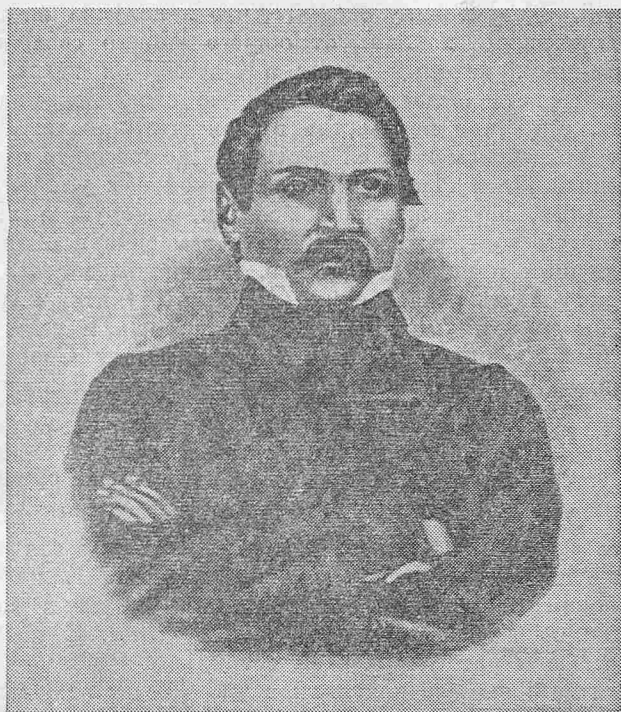

Н. В. БАСАРГИН
Акварель Н. А. Бестужева. 1836 г.

лужливого и делового, которого трудно провести*, я очень прошу вас привести это дело к окончанию в бытность вашу в Тобольске, только сделайте милость, не полагайтесь на слова и удостоверьтесь сами документами и бумагами, их немного. Прощение, общественный приговор, собственноручное отречение владельца и рапорт земского суда; потом презабавный указ К[азенной] палаты земскому суду и, наконец, ответ з[емского] суда К[азенной] палате. Эта последняя бумага замечательна⁷.

Я не желаю вас, Иван Иванович, затруднять особен-

* Слова «которого трудно провести» в подлиннике на франц. яз.

И. И. ПУЩИН
Акварель Н. А. Бестужева. 1828—1830 гг.

ным ко мне ответом, припишите ко мне об этом в письме вашем к Басаргину, для меня этого будет достаточно. Если К[азенная] палата и теперь ничего не сделает, то мы будем жаловаться кн[язю] Горчакову.

С перемещением вашим в Ялutorовск⁸ представляется возможность лично с вами увидеться, в ожидании приятной этой для меня минуты остаюсь навсегда искренно вас уважающий

Александр Бриген.

Все наши кавказские, благодаря бога, здоровы. Нарышкины в Тамани, где берут морские ванны, Назимов, за которого я очень боялся, ибо горцы вырезали большой отряд Граббевского корпуса⁹, возвратился благополучно, Дивов¹⁰ умер от раны в госпитале в крепости

Грозной, Ф[он] Визину скажите, что я получил из Одессы дружеский поклон от общего нашего сослуживца Маркевича¹¹, который живет в Одессе, он велел меня уведомить, что выдает единственную свою дочь за Бухарина, секретаря посольства в Константинополе; Лорер живет помещиком в своей деревне. Не взыщите с меня, почтенный Иван Иванович, что я пишу вам уродливыми каракулями, после жестокой болезни, которую я вытерпел в этом году, осталось у меня замление в оконечностях ручных и ножных пальцев, иногда бывает так, что я не могу взять пера в руки. Старость стучится в двери, пора бы уже и умирать, все, что видишь и слышишь, так гадко, что не для чего и жить. Павлу Сергеевичу Пушкину¹² прошу сказать дружеский от меня поклон.

62. М. А. БРИГЕН*

[Курган, конец сентября —
начало октября 1842]¹

Все еще ожидая книги, я медлил, моя дорогая и любимая Мария, с ответом на ваше письмо от 17 июля. И вот наконец они прибыли с последней почтой в полном порядке, и я спешу вам сообщить об этом. С глубокой нежностью я расцеловал этих старинных знакомых. Цветы, которые вы мне прислали в них, сейчас лежат предо мной на белом листе. Я их помещу на стене моей комнаты над вашим портретом, несколько серьезным, который я хотел бы заставить улыбнуться. Я нашел, листая тома, пометки, которые я оставил, когда их читал. Книги все те же, но сколько изменений у их владельцев! Я также нашел на листочке список нескольких сочинений из моей библиотеки, одолженных читателям, и среди них лишь два [знакомых] имени: господин Элик Тимковский и г-жа Пульхерия Скоропадская². Признаюсь, я был удивлен, что книги Канта, Шеллинга³ и Спинозы⁴ могли найти читателей в вашей местности. Мне было бы очень любопытно узнать их имена. Что касается Тимковских — это люди образованные⁵, один из этих господ весьма отличался своим умом и ученостью.

Я благодарю вас, мое дорогое дитя, за то, что вы прислали мне книги, правда, они очень долго шли, но

* Подлинник на франц. яз.

наконец они здесь, и я доволен. Я прошу вас, моя дорогая, позаботиться о моей библиотеке, которая, я полагаю, пребывает в беспорядке. Особенно следите за тем, чтобы книги не потерялись, путешествуя по читателям, ибо таким образом многотомные сочинения могут оказаться разрозненными. Сообщите мне, сколько имеется томов Лемера. Так как вы занимаетесь моими библиофильными делами, я прошу вас не забыть напомнить моей сестре⁶, чтобы она подписалась своевременно на «Прусскую газету» на будущий год. Подписку нужно сделать не позднее середины ноября, чтобы газета поступала без перерыва. Я закончил том Тита Ливия, и папаша В. Скотт сейчас доставляет мне удовольствие. Я надеюсь, что вы мне вышлете «Гая Мэннеринга», который очарователен. Мне очень любопытно узнать подробности вашего путешествия в Курск⁷. Как вам показался ваш брат и чем он занимается? Я прошу вас много раз поцеловать вашу сестру Анастасию и сказать ей, что я люблю ее, и то же самое вашей сестре Любви. 21 августа я отправил вам письмо, которое, должно быть, уже дошло до вас. Простите, мое дорогое, обожаемое дитя. Дни, когда я получаю ваши письма, для меня большой праздник, и я надеюсь, что вы не заставите меня слишком долго ждать. Простите.

[Приписка на полях:] В каком состоянии находится ваша переписка с подругами по монастырю? Не наложило ли время печать забвения? Вы не говорите мне об этом.

Так как в конверте есть еще один чистый лист, я воспользуюсь им, чтобы указать вам сочинения, которые советую прочитать. «Коринна» мадам Сталь. Сочинения Ксавье де Местра⁸. «Оберман» Сенанкура⁹. «Латриамон» и «Жан Ковалье» Эж[ена] Сю. Тапфера¹⁰. «Женевские новеллы». Арно «Королева и фаворит» и «Варфоломей»¹¹. «Стелло» и «Сен-Мар» Альфреда де Виньи¹². Воспоминания о Патуро Жюля Ребо. «Роз и Бланш» Санд¹³. «Евгения Гранде» Бальзака. «Переписка Иуды» Виктора Жакмона¹⁴. «Семья Алена» и «Путешествие вокруг моего сада» Альфонса Карра¹⁵. «Калейб Вильямс» Годвина¹⁶. Воспоминания маркизы де Крики. «Прогулки по Риму» Стендаля. Воспоминания мадам Ролан¹⁷ (восхитительные). «Собор Парижской богоматери» Виктора Гюго. «Путешествия Гулливера» Свифта.

«Воспоминания поедателя опиума» Матюрена¹⁸ (очень интересно). Если покупать бельгийские издания, все эти сочинения будут стоить чуть больше 25 руб. серебром, и я думаю, что часто вы тратите больше на одну шляпку. Простите меня за болтовню.

63. М. А. и А. А. БРИГЕН*

[Курган, октябрь — ноябрь 1842]¹

<...>**. Все более и более я расцениваю как роман, но роман столь возвышенный, с языком столь благородным и прекрасным, что невозможно, прочтя эту книгу, не вернуться к ней вновь. Не историческую правдоподобность, а духовную истину следует искать в ней, и, без сомнения, в этом смысле древние авторы, а среди современных В. Скотт предпочтительнее многих так называемых правдивых историков. Если вы не прочитали «Мертвые души» Гоголя***, прочтите, чтобы ближе познакомиться с нашей дорогой родиной, он писал с натуры, верно, как большой мастер. Что ему недостает, пожалуй, так это чувствительности, продолжительный смех становится утомительным, иногда его нужно оттенять трогательной слезой, как это делает Жан Поль² или Стерн³. Не забудьте, мое милое дитя, выслать мне Гая Мэннеринга, которого я уже просил. Это дорогая для меня книга, и я хотел бы перечитать ее еще пару раз. Поцелуйте от меня вашу сестру Анастасию, я надеюсь, что ей понравится очаровательное сочинение Гофмана⁴.

Простите, дорогая Мария, поцелуйте от меня ручки вашей маменьки, я вскоре напишу ей — по получении посылок, нужно же, чтобы они все же когда-нибудь пришли. Простите. Ваш искренний друг и отец.

А. де Бриген.

Наилучшие пожелания от меня Любви и Мишелю в первом же вашем письме к ним.

* Подлинник на франц. яз.

** Конец несохранившегося письма.

*** Слова «Мертвые души» Гоголя» в подлиннике на рус. яз.

Курган, 12 февраля 1843

С большим удовольствием, мои дорогие дети Мария и Анастасия, я получил ваши письма от 20 и 22 декабря. Я очень рад узнать, что вы и ваша добрая маменька пребываете в добром здравии и приятно проводите время в Пануровке у дедушки и бабушки, которые не перестают вас любить и ласкать. Вы не ошибаетесь, моя дорогая Мария, что ваше долгое молчание доставило мне много беспокойства. С одной стороны, правда, я уже привык к тому, что ваши письма приходят редко, но, несмотря на это, каждый раз, когда ваше молчание длится более двух месяцев, неизвестность порождает тысячи тревожных подозрений и предположений, которые в зависимости от настроения или расположения духа иногда становятся очень мучительными, а особенно зимой во время бессонниц, в длинные ночи, когда они кажутся бесконечными. С большим нетерпением и интересом я жду результатов письма, посланного мною вам 18 декабря. Дай бог, чтобы они были благоприятными; как таковое, это событие было бы выгодным во многих отношениях и дало бы надежду на более обеспеченное будущее¹. Я вам премного обязан за «Прусскую газету». Вы спрашиваете, дорогая Мария, какого рода эта газета. Скажу вам, что эта газета официальная, чисто историческая, отражает политику и события дня, неброская по стилю, так как никогда не содержит в своих колонках того, что называют статьи для размышления**, и, как газета государственная, издается в духе прусского правительства. Время от времени в ней можно видеть довольно хорошие литературные статьи, но менее удачные, чем статьи в *Journal des Débats*, словом, это хорошая газета, издаваемая с тем знанием дела и добросовестностью, которая характеризует все, что выходит из-под немецкого пера. Вам, дорогая Мария, советую прочитать книгу о рабстве в Америке Густава Бомона². Это сочинение находится сейчас у меня под рукой, интерес к нему послужил причиной моей сегодняшней бессонной ночи. Оно превосходно. Какое перо! Вы можете судить о

* Подлинник на франц. яз.

** Слова «статьи для размышления» в подлиннике на англ. яз.

совершенстве стиля и справедливости мыслей по тому сильному и острому впечатлению, которое оно смогло произвести на меня, имеющего весьма прихотливый вкус и только что закончившего Тита Ливия, которым я весь полон. Мне хотелось бы знать, пришлось ли вам по вкусу, дорогая Анастасия, чтение фантастических сказок. По-моему, это книга, которую надо читать на немецком языке, ибо она во многих местах трудна для перевода, несмотря на талант Веймара.

Простите, мои дорогие дети, целую вас много раз и молю бога взять вас под свое покровительство.

Александр Бриген.

Как только вы будете писать Мишелю и Любови, поделуйте их от меня. Никто из них мне не пишет.

65. М. А. БРИГЕН*

[Курган, март 1843]¹

Я еще раз обращаюсь, моя дорогая, любимая Мария, к вашей любезности библиофила послать мне небольшую книжную посылку, состоящую из латинско-немецкого словаря Шеллера², 5 томов, и сочинение, которое называется «Латино-немецкие разговоры» Шимана**, небольшой томик в переплете из голубой бумаги. Вы найдете все это в моей библиотеке. Есть еще «Немецко-латинский словарь» Шеллера в двух томах, без которых я могу обойтись. Им не остается ничего другого, как пребывать по-прежнему запыленными. Позаботьтесь, чтобы посылаемые вами книги были хорошо запакованы и не пострадали в дороге.

Теперь я бесконечно жду результатов вашего письма от 3 февраля³. 12 февраля я отправил вам и вашей сестре Анастасии общее письмо и не намеревался писать вам в этот раз, но когда запечатал письмо вашей маменьке, не смог устоять перед искушением написать вам несколько строк. Не знаю, застанет ли это письмо вас в Слоуте, но мне хотелось бы, чтобы вы там были в середине мая, чтобы могли выслать мне справку о собрании латинских классиков Лемера.

Простите, мое дорогое дитя, целую вас от всего сердца.

* Подлинник на франц. яз.

** Слова «Латино-немецкие разговоры» в подлиннике на нем. яз.

Мне остается еще полчаса до отправления письма с почтой, и я воспользуюсь этим, чтобы написать вам еще несколько строк. Вы спрашиваете мое мнение о «Муках» Шатобриана, я прочитал из них лишь несколько фрагментов, которые не показались мне слишком прекрасными. В нем ценят прежде всего его «Дух христианства». Как идут дела с чтением Дежерандо и Вильмена? Относительно романов, я вам советую <назв. неразб.> Арно, чтение серьезное и весьма стоящее. Что касается меня, который обязан самыми приятными минутами чтению, я только что закончил Тацита⁴, стереотипным изданием которого я владею и которого я читаю только при дневном свете, чтобы не испортить зрение. Как он восхитителен, Тацит, особенно в той части «Анналов», где говорит о Тиберии⁵, отданном им на заклятие всем грядущим поколениям. Я скептически настроен в отношении истории, я не люблю преувеличений; люди никогда не бывают ни совершенными ангелами, ни совершенными дьяволами, но довольно часто адская злоба Тиберия наводила меня на мысль, что он принадлежал к этому отвергнутому роду. Не знаешь, чему удивляться больше: злобе этого человека или низости и бесчестию его министров и римского сената, которые стремились предупредить и преувеличивать его дела. Но потому и прекрасен образ Добродетели, что время от времени она появляется в хаосе уродства.

66. М. М. НАРЫШКИНУ

Курган, 22-го мая 1843

Письмо ваше, бесценный мой Михайло Михайлович, и письмо Елизаветы Петровны от 29-го марта получил я на днях. Я был очень тронут описанием кончины графини Коновницыной, которая, однако, не была для меня событием неожиданным, ибо Елизавета Петровна уж год тому назад писала мне, что она с прискорбием и опасением видит упадок сил и расстройство здоровья своей матери. 68 лет не преклонные лета, но, вероятно, огорчения и нравственные страдания немало способствовали прекращению жизни нежной и доброй матери. Дай бог ей царствие небесное! И я в моем семействе приговариваюсь к подобному же событию, которое, вероятно, не замедлит воспоследовать, и моей матушке уже за

70 лет, ее здоровье также слабое, и она также не может похвастать, чтобы была баловнем счастья, но она при чрезвычайной доброте сердца и чувствительности сложения сухощавого. Количество пищи, которую она употребляет, едва ли бы было достаточно для цыпленка, и я заметил, что такие тщедушные комплекции всегда более выдерживают, нежели те, которые на первый взгляд кажутся полными и здоровыми. Моему тестю Миклашевскому 88 лет, но он еще бодр и довольно здоров. Мое здоровье и так и сяк, нервы расстроены, оконечности же пальцев на руках и в особенности у ног во всегдашнем онемении, и от этого случается, что я иногда с затруднением держу перо в руках. Машина начинает портиться*, не знаю, скоро ли совсем развалится, но дух весел и бодр, и хоть бывает грустно иногда, но никогда не унывает.

Дом ваш, как вам известно, продан, но с пересылкою денег было много хлопот. По приказанию Елизаветы Петровны отправил я на имя гр[афини] Коновницыной, но они туда пришли после ее кончины и были обращены назад. Случилось, что губернатор¹ приехал в Курган, по моей просьбе взялся он их отправить на имя Елизаветы Петровны в Прочный Окоп, но теперь деньги опять Елизавету Петровну не застанут в Пр[очном] Окопе, и я боюсь, чтобы их опять не возвратили. Если это письмо не запоздает, то возьмите вы предосторожность для такого случая. Сегодня пишу я и к молодому — старику Лореру, к Елизавете Петровне в Тулу буду писать с будущею почтою, когда-то буду иметь я душевное удовольствие адресовать к вам, добрый Михайло Михайлович, письмо туда же, а Назимову в его псковскую деревню. Давно хотел я попросить вас и Назимова подарить меня вашими портретами, и если имеете возможность это исполнить, то вышлите мне эти два портрета, сделанные хотя карандашом и оклеенные папкою таким образом, чтобы они могли стоять на моем письменном столе. Это будет для меня драгоценный подарок, я обоих вас люблю как самых близких родственников и всякий раз равнодушно вспоминаю то время, которое мы прожили в Кургане.

* Слова «Машина начинает портиться» в подлиннике на франц. яз.

Простите, дорогой мой Михайло Михайлович, передайте самый дружеский от меня поклон Назимову и не забывайте искренне вас любящего

Александра Бригена.

[Приписка на полях:] Поклоны ваши передал я всем. Отец Яков сам к вам будет писать.

67. М. А. БРИГЕН*

Курган, 25 мая 1843

Я отвечаю сразу на два ваших письма, моя дорогая и любимая Мария, что случается, впрочем, не первый раз. Ожидание посылки, о которой вы сообщили мне в своем первом письме и которая должна была последовать тотчас за ним, послужило причиной непунктуальности с моей стороны. Ожидая от одной почты до другой прибытие посылки, которую я все еще жду, а также той, что должна прийти из Петербурга, я медлил с ответом до тех пор, пока не пришло ваше второе письмо от 9 мая. Получив его, я посчитал долгом взяться за перо, чтобы не подвергнуться заслуженным упрекам в лени и небрежности. Здоровье мое по-прежнему изменчиво, без постоянства, но лучи весеннего солнца меня отогрели немного. С наступлением хорошей погоды я чувствую себя лучше. Всего лишь несколько дней, как наше небо серо-стального цвета пожелало несколько сменить свой вид, и мы счастливы в настоящий момент видеть, как улыбается этот капризный деспот. Особенно неприятны здесь ветры, облака пыли омрачают небо и мешают дышать. Удалось изобрести водонепроницаемые ткани, но я затрудняюсь сказать, чтобы что-нибудь можно было противопоставить этой пыли, которая проникает повсюду, проникает во все поры, но удивительно, что воспаление глаз довольно редко для этого края, и в целом климат довольно благоприятный для здоровья, хотя нельзя сказать, чтобы он был мягким и приятным. Прошлую пятницу я присутствовал на свадьбе. Бедная польская девушка, которая прибыла сюда 2 года назад пешком с группой людей и которую госпожа Клечковская, ее соотечественница, приютила в своем доме, только что вышла за служащего таможи в Петропавловске. Эта бед-

* Подлинник на франц. яз.

ная молодая девушка едва старше 20 лет, довольно хороша лицом, нежная и очень порядочная, была игрушкой злой судьбы, которая, сделав ей гримасу, захотела наконец улыбнуться. Это вторая свадьба, на которой я присутствую в Кургане. Первой была свадьба Свистунова.

Я только что получил очень трогательное письмо от госпожи Нарышкиной, где она описывает последние дни своей матушки — графини Коновницыной, которая скончалась от гриппа. Госпожа Нарышкина собирается провести это лето в своих тульских владениях, муж же ее собирается совершить военную экспедицию против горцев, он, у которого столь близорукое зрение, что не видит даже находящегося перед носом.

Кажется, 3 февраля будет тот же результат, что и 9 сентября¹; для меня в этом нет ничего удивительного, но я полагаю, что это удивит вас.

Я попросил у вас *Шеллера*, а в другом письме к вашей маменьке — *Квинта Курция*² и еще кое-что из латинских авторов. Будьте добры, вышлите мне их. Что касается меня, я только и делаю, что читаю и перечитываю Тита Ливия, которым я восхищаюсь³.

68. М. А. и А. А. БРИГЕН*

Курган, 3 декабря [1843]¹

Когда-то существовала религиозная община, очень известная в истории, само название которой я никогда не мог слышать без волнения. Это знаменитое аббатство Пор-Рояль², явление уникальное в смысле духовном и нравственном. Никогда не существовало другого такого малочисленного общества, в число членов которого входило так много замечательных личностей, которыми люди всегда будут восхищаться, несмотря на то, что и религиозные вопросы, поднятые ими, и полемические баталии, возникшие вслед за ними, уже давно не существуют. История Пор-Рояля, написанная Расиным³, попала мне в руки, когда я был еще маленьким. Хотя я был совсем молод, это чтение меня живо увлекло. Суровые и величественные образы этих великих отшельников настолько поразили мое воображение и так взволновали

* Подлинник на франц. яз.

душу, что она до сих пор полна ими. Большую роль сыграла в этом обществе необыкновенная семья Арно⁴, начиная с сестры Анжелики, аббатиссы Пор-Рояля, друга святого Франсуа де Саль⁵, почитаемого за чудесный ум, набожность и добродетель, который называл ее не иначе как своей дорогой дочерью. Ее матушка, мадам Арно, прибывшая в Пор-Рояль вместе с пятью дочерьми и шестью внуками, чтобы дать обет, явила миру трогательную картину матери, пришедшей под покровительство собственной дочери, в которой она признала свою духовную мать. Одного великого Арно, сравниваемого с Моисеем⁶, ибо после изгнания место его смерти осталось неизвестно, было бы достаточно, чтобы наглядно изобразить конгрегацию, членом которой он был. Но и помимо семьи Арно, какой ряд великих людей предстает перед вашим взором! В первую очередь вы видите Паскаля⁷, написавшего в Пор-Рояле бессмертные «Письма провинциала», Ламетра де Саси — ученого толкователя Библии, Николя⁸ — изящного сочинителя, сурового аббата Сен-Сирана⁹, Расина — друга Пор-Рояля и стольких других, которых всегда будут чтить за их добродетели и таланты.

Итак, мои дорогие дети Мария и Анастасия, если вы хотите познакомиться с этим драгоценным букетом, из того, что есть самого благородного в человечестве, самого святого и умного, достаньте себе «Историю Пор-Рояля», написанную Сент-Бёвом¹⁰, только что изданную в трех томах, из которой я прочел в газетах несколько отрывков, показавшихся мне восхитительными. Уверен, что, как и моя, и ваши души наполнятся миром избранных, это сочинение будет для вас чтением более увлекательным, чем любой роман, но, помимо этого, его достоинство заключается в том, что это не вымысел. Вы прочитаете интереснейший эпизод из времен великого царствования Людовика XIV. Это чтение не только очень интересное, но и поучительное. Вы почувствуете, как в ваше сердце войдет бог, присутствующий на каждой странице, в каждом слове этого сочинения.

Я люблю прозвища и давно мог бы дать вам одно, моя дорогая Мария, но до сих пор мне не приходило на ум ничего, что смогло бы решить мой выбор. Наконец, несколько дней назад я увидел сон, который побудил меня назвать вас «Моя тростинка в пустыне», пусть это

будет вашим прозвищем, в нем есть что-то библейское и поэтичное, о своем сие я расскажу вам в другой раз.

Простите, мои дорогие дети. Привет всем окружающим.

69. М. А. и А. А. БРИГЕН*

Курган, 27 января 1844

Я получил ваше очаровательное письмо от 12 декабря, мои дорогие и любимые дети. Я очень чувствителен ко всем проявлениям дочерней любви, которые переполняют ваше письмо, и я любил бы вас еще больше, если бы это было возможно. Я счастлив видеть, что вам тоже присуща чувствительность, эта гармония человеческой души, но это качество должно быть поддержано воспитанием воли и характера, морали, которая должна включать в себя доброжелательность, снисходительность — качества, без которых невозможно быть интеллигентом. Между прочим, здесь я должен процитировать слова, взятые у мадам де Сталь: «Понять все — значит простить», предложение, которое само может быть понято лишь теми, у кого достаточно ума и сердца, чтобы его понять.

Я принялся за работу, которая всецело меня захватила. Это перевод Записок Кесаря¹ на русский язык. Я начал его 17 января и уже дошел до 35 главы первой книги «Галльской войны», которая начинается следующими словами: «His responsis ad Caesarem relatis...»**. Я буду в каждом письме рассказывать вам о том, как идут дела с моим переводом, чтобы вы могли следить по сочинениям Кесаря на латинском языке, которые найдете в моей библиотеке. Перевод, который, по всей вероятности, будет закончен лишь в январе будущего года, я намереваюсь посвятить Жуковскому, которого вы любите как поэта, а я, восхищаясь гением, люблю еще более как человека. Этот достойный человек дружбу проявлял ко мне всегда, а участие в последний раз, когда я видел его в Кургане, сопровождающего наследника. Моя работа, насколько я могу судить об этом как лицо заинтересованное, заслужит внимания. Я к ней присоединяю

* Подлинник на франц. яз.

** Когда этот ответ был сообщен Цезарю... (лат.).

пояснения, что увеличит достоинства перевода. Чудный гений Кесаря, благородный пыл варваров делают эту работу столь привлекательной, что часто во время перевода глаза мои против моей воли увлажняются слезами. Часто мне приходится преодолевать большие затруднения не в понимании латинского языка, на котором я пишу, как на французском, а при переводе на русский язык рассказа Кесаря без значительного уклонения от подлинника. Я принуждаю себя не усердствовать слишком в работе. Первые дни я зачитывался, это меня слишком изнуряло, что, конечно, сказалось на моем здоровье и не могло сопутствовать продвижению работы. Русская пословица «Тише едешь — дальше будешь» * — верная.

Я вам посылаю восхитительную пьесу, взятую из большого «Живописного журнала» **, очаровательного сборника, который я вам рекомендую, он стоит всего 10 руб. в год. Отвратительное качество бумаги, на которой я пишу, послужит извинением за мои каракули.

Простите, мои дорогие дети! Я целую вас от всего сердца.

Простите.

А. де Б[риге]н.

Я забыл вам сказать, что получил посланное сукно, за которое благодарю вас много раз.

[Приписка на полях:] Мишель меня совершенно забыл, после его отъезда в Петербург я получил от него только одно письмо.

70. М. А. и А. А. БРИГЕН ***

Курган, 11 февраля 1844

27 января я послал вам, мои дорогие дети Мария и Анастасия, письмо, в котором я сообщил вам о начале работы над переводом Кесаря и обещал давать точный отчет о продвижении ее. Прошу вас открыть вашего Кесаря, вторую книгу в конце и отметить 33 главу, которая начинается словами: «Sub vesperum Caesar portus» **** и до точки. Это место, до которого я дошел.

С сегодняшней почтой я написал в Петербург, чтобы

* Пословица в подлиннике на рус. яз.

** Название франц. журнала.

*** Подлинник на франц. яз.

**** Под вечер Цезарь приказал запереть ворота... (лат.).

получить адрес вашего любимого поэта¹, которому я намереваюсь послать свою первую книгу, чтобы выслушать его мнение. Вот уже десять дней как первая книга полностью готова, и даже примечания, мне остается только переписать ее набело. Опасаюсь лишь, что Жуковского нет в Петербурге, а находится за границей. Я вам признаюсь, что при нынешних обстоятельствах его отсутствие меня сильно огорчит. Вы узнайте, где он находится. Если он в Петербурге, я отправлю ему свою рукопись в апреле. Я работаю по десять часов каждый день, и всегда с большим усердием и вдохновением. Возможно, что эта работа — средство, представленное мне богом, чтобы я смог обойтись без жалкой и унижительной помощи людей, из которых даже те, кто не должны были забывать меня, забыли. Я вынужден вновь обратиться к вашей снисходительности, дорогая Мария, будьте любезны выслать мне по приезду в Слоут из моей библиотеки три книги, которые мне необходимы: *Кесарь, переведенный на французский язык Тулонжоном*², в двух небольших томиках и «*Киевский патерик, или Житие Киево-печерских угодников*»*, славянское сочинение, небольшой том³. Вы меня очень обяжете, выслав эти книги, пересылка их не должна стоить больше 1 руб. сер.

Двое из наших, живших в окрестностях Иркутска, умерли. Один из них — Вадковский⁴ — человек большого ума, прекрасно воспитанный. Но очень необычны обстоятельства смерти другого — Юшневского⁵. На похоронах Вадковского во время отпевания, видя Вадковского, которого очень любил, в гробу, он испытывал такое горе, что упал сам замертво. Я представляю, как чувствовали себя остальные, как они были потрясены этим событием. Его жена⁶ находилась здесь же. Я думаю, что она не мешкая вернется в Россию, где у нее замужняя дочь⁷. Вот вид смерти, который меня бы устроил. Я придерживаюсь мнения моего героя Кесаря, который говорил всегда, что смерть внезапная и непредвиденная — самая лучшая. Как вы нашли, моя дорогая Мария, отрывок о ребенке, который устал от игры, который я вам выслал⁸. Не правда ли, это вещь очаровательная и дивная.

* Название книги «Киевский патерик, или Житие Киево-печерских угодников» в подлиннике на рус. яз.

3 декабря я послал письмо вам и вашей маменьке, а 17 этого же месяца — дедушке. Я нахожусь в большой денежной нужде. Полагая, что необходимость в еде более настоятельна, чем необходимость одеться, я продал часть сукна, присланного вами, и был счастлив найти желающего его приобрести. Признаюсь вам, что подобное существование и в таком положении, как мое, — столь ничтожно, что жизнь становится бременем, сбросить которое готов хоть когда. Простите, мои дорогие и добрые дети. Не забывайте сообщать о себе.

[Приписка на полях:] Я вас прошу передать привет и мое уважение дедушке и бабушке и поцеловать в письме мою очаровательную воспитанницу монастыря в Петербурге⁹.

71. М. А. и А. А. БРИГЕН*

Курган, 24 марта 1844

Мои дорогие и обожаемые дети!

Я получил ваше письмо от 16 февраля, дорогая Мария, и был рад узнать, что чувствуете вы себя хорошо и развлекаетесь. Счастлив буду видеть эти слова во всех ваших письмах. Вы спрашиваете, получил ли я книги, посланные вами. Уже два с половиной месяца назад я написал вам по этому поводу¹ и сейчас спешу не только подтвердить вновь, что я их получил, но и сообщить о завершении перевода шестой книги Кесаря, завтра я начну знаменитую седьмую книгу, содержащую войну с Версингеториком². С завершением этой книги будет переведена треть сочинения, но работа еще не закончена. Переведа все, необходимо будет сопроводить каждую книгу комментариями, сделать оглавления, затем найти кого-то для переписки; это значительная работа, но я надеюсь закончить ее к концу года. Могу заверить вас, мои дорогие дети, что самые счастливые моменты моей убогой жизни здесь — это то, что я провел с книгами. Я чувствую, что мог бы быть литератором по призванию, но мое существование отмечено знаком, как и судьбы прочих людей, являющихся в большей или меньшей степени игрушкой судьбы. Горшок не может сказать гончару: почему ты меня делаешь горшком, а не кувшином.

* Подлинник на франц. яз.

Чтобы быть счастливым материально, цель, к которой стремятся почти все, нужно быть менее чувствительным, иметь добрую толику глупости и много денег. Вальтер Скотт, которого по справедливости можно было бы сравнить с Гомером³, всегда восхитителен. «Ламмермурская невеста» — это шедевр. Этого одного произведения было бы достаточно, чтобы восславить литературное имя писателя. Напишите мне об этой книге, когда прочтете ее. Очень любезно со стороны господина Судиенко⁴ доставлять вам «Иностранное обозрение», но, по моему, на это никчемное чтение не стоит тратить времени: нескончаемые новеллы пошлы и утомительны. Я говорил вам уже о «Живописном журнале», это совсем иное дело, чтение увлекательное, способное заменить целую библиотеку. Стоимость 12 р. ассигнациями, издается уже в течение десяти лет. Если позволяют средства, возьмите всю серию, если же нет, то начинайте с чего хотите, ибо его продают и раздельно по годам. Уверен, что, прочитав «Живописный журнал», вы не захотите даже взглянуть на «Иностранное обозрение». В «Живописном» есть гравюра с видом Фрейбургской роши с изображением собора, а вблизи маленький домик, куда я часто уношусь мечтой с вами и теми, кто мне дорог. Приятно иногда помечтать о счастье! Кстати, о снах. Совершенно занятый своим Кесарем, я забыл рассказать вам о моем сне. Вот он. Я видел себя очутившимся в пустыне возле святого Иоанна Крестителя⁵, который в одежде из верблюжьей шкуры, как его всегда изображают, сидел на камне с посохом в руке и, глядя на меня невыразимым взглядом, обратился ко мне на незнакомом языке. В это время сильнейший ураган, сопровождаемый раскатами грома, несясь по пустыне, и мне понадобились все мои силы, чтобы удержаться на ногах и не упасть. Святой Иоанн, закончив говорить, закрыл глаза и некоторое время оставался в таком положении, затем, открыв их вновь и глядя на меня, спросил, но не помню на каком языке: «Ты не упал?» — «Нет», — говорю ему я, — ты видишь, отец пустыни, что я не выпил вина». Тогда, показывая мне тростинку, согнутую ветром, он сказал: «Ты и те, кто тебе дороги, словно эта тростинка, которая увидит конец света». После этих слов перед моими глазами промелькнуло множество изображений животных, показывавших мне зубы и когти, людей с высуну-

тыми языками и гримасничавших, детей, улыбавшихся мне. Вот мой сон, который, как и любой сон, можно толковать по-разному, но это всего лишь сон. Вернемся же к реальности. Не забудьте, дорогая Мария, выслать мне небольшую посылку книг, которые я просил у вас 11 февраля. Тулонжон мне необходим из-за комментариев, в нем содержащихся, для того, чтобы сравнить его с моим переводом.

Резкие замечания, которые ваша маменька любит время от времени посылать мне в Р. S. ваших писем, столь странны и бессвязны, что я не знаю, что подумать. Если отсюда я буду адресовать к ней упреки в том, что она не продает вино в Москву или Одессу с винокуренных заводов в Слоуте и потому ей недостает денег, а следовательно, она оставляет в нужде и меня, то подобные упреки можно по справедливости рассматривать как смешные. А между тем я мог бы подкрепить эти упреки вполне логичной аргументацией, я сказал бы: «В Слоуте есть вино, оно дорого в Москве, значит, чтобы иметь деньги, следует продавать его в Москве». Это очевидно как божий день, и, однако, нет ничего более ошибочного, чем это утверждение. А она рассуждает именно так. Я, говоря о винокуренном заводе, вине, Москве и т. д., хотя бы знаю кое-что об этих вещах, в то время как она, не имея никакого представления ни о моем необычном и исключительном положении, в котором я нахожусь здесь, ни о местности, ни о людях, с коими я имею дело, считает возможным рассуждать об этом и упрекать меня незаслуженно. Объясните ей, моя дорогая Мария, что то так называемое счастье быть служителем-канцеляристом я мог бы иметь завтра, и не только в Омске, но даже в Охотске, но единственное, что я при этом выиграю, не считая усталости от путешествия, столь тяжелого для моего возраста и здоровья, будет переезд, который обойдется мне в тысячу рублей.

72. М. А. и А. А. БРИГЕН*

Курган, 5 мая 1844

Позавчера я закончил, мои дорогие дети Мария и Анастасия, первый том перевода Кесаря. Теперь при-

* Подлинник на франц. яз.

нялся за составление примечаний к первому тому, работа кропотливая и довольно скучная. С большим нетерпением жду Тулонжона, которого я просил выслать 3 месяца назад, теперь он мне необходим для военных заметок и для сравнения переводов. Долгое следование писем туда и обратно просто обескураживает, особенно когда работаешь. Если бы, например, мне выслали Кесаря из Слоута не в июне прошлого года, а в январе, то вся работа была бы закончена, ибо дела продвигаются быстро. Я начал первый том 17 января, а 3 мая я его уже закончил. Я работал так, словно речь шла о спасении моей души. Правда, мною движет еще одно чувство — необходимость улучшения моего материального положения. Следует все же отдать должное моей усидчивости в столь продолжительной работе, часто становившейся тяжелой. Теперь я жду Тулонжона и прошу вас, дорогая Мария, выслать мне его как можно быстрее.

С большим удовольствием я получил ваше письмо от 16 марта, и я рад был узнать, что вы здоровы. Вы поступите правильно, если займетесь какой-нибудь литературной работой. Надо иметь цель, чтобы применять и направлять жажду деятельности, имеющуюся в той или иной мере в каждом из нас; нет ничего более грустного, чем праздная и неподвижная жизнь. Умственная и художественная работа трудна поначалу, но затем наступает облегчение, и впоследствии она становится потребностью. То, что вы сообщаете о моем Патерике*, не совсем приятно мне. Я дорожу своими книгами, и не хотелось бы видеть, как их крадут, даже по соображениям набожности. Вот уже второй труд исчезает из моей библиотеки: первым был Гай Мэннеринг, и я предполагаю, что недостает и многих других книг. Кроме всего прочего, Патерик — это книга, которую я хотел бы перечитать, и потом, мне здесь за нее предложили бы сотню рублей, что в моем теперешнем положении было бы очень кстати. Так как мои долги составляли более 300 рублей, вы понимаете, что 500 рублей, высланные мне, были скоро израсходованы. Я живу здесь в кредит, как только получаю денежную посылку, тотчас выплачиваю свои долги, оставшихся после этого денег хватает мне дней на 20 или 30, а затем я вновь завожу долги

* Слово «Патерик» здесь и далее в подлиннике на рус. яз.

до следующих денег и т. д. Вы понимаете, что это весьма неприятно, но что поделаешь, может быть, в будущем моя работа придет мне на помощь. Но для этого мне понадобится еще один год, а пока я *махнул рукой* *. Я рассчитал молодца, служившего мне и камердинером, и кучером, и садовником, и рассыльным, т[ак] к[ак] он обходился мне 20 р. в месяц, и стараюсь устроить свои дела, как могу, сам. Здесь, я полагаю, жизнь стоит дороже, чем у вас: пшеничная мука — 2 р. за пуд, сахар посредственного качества 48 р. за пуд во время ярмарки, весьма дурной кофе — 3 р. и более за фунт, а когда вынужден покупать в кредит, то продают отбросы из лавки и, по крайней мере, на треть дороже и т. д.

Вы поступите правильно, моя дорогая, если будете поддерживать отношения с Тимковскими. Я не знаю их хорошо лично, но слышал о них много хорошего. Это образованные люди. В мои времена был один Тимковский — атташе в коллегии иностранных дел, который слыл за человека чрезвычайно умного, кажется, его звали Василием.

Простите, мои дорогие дети Мария и Анастасия. Целую вас много раз и прошу передать наилучшие пожелания Любаше и Мишелю. Простите. А. де Бриген.

24 марта я написал вам письмо, длиною в несколько аршин.

73. М. А. и А. А. БРИГЕН**

Курган, 3 августа 1844

Лихорадка, многократно появлявшаяся у меня в течение всего лета, начиная с последних дней апреля, не прошла еще полностью до сих пор, и по этой причине я не смог написать вам раньше, мои дорогие дети Мария и Анастасия. Я рад, дорогая Мария, узнать, что вы наконец расквитались с болезнью, которая не любит легко отпускать свою добычу. Что до меня, я еще далек от полного выздоровления, слабые вспышки болезни проявляются время от времени, но я принимаю все предосторожности, дабы помешать ее возобновлению. Никогда еще с тех пор, как я нахожусь здесь, лето не было столь

* Слова «я махнул рукой» в подлиннике на рус. яз.

** Подлинник на франц. яз.

плохим, как в нынешнем году. В июне жара достигала 40—45° тепла, а в июле мы были вынуждены топить печи, поэтому никогда еще не было столько больных. Половина местного населения была подвержена лихорадке. Большой ущерб нанесла эпидемия и рогатому скоту, который мрет сотнями и тысячами голов, и так как никто не дает себе труда остановить распространение этой болезни, то, следовательно, нет оснований, чтобы она прекратилась. Кроме временных ограничений это бедствие влечет в нашей местности потери, достигающие миллионов. Вот уже более четырех месяцев я не ел мяса, и так как здешний край не производит ни рыбы, ни фруктов, то все вынуждены скудно питаться.

Я удивлен, что в моей библиотеке нет Тулонжона. Даже если окажется, что это кража, то поводом для нее на этот раз послужило, должно быть, не благочестие. Это были два тома в красивом сафьяновом переплете. Моя лихорадка помешала моей работе над Кесарем, но я рассчитываю вновь приняться за дело в сентябре месяце, тогда я закончу ее к февралю. Вы сообщаете, дорогая Мария, что мои два последних письма огорчили вас, так как из них вы узнали о моих неприятностях и досадных беспокойствах. Все мое существование всегда было связано с неприятными обстоятельствами, и особенно теперь, в моем нынешнем положении, следовало щадить меня хотя бы немного и избавить от упреков, которые были безосновательны и высказаны в обидных для меня словах. Вы представляете, дорогая Мария, что когда ты болен, не имеешь даже самого необходимого и испытываешь лишения всякого рода, естественным кажется потерять терпение, если в таком плачевном положении получаешь вместо дружеского, сочувствующего письма письмо вышеуказанного вида. Но кончено, не говорим больше об этом. Я рад был услышать все то, что вы сообщили мне о Любаше, прошу вас нежно поцеловать ее от меня в первом же письме к ней. Время от времени моя матушка пишет мне из Петербурга. Поцелуйте также и Мишеля. 7 июля я отправил письмо маменьке, прошу вас поцеловать от меня и ее и мою малышку Анастасию.

Простите, мое дорогое дитя, будьте здоровы и да хранит вас бог.

Александр Бриген.

[Приписка на полях:] Напишите мне, когда вы планируете ехать в Слоут и начали ли строительство нового дома. Что касается вашего замка, то уже давно пора его разрушить.

74. М. А. и А. А. БРИГЕН*

Курган, 25 августа 1844

Освободившись от болезни, столь долго досаждавшей мне, я хочу, мои дорогие дети Мария и Анастасия, наверстать в нашей переписке время, упущенное из-за болезни. Длительное молчание, которое я вынужден был хранить, не имея сил писать вам, было для меня истинным лишением. Я так давно не беседовал с вами в свое удовольствие, что, естественно, выздоровев и вновь обретя возможность дать моему перу волю, я горю нетерпением как можно быстрее воспользоваться удовольствием написать вам, даже не дожидаясь ответа на свое предыдущее письмо. Ощущение возвращения к жизни принесло мне желание и силу для того, чтобы вновь приняться за работу, так давно прерванную не по моей воле. В настоящее время я привожу в порядок примечания, которые должны сопровождать первый том. Уже почти половина работы сделана. Остальное надеюсь закончить недели через две и начать перевод второго тома, который планирую завершить к февралю. Долгие зимние вечера будут весьма кстати и поспособствуют продвижению моей работы.

Опасаясь в своем усердии испортить зрение, работая при свете свечей, я попросил мою матушку прислать мне лампу. Так как я прошу не предмет роскоши, думаю, цена этой утвари не будет значительной. Вы меня очень обяжете, моя дорогая Мария, если для этой цели передадите моей матушке рублей 15 или 20. Моя бедная мать много на меня в этом году потратилась, что обязывает меня, с опасностью показаться нескромным, обратиться к вам, мое дорогое дитя. Я знаю, что вы всегда с удовольствием окажете мне услугу, но я не знаю ваших средств, и это вынуждает меня быть осторожным.

Один бывший офицер польской армии, находящийся здесь¹, любезно согласился сделать для меня копию

* Подлинник на франц. яз.

карты Галли, а также несколько планов, необходимых для иллюстрации некоторых описаний из Кесаря, и он эту работу выполнил хорошо.

Перевод Кесаря, которым я занимаюсь, а также чтение так плотно заполняют мое время, что скучать не приходится. Что досаждало мне и даже иногда выводило из себя, так это заботы по домашнему хозяйству, которым я вынужден заниматься. Если бы человеку можно было бы жить без забот о пище! Но таким, какие мы есть, приходится думать о своем желудке, что берет у нас большую часть существования. Наш рот — это поистине бочка данаид, никогда не наполняющаяся. Я встаю в шесть часов и начинаю свой день с чтения некоторых классических авторов, затем пишу до обеда и после обеда — до семи часов вечера. Затем я выхожу, чтобы размяться немного или повидать кое-кого из трех-четырех своих знакомых, у которых я бываю, и, вернувшись, ложусь спать в десять часов. Подобный образ жизни, как я полагаю, менее разнообразен, чем тот, что вы ведете в Пануровке или в Слоуте. Время от времени я читаю *Journal des Débats*. Выписывают ли его у вас? Я только что закончил чтение январских и февральских номеров, очень интересных. Вы видите, что в отношении газет мы несколько отстаем от вас. Сколько новинок и интересных книг выходит почти ежедневно в Париже. Какая интеллектуальная деятельность и столько средств для удовлетворения с небольшими издержками жизненных потребностей. Думаю, что нет другого такого города, пребывание в котором могло бы столь подходить людям любого сословия и возраста: молодому человеку, стремящемуся к образованию и деятельности, и человеку пожилому, любящему смотреть и делать наблюдения. Теперь ваша очередь, мои дорогие дети Мария и Анастасия, рассказать мне о своем образе жизни. Начали ли строительство дома в Слоуте и когда вы думаете вернуться туда? Уже давно нет писем ни от Мишеля, ни от Любаши. Я думаю, что вы получаете от них письма. Поцелуйте от меня вашу маменьку, она, наверное, уже получила письмо, написанное мною 7 июля, и я надеюсь, что наша переписка вновь станет регулярной. Простите, мои дорогие дети. Целую много раз и молю бога, чтобы он хранил вас.

Алек[андр] де Бриген.

[Приписки на полях:]

Я еще не получил Тулонжона и забыл сказать вам, что 4 и 5 тома «Пор-Рояля» Сент-Бёва только что вышли в свет; это приятнейшее сочинение.

Умер Шарль Нодье, любимый и очаровательный писатель. У него есть дочь, сделавшая себе имя в литературном мире благодаря нескольким хорошо написанным сочинениям. За несколько минут до смерти Шарль Нодье позвал свою дочь и сказал ей слабеющим голосом: «Если вы хотите выработать свой стиль, прочитайте у Тулонжона «Несколько страниц из Ж.-Ж. Руссо и Тацита». Вот что значит любить свое ремесло.

Если это письмо, моя дорогая Мария, найдет вас в Пануровке, то я прошу передать мое почтение дедушке и бабушке, но если эти строки застанут случайно вас в Слоуте, загляните в мою библиотеку, чтобы посмотреть, есть ли в ней Тулонжон, пошлите мне Ювенала² (Латинские классики, 2 тома). Помнится, я вам советовал заниматься сочинениями на французском языке, я повторяю свой совет и с большим нетерпением жду возможности увидеть что-нибудь, вышедшее из-под вашего пера.

75. Е. П. НАРЫШКИНОЙ*

Курган, 13 октября [1844]¹

Ваше письмо от 25 июля, сударыня, доставило мне истинное наслаждение. Наконец-то вы с божьей помощью соединились с нашим добрым и дорогим Мишелем² (я нарочно говорю «нашим», ибо испытываю чувство ревности, так как он ведь немного принадлежит и мне), и горечь прошедших дней возродится в ваших воспоминаниях лишь для того, чтобы усилить спокойствие счастья и наслаждения настоящим. Если жизненные невзгоды, судя по всему, неотвратимы, и если Провидение уготовило возмещение за эти невзгоды, то кто же заслуживает их более, если не души возвышенные и благородные, сердца добрые и милосердные. Наслаждайтесь же с миром вашим теперешним положением, которое вы заслужили столькими годами лишений и страданий, да пошлет вам бог здоровья на многие годы так долго, как

* Подлинник на франц. яз.

позволяет это условие человеческого существования. Я представляю себе моменты вашей встречи с родными, а затем с Мишелем и понимаю, что в эти моменты, как вы говорите, высшего возбуждения невозможно взять перо и писать письма отсутствующим, какие бы дружеские чувства вас с ними не связывали. Желать этого от вас значило бы с моей стороны слишком много требовать. Мое время придет, и, верный своей системе возмещения, я буду ждать моего вознаграждения. Я понимаю, как грустно быть вам в эти моменты без вашей матери, матери такой доброй и уважаемой, какой была покойная графиня³. Но такова человеческая жизнь, дающая нам радость одной рукой, и судьба, отбирающая ее другой и в утешенье посылающая нам смирение и надежду.

Не могу написать ничего интересного ни о своем образе жизни, ни о существовании, которое веду здесь, ибо это было бы лишь продолжением одной и той же темы, которую вы, сударыня, уже достаточно знаете. Единственным отклонением была почти трехмесячная лихорадка, сильно измучившая меня и явившаяся причиной моего молчания. Но вот уже два месяца как я от нее избавился, здоровье идет на поправку, и я смог вновь взяться за работу, начатую в январе месяце. Это перевод с латинского на русский язык «Записок» Кесаря. Первый и большую часть второго и последнего томов я уже закончил. Надеюсь закончить весь перевод в течение этой зимы. Это довольно тягостный труд, но имеющий, если я не ошибаюсь, довольно большое значение. Перевод будет сопровожден объяснительной запиской, картами, планами. Постараюсь сделать этот труд достойным того уважаемого человека, которому я намереваюсь посвятить его, а именно Жуковского, проявившего к нам внимание во время своего путешествия через Курган, и который еще задолго до этого был чрезвычайно приветлив ко мне. Я имею возможность работать над книгой потому, что имею много свободного времени, так как выхожу я редко и ни с кем не вижусь и, главное, испытываю потребность в деятельности, которая толкает меня к работе и которая увеличивается по мере того, как я старею. Я бываю очень счастлив, когда могу таким образом позабыть хоть на несколько часов об этом Кургане и затхлости его жизни. Довольно часто я получаю письма от своей семьи, чаще всего от дочери, которые доставляют

мне удовольствие. Она очень мило пишет и представляется мне умным и сердечным человеком.

Теперь, после довольно жалкого рассказа о моей жалкой персоне, я обращаюсь непосредственно к вам, сударыня, и прошу у вас милости, в которой, надеюсь, вы мне не откажете. Речь идет о старом Башмакове, которому уже 70 лет и который, приняв участие более чем в ста баталиях, заслуживает, право, лучшей участи, чем та, которая ему уготована. Он находится в полной нужде, и никто не хочет ему помочь, так как, кажется, длительное горе ожесточает сердца и делает людей эгоистами, что, впрочем, естественно, ибо нет времени думать о других, когда тебя занимают твои собственные страдания. Я лично ничем не могу ему помочь, так как сам часто испытываю некоторые финансовые неудобства. Но есть человек, имеющий достаточно средств, чтобы обеспечить ему сносное существование, который помогал ему время от времени и помогал бы до сих пор, если бы не считал его, видимо, умершим. Человек, о котором идет речь, не кто иной, как княгиня Суворова, состоявшая в первом браке за Башмаковым, двоюродным братом Флегонта Мироновича*, а во втором браке за князем Андреем Ивановичем Горчаковым**, который исполняет сейчас где-то в Германии обязанности посла⁴. Родная сестра Флегонта Мироновича*** находится в настоящее время в Германии с *Варварой Аркадьевной*****. Я уверен, сударыня, что несколько строчек от вас князю Горчакову, которого называют настоящим ангелом доброты, будет достаточно, чтобы обеспечить существование нашему бедному старику. Нет никого, сударыня, кто бы мог говорить лучше вас в подобных случаях, кто бы имел больший авторитет. Считаю, что было бы излишним с моей стороны говорить более, чтобы просить вас сделать это милосердное дело, вас, которая всегда его делала, стоило лишь предоставить вам такой случай.

* Слово «Мироновича» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

** Слова «Андреем Ивановичем Горчаковым» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

*** Слова «Флегонта Мироновича» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

**** Слова «Варварой Аркадьевной» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

Прошу прощения за это нескончаемо длинное письмо и прошу вас, сударыня, передать Мишелю, что я сердечно жму его руку и что напишу ему в другой раз. Передайте это же и Назимову, как только вы ему напишете. Это человек, которого я люблю и уважаю всем сердцем. Я бы хотел ему написать, но у меня нет его адреса. Будьте так добры и сообщите мне его.

Простите, сударыня.

Александр де Бриген.

[Приписка на полях:] Прошу передать привет вашей замечательной Анисье* и будьте добры отправить мне ответ на это письмо.

76. М. А. БРИГЕН

[Курган. 1844]¹

<...> Нет ничего легче говорить: «Почему не делаете вы этого? Почему не делаете вы так»? Единственный ответ на все эти вопросы будет: «Я не делаю этого потому, что нет возможности это делать». Если теперь мне предложат жить в Петербурге со стотысячечерублевым жалованием в год, но с условием проводить все вечера на балах, танцуя французский кадрили, то, конечно, я не могу принять это предложение, которое может осчастливить молодого человека. И почему бы не принять подобное счастье². По самой простой причине: мне 52 года, и мои ноги так слабы, что часто я хожу только при помощи трости. <...>

77. М. А. БРИГЕН**

Курган, 15 февраля [1845]¹

Вы очень хорошо угадали, моя дорогая Мария, что, получив деньги, которые прислала мне ваша маменька, я сменю адажио на аллегро. Я доволен, чуть было не сказал, как принц, но останавливаюсь, так как думаю, что они редко бывают довольны, и сейчас я отыщу сравнение в царстве животных. Итак, я весел и доволен, как

* Слово «Анисье» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

** Подлинник на франц. яз.

рыба, плавающая в воде, потому что на некоторое время я освобожусь от мелких ежедневных трудов и спокойно приведу в порядок моего Кесаря, перевод которого я только что, 29 января, кончил, начав 17 января прошлого года. За этот период времени, исключая три месяца лихорадки, я написал собственной рукой in folio * тысячу страниц. Итак, вы видите, что я был прилежным в работе, однако и сейчас еще работа не кончена, потому что я проверяю и исправляю первый том, который уже начал переписывать набело, и привожу в порядок примечания к нему. Я очень рад, что нашел здесь молодого человека², который согласился взять на себя труд его переписать, но необходимо, чтобы это происходило в моем присутствии. Сам я не смог бы заняться этой работой из-за скверного почерка и состояния здоровья, которое не позволяет мне взять на себя труд столь тяжелый и столь мало привлекательный. В будущем месяце я пошлю письмо вашему любимому поэту³, которого нельзя не уважать и не любить, когда его знаешь лично.

При свете лампы, о которой вы спрашиваете, пишу вам это письмо; только с помощью этого маленького источника света я могу заниматься вечерами, иначе я не захотел бы подвергать риску свое зрение, за которым я слежу, чтобы сохранить его как можно дольше. Как хорошо, что кризис у дедушки миновал благополучно, для его возраста перенесенная им болезнь очень серьезна, и надо надеяться, что, избежав этого зла, он с божьей помощью проживет еще пару лет на ваше счастье и на счастье всей нашей семьи. Я прошу вас по этому поводу выразить ему и бабушке мое почтение. Не забудьте, увидев вашу сестру Любовь, нежно поцеловать ее многократно за меня и сказать ей, что я счастлив от того, что могу поздравить ее по поводу успеха на экзамене, и, судя по тому, что я слышал о ней, она мне представляется интересной личностью.

Я не говорю о предстоящем вам с маменькой путешествии в Петербург, так как не уверен, состоится ли оно, но и без этого у вас есть многое сообщить мне, и я с большим нетерпением жду ваших писем. Я так занят моим Кесарем, которого жажду видеть завершенным,

* Размером, форматом в 1/2 бумажн. листа (лат.).

что вот уже более месяца, как задержался ответом на письмо князю Трубецкому. К несчастью, я не могу заниматься столько, сколько хотел бы, мое внимание ослабевает, проскакивают мимо слова и даже целые строки.

Простите, мой друг! Прижимаю вас к сердцу.

[Приписка на полях:] Что вы читаете? На днях я прочел замечательное сочинение «О нищете трудящегося класса» Эжена Бюре⁴.

78. М. А. БРИГЕН*

Курган, 15 марта 1845

Я получил, моя дорогая Мария, письмо от 24 декабря и был несколько огорчен, что вы не совершили путешествия в Петербург, но вскоре утешил себя мыслью, что столь короткое пребывание там не стоило трудов и хлопот путешествия в это время года. Я получил известие о вашей маменьке из письма моей матушки от 8 февраля, в котором она сообщала, что накануне приехала Софья в полном здравии и что ее неожиданное появление вызвало у нее удивление, от которого она не могла долго оправиться. Очевидно, когда вы получите это письмо, маменька и Любаша уже будут в Пануровке. Я прошу поцеловать их нежно за меня и поздравить с благополучным окончанием поездки и особенно передайте Любаше, что я рад узнать, что она хорошо справилась с экзаменом¹. Представляю ваше удовольствие, когда вы поцелуете вашу сестру, прибывшую заменить маленькую изменницу, которая, покинув наши знамена, перешла в другой лагерь². Мое здоровье довольно хорошо, но, признаюсь, я испытываю ужасный страх перед лихорадкой, оставившей мне неприятные воспоминания еще с прошлого года. Весна — такое нездоровое время года, когда в определенном возрасте невозможно предпринять все предосторожности, чтобы предохраниться от болезней. Не могу пожаловаться ни на какую болезнь, но иногда чувствую себя столь слабым и бессильным, как будто жизнь должна угаснуть. Все дни я занимаюсь, за исключением этих моментов инертности. Через две недели я отправлю письмо вашему любимому поэту, хотя намеревался сделать это к 1 марта, но я не

* Подлинник на франц. яз.

смог закончить работу. Две трети первого тома переписаны набело. Я очень доволен человеком, который взялся за это дело, он справляется с ним очень хорошо³. Я прошу вас, дорогая Мария, в связи с этим напомнить вашей маменьке просьбу, с которой я обращался к ней: послать мне 4 аршина хорошего синего сукна и 50 руб., чтобы предложить их как свидетельство признательности моему помощнику. Я надеюсь, что труд, затраченный мною для завершения этой работы, не будет напрасен, и спустя несколько месяцев вы о нем кое-что услышите. Неприятно, что письма идут туда и обратно так долго, нужно около 4 месяцев, чтобы получить ответ из ваших мест, мне было достаточно 4-х месяцев, чтобы перевести I том. Вы меня спрашиваете об Огюстене Тьерри, ну что ж? Скажу вам, что я абсолютно согласен с ним относительно наслаждения, которое испытываешь, занимаясь литературой. Я также думаю, что нет ничего лучшего, чем упражнения в добродетели и благотворительных деяниях, но признаю, что это дается не всякому и что к этому надо иметь призвание. Что касается его сочинения⁴, то оно не годится для вас. Оно, без сомнения, образец эрудиции и таланта, с которыми он проясняет очень интересный исторический факт — водворение норманнов в Англии. Несмотря, однако, на все эти достоинства, я уверен, что у вас не хватит терпения дочитать его. Вы несколько свысока расцениваете писателей прошлого. Этот недостаток довольно распространен и, я бы сказал, довольно свойственный для молодежи: отдавать предпочтение тому, что современно; если бы было иначе, вы не смогли бы забыть стольких авторов, которые у вас под рукой. Для вас я назову, во-первых, книгу Гиббона⁵, первого историка нового времени, читаемого до наших дней, сочинение объемистое, похожее на роман. Какая великолепная картина — переселение народов, история Магомета⁶ и калифов⁷, падение Поздней империи — и с таким талантом написано. Во-вторых, вы имеете Ансильона, который восхитителен. Вот два автора, и вы не раскаетесь, если прочтете их. Будьте экономны в отношении времени и не расточайте его на чтение безвкусное, каково «Иностранное обозрение» и т. д. Мария — любительница литературы, пора заканчивать письмо, которое нужно уже отнести на почту. Удовольствие поговорить с вами продлилось дольше, чем я предпола-

гал, начиная его. Простите, моя дорогая очаровательная дочь. Я вас целую много раз и прошу сделать то же самое с вашей сестрой Любашей. Простите.

[Приписка на полях:] Прощу вас передать мое почтение дедушке и бабушке и поздравить от меня с прибытием их внучки.

79. С. М. БРИГЕН

[Курган, 15 марта 1845]¹

Хотя я еще ничего не знаю, милая Сонюшка, о твоём прибытии в Пануровку, но наудачу поздравляю тебя и драгоценную мою Любашу с окончанием вашего путешествия. Я ожидал с прошедшей почтой от тебя письма из Петербурга, но не получил, теперь же буду ожидать с нетерпением описания выпуска Любаши, пребывание твоё в Петербурге и пр. и пр. Во всем этом много для меня любопытного. Письмо моей матушке о тебе из Петербурга меня очень порадовало. Работа моя здесь идет хорошо, и у меня прекрасные помощники. Повторяю здесь мою просьбу, о которой я писал в этом письме к Машеньке, не думая писать к тебе, о высылке сукна и денег, которые я должен подарить моему сотруднику, вполне это заслуживающему.

Прости, целую твои ручки.

80. А. Ф. ОРЛОВУ¹

Курган, 6-го апреля 1845

Ваше сиятельство, милостивый государь.

Прилагая при сем письмо на имя его превосходительства Василия Андреевича Жуковского, который, сколько мне известно, находится за границею, осмеливаюсь я прибегнуть к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой приказать переслать его г[осподи]ну Жуковскому, прибавив на адресе местопребывание. Я бы никогда не отважился обеспокоить ваше сиятельство таким образом, если бы имел сам возможность это сделать; но положение, в коем я нахожусь, должно в этом случае послужить мне извинением.

Из письма моего к г[осподи]ну Жуковскому изволите вы усмотреть, что я испрашиваю его позволения посвятить ему сделанный мною перевод с латинского языка

на русский Записок Юлия Кесаря, который я желаю напечатать. Прошу всепокорнейше ваше сиятельство сделать милость в этом случае исходатайствовать мне позволение исполнить мое намерение, для которого, кажется, затруднений не предвидится, и то тем более, что имя мое останется неизвестным. Я уверен, что ваше сиятельство как любитель наук и отечественной словесности,—знающий ценить сочинения Кесаря, признанного целою просвещенною Европою столь важным во многих отношениях, в особенности же в военном, не откажете мне в этих обстоятельствах вашим покровительством; ибо я смею надеяться, что труд мой при всех своих несовершенствах не останется бесполезным, не говоря уже о том, что тут в первый раз увидят полный перевод Кесаря на русском языке.

С чувством глубочайшего почтения и совершенной преданности честь имею быть, ваше сиятельство, милостивый государь,

ваш покорный слуга Александр фон дер Бриген.

81. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Курган, 6-го апреля 1845

Милостивый государь, Василий Андреевич!

Будучи еще молодым человеком, когда, по словам Вальтера Скотта, «была молодость и была надежда на счастливую жизнь»*, восхищался я прекрасными вашими стихами, воспоминание о коих и теперь, когда я уже приближаюсь к старости и все радостные мечты жизни превратились в бесцветную прозаическую сущность, оставило во мне самое приятное впечатление. Когда же, по дружеским моим сношениям с Тургеневым, имел я случай от них узнать, что изящные стихи ваши суть только слабый отголосок той высокой невыразимой Поэзии, которая таится в прекрасной душе вашей, полюбил я вас всем сердцем, как принадлежащего к тому малому числу истинных поклонников муз, у которых высокий дар слова не есть только <...>**. Занятия по службе и несуетливая столичная жизнь лишили меня счастья более с вами сблизиться, когда бывший мне добрый прия-

* Слова В. Скотта в подлиннике на англ. яз.

** Два слова неразб.

В. А. ЖУКОВСКИЙ
Рисунок Э. Эстеррейха. 1820 г.

тель Василий Алексеевич Перовский¹ меня с вами познакомил. Но судьбе угодно было вознаградить меня дивным образом эту потерю свиданием с вами в Кургане в то время, как вы сопровождали цесаревича наследника. Слеза, которая в эту минуту навернулась на глазах ваших и которую, конечно, и ваш ангел-хранитель в свое время не забудет, запечатлелась навсегда в душе моей. Позвольте мне, почтеннейший Василий Андреевич, хоть слабым образом выразить мою признательность за эту слезу участия и не откажите мне в следующей покорной моей просьбе.

Занимаясь постоянно в продолжение пятнадцати месяцев, перевел я с латинского языка на русский Запис-

ки Юлия Кесаря. При ограниченном положением моим средствах имел я, к счастью, нужнейшие для меня книги. Превосходные издания Кесаря в собрании латинских классиков Лемера служили основанием моему переводу, к которому я прибавил много пояснительных примечаний, взятых частью у французских издателей (Ашентр и Лемер) *, частью же собранных мною самим из разных писателей. К первой части этого перевода, которая уже почти совсем переписана набело, прилагаю я краткую жизнь Кесаря, снимок карты древней Галлии по Барбье дю Бокаж, два иконографических чертежа для объяснения текста и портрет Кесаря по древнему бюсту французского Музеума; при каждой же части (их две) будет особенный исторический и географический указатель.

Представив заглавие моего перевода, обращаюсь я к вам с сердечною моею просьбою увенчать труд мой лестным для меня позволением вам его посвятить. Изукрашенный вашим именем, получит он при всех своих несовершенствах более цены, и согласие ваше осчастливит человека, который душою и сердцем вам принадлежит. По известным причинам имя переводчика, принадлежащего к касте париев, должно оставаться неизвестным; но, посвятив вам мой труд, самая эта таинственность имеет для меня что-то приятное. Мне кажется, что без этой примеси моей личности приношение мое будет полнее.

Душевно сожалею я, что отсутствие ваше за границею лишило меня возможности подвергнуть мой перевод в рукописи вашему рассмотрению. В ожидании вашего разрешения, прошу я его сиятельство графа Орлова, которого и теперь утруждаю просьбою о доставлении вам этого письма, исходатайствовать мне позволение напечатать, которое получив, отправлю рукопись в Петербург, но к кому, сам еще не знаю. Большая часть из моих приятелей и людей, мне близких, переселилась в вечность, остальные же, например Александр Иванович Тургенев, к которому я непременно обратился бы, находятся в отсутствии, других же я и сам просить не хочу; но я надеюсь, что судьба, которая выводила меня чудесным образом из обстоятельств весьма трудных, и в этом случае по старой дружбе мне поспособствует.

* Слова «Ашентр и Лемер» в подлиннике на франц. яз.

С истинным душевным почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, ваш покорный слуга

Александр фон дер Бриген.

82. М. А. БРИГЕН*

Курган, 14 апреля 1845¹

Я только что получил, моя дорогая, несравненная Мария, ваше письмо от 10 марта. Очарован теми новостями, о которых узнал из него. До сих пор ни ваша маменька, ни моя маменька не написали мне ни строчки, и это молчание начинает меня тревожить. Что вы хотите, я не могу привыкнуть к этим перерывам, из-за которых я иногда теряю терпение. Я посылаю приложенную к сему копию моего письма вашему поэту и другую графу Орлову², и в настоящее время я жду результаты своего демарша. Может быть, приезд Любаши принесет мне счастье. Прошу вас, передайте ей, что я неустанно прошу ее развивать талант к музыке и особенно изучать несравненного *Бетховена*, которого мне хотелось бы слушать всю мою жизнь. Нужно приложить усилия, чтобы достать ей музыкальный инструмент, который с помощью терпения и тренировки можно было бы настроить самим. Я очень рад, что вы читаете Шатобриана. Я предполагаю, что «Рене» вам понравится больше и что вы найдете его более поэтичным и прекрасным, чем «Атала», которая также восхитительна³. Я занимаюсь просмотром моего Кесаря, первый том которого будет полностью готов к середине будущего месяца. Я только что прочитал Свифта, который в своем «Путешествии Гулливера» изображает несчастного представителя человеческого рода так, как он отчасти того заслуживает. Следует признать, что изображение это хотя и вызывает дрожь, но, к несчастью, принимая во внимание подлинные страны, невозможно не согласиться с тем, что оно правдоподобно.

Вы жалуетесь, мое дорогое дитя, что жизнь однообразна. Лекарство против этой болезни заключается в том, чтобы создать свой внутренний мир и находить в этом удовлетворение, потому что внешний мир, если

* Подлинник на франц. яз.

нет дела, я нахожу достаточно пошлым и посредственным. Было бы ошибкой полагать, что счастье здесь, на земле,— наш удел. Достаточно того, что ваше существование сносно. Отсутствие зла — вот все, что позволено желать.

Поцелуйте много раз от меня вашу маменьку и Любашу. И попросите маменьку послать мне денег к июню месяцу. Мой Кесарь заставил меня потратиться, и я хочу, чтобы он не остался неблагодарным по отношению ко мне. Простите.

А. Бриген.

83. А. А. СОВОЛЕВСКОМУ¹

Курган, 7-го июня 1845

Его высокоблагородию господину Курганскому горodничему

На сделанное мне вашим высокоблагородием 20-го мая нынешнего года извещение, что по просьбе моей дочери², просившей о моем помиловании, государь император высочайше соизволил разрешить мне вступить в службу в Кавказский корпус рядовым, имею честь объявить, что преклонные мои лета и расстроенное здоровье при продолжающемся уже около трех лет расслаблении в ногах, затрудняющем мне часто исполнение обязанностей по гражданской службе, которую я здесь уже восемь лет в звании канцеляриста несу,— содейывают для меня невозможным воспользоваться этим высочайшим разрешением, о чем и прошу покорнейше ваше высокоблагородие представить куда следует³.

Канцелярист Александр фон дер Бриген.

84. Л. А. БРИГЕН

Курган, 5-го июля 1845

Бесценная и милая дочь моя Любочка!

Я имел удовольствие получить два твоих письма, но не мог тебе написать, потому что прохворал целый июнь месяц и по слабости не мог приняться за перо. Благодарю тебя, дорогое дитя мое, за добродетельный твой подвиг: если он, как и прежние попытки в этом роде, не имели успеха, то это не твоя вина; ты свое дело сделала, и сознание, которое сопровождает всякое доброе дело, конечно, тебе за это наградится. Письмо его сиятель-

ства господина военного министра¹, коим он тебя почтил писать, очень гладко и хорошо, только заключает в себе две несправедливости. Несправедливо то, что я принадлежал к 14-му декабря, ибо известно, что я в это время находился в Пануровке за 1000 верст от Петербурга и ничего не знал о 14-м декабря, стоило только заглянуть в мое дело или хотя в мою сентенцию, чтобы увидеть, был ли я прикосновенным к этому событию или нет. Несправедливо и то, что позволение возвратиться во внутренние губернии России получают только те, которые заслужили эту милость службой на Кавказе, ибо Чижов², который именно участвовал в 14-м декабря, дослужившись из солдат в Сибири до офицерского чина, и с год тому назад возвратился домой — все же в основном в письме справедливо.

Ты теперь, милая моя Любочка, поступила на новое поприще и видишь свет, вероятно, не так, как ты себе его воображала в монастырских своих снах. Советую тебе во всяком случае пользоваться осведомленностью твоей маменьки и благодушием твоей сестры Машеньки, которую я прошу тебя почитать за вторую мать. Добродота ее сердца и кротость характера известны мне по ее письмам, они проглядывают из каждой ее строчки, и она всегда может снабдить тебя хорошими наставлениями. Продолжай обогащать свой ум познанием и старайся нравственно себя образовывать, молись почаще богу и, избегая праздности, гибельной для человека, ищи под покровительством муз занятия, которые привлекательностью своею могли бы достаточным образом наполнять часы твоего досуга. И уверен, что тогда всевышний скрепит своим благословением то благословение, которое я дал тебе, будучи в крепости, когда тебе было семь недель, благословение, которое я теперь вторично даю милой и дорогой моей дочери, уже взрослой и умной девице. Прости, обнимаю тебя.

Александр фон дер Бриген.

[Приписка на полях:] Обними крепко за меня Машеньку и Настеньку <...>. Я к ним обеим не пишу, ибо мне трудно писать, и тебя прошу простить мне каракули, коими я начертил этот лист.

Прости мне, милая и добрая моя Сонюшка, что я как на длинное письмо твое от 9 апреля, так и на приписку твою в письме Любочки не отвечал. Я целый июнь месяц прохворал и думал, что у меня сделалась чахотка, ибо при сильнейшем кашле, который и теперь еще не прекратился, болели у меня крепко грудь и голова. О ногах моих нечего и говорить, они так же слабы, как были прежде. Я ничем не лечился, ибо на это нужны деньги, которых у меня нет, да к тому же не имею я веры к здешнему лекарю.

Кюхельбекер², который вместе со мной и той же болезнью хворал, говорит, что это инфлюэнция, но, невзирая на громкое название, ощущение этой болезни очень неприятно, в особенности тому, кто за несколько дней до этого видел, что Швейковский³ умер почти теми же припадками.

Разрешением ехать на Кавказ, чтобы там отличаться, я не мог воспользоваться, ибо при моих летах (мне 53 года) и при моем здоровье сесть на таратайку и проскакать три тысячи верст, дабы, остановившись в сырой землянке или биваке, ополчаться против горских батальонов — значит то же, что идти лечь в могилу, а для этого не нужно отправляться так далеко, а можно выкопать и здесь на кладбище, к тому же я служу уже 8 лет канцеляристом, а по 15 тому Свода законов, ст. 292 отдают канцеляристов в солдаты и то после суда за проступки таковых, которые еще не в престарелых летах и не одержимы болезнями, а я ничего не сделал, чтобы заслужить такого наказания, от которого и лета мои меня избавляют.

Пожалуйста, обними крепко за меня Настеньку и пускай не сердится, что я ей не отвечаю; также и Машеньку, право, тяжело писать. Денег у меня уже более месяца нет. Да, пожалуйста, пришли халат и белье, о коем я просил. Напиши, пожалуйста, как и где ты познакомилась с Горчаковым, которого я и в глаза не видал. Он мог тебе сказать, что я жив, но здоров ли я или нет, этого не мог сказать, ибо сам не знает да и не интересуется знать.

Я просил мою маменьку просить для меня 14-й класс,

но едва это будет иметь успех. От гр[афа] Орлова я не получил еще ответа на просьбу мою о Кесаре. 13-го апреля послал я Машеньке копию с моего письма к Жуковскому и графу Орлову. О жизни же Кесаря я начисто написал несколько страниц, коими по справедливости могу гордиться. Прости, мой друг, обнимаю тебя и целую твои руки.

Александр фон дер Бриген.

[Приписка на полях:] Виноват, я забыл поблагодарить за сукно, синее и серое, оно прекрасно, и первое я уже отдал кому следовало.

86. М. А. БРИГЕН*

Курган, 10 августа [1845]¹

Я столь слаб, моя добрая и любимая Мария, что с трудом берусь за перо, чтобы отблагодарить вас, дорогая дочь, за то, что вы послали мне 502 рубля, только что полученные мною. Прошу вас, моя дорогая дочь, поцеловать от меня ручки вашей маменьки и засвидетельствовать мою признательность за то, что она вызволила меня из затруднительного положения. Два месяца я оставался без денег, а при моем состоянии здоровья — это весьма тягостное лишение. Я снова был очень болен. Сильные сердечные боли доставили мне такие страдания, что я уже предполагал у себя рак желудка, болезнь, от которой скончался Наполеон, и в течение двух дней я постоянно ходил, чтобы как-то облегчить боли, испытываемые мною. Но вылечил я свою болезнь тем, что воздерживался в течение шести дней от всякой пищи и выпивал ежедневно лишь стакан холодной воды, это и облегчило мои страдания. Вчера я первый раз съел цыпленка, но с каким удовольствием! Сегодня чувствую себя лучше, но, как я уже говорил вам, очень слаб. Не правда ли, моя дорогая дочь, это как раз подходящее состояние здоровья, чтобы отправиться в 53 года воевать на Кавказ!

Поцелуйте от меня нежно ваших сестер, из которых одна — Любаша — ваша дочь. Не оставляйте ее без своего совета и будьте вместе с маменькой ее поддержкой. Я говорю так, потому что я высокого мнения о ва-

* Подлинник на франц. яз.

шем благоразумии и знаю благородство вашего ума и сердца. Роденька² прислал мне Тулонжона, которого ему удалось достать у букинистов. Если отбросить тщеславие, мой перевод не хуже французского, и в ряде мест я воскликнул: «Как сходятся прекрасные умы!» К счастью, никто меня не слышал. Поцелуйте также от меня Анастасию и Ивана Павловича*, если эти строки застанут их еще у вас³, и не забудьте выслать мне Ювенала и Тацита. Благодарю вас, моя добрая дочь, за то, что вы привели в порядок мою библиотеку, прошу вас закрыть ее и хранить ключ у себя. Простите, дорогая дочь. Судороги в пальцах мешают мне продолжать письмо.

Ваш искренний друг де Б[риге]н.

[Приписка к С. М. Бриген:] Обнимаю тебя, милая моя Сонюшка, и благодарю тебя сердечно за высылку денег, в коих я очень нуждался**.

87. М. А. БРИГЕН***

Курган, 7 сентября [1845]¹

Моя дорогая и несравненная Мария. С чувством глубокого волнения и живой признательности возношу моления к небу, чтобы оно благословило вас в новой жизни, в которую вы вступаете, моя дорогая дочь. Примите, мое бесценное дитя, благословение и искренние пожелания отца, который сам счастлив вашим счастьем. Поверьте, что сообщение о вашем замужестве, которое, судя по письму маменьки, состоится 23 сентября,—самое приятное и утешительное, которым судьба меня награждает за все лишения, причиняемые мне. Письмо, в котором вы сообщили мне это известие, доставило мне удовольствие, какое я уже не считал для себя доступным и которое было для меня тем более ярким, что в течение этого лета я испытывал одни горечи. При этом письме посылаю вам, мое дорогое дитя, ответ вашего любимого поэта на мое письмо². Пусть оно заменит свадебный подарок. Прошу вас сохранить его как воспоминание о столь памятном времени для вас лично, для меня, для

* Слова «Иван Павлович» в подлиннике на рус. яз.

** Приписка к С. М. Бриген в подлиннике на рус. яз.

*** Подлинник на франц. яз.

всего нашего семейства. Это документ, значение которого вы в состоянии оценить, и я уверен, что вы прочтете его с удовольствием. В нем полностью проявляется доброе сердце и прекрасная душа Жуковского. Я не вдаюсь в подробности по поводу этого письма, вы прочтете его и сможете сами судить.

Я получил от царя разрешение на публикацию моего Кесаря, но с условием, что в заглавии труда не будет указано мое имя. Это ограничение мне приятно, так как я чувствую себя столь ничтожным с этим колоссом античности, что с готовностью воспользуюсь этим предписанием, чтобы отойти в тень. Жуковский занят переводом «Одиссеи», прислать которую он мне обещал также, как и прочие свои сочинения. Я ему напишу завтра и сообщу также о вас, моя дорогая дочь. Но лишь чрез две недели пошлю согласно его распоряжению рукопись тома моего Кесаря генералу Дубельту³.

С нетерпением жду от вас, мое дитя, известий. Простите, целую вас много раз. Ваш искренний друг

Александр де Бриген.

Если бы состояние моего здоровья было немного лучше, а руки развязаны, то перо мое могло бы меня прославить, и с его помощью я смог бы зарабатывать на жизнь. Но, к несчастью, эти два «если» всему препятствуют. При моем независимом характере я предпочел бы самую тяжелую работу праздной жизни, которая в смысле средств существования ставит меня в зависимость от других, будь то даже людей самых дорогих, в деликатности которых я никогда б не усомнился. Несмотря на эти два «если», о которых только что говорил, я собираюсь начать в январе работу, которая потребует не менее 4-х лет. Как видите, я надеюсь прожить еще несколько лет. Простите.

88. Л. В. ДУБЕЛЬТУ

Курган, 14-го сентября 1845¹

Ваше превосходительство милостивый государь.

Его превосходительство господин тайный советник Василий Андреевич Жуковский в письме своем от 18-го июня из Франкфурта-на-Майне поручил мне переслать на имя вашего превосходительства рукопись сделанного мною перевода Записок Кесаря, который я ему посвя-

тил. Получив высочайшее соизволение на напечатание этой книги и исполняя волю г[осподи]на Жуковского, имею честь препроводить к вашему превосходительству первую часть моей рукописи для доставления г[осподи]ну Жуковскому или тому, кому ему угодно будет поручить ее принять, вместе же с этим прилагаю и письмо, которое прошу вас всепокорнейше приказать к нему переслать.

Пользуясь этим случаем для засвидетельствования вашему превосходительству истинного почтения и совершенной преданности, имею честь быть, ваше превосходительство милостивый государь, ваш покорный слуга

Александр фон дер Бриген.

89. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Курган, 14-го сентября с[тарого] с[тиля] [1845]¹

Почтеннейший Василий Андреевич.

Дорогое письмо ваше от 18/30 июня получил я 31-го август[а] с[тарого] с[тиля]. Оно меня чрезвычайно обрадовало, ибо я уже начинаю сомневаться в успехе моих желаний, вместе же с этим пробудило оно в сердце моем чувства, которые я уже почитал угасшими. В одно время с вашим письмом получил я и позволение напечатать мой перевод². Мне остается теперь только желать, чтобы труд мой оправдал то лестное мнение, коим вы его почтили. Выгодные и превышающие мои ожидания предложения ваши приемлю я с величайшею благодарностью и радуюсь, что, не ожидая моего ответа, вы тотчас с родительскою попечительностью призрели мою сиротствующую рукопись. Занимаясь моим переводом, я привык смотреть на него, как на собственность, более вам, нежели мне принадлежащую, и поэтому охотно представляю рукопись в полное ваше распоряжение, прошу вас поступать с нею, как заблагорассудите. Мне очень приятно, что вы имеете намерение удостоить ее вашим рассмотрением. Таким образом сбудется то, чего я для пользы ей тайно желал. Неопределительность правил нашей грамматики, за неимением коей в надлежащем виде дивный наш язык до сих пор, по примеру английского *обычного права**, более управляется законами

* Слова «обычного права» в подлиннике на англ. яз.

неписанными, нежели положительными,—приводила меня не один раз в затруднение, и весьма вероятно, что по этой причине и в мой перевод вкрались кое-какие грамматические погрешности, которые не ускользнут от зоркого и опытного вашего взора. Первую часть моего перевода отправил я по приказанию вашему к его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту вместе с этим письмом. Вторая часть, которая теперь переписывается, будет доставлена туда же в течение января или не позднее февраля месяца. Прохворав почти целое лето и похоронив товарища моего, бывшего храброго полковника Повало-Швейковского, который умер на моих руках, я не мог заниматься столько, сколько желал, и это препятствует мне теперь отправить обе части вдруг. Впрочем, это обстоятельство нимало не замедлит напечатание книги, к чему, по вашим словам, не прежде можно будет приступить, как по прибытию вашему в Петербург.

Вы желаете, почтеннейший Василий Андреевич, чтобы труд мой не ограничился одним переводом Кесаря. Ваше желание совершенно соответствует моим желаниям и намерениям. Еще прежде, нежели я принялся переводить Кесаря, имел я намерение перевести Квинтилиана, писателя, которого я очень уважаю. Но, обдумав, нашел я, что для Квинтилиана не пришло еще время явиться в русском переводе. Что касается до Тацита, о переводе коего вы мне намекаете, то признаюсь вам, что я очень сомневаюсь в возможности передать его на новейшие языки. Это мое мнение подтверждается некоторым образом тем, что, за исключением чудесного и единственного *Даванцати*, чему много способствовали как дух, так и сходство обоих языков, великий этот писатель ни у одного из новейших народов не нашел себе достойного переводчика. Можно ли, напр[имер], видеть Тацита в шарлатанском переводе, впрочем, даровитого Волмана³. Жан Жак⁴, который сам перевел одну книгу этого писателя, разрешил отчасти эту загадку, сказав: «Тот, кто следует за Тацитом, скоро останется в одиночестве»*, и это истина, ибо писатель, как Иоганн ф[он] Мюллер, который один, может быть, из всех в состоянии был перевести Тацита, конечно, охотнее примется сам тво-

* Слова Ж.-Ж. Руссо в подлиннике на франц. яз.

ритель, вместо того чтобы переводить. Вообще переложение древних авторов на наш язык не может не встретить больших препятствий не столько со стороны самих писателей, сколько со стороны читающей публики нашей. Не будучи ознакомлена по воспитанию своему с духом древних писателей или, что еще хуже, будучи ознакомлена с ними поверхностно, примет она не только с холодностью и с предрассудками, но и с несправедливыми и неосновательными требованиями всякое произведение такого рода. Одна чистая любовь к словесности, сопряженная не только с бескорыстием, но и с самоотвержением в отношении к похвалам и почестям литературным, может дать силу и охоту трудиться на этом поприще. Правило политической экономии, по коему произведения являются только там, где на них есть требование, можно приложить и к литературе, и таким образом можно безошибочно судить о требованиях публики, по роду книг коих более выходит в свет.

За исключением Саллюстия⁵, Тацита и то не везде, и еще Патеркула⁶, древние скорее плодovиты, нежели краткоречивы, но должно сознаться, что эта плодovитость всегда одушевлена мыслью и никогда не бывает пустоцветом, что и подало, кажется, повод к предрассудку о мнимом их лаконизме. Мой герой в иных местах до крайности многоречив и словоохотлив. Я могу это подтвердить доводами, указав на некоторые места, напр[имер], *О войне в Галлии*, кн[ига] II, отд. 1.—Кн[ига] III, отд. 25-й,—Кн[ига] VIII, отд. 30.—О войне междоусобной. Кн[ига] II, отд. 16, а таких мест встречается множество. Цицерон, а вслед за ним и Квинтилиан требуют непременно от писателя и оратора дар и умение *многословия**. Кесарь же вместе с Цицероном были ученики одного и того же учителя Аполония Молона Родосского, то и неудивительно, что он иногда бывает даже многоречив. К этой школе, кажется, принадлежал и Тит Ливий. Читатель, наслышавшийся о лаконизме древних и встретив неожиданно в переводе классического писателя ломоносовские периоды, которые нельзя прочесть, не переведя несколько раз духа, не усумнится взвалить тотчас всю эту вину на бедного переводчика, в особенности если по неловкости или раболепству подлиннику, он не

* Слово «многословие» в подлиннике на лат. яз.

умел избежать частых плеоназмов, противных русскому слуху. Очень затруднительны также в Кесаре косвенные его речи. Говоря в третьем лице, дает он им не обыкновенную риторическую форму, но форму повествовательную, а это при частом повторении одних и тех же частиц становится камнем преткновения, который после продолжительных попыток с трудом удастся обойти. В жизни Кесаря старался я показать удивительного этого человека с новой точки зрения, а так как в моих жилах течет несколько капель немецкой крови, то я, страшась изменить добросовестности моих предков, всегда основывал сказанное мною на доводах. Душевно желаю, чтобы мой труд, а вместе с ним и я сам, мы бы осчастливились вашим одобрением, с нетерпением буду ожидать этой важной для меня минуты. Я сделал то, что мог; тому же, кто после меня займется этим же делом, легче уже будет сделать лучше меня. Вы желаете, почтеннейший Василий Андреевич, знать мое мнение о предполагаемой вами библиотеке избранных мест классических историков. Скажу вам чистосердечно, что это меня несколько затрудняет, ибо я не мог хорошо вникнуть в вашу мысль. По моим понятиям такой сборник не только сопряжен с большими затруднениями (не говорю уже о себе, забывшем начала греческого языка, коему я некогда обучался), но он, как мне кажется, не достигнет и той цели, которую вы имеете в виду. Вы желаете, чтобы в нем были собраны капитальные места клас[сических] историков древности. В таком случае придется или переводить их почти целиком, тогда это будет собрание переводов, или это будет историческая хрестоматия, между рапсодическими отрывками коей не будет связи, да и быть не может. Если связать эти обрывки в одно историческое целое, придерживаясь, как вы говорите, хронологическому порядку (разумеется, не авторов, а событий), то это выйдет компиляция, на латинском языке уже существующая в превосходных дополнениях Фрейнсгейма⁷ к Т. Ливию. В таком случае пришлось бы только приняться за перевод Фрейнсгейма, выбросив все то, что принадлежит собственно ему и второстепенным писателям, вошедшим в состав его сочинения, и пополнить из классиков те места, которые у него в сокращенном виде. Т. Ливий очутился бы тогда рядом с Юстином⁸ и Флором⁹, а грозный в своем гневѣ Тацит уви-

дел бы, вероятно, с досадою возле себя Светония¹⁰. Кв[инт] Курций и Патеркул не могли бы войти в это автографическое собрание. Первый потому, что говорит о герое, чуждом римс[кой] истории¹¹, второй же потому, что сам эпитоматор. Незнание греч[еского] языка не позволит мне заняться этим делом, если же вам угодно, чтобы я занялся опять переводом древнего автора, то я охотно примусь снова за этот труд, отправив 2-ю часть моего Кесаря к вам. В таком случае изберу я Саллюстия, но прежде позвольте мне со своей стороны сделать вам такие предложения.

Летописи мира не представляют эпопеи великолепнее той, которую Гиббон называет «Историю упадка и разрушения Римской империи». Величественная эта картина, обрисованная мастерскою рукою, обнимает тысячу лет, начиная от Антонинов¹² и до взятия Цареграда, и переведена по несколько раз на все новейшие языки. Не стану распространяться о важности, которую это бессмертное творение должно иметь для всякого мыслящего и просвещенного человека, ибо письмо мое уже и без того объемом своим нарушило письменные приличия; скажу только, что оно, кроме занимательности своей, в особенности должно быть достопримечательно для русского, любителя отечественной истории, ибо Гиббон, говоря о переселении народов (какая картина!) и о делах византийских, часто упоминает и о России. По моему мнению, перевод этой книги на русский язык не был бы излишним, и если вы, отец мой, одоблив эту мысль, дадите мне ваше благословение, то я готов с радостью приняться за этот подвиг. Французский перевод Гиббона г[осподи]на Гизо¹³ в 13 частях, англ[ийское] издание с примечаниями Мильмана¹⁴ в 8 час[тях], я полагаю, что рус[ский] перевод займет 12 ч[астей], каждая от 4[00] до 500 стр[аниц]. В конце поместим мы жизнь Гиббона и историю его деятельности на поприще словесности, которая чрезвычайно поучительна и любопытна. Нужные для этого книги можно будет достать в Петербурге, исключая только «Сборник трудов и воспоминаний Гиббона [издания] лорда Шеффилда», Лонд[он], 1814, 5 том[ов] в 8^{0*}. Но и эту книгу можно будет выписать, дабы вас не затруднять, чрез книгопродавца.

* Фраза от слова «Сборник» в подлиннике на англ. яз.

Душевно благодарю вас за приятное известие о ваших малютках, которых мысленно обнимаю. Взлелеянные песнями старика Гомера, им не нужно будет идти далеко искать образца всех достоинств и добродетелей. Сообщу и вам, почтеннейший Василий Андреевич, семейную мою радость. За два дни до получения вашего письма получил я известие, что старшая моя дочь Машенька, которая всегда меня утешает умными своими письмами, помолвлена за Туманского¹⁵, молодого человека, о коем идут весьма хорошие отзывы. По отце своем и дочь моя ревностная ваша почитательница. Желая ко дню ее свадьбы сделать подарок из лучшего, что имею, послал я ей ваше письмо, которое ее, конечно, столько же осчастливит и обрадует, сколько меня осчастливило и обрадовало.

Простите и не забывайте, душою вам преданный

Александр фон дер Бриген.

[Приписка на полях:] Кончив это письмо, получил я сей час ваши сочинения в девяти частях, душевно благодарю вас за этот милый и драгоценный подарок. Забыл я вам сказать, что здесь со мною знакомый ваш Кюхельбекер.

90. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Курган, 30 ноября 1845

Дорогая дочь, я получил ваше милое письмо от 10 октября. Нужно ли говорить, что я почувствовал, читая бесценные строчки, свидетельствующие о вашем счастье. Примите же еще раз, дорогое дитя, мое поздравление и будьте счастливы настолько, насколько вы этого заслуживаете. Выражая вам свое пожелание, я сам являюсь лицом, заинтересованным в вашем счастье, потому что не вы одна поглощаете его с супругом, которого избрало ваше сердце, часть его отражается во мне, ибо я счастлив, зная, что вы счастливы. Я прошу вас откомендовать меня вашему мужу, которого я не имею счастья знать, и поздравить его от меня. В Петербурге я знал его дядю¹—брата госпожи Кочубей², но что касается его старшего брата—поэта³, как вы его называете, я его мало знаю, так как видел один-два раза. Демьян Ко-

* Подлинник на франц. яз.

чубей⁴ познакомил меня с ним на концерте, и с тех пор я его более не видел. Мой бедный здешний товарищ Вильгельм Кюхельбекер хорошо его знает. Они даже вместе совершали путешествие из Парижа в Петербург. Я был уверен, что письмо Жуковского вызовет те чувства, которые вы выражаете по этому поводу. Я очень рад, что смог выразить также мою нежность к вам, посылая его письмо и мое уважение к тому, кого люблю и почитаю всем своим сердцем.

Вот что я написал ему по поводу вас*: «Сообшу и вам, почтеннейший Василий Андреевич, семейственную мою радость. За несколько дней до вашего письма получил я известие, что старшая моя дочь Машенька, которая меня всегда утешала умными своими письмами, помолвлена за Туманского, молодого человека, о коем идут весьма хорошие отзывы. Она по отце своем также ревностная ваша почитательница, и я, желая подарить ко дню ее свадьбы, что имею лучшего, подарил ей ваше письмо, которое ее, конечно, столько же обрадует и осчастливит, сколько обрадовало и осчастливило меня самого».

С той же почтой, что и ваше письмо, пришло письмо от вашей сестры Анастасии и ее мужа, который, должно быть, достойный человек. Я был очень рад узнать, что стал дедушкой⁵, теперь ваша очередь, и я надеюсь, что вы не откажете мне в удовольствии. Каждая строчка от Ивана Павловича, которому нельзя не симпатизировать, дышит счастьем. Есть что-то трогательное во взаимной привязанности двух сердец, созданных друг для друга. А там, где любовь, всегда и счастье.

Вы так добры, моя дорогая Мария, что не отказали мне в моих библиофильских поручениях. Ловлю вас на слове и повторяю настоятельную просьбу, которую я вам уже изложил в письме, написанном в июле: выслать *Тацита* из собрания классиков Лемера, он в шести томах. Второй том моего Кесаря уже закончен, а работа, которой я займусь, еще не определена. Возможно, это будет Саллюстий. Я жду, что мне скажет Василий Андреевич, и тогда мы посмотрим.

Простите, моя дорогая дочь, целую вас от всего сердца и прошу верить, что, несмотря на коварный поступок

* Цитируемый Бригеном отрывок из письма к Жуковскому в подлиннике на рус. яз.

перехода в другой лагерь, предательство, которое, впрочем, я должен был всегда ожидать, моя нежность и мои чувства к вам остаются неизменными.

Б[риге]н.

[Приписка на полях:] Если вам случится, моя дорогая Мария, увидеть Пимена Павловича Мерного*, которого вы знаете, прошу вас оказать ему внимание ради меня⁶. Как бы он ни был неловок, это славный человек, которому я обязан, он выказал по отношению ко мне большую преданность и привязанность.

Я прошу вас передать приложенное письмо вашей маменьке. Я потерял ее из виду и не знаю, где найти.

Здесь еще письмо, которое я прошу вас, дорогая Мария, послать вашему брату Мишелю.

Положите в пакет Тацита, *Scriptores historiae Augustae*⁷, два тома в голубой бумаге, но постарайтесь, чтобы книги были хорошо упакованы, не столько дорога, сколько перекладка их портит.

91. Л. В. ДУБЕЛЬТУ

Курган, 1846 года, января 29 дня

Ваше превосходительство милостивый государь!

В сентябре месяце прошлого год имел я честь проводить к вашему превосходительству *первую часть* ** сделанного мною перевода *Записок Кесаря*, теперь, исполняя мое обещание, посылаю я *вторую часть*. Прошу вас, милостивый государь, всепокорнейше потрудиться передать эту рукопись его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому вместе с приложенным при сем письмом, которое по причине скорого его возвращения из-за границы может остаться у вашего превосходительства до его прибытия в Россию.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, ваше превосходительство милостивый государь, покорный слуга

Александр фон дер Бриген.

* Слова «Пимена Павловича Мерного» в подлиннике на рус. яз.

** После слов «первую часть» в тексте помета карандашом: «Отправлена В. А. Жуковскому».

Дорогая несравненная Мария! На этот раз я несколько изменил своей обычной точности. Вот уже две недели, как я должен был ответить на любезное письмо вашего доброго Владимира (я боюсь воспользоваться словом «нашего», чтобы не вызвать вашу ревность), так же, как и на ваше, и лишь сегодня, получив еще одно письмо от вас, датированное 10 января, я берусь за письмо, чтобы вернуть свой долг. Прошу вас, моя дорогая дочь, не сердиться на меня за это, и вы действительно не будете сердиться, когда узнаете, что я был так занят в январе месяце, занимаясь приведением в порядок второго тома моего Кесаря, который я только что отправил в Петербург, и, поглощенный этой работой, я имел время лишь на то, чтобы часто думать о вас, но его не было, чтобы написать. Я бесконечно благодарен вам и вашему Владимиру за очаровательный подарок, который вы только что мне прислали. Столовый прибор и шкапулка так красивы, что я испытываю сомнение, использовать ли их, это прелесть, которая послужит мне зеркалом, чтобы примолаживаться, завивая бороду. Воспользоваться им для того, чтобы есть свою черную похлебку, было бы профанацией, но что я говорю! Все эти вычурности туалета не послужат ничему, потому что вы и ваша сестра¹—вы, две маленькие плутовки, обе изо всех сил способствуете тому, чтобы я стал старым. Я уже готовлюсь к тому, чтобы называться дедушкой², с одной стороны, и полагаю, что вы также не запоздаете повторить подобную проделку со мной. Такова судьба отцов, у которых есть дочери. Закончив свой литературный труд, я веду праздную жизнь, сладостное ничегонеделание**, которая столь подходит в дни апатии, когда не располагаешь делать что-либо. Я весьма огорчен, что не посчастливилось лично знать вашего деверя Василия Ивановича. Я думаю, что, поскольку он поэт, ему не будет неприятно послужить мне иногда ходатаем перед Василием Андреевичем, которому я боюсь досаждать слишком частыми письмами, что было бы нескромным с моей

* Подлинник на франц. яз.

** Слова «сладостное ничегонеделание» в подлиннике на итал. яз.

стороны. Простите, мое дорогое дитя, я целую вас много раз и прошу вас от моего имени поцеловать вашего мужа! Простите. Видели ли вы Мерного? Чем занимается этот бедняга?

[На л. 32 об. надпись по-русски:] Моей Машеньке Туманской.

93. В. И. ТУМАНСКОМУ*

Курган, 12 февраля 1846

С большим удовольствием, дорогой и любимый Владимир Иванович, я получил ваше любезное письмо, и я глубоко тронут знаками расположения и дружбы, которые вы мне засвидетельствовали в нем. Убежден, что моя дочь с ее умом и характером, выбирая себе супруга, могла сделать лишь выбор, который, делая честь ей самой, почитит также и избранного ею. Я вас люблю и уважаю от всего сердца, даже не имея счастья быть лично знакомым с вами. Звание зятя достаточно, чтобы овладеть всей нежностью отца, который искренне заинтересован в счастье обожаемой дочери, достоинства коей вы можете оценить. Могу вас заверить, что разделяющее нас расстояние не ослабит моих сердечных привязанностей, а, наоборот, заставит меня любить еще с большей силой тех, кого невозможно не любить до последнего своего вздоха. Небо не подарило мне счастья присутствовать при счастливом событии бракосочетания моей дочери, но это лишение уже в какой-то мере компенсировано для меня сознанием того, что она счастлива. Она мне рассказывала в столь искренних выражениях о счастье, которым вы ее окружаете, что мне остается лишь возблагодарить Провидение за судьбу, уготованную вам, и желать, чтобы оно было долгим, ибо счастье — единственное, что составляет благополучие, которого человек вправе ожидать на этой земле. Спешу еще раз заверить вас в своей нежности и дружбе и, выражая всю мою признательность за интерес и сочувствие, питаемые вами ко мне, я прижимаю вас к своему сердцу и прошу считать меня навсегда вашим искренним и любящим другом.

Александр де Бриген.

* Подлинник на франц. яз.

Я уже давно собирался написать вам, дорогое мое, любимое дитя, но, откладывая свое письмо от почты до почты, я почти невольно задержал до сегодняшнего дня удовлетворить эту потребность моего сердца.

Не считайте это с моей стороны безразличием, нежеланием или небрежением, которое задерживало мой ответ. Приписывайте, скорее, мое молчание тому року, который нельзя объяснить и который нас иногда мучит и тяжесть которого нельзя сбросить. Я видел вас только раз. Вам тогда было каких-нибудь 15 дней от роду², и вы походили на маленького херувима, который, играя с ангелами, по неосторожности упал с небес на землю.

Подобрав вас после этого падения, я прижимал вас к своему сердцу, взволнованному чувствами, которые двадцать бурных лет, прошедших в мучениях, не заставили еще меня забыть.

Моим первым желанием было благословить вас, и сегодня я возобновляю свое благословение, данное маленькому херувиму, т. е. моей дорогой, любимой дочери, ставшей взрослой, чтобы быть достойной похвал и добродетелей и всего счастья, которым только может обладать женщина на этой земле. Потому что добродетель и искренность, этот дар неба, являются неотделимыми чертами вашего характера. Это мое самое искреннее пожелание. Эти качества являются в то же время лучшей гарантией мира и спокойствия вашей души, радости которой доставляют нам настоящее счастье и дают возможность еще на земле почувствовать блаженство рая.

Пишите мне, дорогое дитя, обо всем. Я буду счастлив знать, чем вы занимаетесь и какой образ жизни ведете в Слоуте.

Вам очень повезло, что вы находитесь так близко от вашей сестры и живете с маменькой, которая вас нежно любит. В таком обществе за чтением и музыкой время проходит незаметно и часы текут, как прозрачный источник в русле по жемчужному и алмазному дну.

Простите, мой ангел. Целую вас миллион раз.

А. Б[риге]н.

* Подлинник на франц. яз.

[Прписка на полях:] Склоните вашу сестру выписать «Живописный журнал», который стоит всего 25 р. сер. в год. Это очаровательное чтение.

95. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Курган, 14 июня 1846

Напрасно ожидая новостей от вас и понимая причину вашего молчания, я решился, моя дорогая и любимая Мария, взять инициативу в свои руки, написав вам эти строки.

В своих предыдущих письмах я спрашивал у вас сведения о Мерном. Будьте любезны, мое дорогое дитя, написать мне, видели ли вы его с тех пор. Этот человек был очень привязан ко мне в свое время и доказал свою дружбу, и мне было бы приятно, в свою очередь, оказать ему какую-нибудь услугу, чтобы доказать, что я не забыл его.

Мне дважды приходилось бороться с лихорадкой, и наконец-то я преодолел ее. Теперь мое здоровье поправилось. Я только что закончил читать большой комплект Journ[al] des Débats, который мне прислали. Я изучаю Тацита и все более и более восхищаюсь им. У него трудный, грубый и неправильный стиль, временами вычурный, и тем не менее невозможно было оторваться от описания картин, которые он изображает. Его герои, словно вырубленные топором, столь правдивы, что невозможно не восхищаться ими, но одновременно они повергают вас в ужас. Он необычайно трагичен, и, читая его, испытываешь на каждой странице искушение задать ему вопрос: «Как удалось вам прочесть в моей душе все, что вы излагаете?»

Простите меня, дитя мое. Я злоупотребляю вашим вниманием и терпением. Вероятно, у вас есть более достойные занятия, чем слушать мою болтовню. Простите же и не забудьте поцеловать от меня вашу маменьку, сестру, мужа.

Я не думаю, что вы сделаете это в той последовательности, которую я вам изложил, а начнете в обратном порядке и закончите маменькой. Простите.

Б[риге]н.

* Подлинник на франц. яз.

В моей библиотеке, которую вы называете серьезной дамой, есть 4 маленьких тома в желтых переплетах. Это итальянский перевод Тацита, сделанный Даванцати, единственный, достойный оригинала,— пришлите его мне.

96. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Курган, 19 июля 1846

Наконец-то я получил 12 июля ваше письмо от 29 мая, моя дорогая дочь. Я рад, что здоровье ваше идет на поправку. И, будучи снисходительным отцом, я прощаю от всего сердца нотки коварства, которые я уловил в этом письме. Говоря между нами, я пойду далее снисходительности, я буду рад, словно ребенок, когда узнаю, что хорошенький здоровый малыш, которого вы должны однажды произвести на свет, даст мне новые права на звание дедушки. Мне хотелось бы также и маленькую внучку, но девочки причиняют больше хлопот. Но это все заботы, вверяемые Фортуне, этой капризной богине, которой доставляет удовольствие быть коварной и покоряться которой следует как можно меньше.

Эта же почта, которая доставила мне ваше письмо, доставила мне и письмо от несравненного Жуковского, датированное 1 июня из Франкфурта-на-Майне¹. Я был удивлен тем, как быстро оно проделало свой путь. Ваше письмо, прибывшее той же почтой, было датировано 29 мая.

Письмо самое дружеское и очаровательное на 7 страницах. Вот дословно что он сказал о моем переводе Кесаря, первый том которого ему был послан. «Благодарю от себя и от всех читателей, любящих питательное для ума чтение и умеющих ценить эстетическое достоинство труда литературного, благодарю за самый перевод. Я всего не успел прочитать, но то, что прочитал, уверило меня, что вы обогатили нашу словесность произведением прекрасным, в котором ощутителен (что редко бывает ощутительно при чтении русских книг) труд совестливый и просвещенный. Перевод ваш кончен и кончен с успехом, принимайтесь за новый труд...»**

* Подлинник на франц. яз.

** Приведенный текст из письма В. А. Жуковского в подлиннике на рус. яз.

Я предложил ему перевести Гиббона или Саллюстия, он предпочел Саллюстия, потому что Гиббон слишком объемнен и еще потому, что он его не любит за его, как он выражается, антирелигиозное направление, которое я скорее бы назвал антииерархическим. Итак, я примусь за перевод Саллюстия и потому прошу вас, моя дорогая Мария, как можно быстрее побывать в моей библиотеке, поклониться ей и испросить разрешения похитить с ее полки 2 тома Саллюстия из собрания Лемера: 1-й том и французский перевод Саллюстия, сделанный Дюро де Самалю, присоедините к ним Киевский Патерик*, что составит вместе с 4-мя тонкими томками Даванцати² (если вы его не отправили) не слишком большую посылку.

Мой Кесарь будет опубликован лишь в скором будущем, ибо Василий Андреевич в этом году еще остается за границей по состоянию своего здоровья, а также из-за работы (он переводит «Одиссею»), которую он намеревается завершить до возвращения в Россию. Почти всю зиму он был болен и вынужден был смириться с потерей зрения на правый глаз, но надеется, что это временное явление. Моя бедная старая ма¹ушка также потеряла зрение, я очень этим огорчен. Каждое слово, которое она мне пишет своей дрожащей рукой, дышит нежностью, и я всегда читаю и перечитываю с глубоким волнением буквы, написанные ею.

Простите, моя дорогая Мария! Передайте вашему мужу от меня самые наилучшие пожелания и поцелуйте также вашу маменьку и Любочку**. Простите.

Алекс[андр] де Бриген
[Приписка на полях:] Вас[илий] Андреевич*** всегда предлагает выслать мне все нужные мне книги, которые найдутся в его библиотеке. Я полагаю, если скажу ему хоть слово, он кончит тем, что вышлет ее мне полностью.

Не хотите ли мне что-нибудь сообщить о Пимене Павловиче?****

[Приписка на отдельном листе (л. 37).:] Я забыл вам

* Слова «Киевский патерик» в подлиннике на рус. яз.

** Слово «Любочку» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

*** Слова «Вас. Андреевич» в подлиннике на рус. яз.

**** Слова «Пимене Павловиче» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

сказать, что вот уже год, как господин Ладыженский не является более губернатором Тобольска, и поскольку до сих пор никто не назначен на его место, прошу вас посылать письма его превос[ходительству] Тоб[ольскому] гражд[анскому] губер[натору]* без имени, прося его переправить их мне.

Простите, мой ангел!

97. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Курган, 16/28 августа 1846

Письмо ваше от 1/13 июня, почтеннейший и единствен-
ный Василий Андреевич, имел я счастье получить. Я употребляю здесь выражение «счастье» без всякого преувеличения, ибо, кроме того, что письма ваши составля-
ют для меня одно из самых радостных и утешитель-
ных явлений в жизни моей, письмо ваше на этот раз
меня еще и успокоило, прекратив в душе моей довольно
тягостные сомнения. Будучи по характеру недоверчив к
самому себе, я, отправив моего Кесаря к Леонтию Ва-
сильевичу¹, впал в мучительное раздумие. Мысль, что
перевод мой ~~не~~лучшен, что он мог бы быть лучше и пр[оче-
е], тревожила меня и возросла наконец до такой сте-
пени, что я уже начал не на шутку жалеть и раскаивать-
ся в поспешной отправке моей рукописи. Были же такие
минуты, в кои я готов был сжечь моего Кесаря, если бы
имел к этому возможность, и вы теперь можете вообра-
зить себе мою радость, для которой выражение «сча-
стье», конечно, не преувеличено, когда, находясь в та-
ком расположении духа, я наконец получил ваше утеши-
тельное письмо. Признаюсь вам, я и теперь, не успев
еще совершенно сбросить с себя ветхого Адама, припи-
сываю благосклонные ваши отзывы о моем переводе бо-
лее снисходительности, вам, как и всем истинно дарови-
тым людям, столь свойственной, нежели настоящему до-
стоинству моей книги, но как бы то ни было, а письмо
ваше, за которое от всей души вас благодарю, успокои-
ло меня. Подобно почти всем больным воображением,
любящим отыскивать мнимые свои болезни в лечебни-
ках, обрадовался и я, отыскав описание моего недуга в

* Слова «его превос. тоб. гражд. губер.» в подлиннике на рус. яз.

Квинтилиане, который, перебирая чрезвычайно остроумно все качества, необходимые писателю, упоминает и об излишней недоверчивости к самому себе, называя эту слабость несчастным расположением себе злословить. Но, невзирая на слова Великого Учителя, мне кажется, говоря о себе, что нашему брату, не принадлежащему к отборной умственной аристократии рода человеческого, недоверчивость более к лицу, нежели самонадеянность, с помощью которой в наши времена и в особенности у нас в России, конечно, далее пойдешь.

Душевно сожалею, почтеннейший Василий Андреевич, что здоровье ваше так изменило; надеюсь, однако, что это будет непродолжительно и что всевышний услышит молитвы и исполнит желание всех тех, которые вас любят и уважают, а число их очень значительно. Умеренный климат Франкфурта и медицинские пособия, которые у вас под рукою, принесут вам, конечно, пользу. Франкфурт и мне очень знаком. В [1]813-м году провел я в нем приятным образом три месяца, живши в доме виртембергского тайного советника Плита, в Бухгасе, рядом с Бетманом², напротив книгопродавца Варрентрапа, который меня снабжал книгами. Во Франкфурте познакомился и подружился я с Н. И. Тургеневым³, который меня искренно любил и который теперь, после смерти добрейшего нашего Алекс[андра] Ив[ановича], остался один от всех братьев. Но, невзирая на многочисленные исторические воспоминания этого города, казался он мне весьма прозаическим, и если бы мне привелось жить в тех местах, то я избрал бы себе такое место, откуда из окон моих мог бы смотреть на величественный Рейн и на ненаглядные его берега.

По письму вашему полагаю я, что вы теперь вторую часть моего Кесаря от Леонтия Васильевича уже получили. Желая, чтобы перевод мой был по возможности полнее, поместил я в конце этой части дошедшие до нас отрывки Кесаря, в число же примечаний включил и некоторые примечания Тулонжона, коего перевод Кесаря был ко мне доставлен, когда я уже кончил более половины второй части. Занимаясь моим переводом, имел я перед глазами один только латинский текст и нашел после, поверяя мой перевод, что я ошибся в трех местах, поняв превратно смысл подлинника. Я надеюсь, что если перевод мой и не заслужит сомнительной похвалы, до-

ставшейся в удел переводам Перо д'Абланкура⁴, о коих сказали «неверные красавицы»*, то, по крайней мере, знающие это дело подтвердят отзыв труда добросовестного и верного, коим вы его удостоили. Что касается до моего посвящения, в коем вы желаете, чтобы осталось только ваше имя в дательном падеже без прибавлений, то признаюсь вам, почтеннейший Василий Андреевич, я в этом случае готов не только вам противоречить, но даже с вами и поспорить. Отложив в сторону недоверчивость к себе, я почти убежден в том, что мое посвящение истинно хорошо, ибо мне кажется, что истина, высказанная от души без преувеличения и в стольких словах, сколько нужно было, чтобы ее коротко выразить, сама на себя налагает отпечаток изящного. Если, может быть, по каким-нибудь обстоятельствам вы имеете причины требовать остракизма для прилагательных в лапидарном слоге, помещенных в моем посвящении, то я на это согласен, но ни в каком случае не соглашусь на уничтожение последних двух строк, в коих говорю о моем почтении и преданности. Всякий имеет свои права: Кесарь ваша собственность, но посвящение принадлежит мне,—«каждому свое»**—вынужденною же уступкою одного усилил я еще более свое право на удержание другого.

По совету вашему примусь я в будущем месяце за перевод Саллюстия: я для этого поджидаю только прибытия нужных мне книг. Мне теперь будет опять почти на год занятий. Ваше мнение о Гиббоне совершенно справедливо. Перевод писателя, хотя и классического, но в 13 или 14 полновесных томах дело несбыточное для нашего книжничества. Кто бы решился его напечатать, и многие ли нашлись бы его купить при дороговизне русских книг? Гиббон в изображении христианства заплатил дань своему веку, и эти искажения*** (какое прекрасное выражение) очень повредили превосходному его сочинению. Ученый его издатель Мильман не только обогатил свое издание Гиббона дельными примечаниями, которые могут служить противоядием, но, не довольствуясь этим, написал еще для опровержения его пре-

* Слова «неверные красавицы» в подлиннике на франц. яз.

** Слова «каждому свое» в подлиннике на лат. яз.

*** Слово «искажения» в подлиннике на англ. яз.

восходную историю первых трех столетий христианского учения. Несмотря на мое уважение к Гизо, снабдившему Гиббона также примечаниями, готов я, однако, в этом отношении отдать преимущество Мильману. Описание переселения народов, история Магомета и Калифов (какие картины) и, наконец, дивная 44-я глава, которая в немецких университетах принята за основание исторического изложения Римского права, соделают навсегда творение это бессмертным, невзирая на значительные его недостатки. Письма И. Ф. Мюллера к Бонштеттену⁵ прелестны. Я более 25 лет не имел их в руках, но и теперь помню многие места наизусть: со временем можно будет их передать на русс[кий] язык. Что же касается до писем Цицерона, о коих я упоминаю во второй части моего Кесаря в конце хронографии, то я думаю, что для них не пришло еще время явиться на русс[ком] языке. Мне кажется, я думаю, что и вы будете согласны с моим мнением, что всякому, занимающемуся у нас переводами дельных книг — этою важною отраслю словесности, коею не пренебрегали и первоклассные европейские писатели, должно в особенности иметь в виду тех читателей, которые, не зная иностранных языков, должны довольствоваться только чтением русс[ких] книг. Переводы такого рода принесут наибольшую пользу: а для таковых читателей, знающих Цицерона по наслышкам или по компендиям, письма его, хотя бы и переданные с примечаниями умного Виланда, останутся во многих случаях недоступными. В этих обстоятельствах сочинения исторические имеют преимущество, и превосходное сочинение Мидльтона⁶ «Жизнь Цицерона» была бы полезнее. От нечего делать и для упражнения перевел я более половины Виландова Диогена⁷ на латинский язык. Я очень уважаю великого этого человека, который, сидя в мнимой своей бочке, словами и примером проповедовал святую истину, что человек сам себе господин и что никакая сила, никакая власть не могут его унижить, если он сам этого не захочет. На этой степени делается он из создания слабого и ничтожного, во многих отношениях даже презрительного, истинным царем нравственного мира; но и тут много призванных, а мало избранных. Простите, добрейший и единственный Василий Андреевич, и не забывайте душою вам преданного

Александра ф. д. Бригена.

Курган, 24 января 1847

В своем последнем письме, присланном вами, мое дорогое, обожаемое дитя-мама, вы говорили мне о плане путешествия, которое вы намереваетесь совершить с мужем в начале этого месяца. Совершилось ли оно? Я ничего об этом не знаю. Но, опасаясь опоздать, если бы стал ждать от вас известий, я спешу, по крайней мере, отправить это письмо на ваш петербургский адрес на случай, если вас не будет по обычному адресу.

Я очень рад, моя маленькая мама, поздравить вас с Новым годом в Петербурге раньше, чем в Малороссии, потому что уверен, что, помимо удовольствия повидаться с родными, которых вы любите и уважаете, вам будет приятно также немного повидать свет и увидеть его в большем масштабе, чем где бы то ни было. Нет сомнения, что среди всего этого шума и развлечений отсутствие ангелочка Базиля¹ будет чувствительным. Но мысль о том, что это лишение временно, и то, что этот неблагодарный малыш, даже не думающий о вас, доверен заботам и попечению маменьки столь же нежной, как и вы, и более опытной, так как она старше, должна вас утешить. Если вы увидите Александра и Демьяна Кочубеев, напомните им обо мне и скажите вашему брату Мишелю, что я недоволен его ленью и небрежением к переписке со мной. Я советовал ему представиться генералу Зиновьеву², моему старому сослуживцу. Я не знаю, был ли он у него, но уверен в том, что он был бы принят по-родственному. Если Мишель найдет нужным и более удобным для него сменить службу, а у вас будет возможность сделать для него что-либо, прошу вас, дорогое дитя, не упустите случая воспользоваться ею. Я думаю, что бедный молодой человек слишком занят своею службой и у него не только нет времени нагнать все, что упущено в занятиях, но даже чтобы повидаться с людьми, с которыми ему приличествовало бы общаться. Возможно, что вы также увидите нашего генерал-губернатора князя Горчакова, который только что отправился в Петербург и которого я, живя в Сибири, никогда не видел.

* Подлинник на франц. яз.

Что касается графа Кодекса³, который некогда звался моим другом, он меня вовсе не интересует, это эгоист, который влачит свое существование, увязнув в своих богатствах, и не подозревает даже о своем ничтожестве.

Две недели назад я получил письмо от вашей сестры Анастасии и ее мужа. Меня особенно приятно поразила приписка рукой моей внучки Софи! У меня есть еще одна рукопись подобного рода, это записка, написанная вашим почерком, которую вы послали мне в 1826 году и которую я храню как дорогое и бесценное сокровище. Вы предлагаете мне, дорогое дитя, свои услуги в качестве рассыльного в Петербурге, и я, пользуясь вашей снисходительностью, прошу прислать мне дюжину носовых муаровых платков из ткани в рисунок самого лучшего качества и самого большого размера, какие только найдете. Если цена будет не свыше 25 рублей серебром за дюжину, прошу вас послать мне две дюжины: я не переносу хлопка и не люблю легких платков, мне нужна ткань более ошутимая. Простите, мое дорогое дитя. Приветствуйте от меня вашего мужа, будьте здоровы и развлекайтесь, но не делайте лишних расходов. Простите. Ваш искренний друг

А. д. Б[риге]н.

С большим нетерпением я жду от вас вестей из Петербурга.

[На отдельном (ненумерованном) листе адрес по-русски:] Марии Александровне Туманской.

99. Л. А. БРИГЕН

Курган, 5-го июня [1847]¹

Милая и бесценная моя Любочка!

Давно уже не имею я известия ни из Слоута, ни из Черториг. Я знаю, что вы выехали 9 марта из Петербурга, но когда и как вы приехали к себе домой, мне неизвестно. От сестры твоей Машеньки получил я письмо еще из Петербурга, брат же твой Миша ни слова мне не пишет. Дня три тому назад меня очень напугало письмо с огромной черной печатью, при коем была и посылка. Со страхом и в боязненном ожидании распечатал я его, но до крайности обрадовался, увидев, что письмо от Елизаветы Петровны Нарышкиной, которая в трауре, что мне было известно, по случаю [смерти]

брата ее графа Григория Коновницына; посылка же была прекрасный серебряный подсвечник с поручением ко мне передать его в здешнюю церковь. Пожалуйста, напиши мне о твоём пребывании в Петербурге. Я виноват перед тобой, милая моя Любочка, тем, что редко тебе пишу, но я уверен, что ты охотно мне простишь, если узнаешь, сколь мне иногда трудно приниматься за перо. Расстояние, медленность переписки, а главное эта убивственная для деятельности единообразность в жизни тяготят как свинец не только механическое движение пера и руки, но самую мысль; в таком летаргическом усыплении человек делается нечувствительным ко всему, способности исчезают, а воображение гаснет; только необходимость заботиться о том, чтобы завтра не голодать или не мерзнуть, заставляет иногда шевелиться и думать о том, о чем бы не хотелось думать. Эта неизвестность также очень мучительна.

От Настеньки я также давно не получаю писем. Она очень довольна своей участью, молю и желаю, чтобы и тебя, милое мое дитя, господь благословил таким же счастьем, как и обеих твоих сестер. Маменьку твою прошу за меня обнять. Я отправил к вам целых три письма, на кои не получил еще ответа. Пожалуйста, мой друг, напиши мне, как ты живешь, чем занимаешься и не видала ли кого из моих знакомых в Петербурге. Письмо, которое сестра твоя Машенька ко мне оттуда писала, очень коротко и неудовлетворительно. Письмо сестры твоей Настеньки к бабушке в Петербург, в котором она возвещает, что бог даровал ей сына², прелестно. Моя матушка мне его прислала, и я его с большим удовольствием читал не один раз.

Прости, бесценное мое дитя. Посылаю тебе мое благословение и обнимаю тебя миллион раз.

Александр ф. д. Бриген.

Советую вам читать «Часы благоговения». Я об этой книге писал твоей маменьке, и вы мне будете благодарны за то, что ее указал.

Производство мое еще не вышло³, а уже год и два месяца как представление ушло. Кн[язь] Горчаков на днях отбывает обратно.

Курган, 19-го июня 1847¹

Сей час, т. е. 19-го июня с[тарого] с[тиля] получил я, единственный Василий Андреевич, ваше письмо² и теперь же, избрав поспешно из бесконечного запаса всего, что желал бы от души вам сказать, самое нужное, принимаюсь за перо, дабы не опоздать моим ответом к почте, которая завтра отходит.

Об издании моего перевода Кесаря, который по милости вашей теперь уже не мой, не имею я ничего сказать. Он принадлежит вам, и судьба его зависит вполне от вашего благоусмотрения, прошу только прибавить несколько дополнительных примечаний. Число их незначительно, но одно из этих прим[ечаний] весьма важно. Оно относится к эпилогу жизнеописания Кесаря, в коем я упоминаю, что и Тацит называл Кесаря божественным. К словам Тацита внизу в выноске: «*Summus auctorum Divus Julius*»^{*} надобно прибавить еще другое его изречение о Кесаре в том же смысле: «*Divinum ejus (Caesaris) ingenium*». Dia[logus] de Orat[oribus]^{**}. Выражение *divus*, хотя и означает божественный, но может также быть принято и за официальную формулу, которую римляне употребляли, говоря об усопших своих императорах, обыкновенно соприсчисляемых к лику богов. Прочие примечания обозначены мною в конце этого письма на особенном листке, их немного, но излишними они не будут. Мне, право, совестно, почтеннейший Василий Андреевич, когда подумаю, что мой перевод, в столь недосужное для вас время, вас непременно затруднит, более же всего тревожит меня мысль, что труд мой не совсем удачен: но, с другой стороны, успокаивает меня сознание, что я трудился добросовестно, что за верность перевода моего я смело могу ручаться и, наконец, что прим[ечания] почерпнуты из лучших источников и заслуживают внимание любителей истории. Тропа проложена, помоги бог другому в обстоятельствах более благоприятных сделать из нее не только покойное, но даже и красивое шоссе. Что дело это очень затруднительное, тому может служить доказательством и то, что наш зна-

^{*} Величайший из авторов божественный Юлий» (лат.).

^{**} Божественные его (Цезаря) способности. [Тацит] Диалоги об ораторах (лат.).

менитый Ермолов несколько раз принимался переводить Кесаря и, наконец, оставил. Вторую часть отправил я в январе [1]846 года в Петербург и полагал до получения последнего вашего письма, что она давным-давно поκειται под вашим покровом на берегах Майна. Примечание 136-е в этой части о лихоимстве я думаю лучше выбросить: оно не у места. Как не позавидовать тем, которые могут продолжать свою корректуру до последней минуты, даже на пробных листах, только вышедших из типографического станка!

Занятия мои в течение этого года были довольно незначительны. Во-первых, по причине здоровья, заставившего меня заплатить дань свирепствующей в здешнем краю лихорадке, во-вторых, еще и потому, что отсутствие определительной цели при занятиях и убийственная мысль, что всю эту бумагу, исписанную хотя и с трудом, но *сop aptoge**, придется сжечь, мертвит не только воображение, но тяготит как свинец даже механическое движение пера и руки. Невзирая на это, удалось мне кончить перевод «Катилины»³ Саллюстия. Тут привелось мне ходить, как вы говорите, по канату, не только натянутому чужою рукою, но еще по канату негладкому, на коем едва ли не столько же узлов, сколько от времен Саллюстия до нас лет. Лаконизм и обороты его совершенно не свойственны нашему языку. Язык его не язык природы, но чисто искусственный, и, читая его, можно вполне убедиться, что Гете⁴ говорил правду, сказав, что писать и говорить — две разные вещи. Перевод мой, как мне кажется, недурен, и я бы охотнее стал продолжать это дело, если бы мог знать ваше мнение о моем переводе «Катилины». Мыслящий читатель найдет в Саллюстии сокровища политической мудрости.

Предложение ваше, чтобы я взялся переводить письма И. ф. Мюллера, мне по сердцу. Я давно думал приняться за перевод какого-нибудь легкого сочинения, даже романа, и имел в виду «Обермана» Сенанкура, графа Ксавье Местера или же «Калеба Вильяма» Годвина, которого я знаю только по слухам и о коем отзываются как о произведении гениальном. Письма Иог[анна] Мюллера и в особенности прелестные его письма к Бонштеттену и некоторые письма к Глейму⁵ доставят мне не

* с любовью (лат.).

только занятие неустойчивое, но и чистое наслаждение. «Всеобщая история» его — дело другое. Занятие это серьезное и требовало бы много времени; а я, признаюсь вам, давно уже имею для этого нечто другое в виду, о чем с вами поговорю в этом же письме, кончив о Мюллере, заброшенном грязью Менцелем⁶. Если бы мне случилось приняться переводить из области истории, то я предпочел бы какое-нибудь специальное сочинение, или биографию, или историю какой-нибудь особенной эпохи, напр[имер] «Историю Медицистов» Роско⁷ (какой дивный сюжет!) или Галлама⁸ «Литературная история Европы»*. После великого переворота, сделанного в историографии г-ном Гизо, давшего совершенно новое и неоспоримо лучшее направление этой отрасли словесности, почти все сочинения о всеобщей и всемирной истории более или менее устарели, хотя в других отношениях и сохранили неотъемлемое свое достоинство, как и «История» Мюллера. Объем всемирной истории, если под этим словом отказываешься разумеать агрегат частных историй народов, слишком обширен, чтобы не потерять из виду всякую другую цель, кроме той, которую указал Гизо, и мне кажется, если я не ошибаюсь, что время для сочинения такой всеобщей истории еще не пришло; но довольно и даже слишком много об этом. Итак, дело решено, я принимаюсь за перевод писем Мюллера. За предложение ваше выслать мне сочинения Мюллера благодарю я вас, почтеннейший Василий Андреевич, но без этого можно обойтись, ибо все сочинения Мюллера находятся в моей библиотеке, оставшейся в деревне, и будут по первому моему требованию тотчас ко мне высланы. Если биография М[юллера], писанная Гереном⁹, о коей вы упоминаете, маленькая книжонка, носящая заглавие «И. ф. М[юллер] — историк» Герена**, то и эта книга находится в моей библиотеке. Кончив ответы на все вопросы, которые вы мне изволили предложить, должен я обратиться к другому предмету и принести вам исповедь в литературных моих замыслах, исповедь дерзкого, но не совсем кающегося грешника.

Во время почти семилетнего пребывания моего в

* Слова «Галлама «Литературная история Европы» в подлиннике на англ. яз.

** Слова «И. ф. М[юллер] — историк» Герена в подлиннике на нем. яз.

уединенном Пельме¹⁰, под сению дремучих лесов, на пепелище Миниха (я там застал 110-летнего старца, служившего Миниху), занимался я исключительно цариею наук философиєю; римские же классики служили мне только для разнообразия занятия вместо отдохновения. В это время изучил я великого Канта, коего все сочинения были у меня под рукою, а с ним вместе и Спинозу, Фихте¹¹, Рейнгольта¹², Шеллинга, из самых же новейших — в особенности Круга¹³, последователя Канта и основателя системы Трансцендентального синтетизма. Я не стану описывать вам то наслаждение и душевное спокойствие, которое доставило мне это занятие; не стану рассказывать, что я чувствовал, когда глазам моим открылся новый и привлекательный мир умственный; а скажу только, что созерцание этих первобытных начал, существующих в душе человеческой, породило во мне желание познакомить мыслящих моих соотечественников с истинами, к коим я получил доступ. Учение Кенигсбергского Мудреца¹⁴ вполне убедило мой рассудок и удовлетворило требованиям моего сердца, и это-то учение хотел я передать русс[кой] публике. Сначала и в пылу моего рвения думал было я написать книгу, коей бы дал приблизительно* следующее заглавие: «Изложение главнейших истин критической философии с дополнениями и улучшениями новейших ее последователей для непосвященных», но, обдумав, увидел я всю трудность этого предприятия, в особенности при невозможности пользоваться всеми необходимыми для этого средствами, и решился поэтому на дело более удобоисполнимое, к коему и намерен приступить в начале будущей зимы и о коем я вам намекнул выше. Возвратившись опять к непритязательному, хотя и полезному занятию переводчика, намерен я исполнить обет, данный мною философии, переводом превосходного сочинения Круга «Общий философский курс для образованных лиц обоого пола»**, сочинение, прославившееся в Германии. В прибавлениях к этой книге постараюсь я изложить в очерке филос[офию] Канта и главнейшие ее результаты по Виллерсу¹⁵ и Рейнгольту. Системы же новейших филосо-

*Слово «приблизительно» в подлиннике на франц. яз.

** Слова «Общий философский курс для образованных лиц обоого пола» в подлиннике на нем. яз.

фов и в особенности Гамильтона¹⁶, коего ветеран философии умный старик Реберг¹⁷ называет остроумнейшим из новейших философов, по Вильму¹⁸ и философским отрывкам самого Гамильтона. По Journal des Débats, который я получаю от одного моего приятеля, две первые части книги Вильма вышли в Париже в октябре месяце и должны теперь уже быть в Петербурге, вот заглавие достопримечательного этого сочинения: «История немецкой философии от Канта до Гегеля¹⁹ [господина] И. Вильма. Париж. 1846, 4 тома в 8°». Сочинение удостоено премии института*. С этим вместе вышли и «Философские фрагменты» Гамильтона в переводе Л. Пайса²⁰, 1 том в 8°**. И эта книга очень достопримечательна не только по достоинству своему, но и по тому, что Гамильтон, полемизируя против Канта, приходит другими путями к тем же результатам понятий и представлений***. Я горю нетерпением видеть эти книги у себя, и вы бы, почтеннейший Василий Андреевич, оказали бы мне истинное благодеяние, если бы их мне выслали вместе с «Филос[офскими] фрагментами» Кузина, 1833, 1 том****. Я бы тотчас принялся приводить в порядок материал для давно предполагаемых мною занятий и роскошествовал бы как сибарит в кругу Саллюстия, Мюллера и моих любимых философов. «Одиссеи» вашей ожидаю я с нетерпением, я читал о ней отзыв Гоголя в «Москов[ских] ведом[остях]», но и без этих отзывов был я уже вперед уверен, что это будет произведение дивное: льва узнаешь по когтям*****. Но пора кончить, я уже чересчур заболтался.

Любовь к ближнему и любовь ко всему доброму составляют, как мне кажется, душу христианства; тело же его — добрые дела (покажи мне веру от дел твоих). Кто этому верит (возможно ли не верить?), а главное, кто это исполняет, тот, по-моему, истинный последователь Христа Спасителя. Что же касается до так называемого

* Фраза «История немецкой философии... премии института» в подлиннике на франц. яз.

** Фраза «Философские фрагменты»... 8° в подлиннике на франц. яз.

*** Слова «понятий и представлений» в подлиннике на англ. яз.

**** Слова «Филос. фрагментами... 1 т.» в подлиннике на франц. яз.

***** Слова «льва узнаешь по когтям» в подлиннике на лат. яз.

православия, то, к несчастью, заметил я, что там, где его много, там обыкновенно любви мало: грозный перст православия пугает божественную смиренницу, и это побудило меня следовать правилу Кенигсбергского Мудреца, правилу, изложенному в стихах, единственных, написанных им в жизни своей у гроба друга своего Ли-лиенталя. Стихи эти малоизвестны, приписываю я для вас здесь как литературную редкость.

Что следует после жизни, покрыто мраком,
Что нам надлежит делать, это мы знаем;
У того никакая смерть не может отнять надежды,
Кто верит, что поступает правильно,
И поступает правильно, чтобы верить*.

Вот вам моя исповедь другая, моя доксия. Прибавить орто** не смею, а иного*** не хочу.

И на вас, единственный Василий Андреевич, навела болезнь вашей супруги тлетворное дыхание печали. И вы среди счастья в кругу семейства, и в жизни коей бы можно позавидовать, узнали горе. Скажу вам на это словами Лафатера²¹: «Вы везде должны страдать, чего немногие устаиваются, и везде страданием наслаждаться, на что очень немногие способны»****. Прекрасно было бы, если бы сбылось, что он вслед за этим сказал: «Тот, кто нас соединил прежде, чем мы думали, сведет нас снова раньше, чем мы думаем»*****. Но где это будет?

Да осенит всевышний вас и всех ваших святым своим покровом, и да сохранит он вас на многие годы. Простите мне бесконечность этого письма, на будущее время исправлюсь.

Александр фон дер Бриген.

20-го июня. Письмо это придет в Петербург около 20-го июля, и я боюсь, чтобы оно не опоздало, но в таком случае не моя вина. Я его вчера начал писать в 10 час[ов] утра, а кончил в 10 ч. вечера, этого со мной никогда не случалось.

* Стихи в подлиннике на нем. яз.

** Т. е. ортодоксия, в подлиннике «орто» на греч. яз., «доксия» на рус. яз.

*** Слово «иного» в подлиннике на греч. яз.

**** Фраза «Вы везде... способны» в подлиннике на нем. яз.

***** Фраза «Тот... думаем» в подлиннике на нем. яз.

Дополнительные прим[ечания] к Зап[искам] Кесаря

В первой части

В жизни Кесаря. К словам: «И оставил нам описание удивительного по своему устройству моста, в таком месте (а)» прибавить внизу в конце прим[ечания] (а):

1. «Импер[атор] Июлиан²² также знаменитый полководец, подражавший Кесарю, перешел равным образом, по подобно устроенному мосту чрез Рейн вблизи Клеве».

Там же, к словам: «Его (Кесаря) намерение было, покорив парфян, обойти Гирканию <...> и после завоевания Скифии (нынешней южн[ой] России) и пр. <...>» сделать внизу в сноске след[ующее] прим[ечание]: 2. «Кесарь не был первый, возымевший намерение пройти с войском чрез малодоступную в то время Скифию, нынеш[нюю] юж[ную] Россию. Митридат²³ до него хотел идти этим путем громить рим[скую] Республику. В конце 14-го столетия родилась в уме Тамерлена²⁴ мысль начать новые завоевания Египта, пройти вдоль Африки до Гибралтарского пролива, переправившись в Европу, и, покорив эту часть света, кончить свои завоевания Восточно-Римскою империею, после чего возвратиться чрез Россию в родные свои степи Средней Азии. Исполинское это предположение, равно как и предыдущие, не были приведены в исполнение».

Там же в конце в выноске б прибавить:

3. «Divinum ejus (Caesaris) ingenium». Tacit: Dial[ogus] de Orat[oribus], 2I.

В конце прим[ечаний] Записок. К находящемуся там прибавлению прибавить еще следующее, относящееся к кн[иге] V, отд. 6:

4. «Об отвратительном многожии (полиандрии) британцев упоминает в другом смысле и византийский писатель Халко[ко]ндил²⁵ в любопытном описании путешествия императора Мануила²⁶ по Европе (л[ета] 1400). См. Гиббон. Рим[ская] ист[ория], гл.[ава] 66, прим[ечания] 27, 28, 29. Гиб[бон] вступает за предков своего народа и основательно доказывает, что Кесарь в этом случае впал в заблуждение, видя или, может быть, только слыша об обычае невинном, но чуждом для Римлян, обычай, который он перетолковывает в худую сторону».

5. Кн[ига] V, отд. 13. Вместо *Ирландия* поставить *Гибберния*, внизу же в выноске — или *Ирландия*.

Во второй части

6. В конце прим[ечания] 26 прибавить: «В 13 столетии употребляли монголы против крепостей китайских огромные литоболы, устроенные магометанами и христианами, находящимися в их службе. Машины эти метали камни до 300 фун[тов] весу. Китайцы в защиту свою употреб[ляли] порох и бомбы почти полтора столетия прежде, нежели порох сделался известным в Европе».

7. В конце прим[ечания] 81 прибавить: «Пример подобно обложению целой неприят[ельской] армии возобновил впоследствии Стилихон²⁷. Великий этот полководец, коего Гиббон называет четвертым виновником существования Рима (после Ромула²⁸, Камилла²⁹ и Марция³⁰), обложил под стенами Флоренции (л[ета] 406) Радагейза³¹, пришедшего с полчищами вандалов, сусвов и других варвар числом до 400 000. У Стилихона было тридцать легионов и вспомогательные дружины от гуннов, готов и алан. С этим войском истребил Стилихон полчища Радагейза, значительную часть голодом и остальную мечом. Взятому в плен Радагейзу, вопреки всех прав народных, отрубили голову».

101. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Курган, 20 июня [1847]¹

Дорогая Мария, получил ваше последнее письмо, но после письма Жуковскому, только что оконченного мною, у меня не было ни сил, ни времени, чтобы с пером в руке побеседовать с вами вволю. Письмо Жуковского из Франкфурта от 6 мая и ваше от 14 мая пришли одновременно. Сравнивая расстояние, я был удивлен тем, как скоро дошло первое письмо. Василий Андреевич рассчитывает прибыть в Петербург к концу июля, но приедет лишь с тем, чтобы вскоре вновь уехать за границу из-за болезни своей жены². Я попросил его прислать мне несколько книг для работы, которые я давно когда-то видел, а вас, дорогое дитя, порыться в уголках моей библиотеки, чтобы извлечь из нее: 1) 4-й том Им-

* Подлинник на франц. яз.

мануила Канта (три первых тома с давних пор лежат на моем столике в Кургане); 2) маленькую брошюру в голубой бумаге, которая называется «Иоганн фон Мюллер — историк», написанную Гереном; 3) еще одну маленькую латинскую книжку в голубой бумаге: Эйнгарт: «Жизнь Карла Великого»³ и 4) Письма к Бонштеттену И. Мюллера, два тома из 27 томов сочинения Иоганна Мюллера.

Жуковский предложил мне перевести эти очаровательные письма, но я отклонил его намерение послать мне все 27 томов. Перечень значительный, но вы не пугайтесь, моя дорогая Мария, посылка не будет большой, по весу не более 4—5 фунтов, но не вздумайте послать все 27 томов Мюллера, мне необходимы лишь два указанных тома.

Поцелуйте много раз за меня вашего канонира в пеленках. Я вам очень признателен, мое дорогое дитя, за присланные 200 рублей. Эти деньги весьма кстати, ибо мой кошелек, который ввиду его содержимого мог бы быть сделан из паутины, пуст вот уже с 10 числа прошлого месяца. Из-за небольшого жалованья и способа его получения я вынужден жить в счет будущих доходов, но я всегда надеюсь, что это стесненное положение, а иногда даже более чем стесненное, изменится, как только я получу место по 14 классу.

Вы ничего не пишете мне о Петербурге, мое дорогое дитя. Разве вы не видели никого из моих знакомых, забыли ли они меня совсем? Что сказал вам князь Горчаков, который на днях прибыл в свою губернию?

Я благодарю вас за носовые платки, но испытываю большую неловкость, так как эти 30 рублей серебром, пущенные на ветер, камнем лежат на моем сердце. Я давно не получал известий от Анастасии, у которой на руках ее герой в пеленках. Что касается вашего брата Мишеля, то о нем я ничего от вас не слышу, а сам он нем, как рыба. Я писал три письма вашей маменьке, но до сих пор не получил ответа. Простите, моя дорогая Мария, передайте от меня наилучшие пожелания вашему мужу.

Александр де Бриген.

[Приписка на полях:] Если ваш муж так любит солнце, что вам мешает совершить путешествие в Вену? Оно было бы особенно приятно вместе с Василием Ивановичем.

чем⁴. Путешествие не было бы дорогим, если бы воздержались от расходов в 30 рублей на полотняные носовые платки.

102. Л. А. БРИГЕН*

Курган, 27 июня [1847]¹

Дорогая и любимая Любаша!

Все мысли мои заняты письмом к Вас[илию] Анд[реевичу] Жуковскому, и, имея слишком мало времени для нескольких строчек вашей сестре Марии, т[ак] к[ак] спешил отправить письмо с этой же почтою, совсем забыл внести в список книг, которые я просил вашу сестру отправить мне, Макиавелли. Будьте же так добры, дорогое дитя, исправить это упущение с моей стороны, добавив к упомянутой посылке, которую ваша сестра будет посылать мне, три тонких томика «Избранные сочинения Ник. Макиавелли»**.

Надеюсь, что вы и Мария, объединив ваши знания немецкого языка, сможете обнаружить на пыльных полках моей библиотеки тома, которые мне хотелось бы иметь. Кстати, я должен вам напомнить, дорогое дитя, что с вашей стороны это было бы почти актом предательства полностью пренебречь немецким языком, так же как и великолепной немецкой литературой. Несколько капель тевтонской крови, текущей в ваших жилах, должны были бы вызвать в вас симпатию к немецким музам, дочерям божественных потомков, заставляющих в то же время знать величие своего происхождения. Что касается Флорентийского секретаря², я думаю, что вам будет легко его найти, я полагаю, что, разрезанный даже до половины, он сам захочет прийти вам на помощь, чтобы снова увидеть свет. Другое дело с четвертым томом Канта, который растрепали, отправляя мне три первых.

Мое здоровье достаточно хорошее, я чудом избежал лихорадки, моего личного врага, который все это время не прекращает угрожать мне своим пальцем. То, что сейчас меня особенно беспокоит, — это жара. Солнце, ревностное к нашей чувствительности северян, беспощадно палит наши головы. К счастью, время от времени идет дождь, освежает воздух и предвещает, что урожай будет,

* Подлинник на франц. яз.

** Слова «Избранные сочинения Ник. Макиавелли» в подлиннике на итал. яз.

как никогда, большим. Это действительно счастье для 30 тыс. крестьян различных губерний России, заселивших эти края.

После довольно подробного письма, которое я имел удовольствие получить от вашей маменьки два месяца тому назад, я больше не имел от нее писем, хотя сам отписал уже три, на которые она должна была ответить. Будьте добры сказать ей, мое дорогое дитя, что я жду вторую половину своей годовой пенсии. С нетерпением жду повышения по службе, так как надеюсь, что такое изменение могло бы облегчить мое положение; к сожалению, улучшение продвигается черепашьями шагами, во весь галоп скачут только неприятности.

Судя по письмам Настеньки³, она довольна своей судьбой и также местом, где находится сейчас. Бог благословляет ее и покровительствует этому милому дитя.

Пишите мне, мое дорогое дитя, чем занимаетесь и как проводите время. Расскажите мне, как вы путешествовали в Петербург, о людях, которых там видели, о том, что вас больше всего заинтересовало. Мне любопытно также услышать о семье Кочубеев⁴, надеюсь, вы их видели.

Простите, мое дорогое и прелестное дитя, я вас обнимаю и нежно прижимаю к груди.

Искренне преданный вам друг Александр де Бриген.

[Приписка на полях:] Я прошу вас обнять и сказать тысячу приятных вещей вашей маменьке от меня. Сожалею, что, будучи в Петербурге, вы не воспользовались возможностью отправить мне свои портреты.

103. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Курган, 22-го августа с[тарого] с[тиля] 1847

Единственный Василий Андреевич.

Месяц не с большим спустя после отправления мною ответа на трех листах на письмо ваше от 6/18 мая, имел я счастье получить и последнюю грамотку вашу от 3/15 июня. Сначала обрадовался я ей, как обрадовался некогда знакомый вам узник залетевшему к нему прекрасному мотыльку, но радость эта по прочтении письма скоро исчезла и заменилась сердечным соболезнованием о болезни супруги вашей и сожалением о затруднительном положении, в которое вы поставлены печальным этим обстоятельством. Да облегчит всевышний вам тягость этого

креста облегчением болезни и скорым исцелением дорогой вашей больной. С его помощью благодетельный воздух Швейцарии при спокойной жизни не замедлят произвести желаемого действия. Я, признаюсь вам, не из числа почитателей искусственной медицины, но в замену искренний верователь в целебные силы природы и уверен, что хорошая диета, приноровленная благоразумно к болезни, при помощи простых средств лучше всех многосложных лечений. Из всех мест, славящихся климатом для больных, хвалят в особенности Ниццу, которая в этом отношении и мне несколько известна, ибо один близкий мой родственник, коего жена также страдала, отправившись туда, провел там большую часть [1]846 года и имел радость дожидаться выздоровления жены своей. Приморское и вместе пригорное положение этого места, согреваемого южным солнцем, должно весьма естественно благоприятствовать восстановлению здоровья и едва ли не более всех медицинских факультетов.

О Кесаре (чуть было не проговорился я *моем*) прошу вас, почтеннейший Василий Андреевич, теперь не думать. Забудьте его на время. Надеюсь, что по милости божьей время это не будет продолжительно, что от души желаю вам и супруге вашей для общего вашего успокоения. Прошу только, буде это вас не затруднит, сделать милость выписать к себе и вторую часть рукописи, которая, конечно, завидует старшей сестре своей, имеющей счастье покоиться под покровом ваших странствующих пенатов.

При последнем письме вашем получил я вовсе неожиданно 141 р. сер. и догадался только по надписи на адресе, что деньги эти присланы вами. Благодарю вас, добрейший Василий Андреевич, за это вспомоществование и скажу от искреннего сердца, что [по] уважению и приверженности моей к вам, чувство быть вам обязану благодарностью, которое по гордости нашей всегда более или менее отяготительно, для меня же не только не отяготительно, но имеет особенную приятность. Великий чародей и отгадчик Тацит, так разительно знавший все таинственные проделки, скрывающиеся в этом маленьком уголке, называемом человеческое сердце, сказал, что человеку свойственно ненавидеть того, кого обидел. По закону существенной противоположности, или, говоря языком Шеллинга, по закону поляризации, можно столь же справедливо сказать, что человеку свойственно любить

того, кому он делает добро. Признав это за истину неоспоримую и смотря с этой точки, благодеяние ваше делается для меня неоценимым. И мысль, что, сделав мне добро, вы невольным образом меня более полюбите, для меня так усладительна, как усладительна тихая лунная ночь для трости, колеблемой бурными ветрами в пустыне. Благодарю вас за это чувство, вы мне сделали тут прекрасный подарок.

О занятиях (название это слишком громко, скажу лучше, о препровождении времени моем в беседе с книгами) писал я вам в последнем письме моем от 20-го июня¹, но, исполняя приказание ваше, скажу и теперь несколько слов об этом. Просмотрев еще раз тщательно и с благоговением к Саллюстию перевод его «Катилины», привожу я теперь в порядок прилагаемые к нему примеч[ания] и, кончив это дело, примусь за Югурту². Работа эта подвигается очень медленно, ибо с таким великаном нелегко и не вдруг сладить. Письма ф[он] Мюллера должен я на днях получить, и Саллюстий не помешает мне приняться за милую и приятную беседу с Бонштеттенем. О философах я теперь говорить не буду, да и не могу ничего положительного сказать, ибо не имею Вильма и двух других, о коих я вам говорил. Сочин[ение] Вильма, недостаток коего я живо ощущал, не зная еще, что подобное сочинение существует на свете, дано мне как бы в руку. Невзирая на опасение мое подвергнуться нареканию в нескромности, решился я, однако, утруждать вас просьбою выслать мне эту книгу из Петербурга, но как теперь обстоятельства переменялись, постараюсь я достать ее оттуда другими путями.

Простите, единственный Василий Андреевич. Да сохранит всевышний вас и всех ваших.

Душою вам преданный Александр фон дер Бриген.

104. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Курган, 9 января 1848

С большим удовольствием я прочитал, моя дорогая и добрая Мария, ваше последнее письмо, которое только что получил. Я хорошо понимаю молчание, которое вы хранили несколько месяцев, у вас нет никакой необходи-

* Подлинник на франц. яз.

мости извиняться передо мной по этому поводу. Ваше здоровье и состояние, в котором вы находитесь, вас полностью оправдывают. Я поздравляю вас, а также вашего мужа с рождением Оленьки¹. Я очень рад выразить пожелания в адрес маленького херувима, поздравляя вас с Новым годом! Это радостное событие было сообщено вашей маменькой. Я радуюсь еще более, узнав, что вы вышли победительницей из этого сражения, закончив его опытным солдатом, потому что мысль о холере мучила меня, не давала покоя в течение 2 месяцев с сентября по ноябрь. Я удивлен молчанием вашей сестры Анастасии. 5-го сентября я послал им письмо с просьбой ответить как можно быстрее, а ответ до сих пор заставляет себя ждать. Я очень опасаюсь, как бы там чего не случилось, и письмо от моей сестры Стражевой, в котором она мне пишет, что у них все в порядке, успокаивает лишь надеждой вскоре получить известия непосредственно от Анастасии. Дай бог, чтобы молчание было только по причине дурной привычки откладывать от одной почты до другой письма, которые нужно написать.

Утрата дедушки², которого вы называете по праву «наш почтенный патриарх», событие очень печальное. Это необходимость, которой нужно покоряться и которую никто не может избежать. Нельзя это называть несчастьем, но потеря очень чувствительна для еще живущих. По-моему, самое большое несчастье, какое можно выразить, — быть приговоренным жить вечно, не имея возможности умереть, даже в случае, если бы жизнь проходила среди удовольствий и наслаждений.

Простите, мое дорогое дитя! Я целую и обнимаю вас и вашего маленького ангела и прошу передать все самое хорошее от меня вашему мужу. Простите.

Александр де Бриген.

[Приписка на полях:] Мое здоровье довольно хорошее. Я весел и нахожусь в самом хорошем расположении духа в обществе Канта и других философов, которые теперь доставляют мне удовольствие и заставляют забыть на мгновение и лишения, и холод от 25 до 30 градусов, который по-прежнему продолжается. Если вы увидите вашего брата Мишеля, который в настоящее время, должно быть, прибыл в ваши края, то я прошу вас поцеловать его и сказать, что его дагерротип доставил мне удовольствие.

Курган, 21 февраля 1848

Я получил ваше письмо от 7 января, мое дорогое дитя, и рад, что вы живы и здоровы после неприятного визита в ваши края холеры. Кажется, на этот раз болезнь, за исключением нескольких мест, которые она выбрала по своему предпочтению, не была так распространена, как 12 лет назад, и согласно газетным сообщениям полностью купирована. У вас нет нужды, мое милое дитя, мечтать о том, чтобы я часто вспоминал о вас, потому что это желание уже было выполнено до того, как оно появилось в вас, и в любой миг моей одинокой жизни ваш милый образ оживает в моем сердце. Я полагаю, что скорее я должен испытывать подобное желание, так как вы в кругу семьи, занятая заботами о своих милых детях, не располагаете временем, чтобы тратить его на излияние нежных чувств по отношению к некоему призраку, о котором вы, должно быть, не сохранили воспоминаний, и мои чаянья не заходят столь далеко, чтобы стремиться занять одно из первых мест в вашем сердце. Это было бы слишком честолюбивое желание. Я буду доволен и второстепенным местом. Легкий вздох в минуту мимолетного воспоминания — вот все, что мне нужно. Со времени полученного письма из Юркул¹ от 18 августа у меня не было прямых вестей ни от вашей сестры Анастасии, ни от ее мужа. Это меня очень беспокоит в связи с холерой, которая была распространена в той местности, и отсутствием писем, вполне объяснимым по нынешним временам. Но письма от вашей маменьки и от моей сестры из Петербурга меня несколько успокоили по этому поводу. Мое здоровье тоже было неровным в прошлом месяце, беспокоили головные боли и помимо этого небольшой нарыв на левой ноге. Я не мог обуть больную ногу и был вынужден оставаться дома в течение 20 дней. Книги, мои дорогие и верные спутники, не покинули меня в моем затворничестве, кроме минут, когда меня отвлекали появлявшиеся время от времени боли.

Давида Юма² называют необычным феноменом в смысле нравственности, потому что, благодаря безупречной жизни, он обрел в скептицизме и неверии душевный

* Подлинник на франц. яз.

покой даже на смертном одре. Я не осмеливаюсь сравнивать себя с человеком столь известным, как Юм, но трудно не заметить некоторые сходные черты между нами. Отсутствие заботы о завтрашнем дне у меня то же самое, что неверие у Юма. Я, как та птица, которая качается в своем гнезде, прикрепленном к хрупкому камышу над океаном, не боясь ни воли, ни непогоды, моя незащищенность дает мне силу. Самым чувствительным лишением для меня является отсутствие философских трудов, хотелось бы иметь их хотя бы не более 15 томов. Тяжело, когда таким образом останавливается изучение, которое для меня является чем-то единственно ценным в столь бесцветной моей жизни. В последнее время меня очень занимал пантеизм Джордано Бруно³. Он говорит с таким горячим убеждением, что увлекаешься, сам того не замечая. Иногда случается, что в порыве энтузиазма он покидает прозу, чтобы стать поэтом, особенно когда ведет речь о величии бога. И этот великий человек был сожжен как атеист Римской инквизицией.

Мое служебное положение не изменилось до сих пор. Я по-прежнему ожидаю чина, который мне обещают с 1845 года, но, по-видимому, у этой истории не будет конца, и я умру, словно Моисей, не дойдя до земли обетованной. По получении чина я смог бы поступить в службу, чтобы хоть как-то улучшить свое материальное положение. Я думаю, что князь Горчаков, который был столь любезен в Петербурге, не откажется походатайствовать за меня. Но в том положении, в каком я теперь нахожусь, ничего нельзя сделать иного, как покориться злему року, который не дает умереть от голода и заставляет продолжать терпеть все то же наказание. Я позволил себе поговорить с вами в свое удовольствие, мое дорогое дитя, и вот уже три листа исписаны моими каракулями. Пора прощаться с вами. Я целую и прижимаю вас к своему сердцу. Простите.

Александр де Бриген.

Прошу вас передать от меня привет вашему мужу.

[Приписка на полях:] Чтобы совершенствовать свой стиль письма, читайте «Письма Иуды» Виктора Жакмона, письма, достойные м-ме де Севинье⁴. Брюссельские издания недороги, так что лучшие издания можно купить почти даром. Скажите маменьке, что я получил книгу, которую забыли переслать из Тобольска вместе

с домашним платьем. Прочтите «Стелло» Альфреда де Виньи.

[Приписка на отдельном листе:] Едва я закончил письмо, как ко мне пришли с просьбой написать эпитафию для надгробного камня человеку, только что покинувшему этот мир, и стать крестным отцом на крестинах маленькой Юлии⁵, которая будет второй моей крестницей с этим именем (первой была Юлия Клечковская, теперь уже 12-летняя девочка⁶). Помимо всего этого, я получил письмо от Свистунова, который после должных преамбул с заверениями в дружбе и уважении пишет, что не может одолжить мне 200 рублей серебром на 2 месяца, так как сам без копейки. Но я не очень верю в искренность этих слов. И поскольку я как раз писал вам, мне захотелось описать, пользуясь выражением Монтеня⁷, маленький кусочек моего ежедневного бытия.

106. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Курган, 31 марта 1848

Ваше письмо от 12 февраля было первым, из которого я узнал об огромном несчастье, которое вас только что постигло, мое дорогое дитя! Было бы излишним говорить о моих переживаниях в этот момент. Это печальное событие еще горше от сознания тех страданий, которые бедный Васенька** претерпел, прежде чем умереть. Меня это известие так поразило, что я не чувствовал слез, невольно падавших из моих глаз. Если бы одна из этих слез, упавших далеко от преждевременной могилы дорогого дитя, смогла сказать ему всю нежность, которую я испытал к нему, никогда его не видя и целуя лишь только в мыслях.

И если бы горе, которое разделяю с вами, дорогое дитя, облегчило ваше. Пустота, которую должны вы чувствовать в этот момент вокруг себя, должна быть невыносимой. Только молитва, длительная и горячая, обращенная к нему, пути которого неисповедимы, может пролить бальзам на ваше измученное сердце. Действительно, жизнь нам дана не для того, чтобы наслаждаться, она есть только мука и труд. Испытав настоящее

* Подлинник на франц. яз.

** Слово «Васенька» в подлиннике на рус. яз.

горе, становишься безразличным к мирскому тщеславию, и если однажды, как сказал некий почтенный человек, из-за своих добродетелей случится склонить голову к подножью алтаря, то больше нет желания поднимать ее.

Я советую вам прочесть о жизни и деятельности мадам Гюйон¹, это будет полезно.

Сейчас у меня перед глазами репродукция картины Лемана² «Дочь Иефая», история которой описана в Книге Судей, гл. XI. Ее отец имел неосторожность дать зарок принести ее в жертву богу, убив ее. «Делайте со мной то, что вы пообещали, отец мой, — говорит она ему, — но отпустите меня на два месяца в горы, чтобы я поплакала с подружками». Художник, показывая нам Иефая, окруженного подружками, сумел передать выражение глубокой скорби, покорной и смиренной, так правдиво, что, рассматривая эту репродукцию, хочется плакать. Картина эта — целая поэма, и по довольно странному совпадению именно в этот момент, когда я, забыв о художнике (вершина искусства), занимался только его картиной, я получил ваше письмо, которое превратило мою мнимую боль в настоящую. Репродукция находится в очаровательном иллюстрированном «Живописном журнале».

Простите, мое дорогое, горячо любимое дитя. Целую вас, также маленькую Оленьку*, передайте от меня привет вашему мужу.

А. д. Б[риге]н.

[Приписка на полях:] 30 лет назад мне случилось видеть господина и госпожу Опочининых³ (дочь маршала Кутузова) в салоне Логина Ивановича Кутузова**, племянника маршала.

107. С. М. БРИГЕН

Курган, 17-го сентября 1848

Поздравляю тебя, милый друг мой Сонюшка, с сим днем твоего ангела. Обнимаю тебя и дорогую мою Бубиньку¹, которую прошу также от меня поздравить, и

* Слово «Оленька» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

** Слова «Логина Ивановича Кутузова» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

желаю вам счастья и доброго здоровья. Благодарю всевышнего, оградившего вас всех от злой губительницы холеры, которая теперь в двухстах верстах от нас в Тюмени свирепствует. У нас покуда еще благополучно в этом отношении, только начался сильный упадок на рогатого скота. Все это что-то похоже на наказания, ниспосланные во время оно всевышним на Египет. Лекарство, которое ты мне советовала, я выписал из Тобольска, но еще не получил. Признаюсь, мне теперь не хочется умереть, а очень желательно пережить 1850 год, который, если верить снам, должен ознаменоваться великими событиями: лет семь тому назад видел я сон, нечто вроде видения из Апокалипсиса², в коем мне указано на этот год как на год великих чудес, и я начинаю верить, что в это время увижу какие-нибудь великие явления. Но довольно о чудесах, перейдем опять к нашей обыкновенной прозаической жизни. По сие время не получено еще ничего от князя³ об определении меня на должность, и я все нахожусь еще в ожидании⁴. Дела здесь идут чрезвычайно медленно, и то, что у вас делается, вероятно, в месяц, на это потребно здесь годы. По словам князя, надеюсь я, однако, в конце этого месяца или в октябре быть определен к месту. Очки, которые я полагал затерянными, отыскал я в долгих заправанных в рубашке. Пожалуйста, вышли мне, о чем тебя просил в письме от 3-го сентября. Финансы мои от значительных экстраординарных расходов этого времени тают, как снег от вешнего солнца, и я скоро сяду без пенсизы, да сделай милость, вышли сколько-нибудь денег и сестре Любиньке на покупки для меня в Петербурге, иначе боюсь я остаться при треугольной шляпе под мышкой и шпаге при бедре без сапог. Вместе с твоим письмом от 12-го авг[уста] был я до крайности обрадован письмом Николая Алексеевича⁵, которого я уже полагал умершим от холеры, но по милости всевышнего все они живы и здоровы. Прости, мой друг, обнимаю тебя и всех наших.

Алек[сандр] ф. д. Бриген.

Скажи, пожалуйста, переженились ли Александр и Демьян Кочубеи или все еще отлагают за молодостью лет?

[Приписка на полях:] Ты мне не пишешь, получила ли мое письмо от 21-го мая.

Курган, 7 октября 1848

Ваше последнее письмо, мое милое и горячо любимое дитя, было для меня почти сюрпризом своим неожиданным появлением после столь продолжительного молчания. Этот сюрприз был еще более приятным, когда, прочтя его до конца, я дошел до написанного полуготическими буквами рукой Оленьки. Будь что будет, но нужно, чтобы я взял реванш. Вы приготовили для меня очаровательный сюрприз, нужно, чтобы я расплатился той же монетой, но монетой редкой, да что там редкой — уникальной!.. Вы убедитесь в том, что я говорю правду, увидев образчик, датированный 1826 годом, приклеенный к концу этого листа¹. Я полагаю, что вы не останетесь безразличны при виде этого кусочка бумаги, который вам столько напомнит! И более чем волнение родится в вашем сердце, возвращаясь взглядом в прошлое, в самые первые дни вашего детства. Я думаю, что маленькая слеза, одна из тех нежнейших слез, которые Стерн умел так хорошо ценить и которые ангелы-хранители никогда не забывают, родится на ваших ресницах при чтении этих строк, начертанных вашей детской ручкой. Годы пронеслись над этим клочком, но он сохранился, несмотря на все превратности моей бесконечной жизни, будучи прикрепленным к маленькому святому образу, который ношу на своем сердце. Я надеюсь, мое милое дитя, что вы сохраните этот маленький автограф с большим тщанием, чем это делал ваш брат Мишель, чтобы остаться фон Бригеном. Правда, этот клочок бумаги обладает ценностью, которая не исчисляется деньгами, но он чрезвычайно ценен, и возможно, что, сохранив его, Оленька однажды сравнит этот *Post scriptum*, который она мне послала, с детским почерком своей мамы.

Я не стану описывать свое путешествие в Омск, потому что говорил о нем подробно в письме от 3 сентября вашей маменьке. Скажу лишь, что князь был очень любезен со мною, и мы говорили о вас и вашей сестре. Он пообещал дать мне подходящее место, обещание, выполнения которого я жду до сегодняшнего дня. Я объясняю себе его промедление необходимостью написать по этому

* Подлинник на франц. яз.

поводу в Петербург. С нетерпением жду результатов всех этих хлопот. Скажите, дитя мое, вашей сестре Бубиньке, что я ее нежно целую и поручаю ей перевести одну из надгробных речей Флешье². Она могла бы ее выбрать среди речей, которые этот проповедник, вдохновленный, как апостол, и умный, как светский человек, произнес по поводу похорон знаменитых дам того времени и которых его речь обессмертила, как графиню де Монтанье, мадам де Эквилон или добродетельную Марию-Терезу³ королеву Франции. Надгробные речи Боссюэ⁴ и Флешье — ценнейший вклад в прекрасную французскую литературу. Они подобны перлам прекрасного Востока, которые всегда сияют ярчайшим светом и которым не дано погаснуть.

Я советую вам, милое дитя, это чтение, которое воспитывает и облагораживает душу, и если эти слова, которые проповедник обращает к придворным дамам великого короля: «Пусть вас увенчают цветами, пусть вам плетут гирлянды, мои дамы; эти цветы будут хороши, только высохнув на вашей могиле», — не заставят вас содрогнуться, то есть и другие слова, которые опустят небеса на ваше сердце.

Вы спрашиваете, милое дитя, мое мнение о «Парижских тайнах»⁵. Как произведение оно, по-моему, весьма посредственное, потому что автор искажил природу человеческого сердца у основных персонажей своей драмы (Рудольф, Цветок Лилии), и в этом случае он пренебрег или, скорее, был незнаком с высказыванием Буало: «Прекрасна только истина». Но как сочинение, в котором автор касается социальных вопросов огромной важности, имея целью обратить внимание на гнойные раны общества, этот роман имеет большое достоинство. Он настолько интересен, что когда его начинаешь читать, то уже невозможно оторваться, но по прочтении к нему уже не возвращаются.

Теперь пора рассказать о холере. Но так как этот сюжет, слава богу, начинает исчерпываться, сообщаю вам, что чувствую себя хорошо и что у нас в Кургане нет холеры. Но она есть в сотне верст от нас. Я очень признателен за советы, которые вы мне даете по поводу лечения холеры, но сознаюсь, что буду бесконечно благодарен за вашу доброту, если вы сможете послать мне как можно быстрее нижеперечисленные книги. Расходы

на покупку их невелики, они не превысят суммы 4—5 рублей серебром с ценой за доставку. 1) Надгробные речи Боссюэ и Флешье с предисловием Вильмена, 1 том из 12. — 85 копеек серебром; 2) Сочинение графа Ксавье де Местера («Прогулка вокруг моей комнаты» и т. д.), 1 том; 3) Письма и поэзию разную Вольтера, 1 или 2 тома; 4) Басни Лафонтена⁶, 2 тома. Брюссельские издания почти ничего не стоят. Представьте себе, что в последних объявлениях цена книги назначена в 30 копеек за один том, а в случае покупки 100 томов да-ется впридачу еще дюжина. Если эти книги придут в начале января, это будет мне прекрасный подарок к Новому году. Простите же, если я был нескромен, я знаю, что вы не рассердитесь за это. Поцелуйте много раз мою очаровательную писаку Оленьку и передайте от меня наилучшие пожелания вашему мужу. Поцелуйте также вашу добрую маменьку и сестру Бубиньку, кото-рую я так люблю. Простите.

Александр де Бриген.

[Приписка на полях:] Я только что прочитал не-сколько извлечений из сочинения Алекс[андра] Дюма о Шатобриане и Наполеоне⁷. То, что я прочел, восхити-тельно, я советую вам прочитать эту книгу. Шатобриан должен быть вашей настольной книгой.

109. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Курган, 3 декабря 1848

Я получил, мое дорогое дитя, ваше письмо от 16 ок-тября и рад узнать, что ваша милая щебетунья Олень-ка и все вы находитесь в добром здравии. Результаты демарша, предпринятого мною к князю Горчакову по по-воду получения места, пока неясны, и я, устав от ожи-дания и неведения касательно этого предмета, обратил-ся к нему на днях с письмом, чтобы напомнить об обе-щании, данном им, и положить конец этому делу, в выс-шей степени незначительному, но которое он, по-видимо-му, тормозит. Здесь будет уместно повторить русскую пословицу «Скоро сказка сказывается, да не скоро де-ло делается»**, и вообще это весьма характерная мед-

* Подлинник на франц. яз.

** Пословица в подлиннике на рус. яз.

лительность, проявляемая здесь при рассмотрении дел, и даже таких дел, которые по природе своей должны быть решены быстро. Здесь все движется не иначе как черепашным шагом, как, впрочем, и повсюду, вместо двух недель дело затягивается на месяцы и годы в ущерб тем, кто имел несчастье здесь его иметь.

С последней почтой я получил письмо Жуковского от 10/22 октября из Баден-Бадена. Этот несравненный человек вынужден провести еще целый год за границей по причине здоровья своего и все еще больной жены, и при сегодняшних обстоятельствах это пребывание ему в тягость. Принимая во внимание, что он находится в ложном положении, он мне пишет: «Вы понимаете, что здесь я не покоюсь на ложе из роз».

Что касается моего здоровья, оно, как всегда, то лучше, то хуже, а мои занятия, если так можно назвать чтение, доставляют мне истинное наслаждение, но не дают никаких меркантильных результатов, столь важных в нашем веке. Это прежде всего «Послания Апостолов», особенно восхитительны послания Павла и Святого Иоанна¹, затем Якоби² «Об учении Спинозы*» и Ювенал. Якоби, глубоко религиозный и занимающий почетное место среди философов, очень похож на Паскаля, и он осветил мою душу столь ярким светом, что я удивлен, как не обнаружил его сам.

Если можно, пришлите мне фельетон Жуковского, о котором вы мне писали. Здесь я читаю только московскую газету³ и Journ[al] des Débats, которые мне присылает Свистунов из Тобольска. Смерть парижского архиепископа — это еще одна прекрасная страница в истории церкви. У Шатобриана накануне смерти нашлись еще слезы, чтобы оплакать его.

Простите, мое милое дитя.

Ал[ександр] де Бриген.

[Приписка на полях:] Как был бы я рад узнать, что наш дорогой Мишель наконец вернулся под спасительную сень родных пенатов.

* Слова «Об учении Спинозы» в подлиннике на нем. яз.

Курган, 24-го декабря 1848¹

Единственный Василий Андреевич.

Последнее письмо ваше, из Баден-Бадена, чрезвычайно обрадовало меня, не имевшего более году никакого о вас известия: вскоре же после вашего письма (недели чрез три) получил я 5-ю, 6-ю и 8-ю часть ваших сочинений, напечатанных в Карлсруэ, и в том числе первую часть «Одиссеи». Благодарю вас душевно за этот драгоценный подарок, доставивший мне, отшельнику, погребенному в гиперборейских снегах, чистейшее наслаждение. Я и прежде любил Гомера, читая и перечитывая его беспрестанно в дивном переводе Фосса¹, но теперь Гомер будет мне еще более любезен, более близок к сердцу, в особенности его «Одиссея», которую я всегда ставил выше «Илиады», делающуюся иногда монотонною в частых описаниях битв. Занятый теперь службою, успел я прочесть только первые пять песен вашей «Одиссеи» и восхищался, слушая Гомера, который, невзирая на свою старость, обыкновенно непереимчивую, так хорошо перенял у вас искусство говорить прекрасным русским языком и говорить по привычке своей экзаметрами, которые слушаешь, как музыку. Мысль ваша сделать «Одиссею» книгою чтения при воспитании юношества истинно богатая. Желая от сердца, чтобы это скорее приведено было в исполнение, ибо уверен, что эта первобытная, чистая и исполненная жизни природа освежит не только умственные способности молодого поколения, но главное — укрепит и даст силу характеру, недостаток коего у нас столь ощутителен. После Библии, кажется, нет другой книги, кроме «Одиссеи» («Энеида уже не то»), более пригодной для чтения и нравственного образования, не только юношеского, но даже и младенческого возраста.

Роковой 1848 год прожил бы я довольно покойно, если бы не болел иногда сердцем за дальних родных и близких, коих беспрестанно страшился лишиться холерою. Ужасная эта болезнь, свирепствовавшая в России повсеместно, посетила наконец и Сибирь. Внезапно и как бы упав с неба, явилась она в Тобольск, где до 2 т[ысяч] чел[овек] сделалось ее жертвами. Из Тобольска перешла она, распространившись по течению реки, и на

север: к Березову, в Тюмень, также и в Ялуторовский и Ишимский округ. Угрожая, таким образом, Кургану с севера и с востока, начала она в то же время приближаться к нам с юга, со стороны Оренбургской линии, где и остановилась в ста верстах от Кургана. Она существует и теперь, только в слабой степени, что и должно, кажется, приписать действию продолжающегося здесь жестокого мороза. Должно опасаться, чтобы теплота весны не пробудила вновь эту смертоносную и мучительную гидру. Судороги, которые сопровождают эту болезнь, ужасны, и невольно содрогаясь, видя такие мучения. При скорой помощи болезнь эта бывает и не смертоносна, но, пропустив время, смерть неизбежна.

После многих и весьма необыкновенных превращений, коим судьбе моей было угодно меня подвергнуть, испытал я в этом году еще новое в этом же роде, превратившись в коллежского регистратора. Будучи поставлен обстоятельствами в необходимость служить и предпочитая службу по министерству юстиции как более почетную, избрал я себе этот путь и был очень доволен, когда мне дали исправлять должность заседателя в Курганском окружном суде. Поверил ли бы я этому в 1820 году, когда я был полковником Измайловского полка и когда счастье или то, что обыкновенно называют счастьем, мне со всех сторон улыбалось! Я сказал бы: это невозможно, однако это сбылось, и я вполне тут испытал истину слов Св. писания: «Всяк человек есть ложь пред богом». Служба эта для меня не отяготительна и по новости даже мне нравится; часто, однако, глядя на огромные кипы бумаг, лежащие предо мною, невольно повторяю я слова Ювенала...

Без всяких границ страницей тысячной станет

Дело у них, разрастаясь на счет изводимой бумаги:

Так велит бесконечность событий и свойство занятий*.

Простите, добрейший и единственный Василий Андреевич, да сохранит вас всевышний среди всех окружающих вас тревожений.

Ваш Александр фон дер Бриген.

* Стихи Ювенала в подлиннике на лат. яз. Приводится перевод А. А. Фета, помещенный в «Рус. старине», 1903, № 10, с. 201.

Курган, 25 февраля 1849

Мое дорогое дитя!

С последней почтой пришла посылка с книгами, но без письма. Зная, что книги послали вы, я благодарю вас за удовольствие, которое вы доставили мне, прислав эти дорогие тома. Проведя все утро за наведением справок по делам и за бритьем арестованных, я возвращаюсь домой, варанее наслаждаясь удовольствием, которое обещает мне чтение, и мои ожидания в этом смысле никогда не были обмануты. Я только что закончил «Прогулку вокруг моей комнаты»¹ — очаровательная, остроумная вещь, от которой веет запахом Версаля, который любил, не будучи придворным. Нужно ли говорить, что первые стансы Вольтера, начинающиеся словами: «Если вы хотите, чтобы я полюбил вновь, верните мне возраст любви», — вызвали на моих глазах слезы? Поэтому следует согласиться, что нет ничего изящнее этих стихов, которые приводят в отчаяние поэтов. Если вы их не знаете, я укажу их вам, и вы будете мне за это признательны.

Здоровье мое удовлетворительно. По утрам я занят службой, а остаток дня провожу у себя то за чтением, то за разговором со знакомыми, которые заходят ко мне время от времени, зачастую от нечего делать. Это последнее занятие меня особенно прельщает, и эти минуты, мгновения безделья, я менее всего склонен считать потерянными, потому что именно тогда я замечаю, что моя внутренняя жизнь обогащается всем тем, чего ей не хватает извне, и то, что является только прозой, и прозой весьма заурядной в чувственном мире, становится поэзией в духовном.

Уже давно я не получал от вас писем, но надеюсь, что со своей стороны вы дадите такое объяснение молчанию, которое вас оправдает и лишит меня необходимости снисхождения.

Простите, мое дорогое дитя! Целую много раз вас и вашу маленькую Оленьку и прошу передать мои наилучшие пожелания вашей маменьке, Бубиньке и дорогому Вольдемару. Простите.

Ал[ександр] де Бриген.

* Подлинник на франц. яз.

Курган, 29 апреля 1849

Я получил ваше письмо от 1 марта, дорогое дитя, и с тем большим удовольствием прочел ваши строки, потому что давно уже был лишен такой радости. От всего сердца поздравляю вас с благополучным исходом того, что вам предстояло. Прошу вас нежно поцеловать от меня вашего новорожденного¹, в честь которого я всегда буду взывать к божьему благословению, посылая самые искренние пожелания счастья ему и его матери. Первой сообщила мне эту радостную новость ваша сестра Анастасия в письме, которое я получил от нее 12 числа прошлого месяца и в котором она пишет, что со своей стороны спешит представить мне малышку Надю² как пару для маленького Мишеля и как дополнение этой прекрасной семейной картины, на которой я представляю этот выводок ангелов и херувимов с пухленькими розовыми личиками. Анастасия мне пишет почти, как и вы, что она очень счастлива среди своих детей, что она очень любит своего мужа и единственная вещь, которой ей не хватает, это то, что она находится далеко от маменьки и своей сестры. Она также жалуется на однообразие сельской жизни и отсутствие общества, но это неудобство, избежать которого трудно, от которого нельзя уберечься, единожды покинув город для того, чтобы жить в сельской местности.

Я люблю уединенную жизнь, потому что общество меня тяготит и вызывает скуку, но признаюсь, что я предпочел бы уединенную жизнь в Париже, как тот отшельник у Отенской дороги, о котором вы знаете и который умер до вашего рождения. Я вам бесконечно обязан, мое дорогое дитя, за книги, посланные мне из Петербурга, но вы ничего не пишете о вашем автографе, посланном мною вам в ноябре³ и с которым я расставался с трудом, ибо это был мой постоянный спутник, которым я так дорожил. О себе я смогу сообщить лишь то, что чувствую себя хорошо и что с усердием занимаюсь своей службой. Письма посылайте, как и прежде, на имя тобольского губернатора⁴. Простите, дорогое дитя. Я целую нежно вас и всю вашу семью.

А. де Бриген.

* Подлинник на франц. яз.

[Пропуска на полях:] Вы читаете Presse⁵, а я Journal des Débats, но я запаздываю в этом чтении, только что закончил чтение за декабрь. Я думаю, что J[ournal] d[es] Débats лучше Presse. В уединении, в котором я нахожусь, иметь что-то хорошее для чтения — истинное счастье.

Я вам очень обязан за то, что вы напомнили обо мне Демьяну Васильевичу. Прошу вас поцеловать вашу маменьку и Бубиньку.

113. П. Д. ГОРЧАКОВУ

Курган, 29 апреля 1849

Ваше сиятельство, милостивый государь.

Как человека с честью и совестью, за какого и ваше сиятельство, вероятно, меня считают, почел я священной обязанностью довести до сведения вашего, что дело об убийстве Михаила Власова¹ представлено вам в превратном виде. Из объяснения, которое окружной суд имел честь препроводить к вам, ваше сиятельство, изволите усмотреть, что, кроме некоторых незначительных погрешностей, происшедших от краткости времени при отправлении донесения г[осподи]ну гражданскому губернатору, существо дела, на которое прошение вдовы и матери убитого, а также и жены невинно обвиняемого в этом убийстве проливают страшный² свет, нисколько не изменено. Вдова убитого³, а вместе с ней и народная молва, при появлении коей законами повелено делать немедленно розыски, называют главным виновником этого убийства Григория Власова, а с ним Петра Юкова, Ивана Соколова, Якова Лесникова, кроме еще других прикосновенных к этому делу лиц, которые все при следствии были допущены как свидетели против Павла Власова⁴. Вдова говорила не мне одному, но провозглашала повсюду⁵. Женщина эта, мать трех малолетних детей, в отчаянии, и речь ее так убедительна, что не допускает сомнения в истине ее слов. По прибытии г. Лещева⁶ в Курган волостное правление распорядилось взять ее под караул вместе со старухой, ее свекровью, матерью убитого (этот поступок может служить образцом законности действий здешних начальств), но она завопила таким голосом, называя поименно убийц, которые тут же были, что общество, находящееся при этом вместе с волостны-

ми начальниками, разбежалось, и она свободно из-за 50 верст пришла в Курган, дабы явиться к г[осподи]ну Лещеву, чего, однако, не исполнила, узнав, что он не следователь.

Эти обстоятельства, т. е. изветы и жалобы вдовы и матери убитого (а в этом деле подобные жалобы их не могут быть оставлены без внимания начальством) и распространившаяся народная молва в здешнем краю, глашатающая, что настоящие убийцы сокрыты, а вместо их брошен на жертву невинный, по моему мнению, которое я, как судья в этом деле, имею право изложить, требуют необходимо нового переследования, и я убежден, что если ваше сиятельство назначит тайно и внезапно благонадежного следователя, который поусомнился бы продать свою совесть за шампанское и за деньги, и если придадите ему в помощь такого отличного полицейского чиновника, как Флеровский, то истина, при значительном числе виновников и лиц, более или менее соприкосновенных к этому делу, непременно и без затруднений откроется.

Разобъяснив вашему сиятельству вкратце эти обстоятельства, вынужден я также сказать несколько слов и о себе. Как человек по характеру своему очень снисходительный к слабостям ближнего, ибо чувствую, что я и сам наделен ими с избытком, я, предоставив неизбежному правосудию всевышнего карать преступников, закрыл бы глаза, если бы при рассматривании этого дела увидел, что только виновники не открыты. Но как судья и человек, боящийся бога⁷, я не мог молчать, когда увидел, что вместо виновных предают на пропятие невинного. Я вполне уверен, что и ваше сиятельство в таком случае не иначе бы действовали. Согласно со мной поступал и товарищ мой Любченко (заседатель)⁸, человек честный и бескорыстный, и Рихтер⁹. Один великий человек (Монтескье) сказал: «Можно быть уверенным в себе и утверждать, если речь идет о доказательстве вещей, слишком ясных»*.

Эти слова и в этом деле, о коем я имел честь говорить вашему сиятельству, могут относиться к низшим властям. Вы стоите на степени слишком высокой, чтобы не любить и не искать правды.

* Цитата из Монтескье в подлиннике на франц. яз.

Простите мне великодушно нескладность этого письма, я болен и насилу пишу.

Честь имею быть и пр. и пр.

114. М. А. ТУМАНСКОЙ

Курган, 2-го ноября 1849

Милая и бесценная моя Машенька!

<...> В феврале месяце убили в здешней округе крестьянина Михаила Власова. Дело это, по коему следствие производил здешний исправник¹, поступило к нам в окружной суд, но вместе с делом поступило и прошение жены и матери убитого, в коем они пишут, что исправник сокрыл настоящих убийц и подсунул вместо них человека, совершенно невинного, и что они уже подали просьбу губернатору² о переследовании этого дела, а по сему и просят окружной суд приостановиться с рассмотрением этого дела. Окружной суд, видя, что следствие произведено с большим упущением, и слышав при допросах, что один из присланных арестованных сознался, что он напрасно взвел это преступление на другого и что он это сделал по наущению волостного писаря³, — донес об этом губернатору, испрашивая у него разрешение, приступать ли к рассмотрению этого дела или ждать переследования. Губернатор, получив это донесение, распорядился в губернском совете, чтобы дело переследовать, и назначил для этого советника, но исправник Папкевич, видя себе беду неминуемую и имея в Омске брата⁴, который большой фаворит князя Горчакова, происками своими чрез этого брата, да, как говорят, и деньгами, что иначе и быть не может, достиг того, что дело это представили совершенно в превратном виде. Главное управление, в коем брат Папкевича управляет судным отделением, составило положение, в коем доброго и знающего свое дело старика губернатора назвали почти глупцом за то, что он почел нужным переследование дела, а в окружной суд, который завинили уже вперед, послал чиновника⁵. Требуется объяснение, не выходя из присутствия и в присутственный день, в положении же сказано — в кратчайшее время, видно, для того, чтобы ошеломить нас такой неожиданностью, сбить и не дать времени для соображения. Не довольствуясь этим, Главное управление назначило, сверх этого, еще внезапную

ревизию окружному суду за 2,5 года, для чего и при-
слали сюда советника Главного управления Тыжнова, ко-
торый только что начал ревизию, как в тот же день,
когда в Кургане началась ревизия (12-го августа), со-
стоялось в Омске постановление Главного управления,
коим положено всех членов окружного суда, в том числе
и меня, отстранить от должности и предать суду. Дело
же об убийстве Михаила Власова передать в Омский
окружной суд, кажется, для того, чтобы иметь его под
своим влиянием. Князь Горчаков, соглашаясь с этим по-
становлением, сделал, однако, оговорку: «До окончания
ревизии членов окружного суда не придавать суждению
и не отрешать от должности»...

Теперь да позволительно будет спросить, где, кроме
Западной Сибири, можно видеть, чтобы главное началь-
ство вместо того, чтобы открыть преступление и защи-
тить невинного, всеми силами упорствовало, чтобы пре-
ступление не было открыто. И мало этого, еще нападает
с особенным озлоблением (вероятно, хорошо заплачено)
на целое присутственное место за то, что оно донесло об
этом и просило по этому предмету разрешения! — Оба
постановления Главного управления по делу об убийстве
Михайла Власова могут служить образцом наглой зло-
намеренной лжи. Не только дан делу другой оборот и
вместо переследования напали на несчастный окр[ужной]
суд, но и все обстоятельства дела искажены вопреки ис-
тине и законам и даже вопреки здравого смысла. Из чер-
ного сделано белое, из белого черное. Известно, что по
делу бывшего генерал-лейтенанта Тришатного⁶ истина
открылась при втором уже переследовании, почему же
какой-нибудь Папкевич лучше Тришатного? Разве пото-
му, что, служа квартальным в Петербурге, он при описи
какого-то Палацци растратил или попросту украл вещи,
за что и находится под судом в Петербургской уголов-
[ной] палате. Это обстоятельство, кажется, не может
усилить к нему доверенности, а, напротив, должно ее
уменьшить.

Ты, пожалуйста, моя милая Машенька, не огорчайся
и не принимай близко к сердцу эти дразги, коими, по
здешнему выражению, хотят доехать старика твоего отца
за то, что он по совести и по законам исполнял свою
обязанность. Все это вздоры, и суда я не боюсь.
Прочтя последнее постановление Главного управления,

первое мое чувство было негодование, которое тотчас заменилось глубочайшим презрением и сожалением, что подобные вещи могут делаться в наше время. Нет сомнения, что князь Горчаков обманут, но непростительно ему, даже и в таком случае, если бы он не получил моего письма, копию с коего я здесь прилагаю, чтобы не сделал удостоверения. Кажется, ближайшим было ему потребовать меня к себе для разъяснения этого дела, а в том, что я ему сказал бы всю правду, он и сам, я думаю, не сомневается. Старик губернатор, от которого, я слышал, требуют объяснения, тоже негодует и, как говорят, хочет оставить службу. Я же пишу об этом почтой к Леонтию Васильевичу Дубельту и прошу его с разрешения государя императора вытребовать это дело в III Отделение и прислать следователя для раскрытия истины, которому, удалив исправника Папкевича, кажется, нетрудно будет открыть. По моему мнению, даже сам исправник Папкевич теперь не столько виноват, сколько виновато Главное управление, и я уверен, что бог не допустит свершиться такой вопиющей к небу несправедливости.

Здоровье мое мне изменило, у меня сделался нарыв и где ж — на конце носа! Целую неделю я порядочно промучился, но теперь лучше.

Александр фон дер Бриген.

Секретарь нашего окружного суда Рихтер ждет, чтобы, когда нас отрешат, тотчас обратиться со всеподданнейшим прошением к государю императору для исправления правосудия и переследования дела. [Далее следует копия письма к П. Д. Горчакову, см. письмо 113, и дополнительная *приписка* к М. А. Туманской.]

(Письмо это⁷ отправил обыкновенным путем чрез губернатора и знаю, оно отправлено к князю, но я сильно подозреваю или, лучше, достоверно полагаю, что оно скрадено и до него не дошло, ибо невозможно думать, чтобы, получив такого содержания письмо, князь бы ничего не сделал, со временем все это обнаружится)⁸.

Адрес: Ее высокоблагородию, милостивой государыне Марии Александровне Туманской в Глухове в село Черториги.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

В феврале месяце нынешнего года в сырную неделю убили в Курганском округе, в Чернавской волости, крестьянина Михайла Власова. Дело это, по коему следствие проводил курганский исправник Папкевич, поступило в окружной суд, в коем я служу заседателем, но вместе с делом поступило и прошение от жены и матери убитого, прошение, в коем пишут, что следствие произведено исправником пристрастно, что он сокрыл настоящих убийц, а подsunул вместо их человека совершенно невинного и что они уже подали о переследовании этого дела просьбу гражданскому губернатору, а посему и просят окружной суд приостановиться в рассмотрении этого дела впредь до получения разрешения от [господи]на губернатора. Окружной суд, видя, что следствие произведено с большими упущениями, что в деле один важный документ, содержащий в себе уголовный извет, утаен, и слышав при допросах сознание одного из присланных по этому случаю двух арестантов в том, что он напрасно взвел на другого это преступление и что он это сделал по наущению волостного писаря,—донес об этом гражданскому губернатору действительному статскому советнику Энгельке, испрашивая у него разрешение, приступить ли к рассмотрению этого дела или ждать переследования, доводя вместе с этим до сведения его превосходительства, что следствие произведено с значительными упущениями. Гражданский губернатор, получив донесение окружного суда, сделал распоряжение о переследовании дела и назначил для этого советника губернского правления; но исправник Папкевич, видя себе беду неминуемую потому, что при переследовании все упущения бы открылись, обратился к родному брату своему в Омск, который в большой доверенности у его сиятельства кн[язя] Горчакова да к тому же управляет судным отделением, чрез происки коего достиг того, что делу дали совершенно превратный оборот. Вместо переследования, которое по усмотрению губернского совета было признано нужным, Главное управление Западной Сибири вытребовало к себе это дело и, невзирая на противоречия, коими оно исполнено, завинив ок-

ружной суд в лживых поступках и в стремлении оправдать подсудимого, прислало чиновника требовать объяснение от членов суда, не выходя из присутствия, вероятно для того, чтобы более затруднить в составлении этого объяснения. По получении объявления Главное управление, дабы усугубить натяжки на окружной суд, нарядило без всякой причины немедленно внезапную ревизию окружному суду за два с половиной года, вследствие чего прибыл в Курган советник Главного управления. О переследовании дела об убийстве Власова ни слова, тогда как этому прошло уже восемь месяцев. Две просьбы, поданные женой и матерью убитого, одна, как выше сказано, гражданскому губернатору, другая — председательствующему Главного управления, не удостоились, вопреки закона и важности содержания, даже ответа. Невинного, преданного на пропятие вместо виновных, посадили в острог вместе с доносителем, который отрекся от своего доноса, где последний вскоре и умер¹; лица же, сильно подозреваемые в этом убийстве, на которых мать и жена убитого указывают и которых народная волна называет поименно, оставлены свободны.

Изложив вашему превосходительству вкратце это дело, заключающее в себе вопиющую к небу несправедливость, должен я теперь сказать, что по положению Совета Главного управления Западной Сибири от 12-го августа за № 113, Совета, который все выводы свои основывает на слухах, дошедших от одного Папкевича чрез другого до его сиятельства князя Горчакова, слухах, оказавшихся по исследованию ложными, мы, члены окружного суда, преданы суду и подлежим отрешению от должности. Чувствуя вполне, что в отношении моих обязанностей по службе я поступал так, что с чистой совестью могу предстать пред престолом всевышнего, и видя с другой стороны несправедливые действия и явное пристрастие Главного управления в пользу Папкевича, я по совету Василия Андреевича Жуковского, который в письмах своих выхваляя доброту вашу, мне неоднократно говорил, чтобы в случае надобности я прямо обращался к вам, осмеливаюсь вас покорнейше просить приказывать со всемилостивейшего разрешения государя императора вытребовать это дело об убийстве Михайлы Власова со всею перепиской как губернского советника, так и Главного управления в III Отделение собственной кан-

целярии его императорского величества и по рассмотрении этого дела прислать следователя, который по указаниям вдовы убитого, матери трех малолетних детей, вероятно, откроет истину, невзирая на продолжительное время, прошедшее после этого события, и вопреки стараниям злонамеренных людей, имевших в виду сокрыть преступников и подвергнуть ответственности невинных.

С чувством истинного почтения и совершенною преданностью имею честь быть, ваше превосходительство, милостивый государь, ваш покорный слуга

Александр фон дер Бриген.

116. С. М. БРИГЕН

Курган, 3-го ноября 1849

Милая моя Сонюшка!

Последнее письмо твое с посылкой денег 150 р. сер[ебром] получил я третьего дня и очень благодарен тебе за эти субсидии, которые пришли чрезвычайно кстати в теперешних критических обстоятельствах, в коих я нахожусь. Из огромного моего письма к Машеньке ты увидишь, что служба мне не посчастливилась. В конце декабря я вступил в должность, а в марте возгорелось дело об убийстве Михайлы Власова, дело чрезвычайно дивное и едва ли не единственное в своем роде. Я не сомневаюсь, что правда восторжествует, но опасюсь только одного, а именно, чтобы до того времени, пока правда восторжествует, князь Горчаков не стал бы мне делать притеснение, как, например, вдруг перевести меня сам собой и не спрашивая разрешения из Кургана за тридевять земель, что для меня при моем безденежье и при слабом здоровье было бы крайне тяжело. Но и в таком случае, если бы это мое предположение и исполнилось бы, то это долго продолжаться не может и кончится, наконец, в мою пользу. Я на князя Горчакова не сержусь, ибо уверен, что он обманут, кого не обманут такие люди, как те, которые его окружают! Но, невзирая на это, непростительно ему допускать себя так обманывать. Прошу тебя, мой друг, вышли мне к началу будущего года опять денег, ты сама видишь, в каком я положении.

Предпоследнее письмо твое ты, видно, писала ко мне, будучи не в духе. Чтобы судить безошибочно о чем-ни-

будь, надобно знать в подробности все обстоятельства, если же обстоятельства так запутаны, что трудно даже здесь на месте избежать ошибки, то как не ошибаться, рассуждая за три тысячи верст, по письмам. Прости, мой друг, обнимаю тебя, а также и мою миленькую Бубиньку.

А. ф. д. Бриген.

Ты, пожалуйста, не принимай эти случившиеся со мной неприятности к сердцу, а прошу только при случае, если нужно будет за меня заступиться, замолвить за меня словечко. Я сообщу, когда это потребуется¹.

117. А. В. ДУБЕЛЬТУ

Курган, 15-го декабря 1849

Ваше превосходительство, милостивый государь.

Препровождая при сем Записку по делу об убийстве Михайла Власова, о коем я имел честь вам писать от 1-го ноября¹, осмеливаюсь я всепокорнейше просить ваше превосходительство приказать доставить эту Записку вместе с приложенным к ней письмом Демьяну Васильевичу Кочубею. Так как Демьян Васильевич, будучи мне свой, принимает во мне участие, то я почел обязанностью для оправдания себя поставить его в известность об этой случившейся со мной превратности, дабы не только он, но и чрез него жена и дети мои могли бы увериться, что я в этом деле столько же виноват, сколько виноват Христос перед жидами.

В случае, если бы по усмотрению вашего превосходительства эта Записка могла бы быть полезна для рассмотрения этого дела, то от вашего превосходительства зависит дать ей другое назначение.

Пользуясь этим случаем для засвидетельствования вашему превосходительству истинного почтения и совершенной преданности, имею честь быть, ваше превосходительство, милостивый государь, ваш покорный слуга.

Александр фон дер Бриген.

118. Д. В. КОЧУБЕЮ

Курган, 15-го декабря 1849

Почтеннейший Демьян Васильевич!

Посылаю вам с этим письмом Записку по делу об

убитом крестьянине Мих[айле] Власове, о коем я вас утруждал в письме моем от 25-го ноября. В этой Записке изложил я весь ход этого дела, а также и действия Главного управления Западной Сибири, а поэтому Записка эта при вторичном рассмотрении дела может быть очень полезна тому, кому это будет поручено, ибо в ней объяснены все обстоятельства «и так называемые вопросы спора»* довольно подробно. Я прошу вас, Демьян Васильевич, не оставить меня в этом случае вашим покровительством и вашим пособием да еще прошу потрудиться уведомить меня, какое направление будет дано этому делу, потому что, не зная ничего, что делается, я брожу в потемках, или лучше сказать, плаваю по морю, не имея в виду маяка, а тонуть не хочется и то еще в луже!

Простите мне великодушно, Демьян Васильевич, что я вас утруждаю этими дрызгами; зная положение, в коем я нахожусь, я уверен, что вы будете ко мне снисходительны.

Если будете писать к Владимиру Ивановичу или к Машеньке¹, то, пожалуйста, уверьте их, что я в этом деле столько же виноват, сколько Христос перед жидами, молчать же нельзя, когда нападают самым несправедливым и оскорбительным образом.

Поручая себя вашей благосклонности, остаюсь навсегда с истинным почтением душевно вам преданный

Александр фон дер Бриген.

Это дело об убийстве Власова может дать вам понятие о том, как здесь делают дела!²

Адрес: Его превосходительству милостивому государю Демьяну Васильевичу Кочубею

Господину члену Государственного совета.

119. М. А. ФОНВИЗИНУ

[Курган. После 15 декабря 1849]¹

Почтеннейший Михайло Александрович.

Податель этих строк из Омска, и я просил сообщить вам весьма любопытные вещи, относящиеся к известному вам делу, которое воспрянуло и пошло в ход. Я со

* Слова «и так называемые вопросы спора» в подлиннике на франц. яз.

своей стороны прошу вас, в случае со мною случилось бы что-нибудь необыкновенное (здесь всего ожидать можно), тотчас повестить об этом дочь мою Марью Александровну Туманскую, в г. Глухов, в село Черториги. Императрица ее очень любит, и моя дочь не замолчит, но вступится за меня. Записку, которую я по этому делу отправил в Петербург, я при второй оказии сообщу вам². Простите.

Если представится надобность, то не оставьте вашим покровительством подателя этих строк³.

120. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Курган, 13 января 1850

То, что письмо это, являющееся первым письмом, написанным мною в этом году, адресовано вам — хорошее предзнаменование, мое дорогое и любимое дитя! Такое начало позволяет мне надеяться, что нить нашей переписки, ослабевшая в последние 3—4 месяца и обновленная таким образом, более не будет прерываться и что ни вам, ни мне не нужно будет вновь отыскивать два конца, чтобы связать их. Поздравляю с Новым годом вас, вашего мужа Вольдемара и ваших двух маленьких херувимов, которые смогли бы послужить образцом для полной картины Мадонны с ее окружением, от всего сердца я желаю, чтобы этот полувековой год был для вас благодатным во всех отношениях, чтобы, заканчивая его 31 декабря, вы смогли сказать, что пожелания, высказанные мною вам, исполнились, и чтобы, говоря это, вы добавили: «Хочу, чтобы последующие годы походили на этот».

О себе не могу сказать ничего, кроме того, что мое здоровье удовлетворительно и что оно было бы лучше, если бы время от времени я не страдал от головных болей, которые меня беспокоят и лишают возможности заниматься делом. <...> **

Я занимаюсь своей службой <...>, стараюсь <...> не скомпрометировать своей чести, не совершать поступков, за которые смогла бы упрекнуть моя совесть. <...>

* Подлинник на франц. яз.

** Здесь и далее часть текста, отмеченная отточиями в угловых скобках, вымарана цензурой.

Вот уже несколько месяцев, как я не получаю более писем ни из Петербурга, ни от вас, ни от вашей маменьки, что очень меня беспокоит из-за возраста и здоровья моей матери, которая в моем сердце и душе занимает место ангела-хранителя. Да хранит ее бог и продлит ее дни не столько для нее, ибо ей уже уготовано наверху место среди ангелов, сколько для меня, который будет тяжело страдать из-за утраты, причиненной ее исчезновением с этой земли.

Передайте от меня вашему мужу мои наилучшие пожелания, а также Василию Ивановичу¹, которого я мало знаю, но который, благодаря моей симпатии к нему, занимает избранное место в моих мыслях и душе.

Простите, мое дорогое дитя, поцелуйте от меня вашу маменьку и вашу любезную сестру Бубиньку и укрепите во мне уверенность, что вы помните обо мне, посылая чаще письма. Простите!

Ваш друг А. де Бриген.

Передайте, пожалуйста, вашей маменьке, что я прошу ее послать мне субсидию, ибо я очень в ней нуждаюсь, и сообщите мне дату последних писем, которые я вам послал. Вот уже две недели мороз здесь свыше 30 градусов. Чтение надгробных речей Боссюэ и Флешье доставляет наслаждение, это действительно поучительное чтение, которое я советовал бы и вам.

121. Л. А. БРИГЕН*

Курган, 23 февраля 1850

Мое дорогое, любимое дитя.

Почти год тому назад я написал вашей сестре Марии и просил привлечь вас к переводу похоронных песен Флешье. Это предложение осталось без последствия. Предполагаю, что до сегодняшнего дня только лень была основным препятствием с вашей стороны. Со своей стороны из-за мелочных забот, о которых вам, видимо, рассказывали, у меня совершенно не было времени думать о чем-то ином, кроме дел, которыми я был занят, поэтому и не напоминал вам о своем предложении.

Сегодня, когда я более спокоен и у меня есть время, я хочу вновь напомнить вам о своем предложении, и,

* Подлинник на франц. яз.

чтобы оно было более настоятельным, мне пришла идея вместе с письмом послать вам самих Боссюэ и Флешье. Вот я и посылаю вам сочинения этих двух светил католической церкви, переплетенные в маленьком томике, и уверен в том, что одно их слово произведет на вас большое впечатление, чем все, что я мог бы сказать. И особенно я вам рекомендую, дорогая Бубинька, надгробные речи по случаю кончины мадам де Монтанье и герцогини д'Эквильон. Однако я вам советую перечитать их, прежде чем вы возьметесь за перо, и перечитать их не в одиночестве, а привлечь к этому чтению вашу сестру Марию. Это еще больше сосредоточит ваше внимание. Уверен, вы будете мне благодарны за то, что я открыл вам это сокровище. Изучайте великолепный язык Боссюэ, которого Виктор Кузен справедливо называет величайшим мастером слова, сравнивая его только с философом Платоном¹. Я не говорю уже о том значении, которое может иметь это чтение для воспитания души и сердца. Это как луч света. Впрочем, вы убедитесь в этом сами, читая эти божественные страницы. Я посылаю вам также сочинения графа Ксавье де Местра, стиль которого известен как классический. «История прокаженного» довольно трогательна.

Этот год начался для меня благополучно, и я надеюсь, что с этой точки зрения он будет прямой противоположностью своему старшему брату, году предыдущему, о котором я не могу сказать ничего хорошего.

Четвертого числа этого месяца я получил чудесное дружеское письмо от моего несравненного Жуковского, написанное в ноябре месяце из Баден-Бадена. Он начал с того, что я не пишу ему писем вот уже год, считая его умершим или уже похороненным, а потом он добавляет с очаровательной любезностью и оригинальностью, которые присущи этому поэту, воспевавшему Светлану², «*Но жив еще Курилка*»*. Потом он рассказал еще мне, что, как у Одиссея³, у него была своя собственная Одиссея, но меньшего масштаба, и что по примеру сына Лаэрта⁴ он тоже был вынужден покинуть немедленно Баден-Баден, чтобы найти убежище в Интерлакен в Швейцарии, чтобы переждать время революционных волнений в герцогстве Баден. Болезнь его жены задержала его еще на

* Слова «Но жив еще Курилка» в подлиннике на рус. яз.

чужбине, но он надеялся, что это продлится недолго и что он скоро вернется в Россию. Он мне сказал, что сожалеет о том, что два года назад отослал рукопись моего перевода с другими бумагами и вещами в Петербург, тогда как он сам был уже готов к отъезду. Он был вынужден из-за болезни своей жены отсрочить свое возвращение на неопределенное время. Это двойное препятствие (неожиданная болезнь госпожи Жуковской и отправка моей рукописи) способствовало тому, что мой перевод не был напечатан до настоящего времени ни в Карлсруэ, где есть типография, ни в Петербурге.

Василий Андреевич оставляет на мое усмотрение, если я не очень спешу, ждать еще один год, срок, в который он предполагает вернуться в Россию, тогда он сам сможет напечатать мою рукопись; или послать ее немедленно в печать, если мне не терпится. В последнем случае его поверенный в делах устроит все так, чтобы напечатать книгу.

У меня нет надобности вам говорить, мое дорогое дитя, что я намерен ждать.

Восемь дней назад я получил письмо от Анастасии и от ее мужа, но вот уже давно я не имею никаких новостей от вас.

Простите, моя дорогая Бубинька, тысяча поцелуев вашей маменьке, сестре и всей семье и столько же вам.

Александр де Бриген.

122. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Курган, 23-го марта 1850

Почтеннейший и единственный Василий Андреевич. Крылатое слово, брошенное вами в ноябре месяце в Баден-Бадене, долетело ко мне в Курган в феврале; но необыкновенные занятия по службе, отчасти же и здоровье, которое мне иногда изменяет, не позволили мне, следуя обыкновению моему, тотчас отвечать на ваше письмо. Невзирая, что я более года не получал от вас известия, мне никогда на ум не приходило, чтобы могло быть, что вас уже нет на свете; но, напротив, какая-то уверенность или, лучше, какое-то таинственное предчув-

ствие души*, которую я объяснить себе могу только тем, что непоколебимая вера моя в благость Провидения, которая в душе моей сливается с мыслью об вас, единственный Василий Андреевич, — не позволяла мне думать, чтобы, осененный покровом всевышнего за доброту вашу, вы бы не были живы и здоровы. О болезни вашей супруги я знал из прежних писем ваших и предполагал, в чем и не ошибся, что это неблагоприятное обстоятельство не позволит вам располагать вашим возвращением в Россию, несмотря на то, что при нынешних смутах пребывание за границею не совсем может быть для вас приятно. Вторую часть вашей «Одиссеи» получил я в конце прошлого года и благодарю вас за прекрасный этот подарок, который я не могу лучше похвалить, как сказав, что, переходя от божественных страниц надгробных речей Боссюэта и Флешье, которых я постоянно читаю, я с истинным наслаждением перечитываю вашу «Одиссею». Кажется, теперь уже никому не придет на ум сказать, чтобы экзаметр был свойствен токмо одному греческому языку. Ваш перевод, в котором вы так удачно выказали всю красоту и богатство нашего языка, и то с такою легкостью, что я теперь уже не удивляюсь, как вы могли при шуме политических бурь и среди домашних забот менее нежели в сто дней кончить последние XII песен, вполне опровергает это мнение. Язык у вас так хорош, что, по моему мнению, и сам старик Гомер не мог бы лучше пересказать по-русски то, что высказал по-гречески. В превосходном переводе Фосса чувствуешь иногда натянутость и принуждение, чего в вашем нет. Фосс имел пред вами то преимущество, что писал на языке, не менее богатом русского, но давно обработанном и в этом виде вошедшем в общенародное употребление, тогда как наш язык, недавно перешедший от книжного к популярному, так еще нов или неприлажен, что среди изобилия часто чувствуешь недостаток. С первого взгляда кажется, что это парадокс, но это действительно так; например, стоит только взять частицу «поелику», «понеже», «потому что», «ибо» и, наконец, пушкинское «зане». Какой обильный запас, а за всем этим часто станешь в тупик, не зная, что употре-

* Слова «какое-то таинственное предчувствие души» в подлиннике на нем. яз.

бить! Но если Фосс имел преимущество орудовать языком более обработанным, то вы имели пред ним преимущество языка более музыкального, преимущество, которым вы превосходно воспользовались. Ваши экзаметры — музыка: поверьте мне, я говорю это без лести, и если у Фосса иногда и находишь такой дивный стих, как 59-й и 60-й XII п[есни] его «Одиссеи», то в вашей они встречаются почти на каждом шагу. Если я заболтался, говоря о вашей «Одиссее», и, может быть, вам наскучил моею болтовнею, то сами на себя пеняйте. Вы вызвали меня сказать вам мое мнение, а о том, что любishь, не говорится коротко.

От вашей «Одиссеи» перейду я, «если можно, говоря о великих предметах, касаться малых»*, к моему Кесарю. Начну с того, что с искреннею признательностью поблагодарю вас за присланные мне деньги, которые я принимаю от вас, единственный Василий Андреевич, не как возмездие за труд мой, который сам собою меня уже достаточно наградил, и возмездие, которого я не ожидал, да и требовать не могу, а как дар, присланный мне по нежному скромносердечию вашему под благовидным предлогом. Если справедливо (а по-моему, оно справедливо) то, что сказал один великий сердцеведец, что будто всякое благодеяние заставляет благодетеля более любить облагодетельствованного им, то, любя и уважая вас от души, сердцу моему было бы отрадно доказать вам мою приверженность на деле; но, не имея к тому возможности, мне приятна мысль, что вы любите меня, если не по заслугам моим, то по благодеяниям вашим. Что же касается до напечатания моего Кесаря, то прошу вас, отложите это до возвращения вашего в Россию. Я совершенно счастлив в тот день, когда получаю от вас письмо. «Так несказанно Твои разговоры и речи пленяют Душу мою» (Од[иссея], IV, 597), а с вашей стороны достаточно хоть несколько строк, чтобы доставить это счастье душою вам преданному.

Ал[ександру] фон дер Бригену.
[Приписка на полях:] 1849 г. был из всех проведенных мною в Сибири самый неблагоприятный для меня; нынешний же год по предзнаменованиям обещает быть лучше.

* Слова «если можно, говоря о великих предметах, касаться малых» в подлиннике на лат. яз.

Милая и многовозлюбленная дочь моя Любинька.

С радостью в душе и со слезами благодарности молю я всевышнего, да благословит он тебя и избранного тобой друга на новую жизнь, милая моя дочь, и да, осенив святыми своими покровами, напутствует он вас во взаимной любви и среди семейного счастья в радости и спокойствии до преклонных лет и последних дней вашей жизни. Ты мне пишешь, мое милое дитя, что ты счастлива в полном смысле этого слова, и я счастлив слышать это от тебя. Но теперь предстоит тебе главное, а именно: стараться быть всегда достойной этого счастья, чего ты иначе не можешь достигнуть, как помня всегда бога и святые его заповеди и строго исполнять свою обязанность.

Ничто на свете не может дать того душевного спокойствия, которое дает чистая совесть и сознание безукоризненной жизни. Не теряй этого никогда из памяти и, действуя и поступая таким образом, ты усвоишь себе счастье, которое внешние неблагоприятные обстоятельства могут иногда омрачать мгновенно, но никогда не разрушат.

Прошу тебя, милая моя Бубинька, скажи от меня твоему жениху самые душевные и родственные приветствия. Он избран тобой быть твоим другом на всю жизнь, и этого достаточно для меня, чтобы его любить от всего сердца, даже и в том случае, если бы я не слышал отзывов твоей маменьки (твоим тут не совсем можно верить) о прекрасных качествах его ума и сердца. Мне очень приятно будет, если обстоятельства позволят вам жить в Петербурге, но будете ли вы иметь достаточно средств, потому что жизнь в Петербурге дорога?

Прости, милая моя помещица, обнимаю тебя крепко и прошу оставить хотя бы маленький уголок в твоём сердце, хотя бы на чердаке, потому что бельэтаж уже занят, для всею душой любящего тебя папашу

Александра фон дер Бригена.

Я писал тебе 24 февраля¹ и послал тебе книги, я думаю, ты их получила. Прости*.

* Слово «Прости» в подлиннике на франц. яз.

Курган, 15-го апреля 1850

Его сиятельству господину генерал-губернатору Западной Сибири генералу от инфантерии князю Горчакову

Из государственных преступников в должности заседателя Курганского окружного суда фон дер Бригена

Объяснение

Получив просимую мною копию с объявленного мне предписания вашего сиятельства от 20-го марта № 34, имею честь объяснить вам следующее:

1-е) С чиновником Флеровским я не только в тесных, но ни в каких связях не находился, да и почти не был с ним знаком. Во все время пребывания своего в Кургане Флеровский был у меня всего один раз, я же видал его случайно у секретаря окружного суда Рихтера, его родственника, у коего он жил и с коим я иногда бывал вынужден видаться по делам, а не из удовольствия приятной беседы. Дел общих я с Флеровским не имел, в козни же не только с ним, но ни с кем отроду не вступал, и я уверен, что всякий, знающий меня, образ моей жизни и занятий, скажет, что выражение делать козни и быть в тесных связях с Флеровским ко мне вовсе не идет. Если в письме, которое я имел честь отправить к вашему сиятельству 29-го июля (1849 г.)¹, Флеровский назван мной отличным полицейским чиновником, то я это сделал не из благоприязни к нему или для того, чтобы вам его рекомендовать (живши в Сибири, я до такой степени приличие еще не забыл), а единственно потому, что я его считал чиновником, способным для полицейских розысков и которого бы можно употребить с успехом для раскрытия истины в деле об убитом крестьянине Михайле Власове. В случае же, если бы, отозвавшись таким образом о Флеровском, я ошибся, что со мной случается, то это мне простительно, приняв во внимание, что и ваше сиятельство сами ошиблись во Флеровском.

2-е) Кичиться покровительством сильных лиц, и то еще на шестом десятке лет моей жизни, не в моем характере. Я никогда и ни у кого покровительства не искал, да и не имел надобности искать, потому что находил его

в самом себе добросовестным исполнением моих обязанностей и поведением, свойственным честному и благородному человеку. Если бы я был такой искатель покровительства, каковым угодно вам меня признать, то вместо того, чтобы снискивать себе покровителей в отдаленном Петербурге, пригоднее было бы для меня домогаться покровительства вашего сиятельства, как главного начальника той страны, в которую судьба меня забросила, но вашему сиятельству известно, что я вашим покровительством никогда не пользовался, никогда его не искал, да и теперь не ищущу, а прошу вас только всепокорнейше быть ко мне справедливым да менее доверять тем лицам, которые мимо полиции доставляют вашему сиятельству обо мне сведения, оказывающиеся по проверке ложными.

3-е) Если бы вашему сиятельству известно было в подробности то, что здесь делается, то вы бы, конечно, отвергли сдвинутую² на меня клевету, что будто я распространяю дерзкие суждения касательно местного управления. Суждения такие я не могу распространять, потому что, кроме окружного суда и моей квартиры, я почти нигде не бываю, мало с кем знаком, да и весьма немногих у себя принимаю и почитаю себя счастливым, когда могу улучшить несколько досуга от обязанности по службе, чтобы посвятить их занятиям литературным. Впрочем, там, где у городничего находят в конюшне воровских лошадей (что случилось с бывшим городничим Соболевским), где письмоводитель полиции канцелярист Логинов³ обозначается названием матки воров, где по ведомостям значится, что в 1849 году было 27 конокрадств, по коим следствием открыт один виновный, где по общему отголоску жалоб обывателей житья от воров нет и правосудие нигде не обретается, там всякое суждение делается излишним, потому что факты за себя сами громко говорят, да и у всякого глаза есть, чтобы самому видеть, что делается.

Изложив в этих трех отделах доводы, коими я опровергаю сделанный на меня вашему сиятельству извет, осмеливаюсь я для подкрепления их сослаться еще на следующие факты:

Во-1-х, на ежемесячные донесения государю императору в продолжение почти 25 лет начальников губерний о моем поведении;

во-2-х, на г[осподи]на курганского городничего, которому поручено блюсти за мной, находящемся под надзором полиции, и который мне прямо объявил, что он никаких предосудительных поступков и речей за мной не знает, что и готов всегда подтвердить;

в-3-х, на всех жителей Кургана, которые, я уверен, подтвердят такие слова, сказанные г[осподином] городничим, и, наконец,

в-4-х, на собственную особу вашего сиятельства, который в последнюю бытность вашу в Петербурге *превозносил меня похвалами* Демьяну Васильевичу Кочубею, что было менее года тому назад, почему и нельзя думать, чтобы я в такое короткое время при старости лет мог до того испортиться и зашалить, чтобы поставить ваше сиятельство в неприятную, конечно, для вашего сердца необходимость, зная мое семейство и родных, грозить мне мерами укрощения, с усугублением за поведением моим полицейского надзора.

Что касается до разрешения делать доносы без опасения стеснения со стороны вашего сиятельства, то это для меня вовсе излишне, потому что я доносов никогда не делал да и надеюсь, что бог меня избавит от необходимости к ним прибегать. Если я по случаю *противозаконных и несправедливых действий Совета Главного управления* по делу об убитом Михайле Власове просил законной защиты у его превосходительства Леонтия Васильевича Дубельта, то это не донос, а жалоба, к коей я вынужден был, видя, что Главное управление, не довольствуясь тем, чтобы *исказить совершенно это дело, еще заблагорассудило предать меня суду* за то, что я по долгу службы и присяги исполнял мою обязанность. Эту мою жалобу, ваше сиятельство, не можете назвать доносом еще и потому, что я в самом начале *письмом предупредил вас*, доводя до вашего сведения, что тут, сколько по делу можно видеть, невинный вместо виновных брошен на жертву. Но это письмо, которое по важности своего содержания, казалось, должно бы обратить внимание вашего сиятельства, осталось без всякого действия, а только по прошествии 4-х месяцев объявлено мне предписание вашего сиятельства от 10-го декабря за № 751, в коем сказано, что письмо мое оставлено вами без ответа по той причине, что оно содержит неуместные похвалы Флеровскому и что вы частной переписки по пред-

метам, мне чуждым, вести со мною не желаете. После того что же мне оставалось, как не искать защиты в Петербурге? Молчание с моей стороны значило б сознание в вине, которую Совету Главного управления угодно было на меня взвести, да притом правота дела и чувство собственного достоинства возлагали на меня неприменную обязанность говорить. Если же в извете, сделанном вашему сиятельству на меня, сказано, что я жалобу мою разглашаю в виде угроз, то это, равно как и весь извет, чистая ложь. До 5-го марта кроме меня и еще близкого мне человека в Кургане никто не знал, что я писал генералу Дубельту, но Флеровский, прибыв в это число, привез известие, что на другой день его отъезда из Омска долженствует состояться журнал, коим все члены курганского окружного суда будут отрешены от должности и преданы суду, что на место окружного судьи уже назначен какой-то г[осподин] Малосапожков⁴ и что слов недостает, чтобы выразить гнев вашего сиятельства на меня за жалобу, посланную мной в Петербург, содержание коей известно в Омске. Следовательно, ваше сиятельство, изволите усмотреть, что не я разглашаю мнимые мои доносы и что эти слухи вышли не от меня, а привезены из Омска. Угрозы же, о коих упоминается в предписании вашего сиятельства, существуют только в воображении виновных в упущениях по производству следствия в деле об убитом Власове. По пословице «на воше шапка горит» их все пугает.

Поступив в должность заседателя в окружной суд, я принялся добросовестно и усердно за службу, потому что брать оклады и ничего не делать, тогда как от такого бездействия страдают мои ближние, по моим понятиям есть дело бесчестное и немногим лучше лихоимства. С самого первого дня поступления в должность я постоянно, не пропустив ни одного дня, присутствовал в суде, и почти всегда один, потому что окружной судья уже третий год постоянно одержим болезнью⁵, другой заседатель имеет слабость пить и по этой причине каждый месяц от двух до трех недель не присутствует. Секретарь же Рихтер не только чиновник неблагонадежный и неблагонамеренный, но и такой человек, которым даже в Кургане все гнушаются. Невзирая на такое положение окружного суда и полагая, что ваше сиятельство будет хоть сколько-нибудь поддерживать меня как чиновника,

в коем вы уверены, что он вас никогда не обманет да и за деньги себя не продаст, я ревностно принялся за дело, но вскоре испытал, что за усердие мое к пользе службы и за правоту мою я нажил себе только врагов да сверх этого еще и неблагоприятное расположение вашего сиятельства, а поэтому я и решаюсь, списавшись с моими родными и с Д. В. Кочубеем, переменить род службы, перейдя в другое ведомство. В заключение осмеливаюсь я заметить вашему сиятельству, что если вам угодно будет, переменяя членов, поставить курганский окружной суд на надлежащую ногу, то непременно должно будет дать и другого секретаря, взяв его не из здешнего окружного суда, потому что столоначальник Говорухин⁶, который домогается этой должности, притязательностью и коварством немногим отстает от Рихтера.

А. фон дер Бриген.

125. С. М. БРИГЕН

[Туринск, конец июля 1850]¹

Р. S.² Я должен сообщить тебе, мой друг, один случай, который во всех местах, где я ни проезжал, всех занимает. Киргизы сделали восстание в степи, и против них послан значительный отряд с боевыми патронами, в которых вместо пороху насыпана вычерненная просовая крупа. Мошенничество это открыл корпусный адъютант Ганфельд, о порохе же говорят, будто он продан киргизам. Этот случай, я полагаю, единственный в летописях русской армии, и он показывает нам, что и военная часть у его сия[ельства] кн[язя] Горчакова не в лучшем порядке, как и гражданская³.

В Ялуторовске товарищи мои Оболенский, Пущин, Муравьев⁴ и пр. надавали мне очень интересных книг, но я не имею времени их читать. Пожалуйста, пишите ко мне без отлагательства, я же, устроившись здесь, буду часто к вам писать. Простите.

126. М. М. НАРЫШКИНУ

Туринск, 18-го августа 1850

Я очень виноват перед вами, любезный Михайло Михайлович, в том, что так долго не отвечал на письмо ваше от 7-го апреля, которое получил 14-го июня. Меня

перевели из Курганского окружного суда заседателем в Туринский окружной суд, и я с этим переездом так захлопотался, что не имел ни минуты свободной. 20-го июля я прибыл в г. Туринск, где до сего дня еще не устроился. Живу на постоянной квартире и со дня на день ожидаю из Кургана моего человека с вещами и лошадью. Проездом был я в Ялуторовске, где и провел трое суток с нашими. Все они здоровы, постарели, но значительной перемены я в них не нашел, невзирая, что давно их не видел. Туринск городок довольно порядочный. В нем шесть церквей и женский монастырь, местоположение коего весьма красиво. Ирбит отсюда в 60-ти верстах, а Пелым, прежнее мое местопребывание, откуда я к вам и доброму моему Лореру писал письма, — в 350-ти верст[ах]. Все это прошло, и, признаюсь, очень грустно вспомнить об этом прошедшем времени, многих уже нет, а с теми, которые живы, никогда не видаться.

Прошу вас, Михайло Михайлович, передать от меня самое задушевное приветствие почтенному Михайлу Александровичу¹, доброму моему Лореру и Розену. Последняя моя дочь вышла в нынешнем году замуж за сына артиллерийского генерала Гербеля², очень хорошего молодого человека. И жена, и дети мои довольно часто ко мне пишут. Я даже однажды получил одну строчку, написанную ко мне внукою моею Туманскою³. Прошу покорнейше засвидетельствовать мое почтение Елизавете Петровне.

Простите, добрейший Михайло Михайлович. Жму вам крепко руку и прошу вас не забывать искренно вам преданного А. фон дер Бригена.

Деньги, присланные при письме вашем, я получил и отдал по принадлежности.

127. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Туринск, 8-го сентября 1850

Милая моя Бубинька.

Письмо твое от 22-го мая получил я в Кургане 10-го июля и вместе с ним получил также письмо возлюбленного твоего, а теперь и моего Базиля¹. В это самое время получил я извещение о переводе меня из Кургана в Туринск, и это неожиданное обстоятельство, вовлекшее меня в разные мелочные заботы и хлопоты, по-

препятствовали мне отвечать на ваши письма и поздравить вас, дорогих моих молодых, с благополучным окончанием вашей свадьбы. Поздравляю вас с радостными и счастливыми этими событиями, молю я всевышнего, да ниспошлет он на вас, возлюбленные мои дети, свою благодать и да осенит святым своим покровом, дабы вы во всю вашу жизнь были бы не только счастливы, но и весьма достойны вашего счастья. Ты мне пишешь, милая моя Бубинька, что твоя бабушка² тебя ужасно любит, и я уверен, что как бы бабушка тебя ни любила, но твой Базиль будет тебя еще ужаснее любить. Это в порядке вещей, и я полагаю, что, убедившись в этом на опыте, ты истину моих слов не будешь оспаривать. Скажи, пожалуйста, твоему милому Базилю, чтобы он на меня не сетовал за то, что теперь к нему особо не пишу. Я это непременно сделаю, когда здесь надлежащим образом устроюсь и все вещи и дела мои приведу в порядок, а до того времени прошу вас считать это письмо к вам обоим.

15-го июля отправил я из Кургана к сестре твоей Машеньке письмо по известному вам делу. Я надеюсь, что вы, мои дочери, просьбы мои исполните. Я прошу постараться, чтобы дело это было вытребовано и рассмотрено в Петербурге, потому что я горчаковскому суду ни на грош не верю, да и можно ли верить, когда и советник Безносов определен туда Горчаковым для того, чтобы дать этому делу такой оборот, как ему, Горчакову, угодно³. Хороши судьи, которым уже впредь указано, как судить!

Деньги, посланные тобою, милая моя Бубинька, получил и благодарю тебя. Перевод мой из Кургана совершенно расстроил мои финансы.

Александр фон дер Бриген.

Сейчас получил я письмо от доброго моего товарища и общего нашего знакомого Фон Визина. Он здоров. Племянницы же его, дочери кн[язя] Горчакова⁴, уехали из Омска, где прожили около года у отца, в Россию.

128. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

Туринск, 22-го сентября 1850

Любезный Евгений Петрович! Степанида Ивановна¹ передала мне вместе с письмом от Трубецкого, прислан-

ным сюда И. И. Пушиным, требование, чтобы я обратил книги, которые получил в Ялutorовске. Я много виноват и прошу меня простить великодушно, что так долго их задержал; но, право, в суетах и хлопотах не имел досуга кончить Луи Блана² с должным вниманием. Попроси от меня Ивана Дмитриевича³, чтобы позволил мне его продержать, и скажи ему, что эта книга приводит меня в восторг. Это шедевр в полном смысле этого слова*, а такие книги не читаются слегка и требуют времени. Я не знаю писателя, который бы ближе подходил к Тациту знанием человеческого сердца, как Луи Блан, одним словом, это прелесть! С будущей почтой вышлю я к вам [книгу] «Замогильные записки»**, которую вчера кончил, [журнал] «Британское обозрение»***, который весьма посредствен, и целую кипу газеты «Век»****⁵.

Скажу теперь несколько слов о себе. После скучного путешествия (от Ялutorовска до Туринского ехал я почти все время шагом по причине грязи) прибыл я сюда 20-го июля и по сие время стою еще на постоялой квартире, потому что квартира, которую я нанял против башаргинского дома, занята судьей. В Туринске нашел людей добрых и в том числе Башарина⁶, человека умного, с которым довольно хорошо сошелся. В особенности любил я Ржоншевского⁷, с которым почти каждый день видаюсь. Он мне много рассказывал о Лунине⁸, которого видел за 12 дней до смерти. Лунин умер скоропостижно, и лекарь Орлов, который его вскрывал, за неимением инструмента разрубил ему голову топором. Лунин за год до смерти очень изменился, сделался молчалив и скучен. Он все ожидал, что его расстреляют, и эта мысль поселила в нем боязнь смерти. С Высоцким⁹, который всегда с ним спорил, жил он хорошо и говорил, что только два человека его поняли: Никита Муравьев и М. Н. Волконская. Себя он изнурял суровой жизнью, был до крайности скуп и ничего никому не давал, после же смерти его остался огромный запас разных вещей, из коих часть сгнила, а остальные разворовали.

Твой А. ф. д. Бр[иген].

* Слова «Это шедевр в полном смысле этого слова» в подлиннике на франц. яз.

** Слова «Замогильные записки» в подлиннике на франц. яз.

*** Слова «Британское обозрение» в подлиннике на франц. яз.

**** Слово «Век» в подлиннике на франц. яз.

[Прписка на полях:] Прошу сказать усердный поклон всем нашим, да пожалуйста пиши.

[На л. 2 об. адрес:] Милостивому государю Евгению Петровичу Оболенскому.

129. А. В. ДУБЕЛЬТУ

Туринск, 6-го октября 1850'

Ваше превосходительство, милостивый государь.

Необыкновенные и едва ли не единственные в своем роде обстоятельства, навлекшие на меня несправедливое гонение господина генерал-губернатора Западной Сибири князя Горчакова, вынуждают меня утруждать ваше превосходительство всепокорнейшею просьбою об оказании мне как лицу, состоящему под надзором полиции по политическим причинам, следовательно, под ведомством вашим, защиты в деле с моей стороны правом и об ограждении меня от притязаний, жертвою коих я сделался единственно за то, что по долгу службы исполнил свою обязанность.

Его сиятельство князь Горчаков, разгневавшись на меня за известное вашему превосходительству дело об убитом крестьянине Власове и выворотив это дело совершенно наизнанку, так что черное сделалось белым, а белое черным, предал меня суду вместе с прочими членами Курганского окружного суда. Не удовлетворяясь таковою несправедливостью, сделанною его сиятельством из особенного лицепрития к курганскому исправнику Папкевичу, следователю по этому делу и к брату его начальнику отделения Главного управления Западной Сибири тоже Папкевичу, князь Горчаков, основываясь на каком-то вовсе бездоказательном доносе, вымышленном этим же исправником Папкевичем, хвалящимся несколько месяцев до этого, что он, Папкевич, меня сошлет, представил обо мне его сиятельству графу Орлову как виновном в неуместных моему званию суждениях против местного начальства, разумея, вероятно, под этим словом исправника Папкевича. Но, выводя на меня этот выдуманный Папкевичем извет, в справедливости коего князь Горчаков считал даже излишним удостовериться, его сиятельство забыл, что я в это время исправлял должность окружного судьи, следовательно, по званию моему как второй член окружного управления имел не только пра-

во, но даже был обязан объявлять свое мнение и иметь суждение, которое, неизвестно мне почему, его сиятельству угодно назвать неуместным. Вследствие этого несправедливого представления обо мне его сиятельства князя Горчакова переведен я из Курганского окружного суда заседателем в *Туринский* окружной суд, каковое перемещение вменено мне в наказание; но за какую вину, я не знаю, а знаю только, что это сделано по проискам и интригам Папкевича из мести ко мне за власовское дело. Не надеясь законным и открытым путем сделать мне зло, потому что завинить меня ни в чем нельзя, эти два созвездия, сияющие на горизонте Западной Сибири, принялись действовать против меня средством более свойственным подобным людям, а именно: *исподтишка коварством*. Случай для этого представился им весьма удобный: месяца за два до моего выезда из Кургана в Туринск определен князем Горчаковым городничим в Курган некий *Тарасевич*², давнишний приятель и достойный сподвижник *Папкевичей*, который в угождение этим двум друзьям своим отозвался обо мне в рапортах, посылаемых ежемесячно к начальнику губернии, что я «человек беспокойный, занимающийся интригами (какими?), — в коротких отношениях с людьми безнравственными (с кем?) и поведения нетрезвого» (чистая ложь, что подтвердят все, знающие меня).

Невзирая на то, что князь Горчаков за правоту мою крайне мне неблагоприятствует и даже старается вредить, я не могу позволить себе думать, чтобы такая грубая на меня клевета была сделана с его ведома, но уверен, что это произведение ума Папкевичей и Тарасевича, которые, вероятно, до снискания себе убежища из России в Сибирь под покровительством князя Горчакова подобную аттестацию над собой испытали, и то тем более, что исправник Папкевич находится под судом в петербургской уголовной палате за растрату вещей при описи имения Палацци, производимой им в звании квартального петербургской полиции, каковая подсудимость в послужном списке утаена, а Тарасевич, служа писцом в с[анкт]-петербургской ратуше, на пятом десятке лет своей жизни успел дослужиться токмо до чина губернского секретаря и ознаменовал вступление свое в должность курганского городничего к неудовольствию жителей Кургана открытием в своем доме пристанодержательства для беглого

из евреев по прозванию Вакса, он же и Дмитриев, который за воровство, мошенничество, быв приговорен к наказанию чрез палача, избегнул этого принятием православной веры; но вместо того чтобы находиться на жительстве в Пелыме, куда он назначен в ссылку по судебному приговору, проживает у старого своего знакомого Тарасевича как домашний человек и фактор.

Доводя до сведения вашего превосходительства злонамеренные действия против меня Тарасевича (о Папкевичах я теперь не утруждаю вас потому, что их действия откроются при окончательном рассмотрении власовского дела), осмеливаюсь я всепокорнейше просить вас, приняв во уважение, 1) что, находясь более 23 лет в Сибири, я был всегда хорошо аттестован всеми начальниками губернии, о чем можно удостовериться выведением на справку; 2) что при Тарасевиче я жил в Кургане всего два месяца с небольшим и что для меня такого рода аттестация, как он обо мне сделал, это время слишком недостаточно; 3) что я окружным судом, в коем служу в звании заседателя, аттестован способным и достойным,—предписать с приложением этого письма находящемуся в Тобольске штаб-офицеру корпуса жандармов произвести удостоверение на месте как о справедливости отзыва обо мне Тарасевича, так и о пристанодержательстве вышеозначенного беглого из крещеных евреев.

Василий Андреевич Жуковский неоднократно писал мне, чтобы я в случае надобности обращался с просьбами к вашему превосходительству с полной уверенностью, что вы по доброте вашей всегда готовы по возможности мне пособить, но и без отзывов достопочтенного и всеми уважаемого человека, что ваше превосходительство по чувству справедливости расположены всегда взять под защиту всякого несправедливо гонимого человека и в особенности, когда этот человек, как я, заброшен судьбой в Сибири, в коей прожил уже более двадцати трех лет. Пользуясь этим случаем для засвидетельствования вашему превосходительству истинного почтения и совершенной преданности, имею честь быть, ваше превосходительство, милостивый государь,

ваш покорный слуга

Александр фон дер Бриген.

Туринск, 27-го октября [1850]*¹

Любезнейший друг Евгений Петрович.

Письмо твое от 27-го сентября получил я и очень благодарю тебя за дружескую твою беседу, но до сего дня не имел я свободной минуты, чтобы черкнуть тебе несколько строк. 1-го октября начал я перебираться на постоянную квартиру (в доме Рысева, напротив дома Басаргина)², и в этот же день женщина³, которая 15 лет заведывает моим хозяйством, сделалась так больна, что потребовала священника, дабы приготовляться встретить безносую и плешивую m[a]d[a]m Egalite^{**}. Болезнь продолжалась около трех недель, и она только дня три тому назад встала с постели и едва бродит. На новом месте, в новой квартире, и не зная даже, где какую из вещей моих отыскать, я так растерялся, что мне было не до письма, и в этом положении получил я запросные пункты из Кургана по одному делу, на которые я должен был отвечать, да еще письмо от Мих[аила] Алек[сандровича] Ф[он] В[изина], в коем он меня уведомляет, что кург[анский] городничий, при коем я жил только два месяца в Кург[ане], аттестовал меня как человека беспокойного и занимающегося интригами (какими?), находящегося в тесных связях с людьми порочными и безнравственными (с кем?), и, наконец, что поведения нетрезвого!!! Я, узнав это, написал тотчас к Дубельту, попросил его предписать штаб-офицеру корпуса жандармов, проживающему в Тобольске, произвести удостоверение о справедливости этого отзыва, но вместе с этим я приготовил для этого г[осподи]на городничего такой сюрприз, которого он не ожидает и который его ошеломит.

У нас здесь неприятное происшествие. Здешний городничий⁴ сделал на судью нашего донос, что будто он от живой жены женился на другой. Чем это кончится, не знаю, но бедный Башарин, которого мне очень жаль, хотя и бодрится, но повесил нос.

«Замогильные записки» и «Британское обозрение»^{***} отослал я 6-го октября в Тобольск Муравьеву⁵. Я те-

* Помета Е. П. Оболенского: «Пол[учено] 30 — отв[ечено] ноя[бря] 6-го».

** Egalite — равенство (франц.), в смысле смерть.

*** Названия книги и журнала в подлиннике на франц. яз.

перь читаю четвертую часть Луи Блана, и чем более его читаю, тем более восхищаюсь. Со следующей почтою, то есть 3-го ноября, вышлю я его к вам на имя Мешалкиной⁶. Скажи, пожалуйста, Ивану Дмитриевичу⁷, чтобы он на меня не сердился за то, что так долго его придержал. Туринском я доволен, выдаюсь часто с Тулиновыми⁸ и часто с ними о вас вспоминаю, это люди очень добрые. К 20-му ноябрю сулят какой-то манифест⁹, но я очень боюсь, чтобы эти будущие милости не были бы нечто вроде той дубины, которою услужливый медведь сгонял мух со лба своего друга. Во всяком случае, если меня и возвратят в Россию, то обстоятельства и дела мои заставят прожить меня около года в Сибири, уведошь, пожалуйста, в случае, если бы это сбылось, то какие твои намерения, а равно и намерения наших ялutorовских господ. В Сибири оставаться также плохо, потому что Омский Паша¹⁰ всем нам отъявленный враг. Что это за бездельник! Скажи усердный мой поклон всем нашим. Прости и не забывай искренно тебе преданного Б-на.

131. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

Туринск, 10 ноября [1850]*

Письмо твое, любезный Евгений Петрович, отправленное с басаргинскими возчиками, получил я сейчас, и так как они завтра рано отправляются обратно, то сей же час и принялся тебе отвечать.

Ты мне сообщаешь известия с востока, с устья Амура и пр., а я в замену сообщу тебе известия западные, которые ближе к нам и поэтому более нас интересует. Вчера получил письмо от Мих[аила] Александровича², который мне пишет, что по достоверным слухам кн[язя] Горчакова сажают в Государственный совет и на его место определен, и кто же, Граббе!³ Курганский Папкевич первый получил это известие из Петербурга и тотчас отправил об этом нарочного к князю⁴, который очень этим смутился и сказал: «Меня удивляет, что все это знают, тогда как я ничего не знаю», а месяц тому назад просился он в отпуск на 4 месяца. Слухи носят, что Шрамм⁵ и Колен⁶ уволены от службы. Первый по ревизии генерала Шлиппенбаха⁷, а второй по доносам Флеровского.

* Помета Е. П. Оболенского: «Отв[ечено] 13 дек[абря]».

Князя же доехал генерал Барко-Петровский, который отозвался царю, что Горчаков совершенно расстроил казачье войско, а в заключение скажу тебе, что дело о чернавском убийстве, за которое на меня так напали, по высочайшему повелению вытребовано для рассмотрения в Петербург, по просьбе моих дочерей Туманской и Гербель. Я воображаю, как все Главное управление вместе с Омским Пашою повесило нос. Я много видал превратностей в жизни, но подобного страшного падения я не видал. Вот тебе мои новости, о коих хотя официального еще ничего нет, но с каждою почтою ожидают, да и дай бог, чтобы так и было.

Ты удивляешься мне, что я жаловался на Тарасевича⁸, но я полагаю, что если бы ты был на моем месте, то не замолчал бы, если бы узнал, что кто-нибудь официально отозвался о тебе, что ты негодяй и пьяница. Я с Тарасевичем, который от меня кроме вежливости ничего не видал, сыграл чудесную штуку, нечто вроде вместо промаха Скапена⁹, он рыл для меня яму и, не понимая как, сам в нее упадет — но об этом после, когда случится.

Ивану Дмитриевичу прошу сказать, что я его Луи Блана, улучив верный случай, отправил к фон Визину; который его получил. Я затруднялся, как переслать эту книгу к вам в Ялуторовск, потому что книга запрещенная, и, слышав от тебя, что Ив[ан] Дмит[риевич] хочет послать ее в Тобольск, предупредил его в этом. Я полагаю, что, сделав таким образом, сделаю хорошо, если же ошибся, то виноват.

Я не понимаю, чему ты радуешься, любезный Евгений Петрович, что мы заняли устье Амура и что 35 [тысяч] вступили в подданство России. Я сомневаюсь, чтобы для этих новых верноподданных была бы большая находка попасть под лапу нашего правительства, — если же для самой России, то зачем^{**}? И без того велика Федора да дура.

Прости, любезный и добрый мой Евгений Петрович. Жму тебе крепко руку и прошу не забывать твоего вовсе не воинственного и не имеющего для стрельбы даже и

* Слова «вместо промаха Скапена» в подлиннике на франц. яз.

** Слово «зачем» в подлиннике на франц. яз.

тех патронов из крупы, коими Горчаков собирался стрелять по киргизам.

Ал. фон дер Бриген.

Всем нашим дружеский поклон*.

132. М. А. ТУМАНСКОЙ**

Туринск, 17 ноября 1850

Я отправил вам несколько писем, моя дорогая и любимая Мария, на которые не получил ответа. Это молчание с вашей стороны и при нынешнем положении вещей меня нисколько не удивляет. Наша столь мирная переписка была брошена вдруг на почву, на которой невозможно было продолжать ее в том же духе, не потеряв путеводную звезду. У меня есть некоторая надежда, что эти неприятности и неувязки кончатся и наступят хорошие времена. Здесь ожидаются большие перемены. Согласно слухам, которые здесь ходят, господин Горчаков будет заменен генералом Граббе <...>***. Я хорошо знаю Граббе, это человек достойный во всех отношениях, во всяком случае был таковым, когда я его знал, и надеюсь, что он не изменился. Ум, доброта сердца, благородство характера — все это у него есть. И все эти качества, которых было бы достаточно, чтобы заслужить любовь и оценить его в любом другом месте, были бы непременно здесь превознесены. С большим нетерпением я жду, когда новость, впрочем вполне состоятельная, утвердится официально <...>, в случае если она не будет иметь места¹.

Я слышал весьма смутно, что дело² было перенесено в высшую инстанцию в Петербург, но так как здесь из всего делают тайну, я не могу гарантировать верность этого утверждения. Нужно, чтобы <...> это дело <...> не нашло выхода <...>.

Переезд из Кургана в Туринск, как вы можете предположить, был очень неприятным для меня. Не считая очень значительных расходов из моих скромных средств, путь был весьма трудным из-за проливных дождей, ко-

* Слова «Всем нашим дружеский поклон» в подлиннике на франц. яз.

** Подлинник на франц. яз.

*** Здесь и далее отточиями в угловых скобках указаны те места, где текст вымаран цензурой.

которые непременно шли все это время и так испортили все дороги, что ехать можно было только шагом в грязи почти по ступицы. В довершение всех несчастий мой служащий, прибывший спустя двадцать дней после меня в Туринск с моими вещами и лошадьё, серьезно заболел³. Это несчастье послужило для меня, вновь прибывшего, едва вступившего на эту землю, причиной многих осложнений. Благодарение богу, который всегда покровительствовал мне, все уладилось, и я начинаю вновь заниматься своими делами и вести прежний образ жизни. В этом отношении Туринск — город мирный и спокойный. Он имеет значительное число церквей, монастырь и является, таким образом, религиозным городом, что мне очень подходит.

С каждой почтой я жду от вас писем. Прошу написать мне как можно скорее, так как ваше молчание в дальнейшем послужит причиной моего беспокойства, а его у меня уже достаточно.

Поцелуйте от меня вашу маменьку и всех близких и попросите маменьку послать мне сколько-нибудь денег к началу января, потому что будет очень жаль, если я пропущу ярмарку в Ирбите.

Ваш друг Алекс[андр] де Бриген.

[Приписка на полях:] Газеты мне не оставляют времени для серьезного чтения. Здесь у меня также Journal des Débats и «Век»*.

Сообщите мне, мое дорогое дитя, отчество моего зятя Василия Гербея.

133. В. В. ГЕРБЕЛЮ

Туринск, 24-го ноября 1850

Любезный и бесценный друг мой Василий Васильевич!

Письмо ваше получил я 10-го июля в Кургане, запоздалый же мой ответ посылаю вам из Туринска. Перемещение мое из Кургана — разные мелочные дразги по случаю ссоры, которую со мной завел кн[язь] Горчаков**, каковые обстоятельства вам, вероятно, известны, были причиной, воспрепятствовавшей мне немедленно, по по-

* Слово «Век» в подлиннике на франц. яз.

** Выделенные нами слова написаны над вычеркнутым текстом.

лучений вашего письма, поздравить и крепко прижать вас к сердцу моему как сына, вдвойне мне дорогого по себе и по дочери моей Бубиньке, приветствовать вас как новобрачного и пожелать всего того, что именно любящий отец может пожелать своим детям.

Молю всевышнего, да осенит он вас святыми покровами и да ниспошлет на вас свою благодать и прошу любить меня самого, сколько можно любить заочно того, о ком вы знаете и в ком уверены, что он в полном смысле слова преданный вам друг.

Александр фон дер Бриген.

Я надеюсь, что наша переписка этими письмами не ограничится и что вы меня не лишите удовольствия, если нечасто, но постоянно с вами переписываться. Правда ли то, что вы переселяетесь на жительство в Петербург?

134. М. А. ТУМАНСКОЙ

Туринск, 13-го декабря 1850

Ты с первого взгляда тотчас можешь догадаться, милая моя Машуточка, что это письмо официальное по делам службы и не принадлежит к тому разряду писем, к коему принадлежит последнее мое письмо, писанное к тебе 17-го ноября, а поэтому приготовься, что оно будет так скучно, как и сама служба под начальством ки[язя] Горчакова. Сегодня отправил я при письме к Демьяну Васильевичу² записку по известному тебе делу об убитом Власове с просьбой передать эту записку министру юстиции, потому что я достоверно узнал, что это дело вытребовано в Сенат, но каким образом, не знаю, потому что ты мне ни слова не пишешь, а полагаю только, что это сделано по твоей просьбе. Очень благодарю тебя за то, что обо мне хлопотала, но не спасибо за твое молчание, которое, впрочем, весьма извинительно по причине дорогих свадеб, на которых вы пляшете и веселитесь так, что и об вас можно сказать, что некогда сказано о Венском конгрессе: «Он танцует, но не продвигается вперед»*.

Я просил Демьяна Васильевича, чтобы он известил

* Слова «Он танцует но не продвигается вперед» в подлиннике на франц. яз.

тебя или твоего мужа о передаче этой Записки и о том, что какое ей будет дано движение и чтобы скорее получить это нужное для меня известие, прошу тебя черкнуть к нему несколько строк об этом же. Никогда не воображал я, когда, бывало, с гр[афом] Паниным³ по несколько часов беседовал, что мне придется отправлять к нему подобные записки! Тобольский губернатор⁴ прислал мне вопросные пункты, но самые глупейшие, какие могли придумать. Ответы мои я уже написал и отправлю со следующей почтой. Они будут очень не по вкусу губ[ернскому] суду, потому что мне говорить правду легко, но им поддерживать ложь трудно; да притом, не зная меня, они очень ошиблись. Думали меня испугать и сбить с толку, но ни то, ни другое не случилось. Я с неделю страдаю насморком, так что с трудом пишу, да притом страдаю еще худшей болезнью — безденежьем, а чрез два месяца Ирбитская ярмарка.

Прости, обнимаю тебя и прошу обнять за меня твою маменьку, а также всех больших и маленьких⁵, начиная с твоего мужа.

А. ф. д. Бриген.

Кн[язь] Горчаков теперь в Петербурге.

135. Д. В. КОЧУБЕЮ'

Туринск, 15-го декабря 1850

Достопочтенный Демьян Васильевич.

Ровно год тому назад отправил я к вам Записку по известному вам делу об убитом крестьянине Власове, а теперь привелось мне опять послать вам эту Записку, которую здесь прилагаю².

Причина, вынудившая меня утруждать вас таким образом вторично, есть та, что дело это вытребовано для разрешения в Сенат, но как дело о предании суду чиновников за мнимые какие-то противозаконные действия по этому случаю Тобольским губернским судом отделено от дела о самом убийстве, которое, как я полагаю, одно только и отправлено в Сенат, то, вероятно, и Записка моя, в коей подробно и ясно изложено все дело, не приложена к этому последнему делу, а оставлена в губ[ернском] суде при деле о подсудимости чиновников³. Это обстоятельство вынуждает меня утруждать вас просьбой передать эту Записку г[осподи]ну министру юстиции⁴.

Его сиятельство увидит тут не только подлинный ход и обстоятельства этого дела, но и узнает, в каком жалком и стесненном положении здесь несчастная юстиция, коей он первый блюститель. Кн[язь] Горчаков, разгневавшись на Кур[ганский] окр[ужной] суд за то, что дерзнул опорочить следствие покровительствуемого им курганского исправника Папкевича, в Положении Совета Главного управления Зап[адн]ой Сибири от 15-го июля 1849 г. за № 101 отдал весь окружной суд под бдительный надзор начальника губернии, т. е. другими словами, отдал юстицию под надзор полиции, что вас, конечно, удивит, но нас, привыкших здесь видеть подобные проделки, нисколько не удивляет.

Так как я не надеюсь иметь прямо от вас известия о получении этого письма и передаче министру этой Записки со всеми последствиями, известие же это мне необходимо нужно, то и прошу я вас написать об этом моему зятю, а вашему брату Владимиру Ивановичу или Машеньке⁵, которые со своей стороны не замедлят мне полученные от вас сведения, я же в неведении о том, что делается, брожу в потемках, так как со всех сторон сыплются на меня ложные доносы, глупейшие клеветы и разные ябеды.

Года два тому назад кн[язь] Горчаков превозносил вам меня похвалами, а теперь я не знаю, что он придумает сказать. Говорят, что, отъезжая недели три тому назад в Петербург, он сказал, что в первых числах февраля непременно обратится в Сибирь, а покамест здесь носятся слухи, что на его место назначен Граббе. Я бы очень был рад таковой перемене, потому что я Граббе хорошо знаю, и знаю, что это человек, преисполненный ума, доброты и чести.

А. ф. д. Бриген.

136. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Туринск], 22-го декабря [1850]¹

Благодарю тебя, любезнейший Евгений Петрович, за последнее твое письмо от 13-го дек[абря]. 22-го сентября отправил я действительно письмо на имя ирку[тского] губ[ернатора]² для передачи Трубецкому, но запечатанное; каким образом письмо это попало в руки Горчакова, мне неизвестно, а знаю только, что это сделано противо-

законно. В письме этом нет никаких выражений, которые бы мною не были употреблены в официальных бумагах и в письмах по этому случаю к Дубельту, да если бы и были, даже если бы я Горчакова разбранил, даже если бы сказал о нем выражением Василья Львовича³, что он <неразб.>, то и тогда я бы не был виноват, потому что я писал к Труб[ецкому], а не к Горчакову. Следующую фразу из письма припоминаю я: «Я уверен, что в целой Росс[ийской] империи нет места, где бы делались такие беззакония, как в Зап[адной] Сиб[ири] под управлением е[го] с[иятельства] кн[язя] Горчакова», — все же прочее, кажется, сколько я могу вспомнить, не так значительно. Однако по получении твоего письма я писал в Петербург, чтобы там взяли меры против подкопов Гор[чакова]⁴, а тебя прошу я, любезный друг, сообщи обо всем этом С. П. Труб[ецкому], да скажи мне, каким образом к нему писать, минуя начальников губернии, которые выкрадывают письма. Ты мне пишешь, что суток чрез 4 после твоего письма ко мне ты ожидаешь положительных известий, прошу мне их сообщить как можно поспешнее, ты хорошо понимаешь, что тут мучит меня не пустое любопытство. С крайним и живейшим прискорбием узнал я, что Ф[он] Виз[ин] лишился сына⁵. Мих[аил] Александрович оказывал мне столько приязни и столько участия в постигших меня неприятностях, что я о нем не иначе могу вспоминать, как с благодарностью. Мы с ним служили не только в одном полку, но даже в одной роте, и он не изменил старому товарищу. Да подкрепит всевышний его и Наталью Дмитриевну. Прости, дружнице, кланяюсь всем и жду с нетерпением известий от тебя.

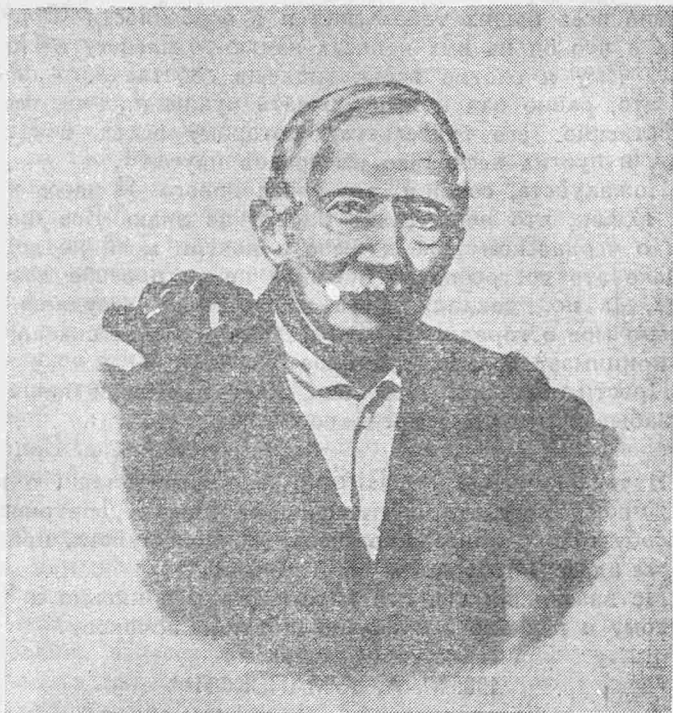
[Приписка на полях:] Очень быть может, что Горч[аков] возвратится в феврале, но тогда я откланяюсь Зап[адной] Сибири.

137. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

Туринск, 15-го января 1851*

Поздравляю тебя, любезнейший Евгений Петрович, с новым годом и желаю тебе от души всего лучшего не

* Помета Е. П. Оболенского: «Пол[учено] генв[аря] 23, от-веч[ено] — 26.

Е. П. ОБОЛЕНСКИЙ

только на этот [1]851 год, но еще и на многие и многие лета. Конец прошлого и начало нынешнего года были для меня не совсем благоприятные, потому что с 26-го декабря слег я в постель, с коей встал только дня четыре тому назад. Начало моей болезни была простуда, которая перешла в геморроидальные припадки, сопряженные с такой жестокой болью в пояснице, что я и в постели не иначе мог пошевелиться, как с помощью людей. Теперь я брожу по комнате и хотя еще слаб, но сегодня выходил на улицу подышать воздухом. 22-го декабря отправил я к тебе письмо, в коем просил прислать мне адрес С. П. Трубецкого. Я имею надобность к нему писать и намерен после перехваченного моего письма г[осподи]ном Горчаковым отправить письмо Трубецкому косвенным путем. Здесь был архитектор Черненко, который рассказывал, что его сиятельство крайне раздражен

против всех наших тобольских и в особенности Фон Визина и что он на них написал какую-то клевету в Петербург, чему я охотно верю, зная из собственного опыта, что это, равно как и выкрадывать чужие письма, весьма свойственно его сиятельству, которому вслед, в Петербург, я пустил несколько выстрелов наугад*.

Пожалуйста, сообщи, что у вас нового. Я здесь в такой глуши, что решительно ничего не знаю. Все письма мои о чернавском деле к жене и дочери моей не дошли, и дело это востребовано в Сенат не по просьбе дочерей моих, а по докладу шефа жандармов¹ государю. На письмо мое о городничем Тарасевиче Дубельт сказал, что он принимает во мне душевное участие.

Прости, Евгений Петрович, кланяйся всем нашим и не забывай искренно преданного тебе

А. ф. д. Бригена.

Я теперь читаю *les Girondius*. Заговоривши о книгах, прошу передать почтеннейшему Ивану Дмитриевичу просьбу мою о книге Тургенева, да, пожалуйста, пришли скорее адрес Трубецкого.

Не знаешь ли ты, кто перехватил мое письмо к Трубецкому и как оно доставлено кн[язю] Горчакову?

138. М. А. ТУМАНСКОЙ**

Туринск, 9 марта 1851

Я получил, моя дорогая дочь, ваше письмо от 18 января. Оно доставило мне удовольствие в связи с сообщением об удовлетворительном здоровье вашей маменьки, болезнь которой меня беспокоила. Благодарение богу, она ступила на путь выздоровления, и, учитывая хороший уход в Пануровке, мы можем не только надеяться, но и ожидать с уверенностью, что очень скоро она будет вполне здорова. Очень приятной новостью был для меня приезд в Слоут вашего брата Мишеля. Об этом неожиданном появлении, я надеюсь, вы мне напишете подробнее. Я с нетерпением жду от вас детальные сведения относительно его личности, так как я нахожусь в полном неведении об этом.

Я тоже перенес болезнь, которая продержала меня

* Слово «наугад» в подлиннике на франц. яз.

** Подлинник на франц. яз.

в постели дней двадцать, но в настоящий момент я не могу пожаловаться на свое здоровье.

Я предполагаю, что вам известны те изменения, которые у нас имели место. Горчакова только что заменили генералом Гасфортом¹, которого хорошо знает ваш дядюшка Иосиф², о нем говорят, что он хороший человек. Здесь ожидали назначения на этот пост генерала Граббе, который, вероятно, отказался. Действительно, этот пост, который в определенное время может быть вверен добросовестному человеку, желающему соответствовать обязанностям, которые ему будут вменены, требует активности и даже самоотверженности. <...>* отмечающего всякое сомнение <...>.

Простите, мое дорогое дитя, напишите мне незамедлительно и не забудьте поцеловать от меня ваших малюток и передать мои наилучшие пожелания вашему мужу и Василию Ивановичу³.

Ал. де Бриген.

В только что прибывшей почте не было письма от вашей маменьки, что начинает меня снова беспокоить. Ничто меня не тяготит так, как неизвестность, думаю, что это единственное, к чему невозможно привыкнуть, и меч, постоянно занесенный над головой, хуже, чем меч, о котором вы знаете, что в такой-то день, в такой-то час он вас отправит в руки мадам Egalite.

139. М. А. ТУМАНСКОЙ

Т[уринск], 21-го апреля 1851

Христос Воскрес!

Милая моя Машенька.

Поздравляю тебя, мужа твоего и милых твоих малюток со светлым Христовым воскресением, обнимаю я вас всех и желаю вам всего лучшего не только на этот год, но и еще на многие лета!

9-го марта отправил я к тебе письмо в ответ на твое письмо от 18-го января, но с того времени не имею от тебя известия. Я, благодаря бога, здоров, бодр и весел. Получил приятные известия о рождении в феврале месяце внука и внучки и о вступлении в службу Ивана

* Здесь и далее отточиями в угловых скобках отмечены места, вымаранные цензурой.

Павловича¹, чему я душевно радуюсь. Я с нынешнею почтою не думал к тебе, мое милое дитя, писать, но желание, чтобы ты достала для себя книгу Тур[генева]², о которой я тебе уже писал, дало мне перо в руки. Ты чрез Д[емьяна] В[асильевича]³ можешь достать эту книгу из Петербурга, где ее многие имеют, и ты должна ее прочесть хотя бы из чувства долга*. Это сочинение чрезвычайно достопримечательно и важно, и я уверен, что оно тебя займет и что ты его прочтешь не один раз. Если не Д[емьяна] В[асильевича], то попроси Вас[илия] Ивановича, он может его выписать. Ты дитею сиживала у Т[ургенева] на коленях, и он всегда тебя ласкал. В этой книге ты увидишь, как он обо мне отзывается⁴.

Я все ожидаю окончания власовского дела, которое в Сенате, но не знаю где, в Москве ли или в Петербурге. Когда оно кончится, то я буду просить тебя попросить Д[емьяна] В[асильевича], чтобы он, в свою очередь, попросил министра финансов (некогда хорошего моего знакомого)⁵ дать мне место в Петропавловской таможне, куда я думаю перейти из министерства юстиции, в которой служба мне совершенно опротивела, потому что это такая гадость, что ни на что не похоже. По таможенной части служба легка, жалованье значительнее и чиновники порядочные люди. Ты об этом можешь предупредить Д[емьяна] В[асильевича], но решительного ничего не предпринимай. Когда время придет, т. е. когда кончится власовское дело, то я тебе подробно напишу, что и когда сделать. Спроси Д[емьяна] В[асильевича], читал ли он книгу Т[ургенева], который славно отделал его председательствующего Блудова⁶.

Ответ твой на это письмо пошли мне, как и прежде, чрез сестру Любиньку.

Прости, обнимаю тебя и моих внуков миллион раз.

140. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Туринск], 1-го июня 1851 **

Письмо твое от 16-го апреля, которое за неимением с кем послать, пролежало трое суток у Степ[аниды] Ив[а-

* Слова «хотя бы из чувства долга» в подлиннике на франц. яз.

** Помета Е. П. Оболенского: «Пол[учено] июня 6-го. Отв[ечено]—16-го.

новны]¹, получил я, любезный Евгений Петрович. Я мешкал тебе отвечать, потому что писать было не о чем. Правда, что и теперь материалов новых никаких нет, но, невзирая на это, решился я отозваться и подать тебе голос, дабы ты знал, что я еще живу и здравствую. В апреле месяце отправил я два письма к Ф[он] Визину по случаю глупого завалишинского доноса, да одно письмо очень нужное к П. С. Б[обрищеву]-Пушкину, но ни на одно из этих писем не удостоился получить ответа, что, невзирая на мое долготерпение, становится мне иногда досадно. Я в этом деле забочусь не о себе, а о старике Башмакове и Ростовском² и опасаясь, чтобы пьяный и дерзкий Тарасевич, внушаемый злодеем Зав[алишиным]³, не наделали больших неприятностей этим господам, которые не всегда бывают осторожные, Слухи носят, что к 22-му авг[уста]⁴ делаются большие приготовления в Москве, куда целый гвард[ейский] корпус будто бы будет перевезен в 22 часа! Каков подвиг? Говорят о великих милостях, в коих и нас, грешных, не забудут, что очень возможно. Но я даже не воображаю себе, что будет, дай бы только, чтобы не было хуже. Что до меня касается, то я посмотрю, пойдут ли с прибытием нового ген[ерал-губернатора]⁵, который теперь уже прибыл в Тобольск, дела в Зап[адной] Сиб[ири] лучше. Если же нет, то я постараюсь, с божьей помощью, отсюда выбраться. Гасфорт человек очень хороший, но если он не прогонит всю горчаковскую сволочь, то хорошего мало ожидать. На старых дрожжах будет то же пиво. Я думаю, тебе уже известно, что Глебову⁶, М. Кюхельбекеру⁷, Веденяпину⁸ и еще двум из славян разрешено разъезжать по целой Сибири.

Прошу сказать от меня поклон всем нашим господам. Если у вас есть какие-нибудь литературные новости, то прошу мне, при случае, сообщить их сюда. Очень желал бы я прочесть продолжение «Загробных воспоминаний»*, которые у вас уже получены. Но главное, прошу не забывать, что я здесь живу в такой глуши, как бы в Камчатке, и не получаю даже таких известий, которые собственно для меня касаются, в каковом недостатке прошу тебя по возможности мне пособить.

* Слова «Загробные воспоминания» в подлиннике на франц. яз.

Прости, любезный Евгений Петрович, жму тебе крепко руку и остаюсь навсегда душевно тебе преданный
Б[риген].

141. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Туринск, 22 июня 1851

Я получил, мое милое дитя, ваше письмо от 14 мая и благодарю вас за удовлетворительные новости, касающиеся здоровья вашей маменьки. Нужно надеяться, что, соблюдая режим, предписанный врачом Пануровки, она восстановит свое здоровье полностью. Я же болен весь с головы до ног, но, несмотря на все, я стараюсь победить этот недуг с помощью упражнений, что мне и удастся. Ваша сестра Бубинька, должно быть, уже приехала со своим мужем и ребенком в Петербург, так же как и наш превосходный Иван Павлович ** в Москву. Будьте добры, мое милое дитя, послать мне их адреса. Я не надеюсь получить от них вскоре новости, так как при их занятости у них найдутся дела иные, чем письма писать. Вы не представляете, как я доволен теми переменами, которые произошли в положении Бубиньки и особенно в положении вашей сестры Анастасии. Она выйдет из заточения, в котором пребывала, увидит свет, а ее славный муж сделает карьеру на поприще, где выгодно проявит свои способности, и будет полезен семье. По его приезде в Юркулы *** я предсказал ему все это, и я рад; что мое предсказание исполнилось, и что еще более удивительно в этом предзнаменовании, что служба сама его нашла.

Что касается моей скромной персоны, то остается вам сообщить, что я веду здесь жизнь тихую и спокойную, т. е. не подвергаюсь недостойным преследованиям, каким подвергался в прошлом году. Но это не мешает мне находиться в постоянном напряжении, потому что я намереваюсь покинуть Туринск, сменив службу. Здешний климат мне не подходит, кроме того, здесь дорогая жизнь для тех средств существования, которыми я располагаю. Впрочем, я надеюсь, что небо благоволит моим

* Подлинник на франц. яз.

** Слова «Иван Павлович» в подлиннике на рус. яз.

*** Слово «Юркулы» в подлиннике на рус. яз.

пожеланиям сменить службу, о чем я сообщу вам с другой почтой. Новый генерал-губернатор, Гасфорт только что прибыл в Тобольск, и, как говорят, можно надеяться, что вследствие его приезда будут если не улучшения в полном смысле этого слова, то хотя бы смена чиновников; <...>*, что действительно будет соответствовать улучшениям <...>. Будет перемена дела, а это уже весьма существенно.

142. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Туринск], 7-го июля [1851]¹

Письмо твое от 16 июня получил я, любезнейший Евгений Петрович. Испытав не один раз, что письма мои крадут, посылаю я при сем два письма Башмакову и Сычеву², которые прошу тебя при верном случае переслать в Курган, только не чрез Каренгина³, которому я не доверяю. Я думаю, что это лучше всего сделать чрез Балакшина⁴. Ф[он] Визину писал я два письма по случаю доноса Завалишина и просил его хоть чрез Ив[ана] Алек[сандровича] Анненкова⁵ довести об этом до сведения ревизора Анненкова⁶, но на это не получил я никакого ответа. Я не брат и не сват рев[изору] Анненкову, но если бы мне случилось быть с ним в одном месте, то я бы без всяких околичностей пошел бы к нему и так бы ему заговорил, что вынудил бы его принять участие в этом деле. Этого мало, чтобы донос этого поношения рода человеческого, называемого Завалишин, остался без действия, а надобно, чтобы он вместе с негодяем Тарасевичем был бы за это наказан; и признаюсь, что для меня был бы праздник, если бы мне к этому случаю прислали бы только один вопросительный знак. В отношении ко мне я смеюсь над этим глупым доносом, но мне очень жаль Башмакова и Ростовского⁷, коим подлый Тарасевич, внушаемый Завалишиным, под пьяную руку может наделать больших неприятностей. Надобно знать, как этот Зав[алишин] на всех перекрестках трубит про бедную М. Н. Волконскую, что она вторая Мессалина⁸; самый же снисходительный его отзыв об наших, с коими он находился в Петровском, это глупец или дурак, за

* Отточиями здесь и далее отмечены места, вымаранные цензурой.

исключением только трех или четырех, и в том числе Ростовский. Конечно, все это заслуживает презрения, но до некоторой степени. Если такие ругательства переходят в действия,—и еще какие—то следует принять меры, чтобы унять такую гадину.

Г-жа Панаева⁹, приехавшая сюда из Петербурга, сказала мне о 22-м августа то же самое, что и ты мне сказал, а именно, что ничего не ожидают. Кто знает, может быть, это для того, чтобы поразить неожиданностью, как медведь пустытника, сгоняя муху.

Желал бы я очень знать, сказали ли наши г[оспо]да хоть словечко рев[изору] Анненкову о гонениях на меня Горчакова. Как я рад, что этот сатрап из выкраденного моего письма знает, какого я о нем мнения. Он узнал тут горькую правду и то еще какими незаконными и низкими путями!

В Туринске я по причине климата оставаться долго не намерен и, может быть, выеду и совсем из З[ападной] Сиб[ири], а потому и прошу тебя извещать меня о том, что будет делаться в высшей сфере правителей здешнего края. Это мне очень нужно знать.

Прости, любезнейший Евгений Петрович, жму тебе крепко руку и прошу сказать усердное приветствие нашим.

Сердечно соболезную о твоей потере, ты лишился двух сынов, а я, испытавший подобное¹⁰, знаю, как это тяжело. В вознаграждение за эту потерю, дай бог тебе взрастить себе на радость детей, которые теперь при тебе¹¹. Передай эти мои слова твоей супруге¹², коей прошу сказать усердный мой поклон.

Я уверен, что Эйхорн¹³ для тебя очень занимателен. Когда прочтешь эти три части, то я пришлю тебе и другие. Введение его в «Еврейскую литературу» и в «Книгу бытия» превосходны. Я начинаю перечитывать в третий раз великого учителя Неандра¹⁴, читаю также теперь «Речи одного верующего»* и Бичер-Стоу о неграх¹⁵. Последняя книга чрезвычайно замечательна. Все мои тебе усердно кланяются.

Прости, любящий тебя

Б[риге]н.

[Приписка на полях: (л. 15 об.)] По разным призна-

* Слова «Речи одного верующего» в подлиннике на франц. яз.

кам можно догадаться, что политические новости скоро сделаются интересными.

[На л. 16 об.:] Евгению Петровичу Оболенскому,

143. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Туринск], 5-го августа [1851]

Около месяца тому назад отправил я к тебе, любезнейший Евгений Петрович, письмо чрез Власова², ныне же, не дожидаясь твоего ответа, не хотел я пропустить верного случая, чтобы не написать тебе несколько строк чрез подателя этого письма, человека тебе знакомого. Я с большим нетерпением ожидаю возвращения Власова в надежде получить чрез него какие-нибудь сведения о том, что делается в свете. Круг умственной и нравственной жизни Туринска очень необширен, он ограничивается городскою поскутиною, а для меня это уже тесно, и я желал бы иметь поболее простора. Европа в больших ожиданиях от будущего мая, но должны ли и мы ожидать чего-нибудь от 22-го августа, этого я не знаю, поговаривают, что что-то будет, а я желаю только, чтобы не было бы хуже. Ревизор Анненков кончил свою ревизию и, вероятно, на этих днях проедет чрез Ялуторовск в Петербург. Ревизия его тайна, а мне кажется, что все это шарлатанство и вздор. Я думаю, что и бедному Гасфорту не сладить с возложенной на него обязанностью. Он человек военный, а при таком хаосе в делах гражданских что он сделает, будучи окружен со всех сторон мошенниками, которые в этой счастливой стране растут как грибы! К больному, который гниет, надобно прислать лекаря, а не портного, который бы его одевал в модное платье. Все, что я вижу в этой Сибири, так мне омерзело, что я буду всеми силами стараться отсюда выбраться, и надеюсь, что с помощью бога это мне удастся. Я ожидаю только, чем разрешится 22-е августа, и тогда, смотря по обстоятельствам, примусь действовать. Добрый мой корреспондент³ сообщил мне (по секрету) из Тобольска, что дело моей подсудимости решено и что, невзирая на всевозможные натяжки, в особенности со стороны Шиллинга⁴, которого Горчаков нарочно туда для этого перевел, определено сделать мне выговор, в ответ на это я изъявляю неудовольствие и перенесу дело в Сенат, где находится дело об убийстве Власова, которое,

кажется; по сие время еще не решено. Я думаю, что с этим выговором будет то же, что и с выговором, который по воле Горчакова сделан мне губер[нским] правлением *a'rgros de bottes** и который я не принял, вынудив моим отзывом сознаться губ[ернское] правление, что оно (хотел было сказать, она дура, но это чудовище средне-го рода) ошиблось; о чем я и получил указ.

Отправил ли ты в Курган два моих письма, которые я послал к тебе с Власовым. Письма не все доходят, и одно из моих писем, посланных к Ф[он] В[изину], там не получено.

Не знаешь ли, что делается в Кургане? Что с доносом гнусного Завалишина? Если знаешь, то, пожалуйста, сообщи. Башмаков был у Арцимовича⁵, который принял его очень хорошо, и старик наш рассказал ему многое, о чем бы тот никогда не знал. Еще прошу тебя, постарайся положительно узнать, прибыл ли ген[ерал]-губер[натор] Перовский⁶ в Оренбург, и дай мне об этом весточку, мне это очень нужно. Прости, любезный друг Евгений Петрович, писать более нечего, если же ты пожелаешь узнать чего-нибудь более о Туринске, то податель этих строк, как живое письмо, может тебя вполне удовлетворить. Прости.

Твой А. ф. д. Б[риге]н.

Прошу сказать от меня поклон нашим господам. Я с какими-то опасениями ожидаю этого 22-го августа.

144. М. А. ТУМАНСКОЙ**

Туринск, 10 августа 1851

Устав ждать, мое милое дитя, вашего ответа на многие письма, которые я вам написал, я решился и на этот раз взять инициативу в свои руки, адресуя вам эти строки. Возможно, что благодаря моей докучливости, удастся побудить вас поднять нить нашей переписки, слишком ослабленную, и вернуть ее в прежнее состояние, чтобы она нас снова прочно связала, вновь восстановить переписку, которая очень похожа на магнетическую связь. Я со своей стороны, подобрав конец этой

* Буквально: по поводу сапог, означает — спорить без серьезного повода (франц.).

** Подлинник на франц. яз.

дти переписки, начну с того, что сообщу вам о своем здоровье, которое весьма хорошо,— начало как тривиальное, так и важное, имея в виду, что без здоровья мы ничего не сможем начать, не считая начала конца. Впрочем, есть с чем себя поздравить, что здоров, так как в Туринске уже несколько недель как объявилась лихорадка, уносящая многие жизни. Весна началась здесь значительным падежом лошадей и крупного рогатого скота. Но, к счастью, летняя жара длилась недолго, что и положило конец этой заразе. А сейчас погода прохладная и туманная, словно в октябре, и в семь часов вечера уже нельзя обойтись без свечей. И пусть после этого утверждают, что это край не северный!

Ваша сестра Бубинька, должно быть, приехала со своим мужем и ребенком в Петербург, и я надеюсь получить от них вскоре известия. Если бы я имел в своем распоряжении их адрес, то не дожидался бы их письма, а написал сам, тем более, что я еще не ответил им на предыдущее письмо. То же самое и в отношении семьи Умовых, которые сообщили мне несколько месяцев тому, что они отправляются жить в Москву, но с тех пор не написали мне ни одного слова, чтобы уведомить меня, осуществили ли они свои планы. Я просил вас, милое дитя, сообщить мне о вашем брате Мишеле, о котором я ничего не знаю. Все, что ваша маменька мне пишет о нем, так расплывчато, что я довольствуюсь лишь предположениями. Бедный мальчик не пишет, и я, не зная, где он, тоже не могу ему писать. Да хранит его бог и защищает.

Я предполагаю, что вы уже были в Пануровке, где, по письмам маменьки, вы намеревались провести несколько дней. Прошу вас написать подробно о вашем отдыхе и особенно о здоровье вашей бабушки¹. Надеюсь, что следующая почта принесет мне от вас вести. Ожидая их, я обнимаю нежно вас и маленьких и прошу приветствовать от меня вашего мужа. Простите.

А. де Бриген.

Пришлите мне адрес Демьяна Вас[ильевича].

[Приписка на полях:] Мое дорогое дитя, скажите маменьке, что у меня кончаются деньги.

Туринск, 14 сентября 1851

Я получил, дорогая Мария, ваше письмо от 4 августа и благодарю вас за то, что вы сообщили хорошие и успокаивающие вести о здоровье вашей маменьки, которая, как мне хотелось бы и как я надеюсь, вскоре совсем поправится. Я лишь опасаясь, как бы ей не повредило лечение сверх меры. Это излишество, которого следует избегать. Что касается меня, я не слишком доверяю ни врачам, ни медицине, думаю, что доля шарлатанства есть и в господах медиках, и в их науке. Я это слышал от весьма опытного и почтенного доктора. Я полагаю, что дышать свежим воздухом, делать упражнения, не перегружать желудок и часто принимать ванны холодные или теплые по температуре — вот лучшее средство сохранить здоровье. Я не могу сообщить ничего особенного ни о своем здоровье, ни о себе самом. Здоровье — удовлетворительное, а моя персона, как всегда, находится в *status quo*, которое вы знаете и о котором говорить нечего. Я не премину воспользоваться адресом вашей сестры Бубиньки, который вы мне прислали. Я хотел бы тотчас написать ей, но вынужден ждать ее возвращения из деревни. Бубинька должна была сделать визит к моей матушке и показать ей свою дочь Аннету. Можете себе представить счастье моей превосходной и несравненной матушки — держать в своих руках и качать на коленях свою правнучку! Мне писали, что она словно помолодела от этого, и Бубинька стала мне еще дороже тем, что доставила счастье моей маменьке.

Будет хорошо, если вы приобретете собрание французских классиков, о которых я вам писал, а также другие сочинения, рекомендованные мною. Я со своей стороны прошу вас прислать мне сочинения Паскаля, которые вы найдете в моей библиотеке. Это два тома, брошюрованные синей бумагой. Мне не хватает этого труда, и я прошу выслать его с первой же почтой, если это не затруднит вас слишком.

Прошу поцеловать от меня вашу маменьку, милых деток, в том числе мою внучку Софи, которая простит своего дедушку за то, что он забыл сделать это в своем

* Подлинник на франц. яз.

предыдущем письме. Передайте мои наилучшие пожелания вашему мужу. Простите, будьте здоровы и не забывайте вашего искреннего друга Алекс. де Бригена.

Пришлите мне адрес Демьяна Вас[ильевича]. Вы ничего не сообщаете мне о своем девере Вас[илии] Иван[овиче]*.

146. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Туринск], 14-го октября [1851]**1

Залежавшееся письмо, по-моему, равно разогретому блюду или выдохшему[ся] вину, а по этой причине решил-ся я этим письмом заменить письмо, которое я три недели тому назад для тебя, любезнейший Евгений Петрович, заготовил, надеясь тогда же его к тебе отправить с подательницею этих строк, которая оказалась также из породы кунктаторов. Благодарю тебя за известие о рождении тебе сына и желаю от души, чтобы этот новый труженик на пути жизни, сопровождаемый благодатью всевышнего, преуспевал бы во всем хорошем на радость своим родителям, а в заключение прошу этого маленького г[осподи]на Инкогнито (имя его я не знаю) от меня поцеловать². Вчера получил я письмо от Свистунова, который меня также извещает, что 3-го этого месяца бог даровал ему сына³.

Скажи, пожалуйста, правда ли, что будто бы Фон Визин вторично имел несчастье лишиться сына⁴, потеряв уже одного в прошлом году, и будто по этой причине они у вас гостят в Ялуторовске. Дай бог, чтобы это было бы неправда. Если же правда, то я душевно сожалею о таком несчастье, постигшем этих почтенных людей. Мих[аил] Алек[сандрович] несколько раз ко мне писал, но ни словом не упомянул о потере сына.

О внешней моей жизни не имею я ничего сказать особенного, как только то, что я здоров, бодр духом и живу покойно, а о внутренней мне бы привелось говорить столько, что я бы не скоро кончил; скажу только, что я весь в философии и что, перечитывая по вечерам Канта или вдохновенного Якоби, я самый счастливый человек.

* Слова «Демьяна Вас.» и «Вас. Иван.» в подлиннике на рус. яз.

** Помета Е. П. Оболенского: «Отв[ечено] 31 окт[ября]».

Мне очень бы хотелось оставить Зап[адную] Сибирь, и я даже надеюсь, что с помощью божиею это мне удастся; но в этом случае связывают меня два обстоятельства, а именно: неведение, в коем я нахожусь, как Сенат решил чернавское дело, и донос Завалишина. Не можешь ли ты мне в этом пособить, разузнав о том и о другом? В Тобольске это очень легко сделать и копию с указа Сената можно достать из губ[ернского] суда, ты бы очень меня этим одолжил. По доносу Завалишина ничтожный наш губернатор⁵ назначил произвести следствие Угрюмовскому⁶ при жандармском офицере, но Завалишин вздумал отвезть Угрюмовского, подозревая его в пристрастии, и написал об этом новому правителю⁷, прибавив еще другой донос о грабительствах и взятках друга своего Тарасевича. Я жду только, чтобы меня запросили, и тогда я этого отверженника Завалишина на основании ст. 1429, 1436, 1447 XV-го тома и еще многих других (у меня их целый рецепт) загромлю и совершенно уничтожу и буду требовать, чтобы, руководствуясь Уложением, его бы публично за ложный донос по 2-му пункту наказали чрез палачей.

Скажи, пожалуйста, И. И. Пущину, что я письмо его получил и благодарю за отсылку книг в Тобольск. Прилагаемое же здесь письмо прошу тебя переслать Башмакову. Прости великодушно, что тебя этим утруждаю, но я вынужден к этому, удостоверюсь, что письма мои к нему не доходят. Всем нашим г[оспо]дам прошу кланяться да прошу извинить меня в том, что, торопясь, пишу к тебе такими каракулями.

Твой Б[риге]н.

147. М. А. ТУМАНСКОЙ

[Туринск], 19-го октября [1851]¹

Милая дочь моя Машенька.

Известное тебе власовское дело кончено в Сенате. Указа об этом я не читал и до сего времени не могу его достать, а знаю только, что Сенат согласился со мною, его оправдал² и велел выпустить из острога, в который кн[язь] Г[орчаков] его противозаконно посадил. Следовательно, сделалось по-моему, да иначе и быть не могло. Я теперь жду с нетерпением этого указа из Тобольска, и тогда, а может быть, если продлится долго, то и не

дождавшись его, обращаюсь к новому ген[ерал]-губ[ернатору]³ с просьбою о скорейшем окончании моей подеудимости по этому делу и вот для чего. Перовский, нынешний ген[ерал]-губ[ернатор] оренбургский, был мне некогда товарищ по службе и большой приятель. Он меня очень любил, и я уверен в его готовности сделать мне по возможности добро. Этим обстоятельством намерен я воспользоваться, чтобы просить его об исходатайствовании мне перевода на службу в Оренбургскую губернию. Если что можно сделать, то один он это может сделать, а для меня это был бы большой шаг. Он, конечно, даст мне хорошее место, и я таким образом, выбравшись на берег, могу спокойно ожидать, что богу угодно будет впоследствии сделать со мною. Но чтобы выбраться отсюда, нужно, во-первых, кончить эти глупые дразги, которые Г[орчаков] в ослеплении своем и ко вреду своему со мною завязал и в коих он теперь, конечно, сам раскаивается, и, во-вторых, а это самое главное, для такого перемещения нужны деньги, которых у меня нет. Отсюда до Оренбурга более 1500 верст, а для такого подъема нужен хороший тарантас. Для сопровождения моей клади (книг, платья и пр.), для чего потребно будет 3-х или 4-х лошадей, нужен человек, ведь эти вещи мне не бросить, а с собою забрать я их не могу. К тому еще у меня до 200 р. с. долгу, который надобно будет уплатить, так что, как ни считай, а понадобится мне 500 р. с. Прошу тебя, милая моя Машенька, об этом сообщить твоей маменьке и переговорить с нею, дабы узнать, могу ли, в случае, если это предположение состоится, я надеяться, что маменька твоя мне пособит, или, лучше, будет ли она в силах пособить. Очень быть может, что П[еровский], узнав из письма моего мои обстоятельства, сам предупредит мою нужду, что даже и вероятно, но это авось. Очень быть может и то, что при всем благо-расположении П[еровского], коего доброту и благородство я знаю, моя просьба не будет иметь успеха; но попытка еще не беда. Тут начало трудно, но если это удастся, то со временем вознаградятся не только издержки, но и неприятности столь дальнего и в моих летах трудного путешествия при отсутствии удобностей от недостатка средств. Служба здесь, несмотря на малое жалованье, для меня хороша, потому что покойна, а не то, что в Кургане, и я бы не думал оставить здешнее место, если бы не

климат. В других же местах здешнего же края служба сопряжена с неприятностями, потому что в делах такой хаос и все так расстроено 16-летним управлением ки[язя] Г[орчакова], что новый ген[ерал]-губ[ернатор] и Анненков стали в тупик и не знают, как приняться, чтобы привести это в порядок. Говорят, будто для этого назначается особенная комиссия. Но где вдруг взять людей, если всех старых негодяев прогнать? Оставить же их, то на старых дрожжах будет то же пиво.

Я было думал перейти в таможенную и просил тебя переговорить об этом с Д[емьяном] В[асильевичем], но назначение П[еровского] в Оренб[ург] породило мгновенно во мне мысль туда перебраться. Это было как вдохновение. Я бы давно уже к нему пустил письмо, но власовское дело и недостаток денег заставили меня помедлить. Я думаю, однако, чрез месяц к нему писать⁴. Мне бы хотелось по последнему пути туда ехать. Не знаю, что бог даст, но я уповаю на него и имею уже это благословение ангельской моей маменьки. Тебя прошу не медлить твоим ответом на это письмо, который ты мне и перешли чрез Ник[олая] Алексеевича⁵. Друг мой Т[ургенев] поставил мне в своей книге памятник, отрадный для сердца моего и коим вы, мои дети, после смерти моей можете гордиться. Простите, обнимаю вас всех и жду ответа. Об этом моем намерении прошу из посторонних никому не говорить.

148. М. А. ТУМАНСКОЙ

Туринск, 2 мая 1852

Милая моя Машенька.

Несколько раз принимался я за перо, чтобы к тебе писать, но от неимения чего сказать, бросал перо и откладывал мое письмо до следующей почты. Сегодня решился я во что бы то ни стало черкнуть несколько строк, дабы сказать тебе, что я еще существую и что здоровье мое довольно порядочно, хотя иногда слегка и прихварываю. Последнее письмо, которое я от тебя получил было от 12-го декабря, а с тех пор получал я известия о тебе и твоих малютках в письмах маменьки твоей, к коей я писал 18-го января, 7-го и 22 февр[аля] и, наконец, 3-го апреля, но не получил еще ответа ни на одно письмо.

Сестра твоя Бубинька писала ко мне 15-го февр[аля], и я надеюсь, что с переездом ее в П[етер]бург между нами установится постоянная переписка, что для меня будет очень приятно.

Ожидания мои, которые тебе известны, не осуществились, и я ошибся в тех людях, на которых надеялся¹. Испытанная мною истина слов Св. писания «Всяк человек есть ложь, не надейтесь на сына человеческого» подтвердилась и в этот раз; но не теряю бодрости, надобно уповать на бога, который неисповедимыми путями ведет к лучшему, и я надеюсь, что будет лучше. Впрочем, дожив до 60 лет, не стоит много хлопотать о немногом времени, которое остается еще жить. Маменьку твою прошу за меня обнять и попроси ее, чтобы она выслала мне сколько-нибудь денег, в коих я теперь очень нуждаюсь. Да вышлите мне, пожалуйста, и книги, о коих я уже так давно тому назад вас просил. Буде тебя не затруднит, то прибавь к ним еще и сочинения Горация² в переводе Фосса*, 2 книги в синем бумажном переплете. Беда, что глаза мои начинают мне изменять, и я должен их оберегать. Я просил Ник[олая] Алексеевича выслать мне очки, не знаю, скоро ли их получу.

Прости, обнимаю тебя и твоих малюток, а мужу твоему прошу сказать мой поклон. В ожидании твоего ответа нежно тебя любящий отец

Александр фон дер Бриген.

149. М. А. ТУМАНСКОЙ**

Туринск, 22 мая 1852

Ваше письмо от 15 февраля, моя дорогая дочь, доставило мне удовольствие, потому что из него я понял, что вы и ваши драгоценные дети здоровы и что молчание, хранимое вами в течение нескольких месяцев, не было вызвано какими-либо неблагоприятными обстоятельствами. Наша переписка, когда она есть, тяжела, будто наполненная свинцом. Единственное средство, которое мне известно для придания ей жизни и живости, было бы иметь в своем распоряжении резиновые трубочки, кото-

* Слова «Сочинения Горация в переводе Фосса» в подлиннике на нем. яз.

** Подлинник на франц. яз.

рыми пользуются в электрических телеграфах, чтобы чрез них доставлять вам мои письма и получать таким же путем ответы. Гомер называет слово крылатым, а мысль превосходит по скорости свет, но в нашем необычном исключительном положении и то и другое движется, словно животное, продвигающееся по дюйму в день. Это неизбежность, которой нужно покориться, ибо ничего лучшего не остается.

Известие о смерти несравненного Жуковского меня очень взволновало. Эта потеря оставляет пустоту в моем существовании, которая ничем не может быть восполнена. Нужно было знать эту прекрасную, совершенно христианскую душу, чтобы суметь оценить все то, что она заключала в себе прекрасного и великодушного. Воспоминания об его расположении ко мне и интересе, который он проявлял, мне дороги, тем более, что мне случилось видеть равнодушие там, где я надеялся встретить доброжелательность и дружбу, на которые, как я полагал, имел некоторое право, в то время как несравненный Жуковский, с которым у меня никогда не было близких отношений, знал меня только благодаря моей связи с семьей Тургеневых, отец которых был приемным отцом Жуковского¹.

Ваш муж прав, говоря, что военная служба — это лучшая школа для формирования молодого человека, но чтобы воспользоваться этой школой, надо, чтобы молодой человек поступал на службу сознательно, получив серьезное образование. Гарнизонная жизнь, где много действуют, ничего не делая, есть по сути жизнь праздная, и молодой человек, не имеющий в себе балласта, будет легко унесен этим морем, обычно весьма бурным, с течениями, бог знает куда. От всего сердца желаю, чтобы поездка в Киев была благотворной для вашей Оленьки, непременно нужно освободить бедняжку от ее болезни и следует надеяться, что лечение хорошего врача достигнет этой цели. Простите, мое дорогое дитя! Целую вас и прошу от меня поцеловать детей ваших, которые хоть немного принадлежат и мне, а также и вашего мужа.

А. де Б[риген].

P. S. Сделайте же что-нибудь, чтобы освободить мои бедные книги из подвала, куда их поместили, и пошлите мне те, которые я просил. В числе французских книг из

моей библиотеки есть несколько прекрасных изданий, которые я советую вам взять себе. Среди них есть также несколько довольно редких книг, например, сочинения госпожи Гюйон в 40 томах, которые довольно трудно достать. Мне кажется, я вам уже рекомендовал чтение небольших трудов (2-й том) этой замечательной женщины, подруги Фенелона², с которой он часто почтительно советовался, этим все сказано.

Есть также две немецких библии, весьма примечательных, очень ценная коллекция Муратори³. Полагаю, что граф Кодекс⁴ не отказался бы приобрести ее для своего Нежинского лицея. Еще раз простите.

150. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Туринск, 28 ноября 1852

Я получил, моя дорогая дочь, ваше письмо от 14 октября из Глухова. Я очень рад знать, что вы и ваши дорогие дети находятся в добром здравии. Я прекрасно понимаю, что письма, которые вы адресуете другим, даются легче, чем в переписке с такой персоной, как я, который скорее походит на привидение, чем на живое существо, и как таковой лишен всяких качеств, необходимых, чтобы вдохновить на беседу, доверительную и жизнерадостную. Этого довода достаточно, чтобы служить объяснением редкости ваших писем и оправдать ваше молчание.

Мое здоровье не хорошее, но и не совсем плохое. Я не болен в полном смысле слова, но довольно часто чувствую недомогание, а иногда бываю так слаб, что становлюсь ни на что не годным. В этом отношении служба в Туринске мне очень подходит, ибо здесь работы мало, что позволяет мне спокойно влачить существование. Туринск — городок мирный и спокойный, жаль, что климат здесь не из лучших.

Я отправил 4 письма вашей маменьке, а ответа на два первых (от 22 августа и 5 сентября), которые, должно быть, уже пришли, пока не было, что вызывает у меня некоторое недовольство. Я был бы бесконечно обязан, если бы вам удалось уладить дело относительно продажи Муратори. Это оживило бы мои финансы, на-

* Подлинник на франц. яз.

ходящиеся в плачевном состоянии, и помогло бы мне избежать денежных затруднений и расплатиться с некоторыми незначительными денежными долгами, которые не дают покоя и неприятны мне. Это собрание имеет весьма необычную судьбу. Прежде чем оно прибыло из Парижа в Петербург, его по ошибке отправили в Коимбраский университет в Португалии, и, таким образом, мой Мура-тори совершил путешествие по Европе, чтобы попасть в Слонт.

Вы очень хорошо поступили, взяв сочинение мадам Гюйон. Этот выбор — доказательство вашей рассудительности. Для человека, живущего внутренней жизнью и для которого мистицизм является потребностью сердца, это чтение поучающее и привлекательное. Мадам Гюйон была подругой Фенелона, который позволял себе следовать ее советам — и этим все сказано. А замечательная мадам Крюденер, которую я встречал в Петербурге, в беседе о ней говорила: «Эта женщина — орлица, и, следя за ее полетом в небесах, я чувствую себя ничтожной». Я советую вам прочитать в ее небольших трудах о способе написания надгробных речей и о детстве Иисуса. Это произведение очень редкое, и одна из моих знакомых дам достала один экземпляр ценой невероятных усилий, заплатив за него 150 рублей наличными. Вы мне говорите, что Мишель любит чтение, но позвольте мне немного в этом усомниться. Книги и карты — это две крайности, взаимно исключающие друг друга.

Было бы грустно, если бы мои шурины¹, разделяя имущество, начали бы со споров, а закончили бы ссорой. Это напоминало бы немного басню Крылова «Собачья дружба»², я слишком хорошего мнения о них, чтобы допустить возможность этого. Мой тесть³ был неправ, не оставив никаких распоряжений при жизни.

Головные боли часто мучают меня. В момент, когда я пишу вам письмо, у меня тяжелая голова, но я не желаю нарушать обязательство, которое взял на себя, — не откладывать ответы (что я посоветовал бы вам тоже делать), я превозмог себя, чтобы рассчитаться за ваше письмо. Это объяснит вам несвязность моего письма и плохой почерк.

Простите, моя дорогая дочь, целую вас и ваших дорогих детей и прошу напомнить обо мне вашему мужу.

А. де Бриген.

Поцелуйте от меня вашу маменьку и засвидетельствуйте ей мою дружбу.

[Приписка на полях:] Прочтите и подумайте над «Мыслями» Паскаля. Молитва, в которой он благодарит бога за то, что тот разбил его тело болезнями, очень трогательна. Мы стараемся рассеяться в то время, как надо стремиться сосредоточиться.

Напишите мне что-либо о лицее Безбородко⁴, который находится в нескольких шагах от вашего дома. Если случайно Куш[елев]-Безбородко навестит вас в Глухове, посоветуйте ему прочитать статью у Паскаля «О положении вельмож». Она, должно быть, издана.

151. М. А. ТУМАНСКОЙ

[Туринск], 12-го декабря [1852]¹

Милая моя Машенька.

Прошлого года в это самое время писал я, как тебе известно, к П[еровскому], но письмо мое не имело успеха. Он ничего не сделал и, как я узнал, не мог сделать, потому что в отношениях, в коих он находится, это для него не только затруднительно, но и очень щекотливо. Ныне обращаюсь я к тебе с просьбою, которая весьма удобоисполнительна и не может встретить другого препятствия, как разве недоброхотство, вот в чем дело. Я служу уже 4 года заседателем и желал бы очень поступить в окружные судьи. Окр[ужной] судья², который теперь здесь служит, уже 12 лет коллежский советник и желает по семейным обстоятельствам перемещения в То[больск] на высшую должность советника. Все это совершенно зависит от нашего ген[ерал]-губ[ернатора]³, но ни он меня, ни я его, мы друг друга не знаем, да, вероятно, никогда и не познакомимся, потому что едва ли он когда придет в мое захолустье. При этом он человек такой странный и отталкивающий от себя, что я никогда не решился бы о себе просить его; но я уверен, что несколько строк Демьяна Вас[ильевича] к нему уладили бы это дело, которое для ген[ерал]-губ[ернатора] сущий вздор. Сделай милость, попроси Д[емьяна] В[асильевича] об этом от себя и от меня с первою же почтою и с тою же почтою уведоми меня о получении этого письма. Не забудь упомянуть Д[емьяну] В[асильевичу], что я желаю быть судьей здесь, в Т[уринске], а не в другом месте,

потому что этот суд, где делопроизводство небольшое, при слабом моем здоровье мне по силам. Ген[ерал]-губ[ернатор] едва ли может сам меня определить к этой должности. Но если он об этом представит с оговоркою, что нуждается в хороших чиновниках (их здесь вовсе нет), то его представление уважится. При этом не худо, если бы Д[емьян] В[асильевич] ему упомянул, что я около двух лет исправлял должность окружного судьи в Ку[ргане]. Эта перемена была бы для меня очень приятна, я бы получал тогда 1200 р. асс. жалованья, а служба эта ничто и теперь. Леон[тий] Вас[ильевич] Дуб[ельт] ко мне весьма расположен, и если Д[емьян] В[асильевич] с ним знаком, то хорошо бы и с ним об этом переговорить. Это сильнее бы подействовало на нашего ген[ерал]-губ[ернатора], который, признаюсь, мне не весьма нравится, хотя он и был приятель Пражевских⁴. Здесь дела идут едва ли не хуже прежнего, потому что нет честных и знающих свое дело чиновников. Это такая сволочь, что ужас!

Прости, милая моя Машенька, уведоь меня с первою же почтою о получении этого письма обыкновенным порядком, но пиши так, чтобы другие не могли понять, здесь охотники читать чужие письма, а я уже пойму, что ты скажешь. Может быть, наступающий 1853 год будет для меня счастливее этого рокового 1852 года. Прости, обнимаю вас всех. Я на тебя надеюсь, как на крепкую стену, и вполне полагаюсь на твое благоразумие в этом деле. Прости. Не забудь и о Муратори, деньги мне очень нужны.

152. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Туринск, 14 февраля 1853

Я получил, моя дорогая дочь, ваше письмо от 8 января 10 числа этого месяца и спешу на него ответить. Только что прошедший год был довольно трудным для меня, и нынешний также начался в несчастливый час. Болезнь вашего брата огорчает и беспокоит меня. Дай бог, чтобы здоровье его восстановилось и эта болезнь не оставила бы осложнений, на что я надеюсь. Но, кроме беспокойства и тревоги, болезнь причинит расстройство в его делах и делах вашей маменьки. Дай бог, чтобы

* Подлинник на франц. яз.

все на этом закончилось, и как можно быстрее. Бедный молодой человек меня очень огорчает, и в этом смысле надежды мои были обмануты, но да свершится воля божья!

Мое мнение о мужчинах вообще невысоко, начиная с меня самого, и я воспринимаю в полном их смысле слова из Писания о том, что мужчина есть только ложь, но мне хочется верить, что Демьян Вас[ильевич]*, которого я знал как человека галантного, не изменился с тех пор до неузнаваемости. Я ему очень обязан за его интерес ко мне и надеюсь, что в этом смысле его благожелательность еще не исчерпана.

Я просил вашу маменьку послать мне денег не позже 15 января, она мне обещала их выслать не позднее этого срока, сегодня 14 февраля, а деньги еще не пришли. Ярмарка потеряна для меня, что нанесло мне ущерб, но, помимо денежных затруднений, я не сумел выполнить своих обещаний, а я тот, который любит свято держать свое слово.

Несколько дней назад здесь был губернатор Тихон Федотович Прокофьев**¹. Я познакомился с ним. Это старый военный, очень добрый, приветливый и любезный. Он мне сообщил, что хорошо знаком с вашим деверем Мих[айлом] Иван[овичем]***².

Простите, милое дитя, целую вас и ваших дорогих детей и прошу поцеловать от меня вашего мужа.

А. ф. д. Бриген.

Прошу вас прочитать «Мысли» Паскаля. Мне 60 лет, а в этом возрасте (более, чем когда) следует приготовиться к моменту, когда кончится время и начнется вечность. В этом смысле чтение мне доставляет большое удовольствие.

[Приписка на полях:] Что вы скажете мне по поводу Муратори, который меня так интересует?

* «Вас.» в подлиннике на рус. яз.

** «Тихон Федотович Прокофьев» в подлиннике на рус. яз.

*** «Мих. Иван.» в подлиннике на рус. яз.

Милая моя дочь Машенька.

Я в крайнем недоумении и не знаю, с чего начать это письмо. Удивительное и необыкновенное молчание твоей маменьки так меня беспокоит, что я не нахожу слов выразить это и начинаю думать, что случилось какое-нибудь несчастье. Каков твой брат, не хуже ли ему и жив ли он? Эти вопросы меня мучают. Что-нибудь необыкновенного случилось у вас, пожалуйста, с *первою* почтою напиши мне хоть несколько строк. Я без гроша, говорю без преувеличения, пропустил ярмарку и кругом в долгу. Если бы не бедное жалованье, которое я получаю, то привелось бы голодать. Я тебе писал об этом в письме от 7-го февр[аля], которое ты теперь, вероятно, получила. Маменька твоя писала мне, что 15-го декаб[ря] непременно вышлет мне денег, но по сей день ни денег, ни письма нет. Это, право, тяжело, а тут, по несчастию, еще с меня вычит более 30 р. с. за чин, который получил 30-го декабря², да 13 р. с. взыскания за нарочного, который был послан по известному тебе делу два года тому назад, так что у меня будут вычитать из жалованья 45 р. с. бог весть за что и тогда, как мне каждая копейка дорога³. Ты писала мне, что 9-го января ты отправишь письмо обо мне к Демьяну Васильевичу. Если он исполнил твою и мою просьбу, то письмо его должно уже более 12 дней быть в руках Г[асфорта]. Я со своей стороны пишу также к нему, т. е. к Гас[форту], сегодня. Мое письмо во всяком случае будет очень кстати, писал ли или не писал Демьян Вас[ильевич]. Увидим, что из этого будет. Как ни будь терпелив, а, право, потеряешь терпение, видя и чувствуя, что ничего не делается и ничего не движется. 26-го декабря послал я к твоей маменьке три письма покойного моего тестя по случаю раздела. Из них ты увидишь, что посул и обещаний было много и не сделано ничего. Я всегда ошибался в людях, судя об них по себе, а теперь опытность пришла уже слишком поздно. Прости, господь с тобою и со всеми твоими.

Р. С. Почта сей час пришла и опять не привезла мне ничего. Опять неделя ожидания, которое продолжается уже месяц. Я теперь почти уверен, что у вас что-нибудь случилось.

Я к Г[асфорту] пишу, что Демьян Вас[ильевич] намеревался его обо мне просить, но не знаю, исполнил ли он это или нет.

154. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Туринск], 16-го марта [1853]*¹

Любезный Евгений Петрович!

Степанида Ивановна² передала мне приятную новость о возвращении Фон Визина на родину. Я душевно этому радуюсь и прошу тебя при проводе Мих[аила] Александровича чрез Ялуторовск передать ему и Наталье Дмитриевне дружеское мое приветствие по этому случаю. Фон Визин один из самых старых моих товарищей в Сибири. Мы с ним служили в Измайловском полку офицерами в одной роте. Я воображаю, как они должны быть рады вырваться из этой могилы, называемой Тобольск, дабы дожить в тишине и покое какой-нибудь десяток лет, который им останется доживать. Но не все мы в одном положении. Многие из наших, вероятно, не захотят воспользоваться возвращением, если бы оно им было предложено, и я, кажется, принадлежу к этому числу. Из того, что возвращают Мих[аила] Александровича, нельзя еще заключить, что станут возвращать всех тех, коих родственники будут об этом домогаться. Конечно, большая часть из наших положат свои кости в Сибири. Это событие доказывает, что Ник[олай] Павлович не так недоступен, как его представляют, а меня оно еще более убеждает в давнишней моей мысли, что он столько же превышает душою и сердцем своих приближенных и сановников (Горчаковых, Гасфорт, Анненк[овых] и пр. и пр.), сколько он их превышает своим саном, а в заключение всего этого нельзя не согласиться с Монтенем и Паскалем, что человек есть самое жалкое и юродивое творение, обитающее на земном шаре.

О себе я не имею ничего особенного сказать. Марко живое письмо. Гасфорт болен, вероятно, от усилия казаться молодым перед невестою. Он красит себе волосы, усы и даже мажет чем-то губы! Недели две тому назад

* Помета Е. П. Оболенского: Пол[учено] марта 24-го. Отв[ечено] апреля 3-го.

я к нему писал со своим делом³ и любопытен видеть его ответ. Тебя прошу, сделай милость, уведомя, если случится или узнаешь что-нибудь такое, что мне полезно, знать. Всем нашим господам передай от меня поклон, прости и не забывай преданного тебе

А. ф. д. Бригена.

Адресуй сюда письма Александре Тихоновне Томниковой⁴.

155. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Туринск, 3-го сентября 1853

Ты меня совсем забыла, любезная дочь, но чтобы напомнить и сказать о себе, что я еще жив, обращаюсь я к тебе с просьбою, которую, я надеюсь, ты выполнишь. Пришли мне, пожалуйста, полный Новый Завет (не один Евангелии) церковнославянский с русским переводом, издание Библейского общества. Он продается в кожаном переплете. Я здесь никак не мог его достать. Эта издержка по незначительности своей, вероятно, тебе не будет в тягость, а меня ты этим очень обяжешь. Кланяйся от меня Василию Васильевичу и обоим твоим малышам¹.

А[лександр] фон дер Бриген.

156. И. Д. ЯКУШКИНУ

Туринск, 13-го ноября [1853]¹

Почтенный Иван Дмитриевич!²

Податель этих строк, купец Иван Дмитриевич Кусакин, которого я вам рекомендую за человека честного, доброго и умного, приезжал нарочно ко мне, чтобы посоветоваться о своих делах. В самый день его приезда получил я от Якова Петровича³ письмо, в коем он мне пишет, что ваш сын⁴ назначен обревизовать Тобольскую казенную палату, а как Кусакин имеет там очень важное дело, то бью челом и прошу вас всепокорнейше просить вашего сына оказать покровительство Кусакину. Вы, конечно, крайне удивитесь, когда он вам расскажет свое дело. Это просто вопиющая к нему несправедливость, и мне, право, больно видеть, как бедного Гасфорта дурачат. Дайте, пожалуйста, письмецо к вашему сыну и скажите ему, где он его может найти в Омске или Тобольске. Вы меня этим чувствительно обяжете, поч-

тенейший Иван Дмитриевич, ибо я люблю Кусакина за его прямоту и уверен, что он и вам понравится и, вероятно, заставит вас посмеяться над своими проделками с высшими властями, которых он просто дурачил.

Я пишу ночью и при свечах второпях, потому что К[усакин] готов уже к отъезду, а поэтому прошу вас не взыскать за нескладность моего письма. Еще прошу по отъезде К[усакина] черкнуть ко мне несколько строк, куда он отправился и что можно надеяться по этому его делу.

Простите, жму вам крепко руку и, зная вашу доброту, уверен, что вы не вмените мне в нескромность эту просьбу, коей я вас утруждаю.

Всем нашим господам прошу сказать усердный от меня поклон.

Бриген.

157. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Туринск, 3-го декабря 1853

Милая Любинька!

Письмо твое от 20-го октября получил я 23-го ноября вместе с деньгами, за кои очень благодарен, потому что я в них крайне нуждался. Очень соболезную о твоей потере¹. Испытал сам подобное². Я знаю, как это чувствительно и как больно, но к подобным лишениям должно всегда готовиться, и редкий человек их не испытал. Жизнь дана нам не для удовольствия и для наслаждений, а для трудов и приготовления себя к лучшему. Счастлив тот, кому было дано это понять с юных лет, но верх блаженства, кто может сказать со св. Терезией³: «Я надеюсь, что моя жизнь так проходит, что, благодаря своим страданиям, я не умру»*.

Благодарю тебя за труд, который ты взяла посетить Л.⁴ Я знал их прежде и даже оказывал им одолжение, но теперь узнал покороче, что это за люди, и в особенности того, кого они к себе ожидают, жалею даже, что ты у них была. Если тебе не в тягость, то познакомься с графом Федором Петровичем Толстым⁵. Этот отличный человек был мне некогда большим приятелем, и я уверен, что ему будет очень приятно тебя видеть и с тобой познакомиться.

* Изречение св. Терезии в подлиннике на франц. яз.

Я с большим удовольствием прочел в письме твоём, что твой Василий Васильевич меня так же любит, как и ты. Сердце вещует, говорят старые люди, и справедливость этой поговорки в этом случае подтвердилась. Я, не зная вовсе твоего мужа, как-то особенно полюбил и мне очень приятно, что ты оставила Малороссию, которая для меня имела нечто отталкивающее, и переселилась в милостивую Нарву (не Петерб[ург], а это теперь твоя вторая отчизна), которую я видел только проездом, но которая со своими водопадами и готическими домами очень мне понравилась. Я нынче даже обрадовался, когда увидел на печати твоего мужа рыцарский шлем с двумя крыльями. Это и моя родовая печать, следовательно, мы с ним одного племени, т. е. тевтоны, о которых так славно говорит Тацит.

Нового Завета я еще не получил. Благодарю тебя, милая моя Любинька, за предложение прислать мне книги, но мое время прошло читать, как ты говоришь, «кое-что новое и веселое», я больше не читаю — только перечитываю*, для этого стоит на полках возле моего письменного стола порядочно избранный запасец. Это искренние друзья, с коими я частенько беседую. В это время я перечитал под руководством Эйхорна, первого библейского критика в Европе, всех пророков и перечитал их с восторгом. Я тут увидел многое, чего бы без Эйхорна не видал. Я просил твою маменьку и Машеньку выслать мне остальные части его сочинений, которые у них в моей библиотеке. Если будешь к ним писать, то скажи и ты об этом словечко.

Дело о разделе в Малороссии кончилось, и я этому очень рад, хотя сошлись на том, чтобы уплатить 13 700 р. асс., тогда когда бы следовало более 50 тыс. Маменька и брат этим довольны, а я и подавно. Я всегда был очень равнодушен к деньгам и никогда их не жадничал. Я этот год нуждаюсь, как никогда. Они там вели переговоры, друг друга не понимая. Я сидел как раз на мели и если бы не погрозил, что буду жаловаться кому следует, то я думаю, и теперь бы конца не было.

Прости, моя милая дочь, обнимаю тебя, Ниночку⁶ и твоего мужа.

Александр фон дер Бриген.

* Фраза «кое-что... перечитываю» в подлиннике на франц. яз.

Р. S.⁷ Сей час получил известие, что мой товарищ в Тобольске Муравьев⁸ умер. Ему не было 50 лет. Он оставил 4 детей и 2 миллиона капиталу, но что это богатство перед богатством св. Терезии! Читай надгробные речи Боссюэ, которые я тебе послал. Прочти Флешье, надгробные речи по случаю смерти м-ме Монтанье и д'Эквильон*. Это чтение незаметно перейдет и на твою Ниночку, потому что дитя получает самые первые и нежные впечатления от матери.

С последней почтой получил я 150 р. из Слоута, но письма и еще денег от брата твоего не получил. Еще раз прости да пиши.

От сестры твоей Настеньки я на два письма, и последнее очень нужное, не получил ответа. Здорова ли она?

158. М. А. ТУМАНСКОЙ **

Туринск, 7 января 1854

Моя дорогая дочь!

Примите мои поздравления по случаю рождественских праздников, которые только что прошли, а также по случаю нового начинающегося года, который, я надеюсь, будет для вас благоприятным во всех отношениях. Ваше письмо от 22 ноября застало меня больным. Я где-то простудился, и в результате — небольшое воспаление в горле, из-за которого я вынужден был оставаться дома в течение всех праздников. Мороз, который все еще продолжается, был таким сильным, что термометры не могли показывать градусы, но опытные люди, понимающие в этих вещах, говорят, что по утрам, перед рассветом, мороз достигал 34. Вот уж небольшой холодок, который, должно быть, заставил чихать даже медведей в их берлогах!

Я рад, что тяжба с дядюшками наконец-то, худо ли, хорошо ли, закончилась¹. Дай бог, чтобы здоровье вашего брата поправилось, и тогда я надеюсь, что с его собственным здоровьем восстановится и пришедшее в упадок состояние дел в Слоуте.

Освободившись от долгов, которые морально держали

* Все четыре фамилии в подлиннике на франц. яз.

** Подлинник на франц. яз.

меня за горло, я дышу теперь с большим удовольствием. Мне остается лишь склониться перед деликатностью моих кредиторов по отношению ко мне. Какой контраст между этими *мужланами* и некоторыми так называемыми хорошо воспитанными людьми!

Я был очень рад получить мое распятие и бесконечно благодарен вашей маменьке за то, что она мне его прислала. У меня есть еще одно прекрасное изображение Христа, несущего крест. Это изображение богато обрамлено, и уголок, в котором я сижу, совершенно преобразился с тех пор, как его украсили эта картина и распятие.

Я закончил чтение «Пророка» и жду другие тома Эйхорна, чтобы продолжить это чтение. Оно интересует меня до такой степени, что я почти не прикасаюсь к газетам, которые мне приносят, и откладываю в сторону новости дня, мало интересующие меня, чтобы заняться тем, что делалось и говорилось две тысячи лет назад.

Простите, моя дорогая Мария, нежно прижимаю к своему сердцу вас и ваших дорогих деток и прошу небо, чтобы оно хранило вас всех.

А. де Бриген.

159. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Туринск, 2 апреля 1854

Моя дорогая дочь!

В январе месяце я отправил несколько писем, из которых одно было в ваш адрес. Возможно, эти письма потерялись: где-то в это же время почтовый поезд подвергся нападению и был разграблен ворами вблизи Васильево-Сурска. Об этом происшествии было официально объявлено здесь лицам, которые посылали деньги почтой, с уверением, что они будут возвращены. Давно уже я не получал от вас известий, мое дорогое дитя. Мишель также ленится писать, несмотря на то, что в Слоуте он располагает свободным временем. Если ваша любимая сестра с вами, я прошу поцеловать ее от меня, а также Ниночку. Мне хотелось бы обнять и ее мужа, но предполагаю, что при нынешних условиях он отправился в свой полк. Здесь говорят о новом гражданском губернаторе,

* Подлинник на франц. яз.

некоем Муравьеве¹, отца которого я знал. Генерал Гасфорт все еще не вернулся из своей поездки в Петербург. Я жду этого господина, чтобы совершить ряд демаршей, имеющих целью добиться возвращения в Курган. Климат Туринска мне не подходит. Я начинаю чувствовать пагубное влияние влажного и туманного воздуха. Если не считать климата, я никогда не захотел бы покинуть Туринск, городок спокойный и мирный, и если бы здешнее стальное солнце было бы чуть-чуть розовее, пребывание здесь было бы приятней. Впрочем, жизнь здесь дороже, чем в Кургане, который снабжает Туринск, обстоятельство, которое я не могу оставить незамеченным.

Если мои хлопоты о переезде в Курган увенчаются успехом (есть еще одно «если»), то это случится не раньше чем через два месяца, потому что бумагомарание, которое нужно будет претерпеть по этому поводу, займет много времени. Как мне хотелось бы избавиться от моей службы! Но скудость денежных средств, которыми я располагаю, вынуждает меня принимать во внимание жалование на службе: 350 рублей, которые Мишель обещал мне высылать, это уже не тысяча рублей, которые я получал 27 лет назад, прибыв сюда, принимая во внимание втридорога возросшие цены.

Я только что закончил говение, которое состоялось на четвертой неделе поста. Чтение, которое меня более всего притягивает, это чтение Библии. Жизнь, рассматриваемая с точки зрения мертвого, дает нам столь высокую уверенность в будущую жизнь, что иногда хочется сказать вместе со св[ятой] Терезией: «Я хочу умереть с этого момента». Здесь, на земле, бог проявляет достаточно справедливости, чтобы показать нам, что она существует и что мы правы, взывая к ней, и если эта справедливость не всегда полностью вершится на земле, то часть ее, недостающая в этом мире, предназначена для мира иного. Божья справедливость имеет свой восход на земле и свой полдень в небе, но то, что я вижу от зари, мне достаточно, чтобы получить представление о солнце. Простите, моя дорогая дочь, целую нежно вас и ваших дорогих деток и прошу поцеловать и передать мои наилучшие пожелания маменьке, а также брату Мишелю.

Александр фон дер Бриген*.

* Подпись в подлиннике на рус. яз.

[Приписка на полях:] Апрель вызывает во мне очень нежные воспоминания. Вчера был день крещения моей усопшей матушки, а 12 и 20 числа — это дни смерти маменьки и Жуковского².

Я только что закончил надгробные речи Боссюэ на похоронах Анны де Гонзаг и не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение. Прочитайте это замечательное сочинение.

160. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Туринск], 30-го апреля [1854]*¹

Любезный Евгений Петрович,

Александра Тихоновна, передавая мне твое письмо, сказала, что ты с первою почтой хотел ко мне писать, но я ничего от тебя не получил. Я почти наверное полагаю, что причина твоего молчания сладкая лень, а не другие какие обстоятельства, и пускаю по ветру этот листок, чтобы он щекотанием прервал бы твою дремоту и вывел бы тебя из сладостного ничегонеделания**. Пожалуйста, потянись, зевни несколько раз, хрустни пальцами да пиши мне несколько строк, не может быть, чтобы тебе нечего было сказать. Прочти первые 9 гл[ав] Книги Премудр[ого] Соломона, этого дивного Апокрифа. Я тебе об этом пишу потому, что хотел бы разделить с тобою наслаждение, которое мне доставило это чтение. Последние главы — другого автора. Вчера я получил случайно поклон от Крюковых² из Минусы. Они здоровы и живут хорошо. Скажи, совсем ли уезжает Якушкин в Иркутск с сыном³ или только на время?

Прости.

[На л. 2 об. адрес:] Евгению Петровичу.

161. М. А. ТУМАНСКОЙ

Туринск, 11-го февраля 1855

<...> Первое, чего я желаю, это перевод в Курган; потом, если будет возможно, — покинуть поскорее службу. 280 руб. ничтожного жалования, мною получаемого.

* Помета Е. П. Оболенского: «Отв[ечено] мая 7-го».

** Слова «сладостного ничегонеделания» в подлиннике на итал. яз.

го, — вознаграждение незначительное за труды и неприятности, которым приходится подвергаться на этом поприще. Кроме того, мои силы слабеют и покидают меня, их не хватает более для работы. <...>

<...> На первом плане я поставил причиной климат Туринска, не подходящий к моему здоровью, и то, что по этой же причине меня перевели в 1836 г. по высочайшему повелению из Пелыма, находящегося в том же округе, что и Туринск, в Курган. Теперь ожидаю результата моего письма¹. Мне сообщили, что начальник очень благосклонен ко мне. <...>

162. П. Н. СВИСТУНОВУ

Туринск, 15 апреля 1855¹

Я вам бесконечно обязан, Петр Николаевич, за сообщение мне доброй вести, которую я так давно ждал². Нет никакого сомнения, что именно влиянию губернатора³ я обязан возвращению в Курган, и я вас прошу быть настолько добрым, чтобы явиться посредником в передаче моей благодарности и признательности его превосходительству. Что касается разговора на мой счет, то нет никакого сомнения, что он действительно имел место⁴. Так как я отличаюсь чрезвычайной впечатлительностью, недостатком, от коего меня не могли освободить ни возраст, ни усилия, которые я делаю, чтобы избавиться от него, то я был этим разговором поражен, но это чувство возникло внезапно и продолжалось только мгновение. Я, за немногими исключениями, не очень ценю людей, чтобы придавать их мнениям большое значение. А в данном случае высказанное мнение было так мало разумно и так плохо мотивировано, что оно было бы только совершенно смешно, если бы пост, занимаемый пресловутым лицом, не сделал бы его некоторым образом очень серьезным. Вы были немного неправы, что пожурили нашего старика. Его намерение было хорошим. Он хотел меня предупредить, чтобы я был настороже, и я то же самое сделал бы на его месте, этот факт все-таки служил доказательством дружбы, и я благодарен за него. Поверьте мне, что время первых переговоров, имевших место по поводу этого дела, если кто-нибудь и солгал, то, конечно, не Ло⁵... Некоторые данные заставляют меня считать это более чем вероятным.

Утомление от всего, что я вижу и что испытал, сделали для меня жизнь настолько нелепой, что я с настоящим удовольствием вижу приближение ее конца и предусматриваю, что мне остается только немного лет жизни. В 63 года не остается много пути пройти. Амнистия, о которой вы мне говорите и которая будет иметь только номинальное значение без действительной ценности, соблазняет меня очень мало. Мое положение и мои обстоятельства, которые вы знаете⁶, заставляют меня ее мало желать. Я хотел бы остаться в том же положении, в каком нахожусь, за исключением службы, которую собираюсь послать к черту, ему она принадлежит по праву. Вернуться как привидение с того света к людям, изменившимся от времени или незнакомым после 30 лет отсутствия, чтобы иметь удовольствие видеть, как на тебя показывают пальцем, и остаться чужим между своими — это так тяжело, что с трудом привыкаешь к такой мысли.

Почта, прибывшая вчера, ничего не принесла касательно моего перевода в Курган. Вероятно, это будет со следующей почтой.

Я рассчитываю двинуться в путь к концу этого месяца, моя казна довольно опустошена в данный момент. Если вы можете располагать излишком денег, вы очень меня обяжете, прислав мне рублей 50, которые я обяжусь вам возратить в течение июня и даже, может быть, раньше.

Прошу вас засвидетельствовать мое почтение г-же Свистуновой.

Простите, жму вам сердечно руку.

Вчера была годовщина смерти моего несравненного Жуковского. Было бы для меня благовременным последовать за ним и еще за многими другими.

[На обороте:] Прошу это письмо доставить Петру Николаевичу Свистунову.

163. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Туринск], 22-го апреля [18]55*

Любезнейший Евгений Петрович!

Обжог руки, препятствовавший мне около 6 недель

* Помета Е. П. Оболенского: «Пол[учено] 25».

держат перо, был одной из причин продолжительного моего молчания. Пишу тебе эти строки среди уложенных сундуков и чемоданов, готовый к отъезду в Курган. Тебе, вероятно, об этом моем перемещении уже известно. Я этим обязан *единственно* губернатору и искренно ему за это благодарен. Невзирая на мое желание побывать у вас в Ялуторовске, едва ли мне это удастся. Я еду на протяжных со всем моим домом прямо в Курган], и если мне не удастся завернуть к вам с дороги, то постараюсь в течение лета приехать нарочно туда, чтобы с тобой видеться. Сколько свершилось в это время событий, которые, может быть, будут иметь некоторое влияние и на наше положение¹. Я невольно вспомнил в этом случае Давида², изъявляющего на смертном одре последнюю свою волю Соломону, прочти в кн[иге] Царств III, 2, 5—9 о сем, и прочти это со вниманием. Что касается до меня, то, отжив уже свой век, я смотрю на все события, как бы они значительны ни были, как на нечто, или вовсе, или весьма мало до меня касающееся. Хорошего я ничего не ожидаю, а предвижу горькие испытания, которые предстоят нашему отечеству. Провидение, для которого человек — цель, а не средство, ведет народы совсем другими путями от тех, которые себе предполагают наши политики и дипломаты, и едва ли когда-нибудь было это так очевидно, как в наше время, когда сравниваешь значительность событий и ничтожество людей, воображающих себе, что они двигатели. Странно, что в Манифесте по случаю нынешнего вступления на престол ни словечка не сказано об улучшении быта народного³; для простого народа нет ничего, а только слава да могущество, а куда это повело, мы видим.

Сделай милость, уведошь меня, имеешь ли ты известия из Иркутска и каков Иван Дмитриевич, да еще скажи, пожалуйста, могу ли я обратиться с просьбой к его сыну, узнать в тамошнем Гл[авном] управлении, в каком положении там дело одного здешнего купца, который очень меня об этом просил, а если можно оказать услугу доброму человеку, то обязанность всякого это сделать.

Здоровье мое посредственное, иногда бываю так слаб, что не в состоянии даже ни о чем думать. В этих случаях обращаю я взоры к распятию, под коим напи-

сано из послания к евре[ям], 12,3: «Помышляйте о претерпевшем такое над собою поругание, чтобы вы не унывали и не ослабевали в душах ваших». Эти слова ободряют меня и служат вместо спирту для души.

Если увидимся, то много будет нам о чем поговорить. Прости, кланяйся от меня нашим г[осподам]. Господь да будет с тобой и семейством твоим.

Писать ко мне в К[урган] можешь на имя купца Семена Иванов[ича] Березина, товарища Сысенина⁴.

164. М. А. ТУМАНСКОЙ

К[урган], 12-го июня [1855]¹

Милая моя Машенька.

После переезда, довольно утомительного, прибыл я 19-го прошлого месяца в К[урган] на прежнее мое пепелище. Перед выездом из Т[уринска] получил я письмо Миши, но посланные при нем деньги получил по прибытии сюда. Я отвечал Мише 29-го пр[ошлого] мес[яца] и полагаю, что он теперь письмо мое получил. Очень меня заботит, что, кроме Миши, я, бог весть как давно, не получал ни от кого писем. Это молчание крайне меня удивляет и беспокоит, передай об этом нашим, а также и сестре твоей Любиньке, от которой я получил книгу², но без письма, что для меня странно.

Прости, обнимаю вас всех, и да пребудет господь с вами. Письма сюда ты можешь адресовать на имя купца Семена Ивановича Березина.

Я послал 15-го апреля письмо Иосифу Михайловичу³, не знаю, получил ли он его. Странно, что письма не доходят!!!

165. И. И. ПУЦИНУ

[Курган], 14-го июня [1855]¹

Прилагаемое здесь письмо прошу вас, Иван Иванович, доставить Оболенскому. Подателю этих строк, нашему секретарю², я поручил рассказать вам о деле Завалишина, которого по странному стечению обстоятельств мне привелось судить³. Этот несчастный человек, о коем никто не скажет доброго слова, теперь мне даже жалок. Жена его валяется у меня в ногах в тщетном уповании, что я могу много сделать, тогда как он сам вооружил

весь свет против себя. Телесного наказания, коему властители в Омске и Тобольске желают его подвергнуть, и даже с натяжками, он по милос[тивейшему] Манифесту избегнет; я полагаю, что он избавится также и от работы, но ссылки не избавится ни в каком случае. Он исключен из списка гос[ударственных] преступников, следовательно, лишился и пособия.

Если Курган избавился от одного Зав[алишина], то в вознаграждение имеет другого, в стряпчем Бобоедове. Это тоже несчастное создание, которое злится на весь мир и которого все не терпят. Мой предшественник заседатель Конопельский⁴ сидит покамест в остроге. Селиверстов, которого я вам рекомендую за человека довольно доброго, поедет в обратный путь опять чрез Ялуторовск. Скажите, пожалуйста, Оболенскому, чтобы он к этому времени приготовил письмо, которое чрез Селивер[стова] может ко мне переслать; да, пожалуйста, сообщите, как поживают наши в Вост[очной] Сибири и не имеете ли какие новости из столицы. В сентябре я надеюсь увидеть Миклашевского⁵, с коим вы познакомились, который обещал передать мне все, что знает. Война затянулась на многие лета, но это будет перелом решительный.

Простите, остаюсь с истинным уважением, преданный вам Александр фон дер Бриген.

Еще словечко. Бедствия, которые союзники претерпели в Крыму, есть, по моему мнению, справедливое наказание за их равнодушие и политический эгоизм, выказанный к угнетению народов. Зло всегда само себя наказывает.

166. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Курган], 14-го июня [1855]¹

Благодарю тебя, любезнейший Евгений Петрович, за письмо твое от 7-го мая, за «Indépendance» и за умную и очень интересную брошюру². Я выехал из Туринска 13-го мая и, совершив благополучно путешествие, хоть и скучное, но довольно покойное, прибыл 19-го в Курган. Дней за десять до моего отъезда мой Николенька, мальчик 7 лет, так отчаянно занемог, что неотступно начал меня просить, чтобы пригласить священника, чтобы его причастить, что и было исполнено 6-го числа, в тот са-

мый день, когда я получил подорожную, а 9-го, в день его ангела³, ему сделалось так худо, что я полагал увидеть его чрез несколько часов лежащего на столе. Ты можешь себе представить, каково у меня было на душе, и то среди уложенных ящиков и чемоданов с нанятыми уже лошадьми. После этого кризиса ему сделалось лучше, и я, зная по многим опытам, что путешествие и свежий воздух иногда более способствуют выздоровлению, нежели лежание в постели на одном месте, благословясь, пустился в путь. Я его вез как яичко в хлопчатой бумаге. Первые три дня ему было тяжело, но теперь он совсем выздоровел и бегаёт и шумит, как никогда не шумел. После этого печального некоторым образом эпизода расскажу тебе другой, довольно забавный. Так как всемилостивейший Маниф[ест] нас вовсе забыл, то в отношении к себе я его дополнил, проехав более 150 верст Пермскую губернию. Сначала это сделалось без моего ведома, но потом, узнав, что я в России, я смело продолжал свой путь, имея подорожную в кармане. Все это совершилось законным порядком. Здесь имел я удовольствие видет[ься] и познакомиться с родственником мне по жене Миклашевским, который, отыскивая меня, заезжал к вам в Ялуторовск⁴. Я провел с ним несколько весьма приятных часов. Сделай одолжение, пришли мне адрес Ив[ана] Д[митриевича] Якушкина, а также его сына, к коему мне нужно будет писать. Если мое здоровье, коим я похвастать не могу, и также и финансы позволят, то я в нынешнюю осень побываю у вас, а между тем прошу тебя, уведо[мь], как ты живешь и что у вас поделяется. Ростовского⁵ я нашел в таком виде, как его оставил, но Курган изменили к лучшему. Городничий⁶ здесь человек хороший, а судья⁷ по доброте и бескорыстию такой чиновник, какого я в первый раз встречаю, зато стряпчий⁸ — сколок с Завалишина. Я теперь урывками (ибо мало имею времени) читаю Неандра «Жизнь Иисуса»*. Превосходное это сочинение, а также и Эйхорна я тебе пришлю. Прости, любезнейший Евгений Петрович. Господь с тобою и с твоим семейством.

А. ф. д. Бриген.

[Приписка на полях:] Александра Тихоновна и Машенька⁹ свидетельствуют тебе почтение. Я при первом

* Слова «Жизнь Иисуса» в подлиннике на нем. яз.

случае буду опять тебе писать о том, что каждому из нас необходимо*.

[На л. 29 об. адрес:] Евгению Петровичу Оболенскому.

167. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 3-го июля [1]855

Дорогая моя дочь Любинька!

Письмо твое от 5 мая я получил вместе с 50 р. с. Благодарю тебя за эту посылку и за милое твое письмо. Деньги и при скромных и умеренных расходах всегда получаются кстати, при теперешнем же моем перемещении это пособие для меня весьма значительно. За месяц до этой посылки получил я книгу Неандра, но без письма, и это меня удивило. Я даже усомнился, здорова ли ты и все ли в вашем семействе благополучно. Папеньку¹ твоего поблагодари за то, что обо мне вспомнил, и передай ему также от меня поклон, да, пожалуйста, постарайся увидеть сестру мою Любовь Ивановну² и скажи ей, что я крайне удивлен ее молчанием в такое время, когда я непременно ожидал от нее известия. После ее письма от 26-го января она замолчала, и наша переписка как бы канула на дно морское, а я просил ее дать мне некоторые сведения, которые и по сие время не получил.

Моим перемещением сюда я очень доволен. Первое время и здоровье мое здесь поправилось, но теперь уже несколько дней я опять чувствую себя слабым, но все-таки лучше здесь, нежели в Туринске. Когда имею досуг от службы, то наслаждаюсь чтением Неандра. Эта книга удивительная, и сколько она мне пояснила в Евангелии, что прежде было для меня неясно. Я не знал, что гр[а]фы Кушелевы³ умерли, и узнал это впервые от твоей маменьки. Успокой господи их души, дай бог, чтобы не сбылись с ними слова Спасителя: «Легче пройти верблюду чрез ушко иглы, нежели богатому войти в царство небесное!»

Отца Скаржинского, о коем ты пишешь, я знал. С дядей его Николаем не только служил в Измай[ловском] п[олку], но в кампании [1]813 года жил с ним в одной артели, как говорится. Он в моих глазах получил смер-

* Слова «что каждому из нас необходимо» в подлиннике на нем. яз.

тельную рану под Кульмом и умер в Праге. Виктор Скаржинский женат на Милорадовичевой, и этот молодой Скаржинский должен быть ее сын⁴.

Ниночку твою и Коленку⁵ прошу за меня расцеловать, а доброму мужу твоему прошу сказать усердный мой поклон, да, пожалуйста, пиши хоть немного строк. Я и этим буду доволен, на длинные письма не всегда имеешь досуг. Прости, милая и дорогая моя дочь, — обнимаю тебя. Господь с тобой. Александр фон дер Бриген.

168. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Курган], 10-го июля [18]55

Любезнейший Евгений Петрович.

Письмо твое чрез Селиверстова получил и посылаю тебе чрез Токутьева¹ 3 тома Эйхорна, которого ты, вероятно, раза два и, может быть, и более перечитаешь. Эйхорн — основатель библейской критики, и хотя эта наука сделала большой шаг вперед после него, но, невзирая на это, он остается одним из первейших авторитетов по этой части. Я уважаю его ученость и его остроумие, но некоторые из его доводов меня не убеждают. Я избрал себе путеводителем в духовном просвещении Неандра и читаю теперь его «Жизнь Иисуса Христа». Эта книга превосходна, и, читая ее, мне многое объяснилось в Евангелиях, что прежде оставалось темным. Я бы эту книгу тебе прислал, но сам ее читаю, а это чтение идет медленно, потому что, читая, приходится на каждой странице перечитывать места из Евангелий. Я советую ее тебе выписать, она стоит, кажется, не более 3 р. сер.: издержка, которая стократ вознаградится, потому что я уверен, что ты ее будешь читать и беспрестанно перечитывать. Неандр по духу истинный христианин, потому что принимает слова о деянии Спасителя с простотою младенца, по уму же и учености это один из первых богословов протестантской церкви, и Германия может справедливо им гордиться. На всякий случай вот тебе заглавие этой книги: «Жизнь Иисуса Христа в ее историческом развитии А. Неандра. 5 издание, 1852, Гамбург у Пента» *.

* Фраза «Жизнь Иисуса Христа... у Пента» в подлиннике на нем. яз.

Принимаю живое участие в твоих потерях. Леонтьев² был моим товарищем, и я с ним был в приятельных отношениях. Шурин мой Терентьев пошел в гору. В прошлом году получил он 3-го Владимира, а в нынешнем произведен в ген[ерал]-майоры. Это человек с большими сведениями по своей части (строительно-морской) и с достоинствами. Он директор этого департамента, который в настоящее время весьма важен, и в[еликий] к[нязь] Конст[антин] Ник[олаевич]³ очень к нему благоволит, я этому весьма рад.

Меня, право, изумляет изобилие негодяев чиновников, которых на каждом шагу встречаешь в этом краю. Если это так пойдет по системе, введенной в России *Незабвенным*⁴, то настанет время, и то вскоре, что добрых людей будут сажать в острог и судить за добрые дела, как за преступление. В этом превратном порядке вещей я воображением вижу два пути. Одним идут гонимые, другим торжествующие. В конце первого находится Христос, отданный на пропятие, а в конце другого — Сатана, раздающий почести и богатства мира, который ему принадлежит. Неандр, говоривши о чудесных исцелениях болезней Спасителем, упомянул о тесной связи физического и душевного и взаимном их действии друг на друга. Этой идее дал он большой объем и указал на историю, которая свидетельствует, что большие умственные и духовные перевороты в человечестве были сопровождаемы необыкновенными эпидемиями. Это замечание подтверждается и в наше время холерою. Должно ожидать большого переворота. Прости, господь с тобою и с твоими, коим прошу дружески кланяться.

[Приписка на полях. На л. 17:] 1-я часть Эйхорна не так занимательна, но зато 2-я и 3-я, верно, тебе понравятся. [На л. 18 об.:] Алек[сандра] Тих[оновна], Машенька и все прочие свидетельствуют тебе свое почтение.

169. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Курган], 15-го сентября [1855]¹

Любезнейший Евгений Петрович!

Ложь не может быть вековечна, и никакая система, противная человеческой природе и вечным законам нравственности, освященной христианскою религиею, не мо-

жет устоять, но должна сама собою пасть, хотя бы она была сотворена гением вел[икого] Наполеона. Событие 27-го авг[уста]², которое должно было ожидать, снова подтверждает эту истину. Незабвенный во все продолжение своего 30-летнего царствования употреблял чудовищную свою власть только к тому, чтобы попятить Россию назад и одеть ее в побрякушки, а с этим еще забрал себе в голову, что он Гевалдигер³ Европы, которую должен удерживать в порядке по-своему, тогда как дома все сидит по уши в грязи. Наш народ, одаренный в высокой степени смышленостью, беден умом и поэтому не в состоянии выработать сам собою ничего путного из себя, но эти щелчки, которые получает теперь его самодлюбие, по моему мнению, послужат в пользу, откроют глаза и заставят пораздуматься тех, которые в состоянии мыслить и думать у нас. Одним словом, Европа, о которой Незабвенный так заботился, нам вколотит ума, которого мы сами иметь не хотим, и мы наконец будем вынуждены понять, что достоинство и благо наше внутри нас и что народ русский должен его искать в самом себе, а не пристраивать извне. Пора бы уже перестать морочить народ, без того уже оглуевший форменным православием да мыльными пузырями, называемыми могущество (чье?) и слава, тогда как два пятна: откуп и креп[остное] рабство срамят нашу Федору в глазах всего человечества. Крым и Польша не составляют отечества русского и, по моему мнению, не только не приносят России пользы, но даже вредят ей, т. е. Польше. И без этих наростов Россия может быть первостепенною державою и вместо того, чтобы быть ненавидима всеми, будет всеми уважаема, «если она этого захочет»*.

Чувствительные потери, которые испытывают Фр[анция] и Анг[лия] в этой борьбе, суть, как мне кажется, справедливое наказание за равнодушие и трусость, которые обе державы выказали в то время, как в виду их попирали ногами права Польши, Кракова, Галиции, Италии и Венгрии. О частных лицах нечего и говорить.

Еще словечко. В письме твоём ты выводил, что из духовного единения православного братства под небесным владыкою следует такое же единение под земным владыкою помазанником божием на царство земное. Ме-

* Слова «если она этого захочет» в подлиннике на франц. яз.

ня удивляет, как такая мысль могла породиться в тебе. Из того, что будет один пастырь и едино стадо, не следует, что должен быть один деспот и одно верноподданное стадо. Этого пастыря душа и сердце наше ищет, молит и желает, а деспота отвергает с ужасом. Там любовь, а здесь страх! и пр. и пр.

Р. S. Нынешняя война — война не просто политическая, но война двух начал. Начала, которого credo: народы существуют для правительств, и начала, которое утверждает, что правительства существуют для народов, или, короче, это война варварства с цивилизацией. Нет сомнения, которая сторона одержит верх в этой превратности. Народы упредили правительства⁴, и поэтому общественное мнение против нас. Правительства не хотят понимать стремлений народов и из видов своекорыстия симпатизируют к нам. Не нужно большой прозорливости, чтобы это видеть и понять, и выбор, кому тут желать успеха, для христианина, доброго человека и для русского гражданина — любителя своего отечества, не труден. Горькие лекарства иногда спасительны, а в сильных летаргиях употребляют даже прожигания — вот тебе мое мнение.

170. М. А. ТУМАНСКОЙ*

[Курган, 14 (?) апреля 1856]¹

Примите мои поздравления к пасхе, моя дорогая Мария, и самые искренние пожелания, чтобы вы и ваша семья жили долгие годы счастливой жизнью, ниспосланной небом, и были достойны этого счастья. Прошу вас вручить приложенное письмо вашей маменьке. Не знаю, получила ли она письмо, посланное мною по указанному ею адресу. Даже с самыми добрыми пожеланиями и большими стремлениями побеседовать с близкими чувствуешь себя обескураженным, когда думаешь о тех расстояниях, которые предстоит преодолеть письму. Эта мысль сковывает руку и заставляет обронить перо.

Ожидают чудес от коронации, что до меня, то я думаю, это кончится, как гора, родившая мышь.

Простите, мое дитя.

* Подлинник на франц. яз.

Будьте добры, моя дорогая Мария, сказать вашему брату, что я прошу его послать мне немного денег, хотя бы рублей 50. В финансовом отношении я продвигаюсь вперед с лицом, повернутым назад, покрывая дефицит в счет будущих субсидий. Такой способ продвижения несколько неудобен, как видите, но человек привыкает ко всему, и этот способ передвижения стал для меня естественным. Я получил очень любезное письмо от моей невестки Лисаветы Христиановны**², которая рекомендует мне своего зятя полковника Яковлева³ из штаба, назначенного на довольно важный пост начальника топографов в нашем краю. Она сообщает, что это прекрасный во всех отношениях молодой человек и что он намеревается прибыть сюда для знакомства со мной. Сегодня я отправил письмо нашему губернатору⁴ с просьбой назначить меня на другую должность, ибо обязанность, выполняемая мною в настоящее время, становится слишком тягостной для меня. Работать по семи часов, пригвожденным к стулу и за 1 тысячу рублей серебром, — это настоящая каторга. Я не знаю, что этот писака сделает с моим письмом, но если он не снизойдет до моей просьбы, я брошу ему в лицо несколько суровых истин и обойдусь с ним дерзко. Подобные действия не в моих правилах, но иногда позволительно терять терпение, когда дело имеешь с подобными личностями.

Я не ожидаю больших перемен, которые могут произойти в августе. Все, что ни делается, столь ничтожно, что нельзя ожидать ничего благородного и великодушного. Величие событий и ничтожность тех, кто воображает себя их двигателем, поистине разительны. Люди плохи. Лишь божья рука достойна обожания. «О, порождение ехидны! Глазами вы не видите и ушами не слышите, горе вам»***.

Простите. Всем нашим дружеский поклон.

[Приписка на полях:] Наш ген[ерал]-губ[ернатор]⁵ собирается показаться в Петербурге. Меня повышают в

* Подлинник на франц. яз.

** Слова «Лисавета Христиановна» в подлиннике на рус. яз.

*** Текст в кавычках в подлиннике на рус. яз.

ранге, представили к чину титул[ярного] советника*. Эти нелепости я не могу написать хорошо по-французски.

172. М. М. НАРЫШКИНУ

Курган, 20-го мая 1856

Любезнейший и почтеннейший Михайло Михайлович.

Письмо ваше от 7-го апреля меня очень обрадовало. Оно подтвердило косвенные сведения, которые я имел, что вы и почтеннейшая Лисавета Петровна здоровы и живете благополучно и покойно в мирном вашем Высоком. Павел Сергеевич¹ был живое письмо и, конечно, передал вам обо мне все, что знал. Я служу, потому что обстоятельства мои вынуждают меня служить, и смотрю на службу мою, как на крест, который я должен несть до подножия Голгофы, имея всегда в виду слова Ап[остола] Павла к филиппицам, 2-15: «Будьте чисты и неповинны посреди нечестивого и развращенного рода, в котором вы живете». Из приведенных этих слов вы догадаетесь, что во внутренней моей жизни произошла большая перемена. По благодати божией в годах преклонных (мне 64-й год) глазам моим открылась истина, в коей сердце мое убедилось. Два великие учителя Паскаль и Неандр руководили меня на этом пути. Теперь я не только верую, но и умом вполне убедился, что учение Спасителя неразделимо с историческими фактами пребывания его на Земле. Я случайно ознакомился с Неандром, которого знал только по отголоскам из Германии. Дивная его «История церкви» возбудила во мне потребность прочесть его «Жизнь Иисуса Христа и времена Апостолов», и это чтение стало счастливым эпизодом в моей жизни. Как жаль, что вы не читаете немецких книг. С благоговением и удовольствием прочли бы вы эту книгу.

Несколько десятков лет тому назад господствовала в Германии богословская школа, утверждавшая, что человеческая природа в полном своем усовершенствовании сама собою и собственными своими силами может дос-

* Слова «титул. советника» в подлиннике на рус. яз. в именит. падеже.

Apr 20th May 1856.

Modiolopsis u. *notus* *caulium* *Mod.*
x *caulium* *Mod.* *caulium*.

[illegible]

тигнуть христианского совершенства. Против этого воз-
стала новая, св[ятым] духом вдохновенная школа, одер-
живавшая верх, которая показала, что совершенство хри-
стианства не иначе может достигнуть человек, как *благо-*
датью, и не своим разумом, а *откровением*, которое дол-
жно принимать с детскою простотою и любовью, как го-
ворил Паскаль, чтобы познать божественные вещи, нуж-
но их любить»*.

Я ничего не пишу вам о Кургане. Предмет этот не
стоит, чтобы о нем много говорить. Я и сам здесь живу
как бы на станции в ожидании лошадей.

Павлу Сергеевичу, Лореру, Назимову, Розену прошу
передать братское мое целование, а Елисавете Петровне
прошу засвидетельствовать глубочайшее мое почтение.
Улиньке² и верной Анисье³ прошу кланяться. Прости-
те. Господь да пребудет с вами.

А. ф. д. Бриген.

173. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 3-го июня 1856

Очень благодарю тебя, возлюбленная моя дочь, за
книги, которые я третьего дня получил. Я с большим
наслаждением читаю теперь Толука «О Грехе»¹ и еще
большее наслаждение и назидание ожидаю от его толко-
вания Евангелия Иоанна, которое, сколько я успел за-
метить, перечитывая эту книгу, превосходно. Еще раз
большое тебе спасибо. Я это письмо подписываю науда-
чу в дом Фишера. Ты мне писала, что оставляешь эту
квартиру и переедешь совсем в Петергоф, а между тем
не прислала мне твоего адреса. Конечно, Петергоф не
Лондон, и тебя мое письмо могло бы отыскать, но как-то
неловко подписывать письмо наудачу. В начале прошлого
месяца я просил нашего губернатора Арцимовича пере-
менить мне настоящую мою *должность* *заседателя ок-*
ружного суда на *должность стряпчего*, потому что в мо-
их летах служба в окружном суде становится не по си-
лам, но Арцимович заблагорассудил иначе и определил
на это место некоего Беспалова, который находился при
нем *писцом*, в то время, когда он со своим тестем сена-

* Изречение Паскаля «чтобы познать... любить» в подлиннике на
франц. яз.

тором Жемчужниковым² ревизовал в [1]852 году здешнюю Сибирь. Арцимовичу нужно иметь везде своих людей, и я прямо не принимаю к сердцу, если он в этом отношении отдал Беспалову преимущество передо мной. Бог с ним. Я не сержусь на Арцимовича, а смею полагать, что он поступил неблагоразумно, не говорю несправедливо, потому что у нас здесь о справедливости речи не может быть. Моя служба в Сибири кончится с нынешним летом. Я жду только для этого возвращения в Петербург известного тебе человека. Признаться, мне приятно было, если бы какой знакомый хороший Жемчужникову, тестю Арц[имовича], при случае объяснил этот промах его зятя.

Если Гасфорт проездом в Петербург будет здесь, я у него не буду, потому что мне с ним толковать не о чем и не для чего. Где тонко, там и рвется. С последней почтой вышло с меня взыскание 27 р. сер. за прогоны чиновнику, приезжавшему сюда в 1850 году по делу, о котором, вероятно, слышала и которое вынудило меня столкнуться с кн[язем] Горчаковым. Меня везде признали правым, что мне ничего нельзя сделать, так по пословице «не мытьем, так катаньем» положили взыскать прогоны всего 90 р., а на мою долю — 27 р. Писать об этом апелляцию в Сенат не стоило, и так лучше бросить эти деньги. Сделай милость, прошу тебя, напиши брату твоему Мише, чтобы он прислал бы мне несколько денег, хотя бы 50 р. сер., и это было бы для меня значительно. Я ему об этом писал чрез сестру твою Машеньку, но не знаю, получил ли он эти сведения.

При случае, если увидишь мою сестру — свояченицу Лисавету Христиановну, то передай ей самый дружеский от меня привет и скажи, что я Яковлева (его имя я не знаю) еще не видал и не знаю, будет ли он сюда или нет. Письма, которые я получил от Лис[аветы] Хри[стиановны], очень милы, в них везде проглядывает чувствительное и доброе сердце, не знаю, такова ли ее сестра, которая за Яковлевым. О тебе и о Вас[илии] Васильевиче говорит она с восхищением. Вот ее слова: «Эта пара моя слабость, оба такие любезные и премилые*». Ты полунемка, так поймешь это без перевода.

* Фраза «Эта пара моя слабость, оба такие любезные и премилые» в подлиннике на нем. яз.

П. Н. СВИСТУНОВ

Акварель Н. А. Бестужева. 1836 г.

Еще прошу тебя, мой друг, буде тебя это не затруднит, пришли мне 3 или 4 пары перчаток, только не лайковых, а замшевых, такие, как военные носят с мундиром и то цветные, а не белые. Прилагаю здесь очерк моей руки для мерки, да пришли еще два или три черных шелков[ых] платка для шеи, хорошей доброты — только если тебе не будет в тягость.

Обнимаю тебя, Вас[илия] Вас[ильевича] и малых моих внучат, коих прошу за меня благословить и расцеловать. Если увидишь моих, то прошу им всем кланяться.

Прости, да пребудет господь со всеми вами.

Александр фон дер Бриген.

Я получил ваше письмо, Петр Николаевич, и приношу вам глубокую благодарность за то, что вы потрудились уведомить меня в решении губернатора². Если бы он сказал мне, что на мою просьбу он не согласен, так как просто не желает, я действительно поверил бы ему на слово; но если он мне говорит, что, несмотря на все свое желание,—это злая шутка со стороны его светлости³, который не прочь пошутить. Если вам придется увидеть его превосходительство и если он спросит о моей ничтожной особе, передайте, пожалуйста, ему, что я нисколько не огорчен, что не получил этого места, к которому лицо, предпочтенное мне, наверное, подходит больше, чем я.

Причины, которые заставили меня искать этого места и которые я изложил в письме к его превосходительству, во всяком случае основательны, но, взвесив все и видя, что мои силы не позволяют мне выполнить возложенные на меня тяжелые обязанности, я по истечении нескольких месяцев после этого решил оставить службу и уступить свое место другому, более достойному, и приобрести благоволение и благосклонность столь достойного покровителя, как наши нынешние начальники.— Служить не тяжело, да выслужиться трудно. *Горе от ума* **⁴. Вы очень любезны, Петр Николаевич, что прислали Nord⁵, тогда как я в долгу перед вами, так как несколько больших пачек Indépendance⁶ в[аших] покоятся, покрытые пылью, в моем шкапу, ожидая случая быть отосланными вам. Как старик (должен вам признаться, что я становлюсь самым настоящим стариком), я придерживаюсь своих старых привычек, которые заставляют меня сожалеть о журнале—не за политические идеи, которые проповедовал он, а за его литературные статьи и фельетоны, которые почти всегда являлись своего рода образцами искусства и стоили больших томов. Политика нисколько не привлекает меня, и я чувствую к ней полное отвращение, что вполне естественно

* Подлинник на франц. яз. Публикуется по переводу, приложенному к письму.

** Слова «Служить не тяжело, да выслужиться трудно. Горе от ума» в подлиннике на рус. яз.

для человека, который понемногу готовится сказать последнее прости всему тому, что стоит по эту сторону могилы. Одно только поражает меня, когда я вижу и слышу все, что происходит, эта грандиозность событий в сравнении с ничтожеством людей, которые воображают себя центром движения. Я во всем вижу только руку божью, ему единому честь, слава и поклонение. Простите, дорогой Петр Николаевич, покажите это письмо И. А. Анненкову — он помогал мне в моих переговорах с губернатором.

Ал. ф. д. Бриген.

Если тарантас, о котором вам говорил Флегонт Мионович⁷, годится для вашей поездки в Ялуторовск, вы меня очень обяжете, если воспользуетесь этой колымагой. Случаи переслать его в Курган очень часты в Ялуторовске, тогда как в Тобольске их не бывает.

[Адрес по-русски:] Прошу письмо это доставить Петру Николаевичу Свистунову.

175. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Курган], 21-го июля [1856]¹

Дорогой мой Евгений Петрович.

Я давно к тебе не писал, выжидал все случая, с кем бы отправить письмо, которое таким образом затянулось на долгое время. Но хотя и не писал, но мысленно, ежедневно с тобою беседовал. Письмо это посылаю я чрез моего свояка, полковника Яковлева, начальника Сибирского межеванья, который, прогостив здесь у меня трое суток, будет проездом в Ялуторовске. С ним посылаю я две книги: «Свод законов Франции»*, которую прошу отдать Басаргину, да для тебя сочинение знаменитого богослова Толука, которое по прочтении прошу мне возвратить и за которое ты, конечно, скажешь мне большое спасибо. Я желал бы с тобою побеседовать, но по случаю отъезда сегодня Яковлева не имею времени. Этот мой свояк человек отменно хороший. Он под Инкерманом водил колонны в атаку и рассказывал мне много очень любопытного про эту кампанию. В этом году оставляю я службу и намерен переместиться к нему в Омск. Мне бог послал этого родственника, и если он будет

* Слова «Свод законов Франции» в подлиннике на франц. яз.

иметь время с тобою познакомиться, то ты, верно, его полюбишь.

С последним почтальоном я послал письмо к Пушкину. Надеюсь, что он его получит. Письмо это нужное, ибо я в нем писал о деле сестры его Фиины. Дело это прошлого воскресенья ушло в губерн[ский] суд².

Всем товарищам прошу кланяться, а также и Тулинову. Я хотел ныне к нему писать, но не успел.

Прости, обнимаю тебя. Господь да пребудет с тобою.

А. ф. д. Бриген.

176. А. Ф. ОРЛОВУ

Курган, 29-го июля 1856

Ваше сиятельство, милостивый государь!

Отчужденный от семейства и родины более нежели тридцатилетним изгнанием в Сибири за участие в тайном обществе, обнаружившемся в 1825 году, поступил я по всемилостивейшему ходатайству цесаревича наследника, ныне царствующего государя императора, удостоившего в 1837 году своим посещением Сибирь, в гражданскую службу. Двадцать лет продолжаю я службу в Курганском окружном суде, где в звании заседателя выслужил я три первых офицерских чина и ныне представлен к четвертому.

Служба по преклонным моим летам и по расстроенному здоровью становится мне не по силам, что и вынуждает меня помышлять о том, чтобы в нынешнем году ее оставить. Кроме получаемого мною жалованья я не имею средств к обеспечению жизни, ибо скудные и случайные пособия, которые иногда получаю от детей моих, при всем их желании пособить мне недостаточны и неопределительны, и я на 65-м году жизни, служив в 1820 году полковником в Измайловском полку и участвовав в чине подпоручика того же полка в сражении под Бородино, после толиких превратностей судьбы нахожусь в положении, близком к убожеству.

Эта крайность побудила меня утруждать ваше сиятельство всепокорнейшею просьбою об исходатайствовании могущим вашим представительством у нашего августейшего монарха всемилостивейшего соизволения на обращение получаемого мною ныне жалованья (285 р. сер.) в пожизненный пенсioen на немногие годы, которые мне

остается еще прожить. При этом я осмеливаюсь доложить вашему сиятельству, что во все продолжение моего изгнания в Сибири я никогда не получал пособия от казны, коим пользовались здесь многие из моих сотоварищей¹.

Ваше сиятельство! Вы родной брат Михайлу Федоровичу², коего возвышенные чувства души и доброта сердца известны всем, знавшим его. Я имел счастье пользоваться благорасположением и приязнью покойного. Между вами и им существует не одно родство, но и свойство души. Вы это на деле показали в нынешнем году незабвенною услугою царю и Отечеству, услугою, о коей с почетом будете упомянуты в истории³, а поэтому я считаю излишним утруждать вас повторением моей просьбы, быв вполне уверен, что бог и сердце ваше внушат вам лучше моих слов, что тут сделать.

С глубочайшим почтением и совершеннейшей преданностью имею честь быть вашего сиятельства милостивого государя всепокорнейший слуга

Александр фон дер Бриген,
Заседатель Тобольской губернии
Курганского окружного суда.

177. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Курган], 19-го августа* [1856]¹

Любезнейший Евгений Петрович.

Последнее твое письмо получил я и очень радуюсь, что сват мой Григорий Александрович² тебе поглянулся. Для меня он родной брат, смело могу сказать, что и посторонний человек чем более его узнает, тем более любить будет. Ив[ан] Фед[орович]³, податель этих строк, живое письмо и может тебе передать о моем здешнем житье и бытье, о чем я по этой причине и распространяться не буду. Очень мне бы желательно знать, что ты сделаешь, когда увидишь Манифест о нашем возвращении, событие, которое можно довольно достоверно предвидеть.

Басаргин и Мат[вей] Ив[анович]⁴, вероятно, никуда не двинутся. Не знаю, как Пушкин. О себе я положительно не могу ничего сказать, а скажу только то, что здешнего моего семейства не брошу на произвол судьбы.

* Помета Е. П. Оболенского: Отв[ечено] авг[уста] 26.

Сват мой предлагает мне в Омске место, выгодное по жалованию, покойное и почетное. Может быть, я предложением этим воспользуюсь, но и то, смотря какое последствие будет иметь мое письмо к гр[афу] Орлову, о коем тебе скажет Решинский. 16-го августа минуло мне 64 года, и первое, что мне случилось прочесть в этот день, был некролог доброго моего знакомого Петра Яковлевича Чаадаева⁵, который помещен в 91-м ном[ере] «Моск[овских] ведомостей». Этот случай я принимаю как повестку, посланную мне, чтобы и я готовился в этот путь, от чего я не прочь. Все так присмотрелось и надоело, что умереть весьма бы к стати.

Желал бы очень знать, какое впечатление произвело на тебя сочинение Толука. Это один из учеников великого Неандра, о коем я тебе писал.

О политике мне говорить скучно, скажу только, что я считаю невозстановление Польши обстоятельством, весьма неблагоприятным для Европы и для самой России. С Польшею Россия всегда будет тяготеть над Европою, которая при таких обстоятельствах никогда не будет иметь прочного успокоения, Россию же Польша будет завлекать вмешиваться в дела Европы, тогда как у нее дома много дел.

Прости, любезнейший Евгений Петрович. Обнимаю тебя и прошу обнять за меня твоих малюток и поклониться твоей супруге, также и всем товарищам.

Да пребудет господь с тобою.

А. ф. д. Бриген.

Все мои свидетельствуют тебе почтение. Скажи, пожалуйста, зачем приезжала Наталья Дмитриевна⁶.

178. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Курган], 16-го сентября [1856]¹

Поздравляю тебя, любезнейший друг Евгений Петрович, со все милостивейшим Манифестом. Обнимаю тебя от всего сердца и радуюсь за твоих детей. Манифест для тебя собственно, как и для меня, довольно незначителен, но для родителей, имеющих детей, он благоприятен. Возвращение потомственного дворянства для меня бесполезно, потому что службой в Сибири я заслужил себе дворянство личное. Предположений для себя я никаких не делаю, а буду соображаться с обстоятельствами в упова-

нии, что бог меня не оставит и укажет, по какому пути идти. Ни в коем случае я здешнего моего семейства не оставляю на произвол судьбы. Это было бы грешно перед богом и бесчестно перед людьми. Я полагаю, что для нас будут какие-нибудь распоряжения и что выдадутся прогоны в Россию, но и с этим многие из наших не пожелают возвратиться в Россию. Здесь мы имеем перед глазами много гадостей, а там едва ли не более, но здесь это вознаграждается материальным благосостоянием, а там нищета. Здесь сто рублей равняются тамошней тысяче и пр. и пр.

Сделай милость, объясни мне, какого рода заведение в Нижнем, в коем воспитывается дочь Пушкина², и возможно ли мне будет воспользоваться этим, чтобы поместить туда твою знакомую Машеньку³. Какие тут будут издержки, я, разумеется, возьму на себя. Мне бы очень хотелось дать образование этому милому дитяти. Ей 13-й год.

Царь имеет доброе сердце, в этом нет сомнения, и об этом я слышал от Жуковского. Но, к несчастью, люди, которые его окружают, не соответствуют своему званию. Самое легкое обозначение им — эгоисты.

Я вполне уверен, что царь с бою у них вырвал эти милости, дарованные Манифестом, которые мы после 30-летнего изгнания принимаем в гомеопатических пилюльках. Увидим, что скажет граф Орлов на мое письмо.

Прости, мой друг, да, пожалуйста, пиши.

А. ф. д. Бриген.

[Приписка на полях. На л. 36:] Сейчас приехала Аполлинария⁴, если бы мне и случилось выехать из Кургана, то я ее возьму с собою для семейства. [На л. 37 об.:] Кланяйся бедным Тулиновым. Я воображаю, как им тяжело теперь.

179. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Курган], 22-го сентября* [1856]¹

Поспешаю, любезный друг мой Евгений Петрович, сообщить о радостном для меня событии, которое по доброте твоей и дружбе ко мне и тебя порадует. С последнею почтою получил я письмо от князя Орлова, вот оно:

* Помета Е. П. Оболенского: Отв[ечено] 28-го сент[ября].

«Мил[остивый] гос[ударь] Алекс[андр] Фед[оро-
вич], с особенным удовольствием поспешаю (мое письмо
было от 29-го июля *) препроводить при сем к вам ко-
пию с письма ко мне шефа жандармов ген[ерал]-адью-
[танта] кн[язя] Долгорукова² о всемил[остивейшем] соиз-
волении на производство вам, в случае оставления вами
службы, ежегодного пожизненного пособия по 285 р. сер.
Примите уверение в моем почтении и преданности.
К[нязь] Орлов». Долгорукий уведомляет, что он уже сде-
лал все нужные распоряжения о приведении в исполне-
ние высоч[айшей] воли по этому предмету. Итак, благо-
даря бога, одна рука в отношении к здешнему моему се-
мейству развязана, я им предоставляю пользоваться этой
монар[шей] милостию, а там вперед, что бог даст. В бу-
дущем месяце подаю я просьбу в отставку, а там буду
располагать, смотря сколько получу денег из дому, вить
одних прогонов понадобится до 400 р. сер. Дочь моя
Гербель с мужем (ротмис[тр] гвар[дейского] Улан[ского]
полка) умоляют меня переселиться к ним в *Петергоф!!!*
Признаюсь, и я имею туда особое влечение. Довольно
странно, если бы мне привелось провести конец моей
жизни в Петергофе, который моя Любочка предпочитает
Петербург.

Теперь вот еще, дружок, не менее радостное для меня
событие. Моя Александра Тихоновна начала выздорав-
ливать от ужасной болезни, которая ее постигла с нача-
ла этого года. Мысль, что я ее оставляю, несмотря на все
мои уверения, так сильно на нее подействовала, что она
впала в глубокую меланхолию, следствием коей были
сильнейшие истерические припадки, так что эта в про-
должение 19 лет тихая и кроткая женщина дошла до су-
масшествия. В припадках бешенства, на которые было
страшно смотреть, рвала она все на себе, била и броса-
лась на людей так, что при необыкновенной силе, кото-
рая появлялась в ней в эти минуты, едва два сильных
человека могли, надевши на нее лазаретную рубаху, са-
жать ее под замок. Чтобы облегчить свои мучения, она
прибегала к вину, но это еще более ее раздражало. Мне
она чуть-чуть не перекусила палец. Образумившись, бро-
силась в ноги, со слезами просила прощение. Просто

* Фраза в скобках дописана А. Ф. Бригеном со значком* на полях.

сказано, это такое удивительное и внезапное явление, что я готов верить, что в нее вселился бес, чему примеры в Св[ятом] писании. Третьего дня у нее был пароксизм, но не так сильный. Можешь себе представить, каково было мое положение!

Тягостную, унижительную и гадкую службу нес я, как крест. И принимал это с радостью за эпитимию, наложенную на меня за мои грехи, и за необдуманную слабость, которая навлекла на меня столь тяжкие последствия³. Благодарение всевышнему, что благодеяние Орлова дало мне возможность обеспечить моих без отягощения моих детей в России. Я был виноват, и бог облегчил мне тягость моего длительного наказания.

Кн[язя] Орлова я буду благодарить письмом. Многие меня навещают и просят показать им почерк руки, подписавшей Парижский трактат⁴. Если выеду в Россию, то якорь брошу на первый раз в Петергофе. Дочь моя выпросит чрез Орлова позволение мне там жить.

Последняя почта привезла мне также письмо от М. М. Нарышкина⁵, который просит меня по дороге заехать к нему. Я его душевно люблю, это прямой израильтянин, в коем нет лжи, почти в таком же роде и С. Г. Волконский⁶—смерть Фохта дала мне случай узнать эту прекрасную душу.

Насчет детей моих вот мои предположения. Я думаю отвезти Катеньку⁷ и знакомую твою Машеньку в Туринский монастырь⁸. Игуменья там добрая и умная старуха, она их всегда любила. Я им буду посылать безбедное содержание, и они могут там прожить года два или три, а там увидим, что бог даст. Это лучшее, что я мог придумать в настоящую минуту. Колю моего я возьму с собой.

Пожалуйста, выпиши себе «Жизнь Иисуса Христа» Неандра. Это дивное сочинение, написанное с умом и теплой верой.

Прости, любезный Евгений. Господь да пребудет с тобою и твоим семейством. А. ф. д. Бриген.

Уведомь меня, когда думаешь пуститься в путь. Да, пожалуйста, сообщи, что узнаешь, касающееся до нас. Здесь совершенная глушь. Моя Машенька свидетельствует тебе свое почтение. Если повезу детей в Туринск, то буду и у вас и буду просить Басаргина сказать о них словечко Степаниде Ивановне⁹.

Милая моя дочь Любинька.

После долгих ожиданий от тебя ответа на два моих письма получил я, наконец, твое письмо от 19-го авг[уста]. За это время произошла большая перемена в моей судьбе. Манифест 26-го августа тебе уже известен, но после его случилось со мной обстоятельство, которое для меня не менее важно, как и Манифест этот. Дней десять тому назад получил я премилое собственноручное письмо от кн[язя] Орлова, в коем он меня уведомляет, что добрый наш государь соизволил, если я оставлю службу, обратить получаемое мною жалование 285 р. сер. в пожизненное ежегодное пособие во внимание участия, которое кн[язь] Орлов во мне принимает. Какое неожиданное благодеяние и какого неожиданного благоприсятеля послал мне господь бог! Кн[язь] Долгорукий в письме по этому случаю к Орлову пишет, что он уже сделал нужные распоряжения о приведении в исполнение этой высочайшей воли, а я жду только, чтобы мне об этом объявили, дабы подать просьбу в отставку и откланяться *унизительной и отвратительной службе, которую я по особнным причинам нес, как крест*, и которую я лично тебе объясню. С этой почтой благодарю я кн[язя] Орлова. Все мои товарищи на месте, ибо Манифест и нужные к оному распоряжения нам не объявлены. Ранее декабря, кажется, никто не выедет, что до меня касается, то, кроме обстоятельств, которые мне должно привести здесь в порядок, у меня нет ни гроша денег, да 200 р. сер. долгу, а с пустыми котомками далеко не уедешь. Надобно будет понакопить финансов и тогда уже тронуться.

Вот еще важное обстоятельство, о котором мне должно с тобой поговорить, а ты поговори с твоим Базилем и, обдумавши, уже мне отвечай. Ты приглашаешь меня приехать жить к вам в Петергоф. Это предложение очень мне по сердцу. Малороссию и ее жителей с фамилиями, кончающимися на «о» и на «ский» я не люблю по тем причинам, по коим и сестра твоя Машенька не очень счастлива [за] хохлом, своим мужем. Из Петергофа я могу съездить на свидание в Слоут, но жить там мне очень не по нутру. Сама подумай, что мне там делать. Да, я думаю, и брат твой будет несколько связан моим присут-

ствием. В Петергофе я вам не буду в тягость. Мне нужен только уголок, я даже могу обойтись без прислуги, ибо я сам себе прислуга, а 350 р. сер., которые мне определил Миша, с излишком достаточны на мои непритязательные потребности. Петергоф для меня такое местопребывание, какого я лучше себе желать не могу. Петербург моя и твоя родина, там у меня родные и знакомые, которые для меня тоже как родные, и там я буду иметь случай видаться с людьми, которых в Малороссии мне век не видать. Я даже могу, может, быть полезен и другим. Одним словом, Петергоф очень меня манит к себе, напиши мне ответ на это письмо, не откладывая его, по обыкновению твоему, в долгий ящик, иначе при свидании с тобой я подеру тебя за ушко — разумеется, слегка.

Я был бы очень доволен иметь портрет твой, Базиля и детей ваших. Просить об этом останавливала меня мысль, чтобы не навлечь на вас издержки. Хотел бы я также иметь гравированные портреты кн[язя] Орлова и друга моего Жуковского.

Свистунову брат возвратил 750 душ, а старик Башмаков на вопрос, какие у него родственники, отвечал: «У меня родственники люди значительные, но изверги и каналы, которые меня в Сибири забыли, а поэтому и я ими гнушаюсь». Вот точный ответ!*

Будет у меня рассказать вам много любопытного при свидании. Прости до этого времени. Обнимаю твоего Базиля и малюток. Да пребудет господь с вами. Это лучший покровитель.

181. М. А. ТУМАНСКОЙ**

Курган, 30 сентября 1856

Я получил, моя дорогая дочь, ваше письмо от 15 и 16 августа и очень рад получению вестей прямо от вас. Произошли большие изменения. Манифест от 26 августа, восстановивший мои дворянские титулы, дает мне возможность отправиться на жительство туда, куда я захочу. До этого дня предписания по этому поводу местной администрации не были сделаны, и я думаю, они еще

* Слова «Вот точный ответ!» в подлиннике на франц. яз.

** Подлинник на франц. яз.

заставят себя ждать, принимая во внимание, что эта машина неисправная, тяжелая на подъем. Все мои товарищи еще остаются на местах, и, по-видимому, никто не покинет Сибирь до декабря. Что же касается меня лично, обстоятельства, в которых я нахожусь здесь, настолько сложны, что мне потребуется время, чтобы уладить их. Во-первых, у меня нет ни гроша и к тому же долги, с которыми надо рассчитаться, а без денег далеко не уедешь, и потом нужно будет взять отставку от службы. А пока я счастлив, что смогу освободиться от службы, которая опротивела мне до невозможности. До сих пор это было для меня средством существования, но благодаря божьей милости я от этого освобожден. Неделию назад я получил любезное письмо от князя Орлова, что его величество император соизволил в случае оставления мною службы конвертировать мое жалование (1000 руб. ассигн.) в пожизненный пенсион. Это значительное благодеяние, за что я обязан посредничеству князя Орлова, благодеяние особое: какая деликатность поведения, и это со стороны первого должностного лица империи. Поставьте теперь с этим благородным образом действия поведение столько других по отношению ко мне.

Ваша любимая сестра и ее превосходный муж уговаривают меня приехать к ним на постоянное жительство в Петергоф. Это предложение мне нравится. Петергоф приятное местечко, оно предлагает вам преимущества и удобства столицы одновременно с прелестями сельской жизни. Там, кроме родных, у меня была бы возможность видаться со старыми знакомыми, которые интересуют меня, и я смог бы пользоваться морскими ваннами, чтобы хотя немного восстановить свое подорванное здоровье. Одним словом, я жду много приятного от пребывания в Петергофе. Впрочем, Петербург был свидетелем моего рождения; для человека, любящего родные места, вызывают к ним столько интимных воспоминаний сердца и заставляют его, так сказать, жить заново. Говоря между нами, есть нечто, что отталкивает меня от Малороссии, воспоминания о неприятностях, которые я, и будучи там и отсутствуя, должен был испытать в этих краях, породили во мне антипатию к малороссам, которые в основном, за малым исключением, неповоротливы, фальшивы и уравновешенны, истинные беотийцы. Впрочем, мое

пребывание в Петергофе еще под вопросом, и, будет таковое или нет, это не помешает мне приехать навестить вас. Одинокий человек с багажом, который несут в руке, свободно перемещается, несмотря на свои 65 лет, куда он хочет.

Свистунов¹ вернул своему брату 750 крестьян. Старый Башмаков на вопрос, имеет ли он родственников, ответил прямо: «Хотя у меня родственники значительные, но это изверги и каналы, которые меня в Сибири не хотели знать, и теперь я ими гнушаюсь»*

Я хотел бы еще побеседовать с вами, мое милое дитя, но ослаб. Теперь простите. До встречи. Поцелуйте нежно от меня вашу маменьку, вашего брата и ваших миленьких деток. Если здоровье мне позволит, я напишу со следующей почтой вашему брату. Да хранит вас бог.

[Приписка на полях:] Я посылаю сегодня мое благодарственное письмо кн[язю] Орлову. Вот благодетель, которого бог послал мне таким неожиданным образом.

[На л. 96 об. адрес:] Ее высокоблагородию, милостивой государыне Марье Александровне Туманской в Глухове в село Черториги.

182. М. А. ТУМАНСКОЙ**

Курган, 25 ноября 1856

Я получил ваше письмо от 9 октября, мое милое и доброе дитя, и я вам бесконечно обязан за деньги (160 р.), которые вы мне послали. Эта сумма вывела меня из затруднительного положения, позволила заплатить несколько мелких долгов, которые меня беспокоили и от которых я хотел избавиться. Ваше письмо застало меня больным, и довольно серьезно, от абсцесса в горле, который меня сильно мучил. Сутки я дышал лишь с трудом, думая в каждый миг, что то, что зовется жизнью, вот-вот оборвется для меня. После рвоты наступило облегчение, и этот приступ положил конец моим страданиям. Это было дней десять назад, и я еще настолько слаб, что не покидаю комнату и лишь с большим усилием могу вам писать эти строки, в то время как дюжина писем лежит на столе, давно ожидая ответа.

* Ответ Башмакова в подлиннике на рус. яз.

** Подлинник на франц. яз.

Не могу сказать вам ничего положительного относительно моего путешествия. Это дело нелегкое, когда есть деньги, а когда сума пуста, как у меня, путешествие становится невозможным. Впрочем, я еще не получил отставку по службе, что случится не раньше 15 или 20 декабря. Мысль поехать сначала в Петергоф мне подходит, так как я смог бы совершить это путешествие из Перми 700 верст пароходом до Петергофа, а добраться из Петергофа в Малороссию — сущий пустяк. Во всяком случае, я надеюсь, благодаренье богу, обнять вас в будущем году, вас и ваших детей дома.

После Манифеста от 26 августа, казалось бы, осталось только собрать багаж и отправиться в путь, но дело обстоит иначе. Чинят столько преград, что это похоже на насмешку. По возвращении к вам я расскажу вещи, которые покажутся немыслимыми. Из тридцати моих товарищей только двенадцать возвращаются в Россию, из их числа трое уехали в первые дни после опубликования Манифеста, к которому еще не были сделаны нынешние добавления. Остальные не хотят покидать этот край, чтобы <...>*

Прошу вас нежно обнять от меня вашу маменьку и брата Мишеля и передать вложенное письмо Оленьке и Мишеньке. Простите, мое милое дитя, и да хранит вас бог, вас и ваших детей.

Р. S. Передайте от меня привет вашему мужу.

183. Л. А. и В. В. ГЕРБЕЛЯМ

Курган, 25-го ноября 1856

Милые друзья мои, Василий Васильевич и ты, дочь моя Любочка.

Письмо ваше от 20-го октября получил я 12-го ноября, а за неделю до этого получил и посылку, платки и пр., за что очень благодарю. Я в это время был болен простудой горла, вроде ангины, но бог пособил мне перенести эту болезнь, которая в продолжение двух суток была очень мучительна, не давала мне переводить дыхание. Около трех недель я не выходил из дому и теперь еще чувствую всеобщее расслабление и с трудом пишу,

* Конец фразы неразборчив.

а более 10-ти писем, и весьма нужных, на которые должно отвечать.

Благодарю вас, друзья мои, и в особенности Василия Васильевича, который меня вовсе не знает, за приглашение переселиться к вам в Петергоф. Если бы я имел возможность, то сего же дня пустился бы в путь, но обстоятельства задерживают меня еще здесь и, вероятно, продержат до лета. Летнее путешествие меня не затруднит, ибо из Перми (800 верст отсюда) я водою могу приплыть в Петергоф. Главная моя задержка — недостаток в деньгах и дела, которые мне надобно здесь привести в порядок, о чем я подробно, с этою почтою, если буду иметь силы, напишу Николаю Алексеевичу¹. Вы читаете Манифест 26-го августа без всякой задней мысли*, но тут еще столько закорючек, о которых я вам расскажу, если, как я надеюсь, бог приведет нам увидеться в будущем году. Это разобъяснит тебе, почему одна особа так интересовалась на пороховом заводе, возвращусь ли я или нет домой. Я уверен, что его милый папашенька не один раз видел меня во сне! Все это очень курьезно, но рассказать об этом можно только при личном свидании. Если я окончательно решусь к вам в Петергоф и если я буду иметь к этому возможность, то тебе придется прежде этого увидеться с добрым кн[язем] Орловым и с ним переговорить, о чем я тебе напишу. Прямо ехать в Петергоф, не испросив на это предварительного разрешения, было бы с моей стороны очень опротивительно.

Мне очень жаль, что я неумышленно завел вас в такие издержки, но вы сами тут виноваты. Я полагал, что посылка будет стоить только 10 р. сер., а вы довели ее до 30-ти!, чего бы я никак не хотел.

Нынешний год был для меня один из самых тяжелых годов моей жизни, несмотря на Манифест и на пенсию, которую я получил. Мои здешние обстоятельства так затруднительны, что я не могу даже придумать как их устроить. Надеюсь, однако, что бог, который для меня, по неисчерпаемому милосердию своему, никогда не оставит, мне и в этом случае поможет.

Прости, обнимаю тебя, милых малюток и доброго Василия Васильевича.

А. ф. д. Бриген.

* Слова «без всякой задней мысли» в подлиннике на франц. яз.

Курган, 9-го декабря 1856

Благодарю тебя, милая моя дочь Любочка, за письмо твое от 12-го ноября и за деньги (100 р.), которые я получил 3-го этого месяца. Миша выслал мне тоже денег, даже и бабушка твоя Настасья Яковлевна¹, к удивлению моему, уделила мне 300 р. Это первые деньги, которые я получил от нее в продолжение 30-летнего моего пребывания в Сибири (по 10 руб. на год), и, конечно, я обязан за это твоему письму и, вероятно, желание сохранить приличие перед людьми. Но как бы то ни было, а она прислала мне денег, и с нынешнею почтою написал ей благодарственное письмо. Я теперь так богат деньгами, как никогда не бывал в Сибири (Жуковский мне два раза присылал по 850 р. сер.), и теперь серьезно опасаясь, чтобы, имея такое сокровище, не сделаться скупым. Человек — создание такое противоречивое, что способен на все глупости.

О моей поездке из этой гиперборейской страны я положительно и теперь ничего сказать не могу. Я желал бы отправиться в конце января, но едва ли это удастся мне, а вероятно, придется ехать в апреле. Зимняя и такая дальняя дорога при моем здоровье и после моей болезни, которую я имел в прошлом месяце, меня пугает. Отставки я еще не получил, и к тому и здешние мои дела еще не устроены. Я об этом последнем предмете подробно писал 25-го прошлого месяца Николаю Алекс[еевичу], и он, вероятно, о том тебе скажет, что положение мое такого рода, что вдруг свернуться и уехать было бы грешно и что тут невольно призадумаешься². Невзирая на это, я никак не теряю надежду быть в будущем году в начале лета у вас. Я испытал не один раз в жизни помощь божью. В самых трудных обстоятельствах бог меня никогда не оставлял. Летнее путешествие обойдется для меня, против зимнего, отнюдь не дороже ста рублей сер., а по моим расчетам не более 50 или 60 р., и это еще не так значительно, чтобы могло очень затруднить. Что утратишь с одной стороны, то наверстаешь с другой.

Вчера проводил я отсюда Свистунова, который с большим семейством, нажитым в Сибири, отправился в Нижний. Брат его уступает ему 750 душ и собирается

с ним летом ехать в Париж для свидания с матерью и сестрою³. В Нижнем военным губернатором наш общий приятель и товарищ Муравьев⁴. Это весьма удобно для нас всех. Ник[олаю] Тургеневу возвращено все, и он, слышно, едет в Россию. Это для меня важно, потому что он мне друг и любил меня, как родного брата. В сочинении своем «Россия и русские»^{*} он много обо мне говорит.

Ты пишешь, что маменька твоя недовольна тобой за то, что будешь меня вызывать в Петергоф. Она характера довольно странного, хотя имеет сердце доброе. По обнаружении Манифеста об нас она мне написала, чтобы я на первое время занял здесь денег и тотчас бы ехал в Малороссию, забыв, что она сама 30 лет собиралась приехать ко мне, однако не могла это исполнить. Видно, это не так легко, как говорится. От Умовых я получил также письмо. Они приглашают меня погостить у них на перепутье. Списавшись с Мишелем, мне можно будет съехаться с ним у них. Если бы бог привел мне пожить у вас в Петергофе, то я мог бы так, как некогда жил в Париже отшельником на Отенской дороге^{**}, который с чердака своего сквозь занавеску смотрел на Париж, не будучи сам никем виден.

Св[ятая] Терезия сказала: «Я надеюсь на [потустороннюю] жизнь, столь возвышенную, что умираю от того, что не умерла^{***}. Этих слов я не могу себе усвоить, чувствую и знаю, сколько я грешен и недостойн. Твердо уверен, однако, что будущая жизнь будет лучше настоящей, наполненной пошлостью.

Многие у вас там смотрят косо на наше возвращение. Царь по доброте сердца сделал это по собственному движению, и ему одному мы обязаны всем.

Прости, дорогая и милая моя дочь. Обнимаю тебя, твоих малюток и доброго твоего Базиля. Да пребудете всегда с любовью.

А. ф. д. Бриген.

Я с тобою заболтался.

[Приписка на полях:] Пожалуйста, пиши чаще ко мне и отвечай буде можно с перв[ой] почтой на это письмо.

* Слова «Россия и русские» в подлиннике на франц. яз.

** Слова «отшельником на Отенской дороге» в подлиннике на франц. яз.

*** Слова св. Терезии «Я надеюсь... умерла» в подлиннике на франц. яз.

Курган, 23-го декабря 1856

Письмо твое от 28-го ноября, дорогая моя Любочка, получил я 18-го сего месяца. Зная тяжелый, истинно малороссийский характер твоей маменьки, меня вовсе не удивляют странные ее выходки, о коих ты пишешь. Это общее свойство *Безбородкинского рода*¹ по восходящей и нисходящей линии*.

Теперь моя очередь тебе сказать: не принимай к сердцу ее слова. Если бы мне сделать собрание всех неприятностей, которые она высказала мне в своих письмах в продолжение 30 лет, то из этого вышла бы целая огромная тетрадь. Я сначала сердился, а потом перестал на это обращать внимание. В письме, которое я с последней почтой получил, она пишет о своем отчаянии, что я не еду по зимнему пути и еду не прямо в Малороссию, а в Петергоф. Она прислала перечитывать старые мои письма, в их числе есть одно от 1-го апреля 1834 г., и как 1-го апреля есть день обману, то значит, что я ее обманывал. Какова логика. Такого же рода упрек тебе, что ты не *допускаешь* отца в место его *должного* пребывания. Она просто считает меня за автомата, который не должен иметь никакой воли и не может собой распоряжаться. Странно видеть женщину в 55 лет, рассуждающей как 12-летняя избалованная и капризная девочка. Я с этой почтой пишу, что если она полагает, что в 65 лет и после болезни, от коей я теперь еще чувствую слабость, так легко пуститься в дорогу более 3 тыс. верст, то пускай вспомнит, что она 30 лет собиралась приехать ко мне сюда да 15 лет к Умовым и никуда не могла собраться.

О затруднительном положении, в коем я здесь нахожусь, писал подробно 25-го ноября Ник[олаю] Алек[сеевичу] Терентьеву. Пусть он передаст тебе содержание моего письма, и тогда, положив руку на сердце, спроси себя, возможно ли мне, бросив здесь все, уехать не оглядываясь. Да и приехав таким образом не только в Малороссию, но и к вам в Петергоф, где уверен, что нашел бы отраду для души моей, не мог бы быть ни минуты

* Слова «по восходящей и нисходящей линии» в подлиннике на франц. яз.

покоен. Мне у вас было бы лучше, нежели здесь, но что происходило бы в моей душе! Не говоря уже о том, что было бы грешно перед богом и бесчестно пред людьми. Мое желание вас всех прижать к моему сердцу, конечно, не уступит вашему желанию меня видеть, и я вполне уверен, что бог, столь милосердный для меня во все продолжение моей жизни, мне поможет это исполнить в будущем году. Если бы эти страстные желания видеть меня в Малороссии и опасение потерять меня здесь не имели бы так много действительно плачевного, то я, старик в 65 лет, разыгрывал бы тут роль героя романа в таком роде, как некогда граф Глейтен, который, однако, был счастливее меня. Что касается меня, то я не заслужил «ни эти чрезмерные почести, ни эту обиду»*.

Я обо всем этом напишу подробно Мишелю и перешлю письмо мое для передачи ему по секрету сестре твоей Машеньке, а до того времени прошу тебя, чтобы это оставалось между нами и всевышним. Я имею друзей, как Тур[генев] и другие, которые мне помогут. Если нужно будет, то обращусь к самому царю. Я ничего так не боюсь, чтобы не был кому в тягость, а с теми я буду говорить прямо и без зазрения. Если увидишься с Ник[олаем] Алекс[еевичем], то прочти ему это письмо, которое так худо написано, что ты, вероятно, с трудом его разберешь.

Теперь прошу тебя, дорогая моя дочь, уведоь меня, существует ли пароходство из Петербурга до Нижнего. Из Перми до Нижнего пароходство быстро и очень удобное, а к тому же и цена очень сходная, и это очень важно для меня. Ты из этого вопроса можешь видеть, что, невзирая на все препятствия, которые существенны, и на все трагико-драматические декламации воображений, я все-таки собираюсь ехать к вам в Петергоф, хотя бы для того, чтобы временно пожить. У меня непреодолимое желание помолиться на могиле моей незабвенной маменьки, о которой Ник[олай] Алекс[еевич] пишет, что она свидания со мной не пережила бы. Она меня очень любила, как никто меня никогда не любил.

Скажи, пожалуйста, слышала ли ты о Герцене (Искандере), который в Лондоне издает на русском языке «Полярную Звезду». Письмо его к царю и некоторые

* Фраза «Что касается... обиду» в подлиннике на франц. яз.

статьи я здесь читал. Письмо очень примечательно². Но что сделает царь, при всей доброте своей и благонамеренности, при таком безлюдии и с такими ничтожными помощниками, как, напр[имер], наш здешний губернатор глупый Гасфорт да бездушный Арцимович.

Мне совестно, что ввожу тебя в убыток, но если тебе не в тягость, то прошу тебя, пришли мне пару резиновых галош с подошвами по прилагаемой мерке. Если можно, то пришли, а если нет, то оставь.

При свидании с тобою я крепко поцелую твои глазки, твои ушки, щечки, лобик и ручки так, как некогда тебя целовал, когда 4-недельную маменька привозила тебя ко мне в крепость. В благословенные времена незабвенного Калигулы³. Как изменились времена!*

В ожидании всего этого обнимаю теперь мысленно тебя, доброго твоего Базиля и милых моих внуков. Прости, и да пребудет господь с вами. Пожалуйста, не откладывая долго ответ на это письмо, а между тем поздравляю тебя с наступающим праздником и с новым годом.

Вот чудо, здесь в домах появилось множество комаров и мух, как летом.

Теперь примусь писать письмо твоей причудливой маменьке.

[Приписка на полях:] Я тебе писал, что 1856 год есть один из самых тяжелых у меня, теперь, повидавшись с Ник[олаем] Алекс[еевичем], поймешь почему.

Я воображаю, что Наталья Викторовна Строганова и супруг ее теперь последовали с высоким домом, напыщенные, как сорока в павлиньих перьях.⁴

186. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 5-го января 1857

Поздравляю тебя, милая дочь моя, а также и доброго твоего мужа и моего друга Василия Васильевича с Новым годом. Молю всевышнего да сохранит он вас и ваших малюток в течение не только этого года, но и еще на многие годы, и да ниспошлет он вам свою благодать, а мне да дарует счастье увидеть и прижать вас к моему сердцу в этом году, в чем я, уповая на его милосердие, вполне уверен.

* Слова «Как изменились времена» в подлиннике на франц. яз.

От маменьки твоей получил я письмо от 16-го ноября, довольно странное и даже оскорбительное. Я тебе об этом писал 23-го декабря. Но в следующую почту получил я от нее письмо совсем в другом тоне. «Я страшусь,—говорит она,—чтобы ты не принял то мое письмо слишком близко к сердцу, и прошу тебя, как друга, открыть мне вполне истину о твоём семействе в Сибири. Я в этом случае не могу на тебя ётовать. Это богу так угодно». Получив это письмо, я ей написал все, что и тебе должно быть известно из письма моего к Николаю Алексеевичу от 25-го ноября, теперь посылаю тебе копию с письма, которое я сегодня ей отправил. Вот оно:

«Отставку я получил с последнею почтою, но паспорта или там независимого аттестата еще не получил. С этой почтою я пишу в Тобольск и прошу пособить мне его выслать¹. Я бы очень желал выехать в конце этого месяца или в первых числах будущего, тогда доехал бы я к вам по последнему пути; но не знаю, удастся ли мне это, а стараться буду всеми силами. Мне свернуться недолго, и, несмотря на то, что здоровье мое плоховато, я отправился бы в путь, но очень затрудняет меня положение мое, о котором я к тебе откровенно и подробно писал с последнею почтою. Если бы возможно было оставить Катеньку и Машеньку здесь до лета, то взял бы с собой моего Венямина (Коленьку) и по зимнему пути поехал бы к вам. Но и тут ужасное затруднение, как оставить их с такою матерью, больной и почти полоумной. Если бы я мог приехать к вам, то, осмотревшись в ваших местах, как бы их пристроить (Катеньку, Машеньку и мать их), я написал бы им потом приехать в Слоут, где, надеясь выручить за здешний дом (тысячу р. сер. за него дадут), купил бы им домик со всем устройством, в котором они с помощью трудовой моей пенсии (285 р.) могли бы жить *независимо* и не были бы никому в тягость, а в случае моей смерти я уверен, что сын мой Миша, дочь моя Любинька и добрый муж ее, а также мои родные в Петербурге их бы не оставили. Скромное пособие никого бы не разорило. О нашей Машеньке я не упоминаю здесь. В доброте ее сердца я вполне уверен, но она не от себя зависит. Поговори об этом с Мишелем, можно ли будет это сделать и что он скажет. Мне предстоит одно из двух: или остаться здесь на неопределенное время для нужд этих сирот, или взять их с собою туда, где сам

буду. Оставить их здесь между этим негодным народом невозможно, и было бы грешно везти их с собою наобум в Малороссию, слишком отважно, так как я не знаю тамошних мест. Ну, а главное, как тебе это покажется. О том, что люди будут говорить, я не думаю. Мнением толпы баранов я не дорожу, а смотрю только на то, что должно исполнить, чтобы не попасть в ответственность перед богом. Очень жаль, что ты не подняла этот вопрос ранее 29-го ноября, это облегчило бы много мои затруднения и недоумения, по письму же твоему от 16-го ноября мне не только нельзя было помышлять к вам ехать, а привелось бы от вас возвратиться опять в Сибирь. Жаль, что дорога к вам сухим путем, то ли дело в Петергоф. Катенька мне сегодня еще говорила: как поедem мы в Малороссию, не зная ничего, а когда вы не удостоверитесь сами, возможно ли это. Мы были бы там как трость, колеблемая ветром в пустыне. Обдумай это и рассуди *неодносторонне* положение всех.

Я так озабочен мыслями, что часто спрашиваю, стоит ли столько хлопотать для того малого остатка дней, который мне остается прожить. Но бог делает все к лучшему, верно, и все это к лучшему. Будь у меня денег, сколько в моих обстоятельствах нужно, то и затруднений не было. Пущин увез с собой двух таких же детей² без затруднений. Мои обстоятельства другие».

Р. S. Вот опять неожиданное обстоятельство. Бог помогает мне дивным образом во многих случаях — послал Катеньке жениха, прекрасного молодого человека из Омска. Если это состоится, как я наверно полагаю, то свадьба состоится около 25-го января, и мне возможно будет выехать (в Малороссию). Дай бог только доброго здоровья. Я от забот лишился сна и хожу весь сам не свой. Что будет, тотчас напишу. Прости.

А. Ф. Бриген.

Письмо это перешли для прочтения Ник[олаю] Ал[ексеевичу] Терентьеву.

Всем писать не успеваю.

Еще словечко³. Сделай милость, попроси Лизавету Христиановну, чтобы она написала к сестре в Омск и попросила бы ее принять участие в Катеньке. Пусть она заступит место матери для Катеньки, которой по неопытности и добродушию нужен совет и наставление. Очень

мне желательно, чтобы Катенька была при ней и в ее обществе. Эмма Христиановна⁴ окажет этим благодеяние не только Катеньке, но и мне самому. Оба Яковлевых, как муж, так и жена, премилые и предобрые люди.

187. Н. А. ТЕРЕНТЬЕВУ

Курган, 13-го января 1857

Милое и благоразумное письмо ваше, многоуважаемый Николай Алексеевич, было для меня очень приятно. Благодарю вас за участие, которое вы принимаете в горестном моем положении. Среди бури моя Полярная звезда есть упование на бога, который мне всегда посылает помощь. Я с вами согласен Алек[сандру] Тих[оновну] оставить здесь, в ее доме. Но ни Катеньки, ни Машеньки я оставить с нею не могу. Если бы к этому была хоть малейшая возможность, то и затруднения бы не было. Я было думал отправить Кат[еньку] в Омск, оставить Машеньку при матери, и сама Машенька вызвалась на это, но вижу, что невозможно. У Алек[сандры] Тих[оновны] временно припадки сумасшествия, которые при ее раздражительности доходят до бешенства. Надобно помышлять, где бы найти человека, коего надзору и попечительности можно было бы ее самое вверить. Обдумав все, я вот на что решился. Быв уверен, что я из Малороссии получу ответ на мои письма в таком же смысле и духе, как неоцененное письмо моей милой Любочки, я выезжаю в половине апреля отсюда (ранее невозможно) и беру с собою Машу и Колю. Еду я прямо в Малороссию, Машеньку мою отдам погостить к моей же Машеньке и потом чрез месяц или два отправлюсь в Петербург и буду просить моих добрых Гербелей взять Машеньку к себе. С Катенькою вот какое мое распоряжение. За нее сватается жених, хороший молодой человек, некто Кузнецов, унтер-офицер Омского батальона кантонистов¹. Ему 21 год, и он чрез 4 года должен получить офицерский чин. Беда только та, что средства его к жизни очень скудны, а я хоть из пенсiona моего и могу его поддерживать, но теперь дать ему вдруг на подъем не могу. В этом затруднении может мне пособить Гр[игорий] Ал[ександрович] Яковлев, к коему я с этою почтою пишу и прошу его перевести Кузнецова в свое ведомство и сделать его исправляющим должность землемера. Тогда

Кузнецов получит 1000 р. асс. жалования, что достаточно для проживания с женою. Будущность же Кузнецова будет зависеть от него самого, и с его способностями он может идти далее. Но как свадьба эта не может состояться ранее лета, то я прошу Яковлева принять Кат[еньку] до того времени в свой дом под покровительство Эмилины Христиановны. Буде же по усмотрению Григория Алек[сандровича] эта свадьба не состоялась бы, то прошу их продержать у себя Катеньку год или два, пока я в России устрою свои дела, что буду в состоянии взять Катеньку. Из Петербурга до Сибири поездка водою стоит 60 р. сер.

Изложив мои намерения, прошу я вас, добрый мой друг Николай Алек[сеевич], попросите сестрицу Лис[авету] Хрис[тиановну], чтобы она с *первою же почтою* написала к сестре своей и от себя попросила бы о моей Катеньке. Григ[орий] Алек[сандрович] сам вызвался не оставить моего семейства, если они переедут в Омск. Я теперь прошу не о всем семействе, а об одной Катеньке, издержки на содержание коей я буду им доставлять. Я сам хотел писать Лис[авете] Христ[иановне], но по моему почерку вы можете видеть, что я не здоров. Если это уладится, то я по последнему пути отправлю Кат[еньку] в Омск и сам в апреле отправлюсь в Малороссию. Если же Кат[енька] останется у меня на руках, то мне и двинуться нельзя.

Прилагаю здесь письмо к моей Любочке, которое прошу вас переслать ей с этим письмом.

Ваш Б[риген].

188. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 13-го января 1857

Душенька моя Любочка.

Письмо твое тронуло меня до глубины души. Участие, которое ты, милая моя дочь, и добрейший твой муж приняли в положении Алек[сандры] Тих[оновны] и детей, не было для меня неожиданностью. С вашей чувствительностью и добрыми сердцами это иначе быть не могло. Но и в этом проявлении вижу более. Я тут вижу отблеск и малую искру той небесной любви, о которой апостол Павел сказал: «Если я имею веру, знаю, что могу горы переставить, и если я отдам все имение мое и отдам тело

и состояние, а любви не имею, то я ничто». Это не плоть и кровь, но дух божий.

Спасибо вам, друзья мои, вы меня очень утешили.

Из письма моего к почтенному Николаю Алексеевичу ты узнаешь о моих настроениях.

Машеньку и Коленку я беру с собою. Последний останется при мне, а Машеньку привезу я сам к тебе в Петергоф и буду тебя просить взять ее к себе. Это милое дитя, и ты ее полюбишь. Устроив таким образом детей, мне останется подумать, кому поручить здесь Ал[ександру] Тих[оновну] и кому поручить дом. Далее мне здесь оставаться невозможно. Еще другого такого года, как прошлого, не переживу. Я испытую себя, я характера довольно твердого, но здоровье мое потеряно и уверен, что и жизнь моя в несколько лет умалилась. Вот тебе сцена, которая дает тебе понимание о нашем положении здесь.

В прошлом ноябре умер у меня сын Иван 14 лет после 3-х лет болезни¹. Это был мальчик ограниченных умственных способностей, но добрый сердцем необыкновенно. Болезнь его вовсе измучила Алек[сандру] Тих[оновну], которая ни одну ночь не отходила от него. Кончина его была чрезвычайно трогательная, ибо он был в памяти до последней минуты. Меня он называл не иначе, как «ты мой Христос!» Вечеру, когда он лежал на столе, слышу я шум, что ж такое, Алек[сандра] Тих[оновна] в припадке своем, опрокинув один большой подсвечник, сорвав покрывало, собирается тащить покойника, чтобы положить с собою в постель спать. Насилу ее удержали от этого. «Подумать, вить это мое дитя, грудь у меня хочет треснуть, пускай же он хоть последнюю ночь поспит со мною, а завтра ляжет в матушку сырую землю».

Поручение твое к ней я исполнил. Не стану рассказывать, какие тут были вопли и слезы. Дети очень тебе благодарны за участие. Если богу угодно будет, чтобы Катенька пристроилась, то это будет большое для меня облегчение, у меня спадет гора с плеч.

Вчера слышал я чудо. Пущин, который, как ты пишешь, теперь в Петербурге, женится на Фон Визин, ей за 55 лет². У него двое детей. Штейнгейль оставил также двух детей в Тобольске³. Ожидаю, какой ответ получу и от твоей маменьки. Я ее поставил в известность о всем, что ты знаешь. Грабовский⁴ человек добрый и верно не сказал, что я венчан, это чистый вздор.

Аттестата о службе я еще не получил и об этом уже писал в Тобольск.

Очень важно для меня, чтобы Лизавета Христиановна с первою же почтою (письма идут так долго) написала бы к сестре своей Эмили Хрис[тиановне] в Омск и попросила бы ее принять участие в Катеньке. Очень желал бы я, чтобы их повенчали до в[еликого] поста, а куда руки у меня связаны. Прощай, мой ангел, обнимаю всех вас,

А. ф. д. Бриген.

189. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 27-го января 1857

Слава богу и еще слава милосердному богу! Сей час приехал жених Катеньки из Омска и привез мне письмо от милого и доброго моего свата Яковлева, который жениха одобряет. Яковлев покуда берет его с Катенькой к себе в дом. Принимает его в свое ведомство и обещает дать ему исправление должности землемера. На последней неделе до масленицы будет свадьба, а потом чрез несколько дней молодые отправятся в Омск, куда погостить Яковлев и меня зовет с детьми. Теперь самое главное препятствие к моему отъезду устранится, и если все это благополучно кончится, то я в конце апреля пушусь в путь. Ранее нельзя будет, ибо, отправившись в конце февраля, захватит распутица. Ранее же этого мне никак не собраться, да я по сие время и паспорта еще не получил.

Теперь обращаюсь к тебе, добрая моя Любочка, и к твоему милому Базилю с просьбою выслать мне, хоть почты чрез две по получении этого псьма, 50 или 100 р. с. заимообразно до прибытия моего в Россию. У меня 600 р. с. лежат заветных для дороги. Из этих денег приведется мне заплатить около ста р. с. за тарантас, а свадьба и отправка молодых в Омск обойдется тоже сто руб. сер. 400 руб. с., я полагаю, достанет мне на проезд, но все-таки пускаться в толь дальний путь с деньгами в обрез не приводится. Бог весть, что может случиться. Прибудем на место, я эти деньги тотчас вам возвращу и даже теми ассигнациями, которые вы пришлете.

Бог послал мне Яковлева и его добрую жену Эмилию Христиановну. В будущее воскресенье (3-го февраля) будет бракосочетание.

Последнее твое письмо от 2-го января я получил. Такие люди, как Павел Миклашевский¹, жалки. Это истинно малороссийский характер.

Прости, мой ангел, обнимаю всех вас, и да пребудет господь с вами.

А. ф. д. Бриген.

В Омске очень интересуются Катенькой.

Не думай, что я тароват на деньги. Я дорожу каждой копейкой. Но теперь у меня такой хаос в доме, что голова кружится.

190. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 10-го февраля 1857

Дружочек мой Любочка.

Прошлого воскресенья, т. е. 3-го февраля, было бракосочетание моей Катеньки с Александром Львовичем Кузнецовым¹. Обручение было 29-го января (день рождения незабвенного моего Жуковского), а сегодня молодые отправились в Омск, где они на первое время будут приняты сватом моим Яковлевым, одним из самых добрых и милых людей, в доме, а Эмилия Христиановна заступит для Катеньки место матери. Все эти обстоятельства так хорошо устроились, как я не мог желать лучше. Благодаря попечительству своей матери, которая за 12 лет назад начала приготавливать почти незаметным образом для нее приданое, Катенька снабжена безбедно, всем нужным ценою в 400 р. с. Я ей назначил из своего пенсiona на собственные ее издержки 5 р. с. в месяц. Свадьба эта при всей моей расчетливости обошлась с лишком 250 р. с. Богачи, конечно, скажут: какая нищета*. Но когда вспомнишь, что Спаситель был так беден, что не имел, где главу приклонить, то из глубины души вздохнешь и поблагодаришь бога за его милосердие и щедрость.

Тяжело лежит на моей душе мысль, что мне придется расстаться с Катенькой, которую я, вероятно, больше не увижу. Да сохранит всевышний это кроткое и доброе дитя. Чрез несколько часов придется мне с ней расстаться и, может быть, навсегда! С этою почтою пишу

* Слова «какая нищета» в подлиннике на франц. яз.

об этом твоей маменьке, а тебя прошу сообщить об этом всем нашим в Петербурге.

Я выеду в конце апреля и в мае буду у Умовых. *Машеньку и Коленьку беру с собою.* Куда поеду из Юркул, к вам ли или в Слоут, еще не знаю. Это будет зависеть от ответа твоей маменьки на мои письма, в коих я ей описал мои здешние обстоятельства. Паспорт мне прислали вчера, но я его еще не получил из полиции. Припадки безумия Алек[сандры] Тихон[овны] несколько поукрылись. Она желает остаться здесь в своем доме, но располагает во время Нижегородской ярмарки съездить с купцами в Россию для свидания с детьми. Это дело удобное, и я поддерживаю в ней эту мысль, которая ее подкрепляет. Какая странная моя судьба. Ты и твои сестры вышли замуж без меня, а мне пришлось отдавать дочь замуж в Сибири!

Не забудь, пожалуйста, выслать мне деньги, о коих я просил в последнем моем письме. Эти деньги я буду хранить в резерве и по прибытии на место тотчас их тебе возвращу. Напиши, учредили ли пароходство от Петербурга до Нижнего. Прости, моя дочь, обнимаю тебя, доброго твоего Базиля и ваших малюток и молю всевышнего, да пребудет он с вами.

А. ф. д. Бриген.

[Приписки на полях:] У меня от свадебного шума еще голова кружится.

В начале марта должен я получить ответ от твоей маменьки и тогда тотчас тебе напишу, нужно ли будет просить кн[язя] Орлова о разрешении приехать к вам.

191. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 24-го февраля 1857

Душенька моя Любочка.

С последнею почтою получил я твою посылку, галоши, но письма при этом не было. После письма моего от 23-го декабря, в коем я писал тебе о галошах, отправил я тебе письмо 6-го, 13-го, 27-го января, да еще 10-го февраля, из коих писем все мои здешние обстоятельства известны, а также и то, что Катенька вышла замуж и уехала в Омск. Это последнее обстоятельство облегчило или, лучше сказать, сделало для меня возможным выезд из Кургана. Куда бы мне деваться с 18-летней дочерью.

В ноябре были у меня похороны, а в феврале свадьба, все это так неожиданно и дивно, что я по сие время мысленно с этим свыкнуться не могу. Видно, богу так угодно.

Твое ангельское письмо от 20-го декабря лежит передо мною. Я несколько раз его перечитал до начатия этого моего письма. Ты мне пишешь, что твой совет (о перемещении Алекс[андры] Тих[оновны] с семейством) идет от сердца, и я принимаю его, как внушенный тебе богом. Сообразно твоему письму вот на что я решился. Это мой ultimatum. 3-го мая выезжаю я из Кургана (мне за апрель надобно здесь получить пенсию) в гор[од] Осу в 80 вер[стах] от Перми. Беру с собою Алекс[андру] Тих[оновну] (которая ободрилась и поправилась), Машеньку и Коленьку. В Осе (700 верст отсюда) сажусь я на пароход и плыву к Умовым в Спасск, где пробуду 6 дней. Из Спасска поплыву в Нижний, где проведу 3-е суток у тамошнего воен[ного] губ[ернатора] Муравьева, моего приятеля и товарища. Там я найду Анненкова¹ и других сибирских моих товарищей. Из Нижнего отправлю я на пароходе Алекс[андру] Тих[оновну] и Машеньку в сопровождении верного человека в Петергоф. Прошу тебя, душа моя, и прошу также друга моего твоего Василия Васильевича принять их к себе в дом. Отведете им особенную комнату под гостеприимным вашим кровом (не в наемной квартире, там бы они были на чужбине, 12-летний ребенок с больной матерью). Я уверен, что они вам в тягость не будут. Машеньку ты, верно, полюбишь, а также и Алекс[андру] Тих[оновну], которая может быть для тебя очень полезна в твоём хозяйстве. Приятно иметь в доме человека, на которого можно положиться, как на себя, а в этом отношении Алек[сандра] Тих[оновна] золото.

Бог вас и детей ваших за это доброе дело благословит и никогда не оставит в сиротстве. Алекс[андре] Тихоновне и Маш[еньке] определил я из моего пенсионна 100 р. с. на платы, но об этом после. Отправив таким образом при себе из Нижнего Ал[ександру] Тих[оновну], поеду я сам в Тулу с Коленькой, где проведу 3-е суток у милого моего Нарышкина, и потом чрез Курск в Глухов. Вот странствование, которое несколько похоже на Одиссея, но только с тою разницею, что Страстотерпец Одиссей страдал 10 лет, а я — 30!

Алек[сандра] Тих[оновна] долго не соглашалась оставить Курган. Я со своей стороны не действовал на нее

никакими убеждениями, но предоставил ей полную свободу в выборе, оставаться ли или ехать, и, наконец, мысль быть с Машенькой взяла верх. «Меня один косой взгляд в настоящем моем положении убьет»,— говорит она, но я уверил ее, что она встретит радушие, доброту и ласку и, верно, ни одного косого взгляда. «Если тебе там не понравится, то ты можешь возвратиться в Курган»,— сказал я. Благодаря пароходству путешествие это не затруднительно. Дома своего здесь она не хочет продавать, а отдать его по условию внаймы. Эту ее мысль я одобрил, ибо во всяком случае она будет иметь независимую собственность и уголок, где бы голуу приклонить.

Коленьку я, смотря по обстоятельствам, продержу около года при себе в Слоуте, а потом привезу в Петербург и отдам в отечественную школу, если богу это угодно будет. О переводе моего пенсионера из здешнего казначейства в Глуховское буду я писать министру финансов²; Катеньке я назначил 35 р. с. в год, остальные 100 пойдут для Коленьки. Живши в Слоуте, мне, отшельнику от мира, более 50 р. сер. не нужно, а эти даст мне Миша. Вот мои намерения, на этом я остановился.

Надеюсь, что ты, добрая моя дочь, и твой милый Базиль этот мой план одобрите. По получении сего письма напиши с первою почтою, как ты об этом думаешь. Ответ твой я могу получить в половине апреля, прошу с ним не мешкать. Ответ на мое письмо я еще не получил из Слоута, а этот ответ для меня очень важен.

Если ты мне вышлешь 100 р. с., о коих я тебя просил, то я их тебе возвращу, может быть, из Нижнего с Алек[сандрой] Тих[оновной] или, наверное, уже из Слоута. Известия из Омска я еще не имею ни от Катеньки, ни от свата моего Яковлева. Это добрый человек.

Я так утомился похоронами, свадьбой и приготовлениями к отъезду из Сибири и в особенности болезнью Алек[сандры] Тих[оновны], что если встречу еще неожиданные препятствия или противоречия к приведению в исполнение мною здесь плана, то приму это за глас Провидения, чтобы остаться в Сибири. 3 аршина земли найдется для меня и здесь.

Прости, дорогая моя дочь, обнимаю тебя, Базиля и милых твоих малюток, и да пребудет благословение господне над вами.

Алекс[андра] Тих[оновна], Машенька и Коленька свидетельствуют тебе почтение.

О содержании этого письма сообщи Николаю Алексеевичу, а я пишу в Слоут.

192. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Курган, 10 марта 1857

Вот уже давно я не испытывал удовольствия поговорить с вами, моя дорогая и горячо любимая дочь. Неприятности и огорчения необычного свойства и положение, в которое я ввергнут богом, часто останавливали руку, державшую перо, чтобы написать вам. Всех этих волнений души после двух десятков лет спокойной и однообразной жизни было бы достаточно, чтобы совершенно сбить с пути людей с более сильным характером, нежели мой; тщетно пытались бы вы представить себе те трудности и препятствия, которые осаждают меня со всех сторон¹.

193. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 17-го марта 1857

Дружочек мой Любочка.

Письмо твое от 14-го февраля я получил и посылаю здесь вместо ответа копию с письма твоей маменьки, которое очень меня порадовало. «(Получ[ено] 12-го марта). 10-го февраля, Слоут. Исповедь твоя, любезный друг мой Александр, тронула меня до глубины души. Будь уверен, что я встретила б Машеньку и Коленьку как своих детей, если бы только Мишель был в состоянии их всех содержать, но по несчастью он не в силах. Радуюсь, что господь посылает судьбу Катеньке, дай бог ей счастья, была ли уже свадьба? Друг мой, поступай по своему пониманию отцовского сердца и рассудку, и если тебе лучше и покойнее ехать прямо в Петергоф, поезжай с богом. Я все равно буду приносить усерднейшие молитвы в благополучном путешествии твоём. Ежели бы ты и остался в Сибири, я теперь не буду удивляться, зная причины, тебя удерживающие. Но ежели ты приедешь сюда без Венямина, своего Коленьки, то ты будешь по нему гру-

* Подлинник на франц. яз.

стить. Это будет для тебя невозможно. Машеньку, так как ей 13 лет, не лучше ли отдать в хороший пансион под надзором сестры твоей Лиз[аветы] Ив[ановны]¹ или же к Любаше. Николю же вези сюда, поверь, что это будет мое дитя, он слишком еще мал, чтобы его отдавать на воспитание, а здесь увидим, отдать ли его к Туманским, как они предлагают, или же сам будешь заниматься, как ты писал прежде. Мать их, бедная страдалница, достойна всякого сожаления. Ей необходимо холодное обливание, лаврово-вишневые капли, ассафетиды и валерьянка, успокоительные средства. Я боюсь, чтобы она по отъезде твоём не явилась бы в Слоут. Это может быть в порыве сумасшествия, надобно за ней смотреть. Дай бог, чтобы Катенька вышла замуж. Итак, будем ожидать твоего уведомления, чем и как ты все решишь. Но я прошу тебя беречь свое здоровье, не очень беспокоиться, не стоит того вся суета мира сего. Покоряйся воле божьей и среди твоих тяжких испытаний крепись и находи утешение в тяжкой божьей каре в милосердии божьем. Сегодня уезжает Влад[имир] Ив[анович]² в Москву по своим делам, а 3-го февраля дворянство глуховское давало ему знаменитый обед, где были привезенные редкости, фазаны, пастеты с трюфелями (мне бы ни фазаны, ни трюфели в рот бы не полезли, имея в виду крестьян в рубищах, питающихся мякишью) и разные были спичи. Я одна не заманивалась ничем, побывала в Пануровке две недели, оставила совершенно здоровою свою старушку маменьку, и очень бодрую, гуляет до предмостья почти всякий день. Она очень желала тебя видеть и нимало как-то не удивляется всему слышанному. Поцелуй за меня Катеньку, Машеньку, Коленьку и скажи им, что я живейше принимаю участие в здоровье их матери. Если придется кого из них встречать здесь, приму, как близких родных. Дай бог им счастья, а Катеньке довершения начатого сватовства. До свидания, не унывай» и пр. и пр.—

Дочитав до этого места, я было начал колебаться, не поехать ли мне в Малороссию, но следующие строчки сделали, что я решил остаться при прежнем своем намерении ехать к вам в Петергоф, прежде чем заехать с Коленькой в малороссийскую глушь.

«Во всей околотке у нас ужасная смертность, оспа, корь (вероятно, скарлатина) и всякие болезни уносят по пятеро детей и более в один день. Я в ужасном страхе за

моих внучат, да сохранит их всевышний. У нас в доме новый год ознаменовался похоронами малютки моей швей, 15-го января мальчика кучера похоронили, а сегодня бабу от чахотки, которая потеряла малютку своего в ноябре, впала в чахотку от тоски и конец, померла сегодня». Если бы я был суеверен, то мне надобно бы принять кончину Алекс. Матвеевича³ за худое для меня предзнаменование.

В мае непременно выеду с Коленькой к вам. Пароходом до Спасска я не могу воспользоваться, это сопряжено с затруднениями, и, может быть, от Спасска до Нижнего поеду пароходом. От Нижнего к Петербургу едет легкий пароход с одними пассажирами без клади, следовательно, мне придется ехать из Нижнего на колесах, я еще не знаю, какой дорогою, на Москву ли или на Ярославль. Последняя почти вдвое дешевле.

В последнем письме (3-го марта)⁴ я писал тебе, моя душечка, не выс[ыл]ать мне 100 р., о коих просил, а теперь прошу по-прежнему выслать их. Они будут у меня в резерве, ибо денег до Петергофа станет у меня, я надеюсь, и моих. Извини, что так худо пишу, у меня очень рука трясется.

Прости, мой ангелочек, обнимаю тебя и твоих малюток да прошу обнять за меня друга моего Базиля. Господь да пребудет с вами.

Алекс[андра] Тих[оновна] поправилась в здоровье, мысль, что Машенька останется при ней, оставляет и хотя иногда поплакивает, но ободрилась, истерическое раздражение почти исчезло, и она в таком виде, как жила при мне 20 лет. Она немного старше сестры твоей Машеньки, ей 38-й год. Она и дети свидетельствуют вам свое почтение.

Если ты по получении этого письма тотчас мне напишешь ответ, то это письмо я могу еще получить здесь, ибо выеду около 5-го или 6-го мая. На всякий случай напиши на адресе: «Если он отбыл из Кургана, то прошу переслать его выс[окоблагородию] Ив[ану] Пав[ловичу] Умову в с. Ситки Казанской губернии».

По получении твоего письма напишу, когда и как ехать к благородному кн[язю] Орлову.

[Приписки на полях:] Благодарю бога, и как я рад, что ты в здоровье своем поправилась. Прошу на будущее время написать, а то, право, рассержусь.

Я уже купил хороший тарантас за 275 р.

Р. S.⁵ С богом! Поезжай, мой дружок, к князю Орлову и попроси его похотатайствовать: 1) Проезде и иногда временном, т. е. на несколько суток, проживании в Петербурге; 2) Разрешения проехать и прожить не более 3-х суток в Москве; 3) Предупреди его, что я буду проживать у вас в Петергофе. Хоть на это запрещения нет, но это нужно, потому что там дворец и бывает временное пребывание царской фамилии. Князь Орлов подтвердит, что я ему писал в благодарственном моем письме, что моя признательность к нему кончится только с моей жизнью, коснись, если он с тобой разговорится, что покойный брат его Михайло был мне большой приятель и что я был с ним в ближайших сношениях. Князь Орлов это знает. Может быть, что по этому поводу он с тобой будет говорить откровенно и скажет что-нибудь замечательное для меня. С Николаем Тургеневым мы были друзья. Тургенев во многих местах своей книги «Россия и русские»* таким образом отзывается обо мне, и Мих. Орлов был друг Тургенева, *если будет кстати*, то коснись и этого. Впрочем, я уверен, что ты такая же искусная в дипломатии, как и сам князь Орлов, и ученого учить — только портить.

Ответ на это письмо пошли сюда Страховым⁶ с надписью, чтобы переслали, как я вам писал, к Умову, у которых я проживу, вероятно, от 15-го до 20-го мая. Я думаю выезжать отсюда 5-го мая.

Ты еще получишь от меня письма два или три отсюда. У меня очень рука трясется. Еще раз прости. До свидания.

194. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 31-го марта 1857

Письмо твое, ангелочек мой Любочка, получил я вместе с деньгами 75 р. с. Благодарю тебя очень и доброго твоего Базиля за эту посылку. Очень мне совестно, что я вынужден утруждать вас высылкой этих денег в такое время, когда вы сами в них нуждаетесь. О, если бы я знал, что у вас их много, то беззастенчиво стал бы просить мне пособить, зная, что деяние ваше шло бы от

* Слова «Россия и русские» в подлиннике на франц. яз.

доброе сердца. Теперь остается у меня к вам следующая просьба. Сделайте милость, отложите излишние приготовления для моего приема под гостеприимным вашим кровом. Мне и Коленке (покамест) достаточно одной комнаты с необходимой мебелью, которая, вероятно, найдется у вас в доме. Все чтобы было как можно проще и дешевле, я к этому привык. Для меня было бы совестно видеть, что я ввожу вас в расход, который для вас обременителен, а для меня вовсе ненужный. Если что необходимо понадобится для меня, то это можно будет завести уже при мне.

Аттестат я получил и выезжаю с Коленкой в первых числах мая. Дочь свою Машеньку я оставляю при матери, положительно было бы ужасно остаться вовсе одной. Машенька сама этого желает, а мне, признаюсь, очень хотелось бы увезти ее к тебе. После моего отъезда, через месяц, устроив все в доме и отдав его внаем, Александра Тихоновна с Машенькой поедут в Омск и если поглянется, то останутся там жить под покровительством Яковлева. Это будет хорошо и для Катеньки. Алекс[андра] Тихоновна будет получать с 1-го мая и до 1-го января пенсию из здешнего казначейства, что составит за 8 месяцев [цев] 186 р., а на будущий год, если я буду жив, увидим, что бог даст.

Из этих денег да из денег за наем дома (я полагаю 50 или 60 р. с. в год) надобно ей издержать на Катеньку 50 р. с. да рублей 25 еще на поправку дома и постой. Алек[сандра] Тих[оновна] хотя еще не совсем, но, однако, поправилась в здоровье. Она часто грустит, да и как не грустить! Не свыкнется с мыслью, что мне надо ехать. Ей предстоит много занятий прежде и после моего отъезда, а это, равно как и присутствие Машеньки, будет для нее спасительно. Из Малороссии получил я письма от Миши и Машеньки. Я ими очень доволен, во всех строках проглядывает доброта сердца и живое участие ко мне. Письмо Мишеля было в этом отношении очень мило. О Павле Миклаш[евском] не стоит и говорить, бог с ним. Мне бы неприятно было, если бы он в будущем вздумал прислать мне денег. Я этих трех господинчиков, т. е. его и двух его братьев¹ считаю для себя вовсе чужими. Для меня они как бы не существуют. 200 или 300 р. с. в год даст мне Мишель, а более мне и не надобно. Этот год для меня тяжелый.

Мне нужно знать, что тебе сказал кн[язь] Орлов, и как ответ на это письмо меня здесь уже не застанет, то пиши твое письмо по этому адресу: «Ее превосходительству Марье Александровне Дороховой Г-же Директрисе Института благородных девиц в Нижнем Новгороде, а вас прошу передать это письмо А. ф. д. Б., когда он явится для получения его». Эта г-жа Дорохова² была невеста одного из наших³ и большая приятельница всех нас. Я думаю, что буду в Нижнем около 15-го или 20-го мая. К Умовым я писал два письма, но не получил ответа. Это время очень для меня грустно. Мысль расстаться со всеми и, может быть, навсегда — просто нетерпима.

Прости, мой друг, до свидания, обнимаю тебя, Базилья и малюток.

[Приписки на полях:] Алекс[андра] Тих[оновна] упрямивает меня провести день ангела Коленьки здесь (9-го мая). Не знаю еще, как это будет.

Вчера был здесь утром 13—15-гр[адусный] мороз, зимние дороги еще удержатся, чего никогда не бывало.

195. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 21-го апреля 1857

Христос воскрес.

Приветствую и поздравляю тебя, милый дружок мой Любочка, а также доброго мужа твоего и малюток ваших со светлым Христовым воскресеньем и молю всевышнего да благословит всех вас на многие и многие лета.

Письмо твое, мой друг, от 14-го марта я получил, но так как из писем моих от 3-го, 17-го и 31-го марта тебе уже известно, что Алекс[андра] Тих[оновна] осталась здесь в своем доме, то я тебе об этой скучной материи распространяться не буду. Я понимаю и вполне убежден, что при всем твоим желанием и при всей готовности мужа твоего пособить мне вам принять ее к себе в дом невозможно, а требовать невозможного было бы с моей стороны не только безрассудно, но и непростительно. Написав мое письмо от 24-го февраля, я со следующей же почтой уведомил тебя, что Ал[ександра] Тих[оновна] остается здесь, что же касается до меня, то я не изменил мой план путешествия. Видя неудобство помещения в вашей квартире и зависимость вашу от тестя твоего, зависимость, ко-

торая некоторым образом распространилась бы и на меня, я решился ехать с Коленкой и с Машенькой в Слоут. Машеньку я не решаюсь оставить у матери, которая всю святую неделю была больна и только теперь начинает поправляться, и в таком положении девочку 13 лет оставить нельзя на произвол судьбы. По первому зимнему пути я поеду с нею к вам и увижу, что там можно будет сделать. Один хороший приезжий лекарь советовал мне провести лето в Малороссии, что, по его словам, полезнее будет для моего здоровья, нежели прожить в сыром и болотистом Петергофе, не говоря уже о светской суетности, которую там невозможно избежать. Братом твоим я очень доволен. Он принимает во мне живейшее участие, а в Юркулах готовят для меня уже комнаты. Я поеду из Спасска на Симбирск, Пензу, Тамбов, Воронеж и Курск.

Была ли ты у добрейшего кн[язя] Орлова и что он тебе сказал. Очень жалею, что письма твоего не получу в Нижнем, ибо там не буду, но буду просить, чтобы мне его переслали или в Юркулы или в Слоут.

Прости, мой милый дружок, обнимаю тебя и прошу обнять за меня твоего Базиля и малюток.

А. ф. д. Бриген.

Вчера был день кончины моей незабвенной маменьки, а 12-го доброго моего Жуковского.

Иосиф Мих[айлович]¹ вышлет тебе, может быть, для меня посылку сукна. Продержи ее у себя, а я уведомя, когда и куда ее ко мне послать.

Р. S. Сейчас получил я письмо от твоей маменьки от 14-го марта, между прочим вот что она изволит писать: «Радуйся, что ты сбыл с плеч своих одну контрабанду, все же отраднее, но напрасно сравниваешь ты бедность Кати с Христом Спасителем нашим (что мне никогда в голову не приходило), что же более для такой девочки, и то хорошо, а чтобы кто сказал: какая нищета*, об этом никто не подумает, а, напротив того, пожалуй можно, что деньги у тебя выходят, а теперь трудно будет Мише, и долгое время ими тебя снабдить». — Я с негодованием прочел эти слова, но, подумав, сказал себе: «Отпусти ей, господи, она сама не понимает, что говорит». Я на это письмо буду отвечать не ей, а Мише и скажу, что если

* Слова «какая нищета» в подлиннике на франц. яз.

бедная Катенька контрабанда, то я и сам собственной моей персоной контрабанда и что я никак не добиваюсь чести попасть в число законных товаров, а, напротив, горжусь остаться тем, чем я есть, что в деньгах, которые у меня вышли на Катеньку и на прочую контрабанду, нет ни одной малороссийской копейки. 6 тыс. р. асс. прислал мне незабвенный мой Жуковский; 8 лет получал я жалование по 1 тыс. р. асс., своими трудами приобрел я хождением по делам 3 тыс. р. асс. да теперь получаю 1 тыс. р. в год пожизненного пособия.

Вот короткий отчет. Не имея имущества и с руками связанными, я приобретал, а она при помощи братьев, которые ее порядочно ошипали, не могла сохранить в целости имущества, которое у нее было в руках. Если бы Ник[олай] Тургенев возвратился из-за границы, как говорят, я уверен, что он в случае надобности разделил бы со мной последний кусок хлеба.

Письмо твое от 26-го марта я тоже сейчас получил. Пожалуйста, не думай, чтобы я мог сердиться на тебя за последнее твое письмо. В твоей любви и дружбе ко мне и в приязни доброго твоего мужа я столь же уверен, сколько уверен в моей любви к вам. Машеньку мою я бы хотел взять с собой, но жаль бедную Алек[сандру] Тих[оновну], которая говорит: «Если повезешь последнее мое дитя, то сшей мне саван, положи в гроб и зарой меня живую в могилу». К дополнению к этому похоронила она престарелую свою мать. Эти обстоятельства наводят на меня большое недоумение, и едва ли не оставляю я Машеньку у матери. Я намерен ехать теперь с Коленькой в Малороссию с тем, чтобы по первой зимней дороге отправиться для свидания к вам. В пароходстве я ошибся, по словам Ивана Павловича² — это такая дрянь, что не стоит и говорить. Я поеду на колесах, но, вероятно, не прежде половины будущего месяца, потому что весна здесь необыкновенно поздняя, на 6-й неделе поста еще ездили в санях. Очень хорошо делаешь, что о наших переговорах ничего не пишешь в Слоут.

Пожалуйста, передай сестре моей Лизе³, что я ее крепко обнимаю и благодарю за нежное участие ее мне и к моей Машеньке.

Что за странный характер твоей маменьки. После того письма, с коего я послал тебе копию, написать такое, как я сегодня получил! Это чистый малороссизм, никакой де-

ликатности, никакого чувства приличия, я бы сказал отсутствие христианского милосердия*.

Прости, мой ангелочек, обнимаю вас всех.

196. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Курган, 2-го июня 1857

Милая моя Любочка.

Ты, вероятно, удивишься, что я здесь так позажил-ся, но это сделалось от причин, совершенно независимых от меня. Я намеревался выехать, как тебе известно, в первой половине и даже начале мая, но по случаю необыкновенного разлития вод я отложил свое путешествие до 22-го мая по совету всех, с кем я об этом говорил, но тут сделалась такая непогода (вчера падал клочьями снег), что я вынужден был отсрочить еще на несколько дней свою поездку.

Я живу, как на станции, чемоданы уложены, и тарантас готов. Завтра поеду в казначейство для получения пенсии за май месяц (это обстоятельство для моих расчетов очень важно), завтра же поеду прощаться, а послезавтра в путь¹. Эта проволочка очень для меня томительна, но лучше поскучать таким образом, нежели мучения в дороге и сидение в грязи.

Я писал к Мар[ье] Алекс[андровне] Дороховой, чтобы она письмо, которое ты, вероятно, ей выслала, переслала бы в Спасск. Письмо это для меня любопытно, ибо ты мне тут скажешь что-нибудь о твоём свидании с кн[язем] Орловым.

Я еду с Коленкой в Слоут. Машеньку, которую хотелось взять с собой, чтобы зимою увезти в Петербург, оставляю здесь с стесненным сердцем. Она будет жить при матери в своем доме и по возможности мною обеспечена (я им оставил мой пенсион), а это лучше, нежели пускаться на неверное. Бог знает, как бы приняла ее твоя маменька, которая сегодня так, а завтра иначе. А Машеньке 13 лет, и это бы ее очень огорчало. Коленка другое дело, он еще дитя и будет при мне еще год, а может, и больше, а там увидим, что бог даст. Из Спасска я тебе напишу и скажу, как выслать посылку сукна для меня от Иосифа Мих[айловича], если ты ее получила. Спасск

* Текст «никакой... милосердия» в подлиннике на франц. яз.

от Кургана только 1 тыс. верст с небольшим, а по-сибирски это расстояние незначительно. Мне очень желательно видеть Умовых, не знаю, долго ли я у них проживу. Тяжело только двинуться, а там уже я буду готов странствовать, как вечный жид. Я даже думаю, что и здоровье мое поправится.

Свистунов уехал 25-го апреля к матери в Париж и увез с собой 8-летнюю свою Машеньку², приятельницу Коленки. Это прелестное дитя, которое, вероятно, останется у бабушки.

Удивительно для меня, что все удары молотом по сердцу моему по сие время не сокрушили меня. Я бы давно погиб, но бог меня подкрепляет.

2-го июня вечером

Почта сейчас отходит, и я спешу написать тебе еще несколько строк. Я здесь выше писал, что оставляю Машеньку у матери, но по просьбе слезной Машеньки и по просьбе некоторых почетных здешних особ я положительно решил взять ее с собой. Как бы ни желал оставить ее при матери, но это невозможно и грешно было бы с моей стороны. У Алекс[андры] Тих[оновны], кроме временного ее сумасшествия, появилась еще страсть к вину, а выпивши рюмку, чтобы заглушить свои мучения, она впадает по часам в бешенство, и жалко и ужасно на это смотреть.

Я везу Машеньку с собою в Юркулы, а там, посоветовавшись с Иваном Павловичем, увижу, на что решиться. В Слоут я не хочу ее брать по известному характеру твоей маменьки. Конечно, я бы увез ее по первой зимней дороге в Петербург, но эти несколько месяцев были бы для меня очень тягостны. Итак, посоветовавшись с Иваном Павловичем и увидя, как они живут, я оставляю Машеньку *на время*, может до зимы, в Юркулах или же из Юркул при себе отправлю ее с верным человеком в Петербург к тебе, которая ее хотела принять, или же к сестре Лизе. Вот мой ультиматум. По получении этого письма пиши ко мне с первою почтою в Юркулы, я твое письмо там получу, ибо, верно, остановлюсь там недели на две, а по обстоятельствам с Машенькой, может быть, и больше³.

Прости, моя душенька, обнимаю тебя и всех твоих. Да пребудет господь с вами.

Алекс[андру] Тих[оновну] оставляю я под надзором

ее сестры⁴, старой девы, очень доброй. Обеспечу ее по возможности, у нее дом со всеми заведениями.

197. И. И. ПУЩИНУ

Курган, 2-го июня 1857

Посылаю вам, Иван Иванович, чрез Марью Александровну Дорохову письмо от священника Василья Катаева¹, а вместе с этим пользуюсь этим случаем, чтобы черкнуть вам несколько строк.

Я все еще здесь, но выезжаю послезавтра, т. е. 4-го сего месяца в Малороссию. Меня задержало разлитие вод и распутие дорог, которые так худы, что последняя почта опоздала 4-мя сутками. Анненков хотел выехать 15-го мая из Тобольска, но по упомянутой причине едва и теперь ли еще не там. Башмаков получил от царя пожизненное пособие 314 р. сер., и я убедительно советую ему ехать в Киев, от коего я буду жить в 200 верстах: в Глухове, в селе Слоуте, вот вам адрес, по коему прошу вас писать прямо на мое имя. Я буду у сына в Слоуте в начале июля, а по первому зимнему пути пушусь в Питер. Уведомьте, пожалуйста, где вы и где кто из наших находится. Про вас здесь были слухи, что будто вам было сказано выехать из-под Петербурга по случаю оаций, коих вы были предметом, а потом еще заговорили, будто вы женились на Нат[алье] Дмитр[иевне] Фон-Визин. Справедливо ли то и другое, вы лучше меня можете знать. С Свистуновым я провел здесь очень приятно трое суток. Большая часть поляков еще здесь, в ожидании прогонов. Особенных новостей нет, все так же гадко и глупо, как при вас было.

Простите, Иван Иванович, да, пожалуйста, пишите. Я буду ждать ваше письмо в Слоуте.

С истинным уважением преданный вам А. ф. д. Бриген. Пожалуйста, не замедлите написать отцу Василию о получении этого его письма.

Адрес: Ивану Ивановичу Пушину, бог весть где².

198. И. А. АННЕНКОВУ

Слоут, 30-го июля [1857]

Спешу черкнуть вам, любезнейший Иван Александрович, несколько строк чрез податчик[а] этого письма, ко-

торый сам живое письмо. Он расскажет вам все, что вы пожелаете обо мне узнать. Марии Александровне Дороховой прошу передать, что я получил письмо от Пушкина¹ и благодарю ее за доставку ему моего письма. Алекс[андру] Ник[олаевичу] прошу также сказать усердный мой поклон.

Если вас не затруднит, то отыщите, пожалуйста, на Кунавиной курганского купца 2-й гильдии Семена Ивановича Березина и скажите ему, что я выслал для него в Нижний с последнею почтою 50 р. с., да спросите, отправил ли он мою кладь в Москву.

Почтеннейшей Прасковье Егоровне свидетельствую мое почтение и вас и детей ваших крепко обнимаю и прошу написать мне хоть несколько строк на это письмо.

Искренно преданный вам А. ф. д. Бриген.

Мой адрес: На мое имя в Глухове, в село Слоут.

[На л. 2 об. адрес:] Его высокоблагородию Ивану Александровичу Анненкову в Нижнем Новгороде.

199. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Слоут, 13-го августа 1857

Милые друзья мои, Базиль и ты, ангелочек мой Любочка.

Из письма моего к Николаю Алексеевичу от 3-го этого месяца вам должно уже быть известно, что мы с Нетинькой¹ благополучно прибыли 21-го июля в Слоут. Свидание это я не буду описывать, ты сама можешь себе его вообразить. С Меринькою² сделался припадок, который, однако, скоро прошел, и она успокоилась. Ее и Мишеля я с первого разу полюбил сердечно. Вскоре после моего приезда приехал сюда Иосиф Мих[айлович]³, с которым мы тотчас сошлись, как родные братья, и я потом отправился в Пануровку, где и прожил с маменькою твоею, Мишелем и Нетинькою с детьми целую неделю и только третьего дня возвратились. В Пануровке я был встречен чрезвычайно радушно. Матушка Настасья Яковлевна, Варвара Васильевна⁴ и вообще все были приветливы, милы и любезны как нельзя более, а воспоминания о проведенном мною там времени будут для меня всегда приятны. На другой день моего приезда начали туда съезжаться. Первый приехал Ширай (Заботин)⁵, потом

Судиенко с сыновьями⁶, потом Ник[олай] Петр[ович] Бороздна с Лизаветой Михайловной⁷, Маркович с премиленькой женой⁸. Не говоря о крест[ном] Ст[е]пане Ст[е]пановиче Миклашевском⁹ и пр[очих], за стол садились до 40 человек. Все мне полюбились, и могу сказать, что все ухаживали. Настасья Яков[левна], Варвара Вас[ильевна] и Ник[олай] Пет[рович] Бороздна отличаются в этом отношении больше прочих, а Мишель Жозефов¹⁰ сказал моему Мишелю, что он от меня в восхищении. Судиенко также меня полюбил. Он и Ширай мне понравились. О Ник[олае] Петр[овиче] Бороздне нечего и говорить. Это такой обходительный и милый человек, каких я мало встречал. Выехав из Пануровки, встретился я ночью в дороге с Тришатными¹¹, ехавшими с Кавказа в Пануровку. Мы разложили бурку, развели огонек и с час времени провели очень приятно. Не было в Пануровке только Бурковских¹² да Туманских и еще Надежды Михайловны Судиенко, которая в Киеве.

Я по сие время не могу еще привыкнуть к здешнему образу жизни. Мне все кажется, что я не дома, а в гостях. Мишель, твой брат, мил и любезен, не говоря уже, что он дорог моему сердцу, как сын. С маменькой твоей мы живем на приятельской ноге. Сходимся к чаю и к обеду и живем всякий на своей половине. С Мишелем она не совсем ладит, и он ею недоволен по причине тяжелого ее характера. При свидании я расскажу тебе удивительные вещи. Вл[адимир] Ив[анович] Туманский человек довольно умный, но в нем есть что-то отталкивающее, и я едва ли когда-нибудь с ним сблизюсь на дружескую ногу, как с пр[очими], с Иосифом Мих[айловичем] и другими. По первому пути я пушусь к вам, если не будет каких особенных препятствий. Мне хочется выхлопотать для Коленьки то, что выхлопотал для своего сына барон Штейнгейль, а именно, право почетного гражданства¹³. Я еще сам не знаю, куда его пристроить, теперь он еще мал, а надобно об этом думать. Твоя маменька его очень любит, равно и прочие. Александра Тихоновна поправилась в здоровье. Я имею об этом письмо от 17-го июля от тамошнего моего духовного отца. Пожалуйста, передай брату Роде, чтобы он написал Яковлеву и попросил о моей Машеньке¹⁴. Я бы был совершенно покоен, если бы мысль об этих бедных сиротах не тревожила мою душу. Да напиши, чтобы не забыл, о чем я его просил в Москве, и

чтобы он прислал книгу Тургенева, о коем носят слухи, что он будет министр финансов.

Прощай, моя душечка, обнимаю вас всех и прошу Базиля, чтобы он позаботился о своем здоровье и принялся бы лечиться, а лучше всего, кажется, если бы он вышел в отставку.

Твой А. ф. д. Бриген.

[Приписки на полях:] Прилагаемое письмо прошу отдать Ниночке. Маменьки твоей дома нет, она с Нетей осталась еще в Пануровке.

200. Н. И. ТУРГЕНЕВУ

Слоут, 26-го авг[уста] 1857

Я не нахожу слов, любезнейший и почтеннейший Николай Иванович, коими мог бы тебя отблагодарить за истинно дружеское твое участие и милое внимание ко мне. Могу сказать только, что чувство благодарности и моего уважения к тебе беспредельно. Твоя книга, которую я читал в С[ибири], и последнее письмо¹ из Москвы были два радостных и благодетельных явления в моей жизни, которые по гроб мой будут отзываться в моем сердце. Утешительно было видеть мне, что ни время, ни обстоятельства не изменили тебя в отношении ко мне; меня как бы снова оживила мысль, что есть человек, который меня понимает и мне сочувствует, и что есть еще любовь на свете и не все превратилось в символ увядания.

Деньги 500 р. с. получил с неделю тому назад от Катерины Александровны². Благодарю тебя за это оказанное мне благодеяние, а также благодарю и за те деньги, которые ты прежде высылал. Получив в разные времена до 1500 р. с. от добрейшего и незабвенного Жуковского, я не могу сказать определенно, сколько от тебя тут получил. Но кроме этих денег получил я однажды 300 р. с. неизвестно от кого. Я полагаю, что эти деньги были мне присланы Кодексом (Безбородко)³, который в России мучил меня своею дружбою, а в С[ибири] вовсе забыл и даже боялся вспомнить. Но, вероятно, это те 1000 франков, о коих ты упоминаешь в своем письме как о посланных ко мне чрез одну даму. Я думаю так тем более, что я ни к Кодексу и ни к кому другому с просьбою о высылке ко мне денег никогда не обращался. Итак, благодарю тебя, почтенный мой Николай Иванович, за оказан-

ное вспомоществование. Принимать деньги довольно щекотливо и неприятно, но, уважая тебя так, как уважаю и люблю, мне приятно быть тебе обязанным; тем более что кроме тебя я не нахожусь ни с кем в подобных отношениях. Ты и в этом случае мой *Единственный*.

В июле был я в Москве, но ни Екатерины Александровны Свербеевой, ни Федора Ник[олаевича] Глинки там не застал. Теперь я живу в Черниговской губернии близ Глухова, в имении сына моего, отставного капитана артиллерии⁴. Дети — счастлив. У меня три дочери: Туманская, Умова и Гербель, которые, равно как и сын мой, вероятно, не оставят, помогая мне по возможности. Мне здесь у сына хоть и хорошо, но едва ли я свыкнусь с помещическою жизнью. Это не моя стихия, и поэтому я зимою переберусь в Петергоф к моей дочери Гербель еще и потому, что буду иметь возможность образовывать там 8-летнего мальчика-сибиряка, приемного моего сына. По этому случаю я буду в Москве и увижусь там с Екатериной Александровною и многими другими лицами, с которыми мне желательно видаться. В С[ибири] я служил по судебной части, исправлял должность судьи и дослужился до чина титулярного советника. В этой моей жизни было много любопытных эпизодов, которые я надеюсь когда-нибудь тебе сообщить, скажу теперь только, что я имел честь быть и тут гонимым за правду, но сделать мне ничего не могли. Не могу не упомянуть о двух маловажных случаях, но очень важных для меня по сближению таких моментов, в коих высказывается целая жизнь. В Симбирске, стоя на балконе, смотрел я в зрительную трубу на церковь и родовое твоё имение Тургенево, а возвратившись домой, нашел я в моих бумагах твоё письмо ко мне из Вены в 1814 году.

Теперь, сказав тебе, любезнейший Николай Иванович, прости, попрошу тебя в минуты досуга черкнуть мне хотя несколько строк, чем очень меня порадуешь, да познакомь меня хоть заочно с милым твоим семейством.

Да сохранит тебя всевышний под светлым своим покровом. Преданный тебе А. ф. д. Бриген.

Адрес на мое имя: «в Глухов, в село Слоут». Я здесь проживу до января.

Слоут, 15-го сентября 1857

Душенька моя Любочка и милый и добрый мой Василий Васильевич.

Письмо твое, ангелочек мой, я получил. Оно с первого разу произвело во мне неприятное впечатление и неданные затруднения, которые делают моему приезду в П[етер]бург, но, вникнув хорошенько и зная вторую сторону кулис*, я понял, что слова, сказанные Кохановым¹, Бутковым² и пр[очими], суть только фразы, чтобы от тебя отделаться. Главная тут помеха Тимашев³, который мне *неблагодарствует*. Я рассмеялся фанфаронаде, что ему досталась нахлобучка за Тургенева. Я знаю, что это не так. Волконского дело другое, он со мною не может идти в сравнение. Ты это увидишь из проекта письма к Долгор[укову]⁴, которое я сегодня отправил к Ник[олаю] Алек[сеевичу]. Я писал тебе, по этому случаю надобно повидаться. Тогда ты увидишь, что мои обстоятельства совсем другого рода, как Волконского и пр[очих]. Велик[ий] кн[язь] Константин Николаевич готов всем людям, имеющим некоторую известность и в особенно[сти] служащим под его начальством, оказывать покровительство. Николай Алексеевич, подав ему записку, может от себя и словесно много сказать, чего не напишешь; на-пр[имер], что потомственное дворянство для меня, имеющего чин тит[улярного] сов[етника], самая пустая малость, а так как Ник[олай] Алек[сеевич] человек опытный и умный, то я *убежден, что вел[икий] кн[язь] просьбу его уважит*, и она будет иметь успех. Как воспитанница Смольного, ты могла бы попросить свидания с старой императрицей⁵ по этому случаю; но, по-моему, лучше чрез вел[икого] кн[язя]. Съезди, пожалуйста, к Ник[олаю] Алек[сеевичу] и поговори с ним.

Мне, во всяком случае, непременно надо побывать в ваших местах, дабы пристроить Коленьку, который здесь балуется. Если мне разрешится приезд в П[етер]бург, то я в начале февраля буду у вас и проживу лето⁶. Если не разрешится, то я при первой возможности зимнего пути отправлюсь в Лугу к сестре Любочке⁷, где проживу

* Слова «и зная вторую сторону кулис» в подлиннике на франц. яз.

недели три, Коленьку поручу Ник[олая] Алек[сеевичу] и сестре Лизе, а там буду иметь счастье всех вас обнять. Славная милость, после 30 лет изгнания и 20 лет службы в Сиб[ири] оставаться каким-то парием.

О министерстве Тург[енева] я слышал от Н. П. Борозны. Я уверен, что если бы ему его и предложили, то он бы не принял. Я ему писал в Париж.

30-го авг[уста] праздновали здесь мои именины. Были Туманские, Драгневич⁸, Штейны, Холодковский⁹ и Левшин. Пять внушек моих¹⁰ сделали мне сюрприз, прекрасно разыграв французскую интермедию, сочиненную на этот случай Клеруа¹¹ (это прекрасный человек). Вечеру сад был хорошо иллюминирован. Горели некоторые площадки, оставшиеся от твоей свадьбы. Вечеру же приехали Красовские¹² и лесничий Маркович. Неделю тому назад был здесь старый мой знакомый Василий Ив[анович] Туманский. Забыл сказать, что гремела заводская музыка. Завтра еду с добрым моим Мишелем к Александру Мих[айловичу] Марковичу, и 17-е число¹³ будем праздновать в Черторигах. Гросфатер танцевал до 2 часов, все были очень веселы, и милая моя Мария восхищалась моей веселостью. Иван Павлович¹⁴ писал, что придет в половину этого месяца, но еще его нет.

Благодарю тебя, мой дружок, за предложение о книгах. По этой части прошу тебя позаботиться, чтобы брат Родя выслал мне книгу Тургенева, на что я ему дал и деньги.

В другой раз я напишу тебе подробно и откровенно об моих обстоятельствах в здешнем краю. Тут много курьезного.

Простите, моя душенька и мои друзья. Обнимаю вас и прошу расцеловать за меня малюток. Да пребудет господь с вами.

А. ф. д. Бриген.

Р. С. Сидя за обедом после этого письма, отворяется дверь и входит Иван Павлович, благополучно сюда приехавший.

202. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Слоут, 20 октября 1857

Милая моя Любочка.

Письмо твое от 30-го сентября я получил, а третьего дня получил письмо от Ник[олая] Алек[сеевича]. Ты 8-го

числа подала прошение кн[язю] Голицыну¹, но я сомневаюсь, чтобы оно увенчалось успехом. Я не понимаю, почему Ник[олай] Алек[сеевич] затруднился просить в[еликого] к[нязя] К[онстантина] Н[иколаевича]. Самое худшее, что могло бы быть, это отказ, вот и все, а я почти убежден, что отказа не было б. Спрашивать об этом совета у приближенных не для чего. Эта челядь любит все затруднять. Я никогда ни у кого не спрашиваю совета, а выслушиваю только мнение и, решившись один раз, действую по своему убеждению, что мне всегда и удавалось. «Слушая же все людские речи, придется взвалить осла на плечи». В манифесте сказано, чтобы нам не проживать в Петербурге и Москве. Господин Коханов и пр., с коими ты обо мне говорила, распространяют эти запрещения и на Петергоф, и если спросить еще кого-нибудь, чего доброго скажет, что мне непозволительно жить не только в Петергофе, но и во всей Петербургской губернии. Кн[язь] Долгоруков много расспрашивал обо мне в Чернигове у Лизаветы Мих[айловны]² и вспоминал, как мы с ним обедывали у кн[язя] Лобанова³, он тогда был юнкером. Я не догадался, а мог бы съездить в Чернигов, и тогда все это дело было бы кончено. Мне об этом рассказывал Мишель Пануровский⁴, который теперь гостит здесь. Что прошло, о том нечего и говорить, а будет ли или не будет мне разрешение проживать в П[етер]бурге, я, невзирая на это, в январе явлюсь в ваши места, сначала приеду к сестре Люб[ови] Ив[ановне], а потом к вам в Петергоф, а там увидим, что будет. Далее бог поможет. Я нарочно послал проект моего письма к кн[язю] Долгорукову для составления записки докладной, из коей видно бы было, что 20 лет службы и 4 чина должны бы послужить для меня исключением из общего правила о непроживании в столицах, тогда как Штейнгель живет в Петербурге, а Волконский и другие имеют дома и живут в Москве. Этим исключением (о непроживании в столицах) мне не оказали бы никакой милости, а только справедливость, сравнив меня с прочими моими товарищами, которые пользуются этим позволением. Я уверен, что если бы просьба обо мне дошла до самого царя, то она не встретила бы никакого затруднения, но лакеи всегда хуже хозяев*, а по недоброжелательности своей

* Слова «лакеи всегда хуже хозяев» в подлиннике на франц. яз.

эти холопы готовы всегда притеснять всякого. Неужели С[анкт]-Петербург есмь горький Иерусалим, обитаемый праведными, до которого такому грешнику, как мне, учинившему грех против Св[ятого] Духа, нет доступа. Если там есть люди, которые не желали бы меня видеть (я это понимаю), то, право, и с моей стороны это желание обоюдное, и едва ли еще не в высшей степени. Право, после 30 лет ссылки да 20 лет службы в С[ибири] можно бы сделать так называемую амнистию без оговорок. Но в этом царь не виноват.

Последнее письмо твое ты заключаешь словами: «Попочка, любите хоть *немного* вашу дочь». К чему эти слова, мой ангелочек. Ты бы их не сказала, если бы могла взглянуть в мое сердце. Я тебя люблю не менее Марии, которую я очень люблю, а в те минуты, когда вспоминаю о нашем пребывании в Москве⁵, люблю тебя даже более, а в молитвах своих всегда молю о тебе и о детях твоих, которых я надеюсь в скором времени прижать к моему сердцу. Прости, мой ангел, обнимаю вас всех вместе с добрым твоим Базилем. Да пребудет господь с вами. А. ф. д. Бриген.

Вл. Туманский, как и все Туманские, большой эгоист и по приемам и выходкам своим это нарядный шут, заставляющий над собой смеяться. Жаль, что у этого нужного человека черствое сердце. Мария к нему привыкла и смотрит равнодушно на его балагурство.

203. М. А. ТУМАНСКОЙ*

[Слоут], 29 сентября [1857]¹

Будьте добры, моя дорогая Мария, передайте подателью этой записки три ящика, которые только что прибыли в Москву в мой адрес². Я не премину рассчитаться с долгом за транспортировку этих ящиков тотчас же, как я или Мишель будем иметь удовольствие видеть вашего мужа. Простите. Всем нашим дружеский поклон.

А. ф. д. Б[риге]н.

[На обороте адрес по-русски:] Ее высокоблагородию Марье Александровне Туманской**.

* Подлинник на франц. яз.

** На этом же листке чертежи с планом для посыльного этой записки, как найги нужный дом.

[Слоут], 4-го декабря [1857]¹

Дорогой мой Ангелочек.

В Слоуте все благополучно, и все здоровы. Мы с Мишелем немножко было прихворнули, но при виде выпавшего с небес снега, коим застелится дорога, ободрились и снова ожили. Книгу Токвиля² отдай Влад[имиру] Ивановичу и скажи ему, что, хотя он и не колдун, однако отгадчик, угадал, что к 4-му станет дорога. Пожалуйста, пришли мне на образец одну из Мишенькиных³ верхних рубашек или как это иначе называется, не знаю. Я здесь обшивать его⁴ не хочу, а сшить что-нибудь надобно. Вчера я получил сукно для него из Пануровки. Жду прибытия оттуда кибитки и тогда примусь собираться в путь. Не знаю, когда удастся с тобою увидеться, в ожидании же этого обнимаю тебя и милых наших малюток. Если жизнь и сочиненьица госпожи Гюйон* у тебя под рукою, то пришли мне последних 2 тома.

[Приписка Михаила Бригена:] Вот тебе весточка от нас, милая Меринька, и с нею письмо Нетиньки⁵, которое прилагаю для прочтения. Я был нездоров, так что и не выходил из флигеля, но микстура Неводничанского поправила меня, и сегодня я в первый раз пришел утром в дом. Жаль, что мало выпало снегу, будем уповать на больший и ожидать дороги.

Папенька тоже все эти дни был не в порядке, но теперь, слава богу, пободрел и, думаю, доволен начинающейся зимою, все мечтает о переезде в Питер. Прощай, друг мой, за неимением новостей кончаю писать. Обнимаю вас всех с деточками.

М. Бриген.

205. Л. А. ГЕРБЕЛЬ

Слоут, 12-го декабря 1857

Душечка моя Любочка.

Давно я тебе не писал и давно не получал от тебя писем. Соскучившись этим, принимаюсь за перо, чтобы черкнуть тебе несколько строк.

Зима начала устанавливаться здесь только со вче-

* Слова «жизнь и сочиненьица госпожи Гюйон» в подлиннике на франц. яз.

рашиного дня. Снег падает густой, и стелется дорога, дай бог, чтобы не стаяла, ибо до этого времени было 2 град[уса] тепла. На меня эта гниль навела хандру с кашлем и насморком, но теперь начинаю расправлять старые свои крылья для полета в ваш край. К новому году я непременно выеду. В Москве останавлиюсь в гостинице железной дороги и пробуду там 2-е или 3-е суток и накануне моего выезда отправлю мою кладь (ее больше пуда) с товарным транспортом, а может быть, чрез агентство к брату Роде в П[ете]р[бур]г. Таким образом, кладь эта придет за несколько часов до меня к своему назначению. Как хорошо, что брат Родя так близко живет от станции железной дороги.

Брат твой Мишель собирается весною за границу на воды. Ему это необходимо для его здоровья. Не знаю, получил ли он только должные деньги от дядей своих Андрея и Ильи¹, а в случае если бы и не получил, то все-таки надобно ему ехать. Маман твоя продолжает причудничать.

Я вчера только возвратился из Черториг. Как тяжело будет мне расставаться с Марией и милыми ее малютками. Миша чудо что за добрый мальчик. Сам Владимир мил и любезен как нельзя более, его не узнаешь против прежнего.

Ниночку и ее братишек² прошу расцеловать за меня. Скажи ей, что ее дедушка ждет не дожидется минуты, чтобы ее расцеловать и засесть играть с нею во что ей угодно.

Прости, мой ангелочек, обнимаю тебя и твоего Базилля. Около 12-го января надеюсь обнять и прижать вас всех к моему сердцу на самом деле. Прости, да пребудет господь с вами.

А. ф. д. Бриген.

Из Чернигова я ничего не получил насчет моего выезда отсюда, но это мне не мешает. Рано я порадовался. Настала оттепель, и, кажется, снег сойдет, это, право, тоска, то ли дело сибир[ская] зима!

206. Н. И. ТУРГЕНЕВУ

Слоут близ Глухова, 1857,
22-го декабря ст[арого] ст[илля]

Письмо твое, добрый и единственный мой Николай Иванович, получил я 13-го ноября. Душевно радуюсь, что у тебя такое милое и доброе семейство. Мысленно

вижу тебя и сидящего на твоих коленях славного мальчишку, как ты называешь своего сына¹. Дай бог тебе дожить до того времени, чтобы увидеть в нем славного молодого человека, достойного своего старшего брата². Тоска твоя по отчизне меня не удивляет. Человек так сотворен, что неприятные воспоминания прошедшего времени изглаживаются, отсутствующее же и будущее воображение разрисовывает очаровательными красками. К этим краскам надобно прибавить несколько туши, чтобы видеть эти образы приблизительно в настоящем свете. Болезнь твоя, кажется мне, излечима. Для этого нужно пожить в нашей Святой Руси некоторое время, только не гостем. Нигде не умеют продавать так товар с разовым концом, как у нас, сначала хорошо, а потом гнило. Дело другое — твой сын. Для него Россия обширное и славное поле, где ему предстоит много хорошего, приняв в соображение настоящие обстоятельства, когда само время вынуждает идти вперед, и то при таком безлюдии!

Тебя удивляет твое настоящее, но не удивит ли тебя, если я скажу, что я никогда не чувствовал полноты существования и такого душевного счастья, как сидя в секретном каземате и потом в кандалах и в каторжной работе. Как бы откровением дались мне слова Сивиллы³ Энею:⁴

Ты же, беде вопреки, не сдавайся и шествуй смелее,
Шествуй, доколе тебе позволит Фортуна. Начнется
Там к спасению путь, где не ждешь ты*.

Эти слова с упованием на бога я беспрестанно твердил, и бог пособил мне. Я, очевидно, испытал над собою его милосердие, и не раз в самых критических минутах, когда я не видел никакого исхода из непреодолимо трудных обстоятельств, сильная его десница выводила меня на путь спасения.

2-го января выезжаю в Петергоф, где буду жить у моей дочери Гербель. Эта моя дочь родилась 23-го июля 1826 г. чрез десять дней после прочтения мне сентенции. Ее привезли ко мне в крепость, когда ей было 3 недели, да вскоре после я ее видел еще один раз. В нынешнем году, проезжая чрез Москву, я вызвал ее по Телеграфу и

* Стихотворный текст из «Энеиды» в подлиннике на лат. яз. Перевод С. Ошерова в книге: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979, с. 243.

увидел ее уже матерью четырех детей. Ей стоило труда выхлопотать мне выс[очайшее] позволение жить у нее в Петергофе. По амнистии нам, согрешившим против Св. Духа, воспрещено жить в П[етер]бурге и в Москве. В Москве я непременно буду у Екатерины Александровны⁵ и у Александры Ильиничны⁶. В П[етер]бурге с любопытством посмотрю на многих, ныне знаменитых, которых знал незнаменитыми. Из этих г[оспо]д я ни у кого не буду, разве только у кн[язя] Алексея Орлова, который со мною еще в Сибири был очень добр и любезен.

Кроме бесценного для меня памятника дружбы, который ты мне поставил в прекрасном твоём сочинении⁷, я этой книге обязан еще тем, что она указала мне Неандра. Его «Жизнь Иисуса Христа» сделала эпоху во внутренней моей жизни, и если богу угодно будет, то я постараюсь перевести ее на русс[кий] язык. Неандр и Шлейермахер⁸ — два великие учителя христианской церкви, которые могут озарить своим светом и наших православных.

Из Петергофа я тебе напишу, а теперь скажу тебе, любезнейший мой Николай Иванович, прости. В Москве я надеюсь много о тебе услышать. Прошу познакомить меня заочно с почтенною твоею супругою и милыми детьми, а славного мальчишку прошу крепко за меня расцеловать. Бог даст, может быть, увидимся в П[етер]бурге. Господь да пребудет с тобою и с твоими.

Твой А. ф. д. Бриген.

Вот адрес ко мне: Ее выс[око]благородию Любови Александровне Гербель в Петергоф, на Никольской улице близ Собора в доме Демина.

Адрес: Господину Николаю Тургеневу в Париж, улица де Лилля, № 97, Франция*.

207. М. А. ТУМАНСКОЙ

[Слоут], 28-го декабря [1857]¹

Благодарю тебя, милая моя Мари, за ящик, кажется, он будет хорош. Здесь все мы здоровы. Мишель уехал в Глухов, откуда возвратится завтра, а я понемногу собираюсь в путь. Прости, мой ангелочек. Обнимаю тебя и прошу расцеловать за меня деточек.

Твой А. ф. д. Бриген.

* Адрес в подлиннике на франц. яз.

[На оборотной стороне адрес:] Ее высокоблагородию
Марии Александровне Туманской.

208. М. А. ТУМАНСКОЙ

Петербург, 18—20 января 1858

Преписка: 20-го января

15-го¹ прибыл я, милая и дорогая моя Мария, благополучно в 8 часов утра в П[етер]бург. На станции железной дороги был я встречен сестрою Лизою и Вас[илием] Васильевичем², с коими я отправился к Николаю Алексеевичу, где мы все (брат мой Родя с семейством) пробыли до 8 часов вечера, а потом отправились в П[етер]гоф. Не могу тебе описать, с какою радостью и радушием я был принят. Любочка накануне моего приезда была на огромном балу благородного собрания, где был государь, и поэтому мы ее не будили и дали ей поспать. В Москву я приехал 13-го, а выехал 15-го, я так спешил, что не успел повидаться с Волконским и другими³, но был у Свербеевых⁴, Нарышкина и Титова⁵. Свербеевы молодые и старые — чудо что за семейство. Видел и Ал[ександра] Мих[айловича] Марковича, которому теперь легче (у него припадки подагры), и он собирается в Старково. С Полем⁶ мы приехали в П[етер]бург в одном поезде. Николай Алексеевич — человек добрый и чувствительный, за несколько дней до моего приезда получил он ленту Станислава. Коленьку моего я поручил ему, но мне было тяжело с ним расставаться. Вчера я отослал туда его вещи и узнал, что он здоров и уже попривык к новым лицам, которые его искренно полюбили. Дорогою он все твердил: нет моего доброго дяденьки, с которым я попадал в сигарку, и тотчас слезы на глазах. Тимофея⁷ я отпустил в Москве, подарив ему мою кибитку и 4 р. с. Он тоже расставался со мною с большим чувством. Завтра я буду в П[етер]бурге, куда ежедневно ходят три поезда в 10, в 2 и в 8 часов, каково! Любочка и Базиль, который у ног ее, милы и добры как нельзя более. Дети тоже миленькие, не сходят с моих колен и плеч. Душа моя не нарадуется в этом кругу, но сердце мое стесняется, что вас, моих дорогих, здесь нет. Не только Гербель, но и уланские офицеры один перед другим за мною ухаживают, а с Базилем я как бы сто лет был знаком. Демьян Кочубей отзывался, что очень желал бы со

мною видаться, и я непременно буду у него. Я не пишу нашему доброму Мишелю, потому что, может быть, письмо мое его не застанет в Слоуте. Прошу тебя, моя душенька, сообщить ему содержание этого послания. Когда еще поотдохну и пообживусь, т. е. чрез неделю, буду и ему писать, а теперь рука дрожит, и я весь слаб, первый же день приезда сюда я думал, что серьезно занемогу, но бог поправил.

20-го янв[аря].

Письмо это дописываю, возвратившись из П[етер]бурга, куда я вчера ездил попроведать Коленьку. Он привыкает к перемене жизни, спит на одном диване с добрейшим Ник[олаем] Алек[сеевичем] и подружился с маленьким Хрулевым, коего мать, жена знаменитого Хрулева⁸, большая приятельница моей сестры Лизы. Племянница моя Машенька Вырубова⁹ очень мила. Любочка ее очень любит, но, невзирая на это, Коленька не без слез прощался вчера со мною. Он просил меня поклониться от него твоим малюткам и в особенности Мишуне, которого часто вспоминает.

Сообщите месье Клеруа, что я вручил его письмо мадам Клеруа¹⁰, которую я застал в добром здравии, так же как и дорогую маленькую Лору. Заведение мадам Клеруа очень приличное. Госпожа Нарышкина мне пообещала отрекомендовать этот магазин всем своим знакомым, поэтому я ей передал с дюжину записок с адресом*.

Послезавтра я еду опять в П[етер]бург. Волей-неволей** надобно быть в Итал[ьянской] опере и фр[анцузском] спектакле, которые скоро закроются до октября. Мне здесь так хорошо, как не могу желать лучше. Любопытного здесь очень много, но всего написать нельзя, а частица ни к чему не послужит, постараюсь, однако, вам сообщить, что можно будет.

Теперь скажу тебе: прости, моя дорогая душенька, обнимаю тебя и молю бога, да сохранит он тебя и твоих маюток, коих прошу за меня расцеловать, а Мишеньке скажи, что если он меня забудет да разлюбит, так я при первом же свидании (надеюсь, в этом году в Москве) ему ушко надеру. Влад[имиру] Ив[ановичу] жму дружески

* Абзац «Сообщите... адресом» в подлиннике на франц. яз.

** Слова «Волей-неволей» в подлиннике на франц. яз.

руку и передаю ему при сем поклон от кн[язя] Сергея Голицына, его сослуживца при Ридигере¹¹, с коим я провел приятные полчаса на станции под Москвою. Он ехал к жене в Париж.

Кланяйся твоей маменьке, а доброго моего Мишеля обними за меня. Я буду еще писать, когда вихрь, в котором я кружусь, несколько поутихнет. Прости. Да пребудет господь, мир и благодать его со всеми вами.

А. ф. д. Бриген.

Письмо это так худо написано, что прошу его никому не показывать. Гербели, малые и большие, все тебя целуют и обнимают.

209. М. А. ТУМАНСКОЙ

П[етер]гоф, 26-го февр[аля] 1858

Письмо твое, моя душенька, я получил и радуюсь, что вы здоровы. Я немного прихворнул, но это продолжалось не более двух дней, а теперь я здоров и пользуюсь свободными минутами, чтоб черкнуть тебе эти строки. Выражение «свободные минуты», тогда как я вообще ничего не делаю, покажутся тебе странными, но на самом деле это так. Балы, танцы, пикники здесь не прерываются, а я хотя в них и не участвую, что было бы очень смешно, но, находясь в районе этого вихря, невольным образом чувствую его влияние на мой скромный образ жизни. Урывками я читаю, вот все мое занятие, кроме этого, ничего не делаю. Из друзей моих был я у гр[афа] Толстого (знаменитого художника) и Ф. Н. Глинки, крестного отца Настеньки. Оба приняли меня с распростертыми объятиями, свидание было истинно дружеское. Глинку я застал спящего и разбудил его словами: «Вставайте, тень Банко из Шекспира пред вами»¹. Жена Глинки², которую я знал в девицах, — урожденная Гол[енищева]-Кутузова и кузина вашей Александрины³. Старуху Опочинину⁴ я часто видал в их доме. Визит мой у Д. Кочубея был такого рода. Человек доложил обо мне, возвратился с приглашением, чтобы я подождал, потому что Д[емьян] В[асильевич] занят. Я хотел тотчас отправиться назад, но решил подождать 5 минут, когда же они прошли, отретировался и сказал лакею: «Скажи твоему барину, что мне некогда его ждать, я и сам занят». Не знаю, кто из нас тут в дураках! Теперь перейдем от этих гайдамаков

к другим. Любочка живет очень весело. Имеет свой круг знакомых, где она как царица. Уланские офицеры нашего общества — прекрасные молодые люди, но забавно видеть, как она ими распоряжается. Она отдает им приказания и рассылает их как курьеров, и те беспрекословно повинуются. На днях обедал здесь интересный человек, гр[аф] Келлер⁵, служащий при Суворове⁶ в Риге. Он двоюродный брат кавказскому Барятинскому⁷, но предпочитает оставаться в Риге и живет более за границею. Познакомился с добряком Неплюевым⁸, который у меня ночевал. На будущей неделе будет пикник. 90 кавалеров и 10 дам. Любочка патронесса. Танцевать будут в великолепном П[е]тер[гофском] воксале, а катанье на 10 тройках. Пикник будет стоить более шестисот р. с. — вот у нас как, мы шутить не любим! Я пять раз ездил в П[е]тер[бург], познакомился со стариком Гербелем, который меня полюбил. На Поля⁹ я сделал также благоприятное для меня впечатление. Из всех Миклашевских он едва ли не лучший, а Барбишон¹⁰ кисла как уксус, но Яков Барковский славный человек, такой же добряк, как наш Базиль. На днях получил я приглашение от Яковлева из Омска окрестить новорожденного его сына. Коленька начал учиться по-фран[цузски], и я им доволен. От Анастасии получил я письмо и сам ей писал, там все хорошо, только гувернантки нет. Брату твоему Мишелю сообщу это письмо. Ожидаю известий от него и тогда ему напишу. Жаль, что он с Барковским не прокатился в П[е]тер[бург]. Прости, милая Мария, обнимаю тебя, моя душевненька, и прошу расцеловать Мишуньку, Оленьку и мадемуазель де Севинье¹¹. Я не теряю надежду увидеться с вами в этом году в Москве, которая в сравнении с П[е]тер[бургом] большая слобода. Владимиру Ивановичу посылаю дружеский поклон, прошу также поклониться от меня Клеруа и мадам Шарлотте¹². Да пребудет господь со всеми вами, мои дорогие.

А. ф. д. Бриген.

Мои Гербели вам кланяются. Дети их очень милы.
Адрес: Ее высокоблагородию Марии Александровне Ту-
манской в г. Глухов Черниговской губернии, в село Чер-
ториги.

Петергоф, 22-го апреля 1858

Любезнейший Николай Иванович.

Перед отъездом моим из Малороссии, т. е. в декабре месяце, отправил я к тебе письмо, о получении коего по сие время не имею известия. Поспешая увидеться с дочерью, я пробыл только двое суток в Москве. Виделся и познакомился с почтеннейшею Екатериною Александровною Свербеевою и ее семейством, но Екатерину Ильиничну Нефедьеву не застал уже в живых. Живо припоминая себе добродетельную Екатерину Ивановну Трубецкую, я с особенным чувством умиления смотрел на молодую Свербееву¹, дочь несчастного Сергея Петровича. Какое милое и кроткое творение! Катерина Александровна сказала мне, что нынешнего лета должен [ты] непременно приехать в Москву по своим делам. Если это так, то я надеюсь иметь счастье тебя обнять или в Петербурге или в Петергофе, на переезд куда потребно $\frac{3}{4}$ часа езды по железной дороге. На всякий случай вот мой адрес. В «Петергофе у ротмистра [лейб]-гв[ардии] Уланского полка Гербея, на Никольской улице близ собора, в доме Демина». Или сам заверни из Кронштадта, или дай знать, и я тотчас явлюсь в Петербург.

Недели две тому назад получил я из Иркутска письмо, которое ты прошлого года на мое имя туда посылал². Я с чувствами живейшей благодарности прочел дружеские строки, в коих ты мне пишешь о деньгах, которые я получал чрез Жуковского. Это пособие вывело меня из весьма стесненного положения. Покойный тесть мой был человек беззаботный и ветреный и первый не только не исполнил, но даже нарушил грубым образом данные мне законные обязательства, а четыре его сына³, получившие более 100 т[ыс]. р. с. дохода, не только не постыдились обсчитать моего сына, без того уже обсчитанного их отцом, но даже уклоняются заплатить и то, в чем сами себя признали должными. Нечего сказать, во всех Миклашевских мало совести.

Ф[едор] Ник[олаевич] Глинка поручил мне сказать тебе усердный поклон. Я с ним и с гр[афом] Федором Петровичем Толстым видаюсь довольно часто. На днях приезжал со мною познакомиться некто Сомов⁴, уланский

офицер, сосватавший в Париже невесту девицу Тургеневу⁵. Не родственница ли она тебе?

Еще словечко. Свербеевы показывали мне твой фотографический портрет, который очень удачен. Буде можно, то вышли мне такой портрет. Я просил передать тебе об этом молодого Свербеева⁶, который обещал мне сам позаботиться о высылке портрета. Ты мне этим очень удружишь.

Вечно твой А. ф. д. Бриген.

[Приписка на полях:] Я живу у дочери моей довольно покойно, но здоровье становится что-то плохо. В особенности слаб ногами.

211. М. А. ТУМАНСКОЙ

Петергоф, 30-го апреля 1858

Милая и дорогая моя Меринька.

Письмо твое, мой ангелочек, я получил, но мешкал отвечать, зная, что ты выехала из Черториг к Василию Ивановичу¹. Душевно радуюсь, что здоровье этого доброго и почтенного человека поправляется, но вместе и сожалею, что этот случай лишил меня счастья обнять тебя в Петергофе. Я с 12-го апреля не был в Петербурге, ибо, простудившись там, все это время сидел в Петергофе и по этой причине не видал более двух недель Владимира Ивановича, который один раз приезжал к нам сюда. Теперь здоровье мое поправилось, но погода так гадка, что сам не знаю, когда пушусь в этот Вавилон. Я живу хорошо, покойно, но по обыкновению моему более внутренней, нежели внешней жизнью. Любочка и добрый мой Базиль так же милы и любезны, как всегда. Любочка готовится на пикник, который будет на будущей неделе, а я в это время собираюсь навестить Абрама Норова, бывшего министра, Гаевского², знакомого Мишеля, и Кокорева³, к коему нарочно поеду познакомиться. Мне очень приятно было увидеться здесь с сибирским моим товарищем Анненковым⁴ и его семейством. Кочубеи со мною очень предупредительны* и очень любезны, и по этой причине я у них буду.

От Ивана Павловича и Анастаси получил я письма. У них все по-прежнему, и дети сидят без гувернантки!

* Слова «очень предупредительны» в подлиннике на франц. яз.

От брата твоего Мишеля я уже давно не имею известия. Напиши, пожалуйста, как ты оставила Василия Ивановича, коему прошу при случае передать мой поклон и сказать, что я душевно радуюсь, что он избавился от жестокой болезни и как бы снова воскрес к жизни. Сделай милость, вышли мне сочинения госпожи Гюйон: 1) «Речи христианские и духовные», 2 тома; 2) «Оправдание доктрины госпожи Гюйон» Фенелона, 3 тома и 3) «Любящая душа фон Дица» с примечаниями Гюго, 1 том. Чтение госпожи Гюйон доставляет мне удовольствие*.

Еще прошу поприпрятать и не затерять книгу Тургенева «Опыт теории нагогов». Это его подарок, коим я дорожу, да не забудь поставить под стекло образ Спасителя. Я бы желал, чтобы он остался в той же раме, в которой был, и в таком же виде, как был.

Коленька мой учится хорошо, и его все любят как умненького и скромного мальчика. Он просил меня сказать большой поклон Мишелю твоему. Я все еще всматриваюсь, куда и как его поместить, а это дело довольно трудное, в особенности с такими ничтожными средствами, как у меня.

Прошу за меня обнять и расцеловать милых моих внуков, доброго моего Мишелиньку, маленькую Оленьку и любезную мадемуазель де Севинье⁵. Я часто мысленно переносюсь в их кружок в ожидании той минуты, когда бог приведет прижать их самих к моему сердцу.

В Петербурге довольно глухо, и решительно можно сказать, что в Москве более умственной жизни. Великое дело эмансипации идет хорошо. Слава царю за этот подвиг⁶.

Прости, мой ангелочек. Будь здорова, и да пребудет господь с тобою и детьми твоими.

А. ф. д. Бриген.

Кланяйся от меня брату твоему Мишелю и скажи ему, что я надеюсь, что он напишет мне хоть словечко, что у них делается в Слоуте.

212. М. А. ТУМАНСКОЙ

П[етер]гоф, 7-го июня [1858]¹¹

Письмо твое, дорогая моя Мериныка, получил я вместе с книгами. Благодарю тебя, мой ангелочек, за это и за

* Текст «сочинения госпожи Гюйон... удовольствие» в подлиннике на франц. яз.

другое. Очень радуюсь, что вы все здоровы, что все у вас хорошо и что, наконец, и Влад[имир] Ив[анович] благополучно прибыл под кров своих пенатов. Мишуля такое добросердечное и милое дитя, что встреча его с господином Клеруа не могла быть иначе, как ты ее описываешь. Пожалуйста, расцелуй его за меня, а также и милую Оленьку и мадемуазель де Севинье. Мне очень грустно подумать, что я не скоро вас, моих возлюбленных, увижу, но, может быть, это случится и ранее, нежели ты думаешь. С Алек[сандром] Судиенко² случилось несчастье на параде при освящении Исакиев[ского] собора, он, шпоривши свою лошадь, сделал па. Она, вскочив на тротуар, поскользнулась и, упавши, переломила ему ногу в двух местах. Вчера Любочка посылала узнать о его здравии. Базилу времени нет туда съездить, он очень занят службой. А во мне жар к родственным сочувствиям очень охладел, ибо я уверен, что если бы я не только ногу, но даже и шею переломил, то мои малороссийские родственники, у которых вся любовь сосредоточивается в драгоценной их еде, показали бы участие на словах из приличия.

С Алек[сандром] Вас[ильевичем] Кочубеем я встретился и провел с ним более часу по-приятельски. У Демьяна В[асильевича] я после не был, но надеюсь увидаться с ним после возвращения его из Малороссии, если только один из нас не умрет до этого времени.

Я на днях ожидаю сюда прибытия старого приятеля Тургенева из Парижа, не Николая, но его родственника. Этот Тургенев³ просватал в Париже дочь свою⁴ за Сомова, л[ейб]-уланского офицера, очень доброго молодого человека. Свадьба будет в июле. Я с нетерпением жду этого Тургенева, ибо он везет мне письма от Ник[олая] Иван[овича], который сам приедет в Россию весною для принятия наследства. Вообрази себе чудо: у Ник[олая] Тургенева родилась дочь⁵. Ему 70, а жене его около 50 лет⁶! Недели две назад получил я от него письмо, где он мне об этом пишет. Почта за границей очень скоро ходит. Я на 17-й день получаю ответ из Парижа на мои письма. О себе я не имею ничего особенного сказать. Живу покойно. Гуляю в саду при шуме фонтанов и водопадов или сижу в Монплизире* и гляжу на море, в даль

* Слово «Монплизире» в подлиннике на франц. яз.

коего мысли и мечты мои бог весть куда улетают. Петергоф летом прелестен. Вечеру можно видеть высшее общество* в саду у дворца, где играет прекрасная музыка, а 12-го этого месяца перевозжает сюда весь двор. Одно, что мне не очень нравится, это то, что из дня делают ночь, а из ночи день.

Прости, мой ангелочек. Обнимаю тебя и милых деточек. Прошу то же сделать с Мишелем, когда его увидишь, а маменьке прошу от меня кланяться. Еще прости.

А. ф. д. Бриген.

Всем нашим дружеский поклон**.

213. Н. И. ТУРГЕНЕВУ

Петергоф, 9-го июля 1858

Письмо твое от 11-го мая, единственный мой Николай Иванович, посланное чрез Алек[сандра] Мих[айловича]¹, получил я. Если я медлил ответом до этой поры, то это потому, что я Алек[сандра] Мих[айловича] еще не видал. Я был у него, но не застал его дома, а он хотел быть у меня, но не был, а мне очень желательно с ним видеться. С Ольгой Александровной² и с ее тетушкой я познакомился. Первую я нашел так, как ты мне ее описывал, а тетушка ее была со мной очень любезна. Свадьба, кажется, будет в конце этого месяца. Жених человек чрезвычайно добрый и кроткий. Наружности хоть и некрасивой, но нельзя сказать, чтобы был дурен собою, но не крепкого здоровья.

По кротости и доброте своей эта чета должна быть счастлива.

Поздравляю тебя, любезнейший Николай Иванович, от души со вновь дарованной тебе дочерью. Желаю, чтобы она выросла тебе на радость и на утешение. При твоём здоровье и крепости сложения это мое желание не есть дерзновенное и может осуществиться, ибо ты легко можешь прожить и, по вероятности, даже и проживешь, еще лет двадцать. Мы, слава богу, самих себя еще не пережили. Хотя уже мало осталось из наших друзей и приятелей или лучше сказать, почти никого, и хотя мы почти уже отжили свой век, но по внутренней нашей жизни

* Слова «высшее общество» в подлиннике на франц. яз.

** Последняя фраза в подлиннике на франц. яз.

мы не отстали от времени, а идем с ним вперед в радостном уповании на бога, в коем, конечно, не постыдимся.

Я бы очень счастлив был, если бы мне привелось тебя обнять в Петербурге нынешнею осенью. В ожидании этого посылаю полный мой адрес: «В Петербурге в доме Коханова, близъ Собора ротмистру лейб-гвардии Уланского полка Василию Васильевичу Гербелю для передачи А. Ф. ф. д. Бригену».

Осенью я перееду с дочерью в Петербург, по просьбе коей царь разрешил мне жить в Петергофе, но ни слова не сказал о Петербурге. Это умолчание вынуждает меня просить Долгорукова о разрешении жить в Петербурге, куда я, впрочем, довольно часто езжу. Правитель канцелярии Долгорукова, некто генер[ал]-майор Тимашев, человек очень недоброжелательный, готов сделать на каждом шагу помеху, и чрез него выходят все затруднения. Тут вспомнишь пословицу «Царь жалует, да псарь не жалует». Вообще недоброжелательство должностных лиц и присутственных мест ко всем, не имеющим связей или денег, истинно поразительно, а равно поразительно и безлюдие всей толпы окружающих царя.

Твой проект о введении присяжных едва ли будет иметь успех. Это прямо касается гр[афа] Панина, у которого, как я слышал, от одного слова «нововведение» является пена у рта. Цензура очень строга не только на журналы, но и на книги. Le Nord является иногда так вымаран и обрезан, как не бывало во времена Рунича³, а дух времени, т. е. дух божий, идет вперед.

Прости, добрый и единственный мой друг. Да сохрани господь тебя и все милое твое семейство.

А. ф. д. Бриген.

[Приписка на полях:] Я готов сетовать на тебя, что не прислал мне с Алек[сандром] Мих[айловичем] твоего портрета. Свербеев⁴ обещал сделать это и тоже не сделал.

214. М. А. ТУМАНСКОЙ

П[етер]гоф, 14-го июля 1858

Возлюбленная и дорогая моя Мария.

Письмо твое от 5-го июля получил я в день именин Оленьки, с коими прошу ее от меня поздравить (лучше

поздно, чем никогда) * и расцеловать, а также сказать, что я молю бога и от всей души желаю, чтобы она не только с каждым годом, но и с каждым днем преуспевала во всем хорошем, училась бы прилежно и во всех отношениях была бы милое и доброе дитя. Тогда бог даст и счастье. Милого моего Мишулю и высоковажную мадемуазель де Севинье прошу также поцеловать. При этом случае не могу не повторить то, что ты, моя душечка, несколько раз от меня слышала, что детей надобно непременно учить английскому языку. За эту мою настойчивость ты мне скажешь со временем спасибо.

Очень радуюсь, что Владимир Ив[анович] избран в члены Комитета, а Мишель в кандидаты. Вчера получил я письмо от Анастаси, и там Ивана Павловича хотят избрать в члены. Анастаси очень этого желает, дабы переехать в Казань для детей. На днях должен быть сюда Алексей Павл[ович]¹ — брат Ив[ана] Павловича, и тогда мы узнаем подробности, что делается в Юркулах. Мне очень приятно, что образ понравился архиерею, и я всегда радуюсь, что он тебе достанется. Да осенит он тебя, добрая моя дочь, и детей твоих на всю жизнь вашу.

Я имел удовольствие встретиться вовсе нечаянно в П[етер]бурге с курганским моим товарищем Назимовым, которого я сердечно люблю. Мы с ним очень близки **. Он меня очень звал к себе, и в сентябре, когда железная дорога дойдет до Пскова, я отправлюсь к нему на несколько недель, чтобы почитать с ним мадам Гюйон. Это чудесный человек.

Вчера на музыке в саду познакомился я с Лихачевым². Он со мною был любезен и мне понравился. Я непременно буду у него. Он живет в бывшем доме кн[язя] Лобанова и в той же квартире, в коей ты родилась. Какое странное стечение обстоятельств! Завтра отправлюсь я к к[нязю] Долгорукому просить о разрешении жить в П[етер]бурге. Эта аудиенция будет довольно любопытна, и что я там услышу, тебе тотчас напишу.

Каждый вечер провожу я в Монплизире и смотрю на так называемую знать, которая там собирается. Зиновьева³ отстранили за глупости от в[еликих] князей. Императрица настояла, чтобы он был заменен, и на его месте

* Слова «лучше поздно, чем никогда» в подлиннике на франц. яз.

** Слова «Мы с ним очень близки» в подлиннике на франц. яз.

Гоголь⁴, друг Алек[сандра] Мих[айловича] Тургенева, старого моего приятеля, и с коим я на днях виделся в П[етер]бурге. С Никол[аем] Тургеневым в Париже я часто переписываюсь, но вообрази, никак не могу достать здесь его книги.

Благодарю очень за высылку книг и перин. Последняя очень пригодна для старых моих костей. У меня от тюфяка иногда бока отзываются. Я послезавтра буду писать Арндту⁵. 22 июля готовится здесь праздник — иллюминация, для коей я привезу сюда Коленьку. Зимой в Петербурге буду стараться его поместить для серьезного обучения. Он начинает понимать по-французски и учится довольно хорошо. Дай бог мне прожить несколько лет, чтобы при себе дать ему хорошее образование. Уповаю на бога, что он мне в этом поможет.

Прости, мой ангелочек. Да сохранит тебя и внуков моих господь. Господину Клеруа кланяюсь.

215. М. А. ТУМАНСКОЙ

П[етер]гоф, 9-го августа 1858

Письмо твое от 24-го июля, милая и дорогая моя Меринька, получил я вчера. Очень рад, что последнее мое письмо пришло к тебе так кстати. Оно заменило меня к твоим именинам и, вероятно, потому, что я в этот день часто тебя вспоминал и мысленно был с тобою. Как бы я счастлив был, если бы мне привелось обнять тебя, мой ангелочек, и твоих деток. Очень жаль мне, если Клеруа вас оставит. Это потеря для детей, которые к нему привыкли, да и довольно трудно будет его заменить, не говоря уже о неудобстве таких переходов. Если возможно, то постарайтесь его удержать.

Здоровье мое порядочно, я получил разрешение жить в П[етер]бурге и был по этому случаю у кн[язя] Долгорукова, который обошелся со мною очень мило. Я сошелся здесь со старым приятелем моим Соломкою¹ и почти ежедневно с ним видаюсь. Семейство у него очень милое, и они меня встретили и ухаживают за мною, как за родным. Осенью мы переезжаем в П[етер]бург, и там я увижу много старых знакомых. Два дня прогостил я в Царском Селе у Александра Судьенко, который ходит еще с палкою, но можно надеяться, что нога его совсем вы-

здоровеет. Брата его ожидаем со дня на день, а вчера приехал Дрогневич, коего мы дня чрез два увидим. Твоя маман написала Любочке, что Настасья Яковлевна чуть-чуть не умерла от письма, которое я ей писал. Пожалуйста, прочти это письмо, оно в Слоуте. Я просто писал, что я доволен настоящим моим положением и что деньги, которые я будто бы получил от П[авла] Мих[айловича], я никогда не получал. Кажется, тут нет ничего смертоносного. Право, это смешно.

Я читал в газетах имена членов Черниговской губернии, выбранных в комитеты, но нашего Мишеля там нет. Иван Пав[лович] выбран блестящим образом, не было ни одного черного шара.

Здесь 22-го июля была славная иллюминация, Коля восхищался ею. Он гостил у меня целую неделю. Брошка и серьги для Шарл[отты] Андр[еевны] посланы уже 3 недели тому назад, здесь имеется в этом расписка. Если у вас они еще не получены, то уведомяте. Пропасть они не могут. Мы здесь глотаем дым, ибо кругом горят леса. От этих пожаров сгорела Луга.

Внуков и внучат моих прошу за меня расцеловать. Письмо Оленьки я отдала Ниночке. Клеруа и Шарлотте Андр[еевне] прошу от меня кланяться. Переехавши в П[етер]бург, я буду заботиться, как бы поместить Коленку в училище. Теперь он готовится, а с января надобно приняться за серьезное учение. Если есть средства и будут возможности, то учите детей английскому языку. Одного французского языка мало, да и очень односторонно. Прощай, милая моя дочь. Да сохранит тебя и детей твоих господь под святым своим покровом.

Картину Иванова² я еще не видал, но увижу. Мне остается еще много посмотреть в П[етер]бурге, а главное — Петропавловскую крепость.

[Приписка на полях:] Сейчас получил банку варенья, посланную чрез Дрогневича. Благодарю, моя душенька. Дрогневич приехал вчера в П[етер]бург, а завтра будет у нас. Как я рад услышать и поговорить о тебе и детях. Еще раз обнимаю тебя.

1856 г. 22 июля

1856 г. 22 июля

С[анкт]-П[етер]бург, 11-го декабря 1858*

Неожиданное обстоятельство, доставившее мне случай узнать ваш адрес, почтеннейший Петр Николаевич, вложило мне в руки перо, чтобы черкнуть вам следующую просьбу.

Некто Иван Иванович Огиевский (которого г[осподин] Батеньков¹ хорошо знает), служивший правителем канцелярии в строительной комиссии в Калуге, получил увольнение по службе. Дед его, генерал Соломка, старый мой знакомый, зная, что я несколько знаком с Арцимовичем, просил меня исходатайствовать у него, чтобы этому его внуку скорее выслали указ об отставке; но так как я с Арцимовичем никогда не бывал в прямых сношениях, кроме официальных, то я и решился просить вас, любезнейший Петр Николаевич, сделать мне одолжение, исходатайствовать у г[осподина] Арцимовича: 1-е) поспешнейшую высылку этого указа и 2-е), чтобы указ был написан без приказных натяжек, а с должною справедливостью, что у нас часто делается по личностям. Это мне известно по собственному опыту. Огиевский мне показался весьма порядочным человеком, но таков ли он на самом деле, за это не ручаюсь. Батеньков это может лучше знать.

Теперь скажу вам несколько слов о себе. Приехав в июле 1857 года в Малороссию, я весь этот год или, лучше, часть года, прожил у сына и, дождавшись января, отправился в Петергоф к дочери моей Гербель, с коей и прожил там лето очень приятно. В половине сентября перебрался я с зятем и дочерью в П[етер]бург, где теперь и живу *«На углу Стремянной улицы и Поварского переулка в доме Шаумана»*, куда и прошу адресовать письма на мое имя. Я живу хорошо, покойно и тихо. Вижусь со старыми знакомыми (новых я избегаю) и очень доволен моим образом жизни. Из товарищей я видел в Москве Нарышкина и Басаргина, а здесь Анненкова с семейством, Назимова и Штейнгейля, а также Ф. Н. Глинку и гр[афа] Ф. П. Толстого.

Простите, любезнейший Петр Николаевич. Мне очень приятно, что эти строки напомнят вам обо мне, как о ста-

* Помета П. Н. Свистунова «Отвечено 22 дек[абря]» на франц. яз.

ром товарище, истинно вас уважающем и совершенно вам преданном.

Ал[ександр] ф. д. Бриген.

Кумушке моей Татьяне Александровне² свидетельствую мое почтение, а добрейшему Ев[гению] Пет[ровичу] Оболенскому прошу передать самые дружеские мои приветствия.

[Приписка на полях:] Г[осподину] Батенькову, хотя я и не имею счастья лично быть с ним знакомым, но прошу передать ему от меня поклон.

[Приписка на отдельном листке*:]

Если вы не читали сочинение Ш. Ремюза³ «Шаннинг, его жизнь и творчество», я рекомендую вам это чтение. Слово «чудесный» недостаточно, видимо, в данном случае, чтобы квалифицировать подобное сочинение, понадобилось бы другое, более возвышенное выражение.

217. М. А. ТУМАНСКОЙ

С[анкт]-П[етер]бург, 15-го декабря 1858

Милая и дорогая моя Мария.

Вчера получил я письмо от нашего Мишеля, от 5-го этого месяца, который собирается к вам в Чернигов. Я этому очень радуюсь, ибо это будет развлечение для него, бедняжки, да к тому, может быть, сделает и решительный переворот в его жизни, если желания и планы твои, о коих ты пишешь Любочке, сбудутся. Да будет есмь и во всем воля господня! Ты нам задала здесь задачу, которую трудно решить. Гувернантку можно найти, но как ручаться, чтобы она была такая, какую желаете. Мы записались в контору, учрежденную для этого, и что узнаем и увидим, тотчас сообщим вам, но вить это будет на счастье; лучше бы, если найти по рекомендации. Тебе уже известно, что весь наш дом, в том числе и я, мы порядочно похворали. Благодаря бога, теперь это кончилось, и мы опять встрепенулись. Я живу домоседом и люблю сидеть уединенно в моей комнатке с самим собою. Прогуливаюсь каждый день по Невскому проспекту, наподобие отшельника с Отенской дороги**. Привыкнув

* Приписка на отдельном листке в подлиннике на франц. яз.

** Слова «наподобие отшельника с Отенской дороги» в подлиннике на франц. яз.

к сибирской зиме (всякий климат имеет превосходство, свойственное ему), я не могу привыкнуть к гадкой здешней зиме. Бездорожие, грязь, да серое небо, от коего и люди, и все предметы оказываются серыми, вот п[етер]бургская зима, которая и против воли сделает затворником.

Не могу не упомянуть о книге, которую я на днях читал: «Шаннинг, его жизнь и творчество» Ремюза, 1 т[ом]*. Все экземпляры здесь расхвачены, но если я не достану, то пришлю тебе свой и уверен, что ты скажешь мне большое спасибо.

Я думаю, что ты уже слышала о больших неприятностях, которые имел Жозе Суд[иенко]¹ с корпусным командиром, что заставило его подать в отставку. Мы об этом имели переговоры с Лихачевым, к коему Жозе писал, но Лихачев не хочет да и не может мешаться в эти дразги. Если это у вас неизвестно, то не говори, чтобы не дошло до Мих[аила] Осиповича². Я имел случай прочесть здесь много любопытного, навезенного с Запада³. Жалею, что не могу с вами поделиться. Поделись этим письмом с Мишелем, если он в Чернигове. Я его сердечно обнимаю, и если он расположен что-нибудь предпринимать, то желаю ему успеха. Да поможет ему господь. Мишулю, Оленьку и мадемуазель де Севинье прошу за меня расцеловать. Жаль и очень жаль, что они не учатся английскому языку.

Прости, моя душенька. Обнимаю тебя и молю бога, да осенит он тебя и твоих св[ятых] своим покровом.

А. ф. д. Бриген.

218. Н. И. ТУРГЕНЕВУ

С[анкт]-П[етер]бург, 9-го (ст. ст.) января 1859

Приветствую тебя, любезный и единственный друг мой Николай Иванович, с наступающим Новым годом, и тем охотнее приветствую, что в этом году надеюсь иметь счастье обнять тебя, по словам твоим, весною здесь, в П[етер]бурге. Я давно не имел сведений о тебе, но зато часто вспоминаю мысленно, а также и в беседе с Алек[сандром] Мих[айловичем], который уже становится дряхл,

* Слова «Шаннинг, его жизнь и творчество» Ремюза, 1 т. в подлиннике на франц. яз.

равно и с Ф. Н. Глинкою, с коим часто видаюсь. Я живу, как тебе известно, у дочери моей, но, будучи избадован сибирскою зимою, не могу привыкнуть к здешнему гнилому климату, к серому одноцветному небу и бесконечной слякоти. Невзирая на это, П[етер]бург для меня лучшее в России место для жизни, а к тому же и моя родина, где я меньшую половину моей жизни провел.

За исключением некоторых удобностей жизни, коих я не имел в Сибири, я здесь живу почти так же, как жил, т. е. затворником. Видаюсь с немногими, а если встречаюсь на улице с толпою, то как бы в Пекине, ни одного знакомого лица. Это как будто фантастический мир, к коему не принадлежишь. Из наших бывших современников осталось уж мало, большая часть уже в могиле, куда скоро и самому придется спуститься. Но благодарение богу! чувствую, что себя еще не пережил. Сохранилась теплота души, и сердце не зачерствело.

Недавно читал я посмертные соч[инения] Жуковского, изд[анные] Блудовым. Некоторые статьи, как, напр[имер], о Радищеве и другие, сделали во мне неприятное впечатление. Удивительно, что религия, основанная на любви и на свободе, может клониться к абсолютизму в уме такого доброго человека, как Жуковский. Я не говорю о его сердце. Оно чисто и светло, как стекло, и, вероятно, заставляло его часто быть в разладе с самим собою.

Лето я прожил в П[етер]гофе, в отъединении среди блестящей толпы, и это имело свою прелесть. Принятое мною правило не доискиваться сближения со старыми знакомыми, в особенности стоящими высоко, не помешало видеть и слышать мне многое. Одно меня радует, что дожили до эмансипации, подвига доброго и благонамеренного царя.

Я виделся у Глинки с Гречем¹, который в многоречии своем сказал мне, что ты его встретил в Париже с распростертыми объятиями*, в чем я сомневаюсь.

Если весною приедешь в П[етер]бург, то, пожалуйста, привези мне Нов[ый] Зав[ет] на русском языке изд[ания] Лондонского библ[ейского] общества, который, к удивлению всех, строжайше здесь запрещен. Отпусти им господи, не ведают бо, что творят!

* Слова «с распростертыми объятиями» в подлиннике на франц. яз.

Слухи довольно достоверные, что будет заем внутри государства для выкупа земель крестьянских. Казна гарантирует 4 и, может быть, 4^{1/2} процен[та]. Половина земли отдается тотчас крестьянам во владение, а половина остается в распоряжении правительства. Эта мера для того, чтобы, дав крестьянину землю в обрест, принудить его к работе для помещика, впрочем, это будет только временно.

[Приписка на полях:] Свербеев обещал мне выслать твой фотографический портрет, но слово не сдержал. Прости, до свидания. Душою тебе преданный

А. ф. д. Бриген.

219. М. А. ТУМАНСКОЙ*

Петербург, 5 апреля 1859.

Я очень огорчен, моя дорогая дочь, что, несмотря на все мое желание быть полезным вам, выбор гувернантки был столь неудачным. Я могу объяснить себе ее отказ лишь только капризом, которому так часто подвержены женщины. Она никогда не заставит меня поверить в ее неспособность продолжать обучение детей, столь способных, как Оленька и Сонечка. Я не смог проверить ее знания глубоким экзаменом, но за то короткое время, что я разговаривал с ней, у меня была возможность убедиться в том, что она образованна и начитанна и, между прочим, хорошо говорит на трех языках (она в совершенстве говорит по-немецки и, насколько я могу судить, столь же хорошо по-английски). И с таким солидным и степенным умом, как у нее, ей было бы легко сориентироваться и привыкнуть к детскому уму и знаниям, и тем более, во главе обучения будет поставлен гувернер. Из всех тех, кто был представлен здесь в качестве гувернантки, а я их видел полсотни, именно эта мадемуазель показалась мне по своей речи, умению держаться и манерам самой подходящей для воспитания детей в возрасте ваших дочерей. Все прочие, снабженные сертификатами, имели вид и манеры прачек. Это невезение, что самые лучшие намерения в деле ничего не дали, дай бог, чтобы в предстоящих поисках педагогов вам больше повезло.

Я вам очень признателен, дорогая дочь, за деньги,

* Подлинник на франц. яз.

предложенные вами, зная, что вы сами часто нуждаетесь в них и что в этом отношении я более богат, чем вы, ибо мои скромные расходы находятся в соответствии с моим образом жизни и пропорциональны средствам, которыми я могу располагать. Принимая ваш дар, я испытываю сомнение, ибо я знаю, что это для вас связано с определенными стеснениями. Сообщил ли вам Мишель о моем предпоследнем письме, которое я ему отправил? Я предпочел бы, чтобы он сам приехал сюда, вместо того чтобы заставлять меня ехать в Москву, в путешествие, с которым я помедлил бы до вашего приезда в этот город. Рано или поздно вам придется отправиться туда, чтобы закончить образование детей.

Вчера я видел крупного землевладельца из Полтавы, который сказал, что полтавской знати стыдно видеть во главе ее в качестве предводителя дворянства (Леона Кочубея) человека, покрывшего себя позором бесчестия в истории, бывшей у него с управляющим, в которого он выстрелил из пистолета¹. Вы видите, что если мужчины остаются в положении, столь унижительном, в каком они находятся, то времена переменялись.

Вчера у нас хоронили знаменитую восхитительную Бозио². Присутствовало более 100 тысяч человек. Хотели избежать манифестации, которая состоялась за два дня до этого, когда переносили гроб из дома в церковь и когда множество студентов завладели им, чтобы нести на руках. Полиция окружила катафалк плотным кольцом и с величайшим трудом сдерживала толпу, которая выпускала крики: «Долой полицию, мы не хотим ее!!!»

10 часов вечера. Я навестил семью Соловьевых, но, к несчастью, очаровательная Софи была очень больна и находилась в постели, и поэтому я не смог увидеть ее. У нее обмороки, длящиеся иногда по четверти часа. Доктор говорит, что опасности нет, но советует ей подышать деревенским воздухом в ее землях близ Калуги.

[Приписка на полях:] Простите, мой ангел. Целую вас и ваших детей. Сегодня я начинаю поститься.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

NOTIFICATION KUHHRVUS

АНЕКДОТ¹

(под журнальной рубрикой «Известия о военных доблестях россиян»)

Сообщено от лейб-гвардии Измайловского полка
штабс-капитана фон дер Бригена

Накануне знаменитой победы под Кульмом, когда корпус под предводительством графа Остермана² отступал от города Пирны к местечку Кульму чрез Гизгюбельские дефилеи, высылаемы были из полков стрелки для удержания неприятеля, который, преследуя с левой стороны дороги российское войско, несколько раз покушался перерезать оную. Когда очередь высылать стрелков дошла до лейб-гвардии Измайловского полка, то grenadier Черкасов, старый воин, украшенный знаком отличия и получавший за примерное поведение и усердную службу двойной оклад жалования, горя желанием сражаться, выпросил позволения пойти в стрелки, где и получил смертельную рану пулею в грудь. Товарищи, привыкшие уважать его за храбрость и любить за доброту, спешили помочь ему и хотели отнести к своим; но Черкасов, чувствуя приближение своей кончины и видя, что благодетельные солдаты, хотевшие его вынести, будучи отягчены ношею, непременно должны быть настигнуты неприятелем и сделаться жертвою своего человеколюбия, склонил их убедительными просьбами оставить на месте сражения. Прощаясь в последний раз с ними, вспомнил он, что на нем находится священный знак отличия, заслуженный прежними подвигами, и, опасаясь, чтобы сей залог любви к отечеству не попал в руки лютому врагу оного, снял с себя оный и, вручая одному из тех, которые при нем находились, сказал умирающим голосом: «Возьми, отдай сей знак капитану и скажи ему, что я покойно умираю за отечество,

будучи уверен, что сей крест не попадется в руки врагам».

ЗАПИСКИ КАИЯ ЮЛИЯ КЕСАРЯ

о войне в Галлии и войне междоусобной
с дополнениями А. Гиртия и других

Переведены вновь с латинского подлинника
со многими объяснительными примечаниями,
с приложением краткой жизни Кайя Юлия Кесаря
и его портрета по древнему бюсту,
с картой древней Галлии по Барбье дю Бокаж,
иконографическими чертежами и полным историческим
и географическим указателем в двух частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

содержащая Записки о войне в Галлии

*Посвящено Василию Андреевичу Жуковскому,
душою и стихом поэту и другу человечества,
в знак истинного уважения и преданности нелицемерной*

Предисловие

Принимаясь за перевод этой книги, переводчик имел, кроме любителей словесности, еще в особенности в виду тех почтенных русских офицеров, которые, любя свое звание и желая глубже вникнуть в тайны стратегии, а вместе с этим любя и русское слово, вероятно, охотнее прочтут Кесаря на отечественном языке, нежели во французском, хотя и прекрасном переводе Тулонжона. Смотря с этой точки зрения на предпринимаемый им труд, старался он, избегая рабского подражания, придерживаться, соображаясь с оборотами русского языка, как можно ближе подлинника, что, как известно всякому знатоку латинского языка, сопряжено не только с большими, но часто даже с непреодолимыми затруднениями. Действуя таким образом, должен он был избежать двух крайностей, во-первых, чтобы не впасть в так называемую риторику в худшем значении слова, и, во-вторых, чтобы не вложить в уста Кесаря, говорящего русским языком, выражения, ему не свойственные. До какой степени успел он достигнуть своего намерения, представляет он судить читателям — знатокам этого дела.

С полным сознанием, что перевод его далеко не достиг той степени совершенства, на коей он бы желал его видеть, решился он, невзирая на это, издать его в настоящем виде, потому что он уверен, что в этой отрасли словесности, столь мало еще у нас разработанной и требующей вспомогательных средств, которые на нашем языке не существуют, достигнуть лучшего можно не вдруг, а только постепенно и приблизительно, к тому же и литература наша в этом отношении не столь богата, чтобы могла отвергнуть приношение даже и малоценной лепты.

Французы считают у себя семнадцать переводов полного Кесаря, начиная с первого перевода Гагена (Gaguin), изданного в 1485 году, и до последнего [господина] Тулонжона, вышедшего в свет в 1813 году. Кроме этих переводов, из коих некоторые имели по пяти и по шести изданий внутри и вне Франции, у них еще множество превосходных комментаторов, как-то: герцог Роганский¹, Тюрпен де Криссе², в особенности Гишар³ и еще другие, критические изыскания коих пояснили в отношении военного искусства многие места в Кесаре, которые остались бы темными. Двое из них, венценосцы Генрих IV⁴ и Людовик XIV⁵, трудились также на этом поприще в юношеском своем возрасте. Перевод первых пяти книг о войне в Галлии, сделанный Генрихом IV, остался в рукописи, перевод же первой книги с той же войны, сделанный Людовиком XIV, был напечатан в 1651 году в Париже. У нас, сколько известно переводчику, появился Кесарь на русском языке два раза. Первый раз в извлечении, сделанном по приказанию Петра Великого и напечатанном в 1711 году в Москве, во второй же раз Записки Кесаря о походах в Галлии были переведены с латинского языка на русский Сергеем Вороновым⁶ и напечатаны в С.-Петербурге в 1774 году. Экземпляры первой упомянутой книги едва ли где существуют, да и перевод [господина] Воронова, который, как и все переводы того времени, по обветшалому языку, вероятно, уже не соответствует требованиям нашего века, сделался библиографической редкостью, а в таких обстоятельствах предлагаемый здесь почтенной публике перевод при всех своих несовершенствах, кажется, не будет излишним.

Для объяснения некоторых мест в тексте приложил переводчик примечания, из коих краткие помещены для облегчения читателя внизу каждой страницы, более же

пространные — в конце книги. Примечания эти взяты частью из примечаний и диссертаций, помещенных во французском издании Кесаря, в собрании латинских классиков, изданных Лемером, собрании, коим Франция по справедливости может гордиться; частью же собрания и составлены они самим переводчиком. Некоторые из этих примечаний суть чисто филологические, относятся к латинскому тексту Кесаря и к разным его вариантам. Переводчик поместил их для любителей латинской словесности в случае бы кто из них пожелал сравнить перевод с подлинником; потому что текст в разных изданиях Кесаря не один и тот же, и поэтому считал он обязанностью предупредить любителей латинского языка, что основанием предлагаемого здесь перевода избрал он вышеупомянутое издание Кесаря гг. Ашентра и Лемера (Achaintre et Lemaire). Из этого же издания заимствована и превосходная карта Галлии, составленная Барбье дю Бокажем, учеником и достойным последователем славного Данвиля, также портрет Кесаря, снятый с древнего бюста из черного базальта, находящийся во Французском музее в Париже, и приложенные в этой части два иконографические чертежа для объяснения в 4-й книге отд. 17-м построения моста и в 7-й книге отд. 72-м укреплений, коими оградил себя Кесарь при обложении Алезии. В жизни Ю. Кесаря, помещенной в этой части, старался переводчик не столько о подробном изложении исторического хода событий этого времени, в чем и пределы краткой биографии ему бы воспрепятствовали, сколько о том, чтобы ознакомить читателей с характером знаменитого этого человека, не менее достопримечательного по удивительным способностям ума и качествам сердца, как и по великим событиям, коих он был виновником. К каждой части приложен полный исторический и географический указатель.

Препоручая труд свой благосклонному вниманию почтенной публики и снисходительности знатоков, переводчик имеет честь объявить, что вторая и последняя часть Записок Кесаря уже окончена и не замедлит последовать в скором времени за первой.

ЖИЗНЬ КАИЯ ЮЛИЯ КЕСАРЯ И ВЗГЛЯД НА ЕГО ХАРАКТЕР *

Каий Юлий Кесарь **, один из величайших полководцев и славнейших ораторов древности, родился в Риме 99 лет до Р. Х. от родителей, коих предки с самых давних времен Республики занимали почетные места и славились происхождением от Энея⁶ и богини Венеры. Лишившись на шестнадцатом году родителя, женился он два года после этого на дочери знаменитого Корнелия Цинны⁷, с коею развестись никак не соглашался, невзирая на опасность сопротивляться желаниям диктатора Суллы⁸, и без того к нему не благоволившего, по свойству Кесаря с Каем Марием⁹.

Следствием этой непреклонности было, что жизнь Кесаря находилась некоторое время в опасности, и он, будучи одержим болезнью, принужден был скрываться, переменив часто место от лазутчиков Суллы.

После долгого сопротивления, вняв наконец просьбам некоторых из своих друзей, приказал Сулла прекратить преследование, сказав: «Я вам его дарую, но остерегайтесь этого небрежно опоясанного юноши, в нем более нежели один Марий таится». Гражданский венок была первая почесть, коею он был украшен за отличие при взятии Митидены. Возвратившись в Рим, удивил он на двадцать третьем году всех своим даром слова в обвинительной речи, сказанной против лихоимства Корнелия Долабеллы¹⁰. Желая усовершенствоваться в красноречии, отправился

* Предлагаемое здесь жизнеописание Кесаря составлено по Светонию¹ и Плутарху²; по биографии Кесаря неизвестного писателя XIII столетия, ложно приписываемой Юлию Цельсу³, и по дополнениям Фрейнзгейма⁴ к Титу Ливию.

** Двойное мнение, что название Кесаря произошло или оттого, что один из предков Ю. Кесаря убил слона, который на пуническом языке назывался *Кесарь*, или же, что Ю. Кесарь был вынут из утробы матери после иссечения, получившего название *кесарианского*, несправедливо и основательно опровергнуто Бе[й]лем. См. Dict; critique Article Caesar, Remarque R.⁵ Скорее можно произвести это название от слова *Caesaris*, т. е. волоса на голове. В честь Кесаря начали называть всех след[ующих] императоров Кесарями, впоследствии же перешло это название на второстепенные лица императорского дома и на их помощников в позднейшие времена; сами же императоры приняли титул всегда *Август*. О значении названия императора см. примечание ко второй книге, отделу 26-му Войны междоусобной. В честь Кесаря был назван и месяц, в котором он родился, Июлем.

плохим, как в нынешнем году. В июне жара достигала 40—45° тепла, а в июле мы были вынуждены топить печи, поэтому никогда еще не было столько больных. Половина местного населения была подвержена лихорадке. Большой ущерб нанесла эпидемия и рогатому скоту, который мрет сотнями и тысячами голов, и так как никто не дает себе труда остановить распространение этой болезни, то, следовательно, нет оснований, чтобы она прекратилась. Кроме временных ограничений это бедствие влечет в нашей местности потери, достигающие миллионов. Вот уже более четырех месяцев я не ел мяса, и так как здешний край не производит ни рыбы, ни фруктов, то все вынуждены скудно питаться.

Я удивлен, что в моей библиотеке нет Тулонжона. Даже если окажется, что это кража, то поводом для нее на этот раз послужило, должно быть, не благочестие. Это были два томика в красивом сафьяновом переплете. Моя лихорадка помешала моей работе над Кесарем, но я рассчитываю вновь приняться за дело в сентябре месяце, тогда я закончу ее к февралю. Вы сообщаете, дорогая Мария, что мои два последних письма огорчили вас, так как из них вы узнали о моих неприятностях и досадных беспокойствах. Все мое существование всегда было связано с неприятными обстоятельствами, и особенно теперь, в моем нынешнем положении, следовало щадить меня хотя бы немного и избавить от упреков, которые были безосновательны и высказаны в обидных для меня словах. Вы представляете, дорогая Мария, что когда ты болен, не имеешь даже самого необходимого и испытываешь лишения всякого рода, естественным кажется потерять терпение, если в таком плачевном положении получаешь вместо дружеского, сочувствующего письма письмо вышеуказанного вида. Но конечно, не говорим больше об этом. Я рад был услышать все то, что вы сообщили мне о Любаше, прошу вас нежно поцеловать ее от меня в первом же письме к ней. Время от времени моя матушка пишет мне из Петербурга. Поцелуйте также и Мишеля. 7 июля я отправил письмо маменьке, прошу вас поцеловать от меня и ее и мою малышку Анастасию.

Простите, мое дорогое дитя, будьте здоровы и да хранит вас бог.

Александр Бриген.

потому что прежние его сношения с Катилиною, которого он поддерживал в домогательстве звания Консула против Цицерона, были известны. В совещаниях, бывших по этому случаю в Сенате, о том, употребить ли смертную казнь против соучастников Катилины, объявил первый он себя противником таковой меры. Слова, сказанные им при этом случае и сохраненные нам Саллюстием, конечно, увлекли бы многих, если бы красноречие Цицерона и в особенности всеобщее уважение, коим пользовался Катон¹⁶, всегдашний противник Кесаря, не дали бы перевеса другому мнению.

При последовавших народных смутах, причиною коих был трибун Метелл Непот (63 года до Р. Х.), поддерживал Кесарь трибуна, так что Сенат сделал постановление, чтобы его удалить от участия в управлении Республики. Но Кесарь, действуя всегда с благоразумною умеренностью, умел смягчить опять Сенат и согласить его на уничтожение этого постановления.

Прибыв в звании Претора¹⁷ в Испанию (61 год до Р. Х.), куда он отправился с помощью М. Красса¹⁸, купившего его из неоплатных долгов, чтобы в нем иметь опору против Кн[ея] Помпея¹⁹, покорил он Лузитанию и несколько островов на Океане. Весьма примечательные слова его, сказанные во время этого путешествия при виде бедного селения в горах Альпийских, когда спутники его, шутя между собою, рассуждали, может ли существовать честолюбие в таком месте: «Желаю лучше быть здесь первым, нежели в Риме вторым». Слова эти вполне обнаружили его властолюбие и желание почестей, изменивших впоследствии судьбу Рима. В этом отношении упоминают и о другом его изречении, еще прежде, когда он был там Квестором²⁰, сказанном со слезами при виде изображения Александра Великого²¹ в Храме Геркулеса в Кадиксе: «В мои лета Александр успел уже покорить вселенную*, а я, несчастный, ничего еще не сделал».

Покорив многочисленные народы в Испании и смилив эту Провинцию, всегда тревожившую шайками разбойников, возвратился он в Рим просить Триумфа и вместе домогаться звания Консула. Положение его при этом слу-

* Какое несчастье, что такие великие люди думают только о славе и о бесконечных завоеваниях, а не о том, как бы быть благодетелями рода человеческого.

чае было весьма затруднительно, потому что, как имевшему притязание на Триумф, воспрещалось ему законом прежде этого времени вступать в Рим; как кандидату* же на звание Консула должно было ему лично присутствовать при Комициях, в коих происходило избрание. Просьба с его стороны, чтобы отсутствие его во время Комиций не послужило бы преградой к избранию его в Консулы, не была принята преимущественно по настоянию Катона; и Кесарь, будучи уже признан достойным Триумфа, отказался от этой почести, чтобы не пропустить Консульства, которое, как он предвидел, вознаградило бы ему утрату одного Триумфа, доставив ему случай стяжать многие другие.

Имея всегда в виду достижение почестей и власти как средства к приобретению славы, вступил он в этом году (60 л. до Р. Х.) в заговор с Кн[еем] Помпеем и М. Крассом, известный в истории под названием Триумvirата, который, по словам Варрона²², как адский Цербер²³ тройною пастью поглотил Республику. Союз этот, который сначала оставался тайным и существование коего угадали только Цицерон и Катон, был составлен для того, чтобы захватить всю власть в Республике в свои руки. Все участвующие в нем имели личные свои виды: Помпей надеялся упрочить все то, что он сделал для Республики; Красс думал, упираясь на Помпея и на Кесаря, которые были между собою совместники, достигнуть первенства посредством своего богатства; Кесарь же, опасаясь еще открыто состязаться с Помпеем, хотел, пользуясь многозначительностью Помпея и богатствами Красса, обоих опередить.

В следующем году был он избран Консулом (59 л. до Р. Х.) вместе с М. Калпурнием Бибулом²⁴, который посредством усиленных домогательств аристократической партии был избран в это звание, чтобы противодействовать Кесарю; но на самом деле носил только имя Консула, потому что вся власть находилась в руках Кесаря и двух его сотоварищей.

Хитрость и ловкое пронырство, коими он действовал в это время, чтобы, нарушая постановления и свободу, сохранить при этом приязнь обоих главных партий, за-

* Кандидаты на звание Консулов должны были лично находиться при выборах в Комициях в белой тоге (*toga candida*), от чего произошло название кандидат.

служивают удивления. Чтобы скрепить свой союз с Помпеем, отдал он ему в замужество дочь свою, которую прежде обручил Цепиону Сервилию, помогавшему ему против Бибула. Вместо своей дочери обещал он Цепиону дочь Помпея, имевшую женихом Фауста Суллу²⁵; сам же, чтобы, породнившись, иметь более связей, женился на дочери Л. Пизона²⁶. Брачные эти союзы обнаружили существование Триумvirата, и Катон сказал, что Республика отдает им в приданое вместе с войском и свободу.

Между тем Кесарь, не переставая льстить народу, угождал и Сенату, облекая все предлагаемые им постановления в пользу народа в формы, которые Сенат не мог не одобрить. Он умел в этих сомнительных обстоятельствах так искусно изворачиваться, что, невзирая на справедливую к нему недоверчивость Оптиматов, снискал на некоторое время благосклонность этой стороны. Каждая из партий приписывала все ей благоугодное ему одному, тогда как противное падало на других и казалось быть сделанным без его ведома и согласия. В особенности достойно замечания искусство, с коим он предложил новый поземельный закон*, это вечное яблоко политических раздоров, который всякий раз, когда был предложен, потрясая Республику в самом ее основании, иногда стоил жизни тех, которые его предлагали**. Кесарь, зная, что для людей формы почти всегда важнее самой вещи***, умел избежать крайности, в которую впадали его предшественники на этом опасном поприще. Закон, который он предлагал, действительно благодетельный****, имел при этом и форму такую благовидную, что всякое сопротивление ему было бы явное нарушение справедливости и пользы общественной, и Оптиматы, невзирая, что угадывали его намерение завладеть народом, не могли не одобрить этого ненавистного для них закона. Чтобы в этом случае отстранить от себя всякое подозрение в свое-

* Lex agraria.

** Обоим Гракхам²⁷.

*** Les hommes ne sont que des noms. Montesquieu Gr[andeur] des Romains. Ch. XI²⁸.

**** Будучи приведен в исполнение, избавил бы он Рим от нищих, которых в этом городе было значительное число, дав им средства к жизни, населил бы плодородные, но впусте лежащие места в Италии и дал бы новую жизнь земледелию, и все это без всякого иждивения со стороны Республики и без потери для зажиточных граждан.

корысти, предложил он для приведения в исполнение раздачу земель, избрать двадцать почетных лиц*, которые всех назначил из противной ему стороны, исключив именно себя из этого числа. Оптиматы, видя, что им невозможно противиться открытым образом, прибегнули к хитрости. Сенат объявил себя в пользу закона, но вместе с тем искал предлога, чтобы его отложить до другого времени. Катон, следуя принятому им правилу, со всею стойкостью своего характера сказал, что закон сам по себе хорош, но что настоящее время неудобно для нововведений, и старался воспользоваться правом Сенатора, за которым очередь делать предложение, чтобы продлить это заседание рассуждениями о других не столь нужных делах. Тогда Кесарь, будучи не в состоянии удержать своего гнева, послал Ликтора²⁹ отвести Катона в темницу, который, не говоря ни слова, туда отправился, вслед за ним и значительная часть Сената. Говорят, что Рим из уважения к Катону надел в этот день траур. Кесарь, видя это, подослал Трибуна освободить Катона и с этого времени уже открыто пристал к народу. В народных Комициях встретил Кесарь сильное сопротивление со стороны товарища своего Бибула, действующего по наущению Сената; но народ, взяв сторону Кесаря, едва было не лишил жизни Бибула. Только с большим трудом смогли спасти его друзья, и он, укрывшись в своем доме, более уже не показывался, так что остальное время этого года вошло в употребление говорить: год консулов Юлия и Кесаря, потому что он один управлял всем и делал посредством народного Трибуна П. Ватиния³⁰, который был слепое его орудие, все, что хотел. Земли он роздал, прибавив к количеству, означенному в законе, еще и другие, и дал таким образом оседлость двадцати тысячам семейств, имевшим трех и более детей**, чем и приобрел не только беспредельную любовь народа, но

* Называемые *vigintivire*.

** В Римской Республике существовало на деле то, что в наши времена возобновил в своих теориях Бентам³¹ и его последователи социалисты и коммунисты, а именно, что бедный и низкий класс народа должен быть свободен от податей, которые должны падать на сословия зажиточных граждан, соразмерно их состоянию. В Риме пролетарии, т. е. люди из низкого класса народа, имевшие трех детей, были свободны от военной службы и всех податей и часто пользовались в случае дороговизны или неурожая общественной раздачей хлеба, елей и вина.

привязал к себе и всадников, сделав в пользу откупщиков казенных сборов, которые были из этого сословия, постановления, в коих им Сенат всегда отказывал.

Упрочив таким образом связями и смелыми, но благоразумными, хотя и незаконными действиями свое могущество в Риме, обратил он взор на Галлию, как на обширное поле для стяжания славы, единственной цели всей его жизни. Его происками были назначены на следующий год Консулами тесть его Л. Пизон и А. Габиний³², человек совершенно преданный Помпею; сам же он по предложению П. Ватиния получил звание Проконсула³³ (58 л. до Р. Х.) в Галлии по сю сторону гор и в Иллирии, с начальством над тремя легионами, к чему еще прибавил Провинцию по ту сторону гор и с этим вместе еще один легион. Вскоре после этого назначения, когда Кесарь дождался удаления из Рима опасных для него противников Цицерона и Катона, из коих первый был изгнан насильственным образом строптивым врагом своим Трибуном П. Клодием³⁴, а другой выпровожден под благовидным предлогом для приведения в порядок общественных дел на острове Кипре, получено известие о выступлении Гельветов из своих пределов с намерением войти в Провинцию. Кесарь поспешил тотчас отправиться с собранным войском через Альпийские горы в пределы Аллоброгов и, нагнав полчища Гельветов, разбил их наголову, не в дальнем расстоянии от нынешнего города Отена (Autun), после чего заставил их обратиться в прежние свои жилища. Желая остановить опасное для Рима и Италии переселение Германских народов из-за Рейна в Галлию, истребовал он от Ариовиста³⁵, короля Германцев, не распространять своих завоеваний в Галлии и воспретить своему народу переходить туда. Требование его было гордо отвергнуто, и он, видя, что переговоры тут недействительны, решился прибегнуть к оружию. В опасном и весьма сомнительном для Римлян сражении, происходившем не в дальнем расстоянии от Базеля, успел он одержать совершенную победу над Германцами. Ариовист лишился жизни, слабые же остатки этого народа, спасшиеся за Рейн, распространили страх римского оружия и между своими одноплеменниками. Чтобы разрушить предубеждение этих варваров, что река Рейн составляет естественную грань, чрез которую римские орлы не дерзнут взять свой полет, переходил он два раза

с легионами чрез эту реку и оставил нам описание удивительного по своему устройению моста, в таком месте*, где по ширине реки Рейна исполнение такого предприятия казалось почти невозможным.

Главная цель, которую Кесарь, действуя таким образом, не терял из виду, была покорение Галлии, которую он весьма благоразумно желал упрочить Республике, потому что в это время начинали уже предчувствовать опасность, угрожающую Риму со стороны севера, сначала по временам**, наконец же постоянно тяготевшую над Италией***. Храбрейшие и менее доступные народы Галлии жили около Пиренейских гор в Аквитании и в покрытой болотами и лесами Бельгии: тех и других покорил он. Народы прибрежные к Океану в Арморике, имевшие при многочисленных судах господство над теми морями, должны были уступить ему и на этой стихии, и маловидные его суда, которые он в одно лето успел построить и оснастить в Галлии, одерживали везде верх над огромными судами искусного на море неприятеля. Чтобы более распространить страх своего оружия и показать, что нет места даже и за морем, которое было бы безопасно от римских легионов, переправился он два раза с войском в неизвестную до того времени Британию, и имя его сделалось грозным даже в тех местах, где до него едва знали о существовании Рима. Между тем народы Галлии, несмотря, что всегда имели перед глазами победителей своих, не могли привыкнуть к мысли совершенно поработиться народу римскому. Делая покушение свергнуть с себя ненавистное это иго, удалось им истребить пятнадцать римских когорт с двумя легатами. Блестящий этот подвиг, ободлив Галлов, был как бы знак ко всеобщему восстанию. Обстоятельства для этого были особенно благоприятные. Легионы по причине недостатка продовольствия от неурожая были широко расставлены в зимних окопах. Кесарь же находился в отсутствии в Галлии по сю сторону гор. Начало восстания сделалось в области Арвернов, где Версингеторик, достойный по ду-

* Около Кобленца. Pontem paucis diebus effecit ad hodiernam segnitiam prorsus incredibili ratione. Frensheims Suppl[ementa] ad T. Livium. CVII.8³⁶.

** Занятие Рима Галлами под предводительством Бренна³⁷ и попытки Кимвров и Тевтонов ворваться в Италию.

*** См. в конце этой части примеч[ание] 16.

ху своему противник Кесаря и которому недоставало только счастья, чтобы стать в ряду великих людей, был избран главным вождем народной войны. Все народы Галлии единодушно соединились против Римлян, и даже давние союзники Республики Эдуи, облагодетельствованные народом римским, перешли на сторону своих единоплеменников. Восстание было сделано так внезапно и в такое удобное время, что, по всем вероятностям, владычеству Римлян в этой стране был бы сделан конец, если бы другой, а не Кесарь предводительствовал легионами. Решительность и удивительная его быстрота при преданности ему войска, которое слепо в него веровало, дало в скором времени опять перевес римскому оружию. Отважный его переход чрез Севенский хребет зимою среди глубоких снегов изумил Галлов. Тщетно опустошил неприятель те места, где Римляне должны были искать себе продовольствие, предав огню все свои города и селения, ничто не могло остановить Кесаря и его легионы, изъявившие вождю своему готовность подвергнуть себя всем крайностям, лишь бы отомстить неприятелю и поддержать славу римского оружия. Версингеторик, невзирая на отчаянную свою храбрость и на всевозможные усилия, везде должен был уступить Кесарю, бравшему над ним верх знанием военного искусства, исключая только в одном случае при осаде Герговии, которая была неудачна для Римлян. Овладев, почти не останавливаясь на походе, значительнейшими крепостями неприятеля, приступил Кесарь к Аварики, которую также взял вопреки упорного сопротивления, и Версингеторик принужден был отступить к Алезии. Тут началась та удивительная осада, которая показала, что в состоянии сделать хорошо дисциплинированное войско, одушевленное любовью к своему полководцу. Кесарь, вогнав Версингеторика в Алезию, обложил его, имея в то же время против себя многочисленного неприятеля со внешней стороны, пришедшего по вызову Версингеторика. При помощи окопов и осадных работ, изумительных по своей обширности, успел он, с одной стороны, отразить огромные полчища Галлов, а с другой же принудить Алезию сдаться вместе с Версингеториком; вследствие чего покорились Эдуи и Арверны. Поражение Версингеторика и находящихся с ним дружин не прекратило этой войны. Галлы, видя, что им не удалось действовать с силами, собранными в одном месте,

решились внезапными восстаниями в разных местах развлечь войска Кесаря и снова таким образом испытать счастье оружия; но судьба и в этом случае изменила им. Легаты Кесаря, отправившиеся с легионами против неприятеля в разные места, везде его поражали. Вожди Галлов Драпет³⁸ и Луктерий³⁹, загнанные легатом К. Канинием⁴⁰ в Уксельдун, были обложены прибывшим туда Кесарем, который, принудив их сдаться, отправился с двумя легионами в Аквитанию. Смирив весь тот край и устроив таким образом дела в Бельгии, кончил он благополучно войну в Галлии, которая вся покорилась его оружию (48 л. до Р. X.).

В продолжение этих десяти лет Кесарь ни одного разу не был в Риме*, но не менее того следил взором за ходом дел в Республике и за действиями значительнейших там лиц. Многочисленные его приверженцы действовали по данному им направлению и уведомляли его подробно обо всем. Между тем возрастающая его слава начинала тайно беспокоить Помпея, привыкшего в продолжение многих лет видеть себя первым в Республике, который и решился, сблизившись более с М. Крассом, с ним вместе домогаться звания Консула на следующий год, чтобы и со своей стороны новыми подвигами сравниться с Кесарем. Зная, что без согласия Кесаря, приверженцы коего, купленные деньгами, составляли большинство в народных Комициях, им невозможно достигнуть своего намерения, воспользовались они его путешествием в Иллирию, чтобы с ним иметь свидание в Лукке, где Кесарь обыкновенно проводил зиму. Вместе с Помпеем собрались туда около двухсот Сенаторов с двумя Проконсулами и другими первостепенными сановниками Республики, так что в этом случае собралось сто двадцать Ликторов в одном месте, явление весьма редкое. К этому времени все законные власти в Риме упали ощутительным образом, и могущество очутилось в руках одного Кесаря, который согласился на желание Помпея, но с условием, чтобы ему отсрочить еще на пять лет звание Проконсула в Галлии,

*Законом было воспрещено Проконсулам, Преторам и другим высшим начальникам, заведовавшим Провинциями, вступать в городскую черту Рима до окончания срочного времени их службы. Обыкновение это было основано на религиозных обрядах, как-то: жертвоприношениях и аветициях, которые приносили при вступлении в должность и которые не дозволялось повторять.

что и было исполнено; Помпею же, избранному в Консулы, дозволено было, не оставляя Рима, заведовать посредством Легатов Испаниею и находящимися там легионами. Смерть Юлии⁴¹, любимой дочери Кесаря и обожаемой жены Помпея, случившаяся вскоре после этого*, расторгнула последние узы, связывающие двух этих знаменитых мужей, в руках которых находилась судьба Рима, и Помпей, сохраняя еще наружные знаки приязни к Кесарю, сделался в душе его соперником. В это время, после случившегося убийства Трибуна Клодия, беспорядки в народных Комициях дошли до высочайшей степени, так что часто место выборов служило полем битвы, на котором разные партии старались одержать верх силою оружия. Взоры всех устремились на Помпея и Кесаря, которые одни могли при таком положении дел спасти Республику от гибели; но общественное мнение разделилось между ними. Одни желали, чтобы Помпей назначен был Диктатором, другие, чтобы Кесарь сделан был заочно Консулом и вызван в Рим. Сенат, опасаясь обоих, воспротивился этому, и решились наконец прибегнуть к средству, хотя и необыкновенному, но которое можно было охотно принять большинством голосов. По предложению М. Бибула, упорного противника Помпея и Кесаря, избрали, с одобрением самого Катона, Помпея в Консулы без товарища (52 г. до Р. X.), который, приняв это звание, отделившись от Кесаря, старался сблизиться с Сенатом и сословием Оптиматов. При наступлении же второй половины года призвал тестя своего Сципиона⁴² занять звание второго Консула.

Наконец приблизилось то время, которое должно было решить судьбу миродержавного Рима. Кесарь, обеспечив покорением Галлии границы Италии от вторжения варваров и открыв от подошвы Пиренейских гор до болот и лесов Бельгии безопасный путь для торговли, просил в награду за все свои подвиги назначить его Консулом прежде Триумфа с продолжением еще на пять лет начальствования в Галлии. Изъявляя желание столь умеренное, имел он право ожидать, что просьба его будет принята, потому что несравненно более было сделано для Помпея, но вместо того потребовали под предлогом вой-

* В 7-е лето пребывания Кесаря в Галлии.

ны с Парфянами от него два легиона* и объявили, чтобы он распустил войско и явился бы сам в Комиции домогаться звания Консула. Кесарь, повинуясь постановлению Сената, тотчас отправил два легиона с объявлением, что он готов распустить войско и явиться в Рим, если и Помпей, сложив с себя звание Проконсула, также распустит войско, потому что несправедливо требовать, чтобы он предстал без всякой защиты пред многочисленными своими неприятелями, имевшими силу в руках. Слова эти не только не были приняты, но даже и письмо его, отправленное по этому случаю в Сенат, хотя и было читано, но оставлено без внимания. Между тем Кесарь, видя ожесточение своих врагов и в особенности обоих Консулов К. Клавдия Маркелла и Л. Корнелия Лентула⁴³ и зная, что отобранные у него два легиона не только не были отправлены против Парфян, но оставлены в Италии и отданы Помпею, решился с 13-м легионом, который находился при нем, приблизиться к Равенне, ближайшему городу к Италии, находящемуся под его заведованием. Стараясь по возможности предупредить пагубный для блага общего разрыв и страшась, может быть, сомнительных последствий такового поступка, желал он сначала искренно примирения с противниками и предлагал им со своей стороны условия самые умеренные**. Но примирение делалось невозможным, потому что личные выгоды многих из значительнейших его врагов требовали войны. Даровитый народный Трибун Курион⁴⁴, сначала противник Кесарю, но впоследствии выкупленный им из неоплатных долгов, держал тайно его сторону. Одобряя наружно предложение, сделанное в Сенате, чтобы Кесарь распустил свое войско, прибавил он, что это постановление должно распространить и на Помпея, потому что могущество как одного, так и другого опасно для Республики. Когда предложение это было принято большинством Се-

* В постановлении Сената по этому случаю было сказано, чтобы Помпей и Кесарь дали каждый по одному легиону для означенной войны, но на самом деле оба легиона были взяты у Кесаря, от которого Помпей потребовал обратно тот легион, который он ему дал, чтобы действовать против Галлов, и который, будучи набран в Провинции, подначальной Кесарю, по всей справедливости должен был за ним оставаться.

** Он готов был распустить войско и просить, чтобы его оставили Проконсулом Галлии по сю сторону гор и Иллирии с одним легионом.

ната, то Консул Маркелл, один из злейших врагов Кесаря, отделившись от прочих, отправился со многими другими к Помпею за город, которому и вручил меч со словами: «Приказываем тебе именем Отечества действовать оружием за Республику против Кесаря», что и было принято Помпеем. Ожесточение партий дошло до того, что народные Трибуны и в том числе М. Антоний⁴⁵ и Курион, державшие сторону Кесаря, принуждены были, невзирая на неприкосновенность своего звания, скрыться к нему, чтобы не лишиться жизни. Тогда часть Сената, приверженная Помпею, устранив с угрозами всех приязненных Кесарю, сделала постановление, коим, объявив отечество в опасности и врагом Кесаря, приказали Помпею действовать против него оружием (49 л. до Р. Х.), предписав с этим вместе повсеместный набор в Италии с вызовом ветеранов числом до ста тридцати тысяч. Л. Домиций Агенобарб⁴⁶ и М. Консидиониан были назначены на место Кесаря Проконсулами обеих Галлий.

Кесарь в это время находился в Равенне. Узнав там о сделанном против него постановлении Сената, собрал он находившееся при нем войско и объявив ему о поступках противников своих, просил он не допустить, чтобы Полководец, под предводительством коего они покрыли себя славою, был бы поруган врагами своими. Войско с восторгом изъявило готовность ему служить, и он, уверившись в его приверженности, отправил тайно К. Гортензия, сына знаменитого оратора, с десятью когортами занять Аримину. Отправившись сам ночью, нагнал он этот отряд и остановился с ними на берегу Рубикона, составляющего заветную грань Римской Республики, чрез которую перейти с вооруженною рукою воспрещалось военачальникам под страшным заклятием. Погруженный в виду войска в глубокое размышление, долго боролся Кесарь с самим собою и судьбою, вызывающей его на подвиг, последствия коего были неисчислимы, и вдруг — минута эта была торжественная* и роковая для грядущих поколений, — поворотив коня к мосту, ведущему чрез реку, воскликнул он: «Жребий брошен, друзья, за мною!» С этими словами перешел он за Рубикон и вслед за ним и войска, с которыми тотчас занял Аримину.

* Es war für die ganze Menschheit ein großer Tag. Johannes von Müller⁴⁷.

Между тем Помпей с гордою, но неуместною уверенностью в самого себя и в правоту своего дела, полагая, что Кесарю потребно будет время, чтобы собрать войско, рассеянное в Галлии, действовал медленно. При первом известии о неожиданном переходе чрез Рубикон вся Италия пришла в смятение, и Рим дрогнул, вспомнив с ужасом опальные списки грозного Суллы. Помпей, Консулы, Сенат и все значительнейшие лица в Республике оставили торопливо Столицу мира и устремились в Капую, и воздух наполнился воплями уstraшенных граждан, оставляющих священные пепелища и кров родной, чтобы с женами и детьми опасаться от мщения Кесаря. В это время, когда один город за другим, за исключением Корфинии, в коей Л. Домиций отважился сопротивляться Кесарю, спешили изъявить ему свою покорность, Л. Кесарь, которого отец был Легатом Кесаря⁴⁸, и Претор Л. Росций⁴⁹ вызвались отправиться к нему, чтобы склонить его к миру, Кесарь объявил им, что он готов примириться и уступить обе Галлии назначенным ему преемникам, если Помпей со своей стороны согласится удалиться заведовать Испаниею и распустит набранное против него войско, требовал притом для себя, при личном своем присутствии в Комициях, звание Консула, к тому же и свидания с Помпеем. Помпей уклонился от свидания, но согласился на то, чтобы самому отбыть в Испанию, настаивая, однако, чтобы Кесарь, отступив с войском в свою Провинцию, дал бы возможность Сенату собраться в Рим для совещания об условиях, предлагаемых Кесарем. Все это делалось более для виду, потому что обе стороны зашли так далеко, что при соблюдении личных своих выгод им почти невозможно было возвратиться назад. Помпей видел, что Кесарь при приверженности к нему народа возьмет над ним верх; Кесарь же, стремившийся к верховной власти, понимал, что ему достигнуть и не иначе возможно будет, как устранив совсем Помпея; к тому же и озлобление партии Оптиматов, в коей находились люди самые значительные Республики, было столь сильно, что всякое беспристрастное мнение делалось недействительным. Катон со всею непреклонностию своего характера ни о каких условиях с Кесарем слышать не хотел; знаменитый же Цицерон в нерешимости своей умел только оплакивать несчастный жребий Отечества, которое он искренно любил. В этих обстоятельствах обнаруживали Пом-

пей и Кесарь два воззвания к жителям Италии, в коих резко обозначился характер обеих партий. Помпей объявлял, что всякий гражданин, не принявший с ним заодно участия в общем деле, будет признан врагом; Кесарь же, сказав, что он готовится состязаться оружием за права свои, увещевая граждан быть спокойными, уверял их, что он будет признавать своими и тех, которые не пристанут ни к одной стороне. Он старался письмами убедить всех, что никто не должен опасаться его гнева, и одно из этих писем, писанное к друзьям его Оппию⁵⁰ и Бальбу⁵¹, сохранилось для потомства. Письмо это следующего содержания. Кесарь приветствует Оппия и Бальба. «Радуюсь очень, друзья мои, что поступки, оказанные мною при занятии Корфинии*, заслужили ваше одобрение. Еще прежде, нежели я получил данный вами мне совет, положил я себе правилом действовать с кротостию и оказывать всякому милосердие. Оружием этим желаю я покорить сердца моих врагов и упрочить себе победу. Грозные мои предшественники, из коих один Сулла удержался до конца, не послужат мне примером. Этими мыслями я беспрестанно занят, прошу и вас сообщить мне ваше мнение, как бы это лучше сделать» и проч. Излагая таким образом принятый им способ действовать с противниками, говорил он при всяком случае, что воспоминание о содеянной им жестокости беспрестанно бы его тревожило, сопутствуя ему в преклонных его летах.

Быстро продвигаясь вперед с двумя легионами** и усилившись войском, приставшим к нему из городов, коими он мимоходом овладел, в том числе и Корфинию, где захватил Л. Домиция и Лентула Спинтера⁵², бывших некогда Консулами, которых тотчас освободил, прибыл он с шестью уже легионами к Брундузии. Помпей в этом месте сосредоточил свое войско, но, предвидя заблаговременно, что он не в силах будет держаться против Кесаря, воспользовался множеством собранных из всей Италии судов, чтобы заранее переправить Консулов с тридцатью когортами в Дирахию***, гавань Македонии. Многие приписывали это удаление Консулов намерению Помпея лишить желавших примирения с Кесарем воз-

* См. кн. I Междоусобной войны.

** Двенадцатым и тринадцатым.

*** Ныне Дураццо в Албании.

можности вести переговоры, потому что право это исключительно принадлежало одним Консулам. Вероятнее, однако, что Помпей при перенесении войны в эту страну, куда Кесарь по неимению судов за ним вскорости следовать не мог, имел в виду, соединившись со Сципионом, начальствовавшим в Сирии, собрать к себе все силы Востока, чтобы с этими громадами уже решительно действовать против Кесаря. Остановившись несколько дней в Брундузии, где он с важностью держался против Кесаря, кажется, более для того, чтобы не дать отступлению своему вид бегства, переправился он с войском также в Дирахию; Кесарь же по неимению судов* принужден был остановиться.

Заняв в продолжение шестидесяти дней всю Италию, отправился он из Брундузии в Рим, где, собрав народ и часть Сената, возвратившегося в город по слухам о снисходительности Кесаря к врагам, изложил, каким образом несправедливые с ним поступки его противников принудили его взяться за оружие. Чтобы обеспечить народное продовольствие, приказал он трем легионам тотчас занять житницы Италии Сардинию и Сицилию и завладел казнохранилищем Республики**, невзирая на усиленное сопротивление народного Трибуна Л. Метелла⁵⁵, которого он не иначе мог устранить, как сказав ему с гневом: «Юноша! вспомни, что ты мгновенно лишился бы жизни, если бы мне не трудно было сказать это слово». Достопримечательно то, что еще с первых времен Республики строго было воспрещено законом под страшными заклятиями коснуться этих сокровищ не иначе, как только в случае набегов или войны с Галлами. Кесарь воспользовался этим обстоятельством, чтобы объяснить, что сам закон разрешает именно его употребить эти деньги на приведение в порядок дел Республики, потому что его

* Великий историк Иоганн фон Мюллер в «Истории» своей говорит не совсем справедливо, будто Кесарь предпочел вместо того, чтобы преследовать одну тень и имя власти, потрясти силу своего противника в самом ее основании, для того отправился в Испанию против старых легионов, предводительствуемых опытными вождями Петреем⁵³ и Афранием⁵⁴; тогда как сам Кесарь говорит, что не последовал за Помпеем, потому что не имел на чем переправиться.

** Он владел при этом случае сокровищами, по исчислению ученых, равняющимися ценностью 65 894 850 франков, сумма огромная для того времени.

трудами покоренная Галлия перестала быть страшною для Италии. Но, невзирая на эту уловку, поступок этот был принят народом неблагосклонно, и он поэтому уже более не показывался в народном собрании, но поспешил отправиться в Испанию. Промешкав еще несколько дней в Риме для приведения в порядок там дел, назначил он начальником города М. Эмилия Лепида⁵⁶, М. Антония же сделал Трибуном Италии и начальником всех находящихся там войск.

По его распоряжениям начали на Средиземном и Адриатическом морях устраивать морские силы. Первого назначен был начальствовать К. Гортензий, сын знаменитого оратора, последнему П. Корнелий Долабелла. Аристобула⁵⁷, царя Иудейского, личного врага Помпея, содержавшегося под стражею в Риме, отправил он с двумя легионами в Сирию, чтобы противодействовать Помпею *. На походе своем в Испанию был он остановлен под стенами Кастилии, не только отказавшейся его принять, но и приготовившейся ему сопротивляться. Он тотчас обложил этот город, но, видя, что ему тут долго придется промешкать, пока успеет им овладеть, оставил он под начальством К. Требония⁵⁸ три легиона для приведения к окончанию этого дела; сам же отправился к шести легионам, которых под предводительством К. Фабия⁵⁹ послал вперед в Испанию, с коими и прибыл в эту страну.

Война, которую он в этом краю в короткое время кончил, была одна из самых затруднительных и покрыла его славою, потому что здесь имел он в первый раз достойных себе противников. Старые и испытанные в битвах легионы под предводительством известных вождей Петрея и Афрания не уступали ему ни в храбрости, ни в знании своего дела, но Кесарь в этом случае превзошел самого себя. Невзирая ни на крайний недостаток в продовольствии, подвергнувший голоду его войско, ни на внезапные наводнения, затруднявшие ему движение, умел он вселить в свои легионы дух и решительность, против которых ничто не могло устоять. Войско Помпея, побежденное более искусством, нежели оружием, принуждено было покориться, и Кесарь после этого поспешил занять остальную

* Аристобул не успел ничего сделать, будучи отравлен приверженцами Помпея.

часть Испании, где находились значительные отряды Помпея под начальством М. Теренция Варрона*. Кончив благополучно эти дела, поспешил он к Массилии, которая, невзирая на поражение, нанесенное ей Д. Юнием Брутом⁶⁰ на море, упорно сопротивлялась всем усилиям Требония. Терзаемая заразительными болезнями, появившимися между жителями, принуждена была она покориться Кесарю, который после этого тотчас поспешил в Пиаченцу для умирения бунтующего там девятого легиона. Легион при виде его немедленно смирился и со слезами упросил дозволить ему продолжать службу, чтобы он мог загладить свою вину. В это время был он избран в Риме Диктатором** по желанию народа и вместе назначен Консулом на следующий год. Все это исполнено со всевозможным, при отсутствии Консулов, соблюдением формы, потому что, следуя обыкновенной уловке похитителей власти, старался он, нарушая законы в самой их сущности, оказывать наружное уважение к постановлениям Республики, вид коей хотел сохранить для народа. Окончив эти блестящие подвиги и сделав нужные распоряжения в Риме, прибыл он, по словам Лукана⁶¹, с быстротою тигрицы, поспешающей к своим детям, в Брундузию, немедленно переправился с семьей неполными легионами на противоположный берег Македонии и тотчас занял города Орику и Аполлонию.

Помпей между тем, собрав около себя одиннадцать легионов и многочисленные дружины со всего востока, находился в Фессалонике, куда к нему прибыли до двухсот Сенаторов, из коих составилась Сенат. Многочисленные суда его, коими он надеялся преградить путь транспортам Кесаря, покрывали все моря. Случившееся в это время совершенное поражение легионов Кесаря в Африке под предводительством Куриона⁶² и победа, одержанная на

* Известного сочинителя дошедшей до нас книги о сельском хозяйстве (*de re rustica*). Его почитали первым из Римлян по учености.

** Кесарь в следующие пять лет, продолжавшиеся до его смерти, был избран пять раз в Диктаторы. Первая Диктатура, о которой здесь говорится, продолжалась одиннадцать дней, вторая шесть месяцев, третья — год. При четвертом избрании был он назначен Диктатором на десять лет, и эта Диктатура была обращена в следующий год, незадолго до его смерти, в пожизненную.

море Октавием⁶³ и Скрибонием⁶⁴ его же судами* под предводительством П. Корнелия Долабеллы, ослабила невыгодное впечатление, произведенное в умах отступлением Помпея из Италии, который, видя, что он числом превосходит Кесаря, войско коего претерпевало крайний недостаток, решился, поджидая к себе из разных мест значительные подкрепления, длить войну, чтобы утомить и истощить своего соперника. Желая в этих обстоятельствах ускорить прибытие из Италии остального своего войска, решился Кесарь в бурную ночь переправиться на берег Италии. Испуганного кормчего убедил он словами: «Чего тебе бояться, здесь Кесарь и судьба его», и действительно счастье не изменило ему, потому что, невзирая на бдительность Либона⁶⁶, стерегущего это море, остальные его легионы вышли под предводительством М. Антония благополучно на берег.

Помпей сосредоточил все свои силы близ Дирахии, где находились его запасы продовольствия и оружия. Под стенами этого города, построенного на крутом мысу, выдавшемся в море, остановился он в окопах и, имея многочисленную конницу, которая причиняла большой вред кормовщикам Кесаря, решился действовать медленно и выжидать удобного случая, чтобы, утомив своего соперника, коего войско претерпевало голод, сокрушить его одним ударом. Кесарь, видя, что неприятель избегает сражения, которого он со своей стороны искал, вздумал привести тут в исполнение мысль самую смелую. Невзирая, что Помпей превосходил его числом войска, которое во всем изобиловало, решился он его обложить, но изумительное это предприятие не имело успеха. Помпей пробыл с большим уроном для Кесаря из своих окопов и, не воспользовавшись всеми выгодами этого сражения, после коего он мог уничтожить Кесаря, спустился на равнины Фессалии.

Кесарь, встретив достойного во всех отношениях себе

* Невозможно при этом случае не упомянуть о подвиге тысячи ратников из города Опитергии в области Транспаданской, находящихся на службе Кесаря. Спасаясь, судно их было окружено неприятелем. Видя неизбежный плен, решились они последовать совету Трибуна Вультея⁶⁵, и все до одного в виду неприятеля лишили себя жизни. Кесарь в вознаграждение за такой подвиг даровал жителям этой области права римских граждан. Великодушное же самопожертвование Опитергейцев перешло в пословице к потомству.

соперника в Помпее, имел большое над ним преимущество в том, что он распоряжался один и по собственному своему усмотрению, тогда как Помпей беспрестанно встречал противоречие и затруднение со стороны людей значительных, которые за ним последовали из Рима и мнению коих он должен был часто уступать. Большая часть из них полагала, в самонадеянности и нетерпении, что стоит только поспешить сражением, чтобы кончить войну. Легкомыслие их дошло до такой степени, что они уже начали спорить между собою, кто из них какие почетные должности займет в Риме. Помпей же со своей стороны вместо того, чтобы перенести театр войны в Италию, что могло бы, дав другой оборот делам, сделать положение Кесаря весьма сомнительным, рассудил продолжать военные действия в стране, где находился, и ускорил таким образом развязку этой достопамятной войны.

В битве на полях Фарсальских (48 л. до Р. Х.), в коей Кесарь одержал полную победу, решилась судьба Рима скорее, нежели Помпей того ожидал. Разбитые его легионы бежали и покорились наконец Кесарю, который старался удержать свое войско от излишнего кровопролития, умаливая его щадить жизнь своих сограждан. Стан неприятельский со всем обозом попался в руки победителя, и Кесарь при этом случае показал редкий пример великодушия, предав, не читая, огню всю переписку Помпея*, пустившегося искать спасения в Египте, где вместо ожидаемой помощи лишился жизни**. Убийцы, думая угодить Кесарю, поднесли ему при встрече голову Помпея. С ужасом отвратился он от этого зрелища, оплакивая судьбу, не допустившую его спасти своего соперника.

Народное восстание в Александрии, в коем Кесарь едва не лишился жизни, и возгоревшаяся от этого война задержали Кесаря в Египте долее, чем он думал***. Многие полагают, что причину продолжительного его пребывания в этих местах должно искать в любовной связи его с юною Клеопатрою⁶⁸, сестрою Египетского царя⁶⁹, от которой он имел впоследствии двух детей и которую, свергнув брата, возвел на престол Египта. Но мысль эта должна исчезнуть, если только вспомнить, что Кесарь,

* Таким же образом поступил и он с перепиской Сципиона⁶⁷ после победы при Тапсисе.

** 48 дней спустя после Фарсальской битвы.

*** Три месяца. См. кн. о войне в Александрии.

хотя и любил удовольствия, но никогда не был рабом своих страстей. Одно желание славы наполняло всю его душу, и в этих обстоятельствах, когда и после Фарсальской победы опасности для него еще не совсем миновали, потому что враги его с помощью царя Юбы⁷⁰ ополчились в Африке, невозможно подумать, что он, забыв себя, принес в жертву прихотям страсти безопасность, как собственную свою, так и своего войска. В этом случае мысль знаменитого историка Иоганна фон Мюллера, который говорит, что Кесарь мешкал в Египте, чтобы, дав время своим врагам собраться вместе, иметь возможность уничтожить их одним ударом, более вероятно и подтверждается еще тем, что, оставив Александрию, отправился он не в Африку отыскивать там войско Юбы и Сципиона, но обратился в Азию, где одним ударом сокрушил Понтийского царя Фарнака⁷¹, сына славного Митридата⁷² (47 л. до Р. Х.). Победа над значительным и опасным этим неприятелем решилась столь мгновенно, что Кесарь, желая показать, с какою скоростью он это дело кончил, известил об этом событии в Рим, написав только три слова: «Пришел, увидел, победил», слова, которые потом при триумфальном его вступлении в Рим были несены между прочими его трофеями.

Пробыв несколько дней в Риме, куда он прибыл, устроив дела в Азии, укротил он там возмущение войска одним словом, назвав их гражданами*, и отправился после этого чрез Лилибею** в Африку. Вблизи Адруметы, занятой неприятелем, сошел он с легионами на берег, и тут началась война Африканская***, одна из самых трудных для Кесаря. Имея дело с неприятелем, превосходящим его силами и орудовавшим несметными полчищами Нумидийской конницы, которая почиталась первою в свете, нуждался он в земле неприятельской, будучи окружен на каждом шагу опасностями, во всех потребностях жизни. Несмотря на все неудобности положения, в коем он находился тогда, когда идущие к нему транспорты с войском могли только с большим трудом и опасностью совершать плавание по морю, где их подстерегал неприятель, одерживал он везде верх над своими противниками.

* См. прибавление в конце.

** Город на южном берегу Сицилии.

*** См. кн. об этой войне во второй части Записок Кесаря.

В сражении под Руспиною или Лептисом, сражении, которое навсегда остается незабвенным в летописях военного искусства, изумил он всех присутствием своего духа и быстротою, с кою он привел в исполнение движение, внушенное ему в эту критическую минуту военным его гением*. Будучи с тридцатью когортами и незначительным числом конницы окружен со всех сторон многочисленным неприятелем и полчищами Нумидийцев под предводительством Лабина, которые засыпали его тучами стрел и копий, и сражаясь на два фаса, развернул он вдруг под прикрытием конницы сжатый боевой свой порядок в продолговатое каре и, ударив двумя фасаами на неприятеля, разрезал и опрокинул его линии. Вскоре после этого одержал он совершенную победу при Тапсисе (46 л. до Р. Х.). Сципион и Юба были разбиты и бежали, видя же, что все потеряно, лишили они себя жизни вместе с Петреем. Остальные вожди Помпеевой стороны скрылись в Испанию. Кесарь же, заняв Утику, где Катон до его прихода лишил себя жизни, и завладев Нумидиею, которую объявил Римскою Провинциею, окончив благополучно все свои дела, отправился в Рим.

Триумфальное его вступление в Рим в продолжение четырех дней** ознаменовалось для него новыми и небывалыми почестями со стороны Сената, провозгласившего его Диктатором на десять лет, блюстителем нравов*** на три года, всегдашним товарищем всех будущих Консулов, с первенством при подаании голосов, и, наконец, сделавшего постановление, чтобы изображение Кесаря, попирающего ногами Земной шар, было поставлено в Капитолии с надписью: «Кесарю Полубогу». Между множеством знаменитых пленников, которые при этом случае предшествовали колеснице Кесаря, обращали в особенности на себя взоры всех Версингеторик и другие вожди Галлов, которые по принятому обыкновению по окончании триумфа были лишены жизни. Юная царевна Арсиноя⁷³ из

* См. об этом сражении примечание Гишара к отд. 12—17 кн. о войне Африканской.

** Он торжествовал четыре триумфа по числу войн, которые благополучно кончил в Галлии, Александрии, в Понте и Африке. Первый из этих достопримечательных триумфов был самый великолепный.

*** Прежде называли их Цензорами, название это для Кесаря переменили в вышеозначенное.

этого же числа была возвращена в Египет из уважения к просьбам сестры ее Клеопатры; девятилетний же царственный отрок Юба⁷⁴, прославившийся впоследствии своею ученостию и как Историк, был оставлен для воспитания в Риме и сделан потом Царем Мавритании. Обстоятельство, незначительное в другое время, но принятое тут за предзнаменование весьма худое, омрачило в самом начале дни эти радости и торжества. Поравнявшись с храмом Фортуны, воздвигнутым Лукуллом⁷⁵ в Велабрах*, ось колесницы Кесаря переломилась, что и было причиною, что шествие, будучи таким образом некоторое время задержано, не прежде могло вступить в Капитолию, где Кесарь поднялся по ступеням на коленях к изображению Юпитера Громовержца, как уже ночью при свете множества факелов, подвигавшихся в два ряда на сорока слонах. Заметим также, что войско, идущее за колесницей Триумфа, увенчанного лаврами, пользуясь правами этого дня, издевалось в колких припевах над своим Полководцем, который, хотя и не мог совсем скрыть своего неудовольствия при этом случае, однако сказал, что ему очень приятно видеть, что его сослужинцы так хорошо знают, сколь он незлобив**.

* Так называлась одна часть города.

** Чтобы дать понять читателю о буйном своеволии, коим пользовались граждане (римский воин, обращаясь домой и перейдя Рубикон, принимал опять звание гражданина), вступавшие триумфом в Рим, приведем здесь некоторые места из их припевов, которые Светоний, Дион⁷⁶ и Плиний-старший⁷⁷ сохранили для потомства. Перебирая с насмешками всех походных любовниц Кесаря, начиная с царицы Клеопатры, запели они: «Вот ведем мы к вам плешивого нашего блудодея, который займывал деньги в Риме, чтобы их пропить в Галлии. Продолжая беззаконничать, он будет властвовать, но по справедливости должен бы он быть наказан». Укоряя в скупости, упрекнули они его, что под Дирахиею кормил их травюю, и потом запели: «Галлию покорил Кесарь, самого же Кесаря покорил Никомед (намекая на постыдную связь, в коей подозревали Кесаря с этим царем), Кесарь вступает триумфом, почему же нет триумфа и для Никомеда»⁷⁸. Услышав эти последние слова, Кесарь не мог скрыть своего неудовольствия и сказал окружавшим его, что он готов подтвердить присягою, что это клевета; но это оправдание было принято громким смехом. Буйная свобода войска в день триумфа имела ту пользу, что заставляла величайших полководцев Рима быть справедливыми и осторожными в своих поступках с подчиненными из опасения подпасть колким их насмешкам в день своего торжества, насмешкам, которые, переходя в потомство, часто делались наследственными в семействах тех, которые имели несчастье их заслужить. У древних театр, Сатурналии,

По окончании этого торжества, наградив щедро войско, Кесарь угощал народ на двадцати двух тысячах столов* в продолжение нескольких дней и приказал сверх этого раздать на каждого значительное количество хлеба, едя и денег. Великолепные зрелища, побоища атлетов и гладиаторов, травли диких зверей, в коих Рим в первый раз увидел камелеопарда, наумахия или представления морской битвы в нарочно выкопанном для этого огромном пруде и, наконец, пляска Пиррихий**, в коей участвовали дети Вифинийских и Азиатских князей, обращали на себя внимание народа Римского, страстного к удовольствиям такого рода. Среди шума и веселия всех этих торжеств и пиршеств Кесарь не терял из виду дел общественных. Сделав множество постановлений, полезных для народа, принялся он с помощью Созигена, александрийского философа, за поправление календаря, сохранившего в честь его и поныне название Иулианского. Между тем собиралась гроза против Кесаря в Испании***. По совету Катона сыновья Помпея⁷⁹ и с ними Лабие⁸⁰ решились с остатками римского войска, спасшегося из Африки, возобновить войну в этой стране, набрав там еще значительные дружины.

Кесарь, прибыв туда с неимоверною быстротою, взял немедленно приступом Атегуу (ныне Алексудет) и был после этого провозглашен войском Императором. На полях близ города Мунды (ныне Монда в Гренаде) сошлись обе стороны. Помпей имел у себя тринадцать легионов и шесть тысяч конницы, смешанной с легкою пехотою, Кесарь — восемьдесят когорт и восемь тысяч всадников. Битва была продолжительная и упорная, и победа, казалось, хотела в этот день заменить орлам Кесаря, который в отчаянии, схватив щит, устремился вперед искать смерти и, говорят, даже помышлял о том, чтобы лишить себя жизни в случае неудачи, но счастье его не оставило. Лож-

или дни бешеной свободы рабов и припевы войска при триумфе заменяли некоторым образом свободу теснения, как она ныне существует в Англии и Франции.

* Или триклиниях, т. е. стол, накрытый П. Около внешней его стороны помещались три, иногда же и четыре гостя на подушках и тюфяках, внутренняя же часть оставалась незанятою, чтобы прислужники могли исполнять свои обязанности.

** Род балета, представляющего битву и военные эволюции. Ее плясали с оружием в руках.

*** См. во второй части книгу о войне Испанской.

ная тревога в рядах противников способствовала ему взять верх, и неприятель был разбит, Лабий же и Вар⁸¹ лишились жизни. Значительная часть неприятельского войска заперлась в Мунде, которую Кесарь тотчас обложил и принудил сдаться, приказав сделать наскоро вал из тех убитых, чтобы не дать неприятелю времени уйти. Сыновья же Помпея бежали. Старший из них Кней лишился вскоре жизни, и голова его была представлена Кесарю в Гипсале. Секст же, скрываясь, пережил своего врага и погиб впоследствии не без славы во время междоусобной войны, тревожившей римскую державу после смерти Кесаря.

По окончании этой войны Кесарь вступил опять торжественно в Рим, но триумф этот не был принят народом так благосклонно, как прежний его триумф. Распустив преторианские когорты, служившие ему телохранителями во время его походов, отвечал он друзьям своим, вызвавшимся его охранять, что он не имеет надобности в стражах и желает лучше единожды умереть, нежели беспрестанно бояться смерти. Всем противникам, изъятым из обнародованного им прощения, позволил он не только возвратиться, но и допустил занять прежние почетные места. Во все время его владычества никто не был гоним, и за исключением тех, которые пали в битвах, весьма немногие лишились жизни, и то только те, которые, невзирая на неоднократно оказанную им пощаду, не переставали посягать на его жизнь. Злопамятность и мщение, столь свойственные пошлым душам, были чужды сердцу Кесаря, и народ, восхищаясь его великодушием, чтобы достойным образом его почитать, постановил воздвигнуть храм Милосердию, в коем изображение этой богини стояло рука в руку с Кесарем. Писателей, а в особенности стихотворцев, осыпавших его ругательствами, он не только не преследовал, но оставлял их без внимания, исключая знаменитого Катутла⁸², который под названием Машуры бесщадно издевался над ним, за что он ему и отомстил, пригласив его к себе ужинать, после чего дружески отпустил, угостив великолепно. Изображения Суллы и Помпея, сброшенные народом, приказал он восстановить, и это подало повод многим думать, что он последует примеру первого, который, сложив с себя диктаторство, возвратил Риму прежнюю свободу. Доверчивость и простосердечие доходили у него иногда до слабости, и

этот великий человек, бравший своим гением верх над всеми своими современниками, будучи одарен удивительными способностями ума*, допускал иногда себя обманывать людьми весьма обыкновенными**.

Враги его в Сенате пользовались этим, чтобы делать его ненавистным народу, в котором дух республиканский еще не угас, потому что гордые потомки Фабрициев⁸⁵ и Корунканиев⁸⁶ еще существовали. Облекая его как жертву в почести до того небывалые и неслыханные, употребляли они самую грубую лезть и раболепство как орудие для его падения. Кесарь же в это время, опочив на своих лаврах, или, может быть, как истинный верователь в неизбежность судьбы, принимал равнодушно и как дело обыкновенное постановление Сената, объявившего его вечным Диктатором, отцом Отечества, Консулом на десять лет, лицом священным и неприкосновенным, все его постановления неизменными и провозгласившего его, наконец, Императором со сделанием этого титула наследственным в его семействе, приказав при том поставить его изображение во всех храмах, особенно же изображение в храме Квирина*** с надписью: «Богу непобедимому», и другое в Капитолии, а что весьма достопримечательно — рядом с изображением Юния Брута, обнажающего меч для освобождения Отечества от рабства****. Не довольствуясь всеми этими почестями и еще многими другими, не столь значительными, о коих скучно упоминать, дошел

* По свидетельству Плиния-старшего (His[toriae] Nat[uralis], lib[ri], VI, с. 25)⁸³ и Плутарха (Жизнь Кесаря, отд. 17-й), мог он в одно и то же время писать, читать, слушать и диктовать. Письма о делах важных диктовал он в одно время четырем писцам, иногда даже семерым.

** Сочинитель книги о войне Александрийской передал нам пример добродушия Кесаря в сцене истинно драматической при прощании его с царем Египетским Птолемеем⁸⁴ (см. означенной книги отд. 24), когда этот царственный юноша, едва вышедший из отроческих лет, вскормленный свнухом и обученный в коварстве холопами царедворцами; питая в душе ненависть к Кесарю, притворными слезами и уверениями в приверженности, хитро обманывая Кесаря, заставил его прослезиться.

*** Полагают, что под названием Квирина, божества, особенно покровительствовавшего Риму, жители этого города поклонялись Ромулу.

**** В Риме существовало постоянное предание, что вид этих изображений внушил М. Бруту⁸⁷ мысль последовать примеру знаменитого своего предшественника, освободившего Рим от рабства властителя.

он, наконец, до того, что дали ему название Юпитера Юлия, назначив к нему верховным жрецом Антония, некоторые даже предложили издать закон, разрешающий ему брать каких и сколько ему угодно жен, чтобы Рим мог осчастливиться от него потомством.

Невзирая на упоение счастья, временно ослепившего Кесаря, бдительный и деятельный ум его для пользы народа был всегда занят делами общественными. В это время издал он множество постановлений, из коих некоторые по причине неожиданной его кончины не были приведены в исполнение, другие же были окончены уже преемником его Августом⁸⁸. К числу последних принадлежит заведение в Риме богатых греческих и римских книгохранилищ под надзором ученейшего из Римлян М. Варрона; к неоконченным же осушение болот Помптинских, проведение значительных каналов и дорог чрез горы Аппенинские, также построение в Риме огромного театра и храма небывалого великолепия в честь Марсу.

Желая прославить себя во время мира делами, которые сохранились бы в потомстве, приказал он возобновить знаменитые города Карфагену и Коринф, до него около ста лет разоренные, которые так поднялись, что Солин, писатель, живший в третьем столетии, говоря о Карфагене, называет этот город вторым украшением земли после Рима.

Между тем помышлял он беспрестанно о походе против Парфян. Желая открыть новое поприще славолубию войска и вместе отомстить этому народу за поражение М. Красса и его легионов, приказал он шестнадцати легионам и десяти тысячам конницы перейти за Адриатическое море, откуда, смилив Даков (в Трансильвании и Молдавии), делающих беспрестанные набеги на Фракию и Понт, отправиться в поход против Парфян. Его намерение было, покорив этот народ, обойти чрез Гирканию Каспийское море и Кавказ и после завоевания Скифии (нынешней южной России) и части Германии возвратиться чрез Галлию по сю сторону гор в Италию. Судьбе не угодно было, чтобы он кончил великое это предприятие.

Ни славные дела Кесаря вместе с личными его качествами, стяжавшими ему любовь народа, ни бдительное попечение его о пользе и благоденствии своих сограждан не могли до того ослепить Римлян, привыкших с давних

времен к формам Республики и страстно любящих свободу, чтобы неудовольствие при виде похищенной власти не проявлялось иногда даже и явным образом. Некоторые из Трибунов*, одобренные тайно многими из мнимых приверженцев Кесаря, требовали громогласно восстановления прежнего образа правления, но требования их, как неуместные, были оставлены без внимания со стороны Кесаря, который в неудовольствии своем лишил их незаконно звания священного. Уверенный в своем счастье и неосторожный в своих поступках, не скрывал он желания возложить на себя титул царя, власть коего уже давно находилась в его руках; легкомыслие же его приверженцев, из коих М. Антоний во время празднества Луперкалии возложил на его главу диадему, другие же во время случившегося пиршества приветствовали его царем, ускорило развязку кровавой драмы. Кесарь, заметя в этом случае негодование народа, устранил от себя звание, столь ненавистное Римлянам со времен изгнания Тарквиния⁹⁰, но, невзирая на это, подозрения и опасения, день ото дня усиливаясь, возросли до того, что составилась заговор, главами коего были оба Брута и Кассий⁹¹ и в коем участвовали, кроме шестидесяти Сенаторов, еще многие из приближенных к Кесарю. Многочисленные собрания и совещания заговорщиков, без клятвенного обещания вполне исполнивших свое намерение, не скрылись от проницательного взора Кесаря, оказавшего в этом случае удивительную беспечность. Говоря, что он всегда готов умереть, потому что прожил уже достаточно как по числу лет, так и по славе, которую себе усвоил, не принял он никаких мер предосторожности, а объявил только, что ему известно, что делается, смеялся над зловещими предзнаменованиями и над Гаруспициями, которые его предостерегали, и сказал еще накануне рокового дня, который был последним его жизни, ужиная с друзьями, когда речь зашла, каким образом лучше умереть, что он желает умереть неожиданно. В следующий день ид марта⁹², день, который навсегда останется незабвенным в Истории, назначив заседание Сената, готов он был распустить собрание, подвигнутый слезами жены своей Кальпурнии⁹³, встревоженной страшным сновидением, но слова Д. Брута, сказавшего, что он оскорбит Сенат, распустив его без

* Цезепий, Флав и Эпидий Марул⁸⁹.

всякой причины, тогда как Собрание уже давно его ожидает, заставили его возвратиться к прежнему своему намерению. Выходя из дому, подал ему Артимидор, один из приближенных к Бруту, записку, сказав, чтобы он немедленно ее прочел, но в это же время многие, приблизившись к нему по делам и для изъявления своего почтения, помешали это исполнить, и он, держа записку в руке, вступил в собрание Сената. При вступлении его весь Сенат встал со своих мест, заговорщики же воспользовались этой минутой, чтобы его окружить. Из них Тулий Кимвр, приблизившись к нему, когда он уже занял свое место, схватил его обеими руками за тогу, чтобы этим подать условный знак соумышленникам, и Каска⁹⁴ был первый, ударивший его кинжалом. «Злодей Каска, что ты делаешь?» — воскликнул Кесарь, но в то же время, увидя со всех сторон сверкающие кинжалы, опрокинувшись на кресло, закрыл себе голову тогою и пал, испустив стон, под 23-мя ударами убийц, из коих большее число были им благодетельствованы. Д. же Брут даже почитался его сыном. Таким образом погиб Кесарь на 56-м году своей жизни жертвою вечной Немезиды, злобно стерегущей завистливым взором все дела и поступки человеческие, обрызгав свою кровию подножие изображения совместника своего великого Помпея.

Ужас и смятение заставили всех поспешно скрыться, и тело Кесаря, которое убийцы намеревались бросить в Тибр, осталось некоторое время распростертым, доколе три раба его, подняв и положив на носилки, не отнесли в его дом. Убийцы под предводительством Брута, тщетно силившегося остановить Сенат, обернув левую руку тогою и держа кверху окровавленные кинжалы, отправились на Форум, где и известили изумленной толпе, что царь и тиран более не существует, но, неуверенные в народе и опасаясь ревностного приверженца Кесаря М. Антония, который был в этом году Консулом, и начальника всадников Лепида, заняли они Капитолию, где и заперлись.

Минута эта была критическая, потому что две стороны, и обе сильные, стояли в готовности одна против другой, и малейшей искры достаточно было бы, чтобы возжечь кровопролитную и бесконечную междоусобную войну. Но старания Т. Цицерона, М. Планка⁹⁵ и других благомыслящих людей устранили на время раздор. Цице-

рон красноречием своим убедил, что должно помышлять не о мщении, но о спасении Отечества, и ему удалось, хотя наружно, сблизить обе стороны. Великий этот оратор, приведя в пример граждан Афин, которые после жестоких раздоров, едва не погубивших их Республику, спаслись примирением партий, обнародовав всепрощение, употребил тут в первый раз греческое выражение Амнестиа, вошедшее с тех пор в употребление для обозначения прощения, которое в политических тревожениях сторона, одерживающая верх, дарует своим противникам. Сенат, признав постановлением общепользным все, что было сделано Кесарем, воспретил дальнейшие исследования о насильственной его кончине, и обе стороны подали друг другу руку примирения. Таким образом, увещаниями Сената и умеренностью партий восстановились на некоторое время мир и тишина, которые едва было не нарушились в день сожжения бранных остатков⁹⁶ Кесаря на Марсовом поле. Антоний, говоря надгробное слово Кесарю, увлеченный чувством любви и приверженности к усопшему другу и благодетелю и негодованием к постигшей его участи, воспламенил мгновенно толпу, выставив ей на вид окровавленную тунику Кесаря. Многие, выхватив из пылающего погребального костра головы, устремились к домам Брута и Кассия, но были отбиты. Между тем редкое и, если взять в уважение чувство, одушевлявшее в это время народ, удивительное его благоразумие одержало верх, и эта выходка Консула не имела несчастных последствий. Сам он, спохватившись, обратился к Капитолию и сказал: «Я клялся за тебя отомстить, но из уважения к Сенату оставляю для блага общего мое мщение, прошу тебя, Юпитер, да послужит это для пользы Республики». Народ изъявил знаками непритворной печали приверженность к Кесарю. Ветераны, водимые им всегда к победе, бросали в пламень костра оружие свое, как вещь уже более для них ненужную, а вслед за ним заслуженные венки и другие военные свои почести; почетные же жены лучшие свои украшения. На месте сожжения воздвигнули столб с надписью: «Отцу Отечества». В особенности же достопримечательно, что ни один из его убийц не пережил трех лет после его смерти, и все они погибли насильственно.

Рассматривая тогдашнее положение Римской Республики, невозможно не сознаться, чтобы преждевременная

кончина Кесаря не была бы величайшим для него несчастьем, потому что при тех обстоятельствах только его всеобъемлющий ум и мощная десница могли бы ввести незыблемый порядок в дела общественные и дать новую жизнь политическому телу, носящему в себе со дня рождения своего зародыш смерти. Падение Римской Республики должно искать не во внешних и случайных второстепенных причинах, но в постоянном духе завоеваний, в насильственном соединении разнородных враждующих частей в одно целое, которое с ослаблением силы, его связывающей, должно было распасться*, в упадке нравов и военной дисциплины и в централизации власти в руках некоторых частных лиц, обладавших несметными богатствами, там, где все было продажно и где лихоимство уже не почиталось делом постыдным. Несчастные для Рима события, случившиеся вскоре после смерти Кесаря, вполне показали, что при всеобщем растлении нравов и при таком порядке вещей появление властителя в лице такого великого человека, как Кесарь, должно почтяться спасительным даже и в таком случае, если бы он не всегда удержал за собою власть. Рим должен был иметь если не Кесаря, так другого Властителя, потому что он сделался уже недостойным свободы; но весьма вероятно, что Кесарь, сделавшись законным Государем, умел бы уважить своих сограждан, сделавшихся его подданными, и оградил бы мудрым уставом права, а с ним вместе и благоденствие грядущих поколений. Не должно полагать, чтобы с введением императорского достоинства формы Республики перестали существовать в Риме, они оставались не только названием, но и в самой сущности все те же, как и в цветущие и славные времена Фабиев⁹⁸ и Сципионов⁹⁹. Одно изменение состояло только в том, что с упадком Комиций все власти разных сановников Республики, которые вверены разным лицам, сохраняли свободу. Будучи сосредоточены в лице Императора, дали ему власть, которая сделалась совершенно неограниченною, когда Тиберий к прочим своим титулам присоединил и звание народного Трибуна. Поздно было помышлять о восстановлении Республики, когда дух, который должен был ее

* Ce fut uniquement la grandeur de la republique qui fit le mal, et qui changea en querres civiles les tumultes populaires. Gr[andeur] d[es] Romains Montesquieu. Ch[apitze] IX⁹⁷.

оживлять, исчез; одни же названия и формы не могли воскресить свободы там, где первый любой Проконсул, успевший обольстить свои легионы, мог бы опять возобновить, но, вероятно, в худшем виде, родю Кесаря.

Если смотреть на Кесаря, блистательным умом и гибкостью характера подходившего более к Грекам, нежели к Римлянам, с нравственной точки зрения, то многие его поступки покажутся, конечно, предосудительными; но все эти слабости его должны исчезнуть, как пятна в солнце, при сравнении с великими качествами его души. Слабость его к женскому полу и расточительность заставляли его часто забывать приличие, тогда как в других отношениях он мог бы служить примером воздерж[ан]ности; но, невзирая на это, должно заметить, что удивительный этот человек, обладая мыслию и всегда деятельный, никогда не был и не мог быть рабом чувственности. Ежедневными упражнениями успел он укрепить до того слабое здоровье, что не только не страшился трудов, но они даже впоследствии сделались для него потребностью, и он уже никогда не жаловался на недуги, исключительно только что иногда был подвержен припадкам падучей болезни. При глубоких сведениях по многим отраслям знаний и будучи классическим писателем*, соединял он с пылким умом и увлекательным красноречием Мирабо¹⁰¹ военный гений Наполеона¹⁰², памятником коего оставил нам Записки о своих походах, писанные неподражаемым слогом, с искусством и легкостью, свойственными одному Кесарю. Образцовое это сочинение, в котором великие полководцы всех времен искали вдохновений, подобно поэтам, ищущим поныне его в Гомере, признано единственным в своем роде и важно не только в военном, но и в историческом и литературном отношении.

Невзирая на перемену, произведенную в военном искусстве изобретением пороха, стратегические правила Кесаря остались неизменными и в наши времена, потому что

* Кроме Записок о войне в Галлии и войне междоусобной, которые одни из всех его сочинений сохранились, написал он многие речи и в том числе два надгробных слова тетке своей Юлии¹⁰⁰ и жене Корнелии; также следующие книги: «Антикатор» полемического содержания против Катона, несколько книг об Аналогии. Собрание Апофем, Собрание разных изречений, Эфемериды, об Аветициях и о движении звезд.

способы и средства могут улучшаться и переменяться, но начала войны останутся те же. Суворов в двух словах «быстрота» и «натиск» довольно точно обозначил способ действовать Кесаря, но тайна его побед заключалась в нем самом и не может быть изучена, а может только быть постигнута или вдохновением, или умом, подобным Кесарю. Беспремерная быстрота соображения, единственный дар предугадывать замыслы неприятеля, редкое присутствие духа и удивительная изобретательность во внезапных и неожиданных случаях, умение привязать к себе войско*, его боготворившее, способность избытком своего Гения одушевлять подчиненных ему вождей на дела великие—вот соединение качеств, которые содействовали Кесарю Полководцем едва ли не единственным. Теперь же, если вспомнить, что этот человек, столь страшный на поле битвы, в ежедневном быту был прост и незлобив, как дитя; что, очаровывая всех своим умом и любезностью, он умел ценить дружбу и имел друзей себе достойных; что первое его удовольствие было благотворить и прощать обиды; что неограниченную власть свою он не употреблял во зло, господствуя прозорительно над другими; что многочисленные против него заговоры он довольствовался останавливать тем, что посылал сказать, что ему все известно**, и, наконец, что сам Тацит, которого, конечно, нельзя упрекнуть в потворствовании Властителем, издав летописи, писанные будто кровию при заре пожаров, в коих он имена неистовых тиранов, преемников Кесаря, навеки прибил к позорному столбу, самого Кесаря величает названием божественного***, то не только забудешь мгновенные его слабости, но и душа невольным образом наполнится любовию и благоговением к памяти великого человека. Изукрашенный святою добродетелию Катона, Кесарь стал бы, конечно, еще выше во мнении людей и в Истории, но все эти качества едва ли совместны в одном и том же лице, потому что таковое соединение всего луч-

* Войско называл он не иначе, как своими друзьями и товарищами.

** *Conjuraciones contra se deprehensas non praevenit, sed sibi notas ejse admonuit: I. Celsi. Commentarii de vita Caesaris*¹⁰³.

*** *Summus auctorum divus Julius. Tacit. Germ. 28*¹⁰⁴, т. е. Величайший из писателей божественный Юлий. — Очень замысловато порицает и вместе хвалит Кесаря Свифт во второй части Гулливерова путешествия. См. *Voyage to Laputa. Ch. VII*¹⁰⁵.

шего в мире было бы совершенство, а совершенство не дано в удел человечеству.

Прибавл[ение] к стр. XXXV [433]. Не должно полагать, чтобы Кесарь был первый, который, говоря к войску и желая его укорить, назвал бы воинов гражданами, что было непривычно и смешно. Уже в давние времена название гражданина почиталось обидным для римского воина, что и довольно странно, если вспомнить, что римское войско состояло все из граждан. Тит Ливий в кн. XLV, отд. 37 упоминает также об этом в речи, в коей М. Сервилий¹⁰⁶ прямо говорит: *nes quirites vos sed milites videor appellaturas si nomen hoc saltem ruborem incutere... possit*¹⁰⁷. См. прим[еч]. Дракенборха¹⁰⁸ в кн. I, отд. 13 Тита Ливия; также кн. I, отд. 42 Летопис[ей] Тацита¹⁰⁹ и прим[еч]. Удендорпа¹¹⁰ к Лукану, кн. V, ст. 358. Вероятно, что мнение, будто название гражданина унижает воина, основывалось на каких-нибудь повериях и религиозных обрядах, нам не известных.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предуведомление

При издании второй этой части перевода Записок Кесаря считаем мы непременно сказать несколько слов о дополнительных книгах, заключающих в себе описание войны Александрийской, Африканской и Испанской. Книги эти, по свидетельству Светония, жившего сто с лишком лет после Кесаря, были уже и ему известны, но в то время не знали имени их автора. По разным догадкам и предположениям приписывали их то А. Гиртию¹, сочинителю 8-й кн. о войне в Галлии, то Оппию, то Бальбу и, наконец, Юлию Цельсу, но, невзирая на все разыскания критики, вопрос этот не мог быть решен удовлетворительным образом. Ученые комментаторы и издатели Кесаря никак не могли согласиться в своих мнениях, что, конечно, весьма трудно, когда дело идет о разрешении вопроса, для коего нет данных и где обширное поле предположениям и догадкам всякому, имеющему достаточные сведения, открыто.

Во всех изданиях Кесаря помещено имя только одного Гиртия как сочинителя в заглавии каждой из этих книг, тогда как по странному противоречию на общем заглавном листе выставляется всегда заглавие Записки Кесаря

с дополнениями А. Гиртия и других (*alioquinque*). Французские издатели Ашентр и Лемер, кажется, были первые, отступившие от этого, сначала вкравшегося, потом же за давностию времени утвердившегося обыкновения. Следуя ученому критику Генриху Додвеллю, достоверно доказавшему, что за исключением 8-й кн. о войне в Галлии остальные дополнительные три книги не могут быть произведением пера А. Гиртия, признали они имя их сочинителя неизвестным и удержали имя А. Гиртия только в заглавии 8-й кн. о войне в Галлии.

Ссылаясь на Светония, можно только об этой одной книге утвердительно сказать, что она написана А. Гиртием, ибо Светоний, упоминая о ней, приводит несколько слов, о коих говорит, что они заимствованы у А. Гиртия, и которые мы действительно находим в дошедшем до нас предисловии этой книги к Бальбу, другу и гостеприятелю Кесаря. Слог этой книги и изложение событий, подражая весьма удачно рассказу Кесаря, показывает человека образованного и опытного в военном деле, некоторые же выражения заставляют догадываться, что писатель вместе с этим был и в близких отношениях с Кесарем, все случайные обстоятельства, которые мы встречаем в А. Гиртии, который был человек значительный и впоследствии, будучи Консулом, не без славы сам предводительствовал легионами. Но эти самые обстоятельства, подтверждающие мнение, что А. Гиртий действительно автор этой книги, в той же мере противоречат тому, что он был сочинителем и остальных дополнительных книг, и могут служить доводом противному. Книги о войне Александрийской и Африканской, хотя и писанные, за исключением некоторых мест, довольно хорошим слогом, так далеко отстали, не говоря уже об автографических книгах Кесаря, от книги А. Гиртия, что уже по этому одному весьма было бы несправедливо ему их приписывать. Многие слова и изречения, которые в них встречаются, заставляют думать, что книги, которые под этим названием числятся, не те, о коих говорит Светоний, но что они произведение позднейшего времени. Во многих местах обнаруживается в них такое незнание военного дела*, что о сочинителе не иначе можно заключить, как о человеке,

* Напр[имер], Войн[а] Александр[ийская], отд. 16-й где предприятие Кесаря без умысла выставлено сумасбродным.

вовсе чуждом военному ремеслу. Некоторые события в них искажены*, тогда как они упоминают о других, которые едва могли случиться в то время, когда жил А. Гиртий**, так что, уже говоря о нелепостях, которые обозначены в примечаниях к этому переводу и которые мы принимаем за вставки переписчиков, невозможно подумать, чтобы эти книги были самобытное произведение времен Кесаря. То же самое можно сказать и о книге о войне Испанской, сохранившей в некоторых местах следы лучшего времени и вкуса***. Книга эта набросана наскоро в виде дневника, вероятно, чтобы служить потом основанием правильному рассказу. О неуместных вставках переписчиков и недостатках, соделывающих ее в некоторых местах и непонятною, говорим мы в примечаниях; о странном же затруднении, в коем часто находился переводчик этих книг, упомянули мы в примечании 149-м ко второй этой части.

Остается только прибавить, что всякий знающий Латинский язык может сам в этом убедиться, заглянув в означенные места подлинника или же прочитав, напр[имер], в книге о войне Африканской, отд. 17—19, описание битвы под Руспиною.

Невзирая на все эти недостатки, книги эти немало важны для нас в историческом отношении, как сохранившие многие события, которые иначе бы до нас не дошли. Должно к тому еще заметить, что они все написаны в духе Кесаря. Везде является в них та же умеренность, та же любовь справедливости и знание водворения порядка и уважение законов. Нигде не выставлены действия Кесаря в свете, могущем бросить невыгодный оттенок на его славу, и везде указывают на него с выгодной точки зрения, так что весьма достоверно можно заключить, что эти книги если и не произведение пера А. Гиртия, то, по крайней мере, довольно верно передают нам события, почерпнутые из утраченных для нас сочинений, писанных или самим Кесарем или людьми, ему близкими.

* Напр[имер], Войн[а] Африк[анская], отд. 89. Прощение, дарованное Кесарем Лигарию², которое он получил не тут, но впоследствии по ходатайству Цицерона.

** Война Африк[анская], отд. 4, значение, приданное званию Императора, которое оно получило уже впоследствии.

*** Напр[имер], в отд. 15—17.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАВЛА I¹

Краткое царствование Петра III внесется в летописи нашей истории самым замечательным образом.

Две женщины: Екатерина II и Екатерина Воронцова-Дашкова² с двумя Орловыми³ и несколькими другими замыслили свергнуть с трона Петра Федоровича, и [это] им удалось без малейшего кровопролития, чем этот *coup d'etat** и отличается от всех прочих, произведенных когда-нибудь во дворцах, теремах и на площадях; однако ж [это] не мешало Петру III после своего отречения, как известно, на восьмой день умереть. Перевезенный в Ропшу в закрытой наглухо карете с гренадерами на подножках, запятках и козлах, он был задушен Орловыми! Кровь все-таки не была пролита! Полуграмотный Алексей Орлов пишет записку Екатерине: «Матушка, пощади и помилуй, дурак наш вздумал драться — мы его порешили».

Петр III был самое жалкое немецкое существо и самое жалкое существо, какое когда-либо [сидело] на Российском престоле. Без малейшего современного образования, без воспитания, пьяница, без всякой энергии, слабоумный, императором, как и великим князем, [он] только играл в солдатики, прогонял сквозь строй крыс, их вешал, наперед осудив военным судом с соблюдением всех правил казни, оставляя висеть их трое суток.

Императором стоял на часах у дверей Прусского посланника во изъявление своего глубокого уважения к Прусскому королю *Фридриху Великому*⁴, которого, впрочем, предостережения не спасли его. Ненавидел и унижал беспрестанно жену свою и иногда за большим столом, среди своих голштинцев, ругал ее дурую, — он в то же время продолжал любить девицу, фрейлину графиню Елизавету Воронцову (которая после в замужестве была за Полянским)⁵, родную сестру Екатерине Воронцовой-Дашковой.

Еще при царствовании Елизаветы, будучи великой княгиней, Екатерины супружеское ложе посещалось не милым другом, и горько об этом она плакала, — и Елизавета, заставшая раз ее в слезах, заметила Екатерине, что молодые женщины, не любящие мужей, всегда об этом

* государственный переворот (франц.).

плачут. А надобно было непременно иметь наследника престола. Русские царедворцы и министры того времени не могли, как и теперь, существовать без повелителей. Министр, великий канцлер граф Бестужев⁶, чрез преданную статс-даму Чоглокову⁷, приставленную с мужем своим к великой княгине, как и к великому князю, один из первых советовал Екатерине взять к себе в любовники кого-нибудь, чтобы иметь наследника. Бестужев и подобные ему не видали другого блага для России, как в самодержавии, а

«Самодержавие повсюду бед содетель!»

— стих Якова Княжнина⁸ в его напечатанной трагедии *Вадим Новгородской*, за которую он в царствование Екатерины II в 1791 году был посажен в Петропавловскую крепость и засечен до смерти в Тайной Канцелярии страшным того времени Санкт-Петербургским полицмейстером Шешковским⁹. Дашкова в своих Записках¹⁰, кады беспрестанно во всем Екатерине II, об этом нисколько не упоминает, как и множестве происшествий этого рода.

Екатерине понравился прекрасный собою, молодой Сергей Салтыков¹¹, от которого [она] и родила мертвого ребенка, замененного в тот же день родившимся в деревне Котлах, недалеко от Ораниенбаума, чухонским ребенком, названным Павлом, за что все семейство этого ребенка, сам пастор с семейством и несколько крестьян, всего около 20 душ, из этой деревни на другой же день сосланы были в Камчатку. Ради тайны деревня Котлы была снесена, и вскоре соха запахла самое жилье! В наше время это делать почти невозможно; но не надо забывать, что это было во время «Слова и дела» и ужасной пытки; а между тем сосед этой деревни Котлы, Карл Тизенгаузен¹², тогда еще быв юношей, передал об этом происшествии сыну своему, сосланному в Сибирь по 14 декабря, Василию Карловичу Тизенгаузену¹³.

Екатерина в своих Записках¹⁴ намекает, что она родила Павла от Салтыкова. Это очень легко может быть; но в то же время этого ребенка, она говорит, родила в ужасных муках, и что она не сомневалась его выкинуть. В это же самое время она находилась под влиянием сильной ипохондрии, готовая плакать всякую минуту и по всякому случаю, не могши, как она сама говорит, выгнать из головы мысль, что все клонилось к удалению

Сергея Салтыкова, которого она уже так нежно любила. Муки ее продолжались 22 часа,—и сама императрица Елизавета, находившаяся при родах, тотчас велела взять ребенка и нести его за собой. Кто может ручаться, что спеленанный младенец, уже нареченный духовником императрицы Павлом, был не мертвый ребенок, и особенно в спальне великой княгини, занавешенной занавесками. Екатерина весь этот эпизод рассказывает, чтоб ей непременно поверили, что она родила живого ребенка, о крике которого она совершенно умолчала, а крик-то и составляет радость матери,—и что значит поведение с Екатериною после родов: мучившись столько времени, все ее тотчас оставили... Приставленная к ней камер-фрау Владиславлева¹⁵ всю ее вспотевшую не смела ей переменить белья; Екатерина просила пить—ей не давали, просила переложить с родильной постели на ее постель—тоже не смели сделать; несколько раз приказывала позвать повивальную бабушку—и та к ней не являлась. Наконец после трех часов явилась графиня Шувалова¹⁶, вся разряженная, вскрикнув, что в таком положении, как оставлена великая княгиня, можно уморить, и что только по уходу графини Шуваловой через полчаса явилась бабушка, извинявшаяся, что императрица была очень занята ребенком и не отпускала ее от себя ни на минуту. Екатерина продолжает в своих Записках, что заливалась слезами с той самой минуты, как родила. Ее особенно огорчало то, что ее совершенно бросили. После тяжелых и болезненных усилий она оставалась решительно без призора, между дверьми и окнами, плохо в спальне затворявшимися, и в какое время: 20-го сентября! Постель ее была в двух шагах, и, не имея силы перейти, никто не смел перенести ее. О ней вовсе не думали: она умирает от жажды, и никто не слышит ее и, как сама пишет, что в этот день она родила по уходе императрицы, великого князя, графа¹⁷ и графини Шуваловых; она никого более не видала, и никто не присылал наведываться об ее здоровье; даже и во второй день, когда почувствовала нестерпимый ревматизм в ноге и сильную лихорадку, никто не приходил к ней и никто не присылал спросить, что было с нею.

Что же все это доказывает? Что при искусственном воспроизведении наследника Русскому престолу Екатерине не удалось родить живого мальчика от Салтыкова и,

как видно, что должны были подменить из чухонской деревни Котлов, за что пустая и злая императрица Елизавета, сокрывшая свою досаду, обнаружила ее тем, что после родов Екатерины, оставленная без всякого призора, она могла бы умереть, если бы не крепкий организм Екатерины, все вынесший, как мы видели из самого описания ее. Итак, не только Павел произошел не от Голштинской династии¹⁸, но даже и не от Салтыкова. К Екатерине только через 40 дней, когда ей должно было брать очистительную молитву, Елизавета пришла к ней и застала ее истощенную, истомленную и слабую. Елизавета даже позволила ей сидеть на кровати. С 20-го сентября Екатерине позволено было видеть своего сына в третий раз. Это может служить доказательством, что прочим было не позволено совсем видеть. Надобно было прятать его, как чухонца.

Из семейства, из которого взяли будущего наследника Русского престола, в северо-восточной Сибири впоследствии явился брат Павла I, по имени Афанасий Петрович¹⁹, в 1823 и 1824 годах, в народе прозванный Павлом,— по разительному с ним сходству. Он вел под старость бродяжническую жизнь, и в городе Красноярске один мещанин Старцов²⁰ был очень с ним дружен, и Афанасий Петрович крестил у него детей. Как-то раз Старцов написал безыменное письмо к покойному цесаревичу Константину Павловичу, где уведомляет о его родном дяде — бродяге Афанасье Петровиче, его шатадельской жизни, о необыкновенном его сходстве с покойным императором Павлом I и, наконец, всю историю ссылки их семейства. Цесаревич Константин передал письмо императору Александру, а тот графу Аракчееву²¹, который тотчас же посылает императорское повеление в Сибирь к генерал-губернатору Капцевичу²² — наистрожайшее приказание непременно отыскать по этому письму как писавшего, так и Афанасия Петровича. Капцевич вытребовал из Тобольска расторопного полицмейстера Александра Гавриловича Алексеевского, который берет с собою квартального из козаков г. Пасежержцова²³ и еще двух простых козаков и отправляется отыскивать по Восточной Сибири, в которой народ не очень охотно пособляет отыскивать кого-либо скоро, особливо политических несчастных...

Бедный полицмейстер Алексеевский не спит ночи, все его мысли сосредоточены, как бы отыскать и получить

награду. Ездил из города в город, из села в село, из деревни в деревню — и все без успеха. Тоска овладела им, начал видимо худеть. Наконец, доехавши до Иркутска, где совершенно потерял след Афанасия Петровича, обратился назад и остановился в г. Красноярске, где ночевавши, в одну из бессонных ночей, в зимнюю долгую ночь, очень рано встав, видит, что хозяйка дома затопила печь; просит ее поставить самовар и вступает с нею в разговор и между разговором спрашивает, нет ли у ней кого в городе знакомого, хорошо и четко пишущего: ему надобно писарь в Комиссию по заготовлению провианта. В это самое время гатчинский генерал-губернатор *Капцевич*, в видах экономии, вздумал продовольствовать войска в Сибири чрез исправников и своих адъютантов, закупавших хлеб из первых рук у самых жителей, что давало случай им безнаказанно делать всякие злоупотребления, покупавши по баснословно дешевой цене, почти даром! Это довело крестьян в Сибири до того, что им нечем было платить государству подати. У крестьянина на подати продавали последнюю корову. Ропот был страшной. Во многих местах было волнение. *Капцевича*, как неспособного человека, сменили, при самом восшествии на престол Николая! Полицмейстер *Алексеевский* мог отвести всякое подозрение тем, что отыскивал себе писаря в Комиссию по заготовлению провианта, за которым беспрестанно ездили исправники и адъютанты.

Хозяйка *Алексеевского* отвечает:

— Как же, батюшка, у нас здесь есть мещанин, который очень хорошо пишет: но вряд ли он пойдет. У него есть дом.

— Матушка, пожалуйста, пошли за ним.

А у самого полицмейстера тут же родилось какое-то радостное предчувствие, что, может быть, этот и есть мещанин, писавший письмо. Приходит мещанин, крестится иконе, кланяется полицмейстеру, спрашивает его:

— Что вам, батюшка, угодно?

— Мне, братец, необходим писарь в Комиссию по заготовлению провианта: не хотите ли кто мне в писаря?

— Куда мне, батюшка, не могу, не в состоянии: не с кем покинуть дом.

— Но, пожалуйста, так покажите, как вы пишете.

Мещанин взял бумагу и начал писать. Полицмейстер *Алексеевский* хвалит письмо и скрывает радость, что ви-

дит сходство руки с письмом, у него имеющимся. Просит продолжать писать, продолжая спрашивать:

— Вы всегда одним этим почерком пишете?

— Всегда-с.

— А это?— вынимая письмо из бокового кармана:— это вашею рукою писано?

Мещанин побледнел и упал на колени. «Не губите, ваше высокоблагородие!»

— Как ваша фамилия?

— *Старцов*.

— Я теперь тебя не отпущу. Пошли домой за шубой, дорожной шапкой, за теплыми сапогами. Мы вместе поедем отыскивать Афанасья Петровича.

— Да был он у меня с две недели тому назад.

Поехали искать Афанасья Петровича по следам, и бог знает, сколько времени проискали бы, потому что жители неохотно отвечали на расспросы. Наконец в одной большой деревне измученный полицмейстер со своими людьми и мещанином *Старцовым* приехал к одной хорошо выстроенной большой избе переночевать, а *Старцов* полез греться на полати, как вдруг входит сам Афанасий Петрович, которому с полатей кричит мещанин *Старцов*:

— Здравствуй, Афанасий Петрович, старый мой знакомец!

При неописанной радости тобольского полицмейстера *Алексеевского*, который сначала от душевного волнения не мог слова проговорить. Опамятовавшись от радости, тотчас же обращается к Афанасью Петровичу и спрашивает его утвердительно, что точно ли его зовут Афанасьем Петровичем. Впрочем, по разительному сходству с императором Павлом I, не позволил полицмейстер и минуты сомневаться.

— Точно, батюшка, меня зовут Афанасьем Петровичем, и вот мой хороший приятель — мещанин *Старцов*.

— Ну так я вас арестую и повезу в Петербург.

— Что нужды, батюшка, вези к ним. Я им дядя — только к Косте, а не к Саше²⁴.

Полицмейстер *Алексеевский* в ту же минуту понесся в Петербург. Выезжая из Томска, полицмейстер *Алексеевский* встретил фельдгегера *Сигизмунда*, ехавшего из Петербурга по высочайшему повелению узнать об успехе разыскания. Через несколько лет потом, когда *Алексеевский* рассказывал о *Старцове* и об Афанасье Петровиче

одному из декабристов фон *Бриггену*, нечаянно вошел к нему сам фельдъегерь *Сигизмунд*, привезший в *Тобольск* какого-то поляка и подтвердивший все рассказываемое *Алексеевским*, и между прочим оба разом вспомнили, что они в *Петербург* неслись, как птица.

Наконец, полицмейстер *Алексеевский* прискакал в *Петербург* к графу Алексею Андреевичу *Аракчееву*, который с важной претензией на звание государственного человека, с гнусливым выговором проговорил входившему полицмейстеру: «Спасибо, братец, спасибо, и тотчас же поезжай в *Ямскую*, там тебе назначена квартира, из которой не смей отлучаться до моего востребования, и чтоб тебя никто не видел и не слышал — смотри, ни гу-гу!».

Полторы сутки прождал зов *Аракчеева Алексеевский*, как вдруг прискакивает за ним фельдъегерь. *Аракчеев* вынес ему *Анну* на шею, объявил следующий чин и от императрицы *Марии Федоровны*²⁵ передал пять тысяч рублей ассигнациями.

«Сейчас выезжай из *Петербурга* в *Тобольск*. Повторяю, смотри, ни гу-гу!»

Мещанин *Старцов* и *Афанасий Петрович*, как водится, были посажены в *Петропавловскую* крепость. Помнят многие и особенно член Государственного совета действительный тайный советник *Ланской*²⁶, рассказывавший своему племяннику князю *Александру Ивановичу Одоевскому*, что по ночам к императору *Александру* в это время из крепости привозили какого-то старика и потом всегда опять отвозили в крепость.

Мещанин *Старцов*, просидевший семь месяцев в *Петропавловской* крепости, возвращался чрез *Тобольск* в свой город *Красноярск* худой, бледный, изнеможенный; виделся в *Тобольске* с полицмейстером *А. Г. Алексеевским*, но ничего не говорил, что с ним было в крепости, в которой, конечно в назидание и в предостережение на будущий раз не писать подобных писем к августейшим особам *чухонского* поколения, навели на него страх, от которого он опомниться не мог, не смея раскрыть рта; а *Алексеевскому*, как он сам признавался, очень хотелось знать все подробности его пребывания в крепости.

Состарившийся придворный *Свистунов*²⁷ знал об рождении *Павла I* и за это был *Павлом* ласкаем и одарен большим имением; но за какую-то свою нескромность об

этом, пересказанную Павлу, приказано *Свистунову* Павлом жить в своих деревнях и не сметь оттуда выезжать.

Вот почему император Павел I был злой,— он был чухонец, а известно — эта раса весьма зла! Вот почему он придирался ко всему, в чем сколько-нибудь личное его мелкое самолюбие могло быть чем-нибудь затронуто; он приходил в бешенство, он думал при том, что все знают его чухонское рождение; а между тем рождение его не могло быть совсем скрыто от приближенных *Екатерины II*; почему теперь и объясняется деланное великому князю Павлу Петровичу неуважение *Потемкиным-Таврическим*²⁸, который во дворце при проходе его, в амбразуре окна, положи ноги на против стоящее кресло, не только не вставал, но и не отнимал их, что необыкновенно бесило Павла.

Мелкая душа Павла I и кропотливое самолюбие его без истинного чувства собственного достоинства делали его извергом. При проезде в Москву на коронацию, остановившись на ночлег в какой-то деревне, позвав к себе этой деревни старого раскольника, вошедшего к нему в шапке, приказал за это заковать в железы и сослать в Сибирь в каторжную работу, а деревню сжечь!!!

За написанные стихи на *Исаакиевский собор*, что

Сей храм двум царствиям приличный:
Низ мраморный, а верх кирпичный,

Павел приказал отрезать язык; а впоследствии времени оказалось, что не тот написал стихи, кому отрезали язык!!!

Теперь очень ясно видно, что это мог делать человек чухонской крови.

Найденное графом [А. Ф.] *Ростопчиным* в своей подмосковской деревне письмо Павла к его отцу²⁹, известному в 1812 году *Герострату*³⁰ Москвы, в котором Павел пишет, что не признает детей своими; некоторых, правда, мог, но не всех! Покойник император *Николай* был от гоф-фурьера *Бабкина*³¹, чрезвычайно на него похожего. Говорят, что даже Павлом приготовлен был манифест, в котором он хотел объявить *Николая незаконным*, но предательством одного из его гатчинских фаворитов он оставил; королева Голландская *Анна Павловна*³² родилась также от статс-секретаря *Муханова*³³; зато все прочие от него. Не следовало бы Павлу сваливать все на свою Марию Федоровну,—и ей хотелось любить, в то время

как он сам любил фрейлину княжну *Лопухину*³⁴, которой отец³⁵ за эту любовь получил светлость, почему и были на этот случай сочинены стихи:

От света светлость происходит,
А эту светлость производит
Такая тела часть,
Куда и свет не входит.

Этим открытием рождения Павла от чухонца также объясняется глубокая меланхолия, в которую впал в последние два года своей жизни император Александр.

Можно себе представить, как тягостно должно было быть для него то чувство, что он разыгрывает роль обманщика пред целой Россией, а к тому же опасение, что это очень легко может открыться, потому что ничего нет тайного, что б не сделалось явным...

В 1846 году кто-то, слушая историю чухны Афанасья Петровича, назвал императора Николая *Карлом Ивановичем*. Да к тому же в этот год в Гатчине Николай играл на театре роль булочника Карла Ивановича. И вот: «Карл Иванович», «Карл Иванович» разнеслось по России... Даже распустили слух, что чухонка, бабка Николая, живет в Петербурге в Галерной улице... Николай бесился и велел отыскать назвавшего его Карлом Ивановичем. Николай хорошо знал, на что намекали.

КОММЕНТАРИЙ

ПИСЬМА

1. Я. А. Дружинину

ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 122, л. 1—2

¹ Письмо хранится в архиве П. В. Анненкова как письмо к неизвестному. По содержанию письма, анализу ранних связей А. Ф. Бригена можно предположить, что оно адресовано Я. А. Дружинину (1771—1849), директору канцелярии министра финансов Д. А. Гурьева (также упомянутого в этом письме), а затем и Е. Ф. Канкрин (до 1830 г.). С мая 1812 г. входил также в Особый совет при комиссии составления законов, действовавших до 1821 г., пока М. М. Сперанский был в ссылке, управлял советом вместе с Г. А. Розенкампом (также упомянутым в этом письме) и Н. И. Тургеневым.

Я. А. Дружинин был близок с Г. Р. Державиным не только по службе при личных кабинетах Екатерины II и Павла I (1788—1800), но и по литературным интересам. Отсюда, надо полагать, и знакомство с ним и его коллегами Д. А. Гурьевым и Г. А. Розенкампом А. Ф. Бригена в юношеские годы.

² Толстой Николай Александрович — гофмаршал Александра I.
³ Лагерь, т. е. Дрисский лагерь, I армия покинула 4 июля 1812 г., а Александр I с главной квартирой, при которой в это время А. Ф. Бриген состоял офицером связи от Измайловского полка, — на сутки раньше («Барклай <...> распорядился, чтобы императорская главная квартира всегда находилась на один переход впереди армии». — Клаузевиц. 1812 год. М., 1937, с. 53).

⁴ Багратион Петр Иванович (1765—1812), герой Отечественной войны 1812 г., командующий II армией, смертельно ранен в Бородинском сражении.

⁵ Платов Матвей Иванович (1751—1818), атаман Донского казачества, ген. от кавалерии, герой Отечественной войны 1812 г., командовал в 1812—1814 гг. казачьими полками русской армии. Во время отступления II армии Багратиона в июне-июле 1812 г. для соединения с I армией М. И. Платов должен был прикрывать ее отход отвлекающими ударами. Таких успешных сражений было пять: 21 июня при селении Закревчине, 22 июня при селе Гудиенты, 26 июня при селении Кареличи, 27 июня и 2 июля крупные по-

беды были одержаны при местечках Мир и Романове (Донские казаки в 1812 г. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1954, с. 70, 71, 89, 95, 114).

⁶ *Витгенштейн Петр Христианович* (1768—1842), фельдмаршал русской армии (с 1826 г.). В первый период Отечественной войны 1812 г. командовал I отдельным корпусом, прикрывавшим Петербург.

⁷ *Лавров Николай Иванович*, ген.-лейтенант, был начальником штаба I армии до 21 июня 1812 г., с 23 июня командовал гвардейской пехотной дивизией, в Бородинском сражении командующий 5-м корпусом.

⁸ *Пауллуччи Филипп Осипович* (1779—1849), маркиз, итальянец, на русскую службу перешел в 1807 г. из французской армии, был начальником I армии 10 дней (с 21 июня по 1 июля 1812 г.), затем курляндский ген.-губернатор, рижский военный губернатор, в 1821—1825 гг. ген.-губернатор Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, в 1829 г. вернулся в Италию, был главным инспектором войск и государственным министром Сардинского королевства.

⁹ *Ермолов Алексей Петрович* (1777—1861), русский военный и государственный деятель, с 1808 г. ген.-майор, с 1817 г. ген. от артиллерии, с 1 июля 1812 г. начальник штаба I армии, после объединения I и II армий начальник штаба соединенной армии; во время Отечественной войны командовал ответственными участками, в кампаниях 1813—1814 гг. начальник артиллерии, командир гвардейской дивизии, командир корпуса, отличился во всех крупных сражениях.

¹⁰ *Кикин Петр Андреевич* (1775—1834), офицер Семеновского полка, в 1812 г. дежурный генерал I Западной армии, ген.-майор, флигель-адъютант, впоследствии статс-секретарь, сенатор.

¹¹ *Ставраков Семен Христофорович* (1764—1819), сподвижник Суворова и Кутузова, в 1812 г. комендант главной квартиры I Западной армии и дежурный генерал штаба I армии. Во время войны произведен в ген.-майоры, после войны ген.-вагенмейстер Главного штаба.

¹² Речь идет о шведском дипломате Карле Лёвенгельме, который 28 марта (9 апр.) 1812 г. заключил Петербургский русско-шведский договор, в июне 1812 г. находился в Вильно, где на Главной квартире вел переговоры с Александром I о дополнительном договоре, так называемой Виленской конвенции, которая была подписана 3 (15) июня 1812 г. Дальнейшее его пребывание при Главной квартире было связано с поручением от шведского правительства склонить Александра I к заключению союза с Англией (Рогинский В. В. Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978, с. 87, 96, 112—114), о чем говорит и намек в письме А. Ф. Бригена о присутствии Джона Боуннга (лорда Страффордского). Оба иностранца были в дальнейшем награждены русскими орденами: К. Лёвенгельм 14 авг. 1812 г. орденом Анны I степени, Д. Боуннг в авг. 1815 г. орденом Владимира II степени (Список кавалерам российских императорских и царских орденов. СПб., 1850, т. 1, с. 68, 157).

Упоминаемый «гишпанец», — вероятно, Франциско Зей-Бермудес, подписавший 8 (20) июля в Великих Луках испано-русский договор о совместной борьбе с Наполеоном (Рогинский В. В. Указ. соч., с. 146). *Ф. Зей-Бермудес* (1772—1850) был в 1812 г. испанским поверенным в России, в дальнейшем послом в Константино-

поле, Дрездене, возглавлял правительство во время болезни и некоторое время после смерти испанского короля Фердинанда VII (1784—1833, король в 1808, 1814—1833 гг.).

¹³ 20-летний подпоручик А. Ф. Бриген не мог знать, что Дрисский лагерь был порочен в своей основе.

¹⁴ *Мюрат Иохим* (1767—1815), маршал Франции (с 1804 г.), король Неаполитанский (с 1808 г.). В 1812 г. во время вторжения наполеоновских войск в Россию командовал кавалерийским корпусом, потерпел окончательное поражение под Тарутиным 6 (18) окт. 1812 г. После бегства Наполеона из России командовал остатками разбитой французской армии.

¹⁵ *Г. А. Розенкампф* (1764—1832), в 1808—1812 гг. сотрудник М. М. Сперанского в комиссии составления законов, заведующий отделением свода гражданских законов, после ссылки Сперанского вошел в Особый совет из трех человек (Я. А. Дружинин, Н. И. Тургенев), коллегиально руководимый комиссией. Работал над проектами гражданского уголовного уложения, над уставами — торговым, судопроизводства, рекрутским, о государственной службе. В 1820 г. представил разработанный совместно с Н. И. Тургеневым проект о пресечении закона продажи крестьян без земли; почетный член общества истории и древностей при Московском университете, автор исторического труда «Обозрение Кормчей книги» (М., 1829).

¹⁶ *Д. А. Гурьев* (1751—1825), русский государственный деятель, с 1802 г. товарищ министра, в 1810—1823 гг. министр финансов и одновременно (1806—1825) министр департамента уделов.

2. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 21, л. 33—34 об.

¹ *Михайловский-Данилевский Александр Иванович* (1790—1848), русский военный историк, получил образование в Петровской школе, где учился и А. Ф. Бриген, затем в Геттингенском университете в одно время с Н. И. Тургеневым. В 1811 г. вернулся в Россию, служил в Министерстве финансов, в 1812 г. вступил в Петербургское ополчение, был адъютантом М. И. Кутузова, в походах 1813—1814 гг. состоял при начальнике штаба П. М. Волконском. Во второй половине 1814 и первой половине 1815 гг. во время Венского конгресса находился при Александре I. В первой половине 1816 г., получив должность в Генеральном штабе, начал писать историю Отечественной войны 1812 г. С начала авг. до середины окт. 1816 г. сопровождал в качестве флигель-адъютанта Александра I в поездке по Западу России. Письма А. Ф. Бригена к А. И. Михайловскому-Данилевскому датируются 1815—1816 гг. Часть писем, относящихся к первой половине 1816 г., представляет в основном короткие записки, доставляемые ему через посыльного.

² Год устанавливается по содержанию — по времени высадки Наполеона во Франции. Дата «27 марта» проставлена после подписи.

³ Имеется в виду брат по масонской ложе.

⁴ Высадка Наполеона во Франции произошла 1 марта 1815 г.

⁵ Т. е. братья по масонской ложе «Peter zur Wahrheit».

⁶ *Элизен Георгиев Генрихович* (1756—1830), врач Обуховской больницы в Петербурге, член Медицинской коллегии, бессменно ру-

ководил масонской ложей «Peter zur Warheit» (1812—1822).

⁷ Штерн — неустановленное лицо, возможно, речь идет о члене масонской ложи оберквартирмейстере Гвардейского корпуса полковнике Манденштерне (Рус. старина, 1907, № 7, с. 199).

⁸ В Париж Наполеон вступил 20 марта 1815 г.

⁹ А. Ф. Бриген намекает на то, что переговоры на Венском конгрессе происходили в обстановке постоянных празднеств, балов и развлечений, поэтому его и называли «танцующим конгрессом». Об этом же см. письмо 134.

3. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 48, л. 68,

¹ Дата устанавливается по времени, когда А. И. Михайловский-Данилевский находился в Петербурге. Эту записку и последующие записки и письма (№ 4—18) А. Ф. Бриген посылал адресату через посыльного, что не требовало их датировки. За исключением писем 6, 15—18, установить дату более точно не представилось возможным. Последовательность недатированных писем устанавливается по их содержанию.

² Симанский Лука Александрович (1791—1828), сослуживец А. Ф. Бригена по Измайловскому полку, участник войн 1812—1814 гг., с мая 1816 г. капитан, в 1817 г. произведен в полковники, с марта 1825 г. командир Измайловского полка. 14 дек. 1825 г. привел свой полк к Николаю и на следующий день получил от него звание флигель-адъютанта, в 1826 г. произведен в ген.-майоры и назначен командовать 3-й бригадой 10-й пехотной дивизии (Симанский П. Н. Из архива Измайлова. — Журнал императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1911, кн. 3, с. 7—8).

4. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 55, л. 76

¹ Соломка (друзья в шутку называли Солонка) Афанасий Данилович, вагенмейстер штаба Александра I, с 1818 г. в чине полковника был обервагенмейстером Генерального штаба, в 1852 г. — ген.-вагенмейстер арсенального и паркового инженерного ведомства, масон.

² Артарий — книгопродавец.

5. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 14, л. 26—26 об.

¹ Книга «История моего времени» принадлежит перу прусского короля Фридриха II (1712—1786, король с 1840 г.), издана анонимно в 1746 г.

² Тассо Торквато (1544—1595), итальянский поэт. «Аминта» — 5-актовая драма, в которой повествуется о любви Аминты к нимфе Сильвии. В ней звучит пантеистическое восприятие мира, выражается мысль о могуществе любви.

³ Глинка Федор Николаевич (1786—1880), писатель, на военной службе с 1803 г. С начала 1816 г. переведен в Измайловский полк с назначением состоять при Гвардейском штабе. Член Союза спасения и Союза благоденствия. Привлекался по делу декабристов и выслан с апр. 1826 г. на жительство в Петрозаводск.

По данному письму определить, что именно в указанный момент сказал Ф. Н. Глинка о музыке, не представляется возможным, но есть четко сформулированное им высказывание о музыке, относящееся к 1815 г., в статье «О природной способности русских к приятным искусствам»: «После поэзии в числе приятнейших дарований, конечно, должно почтить музыку, что скорее всего может извлечь сердце из холодного оцепенения, усыпить одни страсти и пробудить другие, вытеснить грусть, поселить удовольствие и вдруг перевести опять из восхищения к задумчивости, наложить на чувства приятное томление, расположить душу к дружбе, любви и всем сладостнейшим ощущениям, — что кроме музыки?.. (Рус. вестник, 1815, кн. 3, с. 51—52).

⁴ Генерал — Матвей Евграфович Храповицкий (1784—1847), командир Измайловского полка в 1811—1818 гг.

⁵ По-видимому, Ф. Н. Глинка где-то напечатавал свое впечатление о концертах в Измайловском полку, возможно, в них принимал участие и А. Ф. Бриген.

6. А. И. Михайловскому-Данилевскому
ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 71, л. 96

¹ Ильин Андрей Терентьевич (1788—1853), в год смерти действ. статский советник, в 1816 г. служил в Департаменте внешней торговли.

7. А. И. Михайловскому-Данилевскому
ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 64, л. 88

8. А. И. Михайловскому-Данилевскому
ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 20, л. 31—32 об.

¹ Дата определяется по упоминанию в тексте письма о посте с пометкой в конце письма «среда», которая в первую неделю поста в 1816 г. выпала на 23 февр.

² А. И. Михайловский-Данилевский начал в это время писать Записки о 1812 годе (Воспоминания Михайловского-Данилевского. — Рус. вестник, 1890, № 9, с. 145).

³ Есипов Василий Николаевич (?—1846), в год смерти статский советник.

9. А. И. Михайловскому-Данилевскому
ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 59, л. 82—82 об.

¹ Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), писатель сентиментального направления, публицист и историк, автор 12-том-

ной «Истории государства Российского», первые тома которой стали выходить в 1816 г.

² *Тургенев Александр Иванович* (1784—1845), старший брат декабриста, общественный деятель, историк и литератор. В 1810—1824 гг. директор департамента духовных дел иностранных вероисповеданий в Министерстве духовных дел и народного просвещения. В 1825 г. уехал к брату за границу, а после осуждения декабриста Верховным уголовным судом в России бывал только наездами. В архивах Европы провел обширные разыскания документов по русской истории, которые были изданы (Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1841—1842, т. 1—2; в 1848 г. были изданы также «Дополнения к актам историческим...»).

³ *Тургенев Николай Иванович* (1789—1871), видный декабрист, получил образование в Московском и Геттингенском университетах. Вернувшись в 1811 г. в Россию, служил в Министерстве финансов, а в 1813—1814 гг. состоял русским советником в Центральном управлении освобожденных территорий Германии (административном департаменте), возглавляемом немецким буржуазным деятелем и реформатором бароном Генрихом Фридрихом Карлом Штейном (1757—1831). В 1815 г. Н. И. Тургенев управлял канцелярией ген.-губернатора занятых российскими войсками французских департаментов Давида Максимовича Алопеуса (1769—1831) и работал в Ликвидационной комиссии союзных держав. В янв. 1816 г. предлагалось его назначение чиновником канцелярии Государственного совета и, следовательно, его скорый приезд в Россию, о чем А. И. Тургенев и сообщил А. Ф. Бригену. Однако Н. И. Тургенев вернулся в Россию только в окт. 1816 г. и стал служить помощником статс-секретаря Государственного совета по департаменту экономии.

10. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 56, л. 77—78 об.

¹ Гасс — неустановленное лицо.

² *Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих* (1759—1805), немецкий поэт, драматург и историк, выдающийся представитель немецкого Просвещения, борец за свободу человеческой личности. Его произведения проникнуты идеями тираноборства, ненависти к феодальному гнету и мракобесию, верой в человеческий разум и прогресс.

³ *Делиль Жак* (1738—1813), французский поэт.

⁴ *Макиавелли Никколо де Бернардо* (1469—1527), итальянский мыслитель, создатель политической теории объединения Италии, историк эпохи Возрождения. Основные труды: «Рассуждения по поводу первой декады Т. Ливия», «Государь», «История Флоренции».

11. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 66, л. 90—90 об.

¹ *Руссо Жан Жак* (1712—1778), выдающийся французский просветитель, философ, писатель и композитор.

12. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 24, л. 37

¹ П. И. — возможно, Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829), попечитель Московского университета, к дочери которого сватался А. И. Михайловский-Данилевский.

13. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 35, л. 51—52 об.

¹ Смит Адам (1723—1790), английский экономист, один из создателей английской буржуазной политической экономии. Главный труд — «Исследование о природе и причинах богатства народов» — впервые издан в Лондоне в 1776 г.

² Рейналь Гийом (1713—1796), французский историк и философ, деятель Просвещения. Автор ряда компилятивных исторических книг. Наиболее популярный его 6-томный труд «Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (Амстердам, 1770) содержит резкую критику католической церкви, работорговли, эксплуатации населения колоний.

14. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 31, л. 46—47

¹ «Друг людей» — Мирабо Оноре Габриель Рикети (1749—1791), гр., деятель Великой Французской революции, обладал незаурядным ораторским и литературным талантом, враг феодально-абсолютистского режима и деспотических форм правления; в своих пламенных речах изобличал произвол королевской власти и королевского суда, защищая людей на судебных процессах. Будучи членом клуба «Друзья чернокожих», проявил себя горячим сторонником наделения политическими правами жителей колоний. В период развития революции Мирабо стал лидером крупной буржуазии, стремившейся затормозить революционный процесс, и изменил революции, заключив в 1790 г. тайное соглашение с королевским двором.

² Генрих IV Наваррский (1553—1610), французский король (1589—1610).

³ Сюлли Максимильен де Бетюн (1560—1641), французский государственный деятель в области финансов, путей сообщения, артиллерии и фортификации, ближайший советник Генриха IV.

⁴ Мюллер Иоганн (1752—1809), швейцарский историк, автор 5-томной «Швейцарской истории» (Лейпциг, 1786—1808) и «24 книги всеобщей истории» (Тюбинген, 1811). По-видимому, А. Ф. Бриген просил для чтения 3-й том «Швейцарской истории», пользовавшейся огромной популярностью.

15. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 70, л. 95

¹ Датируется по содержанию (см. примеч. 5 к наст. письму).

² Галлетти Иоганн Георг Август (1750—1828), немецкий историк.

³ Кокс Вильям (1747—1828), английский путешественник и историк. А. Ф. Бриген имеет в виду его книгу «История австрийской династии» (1807).

⁴ Рюльер Клод Карлман (1735—1791), французский историк. Полное название книги «История анархии в Польше и расчленение этой республики». Издана в 1802 г.

⁵ А. Ф. Бриген имел в виду публикацию в 1816 г. в журнале «Сын отечества» (часть 27, июль) «Письма к генералу NN о переводе воинских выражений на русский язык», в котором Ф. Н. Глинка предложил «освободить язык наш, столь же сильный и величественный, как и сам народ русский, от нашествия иноплеменных наречий». (Их вечен с вольностью союз: Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983, с. 185).

16. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 81, л. 112

¹ Речь идет о планах А. И. Михайловского-Данилевского оставить службу в Генеральном штабе и заняться исключительно литературной работой по истории Отечественной войны и заграничных походов 1813—1814 гг. Однако, как писал Михайловский-Данилевский в своих «Воспоминаниях», эти планы были нарушены назначением его в конце июля 1816 г. флигель-адъютантом для сопровождения Александра I в путешествии по Западу России (Рус. вестник, 1890, № 9, с. 152).

² Виланд Христофор Мартин (1733—1813), немецкий писатель и переводчик. Его произведения отличаются изящным стилем, остроумием, смелыми выпадами против официального лицемерия; изображал страдающие, стремящиеся к совершенству «прекрасные души».

17. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 30, л. 44—45

¹ Месяц определяется по содержанию: сообщение о том, что поездка автора письма и Глинки в Шлиссельбург состоится после отъезда А. И. Михайловского-Данилевского как сопровождающего Александра I в путешествие. Отъезд состоялся 8 авг. 1816 г.

18. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 68, л. 92

¹ Месяц определяется по содержанию: А. Ф. Бриген пишет спешно список книг перед отъездом Михайловского-Данилевского для приобретения их во время путешествия.

19. *А. И. Михайловскому-Данилевскому*

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 157, л. 220—221 об.

¹ Масдон — неустановленное лицо.

20. *А. И. Михайловскому-Данилевскому*

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 161, л. 225—226 об.

¹ Демосфен (384—322), древнегреческий оратор и политический деятель. Его защитительные речи играли большую роль в политической жизни Афин.

² Цицерон Марк Тулий (106—43), древнеримский политический деятель, оратор, писатель.

³ Архий Авл Лициний (р. 120 до н. э.), римский поэт, автор эпических стихотворений, воспевающих войну против кимвров (101 г. до н. э.) и Митридата (84 г. до н. э.).

⁴ Речь идет о какой-то тяжбе, которую имел А. Ф. Бриген с неким Нарышкиным. А. Ф. Бриген просил А. И. Михайловского-Данилевского подтолкнуть решение этого дела, когда последний во время путешествия с Александром I находился в Москве с 15 по 31 авг.

⁵ Тормасов Александр Петрович (1752—1819), генерал, участник всех войн, начиная с русско-турецкой 1787—1791 гг., с 1814 г. Московский ген.-губернатор.

⁶ Сисмонди Жан Шарль Леонар (1773—1842), швейцарский экономист и историк, академик французской Академии моральных и политических наук. Автор многотомных исторических трудов. А. Ф. Бриген в 1816 г., видимо, читал его «Историю итальянских республик в средние века» в 16 томах, издававшуюся в Цюрихе в 1807—1818 гг., другие его труды выходили позднее.

⁷ Сениявина (Синявина) (урожд. Разорвич) Тереза Ивановна, жена адмирала Д. Н. Сениявина.

21. *А. И. Михайловскому-Данилевскому*

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 143, л. 197—198 об.

¹ Мендельсон Мойсей (1729—1786), немецкий философ и просветитель, издававший совместно с известным немецким просветителем, философом и драматургом Готхольдом Эфраимом Лессингом (1729—1781) журнал «Письма о новейшей немецкой литературе», направленный против религиозной поэзии. Упоминаемое А. Ф. Бригеном сочинение Мендельсона точнее называется «Федон, или О бессмертии души». Федон — древнегреческий философ V в. до н. э., ученик Сократа.

² Отец декабриста Фридрих Эрнст фон дер Бриген (1752—1797) похоронен в Петербурге на Волковом лютеранском кладбище.

³ К. — Павел Иванович Кутузов (Голенищев-Кутузов). По-видимому, эта ссора между ним и А. И. Михайловским-Данилевским послужила причиной расстройства брака последнего с дочерью Кутузова.

⁴ Лонгин Дионисий Кассий (213—273), древнеримский философ-неоплатоник.

⁵ Гикарден Франсуа (1482—1540), итальянский историк и публицист, ученик Макиавелли, автор «Истории Италии».

⁶ В Варшаве Михайловский-Данилевский пробыл 3 недели до 5 окт. 1816 г.

⁷ По-видимому, имеется в виду «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля, имевший в разных изданиях различное число томов. О Бейле см. примеч. 2 к письму 30.

⁸ Имеется в виду упоминаемая в письме 15 книга К. Рюльера «История анархии в Польше».

⁹ В. Н. Есипов.

22. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 151, л. 211—212 об.

¹ Тит Флавий Веспасиан (39—81), римский император (79—81), прославился тем, что израсходовал большие средства на ликвидацию мора и пожара в Риме в 80 г. и последствий извержения Везувия в 79 г., а также на раздачу продовольствия населению, устройство для него зрелищ и строительство общественных зданий.

² Нерон Клавдий Цезарь (37—78), римский император (54—68), вошедший в историю как жестокий, самовлюбленный и развратный человек.

³ Фредегонда, бывшая служанка королевы Нейстрии Галесвинты, убив ее по наущению короля Хильперика I Меровинга (539—584, король с 561 г.), стала его женой; играла впоследствии большую роль в междоусобных войнах между королевскими домами Франкского государства.

⁴ В. Н. Есипов.

⁵ О своем плане поселиться в Черниговской губ. А. И. Михайловский-Данилевский писал А. Ф. Бригену под впечатлением проезда через нее в свите Александра I в начале сент.

⁶ Сенявин (Синявин) Дмитрий Николаевич (1763—1831), русский флотоводец, адмирал (с 1826 г.), один из строителей Севастополя и создателей Черноморского флота, участник Средиземноморского похода Ушакова 1798—1800 гг. во время 2-й коалиции против Франции, в котором командовал линейным кораблем «Св. Петр». Затем в том же 1798 г., возглавляя отряд кораблей, овладел французской крепостью св. Мавры и участвовал в штурме Корфу. В 1806 г., командуя русским флотом в Адриатическом море, не допустил захвата французами Ионических островов. Во время 2-й Архипелагской экспедиции 1807 г., командуя русским флотом в Эгейском море, блокировал Дарданеллы и разгромил турецкий флот в Дарданельском и Афонском сражениях. Своими самостоятельными действиями в Средиземном море он вызвал недовольство Александра I и с 1813 г. уволен в отставку. Демократические взгляды Сенявина были основанием того, что декабристы намечали его в состав Временного революционного правительства.

⁷ Диоген Синопский (ок. 404—323), древнегреческий философ.

⁸ Лористон Александр Жак Бернар Лоу (1768—1828), французский государственный и военный деятель, дипломат, в 1811 г. — посол в Петербурге, в 1812 г. направлен был вести мирные перегово-

воры с М. И. Кутузовым, в 1813 г. попал в плен в Лейпцигском бою и вскоре перешел на сторону Бурбонов.

⁹ *Мармон Огюст Фредерик Луи Виес де* (1774—1852), маршал Франции, в 1806—1811 г. ген.-губернатор Далмации и Иллирийских провинций, сражался в 1806 г. с русским флотом Сенына.

¹⁰ Рагуза (славянское название Дубровник, Дубровницкая городская республика на территории нынешней Хорватии) в 1806 г. была оккупирована Францией и включена в состав Иллирийской провинции, ген.-губернатором которой был Мармон.

23. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 150, л. 209—210

¹ Указание на возраст — 22 года — описка, в 1816 г. А. Ф. Бригену было 24 года. То, что А. Ф. Бриген родился в 1792 г., подтверждается многими его письмами из Сибири. Отнести же это письмо к 1814 г. нет оснований по различным признакам.

² *Сократ* (469—399 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист, пытался разрешить проблему познания через внутреннее самосознание, сосредоточив свое внимание на изучении этико-моральных проблем.

³ *Марк Аврелий* (121—180), римский император (с 161 г.), последователь школы стоиков, выражал в своем труде «Наедине с собою» стремление к моральному самосовершенствованию.

⁴ *Державин Гавриил Романович* (1743—1816), знаменитый русский поэт. А. Ф. Бриген имел в виду его стихотворение «Бог», в котором проводится идея, что бог — душевное состояние человека, и несмотря на то, что «я перед тобой ничто <...>, но ты во мне сияешь величеством твоих доброт; во мне себя изображаешь, как солнце в малой капле вод <...>. Твоя душа моя быть част, вникает, мыслит, рассуждает: я есмь — конечно, есть и ты».

24. А. И. Михайловскому-Данилевскому

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 139, л. 193—193 об.

¹ *Свинын Павел Петрович* (1787—1839), писатель, путешественник, собиратель древностей, основатель и издатель «Отечественных записок», занимался живописью, с 1811 г. академик Академии художеств.

² *Разумовский Андрей Кириллович* (1752—1836), известный русский дипломат, посланник в Вене в 1790—1807 гг., с 1807 г. в отставке, жил в Вене как частное лицо, в 1813—1814 гг. находился в свите Александра I в качестве внешнеполитического советника, один из руководителей русской делегации на Венском конгрессе 1814—1815 гг. Брат же его, возможно, Григорий Кириллович (ум. 1837), о котором известно, что в России брак его с графиней из Вены был признан недействительным, а его потомство незаконным (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899, т. 51, с. 201).

25. *А. И. Михайловскому-Данилевскому*

ИРЛИ, ф. 527, д. 125, № 135, л. 186—187

¹ Н. И. Тургенев, возвращаясь из-за границы, был проездом в Варшаве в сент. 1816 г. Возможно, другой Тургенев — его брат Александр Иванович, выехавший ему навстречу.

26. *А. И. Михайловскому-Данилевскому*

ИРЛИ, ф. 527, д. 127, № 143, л. 297

¹ Кутузов — неустановленное лицо.

27. *А. И. Михайловскому-Данилевскому*

ИРЛИ, ф. 527, д. 128, № 5, л. 14

¹ Год устанавливается по предыдущему письму.

² Имеется в виду дом графа Ильи Андреевича Безбородко (1756—1813), принадлежащий после его смерти дочери Клеопатре Ильиничне (в замуж. Лобанова-Ростовская), родственнице Софьи Михайловны Бриген (см. примеч. 1 к п. 50).

³ *Толь Карл Федорович* (1777—1842), генерал, служил в армии с 1806 г., участник всех войн, начиная со Швейцарского похода 1799 г.; в 1812 г., будучи ген.-квартирмейстером, осуществлял разработку стратегических замыслов Кутузова и оперативное управление армией, в 1813—1814 гг. выполнял военно-дипломатическое поручение, с 1815 г. ген.-квартирмейстер Главного штаба, с 1823 г. начальник штаба I армии.

⁴ *А. И. Михайловский-Данилевский* в 1823—1825 гг. — командир бригады 4-й пехотной дивизии II армии, дислоцировавшейся в Кременчуге.

28. *К. Ф. Рылееву*

ИРЛИ, ф. 269, оп. 2, № 34

В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева.
Киев, 1912. Приложение, с. 97—98

¹ *К. Ф. Рылеев* (1795—1826), активный деятель и руководитель Северного общества в 1824—1825 гг. и главный организатор восстания декабристов в Петербурге. Поэтическое творчество К. Ф. Рылеева посвящено было в значительной части исторической тематике. В 1825 г. К. Ф. Рылеев работал над поэмой «Наливайко», для которой А. Ф. Бриген, находясь на Украине, помогал ему собирать материал.

² *Конисский Георгий* (1717—1795), архиепископ белорусский (с 1755 г.), писатель. В письме А. Ф. Бригена речь, видимо, идет об «Истории руссов», которая приписывается Г. Конисскому, но в исторической науке существует также мнение, что «История руссов» принадлежит Г. А. Полетике (1723—1784), украинскому писателю и общественному деятелю.

³ *Бестужев (Марлинский) Александр Александрович* (1797 —

1837), штабс-капитан, писатель, активный деятель Северного общества и активный участник восстания на Сенатской площади, сотрудник К. Ф. Рылеева в издании альманаха «Полярная звезда».

⁴ Александр I (1777—1825, император с 1801 г.) и Елизавета Алексеевна (1779—1826).

⁵ Бриген (урожд. Миклашевская) Софья Михайловна (1803—?).

⁶ Трубецкой Сергеем Петровичем (1790—1860), полковник, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Осенью 1825 г. А. Ф. Бриген ездил к нему в Киев по поручению К. Ф. Рылеева.

⁷ Новосильцов Владимир Дмитриевич (1800—1825), флигель-адъютант, дрался с вызвавшим его на дуэль подпоручиком К. П. Черновым (1803—1825), членом Северного общества, другом и родственником К. Ф. Рылеева, заступившимся за честь своей сестры, от брака с которой отказался аристократ Новосильцов. Оба противника были смертельно ранены. Рылеев и его друзья по тайному обществу организовали 27 сент. многолюдные похороны К. П. Чернова, которые можно считать первой политической демонстрацией в России. К. Ф. Рылеев написал стихотворение «На смерть Чернова» как пламенный призыв к борьбе с угнетателями России.

⁸ Миклашевский Михаил Павлович (1756—1847), участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг. под начальством А. В. Суворова, герой Рымника, в разное время назначался Волынским, Малороссийским и Новороссийским губернатором, сенатор, в Отечественной войне 1812 г. командовал Екатеринославским земским войском; после отставки в 1813 г. жил в своем имении в с. Пануровке Черниговской губ.

⁹ Миклашевский Иосиф Михайлович (1800—?), шурин А. Ф. Бригена, в 1818—1819 гг. служил в Измайловском полку, в 1820—1826 гг. адъютант главнокомандующего I армией, в 1826 г. был арестован по подозрению в посредничестве между А. Ф. Бригеном и М. П. Бестужевым-Рюминым и в этом же году вышел в отставку в чине полковника, в 1840 г. предводитель дворянства в г. Ельне, после смерти отца владел с. Пануровкой.

¹⁰ Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1752—1837), ген.-фельдмаршал, участник войны 1812—1814 гг., после нее главнокомандующий I армией.

¹¹ Пражеский Николай Прокопьевич (?—1849), действ. статский советник, в 1828—1829 гг. бессарабский губернатор.

¹² Новосильцова (урожд. гр. Орлова) Екатерина Владимировна (?—1849).

¹³ Оболенский Евгений Петрович (1796—1865), поручик л.-гв. Финляндского полка, член Союза благоденствия и Северного общества, один из основных руководителей восстания на Сенатской площади.

¹⁴ Н. М. Муравьев (1794—1843), капитан гвардейского Генерального штаба, член Союза спасения, Союза благоденствия, член верховной думы Северного общества, один из идеологов декабристского движения, автор Конституции.

¹⁵ Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844), русский поэт.

29. Л. И. Стражевой

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 15,
приложение 1, л. 32—35

¹ Год устанавливается по времени отправки в ссылку. Начато письмо 3 апр., на которое в 1827 г. выпадает пасха.

² Стражева Любовь Ивановна (урожд. Вальман) — сводная сестра А. Ф. Бригена.

³ Якубович Александр Иванович (1792—1845), капитан Нижегородского драгунского полка, осужден по I разряду.

⁴ Партию, в которой ехали А. Ф. Бриген, И. Б. Аврамов, А. И. Черкасов и П. Ф. Выгодский, сопровождал фельдъегерь Непорожнев (ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 544, л. 55).

⁵ Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788—1850), историк, археограф, в 1826—1828 гг. тобольский гражданский губернатор.

⁶ Любченко Данила Георгиевич (по др. данным Егорович), чиновник Тобольского губернского правления, впоследствии (в 1840 г.) сослуживец А. Ф. Бригена в Курганском окружном суде, в 1849 г. исполнял обязанности судьи. Умер в 1851 г.

⁷ Жандарм Евтухов, сопровождавший А. Ф. Бригена из Петербурга в Иркутск.

⁸ Лепарский Станислав Романович (1754—1837), ген.-майор, комендант Нерчинских рудников, читинской и петровской каторжных тюрем.

⁹ Слух о назначении плац-майором Читинского острога Шмита не подтвердился.

¹⁰ Письмо жандарм Евтухов передал не Л. И. Стражевой, а своему начальству, препроводившему его Бенкендорфу. На препроводительной записке резолюция: «Дать жандарму 50 рублей, а письмо фон Фоку» (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 15, приложение 1, л. 32). М. Я. фон Фок — управляющий III Отделением в 1826—1831 гг.

¹¹ Муравьева Александра Григорьевна (урожд. гр. Чернышева, 1804—1832) приехала к мужу Н. М. Муравьеву в Читинский острог; Екатерина Ивановна Трубецкая (урожд. гр. Лаваль, 1800—1854) и Мария Николаевна Волконская (урожд. Раевская, 1805—1863) — в Благодатский рудник.

¹² Чернышев Захар Григорьевич (1796—1862), ротмистр Кавалергардского полка, член петербургской ячейки Южного общества, осужден по VII разряду, из Читинского острога в 1828 г. переведен на поселение в Якутск, затем рядовым на Кавказ.

30. С. М. Бриген

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, 2177/3,
рук. 80(1)/916

¹ Дети А. Ф. и С. М. Бриген: Мария Александровна (в замуж. Туманская, 1821—?), Михаил Александрович (1822—?);

Анастасия Александровна (в замуж. Умова, 1824—1874), Любовь Александровна (в замуж. Гербель, 1826—1899).

²Бейль Пьер (1647—1706)— французский философ-скептик, критик религиозного догматизма, автор первой энциклопедии нового времени «Исторический и критический словарь», в котором выступил сторонником атеизма.

³Мать декабриста— Вальман (урожд. Микешина, в первом браке— Бриген) Мария Алексеевна (сер. 1760-х гг.— 20 апр. 1852 г.).

⁴Л. И. Стражева.

⁵Киреева (урожд. Тандакова) Екатерина Федоровна (?—1846), мать декабриста И. В. Киреева.

⁶Возможно, речь идет о плац-майоре Петропавловской крепости Трусове.

⁷Киреев Иван Васильевич (1803—1866), член Общества соединенных славян, осужден по II разряду, на каторге— в Чите и Петровском заводе, с 1836 г. на поселении в Минусинске, вернулся в Европейскую Россию в 1861 г.

⁸Враницкий Василий Иванович (1785—1832), полковник квартирмейстерской части, член Южного общества, осужден по VIII разряду, отправлен на поселение в Пелым, в 1830 г. переведен в Ялуторовск в связи с психическим заболеванием.

31. Н. И. Лореру

ГБЛ, ф. 218,59.16, л. 29—32 об.

¹Копия письма рукою Н. И. Лорера, помещенная в альбоме под названием «Альбом, подаренный Капнист гр[афине] Александре Алексеевне (списки и выписки стихотворений, писем декабристов, своих воспоминаний, изречений и других материалов 1825—1860-х годов)». В списке письма ошибки, недописки, разъяснения в (круглых скобках) Н. И. Лорера.

²Лорер Николай Иванович (1795—1873), майор Вятского пехотного полка, член Южного общества, осужден по IV разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, с 1833 г. на поселении в Кургане, в 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ, в 1842 г. в чине прапорщика уволен со службы.

³В. Н. Лихарев (1800—1840), подпоручик квартирмейстерской части, член Южного общества, осужден по VII разряду, на каторге в Чите, с 1828 г. на поселении в Кондинске, с 1830 г. в Кургане, в 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ, где был убит в бою.

⁴Лихарева Екатерина Андреевна (урожд. Бороздина) к мужу в Сибирь не приехала, в 1836 г. вышла замуж вторично.

⁵Лихарева Варвара Николаевна в 1833 г. вышла замуж за Петра Львовича Давыдова, брата декабриста.

⁶В. А. Давыдов (1792—1855), отставной полковник, член Южного общества, осужден по I разряду, на каторге в Александровском заводе, Благодатском руднике, Чите и Петровском заводе, с 1839 г. на поселении в Красноярске.

⁷П. А. Давыдов не только помогал материально осужденному брату, имевшему в Сибири большую семью, но и хлопотал об усыновлении его детей, рожденных до осуждения.

⁸ А. Г. Муравьева умерла в 1832 г. в Петровском заводе.

⁹ Миних Бурхард Христоф (Христофор Антонович, 1683—1767), гр., военный и государственный деятель, ген.-фельдмаршал, на русской службе с 1721 г., при Елизавете Петровне был сослан в Пелым, где пробыл 20 лет (1742—1762).

¹⁰ Манштейн Христофор Герман (1711—1757), родился в Петербурге, служил в прусской армии, в 1736 г. возвратился в Россию и самовольно покинул ее в 1744 г. Автор книги «Записки о России. 1727—1744».

¹¹ Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), фаворит имп. Анны Ивановны, по ее завещанию стал регентом Ивана VI Антоновича, в 1740 г. в результате дворцового переворота был арестован сторонниками Анны Леопольдовны по обвинению в стремлении захватить престол, приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Пелым, в 1742 г. был переведен в Ярославль; Петр III вернул его в Петербург.

32. А. Е. Розену

ГИМ, ф. 349, ед. хр. 73, хранится в копии

Рус. старина, 1900, № 1, с. 225—228, под названием «Граф Миних в Сибири (письмо декабриста А. Ф. Бригена к декабристу А. Е. Розену)», сообщил П. М. Майков Рус. архив, 1874, № 9, с. 705—708. Опубликовано в сокращенном варианте. И. С. Зильберштейн считает, что эта публикация представляет несколько отрывков из двух писем А. Ф. Бригена, подлинники которых в настоящее время неизвестны (ЛН, М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 184).

¹ А. Е. Розен (1800—1884), поручик л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества, участник восстания, осужден по V разряду.

² Вейс (Вейссе) Иван Филиппович (Иоганн Филипп, 1763—1840), видный русский педагог, директор Петровского училища в Петербурге в 1788—1818 гг.

³ В этих инициалах зашифрованы фамилии декабристов, живших в 1833 г. в Кургане: Лорер, Нарышкин, Назимов, Лихарев.

33. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 1—2 об.

¹ Старшая дочь А. Ф. Бригена Мария и средняя Анастасия воспитывались в это время в Обществе благородных девиц при Смольном монастыре. Мария закончила Смольный в 1839 г., Анастасия по болезни не закончила.

34. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 3—4 об.

¹ Младшая дочь А. Ф. Бригена — Любовь.

² М. П. Миклашевский.

³ Нарышкина (урожд. гр. Коновницына) Елизавета Петровна

(1801—1867) в 1827 г. приехала к мужу в Читинский острог, была с ним с 1833 г. на поселении в Кургане, откуда уехала в 1837 г., когда М. М. Нарышкин был отправлен рядовым на Кавказ.

35. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 1—2 об.

¹ За исключением первой строки и обращения ко всем дочерям, находившимся в Смольном, все письмо адресовано старшей дочери.

² Дежерандо (де Жерандо) Жозеф Мария (1772—1842), бар., французский публицист и общественный деятель.

³ Л. И. Стражевой.

36. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 5—6 об.

¹ Буало (Депрео) Никола (1636—1711), французский писатель, литературный критик, теоретик классицизма.

² Речь идет о книге Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим».

³ Нарышкин Михаил Михайлович (1798—1863), полковник Тарутинского пехотного полка, член Союза благоденствия и Северного общества; осужден по IV разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении в Кургане с 1833 г., в 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ, в 1844 г. в чине прапорщика уволен из армии по болезни.

⁴ Бетховен Людвиг (1770—1827), немецкий композитор.

⁵ Россини Джакино Антонио (1792—1862), итальянский композитор.

37. С. М. Бриген

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 18, л. 11—13 об.

¹ Коновницын Григорий Петрович (ум. 1845), брат Е. П. Нарышкиной.

² Сыновья А. Е. Розена, родившиеся в Сибири: Кондратий (1831)—в Петровском заводе, Василий (1832)—в деревне Фирстово по пути в Курган и Владимир (1834)—в Кургане.

³ Фохт Иван Федорович (1794—1842), штабс-капитан Азовского полка, член Южного общества, осужден по VIII разряду, в ссылке с 1826 г. в Березове, с 1829 г. в Кургане.

⁴ Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), гр., ген.-адъютант, член Следственной комиссии по делу декабристов, с 1826 г. шеф жандармов и главный начальник III Отделения.

⁵ М. А. Назимов (1801—1888), штабс-капитан л.-гв. Коннопионерного эскадрона, член Северного общества. Осужден по VIII разряду, с 1826 г. в ссылке в Верхнеколымске Якутской обл. и Витиме Иркутской губ., с 1830 г. в Кургане, в 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ.

⁶ Одоевский Александр Иванович (1802—1839), поэт, корнет л.-гв. Конного полка, член Северного общества, осужден по IV раз-

ряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, с 1833 г. на поселении в с. Елани Иркутской губ. и в Ишиме Тобольской губ., в 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ, где умер от малярии во время экспедиции.

⁷ *Черкасов Алексей Иванович* (1799—1855), поручик квартирмейстерской части, член Северного и Южного обществ, осужден по VII разряду, на каторге в Чите, на поселении с 1828 г. в Березове Тобольской губ., с 1833 г. в Ялуторовске, в 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ, в 1843 г. в чине прапорщика уволен с военной службы.

⁸ *А. В. Розен* (урожд. Малиновская, 1797—1883), последовала за мужем в Сибирь. Малолетние дети, рожденные в Сибири,— три сына (см. примеч. 2 к этому письму) и дочь Анна (род. 6 сент. 1836 г.).

⁹ Наследник *Александр Николаевич* (1818—1881, император с 1855 г.) в 1837 г. во время путешествия по Сибири посетил Курган.

¹⁰ По получении этого письма С. М. Бриген подала 19 дек. 1837 г. на имя наследника прошение, в котором писала, что просит «помилование мужу моему ради невинных детей его. Когда же по могущественному ходатайству вашего высочества мы будем осчастливлены милосердием государя императора, то беру смелость всеподданнейше просить его не на Кавказ в военную службу, где, он пишет, по летам и истощенным силам своим служить и заслужить себе монаршую милость уже не может, а определить его по какой угодно части к служению ближе только к семейству нашему <...>» (ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 12 030, л. 1).

¹¹ *Миклашевский Александр Михайлович* (1796—1831), подполковник 22-го егерского полка, член Северного общества, от которого отошел в 1823 г. После 6-месячного заключения в Петропавловской крепости был переведен в 42-й егерский полк на Кавказ, в 1828 г. за штурм Карса произведен в полковники, в 1829 г. назначен командиром полка, убит при штурме Агач-Кале.

¹² *В. А. Жуковский* (1783—1852), русский поэт и переводчик, в качестве воспитателя наследника престола Александра Николаевича сопровождал его в путешествии по Сибири. Встретившись в Кургане с А. Ф. Бригеном, В. А. Жуковский обещал навестить дочерей декабриста в Смольном.

¹³ Встреча в Казани *Евдокии Михайловны Голицыной* (1790—1862) с братом и невесткой состоялась, о чем свидетельствует письмо Е. П. Нарышкиной к А. Ф. Бригену от 11 нояб. 1837 г. (Лит. вестник, 1901, VI, с. 135).

38. С. М. Бриген

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, 2177/3, рук. 80 (32)916

¹ Письмо датируется по следующим соображениям. Стихи А. И. Одоевского, приведенные в письме, сообщены А. Ф. Бригену А. Е. Розеном в письме от 9 дек. 1837 г. (Лит. вестник, 1901, IV, с. 424). Письма проходили в среднем полтора месяца. Следовательно, письмо Розена достигло Кургана в последнюю неделю января, точнее 27 янв. 1838 г. в четверг, когда в

Курган приходила почта; А. Ф. Бриген писал жене в этом письме на следующий день, т. е. в пятницу 28 янв., в день отправки почты.

² Конец стихотворения и письма утерян.

39. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, 5819.6, л. 1—3

¹ Священник в Кургане Яков Зудиллов.

² П. Н. Свистунов (1808—1889), корнет Кавалергардского полка, член Петербургской ячейки Южного общества; осужден по II разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении с 1836 г. в с. Идинском Иркутской губ., с 1838 г. в Кургане, с 1842 г. в Тобольске, после амнистии 1856 г. уехал из Сибири. Брат декабриста Алексей Николаевич Свистунов (1808—1827), чиновник гоф-интендантской канторы, камергер, член Военного совета военного министерства, директор департамента личного состава в Министерстве иностранных дел.

³ Дуранов Александр Иванович (1796—?), надворный советник, до 1838 г. — курганский земский исправник, которого сменил Скорина, упоминающийся в данном письме. Перемещен на должность курганского окружного начальника (в этой должности он упоминается в книге А. И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири». СПб., 1905, с. 185). В 1841 г. находился под судом за взятки (см. письмо 50).

⁴ Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854), отставной ген.-майор, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, осужден по IV разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении с 1833 г. в Енисейске, с 1838 г. в Тобольске, в 1853 г. возвращен на родину.

⁵ На прошение С. М. Бриген от 19 дек. 1837 г. (см. примеч. 10 к письму 37) наложена 23 янв. 1838 г. резолюция: «Государь император высочайше разрешить изволил употребить фон дер Бригена на службу к делам гражданским с званием канцелярского служителя, но не иначе как в Сибири» (ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 12030, л. 1).

⁶ И. Ф. Фохт.

⁷ Рационализм — направление в теории познания, признающее разум единственным источником истинного знания; Кант Иммануил (1724—1804), немецкий философ, основоположник немецкой классической философии; его философия — компромисс между идеализмом и материализмом; Ботен Луи (1796—1867), французский философ и богослов.

⁸ Муравьевы — имеются в виду братья Никита и Александр Михайловичи. Муравьев Александр Михайлович (1802—1853), корнет Кавалергардского полка, член Северного общества. Осужден по IV разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселение перешел вместе с братом, осужденным по II разряду, в 1836 г. в с. Урик; в 1844 г. переведен в Тобольск на службу канцеляристом.

⁹ В Урике на поселении в это время жили С. Г. Волконский, М. С. Лунин, Ф. Б. Вольф. О Волконском см. примеч. 6 к письму 179, о Лунине — примеч. 6 к письму 128. Вольф Фердинанд Богданович (1796—1854), штабс-лекарь II армии, член Южного обще-

ства, осужден по II разряду, в конце 1835 г. обращен на поселение в с. Урик, в 1845 г. переведен в Тобольск.

¹⁰ Башмаков Флегонт Миронович (1774—1859), разжалованный из полковников рядовой Черниговского полка, участник восстания, осужден военным судом I армии к ссылке в Сибирь, отправлен в 1827 г. по этапу в Тару Тобольской губ., куда прибыл в авг. 1828 г., с 1838 г. на поселении в Кургане, последние 6 лет жизни жил в Тобольске.

¹¹ Воронцовский Киприан, князь, участник польского восстания 1830—1831 гг., был поселен в Кургане в 1833 г. (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 134, л. 173). Н. И. Лорер (Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 178) сообщает, что ему в 1837 г. было 72 года, а А. Е. Розен (Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 301) пишет, что Воронцовский «был старец восьмидесяти лет». В 1838 г. возвращен на родину.

¹² Мемуаристы называют фамилии ссыльных поляков, с которыми вместе были на поселении в Кургане: Порфирия Важинского, Эразма Каэтановича Клечковского, Людвиг Францевича Савицкого, Эразма Черминского, Расовского (Розен А. Е. Указ. соч., с. 301). Н. И. Лорер в одном из писем называет фамилию Краевского (Указ. соч., с. 346). На поселение в Курганский округ были направлены также Игнатий Чарпинский и Франц Чернецкий (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 134, л. 173). В архивном деле отсутствует фамилия как Раевского, так и Краевского, но называется Кастин Закржевский. В данном письме А. Ф. Бриген называет еще Хельмицких — двух братьев Евстафия и Романа, переведенных в Курган из Ишима для совместного проживания с их родственником Юлианом Александровичем Росцишевским «для поддержания последнего по бедному состоянию и слабости здоровья» (ГАОО, ф. 3, оп. 13, св. к-1038, д. 17991, л. 4). Ю. А. Росцишевский родился в 1812 г., в 1871 г. был жив (Дьяков В. А. Воспоминания Юлиана Росцишевского — новый источник о пребывании декабристов в Западной Сибири. — В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983, вып. 3, с. 103, 110).

¹³ Анела Станиславовна Клечковская последовала за мужем в ссылку. А. Ф. Бриген был крестным отцом дочери Клечковских — Юлии.

¹⁴ Соболевские Антон Антонович и его жена Агния (Евгения) Андреевна. А. А. Соболевский в 1820-х гг. полицейский чиновник в Иркутске, в 1834—1835 гг. смотритель по заведениям экспедиции о ссыльных, с 1836 г. переведен в Курган, в 1844—1849 гг. курганский городничий (Общая роспись всех чиновных особ, ч. 2. СПб., 1834—1835, 1840—1849).

¹⁵ А. Г. Худяков, учитель в Кургане. О нем см. примеч. 3 к письму 48.

¹⁶ Хельмицкие — братья Евстафий и Роман.

¹⁷ Роман Стражков, дворовый Нарышкиных (ГБЛ, ф. 133,9512.10, л. 3 об.—4).

¹⁸ Сэй Жан-Батист (1767—1832), французский ученый-экономист, представитель вульгарной политической экономии.

¹⁹ Егор Холостой, дворовый Нарышкиных (ГБЛ, ф. 133,921.10, л. 6 об.—7).

40. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 131—132

¹ Год устанавливается по содержанию, перед окончанием Смольного Марией.

² Л. И. Стражеву.

³ Гуммель Иоганн Непомук (1778—1837), немецкий пианист и композитор, ученик Моцарта (1756—1791) и Сальери (1750—1825); Мейербер Джакомо (1791—1864), французский композитор, музыкант и драматург.

41. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 24—25 об.

¹ Датируется по содержанию — накануне выпуска Марии из Смольного, который состоялся в нач. 1839 г.

² Вильмен Абель Франсуа (1790—1870), французский литературовед и историк, автор книг «Курс французской литературы», «История Кромвеля», «Ласкарис, или Греки V века», в 1839—1844 гг. министр народного просвещения.

42. М. П. Миклашевскому

ИРЛИ, № 2569, л. 1—2

¹ Дагерр Луи Жак Мандэ (1789—1851), изобретатель первоначального способа фотографии — дагерротипии. Первое сообщение об изобретении Дагерра опубликовано в 1839 г.

² Голиков Иван Иванович (1735—1801), русский историк, автор сочинения «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам», т. 1—12. М., 1788—1789; 2-е изд., т. 1—15, М., 1837—1843. Главная ценность труда — публикация многочисленных документов и более 2 тыс. писем Петра I.

³ А. Я. Миклашевская (урожд. Бакуринская, р. 1783, в 1859 г. была жива).

43. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 7—8 об.

¹ Мария Бриген, бывшая третьей по успеваемости в своем выпуске в Смольном, награждена была вензельным знаком имени императрицы.

² Дурново (урожд. Демидова) Мария Никитична (1776—1847) занимала высокое положение при дворе, кавалерственная дама.

³ Дурново (урожд. Волконская) Александра Петровна (1804—1859), племянница декабриста С. Г. Волконского, дочь его сестры Софьи Григорьевны (1785—1868) и Петра Михайловича Волконского (1776—1852), светлейшего князя и фельдмаршала, министра императорского двора и уделов. М. Н. Дурново — ее свекровь, мать шталмейстера Павла Дмитриевича Дурново (1804—1864).

⁴ Имеется в виду побег Алины Волконской из дому в 1823 г., наделавший в свете много шума (ЛН. М., 1956. т. 60, кн. 1, с. 206).

⁵ М. П. и А. Я. Миклашевские.

⁶ Речь идет о сыне декабриста Михаиле Александровиче Бригене, приехавшем в отпуск из кадетского корпуса. 21 февр. 1833 г. С. М. Бриген обратилась к царю с просьбой принять сына на казенное содержание в гимназию при Петербургском университете. Однако Николай распорядился определить его в один из кадетских корпусов (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 31—32, 35). В 1835 г. С. М. Бриген обратилась к Бенкендорфу с просьбой перевести сына в связи с его слабым здоровьем из 1-го кадетского корпуса в Царскосельский лицей или школу правоведения на казенное содержание (там же, л. 55). Но разрешения не последовало, и М. А. Бриген продолжал учиться в кадетском корпусе, который окончил в 1841 г. (ЦГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 6134, л. 13).

⁷ Миклашевский Андрей Михайлович (1814—1905), шурин декабриста, во время пребывания Марии Бриген в Смольном служил в Петербурге в л.-гв. Егерском полку.

44. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 11—12 об.

¹ Ламартин Альфонс, де (1790—1869), французский политический деятель, историк и поэт. Речь идет о книге «Путешествие по Востоку». Париж, 1835.

² Соломон Мудрый (ум. около 928 г. до н. э.), царь Израильско-Иудейского царства. Ему приписывается авторство библийских и апокрифических книг («Премудрости» и «Псалмы Соломоновы»).

³ «Поэтические размышления» Альфонса Ламартина вышли в Париже в 1820 г.

⁴ Ансильон Фридрих (Жан Пьер Фредерик) (1767—1837), французский историк и философ.

⁵ Шатобриан Франсуа-Огюст (1769—1848), французский писатель и государственный деятель, министр иностранных дел (1822—1824).

⁶ Комедия А. С. Грибоедова (1795—1829) «Горе от ума» была очень близка декабристам, которые распространяли ее в списках.

⁷ Нодье Шарль (1780—1844), французский писатель-романтик.

⁸ Рейф Филипп Иванович, филолог, составитель параллельных французских, немецких, английских и русских словарей. Продолжительное время жил в России. В письме речь идет о книге «Этимологический лексикон русского языка, или Русско-французский словарь в двух частях» (СПб., 1835—1836). Книга удостоена Демидовской премии Петербургской Академии наук.

⁹ Сталь Анна Луиза Жермена (1766—1817), французская писательница и общественная деятельница. Книга «О Германии» вышла в Париже в 1810 г., но была уничтожена по распоряжению министра полиции, в 1813 г. вышла вторым изданием. Книга впервые познакомила французов с литературой и философией немецкого романтизма.

45. С. М. Бриген
ИРЛИ, № 2571, л. 1—2

¹ Год устанавливается по времени смерти А. И. Одоевского (10 окт. 1839 г.) и К. П. Ивашевой (30 дек. 1839 г.).

² Монастырки — дочери А. Ф. Бригена Анастасия и Любовь.

³ Ивашева (урожд. Ле-Дантю) Камилла Петровна (1808—1839), приехала к В. П. Ивашеу в Петровский завод, умерла на поселении в Туринске.

⁴ Ивашев Василий Петрович (1794—1840), ротмистр Кавалергардского полка, член Южного общества, осужден по II разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, с 1836 г. на поселении в Туринске.

⁵ Дети Ивашевых: Мария Васильевна (в замуж. Трубникова, 1835—1897), Вера Васильевна (в замуж. Черкесова, 1837—?), Петр Васильевич (1839—1896).

⁶ Краснокутский Семен Григорьевич (1790—1840), обер-прокурор V департамента Сената, член Южного общества. Осужден по VIII разряду. В ссылке в Витиме, Минусинске, с 1831 г. в Красноярске, где был разбит параличом по пути на Туркинские минеральные воды, куда ему разрешено было поехать для лечения ревматизма ног.

⁷ А. В. Кочубей (1788—1866), обер-прокурор III департамента Сената (1819—1831), сенатор с 1831 г., с 1846 г. член Государственного совета, присутствовавший в департаменте гражданских и духовных дел. А. В. Кочубей принимал участие в Краснокутском, так как был его сослуживцем по Сенату и другом.

⁸ Л. И. Стражева.

⁹ Кочубей Николай Семенович (ум. 1870), душевнобольной, сын Семена Михайловича Кочубея и Прасковьи Яковлевны Бакуринской (ум. 1815) — сестры тещи А. Ф. Бригена А. Я. Миклашевской. После смерти С. М. Кочубея в 1835 г., оставшись сиротой, жил у своей тетки в с. Пануровке.

46. М. А. Бриген
ИРЛИ, № 2568, л. 46—47 об.

¹ Год устанавливается по содержанию: а) Мария уже закончила Смольный и находится в Пануровке или Слоуте, где хранилась библиотека А. Ф. Бригена, а в апр. 1839 г. Мария была еще в Петербурге (письмо 42); б) А. Ф. Бриген говорит дочери об ошибках в ее последнем письме, о которых он писал С. М. Бриген 9 февр. 1840 г. (письмо 45).

² Лавалетт Антуан Мари Шаман (1769—1830), гр., французский государственный деятель времен Наполеона I, подвергся преследованиям при Бурбонах и приговорен к смерти, бежал из тюрьмы с помощью жены. Автор мемуаров (Memoires et Souvenirs. Paris, 1831).

³ Кошле, французская писательница, автор книги «Мемуары королевы Гортензии» в 4-х т.

⁴ Сенковский Осип Иванович (1800—1858), писатель и журналист.

⁵ Вольтер (наст. имя Франсуа Мари Аруэ, 1694—1778), фран-

⁶ Бомарше Пьер Огюстен Карон (1732—1799), французский драматург.

ИРЛИ, № 2569, л. 3—4

² Тучкова (урожд. Нарышкина, в первом браке Ласунская) Маргарита Михайловна (1781—1852), игуменья основанного ею в 1839 г. Бородинско-Спасского монастыря на месте гибели ее мужа А. А. Тучкова (1778—1812) на Бородинском поле.

³ Мария Александровна (урожд. Мария Гессен-Дармштадтская, 1824—1880), великая княжна, затем императрица, жена Александра II.

⁴ М. В. Ладыженский, тобольский гражданский губернатор в 1840—1844 гг.

ИРЛИ. № 2568, л. 13—14

² Кузен Виктор (1792—1867), французский философ.

³ Здешний молодой человек — курганский учитель Александр Гаврилович Худяков. Переведенная им под руководством А. Ф. Бригена книга издана под названием «Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному воспитанию в первоначальных школах. Сочинение барона Дежерандо». СПб., 1833. В дальнейшем А. Г. Худяков — смотритель Ишимского уездного училища (Ретунский В. Ф. Первая женская школа декабристов в Тобольске. — В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1981, вып. 2, с. 94).

⁴ Видимо, А. Ф. Бриген запамятовал, так как книгу Дежерандо «Посетитель бедных» он рекомендовал дочери еще в письме от 9 окт. 1836 г.

ИРЛИ, № 2568, л. 14 об.

¹ На родину в 1840 г. вернулся Евстафий Хельмицкий. Выхал из Сибири в июле 1840 г. (ГАОО, ф. 13, оп. 13, д. 18 096, св. К-1043, л. 4 об., 13 об.).

² Ошибочно, следует читать: Хельмичский.

³ Поэма Ивана Ивановича Козлова (1779—1840) точнее называется «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», издана в 1892 г.

⁴ «История Пор-Рояля» Сент-Бёва издана в Париже в 1840 г. Сент-Бёв Шарль-Огюст (1804—1869), французский писатель и критик.

50. С. М. Бриген

ИРЛИ, № 2571, л. 3—4

¹ Княгиня Лобанова-Ростовская Клеопатра Ильинична (урожд. Безбородко), жена ген.-майора князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовского, родственница тещи А. Ф. Бригена А. Я. Миклашевской (по матери Безбородко), умерла 21 дек. 1840 г.

² В. П. Ивашев умер 30 дек. 1840 г., ровно через год после смерти жены Камиллы Петровны.

³ Теща В. П. Ивашева — Ле-Дантю (урожд. Вабль, в первом браке Варлю) Мария (Сесиль Мари Анна) Петровна.

⁴ Коновницына (урожд. Корсакова) Анна Ивановна (1776—1843).

51. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2571, л. 4 об.

¹ Приписка к письму к С. М. Бриген от 27 февр. 1841 г.

² Норов Абрам Сергеевич (1795—1869), писатель, в 1853—1858 гг. министр народного просвещения.

52. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 125—125 об.

¹ Датируется по содержанию. Год устанавливается по упоминанию об ожидаемой свадьбе наследника, которая состоялась 16 апр. 1841 г., а месяц на основании того, что письмо является ответом на письмо Марии от 19 янв. и написано после предыдущего письма от 27 февр.

53. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, 5819.6, л. 4—5 об.

¹ Горчаков Петр Дмитриевич (1789—1869), кн., ген. от инфантерии, ген.-губернатор Западной Сибири (1836—1851).

² Брат декабриста — Дмитрий Иванович Лорер (?—1868), помещик, отставной ротмистр орденового Кирасирского полка.

54. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 9—10 об.

¹ Речь, видимо, идет о разочаровании, испытанном А. Ф. Бригеном, результатом его обращения к С. М. Семенову о содействии в назначении его корчемным заседателем. Семенов и другие декабристы не одобрили этот шаг Бригена. 31 авг. 1841 г. М. А. Фонвизин писал И. Д. Якушкину: «Степан Михайлович с сердечным соболезнованием говорил мне, что он получил письмо от Бригена, в котором тот просит его содействовать его определению — куда бы ты думал? в корчемные заседатели в Курган. Признаюсь тебе, это уже из рук вон!» (ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 101, л. 144).

Семенов Степан Михайлович (1789—1852), магистр этических наук Московского университета, затем чиновник канцелярии Московского ген.-губернатора, член Союза благоденствия и Северного общества. Благодаря умелой защите на следствии

избежал суда: к нему применены были административные санкции — после дополнительного 4-месячного заключения в Петропавловской крепости выслан на службу в Сибирь. Поддерживал тесные дружеские связи с ссыльными декабристами, оказывал им большую помощь.

² Сю Эжен (1804—1857), французский писатель.

³ Это письмо свидетельствует о том, что А. Ф. Бриген старался прочитать книгу прежде, чем рекомендовать ее детям. Из письма от 26 апр. 1840 г. видно, что мнением отца о мемуарах Лавалетта интересовалась Мария, но он посоветовал их прочитать после того, как сам с ними ознакомился.

⁴ Лавалетт (урожд. Богарнэ) Эмилия Луиза накануне казни мужа пробралась в тюрьму, обменялась с ним платьем, дав ему возможность выйти на свободу, долго оставалась в тюрьме, где сошла с ума.

⁵ Евгений Лейхтенбергский (1781—1824), принц, вице-король Италии, сын казенного на гильотине виконта Александра Богарнэ и его жены Жозефины (во втором браке жена Наполеона I).

⁶ Максимилиан-Людвиг Баварский (в 1799—1806 гг. курфюрст, в 1806—1825 гг. король). Титул короля получил от Наполеона I, в 1808 г. провозгласил либеральную конституцию и отмену крепостной зависимости. Однако в Баварии народ так и не получил политических прав, а с уничтожением крепостного права сеньориальная зависимость крестьян оставалась.

⁷ Стендаль (настоящая фамилия Бейль Мари Анри) (1783—1842), французский писатель, зачинатель социально-психологической прозы критического реализма XIX в.

⁸ Судисенко (урожд. Миклашевская) Надежда Михайловна (?—1876), свояченица А. Ф. Бригена.

⁹ Газета полностью называется «Journal des Débats politique et littéraire» (Газета политических и литературных дебатов). Издавалась в Париже с 1789 г.

¹⁰ Эльснер (Эльслер) Фанни (1810—1884), австрийская балерина.

¹¹ Президент США — М. Ван Бурен, 8-й президент от демократической партии (4 марта 1837—3 марта 1841).

55. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 15—16 об.

¹ Полностью журнал называется «Обозрение иностранной литературы, наук и искусств», издавался в Петербурге в 1832—1863 гг. на французском языке.

² П. Н. Свистунов женился в янв. 1842 г. на Татьяне Александровне (урожд. Неугодиной, ?—1875), приемной дочери А. И. Дуранова.

³ Фонвизина (урожд. Апухтина) Наталья Дмитриевна (1805—1869), последовала за мужем М. А. Фонвизиним в Сибирь в 1828 г., была вместе с ним в Чите, Петровском заводе, на поселении в Енисейске, Красноярске и Тобольске, в 1853 г. уехала из Сибири.

⁴ Анненкова (урожд. Гебль) Прасковья Егоровна (1800—1876), жена И. А. Анненкова, приехала к нему в Сибирь в 1828 г., была вместе с ним в Чите, Петровском заводе, на поселении в Туринске и Тобольске.

⁵ Собаньский Готард Михайлович (?—1841), ссыльный поляк в Ялutorовске, был зверски убит собственными слугами с целью ограбления.

⁶ Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886), отставной подполковник, член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества. Принимал участие в восстании Черниговского полка. Осужден по I разряду, каторга была заменена вечной ссылкой. На поселении в Вилюйске Якутской обл., в 1829 г. переведен в Бухтарминскую крепость Омской обл., в 1832 г. в Ялutorовск. Его жена Мария Константиновна (урожд. Константинова, 1811—1883), дочь бухтарминского священника, воспитанница статского советника Бранта.

⁷ Басня полулегендарного древнегреческого баснописца Эзопа, рассказы и легенды о котором восходят к VI в. до н. э.

56. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 3—4 об.

¹ В богатой библиотеке А. Ф. Бригена, хранившейся в Слоуте, были, по-видимому, собраны все романы замечательного английского писателя Вальтера Скотта (1771—1832), изданные в Англии.

² Лакретель Жан-Шарль-Доминик (1766—1855), французский историк и публицист, член французской Академии наук. Полностью произведение Лакретеля называется «Краткие очерки истории Французской революции», изд. в 1801—1806 гг.

57. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, 5819.6, л. 6—7 об.

¹ Н. И. Лорер.

² Ген.-губернатор Западной Сибири кн. П. Д. Горчаков.

³ Тобольский гражданский губернатор М. В. Ладыженский.

⁴ Фраза была вымарана цензурой: частично восстановлена надстрочной надписью, видимо М. М. Нарышкиным. Отточие в угловых скобках означает невозможное место.

⁵ Пассек Валериан Васильевич, служил по межевому ведомству Западной Сибири.

⁶ Анилья Петровна Мельникова, дворовая сестры М. М. Нарышкина Е. М. Голицыной, была отправлена в Курган в апр. 1833 г. (ГБЛ, ф. 133, 5833.1, л. 15 об.).

⁷ Курганский землемер в 1842 г. Адам Станиславович Томашевич.

⁸ Повало-Швейковский Иван Семенович (1790—1845), полковник Саратовского пехотного полка, член Южного общества. Осужден по I разряду. На каторге в Чите и Петровском заводе, с 1840 г. на поселении в Кургане, где и умер.

58. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 5—6

¹ Лемер, французский переводчик и издатель римских классиков.

² *Ливий Тит* (59 до н. э. — 17 н. э.), древнегреческий историк, уроженец Потавиума (Падуи), написал труд, над которым работал 45 лет: «Римская история от основания города» в 142 книгах, но сохранилось 35, которые Лемер перевел и издал в 7 томах.

³ *Квинтилиан Марк Фабий* (ок. 35 — ок. 96), древнеримский педагог и литературный критик, теоретик ораторского искусства. Труд его полнее называется «Наставления в ораторском искусстве».

⁴ *Крюднер* (урожд. Фитингоф) *Варвара Юлия* (1764—1825), происходит из Лифляндии, писательница и проповедница мистического суеверия, внучка Миниха.

59. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 124—124 об.

¹ Записка является, видимо, припиской к несохранившемуся письму к С. М. Бриген. Датируется по содержанию и предыдущим письмам от 1 янв. и 13 марта 1842 г.

² Бочка данайд — бочка без дна, которую 49 дочерей Даная должны были вечно наполнять в наказание за то, что в ночь своей свадьбы по приказанию отца убили своих мужей.

60. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 23—23 об.

¹ Письмо, видимо, является приложением к несохранившемуся письму к С. М. Бриген, поэтому не датировано и не имеет подписи. Датируется по содержанию и предыдущим письмам, посланным А. Ф. Бригеном дочерям в янв., марте и апр. 1842 г.

² Тибулл Альбий, древнеримский поэт, творчество которого приходится на рубеж I в.

³ А. Ф. Бриген разочаровался в содержании и направлении журнала «Иностранное обозрение», который он рекомендовал читать Марии (письмо 55). О том, что в 1830-х гг. этот журнал был интересным, свидетельствуют многие. Например, Софья Ивановна Борх (1809—1871) писала в конце дек. 1833 г. в Сибирь своей сестре Екатерине Ивановне Трубецкой: «Я предлагаю тебе <...> «Revue Ettrangère» <...>, содержащий хороший выбор из всех периодических изданий более или менее замечательных, которые выходят во Франции, в Германии и в Англии; я уверяю тебя, что это превосходный журнал, составленный со вкусом, <...> там есть все интересное с точки зрения литературы» (Литературное наследие декабристов. М. 1973, с. 192).

⁴ *Барант Гильом-Проспер* (1782—1866), французский историк, писатель и дипломат, был послом в России. Труд Баранта называется «История бургундских герцогов из дома Валуа. 1364—1477», т. 1—13. Париж, 1837—1838.

хранил А. А. и А. М. 82

0—5 л. 2568 М. НАСН

ИРЛИ, № 2568, л. 124—124 об.

¹ Год устанавливается по времени приезда в Сибирь Н. И. Пущина для ревизии по ведомству юстиции.

² И. И. Пущин (1798—1859), офицер гвардейской конной артиллерии, затем судья Московского надворного суда, член Союза благоденствия и Северного общества. Осужден по I разряду, после приговора находился в Шлиссельбургской крепости. С 1828 г. на каторге в Чите и Петровском заводе. На поселении в Туринске с окт. 1839 г., с сент. 1843 г. в Ялуторовске (см. примеч. 8), в 1856 г. вернулся в Европейскую Россию.

³ Пущин Николай Иванович (1803—1874), брат декабриста, чиновник 2-го отделения III департамента Сената.

⁴ Басаргин Николай Васильевич (1799—1861), поручик, старший адъютант в штабе 2-й армии, член Южного общества. Осужден по II разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении с 1836 г. в Туринске, с 1841 г. в Кургане, с 1846 г. в Омске, с 1848 г. в Ялуторовске, в 1857 г. вернулся в Европейскую Россию.

⁵ Пейкер Михаил Иванович — письмоводитель в Кургане, сын сенатора, выслан в Курган на поселение за какие-то проступки.

⁶ Старшая дочь А. Ф. Бригена и его гражданской жены А. Т. Томниковой Екатерина родилась 4 нояб. 1839 г. (ГАКО, ф. 72, оп. 1, д. 176, л. 132 об.), в замуж. Кузнецова, до замужества носила фамилию Александрова (ГАКО, ф. 35, оп. 1, д. 25, л. 93 об.).

⁷ На просьбу А. Ф. Бригена о содействии в получении решения Казенной палаты о передаче в аренду мельницы И. И. Пущин ответил Н. В. Басаргину, что нужный документ отправлен в Курганский земский суд. Однако его там не оказалось, и А. Ф. Бриген продолжал хлопотать весь 1842 г., подключив к этому делу и В. И. Штейнгеля, но положительного завершения дело не получило (об этом деле см.: Письма Н. В. Басаргина к И. И. Пущину. — В кн.: Сибирь и декабристы, вып. 3, с. 199, 201—203, 209).

⁸ Перевести И. И. Пущина и Е. П. Оболенского из Туринска в Ялуторовск царь разрешил 7 июля 1842 г. Однако только 4 сент. 1843 г. П. Д. Горчаков сообщил Бенкендорфу, что Пущин и Оболенский доставлены из Туринска в Ялуторовск, и объясняет, что задержка с переводом произошла из-за болезни Пущина (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 40, л. 25, 30, 35).

⁹ Речь идет об экспедиции на Кавказе против Шамиля летом 1842 г., в которой корпус под командованием П. Х. Граббе потерпел поражение, потерял 60 офицеров и почти 1700 солдат.

¹⁰ Дивов Василий Абрамович (1806?—1842), мичман Гвардейского морского экипажа, член тайного общества Гвардейского экипажа (Шешин А. Б. Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже. — Ист. записки. М., 1975, т. 96, с. 111 и др.). Осужден по I разряду. После приговора переведен в Бобруйскую крепость в качестве крепостного арестанта, в конце 1832 г. отправлен на Кавказ, где и умер от ран 9 февр. 1842 г.

¹¹ Маркевич Михаил Тимофеевич сослуживец А. Ф. Бригена и М. А. Фонвизина по Измайловскому полку. В полку служил с 1804 г., участник сражений при Аустерлице, войны 1812 г. и заграничных походов, с 1830-х гг. жил в Одессе, где служил в Обществе сельского хозяйства Южной России.

¹² П. С. Бобрищев-Пушкин (1802—1865), поручик квартирмейстерской части, член Южного общества. Осужден по IV разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении с 1833 г. в Красноярске, с 1840 г. в Тобольске, в начале 1856 г. вернулся в Европейскую Россию.

62. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 21—22

¹ Год устанавливается по времени поездки Марии в Курск (об этом ниже, примеч. 7). Месяц определяется по признаку того, что данное письмо является ответом на письмо Марии от 17 июля, а предыдущее письмо к ней А. Ф. Бриген писал 21 авг., которое могло дойти до адресата в конце сентября. Доказательством того, что письмо писано не позднее начала октября, свидетельствует и поручение о выписке «Прусской газеты» не позднее середины ноября.

² Скоропадская (урожд. Маркович) Пульхерия Ивановна (1781—?), помещица Черниговской губ.

³ Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854), философ, представитель немецкого классического идеализма.

⁴ Спиноза Бенедикт (1632—1677), голландский философ, создатель философской системы материализма, облеченного в форму пантеизма.

⁵ А. Ф. Бриген имел в виду Тимковских: Василия Федоровича (1781—1832), государственного деятеля, дипломата и писателя; Егора Федоровича (1790—1875), русского путешественника и дипломата, автора трехтомного труда «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» (СПб., 1824), и Романа Федоровича (1785—1820), русского филолога и историка-археографа.

⁶ Л. И. Стражева.

⁷ Поездка в Курск была предпринята для подачи прошения царю, посетившему этот город в сент. 1842 г. Прошение было подано 9 сент. от имени дочерей Марии и Анастасии о помиловании отца. 6 окт. 1842 г. был получен отказ (ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 13 638, л. 1).

⁸ Местр Ксавье (1763—1852), французский писатель.

⁹ Сенанкур Этьен Пиверт (1770—1847), французский писатель. Сочинение также называется «Письма Обермана».

¹⁰ Тепфер Рудольф (1799—1846), швейцарский писатель.

¹¹ Арно Франсуа Томас (1718—1805), французский писатель. «Варфоломей» — ранняя его трагедия, полное ее название «Колиньи, или Варфоломеевская ночь».

¹² Виньи Альфред (1797—1863), французский писатель-романист.

¹³ Роман «Роз и Бланш», написан в 1831 г. Жорж Санд (Аврой Дюдеваль, 1804—1876) совместно с Леонором Сильвеном Жюлем Сандо (1811—1883), близким другом А. Дюдеваль, обязанной ему своим псевдонимом.

¹⁴ Жакмон Виктор Пауль Фридрих (1801—1870), французский писатель и путешественник.

¹⁵ Карр Альфонс Жан (1808—1890), французский писатель, автор многочисленных бытовых романов.

¹⁶ Годвин Уильям (1756—1836), английский писатель. Роман называется «Вещи как они есть, или Приключения Калеба Вильямса», издан в 1794 г., русский перевод в 1838 г.

¹⁷ Ролан Ла Платьер (урожд. Флипон) Манон Жакна Мари (1734—1793), писательница, деятельница Великой французской революции, жирондистка, казнена якобинцами. В тюрьме написала мемуары, изданные в 1795 г. под названием «Призыв гражданки Ролан к беспристрастному потомству».

¹⁸ Матюрен Шарль Роберт (1782—1842), ирландский писатель.

63. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 24—24 об.

¹ Датируется по содержанию: А. Ф. Бриген просит выслать роман «Гай Мэннеринг» В. Скотта, подчеркивая, что повторяет просьбу, а она содержится в предыдущем письме.

² Жан Поль (Пауль Фридрих Рихтер, 1763—1825), писатель, основоположник просветительских идей в немецкой литературе.

³ Стерн Лоренс (1713—1768), английский писатель-сентименталист.

⁴ Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822), немецкий писатель-романтик.

64. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 7—8 об.

¹ Письмо от 18 дек. 1842 г. не сохранилось. В нем, видимо, А. Ф. Бриген выражает свою реакцию на отказ царя на просьбу о помиловании, поданную дочерьми 9 сент. 1842 г. в Курске, и подсказывает варианты новых прошений, на этот раз, надо думать, о продвижении по службе.

² Бомон де ла Бонниньер Гюстав Огюст (1802—1866), французский публицист и политический деятель.

65. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 126—127 об.

¹ Приложение к несохранившемуся письму к С. М. Бриген. Датируется по содержанию и предыдущему письму к Марии и Анастасии от 12 февр. 1843 г., является ответом на сообщение о том, что 3 февр. было подано прошение в Петербург.

² Шеллер Иммануил Иоганн Гердарт (1735—1803), немецкий филолог.

³ Нужно полагать, что 3 февр. 1843 г. Мария Бриген написала прошение в Петербург об облегчении участи отца с его подказки в письме от 18 дек. 1842 г. (см. примеч. 1 к письму 64).

⁴ Тацит Публий Корнелий (ок. 56 — ок. 117), древнеримский историк.

⁵ Тиберий Клавдий Нерон (42 до н. э. — 37 н. э.), римский император (14—37).

66. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, 5819.6, л. 8—9 об.

¹ Губернатор — М. В. Ладыженский.

67. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 19—20 об.

¹ А. Ф. Бриген предвидел, что ответ на прошение дочери об облегчении участи отца от 3 февр. 1843 г. будет таким же, как и на прошение от 9 сент. 1842 г., в чем он не ошибся.

² *Курций Руф Квинт*, древнеримский историк и ритор в I в. н. э., автор «Истории Александра Великого», написанной в 40—54 гг., из 10 книг, две первые до нас не дошли.

³ Конец письма утерян.

68. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 21—22 об.

¹ Год устанавливается на основании последующих писем от 11 февр. и 24 марта 1844 г. Подтверждает правильность даты и то, что 3 дек. 1843 г. совпадает с пятницей, когда А. Ф. Бриген писал письма для отправки с уходящей в этот день из Кургана почтой.

² Пор-Рояль — женские монастыри в Шане и Париже, ставшие с 1630-х гг. центрами янсенизма — религиозно-философского течения, стремившегося пересмотреть некоторые догмы позднего католицизма и этические принципы и практику иезуитов. В общину янсенистов Пор-Рояля входили наиболее прогрессивные деятели науки и литературы Франции XVII в.

³ *Расин Жан* (1639—1699), знаменитый французский драматург, приверженец янсенизма.

⁴ Общину янсенистов Пор-Рояля возглавила семья Арно: мужскую — Антуан Арно (1612—1694), философ, богослов, юрист, доктор Сорбонны, и его старший брат Анулье Роберт Арно; женскую — их сестра Анжелика.

⁵ *Франсуа де Саль* (1567—1622), французский богослов, автор поучительных сочинений, канонизирован католической церковью.

⁶ Моисей, легендарный пророк и законодатель, которому иудейская и христианская традиция приписывает авторство Пятикнижия — первых пяти книг Ветхого завета.

⁷ *Паскаль Блез* (1623—1662), знаменитый французский математик, физик, философ и писатель. Приверженец янсенизма.

⁸ *Николь Пьер* (1625—1695), французский писатель и ученый, в соавторстве с Антуаном Арно написал философский труд «Логика, или Искусство мыслить» («Логика Пор-Рояля»), а также «Опыты о морали».

⁹ Суровый аббат Сен-Сирана (1581—1643). — *Дювержье де Горран Жан*, французский богослов, аббат Сен-Сиранского монастыря, основатель янсенистской общины Пор-Рояля.

¹⁰ Многотомная «История Пор-Рояля» Сент-Пева издавалась в 1840—1859 гг. К 1843 г. вышло три тома. В 1845 г. А. Ф. Бри-

ген обратился к П.Н.Свистуну с просьбой прислать ему вышедшие в 1844 г. 4-й и 5-й тома, что известно из письма В. К. Кюхельбекера к П. Н. Свистуну от 3 мая 1845 г. (ЛН. М., 1954, т. 59, кн. 1, с. 472).

69. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 9—10 об.

¹ Записки Кесаря — «Записки» Гая Юлия Цезаря (102—44 до н. э.), римского полководца, государственного и политического деятеля, талантливого писателя — содержат описание четырех войн: Галльской (в переводе А. Ф. Бригена — I часть), Гражданской, Александрийской и Африканской (II часть). Последние две войны входят в «Записки» Юлия Цезаря условно, так как написаны после его смерти другими авторами.

70. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 11—12 об.

¹ В. А. Жуковского.

² Тулонжон Франсуа-Эммануил (1768—1812), гр., французский генерал, его перевод «Записок» Г. Юлия Цезаря на французский язык был напечатан в 1813 г.

³ Киево-печерский патерик (патерик — буквально книга об отцах церкви, греч.) — памятник древнерусской письменности XIII—XV вв., сборник сказаний о монахах Киево-Печерского монастыря, ценный исторический источник для изучения событий XI—XIII вв., а также истории общественной мысли, летописания и литературных жанров XIII—XV вв.

⁴ Вадковский Федор Федорович (1800—1844), прапорщик Нежинского конно-егерского полка, член Северного и Южного обществ. Осужден по I разряду, после приговора находился в крепостях Кексгольмской и Шлиссельбургской, на каторге с 1828 г. в Чите и Петровском заводе, с 1840 г. на поселении в Оёке под Иркутском, где умер 8 янв. 1844 г.

⁵ Юшневский Алексей Петрович (1786—1844), ген.-интендант II армии. Член Союза благоденствия и Южного общества (один из его директоров). Осужден по I разряду. После приговора содержался в Шлиссельбургской крепости. На каторге с конца 1827 г. в Чите и Петровском заводе, на поселении в д. Кузьминской под Иркутском, в конце 1840 г. переведен в Малую Разводную, умер 10 янв. в Оёке.

⁶ Жена А. П. Юшневского — Мария Казимировна (урожд. Круликовская, 1790—1863) последовала за мужем в Сибирь, куда пришла в авг. 1830 г.

⁷ Замужняя дочь М. К. Юшневской от первого брака — Софья Алексеевна Рейхель (урожд. Анастасьева). Разрешение на выезд из Сибири М. К. Юшневская получила только в 1855 г.

⁸ Речь идет о стихотворении американского поэта Натаниэля Паркера Виллиса (1806—1867) «Ребенок, уставший от игры». Это стихотворение сохранилось (ИРЛИ, № 2568, л. 81—82) и ошибочно приложено к письму к дочери Марии от 28 нояб. 1852 г. Как

видно из настоящего письма, стихотворение в действительности было приложено к письму, написанному еще в 1843 г.

Стихотворение это переведено А. Ф. Бригеном с английского на французский язык. Приводим его ниже в русском переводе.

*«Ребенок, уставший от игры»
американского поэта Виллиса,
перевод с английского*

Ты много играл и вот ты устал.
Что же ты делал в течение всего дня?
Все существа завершили свои дневные дела:
Птицы молчат, не жужжит больше пчела,
Солнце скользит, теряясь в вершинах деревьев,
На верхушке колокольни;
Голубка укрылась под тенистой кроной,
Густая листва укрывает гнездо, в котором она
живет.

Наступают сумерки.
Дитя, что ты сделало за день?
Что скажешь матери, вернувшись к ней?
Выполнил ли ты за день то, что твой голосок
пообещал утром?
Прощал ли ты? Любил ли ты?
Услышал ли от тебя твой друг счастливые
и нежные слова?

Иди, наступит вечер, вечер большого дня.
Ты будешь снова усталым,
Но не от того, что много играл.
Твое тело смирится, твои глаза закроются,
как сегодня,
Ты скажешь: «Почему тень не спешит опуститься?»
Я хотел бы, хотел бы уснуть.
Дай бог, чтобы чело твое тогда было бы столь
чистым.
Как сегодня, чистым от греха и стыда.
Как отчитаешься ты за день, за день, длиною
в жизнь?

Если рука твоя открывается,
Если сердце твое предается жалости,
Если раскаяние снедает твою душу
И если красноречивые голоса природы
Приоткрыли свои святые тайны,
Если твои симпатии на стороне того, кто
скромен и велик, —

Воспоминания будут тебе приятны.
Ты увидишь, как наступит ночь,
И не дрогнешь и спокойно, как сегодня,
Ты уснешь на материнской груди.

На об. л. 82 А. Ф. Бриген сделал следующую приписку: «Прочтите, моя дорогая Мария, в труде «О Германии» мадам де Сталь

четвертую часть «Религия и вдохновение». Это гениальное произведение, вдохновленное религией» (франц.).

⁹ Любовь Бриген.

71. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 13—14 об.

¹ Письмо неизвестно.

² Верцингеториг, сын Кельтилла (казнен 46 г. до н. э.), вождь племени арвернов.

³ Гомер, легендарный древнегреческий поэт, которому приписывается создание величайших произведений античной и мировой литературы «Илиада» и «Одиссея».

⁴ Судненко Михаил Иосифович (1803—1874), свояк А. Ф. Бригена, помещик Черниговской губ., новгородсеверский уездный предводитель дворянства, затем председатель комиссии по разбору древних актов при Киевском, Волынском и Подольском губернаторе, приятель А. С. Пушкина в 1830-е гг. Письма Пушкина к нему опубликованы в Полн. собр. соч. М., 1958, т. 10.

⁵ Иоанн Креститель, мифическая личность, рыбак, дядя Иисуса Христа и его предтеча, в 13 г. (28 лет) крестил самого Иисуса.

72. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 15—16 об.

73. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 17—18

74. М. А. и А. А. Бриген

ИРЛИ, № 2572, л. 19—20 об.

¹ Вероятнее всего, этот бывший офицер польской армии, сосланный в Курган, — Непомуцен Решинский, единственный из находящихся в 1844 г. в Кургане ссыльных поляков военный. В «Ведомости о государственных и политических преступниках, находящихся в Тобольской губернии», за сент. 1849 г. о нем сказано, что ему 48 лет, бывший подпоручик, был адъютантом «мятежных войск» Дерницкого, лишен чинов и дворянства, с 26 апр. 1843 г. поселен в Кургане под надзором полиции (ГАОО, ф. 3, оп. 13, св. к-1051, д. 18 296, л. 6).

² Ювенал Децим Юний (60 — ок. 140), древнеримский поэт-сатирик.

75. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, 5819.7, л. 1—2 об.

Год устанавливается по упоминанию А. Ф. Бригена о начале работы над переводом Цезаря в январе.

² В марте 1844 г. М. М. Нарышкин был уволен в отпуск из Кавказской армии на 6 месяцев (ВД, т. 8, с. 362).

³ Графиня — А. И. Коновницына.

⁴ Суворова Варвара Аркадьевна (1785—1855), внучка А. В. Суворова, была замужем в первом браке за полковником кавалерийского полка Дмитрием Евлампиевичем Башмаковым (1792—1835) — двоюродным братом декабриста, во втором браке за генералом от инфантерии Андреем Ивановичем Горчаковым (1776, по др. данным 1766—1855).

76. М. А. Бриген

Рус. старина, 1903, № 3, с. 555

Отрывок из письма, опубликованный в статье С. Н. Брайловского «Из жизни одного декабриста». Подлинник не обнаружен

¹ Датируется по указанию на возраст — 52 года. С. Н. Брайловский ошибочно датировал это письмо 1846 г., так как считал, что А. Ф. Бриген родился в 1794 г. (Рус. старина, 1903, № 3, с. 542).

77. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 17—18 об.

¹ Год устанавливается по сообщению в письме, что идет второй год работы над переводом «Записок» Юлия Цезаря, начатым 17 янв. 1844 г.

² Секретарь Курганского окружного суда Николай Петрович Рихтер.

³ В. А. Жуковскому.

⁴ Бюре Эжен (1810—1842), французский мелкобуржуазный социалист.

78. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 28—29 об. Конец письма:

ИРЛИ, № 2571, л. 5, на обороте записка к С. М. Бриген (письмо 79)

¹ Младшая дочь Любовь Бриген закончила Смольный институт.

² Речь идет о средней дочери Анастасии, которая 25 окт. 1844 г. вышла замуж за помещика Казанской губ. Ивана Павловича Умова (см. примеч. 3 к письму 86).

³ Н. П. Рихтер.

⁴ Тьерри Огюстен (1795—1856), французский историк, один из основателей романистического направления во французской историографии. В письме речь идет о его труде: «История завоевания Англии норманнами», т. 1—3. Париж, 1825.

⁵ Гиббон Эдуард (1737—1794), английский историк-просветитель, антиклерикал, автор труда «История упадка и разрушения Римской империи». На английском языке издан в 1776—1788 г. Мария Бриген читала это сочинение во французском переводе.

⁶ Магомет (Мухаммед) (570-е—632), арабский религиозный и политический деятель, основоположник ислама, ему приписывается авторство Корана.

⁷ Речь идет о халифах из рода Омейядов — преемниках Мухаммеда: Абу-Бекр Абдаллах бен Осман (572—634, халиф с 632 г.); Омар ибн Аль Хаттаб (591—644, халиф с 634 г.); Осман ибн Афран (халиф в 644—656 гг.); Али (602—661, халиф с 656 г.).

79. С. М. Бриген

ИРЛИ, № 2571, л. 5 об.

¹ Приписка к письму М. А. Бриген от 15 марта 1845 г.

80. А. Ф. Орлову

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 94

ИРЛИ, № 21 223, л. 1—1 об. Черновой вариант с авторской правкой.

Ошибочно числится как докладная записка
ген.-губернатору Западной Сибири П. Д. Горчакову

¹ Орлов Алексей Федорович (1786—1861), военный и государственный деятель, в 1844—1856 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения.

81. В. А. Жуковскому

ИРЛИ, № 27 937, л. 1—2. Копия. На л. 2 помета:

«Копия руки Кальянова, слуги В. А. Жук[овского]»

¹ В. А. Перовский (1795—1857), сослуживец А. Ф. Бригена по Измайловскому полку и член Союза благоденствия. В дальнейшем сделал военную карьеру, с 1833 г. ген.-адъютант, с 1843 г. ген. от кавалерии, гр. (1855), в 1833—1842 и в 1851—1857 гг. оренбургский военный губернатор и командир отдельного Оренбургского военного корпуса.

82. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 30—30 об.

¹ 14 апреля, — по-видимому, описка Бригена, так как 14 апр. выпадает на субботу, а почта из Кургана уходила в пятницу, т. е. 13 апр. О письме к Марии от 13 апр. упоминает Бриген в письме к жене 5 июля 1845 г.

² Оба письма — к В. А. Жуковскому и А. Ф. Орлову — от 6 апр. 1845 г.

³ Обе повести Ф. Шатобриана «Рене» и «Атала» включены в его трактат «Дух христианства» (1802).

83. А. А. Соболевскому

ЦГВИА, ф. 1, д. 15 648, л. 39

¹ Курганский городничий в 1845 г.

² Любовь Бриген.

³ 4 авг. 1845 г. ген.-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков сообщил А. Ф. Орлову, что препровождает эту «подписку канцеляриста из государственных преступников Бригена о невозможности им вступить рядовым в войско Отдельного Кавказского корпуса» (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 104).

84. Л. А. Бриген

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 97а—97б об.

¹ Военный министр — А. И. Чернышев.

² Чижов Николай Алексеевич (1800—1848), поэт, лейтенант 2-го флотского экипажа, член Северного общества, участник восстания на Сенатской площади. Осужден по VIII разряду, приговорен к ссылке в Сибирь. На поселении с 1826 г. в Олекминске Якутской обл., в начале 1833 г. переведен в Александровский завод. По ходатайству родственников был определен в 1835 г. рядовым в сибирские батальоны, в которых прослужил семь лет в разных городах: Иркутске, Тобольске, Петропавловске, Омске, в 1837 г. произведен в унтер-офицеры, в 1840 г. — в прапорщики, в 1842 г. был уволен в четырехмесячный отпуск в Тульскую губ., но в Сибирь больше не вернулся, а в февр. 1843 г. по болезни уволен в отставку.

85. С. М. Бриген

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103,
л. 97в—97г об.

¹ Дата устанавливается по отметке в III Отделении, что данное письмо от того же числа, что и письмо к дочери Любви Бриген, т. е. от 5 июля 1845 г. (ЦГАОР, там же, л. 98).

² Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт, член Северного общества. Осужден по I разряду. После приговора содержался в крепостях Динабургской, Ревельской и Свеаборгской, в конце 1831 г. отправлен в Сибирь и поселен в Баргузине Иркутской губ., затем в Акшинской крепости, в 1844 г. в Смоленской слободе Курганского округа (практически в Кургане). В 1846 г. уехал в Тобольск для лечения, где и умер.

³ И. С. Повало-Швейковский умер в Кургане 10 мая 1845 г., т. е. за несколько дней до того, как заболел Бриген.

86. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 133—134 об.

¹ Год устанавливается по содержанию: упоминание о возрасте (53 года) и намерение правительства отправить А. Ф. Бригена рядовым на Кавказ, что соответствует 1845 г. Второе соображение:

Бриген получил «Записки» Юлия Цезаря на французском языке в переводе Тулонжона, а 25 авг. 1844 г. он еще ждал эту книгу.

² Вальман Родион Иванович (1809—1882), сводный брат А. Ф. Бригена, морской артиллерийский офицер, начал службу в 1827 г., в 1835 г. прапорщик, в 1836 г. поручик, в 1844 г. штабс-капитан, в 1848 г. капитан, в 1855 г. подполковник, в 1859 г. в том же чине, в отставку вышел в чине полковника.

³ И. П. Умов (1811—1876), зять А. Ф. Бригена, муж средней дочери Анастасии с 1844 г., старший сын казанского помещика Павла Михайловича Наумова и его крепостной — Матрены Тихоновны. Как незаконнорожденному, ему присвоили фамилию Умов, как старшему сыну отец сумел добиться для него дворянского звания (сведения получены от правнучки Умовых, праправнучки А. Ф. Бригена Татьяны Борисовны Николаи).

87. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 48—49 об.

¹ Год устанавливается по содержанию: канун свадьбы Марии.

² Письмо В. А. Жуковского к А. Ф. Бригену от 18(30) июня 1845 г. опубликовано в кн.: Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4-х т. М.; Л., 1960, т. 4, с. 644—648. Это письмо — ответ на письмо А. Ф. Бригена от 6 апр. 1845 г.

³ Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), начальник штаба корпуса жандармов, управляющий III Отделением (1839—1856).

88. Л. В. Дубельту

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, л. 61, ч. 103,
л. 101—101 об.

¹ Место написания и дата помещены в конце письма. Вверху листа помета, сделанная в III Отделении: «3 ноября 1854».

89. В. А. Жуковскому

ИРЛИ, № 27937, л. 7—10 об.

¹ Год устанавливается по содержанию: ответ на письмо В. А. Жуковского от 18/30 июня 1845 г. (см. примеч. 2 к письму 87).

² 27 июня (9 июля) 1845 г. В. А. Жуковский ходатайствовал через Л. В. Дубельта разрешить А. Ф. Бригену напечатать перевод (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, л. 61, ч. 14, л. 31). 20 июня 1845 г. Л. В. Дубельт ответил В. А. Жуковскому, что царь согласился без обозначения имени (там же, л. 35), то же сообщил А. Ф. Орлов ген.-губернатору Западной Сибири 22 июля 1845 г. (там же, л. 36), а Бригену это известно стало 31 авг. 1845 г., о чем он и сообщил В. А. Жуковскому в этом письме.

³ Возможно, речь идет о Вольтмане Карле Людвиге (1776—1817), немецком историке, написавшем историю различных стран Западной Европы (Германии, Англии, Франции, Чехии), а также историю Реформации и 30-летней войны.

⁴ Ж. Ж. Руссо.

⁵ *Саллюстий Гай Крисп* (86 — ок. 35 до н. э.), древнеримский историк, автор дошедших до нас трудов «О заговоре Катилины», «Югуртинская война», «Истории» в пяти книгах.

⁶ *Веллей Патеркул*, римский историк времен императора Тиберия, участвовал с ним в качестве начальника конницы в походах в Германию в 14 г. н. э., по возвращении в Рим — претор; автор «Римской истории» в двух книгах.

⁷ *Фрейнгсгейм Иоанн* (1608—1660), немецкий филолог, специалист по античной исторической литературе, составитель комментариев к трудам Тита Ливия «Дополнения к Титу Ливию».

⁸ *Юстин*, римский историк (II—III в.). Основное сочинение — краткое изложение несохранившегося труда римского историка и ученого Трога (I в. до н. э. — I в. н. э.) «Истории Филиппа» в 44 книгах, в которой описывалась всемирная история от легендарных ассирийских царей до Августа, но где главное внимание уделялось истории Македонии времен Филиппа II и Александра Македонского. Изложение Юстина характерно ошибками и искажениями.

⁹ *Флор Луций Анней*, древнеримский историк II в., автор «Эпитом» (или «Двух книг извлечений из Тита Ливия о всех войнах за 700 лет»), в которых излагается история римских завоеваний с древнейших времен до Августа. Сочинение Флора является компиляцией из сочинения Тита Ливия и других древних историков, содержит фактические ошибки и чрезмерное восхваление Рима.

¹⁰ *Светоний Транквилл Гай* (ок. 70 — после 122), римский историк и писатель, автор 8-томной книги «Жизнь двенадцати Цезарей», которая содержит жизнеописание римских императоров от Цезаря до Домициана (51—96, император с 81 г.). Построенное на изложении одних фактов с редким включением документов, сочинение имеет больше художественно-занимательное значение, чем историческое.

¹¹ См. примеч. 2 к письму 67.

¹² *Антонины* — римская императорская династия (96—192), названа по имени императора Антония Пия (86—161, император с 138 г.). К ней принадлежал Нерва Марк Кокцей (30—98, император с 96 г.), Траян Марк Ульпий (53—117, император с 98 г.), Адриан Публий Элий (76—138, император с 117 г.), Марк Аврелий (121—180, император с 161 г.), Коммод Луций Элий Аврелий (161—190, став императором в 180 г., изменил свое имя на Марк Коммод Антоний Август).

¹³ *Гизо Франсуа Пьер Гийом* (1787—1874), французский буржуазный историк и политический деятель, в историографию вошел как один из создателей буржуазной истории классовой борьбы.

¹⁴ *Мильман Генрих* (1791—1868), английский историк и издатель.

¹⁵ *Туманский Владимир Иванович* (1809—1889), муж старшей дочери декабриста Марии, воспитанник Царскосельского лицея, офицер гусарского полка, в 1851—1866 гг. глуховский предводитель дворянства, крупный помещик Черниговской губ.

90. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 40—41 об.

¹ Туманский Михаил Васильевич (1758—1828), действ. статский советник, петербургский гражданский цензор.

² Кочубей (урожд. Туманская) Елена Васильевна (1762—1836), тетя Вас. и Вл. Ивановичей Туманских.

³ Туманский Василий Иванович (1800—1860), известный русский поэт, деверь М. А. Туманской.

⁴ Кочубей Демьян Васильевич (1786—1859), крупный украинский помещик, высокопоставленный чиновник различных правительственных ведомств и министерств, с 1842 г. член Государственного совета, с 1858 г. сенатор. Сын Василия Васильевича Кочубея (1750—1800) и Елены Васильевны (см. примеч. 2), двоюродный брат Вас. и Вл. Ивановичей Туманских.

⁵ Речь идет о рождении первой внучки А. Ф. Бригена — Софьи Ивановны Умовой.

⁶ П. П. Мерный, окружной исправник, сначала в Туринске, в первой половине 1840-х гг. в Кургане, был крестным отцом сына А. Ф. Бригена и А. Т. Томниковой — Ивана, родившегося 8 июня 1841 г. (ГАКО, ф. 72, оп. 1, д. 176, л. 216 об).

⁷ *Scriptores historiae Augustae* (SHA) — сборник биографий римских императоров от Адриана до Нумериана (117—284). Известны шесть его авторов: Элий Спартиан, Вулкаций Галликан, Требеллий Поллион, Флавий Вописк, Элий Лампридий и Юлий Капитолин. Время написания биографий относится к III—IV вв. Название сборнику дали в XVII в. парижские издатели Казобон и Сомез и лейпцигский филолог и издатель Ян Грутер (1560—1627). А. Ф. Бриген, интересовавшийся в 1845 г. Тацитом, просил прислать его биографию, также содержащуюся в двухтомнике SHA, в одном пакете с сочинениями Тацита.

91. Л. В. Дубельту

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 115

92. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 31—32 об.

¹ А. А. Умова.

² Речь идет об ожидаемом рождении второго ребенка А. А. Умовой.

93. В. И. Туманскому

ИРЛИ, № 2570, XI, с. 10

94. Л. А. Бриген

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 64—65 об.

¹ Год устанавливается по содержанию: Любовь после окончания Смольного жила с матерью в Слоуте, а сестра Мария, только вышедшая замуж в сент. 1845 г., жила неподалеку в поместье мужа в с. Черториги.

² Любовь Бриген родилась 23 июля 1826 г., т. е. через 7 месяцев после ареста А. Ф. Бригена (ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 15 648, л. 32), который и увидел впервые свою младшую дочь в крепости.

95. М. А. Бриген

ИРЛИ, № 2568, л. 33—34 об.

96. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 35—37

¹ Это письмо В. А. Жуковского переслано А. Ф. Бригену через III Отделение, где была снята копия с него (ЦГАОР, ф. 1826, д. 61, ч. 103, л. 122—127 об.).

² Речь идет о сочинениях Тацита, переведенных на итальянский язык Даванцати.

97. В. А. Жуковскому

ГПБ, ф. 286, оп. 2, д. 73, л. 14—17
Рус. старина, 1903, № 10, с. 190—194

¹ Л. В. Дубельт.

² Бетман, известная банкирская фамилия во Франкфурте-на-Майне.

³ Знакомство А. Ф. Бригена с Н. И. Тургеневым во Франкфурте произошло в последних числах ноября 1813 г.

⁴ Абланкур Перо (Nicolas Peter) (1606—1664), французский переводчик, прославившийся неточностью переводов, прозванных «Неверные красавицы».

⁵ Бонштегген Карл Виктор (1745—1832), швейцарский писатель, друг и корреспондент швейцарского историка Иоганна фон Мюллера.

⁶ Миддлтон Коньер (1683—1750), английский богослов и литератор. Книгу «Жизнь Цицерона» написал в 1741 г.

⁷ Древнегреческий философ Диоген Синопский, один из основателей кинетической школы, отражавшей пассивный протест беднейших слоев народа против господства имущих, опровергал все блага цивилизации, самоцель человека видел в аскетической добродетели, основанной на подражании природе. Сочинение Виланда, которое А. Ф. Бриген переводил с немецкого на латинский язык, называется «Разговор Диогена Синопского».

98. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 38—39 об.

¹ Туманский Василий Владимирович (1846—1848), внук А. Ф. Бригена.

² Зиновьев Николай Васильевич (1801—1882), ген.-адъютант, начал службу в л.-гв. Измайловском полку, с 1844 г. директор Пажеского корпуса, в 1849—1858 гг. воспитатель великих князей.

³ Имеется в виду гр. Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич (1800—1855), крупный украинский помещик, основатель Нежинского лицея, государственный контролер (1854—1855).

99. Л. А. Бриген

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 66—67 об.

¹ Год устанавливается по содержанию.

² Умов Михаил Иванович (р. 1847).

³ Речь идет о производстве в чин коллежского регистратора, что произошло только в апр. 1848 г. (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 153).

100. В. А. Жуковскому

ГПБ, ф. 286, оп. 2, д. 73, л. 18—21 об. (без конца)

Конец письма: ИРЛИ, 27 937, л. 5—6 об.

Неоконченное письмо из ГПБ опубликовано:

Рус. старина, 1903, № 10, с. 195—199

¹ Дата и место написания помещены в конце письма, за ними следует приписка, датированная 20 июня.

² Письмо В. А. Жуковского к А. Ф. Бригену от 16/28 мая 1847 г. (опубликовано: Жуковский В. А. Сочинения. Изд. 7, 1878, т. 6, с. 622—625).

³ Катилина (Сергий Катилина) Луций (ок. 108—62 до н. в.), римский политический деятель. Труд Саллюстия точнее называется «Заговор Катилины».

⁴ Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832), великий немецкий поэт.

⁵ Глейм Иоганн Вильгельм (1719—1803), немецкий поэт.

⁶ Менцель Карл Адольф (1784—1855), немецкий историк.

⁷ Роско Вильям (1753—1831), английский историк, автор книг «Жизнь Лоренцо Медичи», «Жизнь и понтификат Льва X».

⁸ Галлам Генри (1777—1859), английский историк и литературный критик.

⁹ Герен Арнольд Герман Людвиг (1760—1842), немецкий историк, профессор Геттингенского университета.

¹⁰ Описка А. Ф. Бригена: в Пелыме он жил восемь лет (1828—1836).

¹¹ Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814), немецкий философ и общественный деятель, один из представителей немецкой классической философии.

¹² Рейнгольд Карл Леонард (1758—1823), немецкий философ.

¹³ Круг Вильгельм Франц (1770—1842), немецкий философ.

¹⁴ Кенигсбергский мудрец — Иммануил Кант.
¹⁵ Виллерс Шарль (1765—1815), французский писатель, профессор Геттингенского университета.

¹⁶ Гамильтон Вильям (1788—1856), английский философ.
¹⁷ Роберт Август Вильгельм (1757—1836), немецкий философ.

¹⁸ Вильм Иозеф (1790—1852), французский философ.
¹⁹ Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), крупнейший немецкий философ-идеалист и диалектик.

²⁰ Пайс Люис (1803—1880), французский литератор и переводчик.

²¹ Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801), швейцарский писатель.

²² Юлиан Отступник Флавий Клавдий (331—363), римский император (361—363). В 355 г. был возведен в цезари и отправлен в Галлию наместником для управления и защиты ее от нападения варваров, нанес поражение алеманнам, франкам и хамавам. Галльские легионы провозгласили его императором-августом, а с 361 г. он стал единоличным правителем. Отступником его прозвало христианское духовенство за приверженность к языческой религии.

²³ О Митридате см. примеч. 72 к очерку «Жизнь Кайя Юлия Кесаря и взгляд на его характер».

²⁴ Тамерлан (Тамерлен) — европейское название Тимура Тимур-ленга (1336—1405), среднеазиатский полководец, эмир Мавераннахра (со столицей в Самарканде) в 1370—1405 гг.

²⁵ Лаоник Халкокондил (ок. 1423 или 1430—ок. 1490), византийский историк, автор «Истории» в 10 книгах.

²⁶ Мануил II Палеолог (1350—1425), византийский император с 1391 г. Правил в период, когда Византия подвергалась непрерывным нападениям турок, что заставило его ездить по Европе в поисках помощи против турок в Италии, Франции, Англии.

²⁷ Стилихон Флавий (ок. 360—408), римский полководец, по происхождению вандал, вел непрерывную и успешную борьбу с варварами на границах Римской империи.

²⁸ О Ромуле см. примеч. 6 к очерку «Жизнь Кайя Юлия Кесаря...».

²⁹ Камилл Марк Фурий (ок. 447—365 до н. э.), римский военачальник и политический деятель. Был цензором, пять раз диктатором, шесть раз трибуном с консульской властью; четыре раза награждался триумфом. Почетным титулом «Второй основатель Рима» удостоен за успешные войны с варварами.

³⁰ Марий Гай (ок. 157—86 до н. э.), римский полководец и политический деятель, народный трибун (119 г.), претор (115 г.), легат (109 г.), консул (107 г.), завершил победой Югуртинскую войну в 105 г. Благодаря успешной борьбе с кимврами и тевтонами в 104—101 г. избирался в консулы вопреки законам, не позволявшим выдвигать на эту должность полководца, участвовал в союзнической войне 90—88 гг., командовал римским войском в 1-й Митридатской войне (89—84), вел борьбу с Корнелием Суллой, вынужден был бежать из Рима в 87 г. вновь избран и вступил в седьмой раз в должность консула на 86 г., но через несколько дней умер.

³¹ Валаис (Валаиса) (ум. 406), вождь варварских племен, вторгшихся в 405 г. в Италию и осадивших Флоренцию. В битве при Фьезоле (авг. 406 г.) его войско было нанесено поражение римскими войсками под командованием Стилихона.

101. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 58—59

¹ Год устанавливается по содержанию: письмо написано на следующий день после получения А. Ф. Бригеном письма В. А. Жуковского и ответа ему 19 июня 1847 г.

² Жуковская (урожд. Рейтерн) Елизавета Алексеевна (1821—1856).

³ Эйнгарт Эйнгарт (ок. 770—840), деятель «Каролингского Возрождения», первый биограф франкского короля Карла Великого (742—814).

⁴ Вас. Иванович Туманский.

102. Л. А. Бриген

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 68—69 об.

¹ Год устанавливается по содержанию на основании писем, написанных А. Ф. Бригеном в июне 1847 г.—к В. А. Жуковскому от 19 июня и М. А. Туманской от 20 июня.

² Имеется в виду Н. Макиавелли, бывший в 1498—1512 гг. секретарем Совета Десяти Флорентийской республики.

³ А. А. Умова.

⁴ А. В. и Д. В. Кочубей.

103. В. А. Жуковскому

ИРЛИ, № 27937, л. 3—4 об.

¹ Точнее — 19 июня с припиской 20 июня.

² Т. е. за перевод книги Саллюстия «Югуртинская война».

104. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 42—43

¹ Внучка А. Ф. Бригена — Ольга Владимировна Туманская (в замуж. Судненко) родилась 24 сент. 1847 г.

² М. П. Миклашевский умер 26 авг. 1847 г.

105. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 44—45 об.

¹ Юркулы — именные И. П. и А. А. Умовых в Казанской губ.

² Юм Давид (1711—1776), английский философ, историк, экономист, представитель английского Просвещения.

³ Бруно Джордано (1548—1600), итальянский мыслитель, борец против схоластики, пропагандировавший материализм в форме пантеизма. Сожжен на костре инквизицией.

⁴ Севинье Мари де Рабютен Шанталь (1626—1696), маркиза, французская писательница, мастер эпистолярного жанра, отличалась исключительно ясным и выразительным языком.

⁵ Маленькая Юлия — Ю. К. Голодникова (1848—?), дочь К. М. Голодникова (1822 — ок. 1901), служившего в 1841—1848 гг. заседателем Курганского окружного суда (его в этой должности сменил А. Ф. Бриген), затем заседателем Курганского земского уездного суда по Юдинской волости и Иртышской казачьей линии, автора мемуаров, опубликованных под названиями: «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане (отрывок из воспоминаний)» — Исторический вестник, 1888, № 12 и «Декабристы в Тобольской губернии» (из моих воспоминаний) — Всемирный вестник, 1908, IX. Сведения о К. М. Голодникове и его дочери в этом примечании взяты из второй публикации (с. 5, 19).

⁶ Клечковская Юлия Эразмовна (1836—?), дочь ссыльного поляка Эразма Казтановича Клечковского и его жены Анелы Станиславовны.

⁷ Монтень Мишель (1533—1592), французский писатель-гуманист и философ-скептик эпохи Возрождения, автор книги «Опыты».

106. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 26—27

¹ Гюйон Жанна Мария (1648—1717), основательница религиозно-философского квиетизма во Франции (течение, проповедующее мистико-созерцательное отношение к жизни, умиротворение).

² Леман Генрих (1814—1882), французский художник.

³ Опочинин Федор Петрович (1778—1852), обер-гофмейстер, президент гофмейстерской службы, член Государственного совета. В период междоусобия был уполномочен Николаем уговорить Константина Павловича уступить ему престол. Его жена Дарья Михайловна (1788—1854), дочь Михаила Илларионовича Кутузова.

⁴ Л. И. Кутузов (Голенщев-Кутузов) (1769—1845), военный писатель, директор Морского корпуса, председатель ученого комитета Морского министерства, племянник М. И. Кутузова.

107. С. М. Бриген

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена,
рук. 80(2)/916 (2177/3)

¹ Бубинька — дочь А. Ф. Бригена Любовь.

² Апокалипсис — «Откровения апостола Иоанна Богослова» — одна из книг Нового завета, древнейший памятник раннехристианской литературы (68—69 гг.), ценный источник по истории раннего христианства.

³ П. Д. Горчаков.

⁴ Приказ о производстве А. Ф. Бригена в коллежские регистраторы был подписан царем 24 апр. 1848 г. (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 153).

⁵ Н. А. Терентьев (1800—1863), муж младшей сестры А. Ф. Бригена Елизаветы Ивановны (урожд. Вальман), преподаватель Морского корпуса по специальности теории и практики морской артиллерии, затем директор Морского департамента Морского министерства, с 1855 г. — ген.-майор.

108. М. А. Туманской
ИРЛИ, № 2568, л. 50—51 об.

¹ На л. 51 в правом нижнем углу приклеен клочок бумаги, на котором рукой пятилетней Марии написано: «Белая смородина. Папа, я вам посылаю варенья дочь ваша Марья Бригина».

² *Флешье (Espit Flechier)* (1632—1710), епископ Нимский, проповедник и писатель, основатель Нимской академии, особенно прославился сочинением надгробных речей.

³ *Мария-Тереза* (1638—1683), французская королева, жена Людовика XIV.

⁴ *Боссюэ Жан Бенин* (1627—1704), французский писатель, историк, епископ, идеолог католицизма и абсолютизма. А. Ф. Бриген высоко ценил литературные достоинства его надгробных речей.

⁵ «Парижские тайны» — роман Эжена Сю, издан в 1842—1843 гг.

⁶ *Лафонтен Жан* (1621—1695), французский баснописец.

⁷ Драма французского писателя Александра Дюма (отца, 1802—1870) о Наполеоне I, написанная в 1831 г., точнее называется «Наполеон Бонапарт, или Тридцать лет истории Франции».

109. М. А. Туманской
ИРЛИ, № 2568, л. 52—53 об.

¹ Послания апостолов — вид раннехристианского литературного письма, затрагивающего различные вопросы вероучения, организации христианских общин, приписываемого церковной традицией апостолам. 21 послание было канонизировано и включено в Новый завет: Павлу приписывается 14 посланий, Иоанну — 3.

² *Якоби Фридрих Генрих* (1743—1819), немецкий философ. Полностью труд Якоби называется «Об учении Спинозы в письмах к Мендельсону». По своим убеждениям немецкий философ и просветитель, издатель журнала «Письма о новейшей литературе» Мендельсон (о нем примеч. 1 к письму 21) был идейным противником Якоби, считавшего, что разум уступает вере.

³ По-видимому, имеются в виду «Московские ведомости». Эта газета в 1840-х гг., когда ее редактировал Е. Ф. Корш, приобрела большое литературно-общественное значение.

110. В. А. Жуковскому

ГПБ, ф. 286, оп. 2, д. 73, л. 22—23 об.

Рус. старина, 1903, № 10, с. 199—201

¹ *Фосс Иоганн Генрих* (1751—1826), немецкий поэт и переводчик.

111. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 54—55

«Прогулки вокруг моей комнаты» — роман Ксавье де Местра.

112. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 56—57

¹ Новорожденный — Михаил Владимирович Туманский, родился 14 янв. 1849 г.

² Умова Надежда Ивановна (1849—?).

³ А. Ф. Бриген ошибся: письмо с «автографом» пятилетней Марии было послано с письмом от 7 окт. 1848 г. (см. примеч. 1 к письму 108).

⁴ Тобольский гражданский губернатор в 1844—1852 гг. Энгельс Карл Федорович.

⁵ «La Presse», газета, издававшаяся в Париже с 1836 г.

113. П. Д. Горчакову

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61,

ч. 103, л. 161—162 об.

ИРЛИ, № 21 223, л. 2—3 об. Авторский черновой вариант из того же письма, где слова «Копия с моего

письма к князю Горчакову» зачеркнуты и в правом верхнем углу подписано рукою Бригена «Копия».

В конце письма текст в скобках, адресованный Марии, перечеркнут

¹ Власов Михаил Е., крестьянин д. Степной Чернавской волости Курганского округа, убитый односельчанами в февр. 1849 г.

² В авторском черновом варианте (ИРЛИ) слово «страшный» зачеркнуто, над ним написано «яркий», однако в чистовом варианте слово «страшный» сохранено.

³ Вдова убитого — Устинья Власова.

⁴ Павел Власов — двоюродный брат убитого М. Власова, ложно обвиненный в убийстве местными властями.

⁵ В авторском черновом варианте (ИРЛИ) вместо «повсюду» написано «это всенародно».

⁶ Лещев Александр Никитич — чиновник Главного управления Западной Сибири.

⁷ В черновом варианте (ИРЛИ) вместо «боящийся бога» — «имеющий совесть».

⁸ Слово «заседатель», в черновом варианте отсутствует. Любченко Данила Георгиевич, заседатель Курганского окружного суда, исполнял в 1849 г. обязанности судьи, но во время его болезни его замещал А. Ф. Бриген.

⁹ Н. П. Рихтер, секретарь окружного суда, во время рассмотрения дела об убийстве М. Власова исполнял обязанности второго заседателя.

114. М. А. Туманской

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103,

л. 158 а—158 б об., 159 в—159 в об.,

приписка — л. 162 об.

¹ Исправник Курганского земского суда — Иосиф Иванович Папкевич.

² Тобольский губернатор К. Ф. Энгельке.

³ Волостной писарь — писарь Чернавской волости Курганского округа И. Подорванов.

⁴ Брат Курганского земского исправника Александр Иванович Папкевич, управитель судным отделением Главного управления Западной Сибири, с 1855 г. прокурор Тобольского губернского правления.

⁵ Чиновник Главного управления Западной Сибири — А. Н. Лещев.

⁶ Тришатный Александр Львович — ген.-лейтенант, инспектор резервной пехоты, привлеченный к следствию за открывшиеся в 1846 г. лихоимство и злоупотребления в резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса.

⁷ Имеется в виду письмо П. Д. Горчакову от 29 июля 1849 г. (см. письмо 113).

⁸ Приписка написана на последнем листе в письме к П. Д. Горчакову, но в черновом варианте (*ИРЛИ*, № 21223, л. 3 об.) текст перечеркнут и существенно отличается от текста белого варианта. Приводим черновой текст: (Письмо это отправил я обыкновенным путем чрез губернатора и знаю, что оно отправлено к князю, но сомневаюсь, получил ли он его, очень быть может, что оно и перехвачено его окружающими. Вынеси меня только бог из этой службы, т. е. по юстиции, я помышляю и имею в виду перейти в другое ведомство, но об этом после. В отношении ко мне ты, мой друг, ни в чем не сомневайся, как судья я соблюдал не только существо дела, но и все формы и чист как стекло. Имея беспрестанно дело с мошенниками, я крайне осторожен, а в том, что меня деньгами купить нельзя, мне смешно бы было тебя уверять)».

115. А. В. Дубельту

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 159—160 об.

¹ Имеется в виду Иван Соколов.

116. С. М. Бриген

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 158—1, 158—1 об., 158—2

¹ Письмо не достигло адресата, задержано в III Отделении.

117. А. В. Дубельту

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 168—168 об.

¹ Указанное письмо А. В. Дубельту датировано 3 нояб. 1849 г. (см. письмо 115).

118. Д. В. Кочубею

ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 169,
169 а, 169 б

¹ Вл. И. и М. А. Туманские.

² Ни письмо, ни приложенная Записка на 10 листах с оборотами адресата не достигли, задержаны в III Отделении.

119. М. А. Фонвизину

ГБЛ, ф. 319, л. 60

¹ Датируется по упоминанию о «Записке», посланной 15 дек. 1849 г. Д. В. Кочубею.

² Из письма М. А. Фонвизина 28 марта 1850 г. известно, что А. Ф. Бриген писал ему 18 и 21 марта 1850 г. и с одним из этих писем была послана и копия «Записки» Д. В. Кочубею (Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979, т. 1, с. 337). Однако остается неясным, в какой именно день — 18 или 21 марта случилась вторая okazия для отправки «Записки». Если вторая okazия — 21 марта, то настоящее письмо следует датировать 18 марта 1850 г.

³ Судя по вышеуказанному письму М. А. Фонвизина, «податель этих строк» С. И. Березин (о нем примеч. 4 к письму 163). Говоря о том, что податель письма из Омска, А. Ф. Бриген имел в виду, что С. И. Березин, курганский купец, по пути из Кургана в Тобольск побывает в Омске.

120. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 60—61 об.

¹ В. И. Туманский.

121. Л. А. Бриген

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 1—3

¹ Платон (428—348 или 427—347 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист.

² Светлана, героиня баллады В. А. Жуковского.

³ Одиссей, легендарный царь Итаки, герой поэмы Гомера.

⁴ Лаэрт, царь Итаки, отец Одиссея.

122. В. А. Жуковскому

ГПБ, ф. 286, оп. 2, д. 73, л. 24—25 об.

Рус. старина, 1903, № 10, с. 201—203

123. Л. А. Бриген

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 5—5 об.

¹ Указанное письмо датировано 23 февр. 1850 г. (см. письмо 121).

124. П. Д. Горчакову

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103,
л. 194—198 об.

ИРЛИ, № 21 223, л. 4—7 об. Авторская копия.

Рукой А. Ф. Бригена в верхнем правом углу подписано «Копия».

Декабристы. Материалы для характеристики.

Изд. М. М. Зензинова. М., 1907, с. 53—58

(опубл. по варианту из ИРЛИ с некоторыми искажениями)

¹ В авторской копии вместо «1849 г.» написано «прошлого года».

² В авторской копии вместо «сдвинутую» написано «выводимую».

³ Логинов Александр Матвеевич, письмоводитель Курганской градской полиции, до этого (1845)—секретарь земского суда.

⁴ Малосапожков Дмитрий Яковлевич, чиновник в канцелярии Совета Главного управления Западной Сибири.

⁵ Окружной судья в Кургане—Александр Петрович Забелин.

⁶ Говорухин Федор Степанович, столоначальник в чине губернского секретаря.

125. С. М. Бриген

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 205—205 об.

¹ Датируется по времени приезда А. Ф. Бригена на поселение в Туринск (20 июля 1850 г.) и по дате отправки этого письма в III Отделение тобольским губернатором (4 авг. 1850 г.).

² Само письмо неизвестно. В фонде III Отделения хранится только список с приписки.

³ Сам того не помышляя, А. Ф. Бриген своим сообщением жене о продаже пороха восставшим нанес П. Д. Горчакову удар в спину. Об этом факте А. Ф. Орлов немедленно сообщил военному министру А. И. Чернышеву (ЦГАОР, там же, л. 206). О последствиях этого сообщения мы знаем из письма М. А. Фонвизина А. Ф. Бригену от 2 дек. 1850 г.: «Положительно, что к Горчакову не благоволят, и в доказательство этого сообщу вам два случая: вы, может быть, слышали, что при отправлении одного линейного батальона в степь для военных действий против киргизов открылось, что в числе боевых патронов было 3 т[ысячи] таких, в которых вместо пороха оказалась крупа, окрашенная мякотью. Горчаков велел произвести следствие, но между тем не донес в Петерб[ург]. Теперь военный министр делает насчет этого запрос и говорит в своей бумаге, что до его сведения дошло о продаже украденного пороха «киргизам» (Фонвизин, М. А. Сочинения и письма, т. 1, с. 346).

Затем фамилии декабристов в III Отделении подчеркнули; Муравьев—М. И. Муравьев-Апостол.

126. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, 5819.6, л. 10—11

¹ М. А. Назимов.

² Муж младшей дочери Любви — *Василий Васильевич Гербель*, ротмистр гвардейского Уланского полка; дослужился до полковника (ум. 1878). Его отец *Василий Васильевич Гербель-старший* (1790—1870), ген.-лейтенант артиллерии.

³ Внучка — *Ольга Владимировна Туманская*, о ее «письме» деду см. письмо 108.

127. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 7—8 об.

¹ В. В. Гербель-младший.

² М. А. Вальман (мать А. Ф. Бригена).

³ Об этом написал А. Ф. Бригену М. А. Фонвизин 25 июня 1850 г. (Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. 1, с. 340). *Безносов Александр Алексеевич* — советник Главного управления Западной Сибири.

⁴ *Горчакова* (в замуж. Безобразова) *Ольга Петровна* (1833—1873); *Горчакова* (в замуж. Уварова) *Наталья Петровна* (ум. 1900).

128. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 1—2 об. Подлинник

Рус. старина, 1901, II, с. 438

¹ С. И. Маврина, жена поручика инвалидной команды в Туринске. Их дочь *Марья Елисеевна* была в 1839—1846 гг. женой Н. В. Басаргина. После смерти дочери С. И. Маврина продолжала поддерживать тесные отношения с декабристами.

² *Блан Луи* (1811—1882), французский утопический социалист, историк, деятель революции 1848 г. Основные труды: «Организация труда» (1839), «История десяти лет. 1830—1840» в 5-ти т. (1841—1844), «История французской революции» в 12-ти т. (1847—1862). А. Ф. Бриген, судя по указанию на число томов в последующих письмах, получил, вероятно, при проезде через Ялуторовск у И. Д. Якушкина «Историю десяти лет», книгу, отличающуюся резко обличительным тоном по отношению к правительству.

³ И. Д. Якушкин (о нем см. примеч. 2 к письму 156).

⁴ «Замогильные записки» — 12-томные мемуары Ф. Шатобриана.

⁵ «Век» (Le Siecle) — ежедневная французская газета.

⁶ *Башарин* (Соколов-Башарин) *Павел Захарович*, окружной судья в Туринске до 1854 г.

⁷ *Ржоншевский Валериан* (1810—?), польский революционер, член общества Ш. Конарского «Содружество польского народа», осужден «за участие в тайном заговоре по приговору комиссии военного суда в г. Киеве, по высочайшему повелению приговорен к наказанию смертью», замененной 20 годами каторги (ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18 296, св. к-1051, л. 6), отбывал каторгу в Акатуе. Срок был сокращен, переведен из Иркутской губ. с 5 нояб. 1845 г. на поселение в Туринск.

⁸ *Лунин Михаил Сергеевич* (1787—1845), подполковник л.-гв. Гродненского гусарского полка, член Союза спасения, Союза благоденствия, Северного и Южного обществ. Осужден по I разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском заводе, на поселении в с. Урике. В 1841 г. был снова арестован за письма к сестре, памфлеты и очерки, содержавшие резкую критику существующего строя, и заключен в Акатуйскую тюрьму, где через четыре года умер.

⁹ *Высоцкий Петр Яцек Одровонж* (1797—1875), деятельный участник польского восстания 1830—1831 гг., осужден на 20-летнюю каторгу, сослан в Сибирь на Александровский завод, откуда совершил групповой побег, после поимки направлен на Акатуйский рудник, где был на каторжной работе в 1835—1844 г., затем вышел на поселение в тот же Акатуй, в 1856 г. вернулся на родину.

129. А. В. Дубельту

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103,
л. 208—211 об.

¹ *Тарасевич Родион Мартинович*, городничий Кургана в 1850—1855 гг.

130. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 24—25 об. Подлинник

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 300, л. 11—12. Копия.

¹ Год устанавливается по содержанию: сообщению об устройстве после приезда в Туринск, об отсылке «Загробных воспоминаний» и «Британского обозрения», обещанной в предыдущем письме от 22 сент. 1850 г., о продолжении чтения Луи Блана и т. д. В ИРЛИ письмо неправильно датировано 1855 г.

² Н. В. Басаргин находился на поселении в Туринске в 1842—1846 гг.

³ Речь идет об А. Т. Томниковой, гражданской жене А. Ф. Бригена.

⁴ Городничий Туринска — Водяников Алексей Данилович.

⁵ А. М. Муравьев.

⁶ Мешалкина Матрена Михеевна, домоправительница у И. И. Пущина в Ялуторовске, на имя которой посылались письма для декабристов.

⁷ И. Д. Якушкин.

⁸ Глава семьи Тулинов Яков Петрович, живший в Туринске, затем в Ялуторовске, находился в дружеских отношениях с декабристами, осуществляя связь между ними.

⁹ В связи с 25-летием царствования Николая I, исполнявшимся 20 нояб. 1850 г., ожидался манифест в отношении декабристов.

¹⁰ П. Д. Горчаков.

131. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 40—43. Подлинник

ИРЛИ, ф. 265 оп. 2, № 300, л. 18—19. Копия

¹ Год устанавливается по содержанию, в частности, по сообщению о том, что М. А. Фонвизин в письме, полученном А. Ф. Бригеном 9 нояб., писал о предполагаемой отставке П. Д. Горчакова с должности ген.-губернатора и назначении вместо него П. Х. Граббе. Это письмо не сохранилось, но о том же самом М. А. Фонвизин писал брату 2 нояб. 1850 г. (Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. 1, с. 344). Подтверждает установленную дату и упоминание о занятии устья Амура, что произошло 1 авг. 1850 г.

² М. А. Фонвизин.

³ Граббе Павел Христианович (1789—1875), член Союза благоденствия, привлекался к следствию. 18 марта 1826 г. царь распорядился посадить его в Петропавловскую крепость на четыре месяца. После освобождения 19 июля 1826 г. продолжал служить в прежнем чине полковника в Северском конно-егерском полку, с 1829 г. ген.-майор, с 1837 г. ген.-лейтенант, с 1839 г. ген.-адъютант. Командовал войсками на Кавказской линии и Черномории. Слухи о его назначении ген.-губернатором Западной Сибири не подтвердились.

⁴ П. Д. Горчаков.

⁵ Шрамм Федор Андреевич, ген.-майор, служил в Омске.

⁶ Колен Карл Яковлевич, тобольский жандармский полковник.

⁷ Шлиппенбах Константин Антонович (1796—1859), ген.-майор, инструктор военно-учебных заведений.

⁸ См. письмо 129.

⁹ Скапен — персонаж комедии Ж. Б. Мольера (1622—1673) «Проделки Скапена».

132. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 62—63 об.

¹ Конец вымаранной фразы, которая, видимо, означает, что распространять этот слух не следует, так как назначение Граббе может еще и не состояться.

² Т. е. «власовское» дело.

³ В письме к Е. П. Оболенскому от 27 окт. 1850 г. А. Ф. Бриген писал о заболевшей женщине, которая 15 лет заведовала его хозяйством. Надо полагать, что заболевший служащий и упомянутая женщина — одно и то же лицо, его гражданская жена Александра Тихоновна Томникова, о которой родные в России до поры до времени не должны были знать.

133. В. В. Гербелю

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 9—10

134. М. А. Туманской

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103,
л. 224—225 об.

¹ В архивном деле письмо имеет заголовок: «Задержанное письмо от коллежского регистратора Бригена на имя Марии Александровны Туманской в Глухов, в с. Черториги (л. 222). На первом листе письма (л. 224) надпись: «Граф приказал удержать».

² Демьян Васильевич — Кочубей.

³ Панин Виктор Никитич (1801—1874), министр юстиции (1841—1862).

⁴ К. Ф. Энгельке.

⁵ К этому времени у М. А. Туманской было трое детей: Ольга, Михаил и Софья (род. 22 февр. 1850 г.).

135. Д. В. Кочубею

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103,
л. 228—229

¹ В архивном деле письмо имеет заголовок: «Задержанное письмо от коллежского регистратора Бригена на имя Д. В. Кочубея от 15 декабря 1850» (л. 226). На первом листе письма надпись: «Граф приказал удержать» (л. 228).

² Приложенная Записка, датированная 15 дек. 1850 г. (л. 230—253) и также оставленная в III Отделении, дословно повторяет Записку от 15 дек. 1849 г. (л. 179—188 об.).

³ А. Ф. Бриген не мог, естественно, знать, что Записка оставлена в III Отделении.

⁴ В. Н. Панин.

⁵ Вл. И. и М. А. Туманские.

136. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 3—4. Подлинник
ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 300, л. 1 об. Копия

¹ Год устанавливается по помете Е. П. Оболенского (13 дек.) на письме А. Ф. Бригена (письмо 131) от 10 нояб. 1850 г., а также по письму Бригена от 15 янв. 1851 г. (письмо 137).

² Иркутский губернатор — Карл Карлович Венцель (1797—1874).

³ Возможно, А. Ф. Бриген имеет в виду Василия Львовича Давыдова, славившегося остроумием.

⁴ См. письмо 135.

⁵ Фонвизин Дмитрий Михайлович (1824—1850).

137. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 5—6 об.

Рус. старина, 1901, II, с. 438—439 (с сокращениями)

¹ Шеф жандармов — А. Ф. Орлов.

138. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 64—65 об.

¹ Гасфорт Густав Христианович (1794—1874), ген.-губернатор Западной Сибири (1851—1861).

² Иосиф Михайлович Миклашевский.

³ В. И. Туманскому.

139. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 66—67 об.

¹ Родившиеся в 1851 г. внук — Павел Иванович Умов, внучка — Анна Васильевна Гербель; Иван Павлович — Умов.

² Книга Н. И. Тургенева «Россия и русские» вышла в 1847 г. на французском языке в трех издательствах — в Париже, Брюсселе и Гааге, в России была запрещена.

³ Д. В. Кочубей.

⁴ Чтение книги Н. И. Тургенева А. Ф. Бриген только закончил. Она принадлежала А. М. Муравьеву, получил же ее Бриген от И. И. Пушина. В письме к Бригену от 17 марта 1851 г. М. А. Фонвизин передал просьбу А. М. Муравьева прислать по прочтении книгу в Тобольск (Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. 1, с. 350).

⁵ Министр финансов в 1844—1852 гг. — Федор Павлович Вронченко (1780—1852).

⁶ Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), делопроизводитель Следственной комиссии и автор доклада по делу декабристов, в 1839—1862 гг. — главноуправляющий II отделением (кодификационным) с. е. и. в. канцелярии.

140. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 7—8 об. Подлинник

Рус. старина, 1901, II, с. 439 (фрагмент)

¹ С. И. Маврина.

² Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович (1798—1859), кн., штабс-капитан л.-гв. Московского полка, активный участник восстания на Сенатской площади, осужден по I разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении с 1839 г. в с. Тасеевском Канского округа Енисейской губ., с конца 1842 г. в Кургане. В Кургане у него было серьезное столкновение с городничим Тарасевичем (Тальская О. С. Борьба администрации с влиянием декабристов в Западной Сибири. — В кн.: Ссылка и каторга в Сибири (XVIII—начало XX в.), с. 83—85).

³ Завалишин Ипполит Иринархович (1809—1869), юнкер Артиллерийского училища, брат декабриста Д. И. Завалишина, доносчик и провокатор, с 1850 г. жил на поселении в Кургане.

⁴ 22 августа 1851 г. — 25-летие коронации Николая I.

⁵ Г. Х. Гасфорта.

⁶ Глебов Михаил Николаевич (1804—1851), коллежский секретарь, член Северного общества. Осужден по V разряду, на ка-

торге в Чите и Петровском заводе, с 1832 г. на поселении в с. Кабанском Верхнеудинского округа Иркутской губ.

⁷ Кюхельбекер Михаил Карлович (1798—1859), лейтенант Гвардейского экипажа, член Северного общества, участник восстания на Сенатской площади. Осужден по V разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении с 1831 г. в Баргузине Иркутской губ.

⁸ Веденяпин Аполлон Васильевич (1801—1873), подпоручик 9-й артиллерийской бригады, член Общества соединенных славян, осужден по VIII разряду. Ссылку отбывал в г. Киренске, затем в Иркутске, где с 1841 г. на государственной службе.

141. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 68—69 об.

142. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28. л. 14—16 об. Подлинник

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 300, л. 4—5. Копия

¹ Письмо в ИРЛИ чужой рукой помечено датой «1855». Год устанавливается по следующим соображениям: а) данное письмо является ответом на письмо Е. П. Оболенского от 16 июня 1851 г.; б) упоминание в письме о пребывании с ревизией в Тобольске Н. Н. Анненкова, которая состоялась именно в 1851 г.; в) упоминание в письме М. А. Фонвизина, которого в 1855 г. уже не было в живых. В ИРЛИ год определен, видимо, неправильно, потому что смешаны два одновременных фактора (1850 и 1855 гг.), касающихся поведения Ипполита Завалишина в Кургане. С этой ошибочной датировкой был опубликован отрывок из этого письма в кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933, т. 2, с. 363.

² Башмаков Флегонт Миронович (1775—1859), декабрист; Сычев, житель Кургана, доверенное лицо декабристов.

³ Каренгин Тимофей Корнилович, смотритель Курганского училища в 1834—1854 гг. (ГАКО, ф. 147, оп. 1, д. 5, л. 32).

⁴ Балакиш Николай Яковлевич, ялutorовский купец, приятель и доверенное лицо декабристов, осуществлявший между ними связь, на его имя часто посылались корреспонденция для декабристов.

⁵ Анненков Иван Александрович (1802—1878), поручик Кавалергардского полка, член Южного общества, осужден по II разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении с 1835 г. в с. Бельском Иркутской губ., с 1838 г. в Туринске, где ему разрешено было поступить на службу, в 1841 г. переведен в Тобольск.

⁶ Анненков Николай Николаевич (1799—1868), ген.-адъютант, государственный контролер, в 1851 г. ревизовал Главное управление Западной Сибири, двоюродный брат декабриста.

⁷ Д. А. Щепин-Ростовский.

⁸ Мессалина (Валерия Мессалина), третья жена римского императора Клавдия I (10 до н. э.—54 н. э., император с 41 г.), отличившаяся развратным поведением.

⁹ Панаева, возможно, жена туринского художника, учителя рисования Василия Панаева.

¹⁰ Впервые А. Ф. Бриген потерял сына Платона, родившегося 8 февр. и умершего 29 марта 1825 г. В Сибири у А. Ф. Бригена и его гражданской жены А. Т. Томниковой было пятеро детей. Вторым ребенком Иван, родившийся 8 июня 1841 г., умер 20 июля 1842 г. Третий ребенок, родившийся в 1842 г., также был назван Иваном (ум. в нояб. 1856 г.).

¹¹ Дети у Е. П. Оболенского умирали в младенчестве. Кроме двух упомянутых в письме сыновей умерли и две дочери: *Наталья* (1847—1848) и *Анна* (1848—1849). Ко времени написания этого письма в живых был *Иван* (1850—1880).

¹² *Оболенская* (урожд. Баранова) *Варвара Самсоновна* (1821—1894), до замужества в 1846 г. была няней дочери И. И. Пушкина, по происхождению крепостная чиновника Блохина, отпустившего ее на волю.

¹³ *Эйхорн* (Эйхгорн) *Иоганн Готфрид* (1752—1827), немецкий протестантский богослов и востоковед, профессор восточных языков в Иенском, затем в Геттингенском университетах. В своих сочинениях подвергал критике Библию с позиций научного анализа.

¹⁴ *Неандр Август* (1789—1850), немецкий богослов, историк церкви, профессор Геттингенского и Берлинского университетов, автор сочинений «Жизнь Иисуса Христа», «Общая история христианской религии и церкви» и др.

¹⁵ Здесь речь идет не о книге «Хижина дяди Тома» американской писательницы *Генриетт Бичер-Стоу* (1812—1896), которая вышла отдельным изданием только в 1852 г., а скорее о публицистической книге, опубликованной в 1840-х гг.: «Mrs Stow's notice of the Boston anti-slavery bazaar» (Выступления мистрис Стоу против торговли рабами в Бостоне).

143. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 32—35. Подлинник

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 300, л. 15—16. Копия

¹ Письмо чьей-то рукой помечено неправильно датой «1856». Год устанавливается по времени окончания ревизии в Западной Сибири Н. Н. Анненковым, а также по неоднократным упоминаниям даты 22 авг., т. е. 25-летней годовщины коронации Николая I, что характерно и для других писем 1851 г.

² Власов — туринский житель, доверенное лицо декабристов.

³ М. А. Фонвизин.

⁴ *Шиллинг Ипполит Иванович*, чиновник Главного управления Западной Сибири, затем председатель Тобольского губернского суда.

⁵ *Арцимович Виктор Антонович* (1820—1893), член сенатской комиссии по ревизии Западной Сибири в 1851 г., возглавляемой Н. Н. Анненковым, позднее тобольский губернатор (1854—1858), калужский губернатор (1858—1862).

⁶ О В. А. Перовском см. примеч. 1 к письму 81.

144. М. А. Туманской
ИРЛИ, № 2568, л. 70—71 об.

¹ А. Я. Миклашевская.

145. М. А. Туманской
ИРЛИ, № 2568, л. 72—73 об.

146. Е. П. Оболенскому
ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 9—11 об. Подлинник
ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 300, л. 2—3. Копия

¹ Год устанавливается по датам рождения детей декабристов П. Н. Свистунова и Е. П. Оболенского и смерти второго сына М. А. Фонвизина (см. примеч. ниже).

² Сын Е. П. Оболенского Петр родился в июле 1851 г. С этим событием поздравил Оболенского и М. А. Фонвизин 22 июля 1851 г. (Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. 1, с. 358).

³ Иван Петрович Свистунов.

⁴ Михаил Михайлович Фонвизин (1826—1851).

⁵ В. Ф. Энгельке.

⁶ Угрюмовский — чиновник Тобольского губернского правления.

⁷ Ген.-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту.

147. М. А. Туманской
ИРЛИ, № 2568, л. 129—130 об.

¹ Год устанавливается по содержанию: а) по времени ревизии Западной Сибири Н. Н. Анненковым; б) по упоминанию о новом ген.-губернаторе Г. Х. Гасфорте (которого Бриген только в 1851 г. называл новым); в) по времени назначения В. А. Перовского оренбургским ген.-губернатором.

² Имеется в виду, что оправдан Павел Власов, которого необоснованно обвинили в убийстве М. Е. Власова.

³ Г. Х. Гасфорту.

⁴ Письмо к В. А. Перовскому Бриген написал в дек. 1851 г. (см. письмо 151).

⁵ Н. А. Терентьев.

148. М. А. Туманской
ИРЛИ, № 2568, л. 74—75

¹ Речь идет о том, что просьба А. Ф. Бригена к В. А. Перовскому о переводе в Оренбург не имела успеха (см. письмо 147).

² Гораций Флак Квинт (65—8 до н. э.), римский поэт.

149. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 76—78 об.

¹ Тургенев Иван Петрович (1752—1807), директор Московского университета, близкий друг писателя-просветителя Н. И. Новикова (1744—1818). В. А. Жуковский, учась в Московском университетском пансионе, сблизился с семьей И. П. Тургенева, стал ближайшим другом Александра Ивановича Тургенева.

² Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ламот (1651—1715), архиепископ, французский писатель и педагог, автор «Приключения Телемака».

³ Муратори Людовико Антонио (1672—1750), итальянский историк, автор капитальных трудов по истории Италии («Анналы Италии», «Средневековые древности Италии», «Историки Италии» и др.), издатель документов по истории средневековой Италии.

⁴ Граф Кодекс — Александр Григорьевич Кушелев-Безбородко.

150. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 79—80 об.

¹ Шурины — братья С. М. Бриген: Иосиф, Андрей, Павел и Илья (1821—1886) Михайловичи Миклашевские.

² А. Ф. Бриген предвидел длительную тяжбу за раздел наследства М. П. Миклашевского, не оставившего завещания. Она напомнила ему ситуацию, описанную в басне И. А. Крылова (1768—1844). Дело о разделе имущества закончилось к концу 1853 г. (см. письмо 157).

³ Михаил Павлович Миклашевский.

⁴ А. Г. Кушелев-Безбородко, основатель Нежинского лицея.

151. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 87—88 об.

¹ Год указан в тексте письма.

² Туринский окружной судья в 1852 г. — Резанов Владимир Алексеевич.

³ Г. Х. Гасфорт.

⁴ Пражеские — знакомые Миклашевских (см. письмо 28).

152. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 83—84 об.

¹ Т. Ф. Прокофьев — тобольский губернатор в 1852—1854 гг.

² М. И. Туманский (1802—1866), генерал, шталмейстер императорского двора.

153. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 85—86 об.

¹ Год устанавливается по содержанию. Письмо является логическим продолжением письма от 14 февр. 1853 г., в котором А. Ф. Бриген беспокоится о здоровье сына Михаила, и письма от 12 дек. 1852 г., где речь идет о просьбе к Д. В. Кочубею написать ген.-губернатору Г. Х. Гасфорту о предоставлении декабристу места окружного судьи в Туринске.

² В 1852 г. А. Ф. Бриген получил чин губернского секретаря (12-й класс).

³ В постановлении Тобольского губернского суда от 31 авг. 1851 г. указано: «Состоящему в должности заседателя Курганского окружного суда коллежскому регистратору Александру фон дер Бригену <...> за неправильные <...> действия по делу об убитом крестьянине Михаиле Власове <...> сделать выговор без внесения в послужной список и взыскать <...> по количеству получаемого жалованья во время состояния на службе в Курганском окружном суде прогонные деньги, издержанные при посылке чиновника Главного управления Западной Сибири Лещева за объяснением <...> по делу об убийстве крестьянина Власова» (ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 2786 а, св. к-403, л. 1043).

154. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 26—27. Подлинник

Рус. старина, 1901, II, с. 440—441

¹ Год устанавливается по времени отъезда М. А. Фонвизина из Сибири, получившего разрешение вернуться на родину 13 февр. 1853 г. Дата «1856» в публикации, а также на подлиннике чужой рукой ошибочна.

² С. И. Маврина.

³ Речь идет о письме А. Ф. Бригена ген.-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту от 28 февр. 1853 г.

⁴ А. Т. Томникова (в 1857 г. — 38 лет), происхождением крестьянка д. Рябковой Курганского округа (ГАКО, ф. 72, оп. 1, д. 176).

155. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 11

¹ У Л. А. и В. В. Гербелей было двое детей: Анна (р. 1851) и ребенок, который умер в 1853 г., о чем А. Ф. Бриген в сентябре еще не знал (см. письмо 157).

156. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 66, л. 1—2

¹ Год устанавливается по времени ревизии Е. И. Якушкиным межевой части Западной Сибири.

² И. Д. Якушкин (1793—1857), отставной капитан, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия и Северного общества. Осужден по I разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении с 1836 г. в Ялуторовске.

³ Я. П. Тулинов.

⁴ Якушкин Евгений Иванович (1826—1905), директор чертежного архива межевого ведомства Министерства государственных имуществ, инженер-полковник, известный юрист-исследователь обычного права, в 1860—1890-х гг. крупный общественный деятель, член революционного общества «Земля и воля» (1860). Во время ссылки отсюда в Сибири побывал дважды (в 1853 и 1855 гг.). О его первом приезде И. Д. Якушкин писал 19 июня 1854 г. М. Я. Чаадаеву: «Прошлой осенью Евгений приезжал ревизовать межевую часть Западной Сибири, и он прожил со мной около двух месяцев» (Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М., 1951, с. 375).

157. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 12—13 об.,
Р. S. — л. 4—5

¹ О смерти ребенка Гербелей см. примеч. 1 к письму 155.

² См. примеч. 10 к письму 142.

³ Святая Терезия — Тереза Сепеда (Тереза Авильская, 1515—1582), испанская писательница, монахиня, дидактические сочинения-письма которой отличались тонким умом и изяществом.

⁴ Л. — невыясненная личность.

⁵ Ф. П. Толстой (1783—1873), профессор медальерного искусства и скульптуры, вице-президент Академии художеств, член Союза благоденствия и его Коренной думы. Привлекался к следствию, но был освобожден от наказания.

⁶ Ниночка — Анна Васильевна Гербель.

⁷ Листы с Р. S. в ГПБ ошибочно приложены к письму к Л. А. Бриген от 23 февр. 1850 г.

⁸ Александр Михайлович Муравьев (ум. 24 нояб. 1853 г.)

158. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 89—90 об.

¹ О сути тяжбы между М. А. Бригеном и его дядями Миклашевскими см. письма 157, 210.

159. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 91—92 об.

¹ Слухи о назначении Муравьева не подтвердились.

² В. А. Жуковский умер 12 апр. 1852 г., мать А. Ф. Бригена — 20 апр. того же года.

160. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 13, л. 1—2 об. Подлинник

¹ Год устанавливается по времени поездки И. Д. Якушкина в Иркутск.

² Крюковы — братья Александр Александрович (1794—1867), поручик Кавалергардского полка, и Николай Александрович (1800—1854), поручик квартирмейстерской части, оба — члены Южного общества, осуждены по II разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, с 1837 г. на поселении в Минусинске.

³ И. Д. Якушкин получил разрешение на поездку в Иркутск для лечения, он выехал из Ялуторовска в июле 1854 г., вернулся в авг. 1856 г. Его сопровождал старший сын Вячеслав Иванович (1823—1861), который в 1854—1855 гг. служил чиновником особых поручений при ген.-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве (1809—1881, ген.-губернатор 1847—1861).

161. М. А. Туманской

Рус. старина, 1903, № 10, с. 559, 560

Два отрывка из письма, опубликованные С. Н. Брайловским в статье «Из жизни одного декабриста». Подлинник не обнаружен

¹ Речь идет о письме А. Ф. Бригена к тобольскому гражданскому губернатору В. А. Арцимовичу с просьбой о переводе из Туринска в Курган. По этому поводу ген.-губернатор Г. Х. Гасфорт обратился 12 февр. 1855 г. с рапортом к шефу жандармов А. Ф. Орлову (ДГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 257—258). Разрешение было высочайше утверждено 3 марта 1855 г. с оговоркой, что «если опять будет дерзок, то, не спрашивая, опять перевести из Кургана» (л. 259).

162. П. Н. Свистуну

Декабристы. Летописи Государственного литературного музея, кн. 3. М., 1938, с. 85

¹ Судя по приписке о дате смерти В. А. Жуковского, письмо было написано 13 апр., возможно, ошибка в публикации.

² О разрешении перевода А. Ф. Бригена из Туринска в Курган.

³ Тобольский губернатор — В. А. Арцимович.

⁴ Содержание разговора неясно, но, возможно, по этому поводу В. И. Штейнгейль писал А. Ф. Бригену 23 февр. 1855 г.: «[Вашим] вторым письмом я был и удивлен и огорчен: как принимать так близко к сердцу такие вещи, которых мы должны быть слышнее! И кто подтачивает вас подобными сообщениями!» (Лит. вестник. СПб., 1903, № 6, с. 132).

⁵ Невыясненное лицо.

⁶ Обстоятельства: вторая семья в Сибири, состоящая из жены и четырех детей.

163. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 12—13 об. Подлинник
Рус. старина, 1901, II, с. 439—440. Фрагмент

¹ Имеется в виду смерть Николая I.

² Давид (конец XI в. — около 950 г. до н. э.), полулегендарный израильско-иудейский царь, которому легенда приписывает победу над великаном Голиафом, а богословская традиция — составление псалмов.

³ Манифест Александра II от 27 марта 1855 г. в связи с восшествием на престол.

⁴ С. И. Березин, курганский житель, купец (ГАКО, ф. 35, оп. 1, д. 13, л. 14 об.), доверенное лицо декабристов. О каком-то деле С. И. Березина у тобольского губернского прокурора А. Ф. Бригена хлопотал через М. А. Фонвизина в 1850 г. (Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. 1, с. 338), Сысенин, — вероятно, туринский житель, купец, посредник декабристов.

164. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 93—94

¹ Год устанавливается по времени возвращения А. Ф. Бригена в Курган и подтверждается письмом к Л. А. Гербель от 3 июля 1855 г.

² Книга, полученная А. Ф. Бригеном от Л. А. Гербель, — «Жизнь Иисуса Христа» А. Неандра (см. письма 166, 167).

³ И. М. Миклашевский.

165. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243. 1. 23, л. 280—281 об.

¹ Год устанавливается по приложенному для передачи Е. П. Оболенскому письму от 14 июня 1855 г. (см. письмо 166).

² Секретарь Курганского окружного суда Андрей Николаевич Селиверстов.

³ И. И. Завалишин был в 1855 г. привлечен в Кургане к суду за ябедничество, подстрекательство разных лиц к подаче несправедливых жалоб, в буйстве и пьянстве и в подозрении в хищении у одного курганского купца 50 р. сер. (Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 2, с. 363, 364).

⁴ Конопельский был заседателем Курганского окружного суда в 1850—1855 гг.

⁵ Миклашевский Петр Иванович (1825—1889), горный инженер, служил в 1851—1855 г. приставом Зырянского рудника Алтайского округа, затем — управляющий Томским железным заводом (ГААК, ф. 2, оп. 3, д. 1539, л. 6 об., д. 1560, л. 2), в 1859—1866 гг. — директор Екатеринбургской гранительной фабрики (ГАСО, ф. 86, оп. 1, д. 859, л. 115).

нялся за составление примечаний к первому тому, работа кропотливая и довольно скучная. С большим нетерпением жду Тулонжона, которого я просил выслать 3 месяца назад, теперь он мне необходим для военных заметок и для сравнения переводов. Долгое следование писем туда и обратно просто обескураживает, особенно когда работаешь. Если бы, например, мне выслали Кесаря из Слоута не в июне прошлого года, а в январе, то вся работа была бы закончена, ибо дела продвигаются быстро. Я начал первый том 17 января, а 3 мая я его уже закончил. Я работал так, словно речь шла о спасении моей души. Правда, мною движет еще одно чувство — необходимость улучшения моего материального положения. Следует все же отдать должное моей усидчивости в столь продолжительной работе, часто становившейся тяжелой. Теперь я жду Тулонжона и прошу вас, дорогая Мария, выслать мне его как можно быстрее.

С большим удовольствием я получил ваше письмо от 16 марта, и я рад был узнать, что вы здоровы. Вы поступите правильно, если займетесь какой-нибудь литературной работой. Надо иметь цель, чтобы применять и направлять жажду деятельности, имеющуюся в той или иной мере в каждом из нас; нет ничего более грустного, чем праздная и неподвижная жизнь. Умственная и художественная работа трудна поначалу, но затем наступает облегчение, и впоследствии она становится потребностью. То, что вы сообщаете о моем Патерике*, не совсем приятно мне. Я дорожу своими книгами, и не хотелось бы видеть, как их крадут, даже по соображениям набожности. Вот уже второй труд исчезает из моей библиотеки: первым был Гай Мэннеринг, и я предполагаю, что недостает и многих других книг. Кроме всего прочего, Патерик — это книга, которую я хотел бы перечитать, и потом, мне здесь за нее предложили бы сотню рублей, что в моем теперешнем положении было бы очень кстати. Так как мои долги составляли более 300 рублей, вы понимаете, что 500 рублей, высланные мне, были скоро израсходованы. Я живу здесь в кредит, как только получаю денежную посылку, тотчас выплачиваю свои долги, оставшихся после этого денег хватает мне дней на 20 или 30, а затем я вновь завожу долги

* Слово «Патерик» здесь и далее в подлиннике на рус. яз.

дня умер в госпитале в Праге (Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измайловского полка, с. 79).

⁵ Ниночка и Коленька — Анна и Николай Гербели, внуки А. Ф. Бригена.

168. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 17—18 об. Подлинник

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 300, л. 6—7. Копия

¹ Текутьев (Токутьев) Иван Константинович, туринский знакомый А. Ф. Бригена, бывший судья Туринского окружного суда, титулярный советник (ГАСО, ф. 701, оп. 1, д. 328, л. 228). Посредником между декабристами была и его жена (письмо М. А. Фонвизина И. И. Пушкину 4 февр. 1841 г. — В кн.: Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. 1, с. 190).

² Леонтьев Сергей Борисович (ум. 1855), зять Е. П. Оболенского, муж его сестры Марии Петровны, сослуживец А. Ф. Бригена по Измайловскому полку.

³ Великий князь Константин Николаевич (1827—1892), второй сын Николая I, в 1855—1881 гг. — управляющий морским министерством.

⁴ Незабвенный — Николай I.

169. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 21—23 об. Подлинник

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 300, л. 9—10. Копия

¹ Год устанавливается по содержанию: реакция А. Ф. Бригена на сдачу Севастополя.

² 27 авг. 1855 г. — день занятия Севастополя союзниками.

³ Гевалдигер Европы — Николай I. Гевалдигер — офицер, заведовавший полицейской частью в войсках, при корпусных штабах — обергевалдигеры, при Главном штабе армии — ген.-гевалдигер. Должность введена при Петре I, упразднена при Александре II.

⁴ Имеются в виду народы Западной Европы.

170. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 128

¹ Год устанавливается по упоминанию о коронации Александра II, месяц — по пасхе, которая в 1856 г. выпала на 16 апр., а пятница, когда А. Ф. Бриген обычно писал письма для уходящей в этот день почты, приходится на 14 апр.

171. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 97—98

¹ Год устанавливается по содержанию — ожидание манифеста 26 авг. 1856 г.

² Е. Х. Вальман (урожд. Типнер), жена Р. И. Вальмана (ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 259, л. 411 об.).

³ Яковлев Григорий Александрович, начальник топографов (или межевой части) штаба Сибирского отдельного корпуса в Омске, женат на сестре Е. Х. Вальман Эмили Христиановне (урожд. Типнер).

⁴ В. А. Арцимович.

⁵ Г. Х. Гасфорт.

172. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, 5819.6, л. 12—13 об.

¹ П. С. Бобрищев-Пушкин вернулся из Сибири в 1856 г. до общей амнистии.

² Ульяна Чупятова, воспитанница Нарышкиных в Сибири, взята ими на воспитание в Чите в июле 1830 г.

³ Анисья Петровна Мельникова.

173. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 16—19

¹ Толук Фридрих Август (1799—1877), немецкий протестантский теолог. Сочинения Толука очень ценил К. Маркс. О его книге «Цветы восточной мистики» (Берлин, 1825) писал К. Маркс дочери Лауре Лафарг 22 дек. 1868 г., называя ее «поистине восхитительной» (Коммунист, 1980, № 17, с. 4).

² Жемчужников Михаил Николаевич (1788—1865), сенатор. Сведениями о ревизии им Западной Сибири мы не располагаем. В. А. Арцимович был членом комиссии Н. Н. Анненкова, ревизовавшей Сибирь в 1851 г. В обширном труде «Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики» (СПб., 1904) указывается, что в 1851 г. он сопровождал Анненкова в Западную Сибирь в качестве старшего чиновника, а в 1854 г. стал тобольским губернатором (с. 4, 15, 76 и др.).

174. П. Н. Свистуну

ЦГАОР, ф. 1712, оп. 1, д. 12, л. 1—2 об. (подлинник),
3—5 (перевод)

¹ Год устанавливается по содержанию (см. письмо 173).

² Тобольский губернатор — В. А. Арцимович.

³ Его светлость — бывший ген.-губернатор Западной Сибири кн. П. Д. Горчаков.

⁴ А. Ф. Бриген перефразировал известную фразу А. С. Грибоедова: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

⁵ «Le Nord», газета на французском языке, издававшаяся в Париже на средства русского правительства.

⁶ См. примеч. 2 к письму 166.

⁷ Ф. М. Башмаков.

175. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 30—31. Подлинник

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 300, л. 17—17 об. Копия

¹ Год устанавливается по содержанию, в частности, по времени встречи с Г. А. Яковлевым и намерению оставить службу, о чем А. Ф. Бриген написал через несколько дней А. Ф. Орлову (29 июля 1856 г.).

² В архиве И. И. Пущина (ГБЛ) письма А. Ф. Бригена от 21 июля 1856 г. нет. Фиония — неустановленное лицо. Такое довольно редкое имя носила дочь приятеля И. И. Пущина и других декабристов Н. Я. Балакшина — Фиония Николаевна (ум. 1858), но из текста письма А. Ф. Бригена Е. П. Оболенскому непонятно, о каком деле идет речь.

176. А. Ф. Орлову

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103,
л. 261—262

¹ 29 авг. 1856 г. царь дал разрешение на назначение пенсии (ЦГАОР, там же, л. 263).

² М. Ф. Орлов (1788—1842), ген.-майор, активный деятель Союза благоденствия и Южного общества. Был привлечен к следствию, но благодаря брату А. Ф. Орлову наказан был увольнением со службы и высылкой в деревню под надзор полиции.

³ Имеется в виду подписание А. Ф. Орловым Парижского мирного договора 1856 г.

177. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 19—20 об. Подлинник

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 300, л. 8—8 об. Копия

¹ Год устанавливается по содержанию — упоминанию об исполнении 16 авг. 64 лет и о смерти П. Я. Чаадаева. На подлинном письме ошибочная пометка чужой рукой «1855».

² Г. А. Яковлев.

³ Иван Федорович, по-видимому, упоминаемый ниже Решинский, который должен был передать на словах подробные сведения о Бригене.

⁴ М. И. Муравьев-Апостол.

⁵ П. Я. Чаадаев (1794—1856), писатель, философ и общественный деятель, член Союза благоденствия. В связи с тем, что в 1823—1826 гг. он находился за границей, он не был привлечен к следствию по делу декабристов, по возвращении арестован, но вскоре освобожден. За свой трактат «Философические письма» (первое из восьми было опубликовано в 1836 г.), в котором критикуются самодержавие, православие и крепостничество, Николай I приказал объявить его сумасшедшим и навсегда лишить права печататься.

⁶ Н. Д. Фонвизина вернулась в Европейскую Россию в 1853 г., а в июле—сент. 1856 г. приехала навестить своих сибирских друзей.

178. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 36—37 об. Подлинник

Рус. старина, 1901, II, с. 441—442

¹ Письмо без года. Дата «1856» на подлиннике помечена чужой рукой.

² *Луцина* (в замуж. Полибина) *Анна Ивановна* (1842—1863), с 1855 г. воспитывалась в Нижегородском девичьем институте.

³ Машенька — дочь А. Ф. Бригена и А. Т. Томниковой.

⁴ Аполлинария, возможно, старшая сестра А. Т. Томниковой (о ней см. письмо 196).

179. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, № 28, л. 38—39 об. Подлинник

Рус. старина, 1901, II, с. 442—444

¹ Год устанавливается по содержанию.

² *Долгоруков Василий Андреевич* (1804—1868), кн., военный министр (1852—1856), шеф жандармов и главный начальник III Отделения (1856—1866).

³ Эту фразу можно понять, как раскаяние в декабристском прошлом. Но мы склонны толковать по-иному: необдуманной слабостью А. Ф. Бриген считал создание новой семьи в Сибири, а тяжкие последствия — болезнь А. Т. Томниковой и все сложности, связанные с устройством этой семьи после амнистии. Ту же фразу об унижительной и тягостной службе, которую он несет, как крест, Бриген повторил и в письме к дочери Л. А. Гербель 30 сент. 1856 г., но в данном случае в сожалении и раскаянии, что было бы более уместно в письме, посланном официальной почтой, заподозрить автора нельзя, так как он подчеркивает, что крест несет по особым причинам, которые он может объяснить при личной встрече. По нашему мнению, А. Ф. Бриген имел в виду вторую семью, о которой Е. П. Оболенский знал, а родные в России тогда о ней еще не подозревали.

⁴ Парижский трактат — Парижский мирный договор 1856 г., завершивший Крымскую войну 1853—1856 гг., со стороны России его подписали А. Ф. Орлов и дипломат Ф. И. Бруннов.

⁵ Письмо М. М. Нарышкина от 30 авг. 1856 г. (Лит. вестник, 1901, VI, с. 143—144).

⁶ *Волконский Сергей Григорьевич* (1788—1865), ген.-майор (с 1813 г.), член Союза благоденствия и Южного общества; осужден по I разряду; на каторге — на Николаевском винокуренном заводе, Благодатском руднике, в Чите и Петровском заводе; на поселении в с. Урке Иркутской губ., затем в Иркутске.

⁷ Старшая дочь А. Ф. Бригена и А. Т. Томниковой *Екатерина* (в замуж. Кузнецова) родилась 4 нояб. 1839 г. в Кургане (ГАКО, ф. 72, оп. 1, д. 176, л. 132 об.).

⁸ Это предположение не было осуществлено.

⁹ С. И. Маврина.

180. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 70—72 об.

¹ Год устанавливается по содержанию: после манифеста 26 авг. 1856 г.

181. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 95—96 об.

¹ Алексей Николаевич Свистунов.

182. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 99—100 об.

183. Л. А. и В. В. Гербелям

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 20—21 об.

¹ Н. А. Терентьев.

184. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 22—24 об.

¹ Анастасия Яковлевна Миклашевская.

² Речь идет об устройстве сибирской семьи А. Ф. Бригена.

³ Брат П. Н. Свистунова — Алексей Николаевич, мать — Мария Алексеевна (урожд. Ржевская, ум. 1866), сестра — Глафира Николаевна Бальмен.

⁴ Муравьев Александр Николаевич (1792—1863), полковник Генерального штаба, один из создателей Союза спасения и Союза благоденствия. Осужден по VI разряду, наказание ограничилось ссылкой в Верхнеуинск, где ему разрешено было вступить в службу городничим, переведен в той же должности в Иркутск, позже назначен председателем Иркутского губернского правления; в 1832 г. переведен в Тобольск, где он в должности председателя губернского правления исполнял обязанности гражданского губернатора до 1834 г., когда переведен был в Вятку. С 1856 г. — военный губернатор в Нижнем Новгороде.

185. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 26—29 об.

¹ Имеется в виду, что теща А. Ф. Бригена А. Я. Миклашевская (урожд. Бакуринская) по линии матери Татьяны Андреевны (урожд. Безбородко) принадлежит к этому роду.

² Имеется в виду письмо от 10 марта 1855 г., в котором А. И. Герцен убеждал Александра II стать на позиции решительной ломки старого («Полярная звезда» на 1855 год. Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Лондон, 1856, с. 11—14).

³ *Калигула Гай Цезарь* (12—41; римский император с 37 г.) вызвал недовольство населения Рима террористическим режимом и был убит. А. Ф. Бриген отождествляет Николая I с Калигулой.

⁴ *Н. В. Строганова* (урожд. Кочубей, 1800—1854); ее муж *Строганов Александр Григорьевич* (1795—1891), ген.-адъютант, в 1839—1841 гг. министр внутренних дел, с 1849 г. член Государственного совета, в 1854 г. военный губернатор Петербурга. А. Ф. Бриген имел в виду его назначение в 1855 г. новороссийским и бессарабским губернатором и последовавший переезд в Одессу. По-видимому, Бриген не знал, что Н. В. Строганова скончалась в 1854 г.

186. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 30—31 об.,
приписка после подписи, л. 25—25 об.

¹ Писал А. Ф. Бриген, скорее всего, И. А. Анненкову, который в это время еще находился в Тобольске на службе.

² И. И. Пущин имел в Сибири двух детей: дочь Анну (см. примеч. 2 к письму 178) и Ивана (1849—1923), который в дальнейшем усыновлен был дядей Н. И. Пушиным и носил отчество Николаевич.

³ Приписка на отдельном листке в архиве ошибочно приложена к письму к Любови от 9 дек. 1856 г. По нашему мнению, эта приписка могла быть написана только после того, как стало известно, что дочь Катя выходит замуж и переселяется в Омск. С такой же просьбой А. Ф. Бриген обратился к Н. А. Терентьеву 13 янв. 1857 г. (письмо 187).

⁴ Э. Х. Яковлева.

187. Н. А. Терентьеву

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена

¹ *Кузнецов Александр Львович* (1835—?), унтер-офицер, учитель Омского полубатальона военных кантонистов (ГАКО, ф. 35, оп. 1, д. 23, л. 93).

188. А. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 32—33 об.

¹ Второй сын А. Ф. Бригена и А. Т. Томниковой Иван (1842—1856).

² Вдова М. А. Фонвизина Наталья Дмитриевна с 22 мая 1857 г. — жена И. И. Пушина.

³ *Штейнгель Владимир Иванович* (1783—1862), отставной подполковник, член Северного общества, осужден по III разряду; на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении в Елани Иркутской губ. (1836), в Ишиме Тобольской губ. (1837—1839), в Тобольске (1840—1843), в июне 1843 г. выслан в Тару, возвращен в Тобольск в 1851 г.; после амнистии уехал из Сибири. В Сибири,

находясь в гражданском браке, имел двух детей: Марию (р. 1841) и Андрея (р. 1842), в 1857 г. они получили фамилию Бароновых и права личного почетного гражданства.

⁴ Грабовский Фортунат (р. 1805 или 1806), осужден по делу Ш. Конарского, отбывал каторгу в Нерчинских рудниках, с 31 окт. 1844 г. на поселении в Туринске (ГАОО, ф. 3, д. 18 290, св. к-1051, л. 7); по пути на родину после амнистии посетил семью Бригена.

189. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 34—35

¹ Миклашевский Павел Михайлович (1818—1893), шурин А. Ф. Бригена, коллежский советник (1855), затем статский и действ. статский советник, после реформы 1861 г.—председатель Екатеринбургской уездной земской управы, попечитель Екатеринбургской гимназии.

190. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 36—37 об.

¹ В книге записей браков («Обыкновенная книга») Градо-Курганской богородице-рождественской церкви Курганского уезда Тобольской епархии за 1855—1858 гг. под № 26 3 февр. 1857 г. следующая запись: «Невеста. Воспитанница заседателя Курганского окружного суда коллежского секретаря (дочь) барона фон дер Брыгина, девица Екатерина Александровна подписуюсь» (ГАКО, ф. 35, оп. 1, д. 25, л. 93 об.).

191. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 38—40 об.

¹ Иван Александрович Анненков после амнистии уехал в Нижний Новгород и служил чиновником особых поручений при военном губернаторе А. Н. Муравьеве.

² Брок Петр Федорович (1805—1875), министр финансов в 1852—1858 гг.

192. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 101

¹ Конец письма утерян.

193. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 41—43 об.,
приписка на отдельном листе — л. 55 об.

¹ Терентьева Елизавета Ивановна.

² В. И. Туманский.

³ Алекс. Матвеевич — неустановленное лицо.

⁴ Письмо от 3 марта 1857 г. неизвестно.

⁵ В ГПБ листок с Р. С. ошибочно приложен к письму от 13 авг. 1857 г. из Слоута. Мы помещаем Р. С. к письму от 17 марта 1857 г. по таким соображениям. В письме от 21 апр. А. Ф. Бриген спрашивает дочь, была ли она у А. Ф. Орлова. Такой вопрос мог быть задан в письме в том случае, если письмо с таким поручением достигло адресата. Из мартовских писем это могло быть только письмо от 17 числа, где в основном тексте речь идет о том, что к Орлову нужно будет съездить, а когда именно, он поставит дочь в известность после получения ее очередного письма. Вероятно, с почтой 17 марта ее письмо и было получено, и Бриген до отправки письма сделал приписку.

⁶ Страховы — курганские знакомые А. Ф. Бригена.

194. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 44—45 об.

¹ А. Ф. Бриген имеет в виду Павла, Андрея и Илью Михайловичей Миклашевских.

² М. А. Дорохова (урожд. Плещеева, 1811—1887), двоюродная сестра декабристов Ф. Ф. Вадковского и З. Г. Чернышева, с 1853 г. — невеста П. А. Муханова, скончавшегося накануне свадьбы в февр. 1854 г.; начальница Иркутского женского института, с 1855 г. — Нижегородского.

³ Муханов Петр Александрович (1799—1854), штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка, член Союза благоденствия и, возможно, Северного общества. Находясь в Москве, в восстании не участвовал, но после его поражения призывал к новым действиям, за что осужден по IV разряду; на каторге в Чите и Петровском заводе, на поселении в Иркутской губ., умер в Иркутске.

195. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 46—49

¹ И. М. Миклашевский.

² И. П. Умов.

³ Е. И. Терентьева.

196. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 50—52 об.

¹ По сведениям III Отделения, А. Ф. Бриген выехал из Кургана 12 июня 1857 г. (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 275).

² Свистунова Мария Петровна (р. 1848).

³ Из содержания следующих писем видно, что А. Ф. Бриген не увез Марию из Сибири. Задержка на 8 дней с выездом из Кургана (см. примеч. 1), по-видимому, связана с тем, что Бриген отвез Марию в Омск и оставил ее на попечение Яковлевых.

⁴ См. примеч. 4 к письму 178.

197. И. И. Пушкину

ЦГАОР, ф. 1705, оп. 1, д. 8, л. 1—1 об.

Декабристы. Летописи Государственного литературного музея.
М., 1938, кн. 3, с. 86

¹ Катаев Василий Сергеевич, священник Боровлянского завода под Ялаторовском, близкий знакомый декабристов.

² Это письмо было послано на адрес М. А. Дороховой в Нижний Новгород. И. И. Пушкин ответил 4 июля 1857 г. из с. Марьино Бронницкого уезда (ИРЛИ, ф. 2581/41), опубликовано сокращенно: Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 321.

198. И. А. Анненкову

ИРЛИ, ф. 6, д. 2, л. 1—2 об.

¹ См. примеч. 2 к письму 197.

199. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 53—54 об.

¹ Нетинька — Анастасия Александровна Умова.

² Меринька — Мария Александровна Туманская.

³ И. М. Миклашевский. Сведения о всех Миклашевских и их родственниках по бракам взяты из книги Б. Л. Модзалевского «Малороссийский родословник». Киев, 1912, т. 3.

⁴ В. В. Миклашевская (урожд. Красно-Милашевич, ум. 1888), жена И. М. Миклашевского.

⁵ Ширай Александр Степанович, тесть Михаила Иосифовича Миклашевского, женатого на его дочери Юлии Александровне, помещик Черниговской губ.

⁶ Судяненко Михаил Иосифович (см. примеч. 4 к письму 71). Сыновья: Иосиф Михайлович (1830—1895), офицер лейб-гусарского полка, в 1860—1870 гг. камер-юнкер, камергер, действ. статский советник, новгород-северский уездный предводитель дворянства, черниговский вице-губернатор (1870); Александр Михайлович (1832—1882), гвардейский офицер, с 1863 г. мировой судья, предводитель дворянства Новгород-Северского уезда. В 1864 г. женился на внучке А. Ф. Бригена — Ольге Владимировне Туманской.

⁷ Н. П. Бороздна (1808—1878), помещик Черниговской губ., предводитель черниговского губернского дворянства (1848—1862); Елизавета Михайловна (1808—1886) — его жена (урожд. Миклашевская), родная сестра С. М. Бригена.

⁸ Скорее всего, речь идет об Александре Михайловиче Марковиче (1790—1865), украинском дворянском историке и этнографе, помещике Черниговской губ. Избирался губернским предводителем дворянства. В 1852 г. внес в правительство проект об освобождении крестьян с правом выкупа земли, но проект был отклонен.

⁹ С. С. Миклашевский (1800—?), двоюродный брат С. М. Бригена, чиновник (1821—1827), судья Стародубского уездного суда (1832), титулярный советник (1850—1855).

¹⁰ Миклашевский Михаил Иосифович (1827—1911), в 1847 г.

окончил училище правоведения, титулярный советник (1853), стародубский уездный предводитель дворянства (1854—1860), в дальнейшем действ. статский советник. С 1853 г. владел с. Пануровкой.

¹¹ По-видимому, имеются в виду Лев Александрович Тришатный и его жена Екатерина Иосифовна (урожд. Миклашевская, р. 1832), племянница С. М. Бриген.

¹² Борковские (Бурковские): Яков Дмитриевич (1818—1876) и его жена Елизавета Иосифовна (урожд. Миклашевская, 1829—1900), племянница С. М. Бриген.

¹³ См. примеч. 3 к письму 188.

¹⁴ Из этого письма становится ясным, что намерение увезти из Сибири младшую дочь Марию А. Ф. Бриген так и не осуществил. Наше предположение (см. примеч. 3 к письму 196), что она переехала в Омск, подтверждается тем, что о здоровье А. Т. Томниковой А. Ф. Бриген получил известие от курганского священника, а о Марии он просит Р. И. Вальмана узнать у Г. А. Яковлева.

200. Н. И. Тургеневу

ЦГАЛИ, ф. 501, оп. 1, д. 294, л. 1—2

¹ О каком письме Н. И. Тургенева идет речь, выяснить не удалось, но данное письмо к А. Ф. Бригену — это второе его письмо после амнистии. Первое письмо Н. И. Тургенева (Лит. вестник, 1904, т. 7, № 1, с. 36—37) А. Ф. Бриген получил только в апр. 1858 г. из Иркутска (см. письмо 210).

² Е. А. Свербеева (урожд. Щербатова, 1809—1892).

³ Г. А. Кушелев-Безбородко.

⁴ Михаил Александрович Бриген после окончания кадетского корпуса в 1841 г. служил в легкой конной артиллерии, в 1852 г. в чине капитана вышел в отставку, с 1853 г. был мировым посредником Глуховского уезда (ЦГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 6134, л. 14).

201. Л. А. и В. В. Гербелям

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 56—58

¹ Коханов — чиновник III Отделения.

² Бутков Владимир Петрович (1820-е—1881), государственный секретарь (1853—1864).

³ Тимашев Александр Егорович (1818—1893), ген.-адъютант, управляющий III Отделением и шеф жандармов в 1856—1861 гг.

⁴ В. А. Долгоруков — главный начальник III Отделения.

⁵ Александра Федоровна (1798—1860), жена Николая I.

⁶ По сведениям III Отделения, А. Ф. Бриген поселился в Петергофе 26 февр. 1858 г. (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 103, л. 281), в самом же деле он приехал в Петергоф 15 янв. 1858 г. (см. письмо 208).

⁷ Л. И. Стражева.

⁸ Драгневич Иван Васильевич, помещик Черниговской губ., служил в Стародубском кирасирском полку с 1829 г., в отставку вышел в 1851 г. в чине майора Драгунского полка (Милорадович Г. А. Родословная книга Черниговского дворянства, т. 1, ч. 2, с. 158).

⁹ Холодковский Григорий Гаврилович, помещик Черниговской губ., служил в гражданской службе (Милорадович Г. А. Указ. соч., т. 2, ч. 3, с. 369).

¹⁰ Пять внучек: Ольга и Софья Туманские; Софья (р. 1845), Надежда (р. 1849) и Мария (1855—1933, в замуж. Николаи) Умовы.

¹¹ Клеруа — гувернер у Туманских.

¹² Красовский Георгий Гаврилович (р. 1804), помещик Черниговской губ., титулярный советник (Милорадович Г. А. Указ. соч., т. 1, ч. 1, с. 52).

¹³ 17 сент. празднуются именины Софьи, Веры, Надежды и Любови.

¹⁴ И. П. Умов.

202. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 59—61

¹ Голицын Александр Федорович (1796—1864), секретарь у приема III Отделения.

² Е. М. Бороздна, сестра С. М. Бриген.

³ Лобанов-Ростовский Александр Яковлевич (1788—1866), кн., ген.-майор, командир императорского яхт-клуба, родственник А. Я. Миклашевской по жене Клеопатре Ильиничне Безбородко (Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословник дворянских фамилий. СПб., 1881, т. 1, с. 559). В их доме Бриген с семьей жил в 1820-х гг.

⁴ М. И. Миклашевский.

⁵ Л. А. Гербель приехала в Москву встретить отца во время переезда из Сибири в Черниговскую губ.

203. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 123—123 об.

¹ Год устанавливается по содержанию записки: А. Ф. Бриген в это время находился с сыном Михаилом, т. е. в Слоуте.

² Видимо, речь идет о той клади, которую отправил в Москву из Нижнего Новгорода курганский купец С. И. Березин (см. письмо 198).

204. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 102—102 об.

¹ Год в верхнем левом углу помечен чужой рукой.

² Токвиль Алексис Шарль Анри Клерель, де (1805—1859), французский государственный деятель, историк, публицист. Автор книги «О демократии в Америке» (Париж, 1835), которую в ссылке переводили декабристы. В данном письме речь идет о книге Токвиля «Старый порядок и революция» (Париж, 1856).

³ Сын Туманских — Михаил.

⁴ Сына А. Ф. Бригена — Николая.

⁵ А. А. Умова.

205. Л. А. Гербель

ГПБ, ф. 1000, материалы А. Ф. Бригена, л. 62—63 об.

¹ Андрей и Илья Михайловичи Миклашевские.

² К 1857 г. (или в 1857 г.) у Л. А. Гербель, по-видимому, родился еще один сын. Возможно—это Александр Васильевич Гербель, умерший 4 нояб. 1889 г.

206. Н. И. Тургеневу

ИРЛИ, ф. 309, № 2646, л. 1—2 об.

¹ Тургенев Петр Николаевич (1853—1912), скульптор, с 1907 г. почетный член Российской Академии наук.

² Тургенев Альберт (Александр) Николаевич (1843—1892), художник и историк-искусствовед.

³ Сивилла (м и ф.), древнеримская прорицательница.

⁴ См. примеч. 6 к статье «Жизнь Кайя Юлия Кесаря и взгляд на его характер».

⁵ Е. А. Свербеева.

⁶ А. И. Нефедьева (1782—1857), двоюродная сестра Н. И. Тургенева по материнской линии.

⁷ Имеется в виду книга Н. И. Тургенева «Россия и русские».

⁸ Шлейермахер Фридрих Даниэль Эрнст (1768—1834), немецкий философ, богослов и общественный деятель, критик Старого и Нового завета, подошел к пониманию борьбы и единства противоположностей в природе и бытии.

207. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 104—104 об.

¹ Год устанавливается по содержанию.

208. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 105—108

¹ Дата приезда в Петербург 15 янв.—очевидная описка, так так ниже А. Ф. Бриген пишет, что выехал из Москвы 15-го числа.

² Е. И. Терентьева, В. В. Гербель.

³ В письме к С. П. Трубецкому И. И. Пущин высказал свое недовольство Бригеном за то, что он, будучи в Москве, ни с кем из товарищей не познакомился (Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма, с. 343).

⁴ Свербеевы: Дмитрий Николаевич (1799—1874), литератор-мемуарист, и его жена Екатерина Александровна (см. примеч. 2 к письму 200), в салоне которых происходили дискуссии западников и славянофилов; сын Николай Дмитриевич (1829—1860), чиновник для особых поручений по дипломатической части Главного управления Восточной Сибири, его жена Зинаида Сергеевна Трубецкая (1837—1924), дочь декабриста.

⁵ Титов Петр Павлович (1800—1878), поручик Кирасирского полка, адъютант Главнокомандующего 1-й армией, член Северного

общества, не был предан Верховному уголовному суду, выслан в Сибирь на службу, затем переведен в Европейскую Россию. В 1858 г. жил в Москве. Знакомство А. Ф. Бригена с ним было, возможно, связано совместной службой П. П. Титова и шурина Бригена — И. М. Миклашевского. В своих показаниях Следственной комиссии Титов назвал Бригена как члена тайного общества (ВД, т. 18, с. 102).

⁶ Павел Михайлович Миклашевский.

⁷ Тимофей, возница из имения М. А. Бригена в Слоуте.

⁸ Хрулев Степан Александрович (1807—1870), герой Севастопольской обороны, ген.-майор (с 1853 г.).

⁹ Вырубова (урожд. Терентьева) Мария Николаевна, племянница А. Ф. Бригена.

¹⁰ Мадам Клеруа, владелица магазина в Москве — мать гувернера Туманских, Лора Клеруа — вероятно, его сестра.

¹¹ Ридигер Федор Васильевич (1783—1856), гр., ген.-адъютант. Во время польской кампании — командир 3-й пехотной дивизии. Вл. И. Туманский состоял при нем адъютантом.

209. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 109—110 об.

¹ Фраза из трагедии В. Шекспира (1564—1616) «Макбет».

² Глинка (урожд. Голенищева-Кутузова) Авдотья Павловна (1795—1863), дочь куратора Моск. университета Павла Ивановича Голенищева-Кутузова (1767—1829), племянница М. И. Кутузова, поэтесса и переводчица.

³ Кузина Александрина — Туманская (урожд. Опочинина) Александра Федоровна (1814—1868), жена Михаила Ивановича Туманского, внучка М. И. Кутузова по материнской линии.

⁴ Дарья Михайловна Опочинина, дочь М. И. Кутузова, двоюродная сестра А. П. Глинки, мать А. Ф. Туманской.

⁵ Келлер Эдуард Федорович (1819—?), гр., служил при ген.-губернаторе Прибалтийского края А. А. Суворове, впоследствии сенатор.

⁶ Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882), русский военный и государственный деятель, внук А. В. Суворова, ген.-адъютант (1846), ген. от инфантерии (1855), в 1848—1861 гг. ген.-губернатор Прибалтийского края, в 1861—1866 гг. петербургский ген.-губернатор.

⁷ Барятинский Александр Иванович (1815—1879), кн., ген.-фельдмаршал русской армии, служил на Кавказе в 1835—1836, 1845—1861 гг., с 1856 г. командующий войсками и наместник царя на Кавказе.

⁸ Неплюев Николай Иванович (1825—1890), помещик Черниговской губ.

⁹ П. М. Миклашевский.

¹⁰ Барбишон — Варвара Михайловна Миклашевская (1804—?), сестра С. М. Бригена.

¹¹ Так в шутку называли младшую дочь Туманских Софью.

¹² Шарлотта Андреевна, гувернантка у Туманских, возможно, жена гувернера Клеруа, так как ее имя из писем А. Ф. Бригена исчезает одновременно с именем Клеруа после его увольнения.

210. Н. И. Тургеневу

ИРЛИ, ф. 309, № 2646, л. 3—4 об.

¹ См. примеч. 4 к письму 208.

² Речь идет о письме Н. И. Тургенева от 6 июня 1857 г. (см. примеч. 1 к письму 200).

³ Миклашевские — Иосиф, Андрей, Илья и Павел Михайловичи.

⁴ Сомов Сергей Николаевич, возможно, сын сослуживца А. Ф. Бригена по Измайловскому полку Николая Григорьевича Сомова (в 1812 г. капитан).

⁵ Тургенева Ольга Александровна, дочь А. М. Тургенева (о нем примеч. 3 к письму 212).

⁶ Н. Д. Свербеев (см. примеч. 4 к письму 208).

211. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 111—112 об.

¹ В. И. Туманский, живший в Москве.

² Гасвский Виктор Павлович (1826—1888), известный литератор, друг поэта, переводчика, тайного корреспондента Герцена и издателя запрещенной в России литературы Николая Васильевича Гербеля (1827—1883), деверя Л. А. Гербель, с которым через сестру был знаком Михаил Александрович Бриген.

³ Речь идет о Василии Александровиче Кокореве (1817—1889), миллионере-откупщике, выступавшем публично в годы революционной ситуации против грабительского характера винных откупов, в котором повинно правительство, и считавшем, что изменение системы винных откупов высвободит большие суммы денег, которые правительство должно употребить для выкупа крестьян. Тайный корреспондент Вольной русской печати, Кокорев поместил анонимно в «Колоколе» от 1 марта 1858 г. статью «Кое-что об откупах», а Герцен — заметку «В. А. Кокорев» в том же номере, в которой изложил содержание речи Кокорева в Московском купеческом собрании, произнесенной им 27 дек. 1857 г. (Эйдельман Н. Я. «Колокол» и его корреспонденты. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1974, с. 177). В. А. Кокорев стал очень популярен в демократических и либеральных кругах России, и А. Ф. Бриген, связанный с группой тайных корреспондентов Герцена, счел необходимым для себя познакомиться с ним. Характерно, что Н. И. Тургенев, посетивший в июне 1859 г. Петербург и бывший в эти дни неразлучным с Бригеном, также познакомился с Кокоревым и встречался с ним (Тарасова В. М. К вопросу об общественно-политических связях Н. И. Тургенева в годы революционной ситуации. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., с. 286—287).

⁴ И. А. Анненков.

⁵ Софья Туманская.

⁶ В «прославлении» роли царя в деле подготовки отмены крепостного права в России у Бригена в 1858 г. нашла отражение атмосфера общественного настроения, созданного рескриптом императора 1857 г., официально объявлявшим необходимость «эмансипации». Под влиянием этой атмосферы, отмеченной проявлением не

только либерального течения в помещичьей среде, но и реакционного, Бриген сохранял положительное отношение к царю и в 1859 г. (см. письмо 218).

212. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 113—114 об.

¹ Год помечен чужой рукой.

² А. М. Судиненко (см. примеч. 6 к письму 199).

³ Тургенев Александр Михайлович (1772—1862), воспитанник Геттинггенского университета, участник Отечественной войны 1812 г., после тяжелого ранения в Бородинском сражении переведен на гражданскую службу, служил по таможенной части, в 1823—1824 гг. тобольский губернатор, впоследствии казанский губернатор и директор медицинского департамента.

⁴ О. А. Тургенева

⁵ Тургенева Анна Николаевна (10 мая 1858—28 июня 1860 н. ст.).

⁶ Тургенева (урожд. де Виарис) Клара Гаэтановна (1814—1891).

213. Н. И. Тургеневу

ИРЛИ, ф. 309, № 2646, л. 5—6 об.

¹ А. М. Тургенев.

² О. А. Тургенева.

³ Рунич Дмитрий Павлович (1778—1860), в 1813—1826 гг. член Главного правления училищ, попечитель Петербургского университета и учебного округа, мракобес и мистик, стремился подчинить религии преподавание в университете.

⁴ Н. Д. Свербеев.

214. М. А. Туманской

ИРЛИ, № 2568, л. 115—116 об.

¹ Умов Алексей Павлович, младший брат зятя А. Ф. Бригена, окончил медицинский факультет Казанского университета, служил военным врачом в Симбирске, с 1855 г. в Москве (сведения получены от праправнучки А. Ф. Бригена Т. Б. Николаи).

² Возможно, речь идет о ген.-майоре Александре Федоровиче Лихачеве, командире (1855) уланского принца Фридриха Виртембергского полка, в 1860 г. директор канцелярии военного министра.

³ О Н. В. Зиновьеве см. примеч. 2 к письму 98.

⁴ Гогель Григорий Федорович (1808—1881), в 1858 г. воспитатель великих князей Николая и Александра Александровичей, в дальнейшем управляющий Царским Селом.

⁵ Видимо, речь идет об известном враче Николае Федоровиче Аренде (1786—1859).

215. М. А. Туманской
ИРЛИ, № 2568, л. 117—118

¹ О Соломке см. примеч. 1 к письму 4.

² Имеется в виду картина Александра Андреевича Иванова (1806—1858) «Явление Христа народу».

216. П. Н. Свистунову
ГБЛ, М. 5795, 1/2

¹ Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863), подполковник корпуса инженеров путей сообщения, член Северного общества, осужден по I разряду. После приговора находился 20 лет в Петропавловской крепости, в 1846 г. поселен в Томске. Из Сибири вернулся по амнистии в 1856 г., жил сначала в с. Петрищеве Белевского уезда Тульской губ., а с нояб. 1857 г. в Калуге, где жили также П. Н. Свистунов и Е. П. Оболенский.

² Т. А. Свистунова.

³ Ремюза Франсуа Мария Шарль (1797—1878), французский писатель и политический деятель.

217. М. А. Туманской
ИРЛИ, № 2568, л. 121—122 об.

¹ И. М. Судниенко (о нем примеч. 6 к письму 199).

² М. И. Судниенко.

³ Речь идет о лондонских изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена.

218. Н. И. Тургеневу
ИРЛИ, ф. 309, № 2646, л. 7—8 об.

¹ Греч Николай Иванович (1787—1867), писатель, журналист, издавал журнал «Сын отечества» (1812—1839) и совместно с Ф. Б. Булгариным (1789—1859) под эгидой III Отделения газету «Северная пчела» (1831—1859). О встречах с Н. И. Тургеневым в Париже Греч упоминает в кн. «Записки о моей жизни» (М.: Л., 1930, с. 499, 517).

219. М. А. Туманской
ИРЛИ, № 2568, л. 119—120 об.

¹ Кочубей Лев Викторович, кн., действ. статский советник. В июне 1853 г. он выстрелом из пистолета ранил в грудь своего бывшего управляющего домом Игнатия Зальцманна за то, что последний, уволенный со службы и не получивший причитающееся ему жалование, пожаловался на князя царю. Однако судебному преследованию подвергся не Кочубей, а Зальцманн, якобы за доносом на князя (об этой истории см.: «Колокол». Газета А. И. Герцена

и Н. П. Огарева. М., 1962, вып. 1. Факсимильное изд., с. 56—58, л. 7, от 1 янв. 1858 г.). С 1854 г. предводитель дворянства Полтавской губ.

² *Бозио Анжелика* (1824—1859), итальянская певица, умерла во время гастролей в России.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Анекдот

Военный журнал, 1817, № 8, с. 55—56

¹ В первой четверти XIX в. под анекдотом понимали короткий рассказ о незначительном, но характерном подлинном происшествии из жизни реального лица, представляющего интерес для истории.

² *Остерман-Толстой Александр Иванович* (1770—1857), ген.-адъютант, ген. от инфантерии, участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., командир дивизии во французскую кампанию 1805—1807 гг., во время Отечественной войны 1812 г. командовал 4-м пехотным корпусом, в заграничных походах — 2-м корпусом. При отступлении из-под Дрездена с остатками разбитого корпуса присоединился к гвардейской дивизии А. П. Ермолова и как старший по чину возглавил отряд, который под Кульмом нанес сильное поражение французскому корпусу Вандама. В этом бою А. И. Остерман-Толстой потерял руку.

Записки Кайя Юлия Кесаря

Часть I

ГПБ, ф. 286, оп. 2, д. 265, публ. л. I—LII

Предисловие

¹ *Роган Генрих*, герцог *Роганский* (конец XVI—1-я пол. XVII в.), комментатор сочинений Юлия Цезаря, автор книги «Совершенный полководец».

² *Тюрпен де Криссе*, французский переводчик и комментатор сочинений Юлия Цезаря, автор книги «Commentaires de Cesar avec des notes historiques critiques et militaires».

³ *Гишар Карл Готлиб* (1724—1775), полковник прусской службы, французский переводчик и комментатор сочинений Юлия Цезаря об Африканском походе; ему приписывается авторство книги «Военные записки о греках и римлянах». Лион, 1760.

⁴ *Генрих IV* (см. примеч. 2 к письму 14).

⁵ *Людвиг XIV* (1638—1715), французский король (1643—1715).

⁶ Книга, переведенная С. Вороновым, называется «Цезарь Гай Юлий. Кайя Юлий Кесаря записки о походах его в Галлию». СПб., 1774.

Жизнь Кайя Юлия Кесаря и взгляд на его характер

¹ О Светонии см. примеч. 10 к письму 89.

² *Плутарх* (ок. 45 — ок. 127), древнегреческий писатель и философ, автор сочинения «Сравнительные жизнеописания».

³ *Юлий Цельс*, древнеримский писатель и философ, которому приписывается авторство книг о войнах Александрийской, Африканской и Испанской.

⁴ О Фрейнзгейме см. примеч. 7 к письму 89.

⁵ Критический словарь. Статья: Цезарь, Примечание R. (франц.).

⁶ *Эней* — легендарный троянский герой, сын богини Венеры и царя Анхиза, царь латинов и троянцев, родоначальник царей Альба-Лонга, основателя Рима и первого римского царя (753—716 до н. э.) Ромула и рода Юлиев, герой поэмы Вергилия «Энеида».

⁷ *Корнелий Цинна Луций* (убит 84 г. до н. э.), деятель партии популяров в Древнем Риме, консул в 87 и 86 гг. до н. э. Вместе с Марием вел борьбу с Суллой, провел демократические преобразования. Его дочь Корнелия была женой Цезаря с 82 г. (ум. 68 г. до н. э.).

⁸ *Корнелий Сулла Луций* (138—78 до н. э.), римский военный и политический деятель, диктатор в 82—79 гг.

⁹ О Марии см. примеч. 30 к письму 100. Марий был женат на тетке Юлия Цезаря по отцу — Юлии.

¹⁰ *Корнелий Долабелла Публий* (69—43 до н. э.), римский политический деятель, зять Цицерона, в гражданской войне 49—45 гг. сторонник Цезаря, в 47 г. народный трибун, в 44 г. консул. Разбитый Кассием в Лаодикее, покончил самоубийством.

¹¹ Родосский учитель — Аполлоний Молон, родосский оратор, учитель Цицерона и Цезаря ораторскому искусству.

¹² Эдил, должностное лицо, помощник народного трибуна, в обязанности которого входило устройство игр, надзор за строительством и содержанием храмов, водопроводов, наблюдение за работой рынков, чистотой и безопасностью на улицах, раздачей хлеба римским гражданам. Эдилом Цезарь был избран на 65 г. до н. э.

¹³ *Валерий Катул Гней* (Кней) (ок. 87—54 до н. э.), римский политический деятель и поэт.

¹⁴ *Метелл Пий К.* (ум. 63 г. до н. э.), верховный жрец Рима.

¹⁵ *Сервилий Рулл Публий*, римский политический деятель, народный трибун в 63 г.

¹⁶ *Катон Марк Порций младший* (96—46 до н. э.), политический деятель Древнего Рима, защитник республиканских порядков, противник триумвиров и особенно Цезаря, поддерживал Помпея и после его поражения покончил с собой.

¹⁷ Претор, высшее должностное лицо, младший коллега консула, управляющий некоторыми провинциями, Цезарь был в 61 г. претором Испании.

¹⁸ *Лициний Красс Марк* (ок. 115—53 до н. э.), римский полководец и военный деятель, член I триумvirата (59—53).

¹⁹ *Помпей Гней* (Кней) старший (Великий) (106—48 до н. э.), римский военный и политический деятель, член I триумvirата, в 52—49 гг. «консул без коллеги», фактически диктатор Рима.

²⁰ Квестор, должностное лицо, помощник консула, ведавший

финансовыми и судебными делами. Цезарь был квестором в 68 г. до н. э.

²¹ *Александр Македонский* (356—323 до н. э.), великий полководец и государственный деятель Древнего мира.

²² *Варрон Марк Теренций* (116—27 до н. э.), римский писатель и ученый, сторонник Помпея, выполнял ряд общественных обязанностей; во время войны Цезаря с Помпеем после поражения последнего перешел к Цезарю, который, проотив его, поручил организовать в Риме публичную библиотеку.

²³ *Цербер* — древнегреческое мифологическое чудовище, трехголовый пес, охранявший вход в подземное царство. В переносном смысле — свирепый страж.

²⁴ *Кальпурний Бибул М.*, консул в 59 г. до н. э. (совместно с Цезарем) от аристократической партии, был конкурентом Цезаря и по эдилитету, и по претуре, и по консульству. Во время консульства всячески противодействовал Цезарю, но безуспешно; ревностный помпеец.

²⁵ *Корнелий Сулла Фауст Л.*, сын диктатора Суллы, зять Помпея.

²⁶ *Кальпурний Пизон Кесонин Л.*, римский политический деятель, консул в 58 г. до н. э., тесть Юлия Цезаря, женатого на его дочери Кальпурнии.

²⁷ *Грачки* — братья *Тиберий* (162—133 до н. э.), трибун в 133 г., *Гай* (153—121 до н. э.), трибун в 123 и 122 гг., провели реформы с целью остановить разорение крестьян, укрепить римское государство и армию. Оба были убиты.

²⁸ Людей почти ничего не трогает, кроме имен. *Монтескье*. Величие римлян, гл. XI (франц.). Имеется в виду трактат французского политического мыслителя, писателя, социолога и историка *Шарля Луи Монтескье* (1689—1755) «Рассуждение о причинах величия и упадка Рима», вышедший в 1734 г.

²⁹ *Ликтор*, низшая государственная должность в Древнем Риме, нес охранную и парадную функцию при высших должностных лицах.

³⁰ *Ватиний Публий*, народный трибун в 59 г. до н. э., приверженец Юлия Цезаря.

³¹ *Бентам Иеремия* (1748—1832), английский социолог, философ и юрист, создатель теории равенства всех сословий при капитализме, за что К. Маркс назвал его «гением буржуазной глупости».

³² *Габиний Авл* (ум. 47 г. до н. э.), народный трибун в 67 г., консул в 58 г., сторонник Помпея.

³³ *Проконсул*, должностное лицо, первоначально выполнявший военные поручения вне Рима, а с образованием провинций осуществлял юридическую, административную и военную власть в провинциях; назначался из числа бывших консулов или преторов; в 58 г. Цезарь стал проконсулом или наместником Галлии.

³⁴ *Клодий Пульхер Публий* (убит 52 г. до н. э.), трибун в 58 г., сторонник Цезаря, проводил законы в пользу плебса.

³⁵ *Ариовист* (I в. до н. э.), предводитель германского племени свевов, перешел Рейн, пытался во главе многих германских племен обосноваться в Галлии, но попытка его укрепиться в Галлии привела к войне с Римом, был разбит Цезарем в 58 г., бежал за Рейн и вскоре умер.

³⁶ Мост был построен всего за несколько дней не с нынешней

меданительностью по невероятному плану. Фрейнзгейм. Дополнение к Титу Ливию, CVII. 8 (лат.).

³⁷ *Брен*, предводитель сенонских галлов, разбивших в 390 г. до н. э. римлян на р. Алли и захвативших Рим (кроме Капитолия).

³⁸ *Драппет* — вождь племени сенонов во время Галльской войны.

³⁹ *Луктерий* — вождь кадуров во время Галльской войны.

⁴⁰ *Каниний Ребил Кай (Гай)*, легат Цезаря в Галлии во время римско-галльской войны 52—51 г. до н. э., его ближайший друг.

⁴¹ *Юлия* (83—54 до н. э.), дочь Юлия Цезаря, жена Помпея с 59 г.

⁴² *Цецилий Метелл Пий Сципион Квинт* (ум. 46 г. до н. э.), римский политический деятель, консул в 57 и 52 гг., тесть Помпея, отец его последней жены Корнелии.

⁴³ *Клавдий Маркелл* (Марцелл) К. (Г.) и *Корнелий Лентул Крус Л.*, — консулы в 49 г., оба противники Цезаря.

⁴⁴ *Скрибоний Курион Гай*, римский народный трибун в 50 г., цезарианец.

⁴⁵ *Антоний Марк* (83—30 до н. э.), в 49 г. народный трибун, в 44 г. консул совместно с Цезарем, в 43 г. один из триумвиров.

⁴⁶ *Домиций Агенобарб Луций* (ум. 48 г. до н. э.), римский сенатор, крупный землевладелец, крайний оптимат, претор в 58 г., консул в 54 г., проконсул обеих Галлий в 49 г., погиб в битве при Фарсале.

⁴⁷ Это был для всего человечества великий день. Иоганн фон Мюллер (нем.).

⁴⁸ *Юлий Цезарь Л.* старший, легат и родственник Цезаря, консул в 64 г. до н. э.; его сын *Юлий Цезарь Л.* младший, помпеянец.

⁴⁹ *Росций Фабат Л.*, легат Цезаря в Галлии, командир легиона, претор в 49 г. до н. э.

⁵⁰ *Оппий*, легат Цезаря и его друг, ему приписывается авторство «Александрийской войны».

⁵¹ *Корнелий Бальб Л.*, родом из Кадикса, друг Цезаря, Гиртия и Цицерона, участник гражданской войны, римское гражданство получил с помощью Помпея.

⁵² *Корнелий Лентул Спинтер П.*, помпеянец, консул в 57 г. до н. э. В свое консульство он содействовал возвращению Цицерона из изгнания.

⁵³ *Петрей М.* (ум. 46 г. до н. э.), легат Помпея в Испании, погиб в Африке.

⁵⁴ *Афраний Луций*, легат (посол) Помпея в Испании.

⁵⁵ *Цецилий Метелл Л.*, народный трибун в 49 г. до н. э., противник Цезаря.

⁵⁶ *Эмилиий Лепид Марк младший* (89—12 до н. э.), римский политический деятель, в 49 г. назначен Цезарем начальником Рима, консул в 46 и 42 гг., триумvir в 43 г.

⁵⁷ *Аристобул* (ум. 49 г. до н. э.), царь Иудеи, ставленник Цезаря, содержался под стражей Помпеем. Назначен Цезарем командиром двух легионов в Сирии против Помпея. Был отравлен.

⁵⁸ *Требоний Кай (Гай)*, народный трибун в 55 г. до н. э., легат Цезаря, командир трех легионов во время борьбы с Помпеем в Испании.

⁵⁹ *Фабий Кай (Гай)*, легат Цезаря, командир шести легионов во время борьбы с Помпеем в Испании.

⁶⁰ *Брут Децим Юний Альбин* (ок. 84—43 до н. э.), римский

политический и военный деятель, один из наиболее способных военачальников Цезаря, участвовал в заговоре против Цезаря, когда убедился в антиреспубликанских его намерениях.

⁶¹ *Лука́н Марк Анней* (39—65), римский поэт, автор поэмы «Фарсалия».

⁶² Курнион (см. примеч. 44) в этом бою погиб.

⁶³ *Октавий М.*, эдил в 50 г., командовал Ахейским флотом Помпея.

⁶⁴ *Скрибони́й Либон А.*, друг Помпея, тесть Секста Помпея, командовал Либу́рским флотом Помпея.

⁶⁵ Вультей, трибун в 48 г. до н. э.

⁶⁶ Либон — см. примеч. 64.

⁶⁷ *Сципион* — см. примеч. 42.

⁶⁸ *Клеопатра VII Теа Филопатора* (69—30 до н. э.), последняя египетская царица, дочь Птолемея XI, сестра, жена и соправительница (с 51 г.) Птолемея XII Диониса, с которым вела борьбу за власть. В 48 г. была изгнана в Сирию, в 47 г. возвратилась с помощью Юлия Цезаря, утвердившего ее на египетском престоле после победы римлян на Ниле в 48 г. После смерти Цезаря стала союзницей Марка Антония, с 37 г. его женой, поддерживала его в борьбе с Октавианом, а после вступления Октавиана в Египет покончила вслед за Антонием самоубийством.

⁶⁹ *Птоле́мей XII Дионис* (58—48 до н. э.), царь Египта с 51 г., его войска в битве на Ниле были разгромлены. Спасаясь на единственно уцелевшем корабле, утонул вместе с ним.

⁷⁰ Юба, царь Нумидии, сын Гиэмпсала II, помпеенец.

⁷¹ *Фарна́к II* (?—47 до н. э.), боспорский царь с 63 г. до н. э., во время войны с римлянами изменил своему отцу Митридату VI, вступил в союз с Помпеем и установил свою власть на большей части территории Боспорского государства. Воспользовавшись ситуацией во время войны Цезаря с Помпеем в 49—48 гг., захватил Фанагорию и намеревался захватить власть в М. Азии, предприняв туда поход, но 2 авг. 47 г. был разбит Цезарем.

⁷² *Митрида́т VI Евпатор* (132—63 до н. э.), царь Понтийского государства (121—63), вел борьбу со Скифским царством, защищая Херсонес; после подавления восстания боспорских скифов в 107 г. до н. э. получил от персидского царя Перисада V в управление Боспорское государство, поставил в зависимость почти все греческие города Черноморья, подчинил М. Армению и Колхиду. Для борьбы с Римом, стремившимся к захвату его владений, Митридат использовал армию, сформированную из варваров, с которыми установил дружеские отношения. Провел три войны с Римом (89—84, 83—81, 74—63). В последней войне Помпей нанес окончательное поражение, Митридат VI покончил самоубийством.

⁷³ *Арсиноя*, младшая дочь Помпея XI, сестра Птолемея XII Диониса и Клеопатры VII, во время изгнания Клеопатры стремилась захватить престол, руководила военными действиями против Цезаря. Овладев Египтом, Цезарь низложил Арсиною, утвердив престол за Клеопатрой и братом Птолемеем XIII Дионисом.

⁷⁴ Юба (55 до н. э.—?), сын нумидийского царя Юбы, впоследствии царь Мавритании, греческий ученый и историк.

⁷⁵ *Лукулл Луций Лициний* (ок. 117—ок. 56 до н. э.), рим-

ский полководец, в 74—66 гг. командовал римскими войсками в войне против Митридата VI, славился богатством, роскошью и пирами.

⁷⁶ *Дион Кассий* (р. между 155 и 164 — ум. после 229), древнегреческий историк, автор «Римской истории» в 80 книгах.

⁷⁷ *Плиний-старший, Гай Плиний Секунд* (23 или 24 — 79), римский писатель и государственный деятель, автор не дошедшего до нас труда «Германские войны в XX книгах», служившего источником для сочинений Тацита.

⁷⁸ *Никомед* (?—74 до н. э.), последний царь Вифинии, завещал царство Риму.

⁷⁹ *Помпей Гней младший* (погиб 45 г. до н. э. при Мунде), старший сын Гнея Помпея-старшего; *Помпей Секст* (ок. 75—35 до н. э.), младший сын Гнея Помпея-старшего, римский полководец и политический деятель; после смерти отца продолжал борьбу с Цезарем, а после смерти последнего стал командующим римским флотом, захватил Сицилию и другие острова и блокировал Италию с моря; в 43 г. объявлен вне закона вторым триумvirатом, в 36 г. разбит войсками Октавиана.

⁸⁰ *Атий Лабен Тит* (погиб 45 г. до н. э.), легат Цезаря, его помощник в Галлии, затем легат Помпея и его сторонник во время Гражданской и последующих войн.

⁸¹ *Атий Вар Квинт* (погиб 45 г. до н. э.), начальник конницы Цезаря в Галльской и Гражданской войнах, затем помпеянец.

⁸² *Валерий Катулл Гней* (ок. 87—54 до н. э.), римский политический деятель и поэт.

⁸³ *Естественная история* (лат.)

⁸⁴ *Птолемей XII Дионис*.

⁸⁵ *Фабриции* — род древнеитальянского племени герники, переселившийся в 306 г. до н. э. в Рим. Наиболее выдающийся представитель этого рода — *Кай Фабриций Лусций*, военный деятель, консул в 280 г., цензор в 275 г., прославился своей простотой, честностью и неподкупностью.

⁸⁶ *Корункании* — римский род. Наиболее выдающимся представителем был Тиберий Корунканий, юрист, консул в 280 г., первый из плебеев, ставший великим понтификом, давал публичные юридические советы гражданам, чем содействовал разрушению тайны, которой прикрывали свои знания о праве понтифики.

⁸⁷ *Брут Марк Юний* (85—42 до н. э.), римский политический деятель, участвовал в Гражданской войне на стороне Помпея. После победы Цезарь приблизил его к себе, доверял важные государственные должности. Идеолог сенаторского сословия, участвовал в заговоре против Цезаря, один из его убийц.

⁸⁸ *Август Гай Октавий*, с 44 г. до н. э. — *Гай Юлий Цезарь Октавиан* (63—14 до н. э.), римский император (27—14 до н. э.).

⁸⁹ *Цезепий Флав* и *Эпидий Марул*, народные трибуны в 46 г. до н. э.

⁹⁰ *Тарквиний Гордый Луций*, согласно римскому преданию, последний (седьмой) царь Древнего Рима (534/533—510/509 до н. э.), был изгнан из Рима восставшими гражданами.

⁹¹ Оба Брута: *Марк* и *Децим Кассий Лонгин Гай* (ум. 42 г. до н. э.), римский военный и политический деятель, организатор убийства Цезаря.

⁹² 15 марта 44 г. до н. э.

⁹³ Кальпурния, жена Цезаря с 60 г., дочь Л. Кальпурния Пизона (см. примеч. 26).

⁹⁴ Сервилий Каска Публий, народный трибун в 44 г. до н. э.

⁹⁵ Мунаций Планк Л., легат Цезаря в Галлии и Испании, во время Гражданской войны командир легиона.

⁹⁶ Так в подлиннике.

⁹⁷ Именно величие республики заключало зло, которое превратило народные смещения в гражданские войны. Величие римлян Монтескье, Гл. IX (франц.).

⁹⁸ Фабии — древнейший римский патрицианский род, основателем которого предание называло Геракла. В 477 г. до н. э. в бою с этрусками полностью погиб, за исключением одного мальчика, благодаря которому род возродился и дал Риму ряд выдающихся деятелей. Среди них Фабий Максим Руллиан, прославившийся во время самнитских войн в начале III в. до н. э., Фабий Пиктор Квинт, древнеримский историк, основатель анналистики (р. ок. 254 до н. э.), Фабий Максим Кункатор Квинт (275—203 до н. э.), выдающийся римский полководец.

⁹⁹ Корнелии Сципионы, римские политические и военные деятели (III—II вв. до н. э.).

¹⁰⁰ Тетка Цезаря Юлия умерла в 68 г. до н. э.

¹⁰¹ О Мирабо см. примеч. 1 к письму 14.

¹⁰² Наполеона I Бонапарта (1769—1821) декабристы, и в первую очередь участники Отечественной войны, почитали за его полководческий талант.

¹⁰³ Обнаруженные против себя заговоры не подавлял, но предупреждал, что ему о них известно. Ю[лий] Цел[с]с. Записки о жизни Цезаря (лат.).

¹⁰⁴ Лучший из авторов божественный Юлий. Тацит. Герман[ия], 28 (лат.).

¹⁰⁵ Путешествие в Лапуту. Гл[ава] VII (англ.). В современных изданиях «Путешествие в Лапуту» помещено в III части «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта (1667—1745).

¹⁰⁶ В тексте С. Сервилий — ошибка переписчика рукописи. М. Сервилий — консул в 168 г. до н. э. и начальник всадников во время 3-й Македонской войны (Тит Ливий. Римская история от основания города. Пер. с лат. под ред. П. Андрианова, т. VI, книги XXVI—XLV. М., 1899, с. 664.).

¹⁰⁷ «И не квиритами, а воинами я должен вас называть [в своей речи], может быть, это имя вызовет у вас краску стыда». В этой речи перед вернувшимися в Рим с 3-й Македонской войны (171—168 до н. э.) солдатами М. Сервилий уговаривал их согласиться на триумф главнокомандующего Л. Павла Эмилия, которому они в нем отказывали за то, что их вознаграждение за войну было недостаточным. Квириты — это невооруженные граждане Рима, в которых превращались воины, вернувшиеся с войны. Название «квириты» происходит от имени Квирина — обожествленного Ромула.

¹⁰⁸ Дракенборх — немецкий переводчик Тита Ливия.

¹⁰⁹ Имеются в виду «Анналы» Тацита.

¹¹⁰ Удендорп — немецкий переводчик Лукана.

Часть II

ГПБ, ф. 286, оп. 2, д. 266, публ. л. I—IV

Предупреждение

¹ *Гирций (Гиртий) Авл* (ум. 43 г. до н. э.), автор дополнений к Запискам Юлия Цезаря — восьмой книги «Галльской войны», бывший легат Цезаря и его лучший друг, консул в 43 г. до н. э. Возглавив цезарянианское войско в Мутинской войне против М. Антония, погиб в бою. Приписываемое Гирцию авторство других книг, вошедших в Записки Юлия Цезаря, А. Ф. Бриген отрицает.

² *Лигарий Квинт*, легат Помпея, начальник гарнизона Адрумета в Африке, которого Цезарь помиловал.

Происхождение Павла I

Публ. по: Былое, 1925, № 6, с. 3—9

¹ Под заглавием подзаголовков, не принадлежащий А. Ф. Бригену: «Записка одного из декабристов, фон Бриггена, о Павле I. Составлена в Сибири».

² *Дашкова* (урожд. *Воронцова*) *Екатерина Романовна* (1743—1810), кн., активная участница дворцового переворота 1762 г., приведшего на престол Екатерину II; в 1783—1794 гг. — директор Петербургской Академии наук и учрежденной ею же Российской академии для изучения русского языка. Автор литературных произведений в различных жанрах и автор мемуаров.

³ *Орлов Григорий Григорьевич* (1734—1783), фаворит Екатерины II, вместе с братом Алексеем Григорьевичем (1737—1807) руководил группой гвардейских офицеров, составивших заговор против Петра III и воздвигнувших на престол 28 июня 1762 г. Екатерину II. В дальнейшем А. Г. Орлов известен как военный деятель, Г. Г. Орлов — как государственный деятель.

⁴ Речь идет о прусском короле Фридрихе II (о нем см. примеч. 1 к письму 5).

⁵ *Воронцова Елизавета Романовна* (1739—1792), фрейлина Екатерины II до ее воцарения, фаворитка Петра III, в замужестве Полянская; ее муж *Полянский Александр Иванович* (1721—1818), статский советник.

⁶ *Бестужев-Рюмин (Бестужев) Алексей Петрович* (1693—1766), гр., русский государственный деятель и дипломат, участвовал в подготовке дворцового переворота 1741 г., возведшего на престол Елизавету Петровну, назначен ею сначала вице-канцлером; руководил внешней политикой России, соблюдая ее интересы. Проясками противников Елизаветы Петровны обвинила его в поддержке политических планов Екатерины, в 1758 г. арестован, судим, приговорен к смертной казни, замененной ссылкой; с воцарением Екатерины II восстановлен в правах и чинах, произведен в ген.-фельдмаршалы, но к активной деятельности привлечен не был.

⁷ *Чоглокова* (урожд. гр. *Гендрикова*) *Мария Симоновна*, статс-дама Екатерины II до ее воцарения. Ее муж *Чоглоков Николай Наумович*, камергер.

⁸ *Княжнин Яков Борисович* (1740—1791), поэт и драматург.

⁹ Шешковский Степан Иванович (1720—1793), секретарь канцелярии тайных розыскных дел при Елизавете Петровне, обер-секретарь тайной экспедиции Сената при Екатерине II.

¹⁰ Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Пер. с англ. Г. Е. Благосветлова. Лондон, 1859 (Издание Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева).

¹¹ Салтыков Сергей Васильевич (1728—1813), дипломат, фаворит Екатерины II.

¹² Тизенгаузен Карл Иванович, титулярный советник, в 1809 г. ушницкий городничий, отец декабриста.

¹³ В. К. Тизенгаузен (1781—1857), полковник, командир Полтавского полка, член Южного общества, осужден по VII разряду; на каторге в Чите, с 1828 г. на поселении в Сургуте, с 1829 г. в Ялуторовске, в 1853 г. возвращен в Европейскую Россию.

¹⁴ Мемуары Екатерины II опубликованы в Лондоне в 1858 г. в Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

¹⁵ Владиславлева Прасковья Никитична, камер-фрау Екатерины II до ее воцарения.

¹⁶ Шувалова (урожд. Шепелева) Мавра Егоровна (1708—1759), гр., статс-дама имп. Елизаветы Петровны, ее ближайшее доверенное лицо, жена П. И. Шувалова.

¹⁷ Шувалов Петр Иванович (1711—1762), гр., русский государственный деятель, ген.-фельдмаршал; благодаря влиянию на Елизавету Петровну жены его Мавры Егоровны и двоюродного брата Ивана Ивановича Шувалова (1727—1797), фаворита императрицы, пользовался неограниченной властью.

¹⁸ Имеется в виду Гольштейн-Готторпская линия императорской династии Романовых (1761—1917), начавшаяся с Петра III, сына Карла Петра Ульриха Гольштейн-Готторпского и цесаревны Анны Петровны (дочери Петра I).

¹⁹ А. П. Петров. Фамилия установлена советскими исследователями по архивным материалам (Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжка III, с. 165; Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия, с. 172 и сл.).

²⁰ Старцов Иван Васильевич, мещанин г. Красноярска.

²¹ Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), государственный деятель, временщик при дворах Павла I и Александра I.

²² Капцевич Петр Михайлович (1772—1840), ген.-губернатор Западной Сибири в 1822—1827 гг.

²³ О тобольском полицмейстере Александре Гавриловиче Алексееве (у Бригена — Алексеевский) и о тобольском квартальном надзирателе Почижерцове (у Бригена — Пасежерцов) см.: Модзалевский Б. Л. Послесловие к публикации статьи А. Ф. Бригена «Происхождение Павла I» (Былое, 1925, № 6, с. 10—11). О предполагаемой причине искажения фамилий см. вступ. ст. к наст. тому.

²⁴ Костя — великий князь Константин Павлович; Саша — император Александр I.

²⁵ Императрица Мария Федоровна (1759—1828), жена Павла I.

²⁶ Ланской Дмитрий Сергеевич (1767—1833), член Государственного совета, сенатор, был женат на тетке А. И. Одоевского — Варваре Александровне Одоевской, родной сестре рано умершей матери декабриста Прасковьи Александровны. Обе сестры приходи-

лись кузинами отцу декабриста Ивану Сергеевичу Одоевскому.

²⁷ Свистунов Николай Петрович (?—1815), камергер, отец декабриста.

²⁸ Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), князь Таврический, государственный и военный деятель.

²⁹ Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826), гр., государственный деятель, фаворит Павла I, при нем фактически руководил Коллегией иностранных дел. В 1812—1814 гг. московский ген.-губернатор, за ним утвердилась слава инициатора московского пожара 1812 г. Ростопчин Андрей Федорович (1813—1860), его сын, библиограф.

³⁰ Герострат — грек из Эфеса, жаждавший сделаться известным, сжег в 356 г. до н. э. храм Артемиды, выдающееся произведение античного искусства.

³¹ Бабкин Даниил Григорьевич (1771—1858), гоф-фурьер, фаворит имп. Марии Федоровны, при Николае I был камер-фурьером, затем гоф-штаб-квартирмейстером при гоф-интендантской конторе министерства двора.

³² Анна Павловна (1795—1865), вел. кн., дочь Павла I, королева Голландии с 1816 г.

³³ Муханов Сергей Ильич (1762—1842), статс-секретарь, фаворит имп. Марии Федоровны, дядя декабриста П. А. Муханова.

³⁴ Лопухина Анна Петровна (1777—1805), в замуж. кн. Гагарина (с 1799 г.), фаворитка Павла I.

³⁵ Лопухин Петр Васильевич (1753—1827), кн., при Павле I ген.-прокурор Сената, в дальнейшем министр юстиции, председатель различных департаментов Государственного совета, в 1826 г. председатель Верховного уголовного суда по делу декабристов.

ПЕРЕЧЕНЬ УТЕРЯННЫХ И НЕОБНАРУЖЕННЫХ ПИСЕМ А. Ф. БРИГЕНА

Аридту Н. Ф. — 16 июля 1858.

Арцимовичу В. А. — 21 янв. 1855; нач. мая 1856.

Башмакову Ф. М. — 7 июля, 14 окт. 1851.

Бобрищеву-Пушкину П. С. — апр. 1851.

Бригену М. А. — 5 дек. 1841; 30 нояб. 1845; 29 мая 1855; март 1857.

Бриген С. М. — 30 марта и 23 апр. 1826 (из крепости); 1 апр. 1834, 21 авг. 1837; 22 сент., 17 нояб., 7 дек. 1839; 19 апр., 1 сент., 20 дек. 1840; 13 янв., 19 июня, 31 дек. 1841; март, 3 дек. 1843; 7 июля 1844; 30 нояб. 1845; май—июнь 1847 (три письма); 21 мая, 3 сент. 1848; июль 1850; апр. 1851; 18 янв., 7 февр., 22 февр., 3 апр., 22 авг., 5 сент., 26 дек. 1852; 14 апр., летом (два письма), 29 нояб., 23 дек. 1856; 10 февр., 24 февр. 1857.

Гасфорту Г. Х. — 28 февр. 1853.

Гербель Л. А. — 3 марта 1857.

Глинке Ф. Н. — окт. 1825.

Голицыну А. Ф. — 8 окт. 1857.

Горчакову П. Д. — нояб. 1840; нояб. 1848; нояб. 1850.

Долгорукову В. А. — 15 сент. 1857.

Дороховой М. А. — 2 июня 1857.

Жуковскому В. А. — 29 янв. 1846.

Кочубею Д. В. — 25 нояб. 1849.

Кушелеву-Безбородко А. Г. — окт. 1818.

Лореру Н. И. — 23 янв. 1842, 22 мая 1843.

Миклашевской А. Я. — 9 дек. 1856; июль 1858.

Миклашевскому И. М. — 15 апр. 1855.

Миклашевскому М. П. — 3 февр., 7 апр. 1839; февр., 10 окт., 8 нояб., 7 дек. 1840; 17 дек. 1843.

Муравьеву А. М. — 6 окт. 1850.

Назимову М. А. — май, 14 нояб. 1841.

Нарышкину М. М. — 3 янв. 1838; 7 февр. 1841; 15 мая 1842; июль 1856.

Нарышкиной Е. П. — 13 дек. 1837; 10 янв. 1838; 18 авг. 1841; 29 мая 1843.

Орлову А. Ф. — 20 сент. 1856.

Перовскому В. А. — дек.
1851.
Пушину И. И. — 21 июля
1856.
Розену А. Е. — 1 апр. 1834;
21 февр. 1838; янв. 1839.
Рылееву К. Ф. — конец
сент.—нач. окт. 1825.
Свистунову П. Н. — 3 мая
1845.
Семенову С. М. — окт. 1825;
май—июнь 1841.
Стражевой Л. И. — 1 сент.
1830; 11 февр. 1844.
Сычеву — 7 июля 1851.
Терентьеву Н. А. — 25
нояб. 1856; 3 авг., 15 сент.
1857.
Трубецкой Е. И. — 1 сент.
1842.
Трубецкому С. П. — авг.
1825; 1 сент. 1842; февр. 1845;
21 июня, авг. 1846; 22 сент.
1850.

Туманской (Бриген) М. А.
— 3 июля 1836; 20 дек. 1839;
8 нояб. 1840; 21 нояб. 1841;
21 авг., 18 дек. 1842; июль
1845; 15 июля 1850; 7 февр.
1853; янв. 1854.
Туманским О. В. и М. В. —
25 нояб. 1856.
Тургеневу Н. И. — сент.
1814; лето 1824.
Умовой А. А. — 5 сент. 1847;
февр. 1858.
Фонвизину М. А. — 5 апр.
1840; 18 марта, 21 марта,
май—июнь (несколько писем),
26 нояб. 1850; 9 февр., март,
апр. 1851.
Штейнгейлю В. И. — июнь
1852 (два письма); февр. 1855
(два письма).
Яковлеву Г. А. — 13 янв.
1857.
Якушкину И. Д. — нояб.
1838.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВД — Восстание декабристов. Материалы. Т. 1—17
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАКО — Государственный архив Курганской области
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГБЛ — Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени
В. И. Ленина
ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Гос. публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы
АН СССР (Пушкинского дома)
ЛН — Литературное наследство
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ЦГАВМФ — Центр. Гос. архив Военно-Морского Флота СССР
ЦГАЛИ — Центр. Гос. архив литературы и искусства СССР
ЦГАОР — Центр. Гос. архив Октябрьской революции, высших
органов гос. власти и гос. управления СССР
ЦГВИА — Центр. Гос. военно-исторический архив СССР
ЦГИА — Центр. Гос. исторический архив СССР

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

(после фамилий указаны номера писем)

- Анненкову И. А. 198
 Бриген (Гербель) Л. А. 84,
 94, 99, 102, 121, 123, 127, 155,
 157, 167, 173, 180, 184—186,
 188—191, 193—196, 199, 202,
 205
 Бриген С. М. 30, 37, 38, 45,
 49, 50, 79, 85, 107, 116, 125
 Бриген (Туманской) М. А. 33,
 34, 36, 40, 41, 43, 44, 46,
 48, 51, 52, 54, 55, 59, 62, 65,
 67, 76—78, 82, 86, 87, 90, 92,
 95, 96, 98, 101, 104—106, 108,
 109, 111, 112, 114, 120, 132,
 134, 138, 139, 141, 144, 145,
 147—153, 158, 159, 161, 164,
 170, 171, 181, 182, 192, 203,
 204, 207—209, 211, 212, 214,
 215, 217, 219
 Бриген (Туманской) М. А. и
 Бриген (Умовой) А. А. 35, 56,
 58, 60, 63, 64, 68—74
 Гербелю В. В. 133
 Гербелям В. В. и Л. А. 183,
 201
 Горчакову П. Д. 113, 124
 Дружинину Я. А. 1
 Дубельту Л. В. 88, 91, 115,
 117, 129
 Жуковскому В. А. 81, 89, 97,
 100, 103, 110, 122
 Кочубею Д. В. 118, 135
 Лореру Н. И. 31
 Миклашевским А. Я. и М. П.
 47
 Миклашевскому М. П. 42
 Михайловскому - Данилевско-
 му А. И. 2—27
 Нарышкиной Е. П. 75
 Нарышкину М. М. 39, 53, 57,
 66, 126, 172
 Оболенскому Е. П. 128, 130,
 131, 136, 137, 140, 142, 143,
 146, 154, 160, 163, 166, 168,
 169, 175, 177—179
 Орлову А. Ф. 80, 176
 Пущину И. И. 61, 165, 197
 Розену А. Е. 32
 Рылееву К. Ф. 28
 Свистунову П. Н. 162, 174,
 216
 Соболевскому А. А. 83
 Стражевой Л. И. 29
 Терентьеву Н. А. 187
 Туманскому Вл. И. 93
 Тургеневу Н. И. 200, 206,
 210, 213, 218
 Фонвизину М. А. 119
 Якушкину И. Д. 156

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- М. А. Фонвизин. Художник А. Г. Венецианов. 1812 г. — 12.
- Н. И. Тургенев. Литография Зенefeldера по рисунку М. Антонена. Не позднее 1821 г. ГИМ. — 19.
- К. Ф. Рылеев. Художник О. Кипренский (?). Начало 20-х гг. XIX в. — 28.
- С. П. Трубецкой. Миниатюра на картоне. Акварель худ. Ж. Б. Изабе (?). Конец 1810-х гг. Всесоюзный музей А. С. Пушкина — 29.
- Ф. Н. Глинка. Гравюра К. Афанасьева. 1825 г. — 37.
- Восковой барельеф А. Ф. Бригена работы Ф. П. Толстого. 1810 г. Государственный Русский музей, Ленинград. — 63.
- А. Ф. Бриген. Литография А. Мюнстера с акварельного портрета 2-й половины 1850-х гг. — 72.
- Отрывок из письма А. Ф. Бригена А. И. Михайловскому-Данилевскому от 21 сентября 1816 г. Автограф. — 92.
- Н. В. Басаргин. Акварель Н. А. Бестужева. 1836 г. — 160.
- И. И. Пущин. Акварель Н. А. Бестужева. 1828—1830 гг. — 161.
- В. А. Жуковский. Рисунок Э. Эстеррейха. 1820 г. — 192.
- Конец письма А. Ф. Бригена В. А. Жуковскому от 14 сентября 1845 г. Автограф. — 201.
- Письмо А. Ф. Бригена М. М. Нарышкину от 20 мая 1856 г. Автограф. — 332.
- П. Н. Свистанов. Акварель Н. А. Бестужева. 1836 г. — 335.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абланкур П. 218, 499
 Абу-Бекр Абдаллах бен Осман 494
 Август Гай Октавий 439, 497, 544
 Аврамов И. Б. 49
 Адриан Публий Элий 497
 Александр Македонский 415, 497
 Александр I Павлович, имп. 14, 24, 27, 44, 452, 454, 455, 457, 458, 459, 465, 467, 468
 Александр II Николаевич, имп. 475, 481, 521, 523, 527, 529
 Александра Федоровна, имп., жена Николая I 380, 532
 Александрова Е. А. (в замуж. Кузнецова), дочь А. Ф. Бригена и А. Т. Томниковой 57, 343, 355, 356, 357, 361, 362, 364, 366, 369, 372
 Алекс. Матвеевич, неуст. лицо 367, 530
 Алексеев А. Г. (Алексеевский), тобольский полицмейстер 61, 452, 453, 454, 455
 Али, халиф 494
 Алопеус Д. М. 463
 Анисья (Петровна), см. Мельникова А. М.
 Анна Ивановна, имп. 473
 Анна Леопольдовна, имп. 473
 Анна Павловна, вел. кн. 456, 548
 Анна Петровна, цесаревна, дочь Петра I 547
 Анненков И. А. 58, 61, 64, 293, 327, 363, 375, 376, 393, 401, 483, 514, 529, 536
 Анненков Н. Н., двоюродный брат декабриста 293, 294, 295, 302, 311, 514, 515, 516
 Анненков П. В. 59, 60, 458
 Анненков Ф. В. 60, 61
 Анненкова (урожд. Гебль) П. Е. жена декабриста 150, 376, 483
 Ансильон, историк 23, 132, 137, 189, 479
 Аполлинария, см. Томникова Ап. Т.
 Антоний Марк 425, 440, 441, 442, 542, 546
 Антоний Пий 497
 Антонины, римская династия 206, 497
 Анхиз 540
 Аракчеев А. А. 452, 455, 547
 Арендт Н. Ф. 399, 537
 Ариовист, вождь свевов 419, 541
 Аристобул 429, 542
 Арно, семья 171, 489
 Арно Антуан 489
 Арно Апулье Роберт 489
 Арно Франсуа Томас 163, 487
 Арсиноя, дочь Помпея 434, 543
 Артарий 73, 87, 96, 461
 Артимидор 441
 Архий Авл Лициний 84, 466
 Арцимович В. А. 296, 330, 333, 334, 336, 354, 401, 515, 520, 524
 Атий Лабий Тит 436, 544
 Атий Вар Квинт 437, 544
 Афанасий Петрович, старец, см. Петров А. П.

Афанасьев К., художник 37
Афраний Л., сподвижник Цезаря 429, 542
Ашентр, франц. издатель 193, 412, 447

Бабкин Д. Г. 456, 548
Багратион П. И. 69, 458
Баседный, урядник 50
Бакуринская П. Я. 480
Балакишин Н. Я. 293, 514, 525
Балакшина Ф. Н. 338, 525
Бальзак О. 163
Бальмен (урожд. Свистунова) Г. Н. 527
Бантыш-Каменский Д. Н. 98, 471

Баранов, чиновник 32
Барант Г. П. 159, 485
Баратынский Е. А. 98, 470
Барятинский А. И. 391, 535
Барбье дю Варж А. Ф. 410
Барбье дю Бокаж, картограф 412

Барклай де Толли 458
Барко-Петровский, ген. 280
Баронов А. В. 359, 529
Баронова М. В. 359, 529
Басаргин Н. В. 4, 57, 159, 160, 278, 279, 327, 339, 343, 401, 486, 510
Батеньков Г. С. 401, 402, 522, 538

Башарин (Соколов-Башарин) П. З. 274, 278, 509

Башмаков Ф. М. 53, 64, 122, 185, 291, 293, 296, 327, 345, 347, 375, 493, 514, 524

Башуцкий А. Д. 32

Безбородко И. А. 96, 469

Безносков, чиновник 273, 509

Белков, купец 101

Беляев А. П. 4

Бенкендорф А. Х. 51, 52, 117, 474, 479, 486

Бентам И. 418, 541

Березин С. И. 322, 376, 507, 521

Беспалов, чиновник 333, 334

Бестужев (Марлинский) А. А. 96, 469

Бестужев Н. А. 10, 44, 160, 161, 335

Бестужев-Рюмин А. П. 450, 546

Бестужев-Рюмин М. П. 44, 46, 47, 48, 470

Бетман, банкир 217, 499

Бетховен Л. 116, 124, 194, 474

Бейль П. 100, 467

Бирон Э. И. 51, 104, 108, 473

Бичер-Стоу Г. 294, 515

Благосветлов Г. Е. 547

Блан Л. 274, 278, 280, 509

Блюдов Д. Н. 290, 404, 513

Бобоедов М. А. 323, 522

Бобрищев-Пушкин П. С. 65, 162, 291, 331, 487, 524

Богданович М. И. 5, 14

Бозио А. 406, 539

Большаков Л. Н. 8

Бомарше П.-О.-К. 137, 481

Бомон де ла Бонниньер Г.-О. 165, 489

Бонштеттен К.-В. 219, 224, 231, 499

Борковский (Бурковский) Я. Д. 377, 532

Борковская (Бурковская) Е. И. 377, 532

Боровдна Е. П. 377, 382, 531

Боровдна Н. П. 377, 381, 531

Боссюэ Ж.-В. 243, 244, 261, 262, 264, 315, 318

Ботен Л. 122, 476

Боунинг Д. 70, 459

Борх С. И. 485

Брайловский С. Н. 4, 6, 493, 520

Брант, ст. советник 484

Бриген (урожд. Микешина, во втором браке Вальман) М. А. 8, 49, 273, 318, 472, 509

Бриген М. А. 57, 126, 130, 133, 135, 144, 151, 152, 164, 165, 173, 179, 180, 182, 209, 220, 221, 231, 236, 242, 245, 288, 297, 306, 317, 334, 345, 348, 351, 355, 364, 365, 369, 371, 376, 378, 379, 384, 385, 389, 390, 393, 394, 396, 398, 400, 402, 403, 405, 471, 479, 532, 533

Бриген П. А. 515

Бриген (урожд. Миклашевская) С. М. 8, 34, 49, 51, 57, 99, 116, 119, 126, 134, 138, 141—143, 190, 197, 199, 215, 240,

256, 271, 310, 348, 469, 470,
475, 476, 479, 485

Бриген фон дер Ф.-Э., отец
А. Ф. Бригена 8, 466

Брен, вождь сенонских галлов
421, 542

Брок П. Ф. 364, 529

Бруннов Ф. И. 524

Бруно Д. 238, 502

Брут Децим Юний Альбин
430, 440—442, 542, 544

Брут Марк Юний 438, 440, 544

Брыгин Н. А. 10, 66

Буало (Депрео) Н. 115, 243,
474

Бубинька, см. Гербель Л. А.

Булгарин Ф. Б. 538

Бутков В. П. 380

Бухарин, дипломат 162

Бурцов И. Г. 30, 32, 41

Бучковский А. М. 324, 522

Бюре Эжен 188, 493

Бюре Этьен 52

Вадковский Ф. Ф. 174, 490,
530

Вакс (Дмитриев), неуст. ли-
цо 277

Валерий Катул Гней 414, 437,
540, 544

Вальман И., отчим А. Ф. Бри-
гена 9

Вальман Р. И., сводный брат
А. Ф. Бригена 9, 64, 199,

377, 385, 388, 496, 524, 532

Вальман (урожд. Типнер) Е. Х.
330, 334, 356, 358, 360, 524

Вальман (в замуж. Терентье-
ва) Е. И., сводная сестра А. Ф.

Бригена 366, 503, 529, 534

Ван-Бурен М. 148, 483

Вандам Д.-Ж.-Р., ген. 16

Варрентрап, книгопродавец 17

Варрон Марк Теренций 416,
430, 439, 541

Васильев М., крепостной 32

Ватиний Публий 418, 419,
541

Веденяпин А. В. 291, 514

Вейс И. Ф., педагог 10, 11, 106

Веймар, переводчик 165

Веллей Петеркул 204, 497

Вельяминов А. А. 11

Вельяминов И. А. 52

Венцель К. К. 285, 512

Венецианов А. Г. 12

Вергилий Публий Марон 77,
540

Верцингеториг, вождь племе-
ни арвенос 175, 420, 421, 492

Виньи де А. 163, 239, 487

Вианд Х.-М. 83, 219, 465,
499

Виллерс Ш. 226, 501

Виалис Н. П. 490

Вильм И. 227, 235, 501

Вильмен А.-Ф. 125, 167, 244,
478

Висковатов А. В. 13, 14, 19,
40

Витворт М. 159

Витгенштейн П. Х. 15, 69,
459

Владиславлева П. Н. 451, 547

Власов, туринский житель 295,
296, 515

Власов Г. 250

Власов М. 52, 55, 250, 252,
253, 255, 256, 257, 258, 259,

267, 269, 270, 275, 283, 284,
295, 505, 516

Власов П. 250, 505, 516

Власова У. 250, 505

Водяников А. Д. 278, 510

Воейков, масон 29

Волк С. С. 7

Волконская А. 130, 479

Волконская М. Н. 99, 274,
293, 471

Волконский П. М. 18, 460,
478

Волконский С. Г. 47, 130, 343,
380, 382, 388, 476, 526

Вольтер (Аруэ Ф.-М.) 137,
244, 248

Вольтман К.-Л. 203, 496

Вольф Ф. Б. 476

Вольховский В. Д. 30, 43

Воронцов К. 122

Воронов С. 539

Воронцова-Дашкова Е. Р., см.
Дашкова Е. Р.

Воронцова (в замуж. Полян-
ская, сестра предыд.) Е. Р.

449, 546

Враницкий В. И. 50, 101, 472

Бронченко Ф. П. 9, 290, 513
Вультей, римский трибун 431, 543
Выгодовский П. Ф. 49, 471
Вырубова (урожд. Терентьева) М. Н. 389, 535
Высоцкий П. Я. О. 274, 510

Габиний Авл 419, 541
Гаген, переводчик 411
Гаевский В. П. 59, 393, 536
Галлам Г. 225, 500
Галлетти И. Г. А. 81, 465
Гамильтон В. 227, 501
Ганфельд, адъютант 271
Гапчочко Л. В. 522
Гартунг, знакомая Клейнмихелей 85
Гасс, неуст. лицо, 77, 463
Гасфорт Г. Х. 55, 289, 291, 293, 295, 302, 307, 308, 310, 311, 312, 330, 334, 354, 513, 516—518, 520, 524
Гегель Г. В. Ф. 227, 501
Генрих IV Наваррский 80, 411, 464
Гербель Базиль (В. В.), внук А. Ф. Бригена 272, 273, 362, 393, 509
Гербель В. В.-старший 272, 325, 391, 509, 522
Гербель В. В.-младший, зять А. Ф. Бригена 58, 59, 272, 282, 312, 313, 334, 335, 344, 345, 348, 351, 354, 360, 363, 364, 371, 376, 380, 388, 395, 509, 518, 534
Гербель (урожд. Бриген) Л. А.; дочь А. Ф. Бригена 57, 58, 64, 110, 116, 163—165, 179, 182, 188, 190, 194—198, 221, 232, 240, 244, 248, 250, 261, 263, 266, 272, 273, 280, 283, 290, 292, 297, 303, 313, 314, 322, 325, 334, 344, 348, 350, 352, 354, 472, 493, 495, 499, 518, 521, 533, 536
Гербели, внуки А. Ф. Бригена 289, 315, 316, 325, 326, 378, 385, 400, 518, 519, 523
Гербель Н. В., брат Гербея В. В.-младшего 58, 59, 536
Гербели, семья 390, 391

Герен А. Г. А. 23, 225, 231, 500
Герман, экономист 23, 24
Герострат 456, 548
Герцен А. И. 3, 6, 59—61, 353, 527, 538
Гете И. В. 224, 500
Гиббон Э. 189, 206, 218, 229, 230, 493
Гизо Ф. П. Г. 206, 225, 497
Гирций (Гиртий) Авл 410, 446—448, 546
Гишар К. Г. 411
Глебов М. Н. 60, 291, 513
Глейм И. В. 224, 500
Глейтен, гр. 353
Глинка Ф. Н. 27, 29, 31—39, 41, 48, 58, 65, 74, 76, 78, 81, 82, 84, 86, 97, 379, 390, 401, 404, 462, 465
Глинка (урожд. Голенищева-Кутузова) А. П., жена предид. 390, 535, 536
Говорухин Ф. С. 271, 508
Гогель Г. Ф. 399, 537
Гоголь Н. В. 52, 164, 227
Годвин У. 163, 488
Годейн Н. Г. 31, 32, 36
Голенищев-Кутузов Л. И. 240, 503
Голенищев-Кутузов П. И. 79, 464, 466, 535
Голиков И. И. 127, 478
Голицын А. Ф. 382, 533
Голицын С. 390
Голицына Е. М. 119, 475
Голодников К. М. 5, 503
Голодникова Ю. К. 5, 239, 503
Голубцов В. В. 533
Гомер, древнегреч. поэт 176, 207, 246, 304
Гонди, историк 81
Гораций Флак Квинт 303, 516
Горчаков А. И. 185, 197, 220, 222, 238, 241, 244, 250, 252—256, 271, 273, 275, 276, 279, 280, 282, 284—287, 289, 294—296, 300—302, 311, 334, 493
Горчаков П. Д. 5, 54, 145, 161, 482, 484, 486, 495, 503, 505, 506, 510, 511
Горчакова (в замуж. Безобразова) О. П. 273

Горчакова (в замуж. Уварова) Н. П. 273
 Гортензий К., сподвижник Цезаря 425, 429
 Гортензий, оратор, отец преемств. 425
 Гофман Э. Т. А. 164, 488
 Граббе П. Х. 28, 41, 279, 281, 285, 289, 511
 Гравовский Ф. 359, 529
 Грахх Гай (Кай) 417, 541
 Грахх Тиберий 417, 541
 Греч Н. И. 3, 404, 538
 Грибовский М. К. 32—34, 41
 Грибоедов А. С. 132, 479, 524
 Гуммель И. Н. 124, 478
 Гурьев Д. А. 9, 10, 70, 460
 Гутер Я. 498
 Гюго В. 163, 394
 Гюйон Ж. М. 240, 305, 306, 384, 394, 503

Даванцати, переводчик 203, 214, 499

Давид, полулегендарный израильско-иудейский царь 321, 521

Давыдов В. Л. 101, 102, 286, 472, 512

Давыдов П. Л. 101, 102, 472

Дагерр Л. Ж. М. 127, 478

Данвиль, картограф 412

Дашкова (урожд. Воронцова)

Е. Р. 60, 449, 450, 546, 547

Дежерандо Ж. М. 54, 113, 139, 147, 167, 474, 481

Делиль Ж. 78, 463

Демосфен 84

Державин Г. Р. 9, 91, 458, 468

Дибич И. И. 50

Дивов В. А. 161, 486

Диоген Синопский, древнегреч. философ 219, 467, 499

Дион Кассий 435

Долгоруков В. А. 342, 344, 380, 382, 397, 398, 399, 526, 532

Дмитриев-Мамонов А. И. 5, 50, 51, 476

Домиций Агенобарб Луций 425—427, 542

Дорохова (урожд. Плещеева) М. А. 370, 373, 375, 376, 530

Дохтуров Д. С. 14

Драгневич И. В. 400, 532

Дракенборх, переводчик 446, 545

Драплет, вождь сенонских галлов 422, 542

Дружинин Я. А. 9, 10, 69, 458, 460

Дубельт Л. В. 200, 203, 216, 217, 254, 258, 269, 270, 275, 278, 286, 288, 308, 496, 499, 506, 510

Дубровин Н. Ф. 5

Дуранов А. И. 121, 142, 146, 154, 476, 483

Дуново (урожд. Волконская) А. П. 130, 478

Дуново (урожд. Демидова) М. Н. 130, 478

Дуново П. Д. 478

Дювержье де Г. Ж. 171, 489

Дюма А. 244, 504

Евгений Вюртембергский, принц 16

Евгений Лейхтенбергский, принц 147, 483

Евтухов, жандарм 98, 471

Екатерина II Алексеевна, имп. 9, 10, 449, 452, 456, 458, 546, 547

Елизавета Алексеевна, имп., жена Александра I 34

Елизавета Петровна, имп. 451, 452, 473, 546

Ентальцев А. В. 11

Ермолов А. П. 13, 16, 17, 62, 69, 224, 459, 539

Есипов В. Н. 75, 86, 88, 89, 95, 462, 467

Жадовский, полковник 37

Жакмон В. П. Ф. 163, 238, 487

Жан Поль (Рихтер П. Ф.) 164, 488

Жемчужников М. Н. 334, 524

Житомирская С. В. 522

Жуков А. И. 8

Жуковский В. А. 4, 17, 54,

118, 130, 172, 174, 190, 192,
198, 200, 202, 203, 205, 207—
209, 214, 215—217, 219, 223,
225, 227, 228, 230, 231, 233—
235, 245, 246, 256, 262, 263,
265, 304, 318, 345, 361, 371,
372, 378, 392, 404, 410, 475,
494, 496, 499, 500, 502, 517,
520
Жуковская (урожд. Рейтерн)
Е. А. 230, 263, 502
Жульен, педагог, литератор 113

Забелин А. П. 270, 508
Завалишин Д. И. 45, 513
Завалишин И. И. 291, 293,
300, 322, 323, 513, 521
Закржевский К. 477
Зальцманн И. 406, 538
Зейфман Н. В. 522
Зензинов М. М. 5, 508
Зея-Бермудес Ф. 459
Зильберштейн И. С. 473
Зиновьев Н. В. 220, 389, 500,
537
Зноско-Боровский Н. 13, 15,
16, 523
Зудинлов Я., священник 120,
476

Иван (Александрович) (р. 1841),
второй ребенок А. Ф. Бригена
и А. Т. Томниковой 515
Иван (Александрович) (р. 1842),
третий ребенок А. Ф. Бригена
и А. Т. Томниковой 359, 515,
528
Иван VI Антонович 473
Иванов А. А. 400
Ивашев В. П. 134, 142, 480,
482
Ивашев П. В. 134, 480
Ивашева (в замуж. Черкесова)
В. В. 134, 480
Ивашева (урожд. Ле-Дантю)
К. П. 134, 480, 482
Ивашева (в замуж. Трубни-
кова) М. В. 134, 480
Изабе Ж. Б. 29
Ильин А. Т. 27, 74, 78, 81,
84, 86, 89, 90, 94, 462
Искандер (псевд. Герцена) 3

Кавелин А. А. 31, 36
Казанцев, пельымский житель
103, 105, 106, 108
Казобон, издатель 498
Калигула Гай Цезарь 354,
528
Кальпурний Бибул М. 416,
418, 423, 541
Кальпурний Пизон Кесонин
417, 419, 541
Кальпурния, жена Цезаря 440
Кальянов, слуга В. А. Жуков-
ского 494
Камилл Марк Фурий 230, 501
Каниний Ребил Кай (Гай) 422,
542
Канкрин Е. Ф. 458
Кант И. 53, 122, 162, 226—
228, 232, 299, 501
Капнист А. В. 36, 38
Капнист С. В. 36
Капцевич П. М. 453, 547
Карамзин Н. М. 76, 98, 462
Каренгин Т. К. 293, 514
Карр А. 163, 487
Кассий Лонгин Гай 442, 542
Красс М., см. Лициний Красс
Марк
Катаев В. С. 375
Катилина (Сергий Катилина
Луций) 414, 415, 500
Катон Марк Порций 415—
419, 426, 444, 540
Квинтилиан Марк Фабий 156,
157, 159, 203, 485
Келлер Э. Ф. 391, 535
Клавдий Маркел 424, 425, 542
Клейнмихель, сановник 85
Клейнмихель (урожд. Кокош-
кина), жена предыд. 85
Клеопатра VII Теа Филопато-
ра 432, 435, 543
Клеруа, губернёр Туманских
381, 389, 391, 395, 399, 400,
533
Клеруа, мать предыд., владе-
лица магазина 389, 535
Клечковская А. С. 122, 169,
477
Клечковская Ю. Э. 239
Клечковский Э. К. 239, 477
Клечковские, семья 122
Клаузевиц К. 458
Кикин П. А. 69, 459

Кипренский О. 27
 Киреева (урожд. Тандакова) Е. Ф. 100, 472
 Клодий, римский трибун 423
 Клодий Пульхер Публий 419, 541
 Княжнин Я. Б. 450, 546
 Козлов И. И. 141, 481
 Козодавлев О. П. 9
 Кокорев В. А. 393, 536
 Кокс В. 81, 465
 Кокушль П. И. 32
 Колен К. Я. 279, 501
 Коленька (Николай Александрович), сын А. Ф. Бригена и Томниковой 57, 58, 259, 355, 357, 359, 362—367, 369, 371—374, 377, 379, 380, 381, 388, 389, 399, 400, 533
 Колошин П. 35, 42
 Коммод Луций Элий Аврелий 497
 Конарский Ш. 529
 Конисский Г. 96—98, 469
 Коновницын Г. П. 116, 117, 222, 474
 Коновницын П. П. 14
 Коновницына (урожд. Корсакова) А. И. 167, 168, 170, 184, 493
 Конопельский, заседатель курганского окружного суда 323, 521
 Консидиониан М., проконсул (49 г. до н. э.) 425
 Константин Николаевич, вел. кн. 327, 380, 382, 452, 454, 523
 Константин Павлович, вел. кн. 454, 503, 547
 Копцевич, гатчинский ген.-губ. 453
 Корнелии Сципионы, род 443, 545
 Корнелий Бальб Л. 427, 447, 542
 Корнелий Долабелла Публий 413, 429, 431, 540
 Корнелий Лентул Крус 424, 542
 Корнелий Лентул Спинтер П. 427, 542
 Корнелий Сулла Луций 413, 414, 426, 427, 437, 540

Корнелий Сулла Фауст 417, 541
 Корнелий Сципион 428
 Корнелий Цинна (Цинцина) Луций 413, 540
 Корнелия, жена Ю. Цезаря 444
 Корункании, род 438, 544
 Корш Е. Ф. 504
 Коханов, чиновник 380, 382, 532
 Кочубей, семья 393
 Кочубей А. В. 134, 220, 233, 241, 395, 480, 501
 Кочубей В. В. 498
 Кочубей Д. В. 207, 220, 233, 241, 250, 258, 259, 269, 271, 283, 284, 290, 297, 302, 307—310, 388, 390, 395, 498, 502, 507, 512, 513, 518
 Кочубей (урожд. Туманская) Е. В. 207, 498
 Кочубей Л. В. 406, 538
 Кочубей Н. М. 135, 480
 Кочубей С. М. 480
 Кошле, франц. писательница 136, 480
 Краевский, ссыльный поляк 477
 Краснокутский С. Г. 134, 480
 Красовский Г. Г. 381, 533
 Крки де, маркиза 136, 147, 163
 Круг В. Ф. 226, 500
 Крылов И. А. 306, 517
 Крюднер (урожд. Фитингоф) В. Ю. 157, 306, 485
 Крюков А. А. 10, 11, 520
 Крюков Н. А. 318, 520
 Кузен Виктор 227, 262, 481
 Кузен Вольф 140
 Кузнецов А. Л., зять А. Ф. Бригена 357, 358, 361, 528
 Кузнецов Э. В. 10
 Курныкина Г. И. 66
 Курций Руф Квинт 170, 489
 Кусакин И. Д. 312, 313
 Кутузов М. И. 14, 460, 468, 469, 503
 Кутузов, неуст. лицо 95, 469
 Кучеренко Ю. Н. 10
 Кушелев-Безбородко А. Г. 4, 6, 23, 34, 221, 305, 307, 378, 500, 517, 522, 532

Кушелев Г. Г. 522
Кюлен, литератор 73
Кюхельбекер В. К. 4, 53, 54,
197, 207, 208, 495
Кюхельбекер М. К. 53, 60,
291, 514

Л., неуст. лицо 313, 519
Лабин, помпеянец, 434
Лавалетт А. М. Ш. 136, 147,
480, 483
Лавалетт (урожд. Богарнэ)
Э. Л. 147, 480, 483
Лавров Н. И. 13, 459
Ладженский М. В. 138, 145,
168, 216, 481, 484
Лакретель Ж. Ш. Д. 52, 153,
484
Ламартин А. 131—133, 479
Ланда С. С. 35
Ланской Д. С. 455, 547
Лаоник Халкокондил 229, 501
Лапин Н. А. 7, 54
Лафарг А. 524
Лафатер И. К. 228, 501
Лафонтен Ж. 244, 504
Левенгельм К. 70, 459
Левшин, знакомый А. Ф. Бри-
гена 381
Легоран, филолог 136
Ле-Дантю М. П. 482
Леман Г. 240, 503
Лемер, франц. переводчик и
издатель 156, 163, 165, 193,
208, 412, 447, 484
Леонтьев С. Б. 327, 523
Лепарский С. Р. 50, 99, 471
Лепид, нач. всадников 441
Лессинг Г. Э. 466
Лещев А. Н. 250, 505, 506,
518
Ливий Тит 156, 485, 542
Лигарий Квинт, помпеянец 448,
546
Лихарев В. Н. 53, 101, 109,
117, 472, 473
Лихарева В. Н. 101, 472
Лихарева Е. А. 101, 472
Лихачев А. Ф. 398, 537
Лициний Красс Марк 415, 416,
422, 439, 540
Ло, неуст. лицо 319
Лобанов-Ростовский А. Я. 382,
482, 533

Лобанова-Ростовская (урожд.
Безбородко) К. И. 142, 482
Логинов А. М. 268, 508
Локк Д. 25
Лонгин Дионисий Кассий 87,
466
Лопухин П. В. 456, 548
Лопухина (в замуж. Гагарина)
А. П. 457, 548
Лоран, филолог 136
Лорер Д. И. 146, 482
Лорер Н. И. 4, 6, 7, 18, 22,
52, 53, 65, 101, 102, 105, 109,
117, 120, 143, 146, 154, 162,
168, 272, 333, 472, 473, 477,
484
Лористон А. Ж. Б. Л. 90, 467
Луи Прусский, принц 124
Лукан Марк Анней 430, 446,
543
Лукулл Луций Лициний 435,
543
Луктерий, вождь кадуров 422,
542
Лунин М. С. 274, 476, 510
Любченко Д. Е. 98, 251, 471,
505
Людовик XIV 411, 504, 539
Людовик XV 20, 148, 171
Людовик XVI 20, 21, 148

Мабли Г. Б. 23, 25
Маврина М. Е. 509
Маврина С. И. 273, 291, 311,
343, 509, 513, 518, 526
Магомет 189, 219, 494
Майков П. М. 473
Макнавелли Н. 70, 88, 232,
463, 502
Максимилиан-Людвиг, кур-
фюрст Баварский, впол. король
147, 483
Мануил II Палеолог 229, 501
Манштейн Х. Г. 104, 108, 473
Малосапожков Д. Я. 270, 508
Марий Кай 230, 413, 414, 501,
540
Мария Александровна, имп.,
жена Александра II 138, 481
Мария-Тереза, королева Фран-
ции 243, 504
Мария Федоровна, имп., жена
Павла I 455, 456, 547, 548

- Марк Аврелий 91, 468
 Марк Антоний 543
 Марк Коммод Антоний Август 497
 Маркс К. 524
 Маркевич М. Т. 161, 486
 Маркович А. М. 377, 381, 388, 531
 Мармон О. Ф. Л. В. 90, 468
 Масдон, неуст. лицо 83, 466
 Маслов, жанд. полковник 50, 52
 Маслов В. И. 4, 469
 Матюрен Ш. Р. 164, 488
 Машенька (Мария Александровна), дочь А. Ф. Бригена и А. Т. Томниковой 57, 324, 327, 341, 343, 355, 357, 359, 362—367, 369, 371—374, 377, 522, 526, 530
 Мейер, содержатель пансиона 10, 11, 25
 Мейербер Дж. 124, 149, 478
 Мельникова А. П. 154, 186, 333, 524
 Мендельсон М. 87, 466
 Менцель К. А. 225, 500
 Мерный П. П. 209, 211, 213, 215, 498
 Мессалина 293, 514
 Местр К. 163, 224, 243, 262, 487, 504
 Метелл Непот 415
 Метелл Пий К. 414, 540
 Мешалкина М. М. 279, 510
 Мидальтон К. 219, 499
 Миклашевская А. И. 522
 Миклашевская (урожд. Бакуринская) А. Я. 128, 138, 297, 350, 376, 377, 478, 479, 527
 Миклашевская (урожд. Красно-Милашевич) В. В. 361, 376, 377, 531, 535
 Миклашевская В. М. 391
 Миклашевский Ал. М. 36, 38, 39, 42, 48, 118, 129, 130, 475
 Миклашевский Ан. М. 385, 479, 534, 536
 Миклашевский Ил. М. 385, 534, 536
 Миклашевский Иос. М. 97, 289, 322, 371, 373, 376, 377, 470, 513, 530, 531, 536
 Миклашевский М. И. 377, 382, 531, 533
 Миклашевский М. П. 46, 126, 138, 168, 306, 472, 473, 502
 Миклашевский П. И. 323, 324, 521, 522
 Миклашевский П. М. 361, 369, 388, 391, 400, 470, 529, 535, 536
 Миклашевский С. С. 377, 531
 Миколюк П. А. 10
 Миллер Г. Ф. 23
 Милорадович Г. А. 532, 533
 Мильман Г. 206, 218, 219, 497
 Миних Б. К. А. 10, 11, 51, 94, 102—108, 226, 473
 Миних, жена предых. 103, 107
 Мирабо О. Г. Р. 25, 80, 444, 464, 545
 Миркович А. Я. 32
 Митридат VI Евпатор, понтийский царь 229, 433, 501, 543
 Митьков М. Ф. 26, 39, 42, 43
 Михайловский - Данилевский А. И. 4, 10, 18, 20—22, 26, 27, 28, 30, 70, 73—84, 86, 88, 90, 91, 94—96, 460—462, 465, 467—469
 Модзалевский Б. Л. 6, 39, 60—62
 Моисей, легендарный пророк 171, 238, 489
 Молон Аполлоний 414, 540
 Монтень М. 311, 503
 Монтанье де, гр. 243, 315
 Монтеские Ш. Л. 22, 25, 541, 545
 Мордвинов Н. С. 45
 Мордвиновы, семья 130
 Мунаций Планк Л. 441, 545
 Муравьев А. Н. 28, 41, 52, 363, 376, 527, 529
 Муравьев А. М. 11, 65, 122, 278, 315, 476, 510, 513, 519
 Муравьева (урожд. Чернышева) А. Г. 99, 102, 471, 473
 Муравьев Н. М. 30, 33, 42—44, 46, 48, 97, 122, 470, 471, 476
 Муравьев Н. Н. 520
 Муравьев-Апостол М. И. 46, 151, 271, 339, 484, 508, 525
 Муравьев-Апостол С. И. 34, 43, 46, 47
 Муравьева-Апостол (урожд.

Константинова) М. К. 151, 484
Муратори Л. А. 305, 306, 308, 309

Муромцев М. М. 11, 17
Муханов П. А. 60, 530, 548
Муханов С. И. 456, 548
Мюллер И. 80, 89, 203, 219, 224, 225, 227, 231, 235, 433, 464, 542

Мюнстер А. 72
Мюрат И. 70, 460
Мэннеринг Гай 157, 163, 164, 178

Назимов И. А. 119
Назимов М. А. 4, 6, 43, 53, 58, 65, 109, 117—120, 146, 154, 161, 168, 169, 186, 272, 333, 398, 401, 473, 474, 509
Наполеон I Бонапарт 15, 70, 71, 198, 244, 328, 459—461, 483, 545

Нарышкин, неуст. лицо 85, 460
Нарышкин М. М. 4, 6, 32, 39, 43, 53, 58, 65, 109, 116, 118—121, 123, 138, 145, 146, 153, 161, 167—169, 183, 184, 186, 271, 272, 331, 343, 363, 388, 389, 401, 473, 474, 484, 493, 526

Нарышкина (урожд. Коновницына) Е. П. 112, 116, 118, 120, 121, 123, 128, 129, 142, 143, 145, 146, 154, 155, 161, 167, 168, 170, 183, 221, 272, 331, 333, 473, 475

Нарышкины, семья 524
Наумов П. М. 496
Неандр А. 294, 324—327, 331, 340, 343, 387, 515

Неплюев Н. И. 391, 535
Непорожнев, фельдгегерь 49, 471

Нерва Марк Кокцей 497
Нерон Клавдий Цезарь 89, 467
Нефедьева А. И. 387
Нефедьева Е. А. 392, 534
Нечкина М. В. 8, 32, 34, 35, 40, 41, 44

Николай I Павлович, имп. 49, 195, 311, 327, 328, 453, 457, 461, 503, 510, 523

Николай Т. Б. 496

Николь П. 171, 489

Никомед, царь Вавинии 436, 544

Новосильцов В. Д. 97, 470
Новосильцова (урожд. Орлова) Е. В. 97, 470

Нодье III. 132, 183, 479

Норов В. С. 32, 144, 482

Оболенский Е. П. 4, 35, 36, 38, 39, 42, 43, 55, 62, 65, 97, 271, 273, 275, 278, 279, 285—288, 291—296, 299, 311, 318, 320, 322—324, 326, 327, 337, 339—341, 343, 470, 486, 511, 512, 514, 515, 521, 522, 525, 526, 538

Оболенский И. Е. 515

Оболенский П. Е. 299, 516

Оболенская А. Е. 515

Оболенская (урожд. Баранова) В. С. 294, 515

Оболенская Н. Е. 515

Огарев Н. П. 3, 59, 60, 62, 527, 539

Огневский И. И. 401

Одоевский А. И. 60, 117, 119, 455, 474, 475, 480, 547

Одоевский И. С. 548

Одоевская В. А. 547

Оксман Ю. Г. 31

Октавий М., эдил 431, 543

Омар ибн Аль Хаттаб 494

Опочинин Ф. П. 240, 503

Опочинина Д. М. 240, 390, 503, 535

Оппий, легат 427, 542

Оржицкий М. Н. 11

Орлов, врач 274

Орлов А. Г. 449, 546

Орлов А. Ф. 55, 56, 190, 194, 198, 275, 288, 338, 339, 341—347, 367, 368, 371, 387, 494, 512, 524, 525, 530

Орлов Г. Г. 449, 546

Орлов М. Ф. 28, 41, 339, 525

Осман ибн Аффан 494

Остен-Сакен Ф. В. 97, 470

Остерман-Толстой А. И. 409, 539

П. И., см. Голенищев-Кутузов П. И.

Павел I Петрович, император

6—8, 59—62, 65, 449—452, 454—457
 Пайс Л. 227, 501
 Палацций, неуст. лицо 253, 276
 Панаев В., житель Туринска 514
 Панаева, жительница Туринска 294, 514
 Панин В. Н. 25, 284, 397, 512
 Панов, пелымский казак 108
 Папкевич А. И. 252, 256, 276, 506
 Папкевич И. И. 252—256, 275, 276, 279, 285, 505
 Почижерцов (Пасежерцов) Н. П. 61, 452
 Паскаль Б. 171, 245, 298, 307, 309, 311, 331, 333, 489
 Пассек В. В. 154, 484
 Паулуччи Ф. О. 69, 459
 Пейкер М. И. 159, 486
 Перетц Г. А. 35
 Перовский В. А. 28, 192, 296, 301, 302, 307, 494, 515, 516
 Пестель П. И. 34, 35, 43, 44, 47, 48
 Петр I Алексеевич, имп. 127, 411
 Петр III Федорович 449, 473
 Петрей М., римский легат 429, 542
 Петров А. П. 60, 61, 452—455, 457, 547
 Платов М. И. 69, 458
 Платон, древнегреч. философ 262, 507
 Плетнев, неуст. лицо 130
 Плиний Гай Секунд-старший 435, 438, 544
 Плутарх, древнегреч. философ 438, 540
 Повало-Швейковский И. С. 47, 53, 155, 197, 203, 484, 495
 Поджио А. В. 43, 47
 Поджио И. В. 47
 Подорванов И. 252, 506
 Полетика Г. А. 469
 Полторацкий Н. Ф. 65
 Полторацкая Н. А. 65
 Помпей Гней (Великий) 415—417, 422—429, 431, 432, 436, 437, 441, 540

Помпей Гней-младший 436, 437, 544
 Помпей Секст 436, 437
 Пономарева, пелымская жительница 104, 107
 Потемкин-Таврический Г. А. 456, 457
 Пражевские, семья, знакомые Миклашевских 308
 Пражевский Н. П. 97, 308, 470
 Пребстинг И. К. 522
 Приклонский Н. М. 32
 Прокофьев Е. А. 12, 517
 Прокофьев Т. И. 309
 Птолемей XII Дионис 432, 438, 543, 544
 Пушкин А. С. 7, 29, 54, 492
 Пушин И. И. 6, 7, 42, 43, 48, 65, 159—161, 271, 274, 300, 322, 339, 359, 375, 376, 486, 513, 522, 528, 531
 Пушин Н. И. 159, 486, 528
 Пушина (в замуж. Полибина) А. И. 341, 526

Радагайз (Радагейс) 230, 501
 Радищев А. Н. 404
 Раевский Н. Н. 45
 Разумовский А. К. 93, 94, 468
 Разумовский Г. К. 93, 468
 Разумовская, гр., свояченица А. К. Разумовского 93, 468
 Расин Ж. 170, 489
 Раупах Э. В. С. 11, 25, 26
 Рахманов П. А. 11
 Ребо Ж. 163
 Резанов В. А. 307, 517
 Рейналь Г. 80, 464
 Рейнбек, учитель 80, 82
 Рейнгольдт К. Л. 226, 500
 Рейф Ф. И. 132, 479
 Рейхель С. А. 174, 490
 Ремюза Ф. М. III. 402, 403, 538
 Репин Н. П. 60
 Ретунский В. Ф. 7, 481
 Решинский И. Ф. (Непомуцен) 181, 340, 492, 525
 Ржоншевский В. 274, 509
 Ридигер Ф. В. 390, 535
 Рихтер Н. П. 187, 493, 505
 Роберт А. В. 227

Роган Г., герцог Роганский 411, 539
 Рогинский В. В. 459
 Розен А. Е. 4, 6, 52, 53, 60, 65, 105, 108, 117, 118, 122, 135, 272, 333, 473
 Розен Вас. А. 494
 Розен Вл. А. 494
 Розен (урожд. Малиновская) А. В. 117, 475
 Розенкамф Г. А. 9, 24, 70, 460
 Ролан Ла Платьер М. Ж. М. 163, 488
 Роман, см. Стражков Р.
 Романовы, династия 62, 547
 Ромул, царь 230, 501, 540
 Роско В. 225, 500
 Россини Д. А. 116, 474
 Росцишевский Ю. А. 477
 Ростопчин А. Ф. 456, 548
 Ростопчин Ф. В. 456, 548
 Росций Фабат Л. 426, 542
 Рощевский П. И. 8
 Рубченко А. А. 65
 Руммоль В. В. 533
 Рунич Д. П. 397, 537
 Руссо Ж. Ж. 25, 78, 203, 463, 496
 Рылеев К. Ф. 4, 27, 41, 43—48, 65, 96, 469, 470
 Рылеева А. Ф. 63
 Рюльер К. К. 81, 88, 465
 Саблин М. В. 5
 Салтыков С. В. 450—452, 547
 Саллюстий Гай Крисп 204, 208, 215, 218, 224, 227, 235, 418, 497, 502
 Саль де Ф. 171, 489
 Санд Ж. (Аврора Дюдеваль) 163, 487
 Сандо Л. С. Ж. 487
 Свербеев Д. Н. 388, 534
 Свербеев Н. Д. 388, 405, 534, 536, 537
 Свербеева (урожд. Щербатова) Е. А. 378, 379, 387, 532, 534
 Свербеева Е. И. 392
 Свербеева З. С. 392, 534
 Свербеевы, семья 393
 Светоний Тарквилл Гай 206, 413, 435, 446, 447, 497, 540
 Свиньин П. П. 93, 468

Свистунов А. Н. 120, 345, 347, 476, 527
 Свистунов И. П. 299, 516
 Свистунов Н. П. 456, 548
 Свистунов П. Н. 6, 60, 65, 120, 122, 142, 150, 153, 155, 156, 159, 245, 319, 335, 336, 337, 345, 347, 350, 374, 375, 401, 476, 483, 490, 516, 538
 Свистунова (урожд. Ржевская) М. А. 351, 527
 Свистунова М. П. 374, 530
 Свистунова (в замуж. Бальмон) Г. Н. 35, 527
 Свистунова (урожд. Неугодникова) Т. А. 150, 402, 538
 Свифт Д. 163, 194, 445, 545
 Севинье М. 298, 502
 Селиверстов А. Н. 322, 521
 Семевский В. И. 5, 30, 66
 Семенов С. М. 32, 35, 36, 38, 39, 42, 65, 482
 Сенанкур Э. П. 163, 224, 487
 Сенковский О. И. 137, 480
 Сент-Бёв Ш. О. 141, 183, 481
 Сервилий Каска Публий 441, 545
 Сервилий М. 446, 545
 Сервилий Рулл Публий 414, 540
 Сигизмунд, фельдъегерь 61, 455
 Симанский Л. А. 73, 461
 Симанский П. Н. 461
 Сиявин (Сенявин) Д. Н. 45, 90, 93, 466, 467
 Сиявина (Сенявина) (урожд. Разорвич) Т. И. 86, 466
 Сипягин Н. М. 30
 Сисмонди Ж. Ш. Л. 25, 85, 88, 90, 466
 Скаржинский В. П. 522
 Скаржинский Н. П. 325, 522
 Скаржинский П. В. 325, 522
 Скорина, исправник 121, 122
 Скоронадская (урожд. Маркович) П. И. 162, 487
 Скотт В. 153, 157, 158, 163, 175, 191
 Скрибоний Курион Гай 424, 430, 542, 543
 Скрибоний Лион Л. 431, 543
 Смит А. 22, 23, 25, 79, 80, 88, 93, 464
 Собаньский Г. М. 151, 484

Соболевский А. А. 122, 195, 268, 477
 Соболевская А. (Е.) А. 122, 477
 Соколов И. 256, 506
 Сократ, древнегреч. философ 91, 468
 Соловьева С. 406
 Соловьевы, семья 406
 Соломка А. Д. 73, 84, 86, 88, 399, 401, 461, 538
 Соломон, израильско-иудейский царь 131, 318, 321, 479
 Сомез, издатель 498
 Сомов Н. Г. 536
 Сомов С. Н. 392, 395, 536
 Сперанский М. М. 24, 458
 Спиноза Б. 162, 487
 Спиридов И. М. 16, 17
 Ставраков С. Х. 69, 459
 Сталь Л. Ж. 133, 140, 163, 172, 479
 Старцов, мещанин, 452, 454, 455, 547
 Стендаль (Бейль М. А.) 148, 163, 473
 Стерн Л. 164, 488
 Стилюхон Ф. 230, 501
 Столыпина, родств. Нарышкиных 130
 Столыпина, подруга М. А. Туманской 112
 Стражева (урожд. Вальман) Л. И. 51, 98, 135, 325, 380, 382, 471, 472, 474, 478, 480, 487, 522, 532
 Стражков Р. 123, 154, 477
 Страховы, семья, курганские жители 368, 530
 Строганов А. Г. 354, 528
 Строганова Н. В. 354, 528
 Суворов А. А. 391, 470, 535
 Суворов А. В. 470, 493
 Суворова В. А. 185, 493
 Судненко А. М. 377, 395, 399, 531, 537
 Судненко И. М. 377, 402, 531, 538
 Судненко М. И. 377, 402, 492, 531, 538
 Судненко (урожд. Миклашевская) Н. М. 148, 377, 483
 Сукин А. Я. 49
 Сысенин, курганский житель 322, 521

Сычев, курганский житель 293, 514
 Сэй Ж.-В. 123, 477
 Сю Э. 147, 163, 483, 504
 Сюлли де Бетюн М. 80, 464

Тальская О. С. 7, 54, 55, 513
 Тамерлан (Тимур, Тимурленг) 229, 501
 Тарасевич В. М. 276, 277, 280, 288, 291, 293, 300, 510, 513
 Тарквиний Гордый Луций 440, 544
 Тартаковский А. Г. 27, 31
 Тассо Т. 73, 79, 87, 89, 115, 461, 474
 Татищев А. И. 47
 Тацит Корнелий Публий 25, 26, 167, 199, 203, 208, 209, 214, 223, 274, 445, 488, 498
 Текутьев (Токутьев) И. К., туринский житель 327, 516, 523
 Темникова (Томникова) Ал. Т. 56, 57, 278, 312, 324, 327, 342, 355, 357, 358, 359, 362, 363, 364, 365, 367, 370, 372, 377, 486, 510, 511, 515, 518, 522, 526, 528
 Темникова (Томникова) Ап. Т. 341, 526
 Терезия Сапеда (св. Терезия, Терезия Аквилаская) 313, 351, 519
 Тепфер Р. 163, 487
 Терентьев Н. А. 302, 303, 349, 350, 353, 354, 356, 357, 359, 365, 380—382, 388, 389, 503, 527, 528
 Терентьева Е. И. 366, 372, 374, 381, 388, 389, 529, 530, 534
 Тиберий Клавдий Нерон 167, 443, 488
 Тибул Альбий 158, 485
 Тизенгаузен В. К. 47, 60, 450, 547
 Тизенгаузен К. И. 450, 547
 Тимашев А. Е. 380, 397, 532
 Тимковский В. Ф. 162, 179, 487
 Тимковский Е. Ф. 487
 Тимковский Р. Ф. 487

Тимирязев В. А. 5
 Тимофей, слуга М. А. Бригена
 388, 535
 Тит Ливий 156, 157, 159, 163,
 165, 204, 413, 446, 497, 542,
 545
 Тит Флавий Веспасиан 88, 467
 Титов П. П. 28, 388, 534, 535
 Токарев А. А. 35, 36, 39
 Токвиль А. Ш. А. К. 384,
 533
 Толстой Н. А. 69, 458
 Толстой Ф. П. 10, 26, 28, 29,
 35, 48, 58, 63, 313, 390, 392,
 401, 519
 Толстой Я. Н. 35, 36, 39, 40,
 42
 Толук Ф. А. 333, 337, 340,
 524
 Толь К. Ф. 96, 469
 Томашевич А. С. 154, 484
 Тормасов А. И. 85, 466
 Траян Марк Ульпий 497
 Требоний Кай (Гай) 429, 542
 Тришатная (Тришатная)
 (урожд. Миклашевская) Е. И.
 532
 Тришатный (Тришатный) А. Л.
 253, 506
 Тришатный (Тришатный) Л. А.
 717, 532
 Трог, римский историк 497
 Трубецкой С. П. 4, 6, 23, 28,
 29, 31, 42—48, 65, 97, 98,
 121, 155, 188, 285—288, 392,
 470
 Трубецкая Е. И. 99, 392, 471
 Трусов, плац-майор 101, 472
 Тулий Кимвр 441
 Тулинов Я. П. 279, 510, 519
 Тулиновы, семья 341
 Тулонжон Ф. Э. 174, 177, 178,
 180, 183, 199, 410, 411, 490,
 496
 Туманская (урожд. Опочинина)
 А. Ф. 390
 Туманская (урожд. Бриген)
 М. А. 51, 59, 64, 109, 110,
 112—116, 118, 123—126, 128—
 131, 134, 135, 137—139, 141—
 144, 146, 148—151, 156—159,
 162, 164, 165, 169, 171, 173,
 174, 177—183, 186, 188—190,
 194, 196, 199, 207—211, 213—
 215, 220—222, 230—232, 235,

248, 252—254, 259, 260, 273,
 280, 281, 283, 285, 288, 289,
 292, 296, 297, 300—302, 307,
 308, 310, 314—316, 322, 329,
 330, 345, 348, 349, 352, 355,
 357, 367, 369, 376, 379, 381,
 383—385, 387, 388, 393, 395,
 397, 402, 405, 471, 478, 491—
 494, 497, 502, 507, 513, 531
 Туманская О. В. 236, 240, 243,
 244, 259, 272, 284, 304, 348,
 391, 394, 395, 400, 403, 405,
 502, 509, 512, 531, 532, 536
 Туманская С. В. 284, 298, 394,
 395, 398, 403, 405, 498, 512,
 533, 535, 536
 Туманские, семья 377, 381,
 535
 Туманский Вас. И. 261, 393,
 394, 498, 500, 502, 507, 513
 Туманский Вл. И. 207, 208,
 210, 211, 248, 260, 261, 285,
 289, 366, 377, 381, 383, 384,
 389, 391, 395, 398, 507, 512,
 529
 Туманский Вас. В. (Базиль)
 220, 239, 500
 Туманский М. В. 207, 249, 284,
 348, 384, 385, 389, 391, 394,
 498, 505, 512, 533
 Туманский М. И. 309, 507
 Тургенев А. И. 76, 94, 193,
 217, 463
 Тургенев А. М. 395, 396, 399,
 403, 536, 537
 Тургенев Альберт (Ал-др) Н.
 386, 534
 Тургенев И. П. 305, 517
 Тургенев Н. И. 3, 4, 6, 11,
 17—21, 26, 29, 30, 32, 33, 36,
 38—43, 49, 54, 58, 59, 65, 94,
 95, 191, 217, 290, 302, 353,
 368, 378—381, 385, 387, 395,
 396, 399, 403, 460, 463, 469,
 513
 Тургенев П. Н. 386, 534
 Тургенев С. И. 18
 Тургеневы, семья 304
 Тучков А. А. 481
 Тучкова (урожд. Нарышкина)
 М. М. 138, 481
 Тьерри О. 189, 493
 Тюрпен де Криссе 411, 539

Угрюмовский, чиновник 300, 516
Удендорп, переводчик 446, 545
Умов А. П. 398, 537
Умов И. П. 199, 290, 367, 372, 374, 381, 393, 398, 400, 493, 496, 513, 530, 533
Умов М. И. 222, 500
Умов П. И. 513
Умова А. А. 64, 109, 113, 116, 134, 143, 151, 152, 156—159, 163—165, 171, 173, 177, 179—181, 196, 197, 199, 208, 210, 221, 222, 231, 233, 236, 237, 242, 249, 263, 292, 315, 376, 378, 379, 390, 393, 398, 472, 480, 493, 498, 503, 533
Умова М. И. 381, 533
Умова Н. И. 249, 381, 533
Умова С. И. 221, 381, 490, 498, 533
Умовы, семья 351, 362, 363, 370

Фабии, род патрициев 443, 545
Фабий Кай (Гай) 429, 542
Фабий Максим Кунктатор Квинт 545
Фабий Максим Руллиан 545
Фабий Пиктор Квинт 545
Фабриции, род 438, 544
Фарнак II, боспорский царь 433, 543
Федон, древнегреч. философ 466
Филипп II Македонский 497
Фенелон Ф. 305, 306, 394, 515
Фиония, см. Балакшина Ф. Н.
Фихте И. Г. 226, 500
Флеровский, чиновник 279
Флешье, епископ 243, 244, 261, 262, 264, 315, 504
Флор Луций Анней 205, 497
Фонвизин Д. М. 286
Фонвизин М. А. 4, 6, 7, 10—12, 41, 65, 121, 162, 259, 273, 278, 279, 286, 291, 293, 296, 299, 311, 321, 476, 486, 507—509, 511, 515, 516, 518, 521, 525
Фонвизин М. М. 299
Фонвизина (урожд. Апухтина)

Н. Д. 150, 286, 340, 359, 375, 483, 528
Фосс И. Г. 246, 264, 265, 303, 504
Фохт И. Ф. 53, 117, 121, 156, 343, 474, 476
Фредегонда, королева Нейстрии 89, 467
Фрейнгсгейм (Фрейнзгейм) И. 205, 497, 540, 542
Фридрих III, прусский король 73, 449, 461

Хельмицкий Е. 122, 141, 477
Хельмицкий Р. 122, 477
Хильперик I Меровинг 467
Холодовский Г. Г. 381
Холостой Е., дворовый Нарышкиных 123, 477
Храповицкий М. Е. 74, 462
Хрулев С. А. 389, 535
Худяков А. Г. 54, 122, 140, 477, 481

Цебриков Н. Р. 4, 58, 62, 63
Цезепий Флав 440, 544
Цецилий Метелл Л. 428, 542
Цецилий Метелл Пий Сципион Квинт 423, 432, 433, 434, 542
Цицерон Марк Тулий 84, 204, 219, 415, 416, 419, 426, 441, 448, 466
Цявловский М. А. 11

Чаадаев П. Я. 28, 340, 519, 525
Черкасов А. И. 117, 409, 471, 475
Черкасов, гренадер 31, 49
Черненко, архитектор 287
Чернов К. П. 470
Чернов С. Н. 36
Чернышев А. И. 508
Чернышев З. Г. 99, 471, 530
Чижев Н. А. 196, 495
Чоглоков Н. Н. 450, 546
Чоглокова (урожд. Гендрикова) М. С. 450, 546
Чупятова У. 333, 524

Шамиль, имам 486

Шарлотта Андреевна, гувернантка Туманских 391, 400, 535
 Шатобриан Ф. О. 132, 167, 194, 244, 245, 479, 494
 Шекспир В. 535
 Шеллер И. И. Г. 165, 170, 488
 Шеллинг Ф. В. И. 162, 226, 234, 295, 487
 Шешин А. Б. 486
 Шешковский С. И. 450, 547
 Шилинг, масон 30
 Шиллер И. К. Ф. 25, 26, 77, 463
 Шипов И. П. 34
 Ширай А. С. 376, 377, 531
 Шлейермахер Ф. Д. Э. 387, 534
 Шлиппенбах К. А. 279
 Шмит, майор 99, 471
 Шрамм Ф. А. 279
 Шредер, масон 28
 Штейн Ф. К. 463
 Штейнгель В. И. 4, 6, 58, 65, 359, 377, 382, 401, 486, 520, 522, 528
 Штейны, семья 381
 Штерн, неуст. лицо 71, 461
 Шувалов И. И. 451, 547
 Шувалов П. И. 451, 547
 Шувалова (урожд. Шепелева) М. Е. 451, 547

Шебин-Ростовский Д. А. 53, 291, 294, 324, 333, 513, 514, 522

Эзоп, древнегреч. баснописец 484

Эйдельман Н. Я. 7, 59, 60, 62
 Эйнгарт Э. 231, 502
 Эйхорн (Эйхгорн) И. Г. 254, 314, 316, 326, 327, 515
 Эквилон, герцогиня 243, 262, 315
 Эллизен Г. Г. 71, 460

Эльснер (Эльслер) Ф. 148, 483

Эмилиус Лепид Марк 429, 542
 Энгельке К. Ф. 252, 255, 284, 300, 505, 506, 516
 Эпидий Марул 440, 544
 Эстеррейх Э. 192

Юба, царь Нумидии 433, 434, 435, 543

Юба, сын предыд., царь Мавритании 435, 543

Ювенал Децим Юний 183, 199, 247, 492

Юлиан Отступник Флавий Клавдий 229, 501

Юлий Цезарь Гай 7, 25, 35, 54, 65, 172—176, 178, 180, 184, 187, 191, 193—195, 198, 200, 203—206, 208, 210, 215—218, 223, 224, 229, 234, 265, 410—413, 416—433, 435—439, 441—445, 448, 490, 539

Юлий Цезарь Л. младший 542

Юлий Цезарь Л. старший 542

Юлий Цельс 413, 540

Юлия, дочь Цезаря 423, 542

Юлия, тетка Цезаря 444, 545

Юм Д. 237, 238, 502

Юстин, римский историк 205, 497

Юшневский А. П. 47, 174, 490

Юшневская (урожд. Круликовская) М. К. 490

Якоби Ф. Г. 245, 299, 504

Яковлев Г. А. 330, 334, 337, 339, 357, 360, 361, 364, 369, 377, 524, 525

Яковлева Э. Х. 357, 358, 360, 361, 528

Якубович А. И. 44, 45, 98, 471

Якушкин В. И. 318, 520

Якушкин Е. И. 312, 518

Якушкин И. Д. 4, 7, 21, 22, 65, 274, 312, 313, 318, 321, 324, 482, 510, 526

Указатель составил С. Г. Лившиц

СОДЕРЖАНИЕ

О. С. Тальская, Александр Федорович Бриген	3
Письма	67
Исторические сочинения	407
Анекдот (Известия о военных доблестях россиян)	409
Записки Кайя Юлия Кесаря	410
Происхождение Павла I	449
Комментарий	458
Перечень утерянных и необнаруженных писем А. Ф. Бригена	549
Список сокращений	551
Указатель писем по адресатам	552
Список иллюстраций	553
Указатель имен	554

9(С)15
Б87

Б 87 Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения/
Издание подготовлено О. С. Тальской. — Иркутск: Во-
сточно-Сибирское книжное издательство, 1986. — 576 с., ил. —
(Серия «Полярная звезда»).
3 р. 60 к.

А. Ф. Бриген — член Союза благоденствия и Северного об-
щества, один из активных участников совещаний по подготов-
ке вооруженного выступления декабристов. В том включены
сочинения и письма, раскрывающие незаурядные способности
автора как мыслителя и переводчика, борца с несправедливо-
стью и угнетением, защитника прав человека.

Б $\frac{0505010000-69}{М 141(03)-86}$ 65-86

9(С)15

А. Ф. БРИГЕН. Письма. Исторические сочинения

Художник серии А. М. Муравьев

Художник А. Е. Щпирко

На обложке портрет А. Ф. Бригена работы П. О. Росси, I половина 1820-х годов.

На фронтисписе портрет А. Ф. Бригена работы Н. А. Бестужева, 1828 г.

Редактор А. В. Глюк.

Художественный редактор Е. Г. Касьянов

Технический редактор А. В. Пономарева

Корректор В. М. Ермакова

ИБ № 1136

Сдано в набор 27.02.86. Подписано в печать 02.09.86. НЕ 00140. Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 1. Гарнитура академическая. Высокая печать. Усл. печ. л. 30,34. Уч.-изд. л. (с фронт.) 32,80. Усл. кр.-отт. 30,97. Тираж 50 000 экз. Заказ 1566. Изд. № 6038. Цена 3 р. 60 к.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000 Иркутск, Марата, 31
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда». 664009, Иркутск, Советская, 109

В 1987 ГОДУ В СЕРИИ
«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» ВЫЙДУТ:

С. П. Трубецкой. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма, дневник.—Издание подготовлено В. П. Павловой.

Материалы тома относятся к сибирскому и послесибирскому периодам жизни декабриста. Многие письма публикуются впервые.

М. С. Лунин. Сочинения, письма, документы.—Издание подготовили И. А. Желвакова и Н. Я. Эйдельман.

В том включены сочинения и письма декабриста, связанные в основном с его революционной борьбой, «наступательными действиями» 1830—1840-х гг. Ряд сочинений и документов прежде не публиковался, другие работы печатались с неточностями, были рассеяны по разным труднодоступным изданиям. В томе все литературно-публицистическое наследие М. С. Лунина соединено впервые.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Б. С. Мейлах. Декабристы и Пушкин: Страницы героико-трагической истории.

В книге известного советского ученого, доктора филологических наук, лауреата Государственной премии, на большом и разнообразном материале показаны органические связи А. С. Пушкина с декабристским движением, его роль в этом движении, а также значение Пушкина после разгрома восстания 14 декабря.

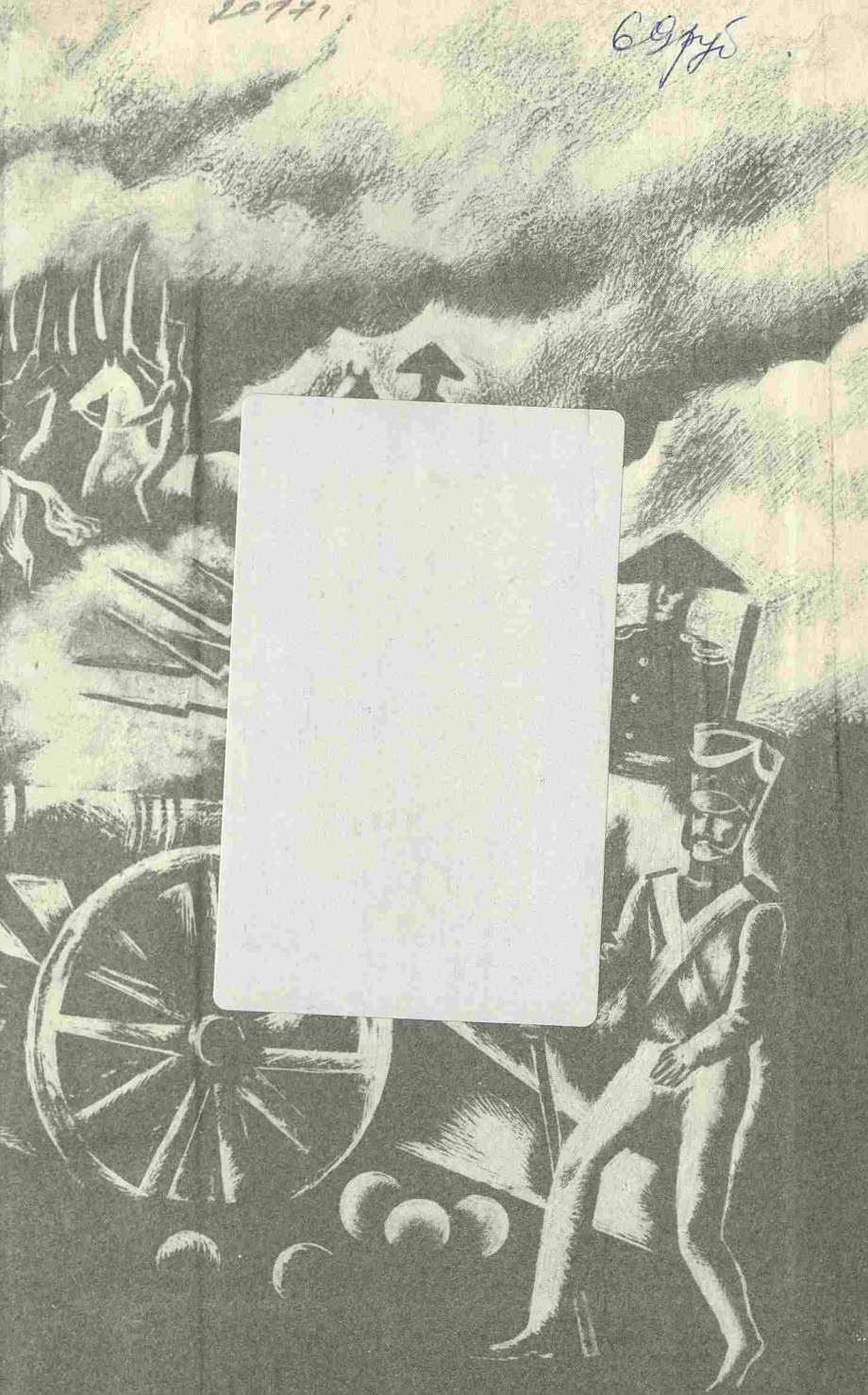
Тема книги охватывает период от учения Пушкина вместе с некоторыми декабристами в Лицее до гибели поэта и вплоть до того времени, когда в годы сибирской каторги и ссылки декабристами были написаны воспоминания о нем.

Книга выходит к 150-летию со дня гибели А. С. Пушкина.

10741

6945

3р. 60 к